

ПАУЛЬ
КАРЕЛЬ

ВЕСТЕРФРОНТ
ВТОРОЙ ФРОНТ

КНИГА IV



АФРИКА
1941-1943

—
НОРМАНДИЯ
1944



ВОЙНА ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ



ВТОРОЙ ФРОНТ

КНИГА IV

АФРИКА

1941–1943

•

НОРМАНДИЯ

1944



МОСКВА
2008

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62
К 22

PAUL KARELL

The foxes of the Dezert

Печатается по изданию
Bantam Books/New York, 1962

Sie kommen

Печатается по изданию:
Gerhard Stalling Verlag, Oldenburg (OLDB) und Hamburg, 1961

Перевод с английского Александра Колина
Перевод с немецкого Виктора Годфрида

Карель П.

К 22 Второй фронт. Книга IV. Африка 1941—1943. Нормандия 1944 /
Пауль Карель; [пер. А. Колина, В. Годфрида]. — М.: Эксмо, 2008. —
656 с.: ил. — (Вторая мировая война глазами немцев).

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-25471-2

© Перевод. А. Колин, 2003
© Перевод. В. Годфрид, 2003
© Издание на русском языке,
ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В течение последних лет в нашей стране выпущено огромное количество литературы об истории Второй мировой войны. Книжный вал буквально захлестывает прилавки магазинов. Переизданы практически все мало-мальски заметные книги, переведенные на русский язык и впервые увидевшие свет во второй половине 50-х — начале 60-х гг. Кроме того, появилась масса новых книг: мемуары и фундаментальные исследования, освещающие весь ход войны и отдельных операций, ну а сколько опубликовано материалов, посвященных истории боевой техники и отдельным военно-техническим аспектам войны, — вообще невозможно описать. Создается впечатление, что весь этот поток отчасти порожден долгими десятилетиями жестокого информационного голода и отторжения той «идеологической жвачки», которой потчевали нас в годы застоя.

Итак, книг выпустили много, очень много... слишком много. Вероятно, для того чтобы прочитать весь этот массив литературы о войне, не хватило бы человеческой жизни!

Читатель, вполне вероятно, усмехнется и скажет: «Так-так, и мне предлагают очередную книгу об истории Второй мировой войны! Где же логика?» Рискну высказать банальную мысль: это совсем другая история.

Недавно мы уже опубликовали две книги Пауля Кареля о войне на Восточном фронте: «Гитлер идет на Восток» и «Выжженная земля». Автор показал нам войну глазами немцев, причем преимущественно простых солдат и младших офицеров, что придает повествованию совершенно особый колорит. Мы продолжаем знакомить вас с произведениями этого автора, но теперь перенесемся в пески Северной Африки и поросшие густым кустарником холмы и равнины Нормандии.

Каждый, кто хоть в малой степени знаком с историей Второй мировой войны, слышал о знаменитом немецком фельдмаршале Эрвине Ромеле, названном «Лисом пустыни». Это прозвище он получил за свои совершенно неожиданные для противника тактические приемы, которые не раз ставили союзное командование в тупик. После позорного провала

итальянской армии в декабре 1940 г., сопровождавшегося массовой сдачей в плен и полной деморализацией войск, Гитлер и Муссолини отправили в Африку немецкий контингент, получивший название «Африканский корпус». Составляя лишь часть итало-немецких сил в Африке, этот корпус стал их ядром и основой ошеломляющих побед над превосходящими силами британцев. Черчилль менял одного командующего за другим, но ситуация не становилась лучше. Наступление у Киренаики, поражение англичан у Соллума и Газалы, падение Тобрука, огромные потери пленными, комплекс неполноценности, который выработался у британского командования, и появившиеся признаки падения морального духа в войсках, окончательно разуверившихся в своих командирах, — таковы были результаты, которых достиг за весьма короткое время Эрвин Роммель. Более всего огорчал Черчилля тот факт, что Роммель побеждал, не имея не только численного превосходства, но и отчаянно нуждаясь в горючем, боеприпасах, пополнении, ремонте машин и даже испытывая сильный недостаток питьевой воды!

Воспрянув духом, итальянские солдаты стали сражаться с большим мужеством. Потеря Египта стала для англичан вполне реальной. Исход войны на всем Средиземноморском театре военных действий мог склониться на сторону стран «оси».

Вступление в войну США в конце 1941 г. внесло свои коррективы и в ход войны в Африке. Британцы получили огромное количество военной техники, а переход на сторону союзников французских сил в Африке дал возможность вести наступление на войска Роммеля по нескольким направлениям. В Африканской кампании приняли участие войска США, которые приобрели неоценимый опыт для предстоящих кровавых битв в Европе. Черчиллю удалось, наконец, найти и достойного командующего британской 8-й армией, который был абсолютно не восприимчив к мифам о непобедимости Роммеля, давно воцарившимся в британских штабах. Этим человеком стал Бернард Монтгомери. Именно он одержал поздней осенью 1942 г. решающую победу над войсками «оси» при Эль-Аламейне.

Перелом в пользу союзников был достигнут, но спешно прибывший в Африку из Германии, где он проходил лечение и получил из рук Гитлера награды и чин фельдмаршала, Роммель вопреки всему вновь спутал все карты противнику и развеял иллюзии союзного командования о скором окончании войны в Африке.

В конечном счете огромное превосходство объединенных сил британцев, американцев и французов не могло не сказаться, и в мае 1943 г. разгромленные остатки итало-немецких войск были загнаны в Тунис, где и капитулировали. В плен попало более 150 тысяч солдат и офицеров, половину из которых составляли немцы. Разгром был полным, и, как писал один американский журналист, «итальянцы и немцы сметены из Африки, и даже остатки их влияния на этом континенте рассеялись, как мираж».

Война в Северной Африке занимает особое место в литературе о Второй мировой войне. Этой теме прежде всего уделяли внимание западные авторы, которых не жаловали официальные советские историки и осыпали ритуальными обвинениями в фальсификации. Тем не менее среди многих западных исследователей бытует мнение, что война на Африканском континенте отличается от других театров Второй мировой тем, что велась в соответствии с традициями и правилами войн прошлого. Говорят даже о некоем «рыцарском» духе, в котором велась эта кампания. Удивительно, не так ли? Мы же знаем, что «фашистская гадина» была настолько чужда гуманности и человеколюбию, что вообще не приходится говорить о гитлеровцах иначе как о зверях в человеческом облике. Безусловно, такая характеристика методов ведения войны войсками фашистской Германии и ее союзников в целом справедлива и не требует пояснений, но для Африки все иначе. Действительно, на фоне бесчеловечных актов жестокости, которыми навсегда запятнала себя германская военщина, война Роммеля против союзников стоит особняком. Фельдмаршал старался четко следовать своим представлениям о войне, как о некоем «благородном» ремесле, где нет места преступникам, а к поверженному врагу следует относиться с гуманностью и не унижать его человеческое достоинство. Роммель в этом смысле отличался не только от немецких, но и от многих генералов антигитлеровской коалиции. Он не раз пытался спорить с высшим нацистским руководством и самим Гитлером, требуя от того предать суду военных преступников. Само собой, критика нацистской идеологии и презрение к СС Роммеля носили отчасти показательный характер и не могли никоим образом повлиять на Гитлера, однако его демарши подняли популярность фельдмаршала не только среди честных немецких солдат и офицеров, но и в стане врагов, прежде всего в глазах британцев. Черчилль в палате общин в январе 1942 г. так сказал о Роммеле: «Мы имеем дело со смелым и искусным противником и... великим генералом». Кроме того, отличительной особенностью войны в Северной Африке была почти полная индифферентность к происходящим на их территории боевым действиям местного арабского населения. Этот факт сильно отличает данный театр войны от Западной Европы и СССР, где местное население самым активным образом принимало участие в войне.

Мы решили в это издание поместить еще одну книгу Пауля Кареля, она называется «Они идут!». Немецкий отчет о вторжении и 80-дневной битве за Францию». Они — это войска союзников, а битва за Францию началась 6 июня 1944 г. «Оверлорд» — самая масштабная в мировой истории десантная операция, закончившаяся полным разгромом немцев во Франции и наступлением союзников к границам Германии. Вторжение во Францию было полноценным Вторым фронтом, открытия которого настойчиво требовал Сталин уже несколько лет. Произошел решающий перелом в ходе войны в Западной Европе, война стремительно приближалась к своему логическому концу. Немцы, прекрасно понимая, какими последствия-

ми грозит им поражение во Франции, предпринимали отчаянные усилия, чтобы остановить союзников. Некоторое время им удавалось сдерживать продвижение врага, но в конце концов американцам удался прорыв у Сен-Ло, а неутомимый генерал Паттон устремился со своими танками в обход немецких войск. Отступление немцев из ловушки Авранша быстро превратилось в бегство, и они потеряли в Фалезском котле более 75 000 человек и вынуждены были бросить почти всю боевую технику.

Все эти факты давно и хорошо известны, и не стоило бы выпускать очередную книгу о войне в Северной Африке и об операции в Нормандии. Но не случайно книги Пауля Кареля, написанные в начале 60-х гг., сразу же стали мировыми бестселлерами и остаются ими и поныне. К настоящему времени они выдержали несколько сотен (!) переизданий на самых разных языках. Мы впервые публикуем работы знаменитого автора на русском языке, чтобы и отечественный читатель смог наконец ознакомиться с книгами, десятилетиями лежавшими в крупнейших библиотеках СССР в фондах «спецхрана». Советская историография Второй мировой войны неизменно именовала Пауля Кареля «одним из ярких представителей западногерманского реваншизма». Справедливо ли это? Судить вам.

Пауль Карель, как и в своих книгах о войне на Восточном фронте, позволяет взглянуть на войну в Африке и Франции с непривычной для нас точки зрения — со стороны немцев, со стороны побежденных. Он использует невероятно увлекательную форму изложения известных событий, в которой сочетается скрупулезный анализ оперативной обстановки с привлечением множества документальных источников и яркие рассказы непосредственных участников событий. Те из читателей, кто знаком с сочинениями немецких генералов Манштейна, Гудериана, Гота и многих других, наверняка заметили, что одним из основных мотивов, которыми пропитаны их произведения, служит нехитрый набор сентенций: «Я ни в чем не виноват, я солдат и исполнял свой долг, Гитлер меня не послушал и поэтому...» Знакомо, не правда ли? Причем знакомо не только по книгам немецких генералов Второй мировой войны. Малоизвестные герои Кареля — это по большей части простые солдаты и офицеры, которые не собирались писать мемуары и не испытывали потребности в самооправдании. Они не несли ответственности за развязывание войны, не принимали решений о геноциде целых народов, а просто хорошо выполняли свой воинский долг и безыскусно рассказали об этом. Это пытается внушить нам Пауль Карель, который, будучи немцем, и не может рассуждать иначе, а хочет отделить нацистов от незаметных «тружеников войны». Мы не будем столь наивны, а вспомним, что немалую долю ответственности за приход к власти Гитлера и преступления нацизма несут и простые немцы. Великий немецкий драматург Бертольд Брехт писал сразу после окончания войны: «Это наши города, где мы свой «Хайль!» кричали в честь покорителей мира, и наши города — это лишь часть городов, разрушенных нами!»

ЛИС ПУСТЫНИ

АФРИКА 1941–1943



«Лис пустыни» — Эрвин Роммель (слева) и его начальник штаба
Фриц Байерляйн

ОТ АВТОРА

Мы имеем дело со смелым и искусным противником и, несмотря на приносимое войной опустошение, великим генералом.

СЭР УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
Палата общин. январь 1942 г.

Эта книга никогда бы не была написана, если бы мне на помощь не пришли более тысячи солдат, унтер-офицеров, младших, старших и высших офицеров. Они предоставили в мое распоряжение рапорты разведки, донесения с мест боев, зарисовки, фотографии и планы, а также поделились со мной своим опытом. Всем им я чрезвычайно признателен.

Моя особая благодарность — последнему командующему группой армий «Африка» генерал-полковнику фон Арниму, бывшему командиру Африканского корпуса в Ливии и Египте, а также 90-го корпуса в Тунисе генералу Нерингу и доблестному начштаба Африканского корпуса генерал-лейтенанту Байерляйну.

Автором, его помощниками и советчиками двигала одна-единственная мысль: дать читателю правдивый рассказ о кампании в Северной Африке. Я посвящаю эту книгу павшим с обеих сторон и уверен, что она послужит предостережением живущим.

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ

Джерри идут!¹

Тихая, непроглядно черная ночь окутывала Северную Африку. Было за полночь 31 марта 1941 г.

Вовпадине между двумя песчаными дюнами рядом с Эль-Агейлой, на западной границе Киренаики, разместился дозор британских разведчиков. Сверху, с дюн, два офицера разглядывали форт в бинокли ночного видения. Они долго изучали позиции неприятеля в полной тишине. Лейтенант Фред Миллер, которого друзья обычно называли «Дасти», внимательно прислушивался к тому, что происходит у итальянцев. Дасти тронул своего товарища, лейтенанта Джеймса Кларка, и произнес шепотом:

— Война не дышит, вот что я тебе скажу, Нобби.

И верно, над пустыней висела мертвая тишина. Казалось, что война и в самом деле затаила дыхание — по крайней мере, на какое-то время. Из мест расположения неприятеля не слышно было ни голоса часового, ни бряцания оружия, ни гудения мотора грузовика — абсолютно ничего.

Кларк и Миллер, их водитель и радист представляли собой экипаж спрятанной за дюнами, покрытой желто-зеленым камуфляжем британской бронемашинной разведки. На правом крыле красовалась эмблема британской 7-й танковой дивизии — рыжая кенгуровая крыса в белом круге. Остряки из 11-го гусарского любили говорить дамам на вечеринках континентального Каира: «Миллионы итальянцев Грациани сделали то же, что делают дамы, когда увидят мышь». Итальянцы действительно задали деру от египетской грани-

¹ Джеру — так англичане называли немцев из-за созвучия с German (джерман) — немец; это примерно то же самое, что в русском языке «фрицы». В немецком тексте просто Die Deutschen, т.е. немцы. — *Прим. пер.*

цы к Триполитании, от Соллума к Эль-Агейле — к тому самому месту, где стояла теперь машина разведки и откуда офицеры ее экипажа следили за тем, не осмелятся ли итальянцы на попытку вернуться¹.

Части пересевшего с обычных на железных коней 11-го гусарского, в котором служили Кларк и Миллер, входили в состав 7-й танковой дивизии. «Славная 7-я» покинула передовую. Ее отправили на отдых в Каир. Поскольку спешная переброска британских войск из Северной Африки в Грецию значительно ослабила разведывательные части, «Нобби» и «Дасти», два хорошо подготовленных офицера разведки поступили в распоряжение 2-й танковой дивизии, которая занимала позиции перед районом дислокации битых итальянских войск. По красному лицу Миллера было нетрудно понять, что он давно не бывал в песках пустыни под палящим солнцем. 19-летний лейтенант, находившийся в резервном батальоне 11-го гусарского, всего несколько дней назад прилетел в Каир, где, к своей большой радости, встретил друга, Джеймса Кларка.

Фелтон, их водитель, на маленьком костерке, разведенном в ямке в песке, приготовил ужин. Он распечатал синий пакет со спагетти и бросил длинные макароны в кипящую воду, затем открыл штыком банку консервированных фруктов. Четверо разведчиков принялись за довольно необычную для британцев трапезу. Макароны, сыр «Пармезан» и консервированные фрукты — их добыча, которой они под завязку загрузили свою бронемашину 7 февраля, когда пал Бенгази.

Кларк, Фелтон и радист капрал Фаркар ели молча, а Миллеру хотелось поговорить. Он признался, что жалеет о том, что не участвовал в преследовании итальянцев Грациани в период между декабрем 1940 г. и февралем 1941 г. Во время этого рейда в Северо-Африканской пустыне британские войска разгромили десять итальянских дивизий, взяли 130 000 военнопленных, подбили, уничтожили или захватили 400 танков и 1200 артиллерийских орудий². Вот это была война! Вот это была победа! А он остался в стороне!

Когда, поужинав и завернувшись в бушлаты, они заползли под машину, Кларк принялся рассказывать известную на всю армию

¹ Родольфо Грациани — итальянский маршал, стопятидесятитысячная армия которого потерпела поражение от значительно меньшего по численности войскового контингента англичан осенью—зимой 1940/41 г.: заметное участие в этом приняла 7-я танковая дивизия. — *Прим. пер.*

² Думается, что цифра 400 потерянных танков для итальянцев в то время почти фантастическая. — *Прим. пер.*

историю об Электрической Бороде, которого он взял в плен, получив за это медаль.

Электрическая Борода — герой анекдотов, популярных в Каире и даже Лондоне. Это прозвище носил негибаемый командир Итальянского корпуса генерал Бергонцоли, участвовавший в Гражданской войне в Испании; оно приклеилось к нему здесь, в Африке. Его же собственные солдаты прозвали командира «Барба Элеттрика», потому что уверяли, что от его рыжей бороды отлетают искры. Никто не знал, почему, собственно, этот генерал так прославился, причем по обе стороны фронта, но так уж оно было. В ходе победоносной Британской кампании в Киренаике захват Барба Элеттрика стал чем-то вроде спорта. После каждой победы, овладения очередным городом в штабах и в британских газетах неизменно возникал вопрос: «Поймали ли уже Электрическую Бороду?» Но маленького итальянского генерала словно бы хранила сама судьба. Его армейский корпус неизменно проигрывал все сражения, но самому Бергонцоли неизменно удавалось ускользнуть от рук англичан — так было в Соллуме, в Бардии, в Тобруке и в Дерне.

— Но в Бенгази-то я его все-таки достал, — сообщил Кларк. — Когда я наставил на него автомат через окошко его «Фиата», он сказал: «Сегодня ты успел чуть-чуть раньше». Он выглядел утомленным. Я доставил его на допрос к генералу О'Коннору. Никогда не забуду этого. Мы спросили его, как ему удавалось столько раз ускользать от нас. Барба Элеттрика ответил: «Когда в декабре вы окружили Бардию, я с несколькими своими офицерами пробрался через ваши позиции ночью. Днем мы отсиживались в пещерах, и на дорогу к Тобруку у нас ушло пять дней. Когда пал и Тобрук, я сумел добраться в Дерну. Но когда этот опорный пункт осадили австралийцы, я по ведущей вдоль берега дороге уехал в Бенгази. И вот теперь вы меня достали. Вы просто оказались быстрее, вот и все».

Кроме него в Бенгази британцы взяли в плен еще с полдюжины генералов: генерала берсальеров Биньяни, артиллерийского генерала Вильяниса, генерала инженерно-саперных войск Негрони, генерала-танкиста Бардини, генерала Кона и его начштаба, генерала Джулиано. Они их просто дожидались. «Я не видел такого количества итальянцев с торжественного приема в тысяча девятьсот одиннадцатом году», — заметил генерал О'Коннор.

Британцы не сомневались — скоро они будут в Триполи. Вот уж они повеселятся. Айти¹ любят ходить на войну с комфортом,

¹ Итальянцы. — Прим. пер.

базы у них — всегда то что надо. В Бенгази, как уверяли британцы, они захватили полный фургон девиц высшего сорта — «только для офицеров!».

Что за прелесть эта война! Экипаж бронемшины плотнее закутался в свои бушлаты — ночь в пустыне холодна. Кларк повернулся на бок.

— Гляди в оба, Дасти, чтобы айти нас не зацапали. — И, уже проваливаясь в сон, добавил: — И смотри, чтобы война вновь не начала оживать.

Лейтенант Кларк и не подозревал, что пройдет всего час-другой — и война оживет, да еще как!

Пока разведка под Эль-Агейлой спала мирным сном под своей машиной, в сыром холодном помещении в «Отель д'Италия» в Бенгази генерал-лейтенант Ним, кавалер креста Виктории¹, командующий британскими войсками в Киренаике, вместе с генералом Гэмбиером-Пэрри, командиром 2-й танковой дивизии, недавно переброшенной из Англии в Северную Африку, склонился над картами. На столе у командующего лежала радиограмма, несколько часов тому назад отправленная Кларком: «В районе Эль-Агейлы все спокойно. Никаких изменений обстановки не наблюдается».

Возможно, генералы чувствовали, что полмесяца тому назад им не стоило задерживаться у залива Сирт и лучше было бы пройти еще 800 километров до Триполи. Вместе с тем 800 километров — немалый путь, в то время как танки требовали ремонта, а отправка войск в Грецию и на Крит стоила британским войскам в Северной Африке трех дивизий. К тому же оставались еще немцы. Им ничего не стоило перебросить в Африку из Южной Италии свои резервные воздушно-десантные дивизии. То, на что способен 10-й авиакорпус Люфтваффе, в Бенгази становилось яснее с каждым днем. У британцев возникали большие трудности с разгрузкой судов в гавани. Много приходилось доставлять на грузовиках из Тобрука. Гитлер не мог и не желал допустить, чтобы его друг Муссолини освободил Северную Африку от своего присутствия, оставив открытым мягкое подбрюшье Европы. То, что он был готов на жертвы, подтверждало прибытие в Тунис 5-й легкой дивизии. Солдаты ее величали себя Немецким африканским корпусом. Они «поднимали много пыли» в Триполи и все никак не могли унять веселья по поводу того, что их 3-й разведывательный батальон 24 марта отбил у противника аван-

¹ Высшая военная награда Соединенного Королевства, присуждаемая за героизм; всего менее 1400 награжденных. — *Прим. пер.*

пост Эль-Агейла. Командира их звали Роммель — Эрвин Роммель. Он слыл энергичным и даже агрессивным военным.

Генерал Гэмбиер-Пэрри отдал распоряжение майору разведки, и через минуту тот принес красную папку и зачитал:

«Роммель Эрвин. Родился 15 ноября 1891 г. в Гейденгейме, Вюртемберг. С 1910 г. кадет вюртембергского пехотного полка. После обучения в военном училище в Данциге, в январе 1912 г., ему присвоено звание лейтенанта. Во время Первой мировой войны участвовал в Аргонском сражении. Служил в Румынии и в Италии. Дважды ранен. Награды: Железный крест 1-го класса и орден «За заслуги». В период между двумя войнами полковой командир и комендант Кригсшуле. В начале новой войны командовал штабквартирой фюрера в Польше. Позднее получил 7-ю танковую дивизию из состава 15-го корпуса».

В этом месте генерал Ним вспомнил, что 7-я танковая была как раз той самой «призрачной дивизией», которая осуществила прорыв через Маас.

«21 мая 1940 г., — продолжал майор, — Роммель чуть не попал в плен во время контратаки под Аррасом. Он провел свою дивизию через Ла-Бассе в Лилль, получив за это Рыцарский крест, к которому, как считается, теперь добавились Дубовые листья. Находится со своим штабом в Триполи предположительно с 12 февраля».

Все вышеперечисленное мало о чем говорило генералам.

Ним подошел к окну. Одно представлялось несомненным. Роммель со своими войсками есть не что иное, как помощь итальянцам. Роммель прибыл сюда, чтобы поддержать их. Британская разведка в Берлине располагала сведениями из компетентных источников. У нее не было оснований полагать, что немцы собираются развернуть и возглавить наступление в Африке. Дивизии для этого недостаточно, особенно если учесть отсутствие у солдат и офицеров навыка ведения боевых действий в пустыне. Сведения из итальянской зоны не всегда заслуживали доверия, но британцы знали точно, что пока там находилась только 5-я легкая. Еще они знали, что цель присутствия этой части в том, чтобы подбодрить итальянцев. Три дня назад в Каире генерал О'Коннор и генерал Уэйвелл, получившие секретное донесение из Лондона, пришли к убеждению в том, что ограниченного по размаху германо-итальянского наступления следует ожидать не ранее конца мая. Более того, для этого Гитлеру понадобится перебросить в Африку по меньшей мере еще две дивизии. Все это вполне подтверждалось поступавшими разведдонесениями.

Выкладки, произведенные двумя генералами в ночь на 31 марта 1941 г., вовсе нельзя было назвать беспочвенными. Генерал Уэйвелл, командующий британскими войсками на Ближнем Востоке, получил сведения от агентов из Берлина о том, что Гитлер отдал Роммелю распоряжение не предпринимать никаких крупных наступательных операций. Хотя британцы не знали текстов приказов дословно, донесения из Берлина и Рима внушали доверие.

Однако подчас полученные из самых надежных источников самые точные разведанные из вражеского лагеря могут привести к фатальным ошибкам. Подобное британцы в Северной Африке испытали на себе дважды. Донесения агентов были верны. Они основывались на приказах фюрера № 18 и № 22, из которых становились ясны планы Гитлера. Британцы приняли необходимые контрмеры. Но один генерал в Африке не следовал замыслам фюрера, что привело к победе немцев — победе, которая легко могла бы закончиться поражением Великобритании.

Отношение Гитлера и Германского верховного командования к Африке, в разрезе большой стратегии Германии, становится понятным из секретных приказов фюрера и военных совещаний в его ставке.

12 ноября 1940 г. — еще до итальянского поражения в Африке — Гитлер заявлял в своем приказе № 18:

«Если вообще вводить немецкие войска в Африку, то не ранее, чем итальянцы выйдут к Мерса-Матрух. В этом случае в первую очередь можно говорить об участии немецких ВВС, при том условии, что в их распоряжение итальянцы смогут предоставить необходимые авиабазы. Приготовления трех родов войск Вермахта к этой или любой другой кампании на Африканском ТВД должны осуществляться в соответствии со следующей схемой. Армия: держать наготове для применения в Северной Африке танковую дивизию. ВМФ: переоборудовать стоящие в итальянских портах немецкие суда для перевозки максимального количества войск или в Ливию, или в Северо-Западную Африку. Люфтваффе: произвести приготовления к наступательным операциям против неприятеля в Александрии и в районе Суэцкого канала, чтобы закрыть последний для британского командования».

Из вышеизложенного видно, что расчеты Гитлера основывались на возможности прорыва к египетской границе. Он придерживался мнения, что только в этом случае итальянцам может понадобиться помощь немецкой бронетехники и поддержка с воздуха с целью выведения из строя Суэцкого канала. Какое заблуждение!

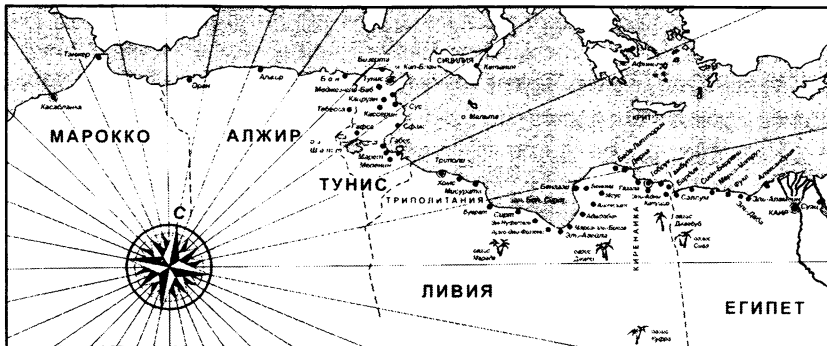
Месяц спустя обстановка выглядела диаметрально противоположным образом. Ни о каком итальянском наступлении не шло и речи. Напротив, начиная с 8 декабря 1940 г. британские войска в Северной Африке уверенно продвигались в западном направлении.

10 декабря Гитлер пересмотрел свою точку зрения на роль немецких ВВС и отдал Люфтваффе другой приказ: «Как можно быстрее приступить к действиям в Северной Африке с территории Южной Италии. Задача — атаковать британский флот в Александрии, на Суэцком канале и между Сицилией и побережьем Северной Африки».

Одновременно фюрер распорядился подготовить транспорт для перевозки предназначенной для Северной Африки танковой дивизии.

Все это, однако, мешало шедшим полным ходом приготовлениям к вторжению в Россию. Для Гитлера Северная Африка — второстепенный ТВД. Он не рассчитывал на крупную победу в этом регионе, как не видел и опасности, которая могла бы исходить оттуда.

Тремя неделями позже нависшая над итальянцами катастрофа стала неотвратимой. Теперь, 11 января 1941 г., в приказе фюрера № 22 говорилось: «Положение в Средиземноморье требует немецкого вмешательства со стратегической, политической и психологической точки зрения. Необходимо спасти Триполитанию». Несмотря на столь решительное заявление, следует иметь в виду, что в Северной Африке Гитлер не собирался идти дальше действий оборонительного характера. Он полагал, что Средиземноморский регион не способен оказать определяющего влияния на ход войны. Человек, предполагавший за шесть месяцев поставить на колени Россию, не верил в быструю победу в Северной Африке. Еще 8 января 1941 г. Гитлер настаивал: «Ни итальянцы, ни мы не можем развернуть наступления на Египет». Он считал, что если такого рода действия и станут возможными, то не ранее зимы 1941 г. Почему? Он надеялся, что к тому времени успеет разгромить Россию. Его уверенность в победе на Востоке в начале февраля была столь велика, что он заявлял даже, что с военной точки зрения можно допустить потерю Северной Африки, хотя это и окажет серьезное психологическое воздействие на Италию. «Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы помешать этому. Нужно задействовать Люфтваффе и послать в Африку силы сдерживания». «Силы сдерживания» по Гитлеру означали первый воинский контингент Немецкого африканского корпуса, численно равный дивизии. «Вопрос об отправке туда второй танковой дивизии не стоит», — заявлял Гитлер. Ему вновь предсто-



Театр военных действий в Северной Африке 1940–1943 гг.

яло пересмотреть свою точку зрения. Быстрота продвижения британцев, которые к 6 февраля 1941 г. достигли Бенгази, вынудила его нарастить немецкий воинский контингент, посланный на помощь итальянцам. Предполагалось усилить 5-ю легкую дивизию 15-й танковой дивизией. Эрвин Роммель получил должность командующего немецкими войсками в Африке. 6 февраля 1941 г. фельдмаршал фон Браухич подтвердил его назначение командиром Африканского корпуса. «Лис пустыни» вышел на большую историческую сцену Второй мировой войны. Но Гитлер тут же погрозил ему пальцем, запретив до осени 1941 г. проводить крупномасштабные операции в Северной Африке.

Восемнадцатого марта Роммель был в ставке фюрера. Здесь новоиспеченному командующему ясно дали понять, что на данный момент Германское верховное командование не планирует вести боевые действия против британцев в Северной Африке. С прибытием в конце мая 15-й танковой дивизии он мог развернуть ограниченные атаки в районе Аджедабии. Позднее, вероятно, он сможет взять Бенгази. Роммелю предписывалось представить свой план на рассмотрение главного командования к 20 апреля. Так выглядел график действий на данном ТВД по Гитлеру. Начальник генштаба Гальдер рассматривал Африканский корпус как некое средство политического влияния, призванное помочь итальянцам «удержаться в седле».

Генерал-лейтенант Роммель был хорошим солдатом. Он знал, что приказам необходимо подчиняться. Но он также понимал, что «большие шишки», сидящие в кабинетах в Берлине, не всегда обладают ясным видением обстановки на местах. Роммель не принадлежал к людям, которые готовы упустить шанс одержать победу. Он

очень скоро убедился в том, что его британский противник там, за дюнами Эль-Агейлы, серьезно ослаблен отправкой войсковых формирований в Грецию. Черчилль был так уверен в своей победе в пустыне, что вынудил генерала Уэйвелла занять позиции в Киренаике, несмотря на уменьшение численности войскового контингента. Кроме того, линии снабжения, которые шли из Каира в Бардию и Тобрук, а оттуда далее к Бенгази и в конце концов заканчивались в Эль-Агейле, были слишком длинными для транспорта, которым располагали ослабленные британские дивизии.

Роммель вскоре узнал об этом. Естественно, что также он узнал и о том, что британцы всеми силами стремятся укрепить свои позиции — особенно стратегически важные теснины Мерса-эль-Брега. Должен ли он был ждать? Ждать, пока противник создаст мощные укрепления, атака на которые в мае может окончиться провалом или завершиться успешно, но ценой огромных жертв, просто потому, что Гитлер и Германское верховное командование в Берлине совершенно ничего не понимают в войне в пустыне, и из-за того, что Муссолини и его генералы в Риме все еще трясутся от страха, не будучи в силах прийти в себя после опустошительной «шестидесятидневной кампании»? Нет. Мерса-эль-Брегу, а возможно, также и Аждабабию надлежало взять немедленно, и Роммелю в любом случае нечего было ждать конца мая.

Если все верно рассчитать, то поражения не будет. Война в пустыне отличается от войны на обычной, так сказать, классической территории. Пустыня подобна морю. Широта ее позволяет путем смелых и неожиданных рейдов против основных укрепленных пунктов обороны захватить их, вызвав этим крушение всего вражеского фронта. Итальянцы испытали это на себе. Два месяца их 1000 километров гнали по Северной Африке три британские дивизии, насчитывавшие 31 000 военнослужащих, 120 орудий и 275 танков. Этот небольшой контингент сумел разгромить десять итальянских дивизий — свыше 200 000 человек. Великобритания гордилась своими достижениями. Итальянская армия по большей части сражалась храбро, но испытывала катастрофический недостаток современного вооружения и не могла тягаться с оснащенными по последнему слову техники моторизованными британскими дивизиями. Вообще же говоря, британцы предусматривали атаку продолжительностью пять дней и преследовали чисто местные цели. Но, как мы уже отмечали, пустыня подобна морю. Стоит только овладеть укрепленным пунктом, как впереди у наступающего оказывается огромное открытое пространство, тому же, кто слает

позиции в пустыне, трудно вновь обрести почву для консолидации сил. Это и случилось с итальянцами. Странно, что британские генералы в Бенгази и Каире не подумали о том, что немецкий генерал может воспользоваться подобной возможностью. Но генерал Уэйвелл располагал донесениями агентуры о планах Гитлера и Муссолини. В соответствии с этими планами и по всем классическим законам войны Роммель со своей дивизией не мог предпринять наступательных действий в конце марта 1941 г. Приказ о наступлении должен был отдать итальянский генштаб, которому подчинялся Роммель, а в Риме сейчас ни о чем подобном не помышляли. И поскольку генерал Уэйвелл знал об этом и считал Роммеля обычным военным, который всегда помнит о субординации, он 30 марта 1941 г. отправился в спальню своей резиденции в Каире, чтобы заснуть мирным сном.

Генералы Ним и Гэмбиер-Пэрри тоже разошлись по своим номерам в «Отель д'Италия» в Бенгази.

Лейтенант Фред Миллер у Эль-Агейлы боролся с подкрадывавшейся дремотой. Он не слышал ничего, кроме храпа своих товарищей. А война тем временем вновь ожила — «задышала».

Послышался скрежет траков танковых гусениц... Потом тишина и приглушенные ругательства. Фред Миллер был начеку. Ему не пришлось будить остальных. Кларк под машиной тоже насторожился. Они лежали на животе и смотрели на со скрипом двигавшиеся мимо них большие тени. Разведчики слышали крики.

— Танки, — прошептал Миллер, — немецкие танки.

Чудовища ползли в 30 метрах, двигаясь в южном направлении.

— Один, два, три, четыре, пять... — Кларк перестал считать.

Шестой развернулся и двинулся прямо на них. Командир выглядывал из башни. Он заметил англичан.

— Ходу! — заорал Кларк.

Водитель и радист уже сидели в машине. Двигатель не спешил заводиться.

— Ну давай же, старик!

Наконец! Скрежетавшая тень была уже рядом, когда они сорвались с места. Пустыня словно бы ожила — повсюду двигались тени.

Они выехали на дорогу к Мерса-эль-Бреге — дорогу, ведущую к арабскому селению с белой мечетью на возвышенности. Начинался рассвет исторического утра.

— Немецкие танки к югу и на прибрежной дороге, — доложил Джеймс Кларк командиру разведывательной части 2-й танковой дивизии, дислоцированной перед Мерса-эль-Брегой.

Новость распространилась по части со сверхъестественной быстротой.

Они «оседлали» бронетранспортеры «Брена», но далеко уйти не смогли. Первая битва.

В 09.44 31 марта 1941 г. машины разведки Штансдорфского 3-го разведывательного батальона ударили по разведчикам 2-й танковой дивизии у Мерса-эль-Бреги. В 09.50 разорвался первый снаряд... Этот выстрел ознаменовал начало дикой гонки Роммеля к Тобруку.

После огневой дуэли разведывательных подразделений, закончившейся отступлением британцев, танки 5-го танкового полка из Берлина и Вюнсдорфа под началом подполковника Альбриха атаковали позиции англичан в районе Мерса-эль-Бреги. За восемь дней до этого, в ходе штурма форта Эль-Агейла, когда один из его танков наскочил на мину, полк понес первые потери — первые потери Африканского корпуса.

Сегодня они снова атаковали. Обер-ефрейтор Герхард Клаус из 8-й роты высмотрел из башни первую цель — верблюда, который как сумасшедший помчался навстречу немецкой бронетехнике. Может быть, это какая-то дьявольская хитрость томми?¹ Наверное, нет. Животное приняло в сторону и исчезло в клубах пыли. Танкисты продолжали наступать, но продвинуться через позиции оказывавших упорное сопротивление британцев не могли.

В 17.30 на британские рубежи один за другим последовали два налета немецких пикирующих бомбардировщиков «Штука»². На подавление британской артиллерии были брошены тяжелые зенитные орудия. Термометр показывал под 40 градусов. Пехота медленно прокладывала себе путь через волны песчаных дюн. Раздались взрывы первых мин.

— Саперы — вперед!

Втыкая в песок черные флаги, они проделывали проходы в минных полях. Развевавшиеся в лучах яркого солнца, эти флаги указывали путь мотопехоте и солдатам 8-го пулеметного батальона.

¹ Прозвище британцев. — *Прим. пер.*

² Ju-87, известный в мире как *Stuka* — аббревиатура от *Sturzkampfflugzeug* (Штурккампфлюгдойг — букв. «пикирующий бомбардировщик»); у нас «лаптежник». — *Прим. пер.*

Они атаковали. Вот рухнули первые бойцы, но Мерса-эль-Брега — ворота в пустыне к Киренаике — была взята.

Таким образом, удалось достичь первой цели, санкционированной итальянским главнокомандованием, но Роммель убедился в слабости британцев. Британский командующий не ждал немецкой атаки, и его дивизии не были соответствующим образом экипированы. Роммель приказал своим войскам продолжить наступление. Вновь заскрежетали танковые гусеницы. Шины грузовиков и бронемашин разведки зашуршали по серо-голубым ракушкам высохшего речного русла между Мерса-эль-Брегой и Бенгази. Им повезло, что в те дни не ударили весенние дожди, способные в считанные минуты превратить пыльную глину в непроходимое болото, в которой техника тонет, точно ложка в тарелке с овсянкой.

«Дикая гонка» Роммеля продолжалась весь день 2 апреля. Разведывательные самолеты принесли известие о том, что британцы продолжают отступать. Роммель приказал атаковать Аджедабию. Она пала. Со взятием Аджедабии его войска получали ценный источник свежей воды в этом секторе пустыни. Британцы откатывались. Они по-прежнему избегали крупного боевого столкновения. Уэйвелл отрядил в помощь генералу Ниму своих спецов по войне в пустыне — генерала О'Коннора и бригадного генерала Комба, командовавшего 11-м гусарским. Согласно их сведениям, Роммель не мог начать наступления. Что же происходило? Генерал Ним ссылался на донесения, поступавшие от подчиненных ему частей. Немцы смяли 3-ю танковую бригаду. Во фронте образовалась брешь.

Приказ Роммеля звучал: «Продолжать продвижение».

Вместе с внушающими оптимизм донесениями о продолжавшемся отходе британцев, ложившимися на стол, который Роммель приказал установить рядом со своим командирским танком, приходили сигналы SOS. Из передовых частей сообщали: «Кончилось горючее!» и «Мы остались без бензина!». Интенданты говорили генералу, что им потребуется по меньшей мере четыре дня для обеспечения топливом всей техники. Но Роммель показал им, что значит уметь организовывать. Он приказал разгрузить все имевшиеся в распоряжении дивизии легкие грузовики и создать из них колонны, которые отправились назад, на запад, за горючим и боеприпасами. Роммель отвел им на это двадцать четыре часа — опасные сутки, в течение которых дивизия оставалась неподвижной. Но генерал Ним не использовал представившегося шанса.

Немцы с задачей справились. Через двадцать четыре часа горячее и боеприпасы достигли фронта. 5-я легкая дивизия заправила технику, пополнила боезапас и продолжила гонку.

Тем временем в рядах британцев рос невероятный хаос. Поступающие один за другим противоречащие друг другу приказы доводили командиров на передовой до отчаяния. Полк за полком подвергался разгрому, но главнокомандующий в Каире не верил, что Роммель смог развернуть наступательные действия силами всего одной дивизии. Уэйвелл из своего штаба посылал приказы, которые не соотносились с распоряжениями генерала, командовавшего войсками в Киренаике. Сэр Ричард О'Коннор действовал через голову генерал-лейтенанта Нима и его штаба в Киренаике, обращаясь напрямую к командирам дивизий Гэмбиер-Пэрри и Морсхеду.

В результате поступавших с передовой противоречивых сведений Уэйвелл утратил представление об обстановке и в конце концов вылетел в Киренаику. Чувства его легко понять. Всего несколько дней назад в Каире он уверял министра иностранных дел Энтони Идена и британского начальника генштаба генерала сэра Джона Дилла, что немцы не смогут предпринять попытку наступления раньше середины мая.

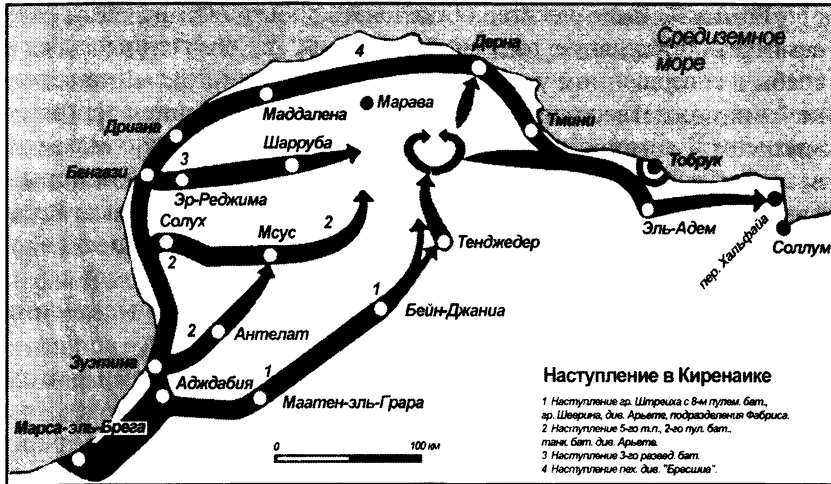
По прибытии в штаб-квартиру Нима Уэйвелл — в обычных условиях проявлявший себя крупным стратегом — допустил еще один грубый просчет. Он не верил в возможность немцев наступать через пустыню. Он пребывал в убеждении, что «неопытный» Роммель будет продвигаться по широкой, с твердым покрытием прибрежной дороге, Виа-Бальбиа.

— Надо постараться ударить во фланг Роммелю, когда он пойдет по Виа-Бальбиа к Бенгази. Бенгази оборонять не будем, а вот плато, — с этими словами Уэйвелл указал на Эр-Региму, — нужно удерживать.

Что означало слово «нужно»? Генералы колебались. Они недооценили Роммеля и его солдат. Британцы будут продолжать совершать ошибки — ошибки, цена которых окажется очень высокой.

Уэйвелл попросил показать ему список интендантских складов в пустыне. Эти постоянно пополняемые склады представляли собой крепости в современной войне моторов. Самым большим был Завиет-Мсус, где в подземных резервуарах британцы хранили запасы горючего. Затем шел Эль-Мехили, древняя стоянка на караванном пути, называвшийся еще «сердцем Киренаики». Вот главные центры снабжения британских войск — острова в пустыне.

Но расчеты Уэйвелла строились на неверном посыле.



Удар Роммеля через Киренаику в апреле 1941 г.

Во-первых, Роммель, вопреки ожиданиям, стал наступать через пустыню к Эль-Мехили. Во-вторых, немецкий генерал применил новую тактику. Основывалась она на осознании того, что главной проблемой ведения боевых действий в условиях пустыни является бензин, а точнее, своевременное обеспечение им техники. Люфтваффе получило указание сделать уничтожение британских колонн снабжения своей главной задачей. Устаревшая идея накопления горючего на складах в пустыне имела для британцев фатальные последствия.

Утром 4 апреля в Завиет-Мсус прилетела весть о приближении немецких танков. Гарнизон в селении поднял огромный склад на воздух. Однако приближались к Завиет-Мсусу не немцы. Облака черного дыма скрывали танки британской 2-й танковой дивизии, которые прибыли для дозаправки. Горючее, в котором они так остро нуждались, на их глазах превратилось в гигантский сине-черный гриб, выросший над Завиет-Мсусом и на какое-то время заставивший померкнуть даже солнце. Большинство танков пришлось бросить.

Тем временем Роммель на автомобиле разведчиков из 3-го разведывательного батальона, находившегося под командованием подполковника барона фон Вехмара, спешил к Бенгази. Они вышли к гавани ранним утром 4 апреля. У британцев не хватило времени на разрушение объектов порта.

Роммелю было некогда обследовать добычу. Он не успел даже осмотреть прекрасную рыночную площадь, где облаченные в белое арабы в совершенном удивлении приветствовали каждый танк возгласами удовлетворения. Он не почтил своим вниманием торговцев арахисом и лимонами, невзирая на войну продолжавших нахвалять свой товар. Он едва улыбнулся торговцу лимонадом, который, приблизившись к его машине и почтительно поклонившись, предложил генералу своего напитка в пузатом кувшине. У Роммеля в голове стучала одна мысль: наступление.

Боевым группам пришлось углубиться в обширные долины Киренаики.

Из Аджедабии группа генерал-майора Штрайха силами 8-го пулеметного батальона подполковника Поната и итальянские части группы подполковника графа Шверина осуществляли дальний бросок к Эль-Мехили.

Одновременно подполковник Альбрих с ядром своего 5-го танкового полка, 2-м пулеметным батальоном и 40 танками из итальянской дивизии «Ариете» (132-й танковой) атаковал Эль-Мехили через Завет-Мсус.

Генерал-майор Кирхгейм выступил из Бенгази с частями пехотной дивизии «Брешиа» по Виа-Бальбиа к Дерна, и еще одна группа была отправлена на юг к Эль-Мехили. Солдаты Африканского корпуса, принявшие участие в спурте к Эль-Мехили через раскаленные пески и камни пустыни, никогда не забудут этого марша.

Во всей Киренаике нашелся всего один быстрый, как молния, человек, разгадавший стратегический замысел Роммеля. Это был генерал-лейтенант О'Коннор, маленький крепыш ирландец, заслуженно считавшийся в британской армии экспертом боевых действий в условиях пустыни. 2 апреля Уэйвелл отправил его из Каира на фронт в помощь Ниму. Ним и О'Коннор выехали из Марауа вечером бапреля. Они мчались через брошенные итальянские поселения, где зеленел виноград и колосились зерновые, они собирались попасть в Тмини, в свою новую штаб-квартиру, но сбились с пути и выехали на дорогу к Дерне.

И тут это случилось.

Штабной автомобиль, в котором сидели два усталых генерала, нагнала немецкая мотопехота — солдаты из группы Поната. Водитель британского «Хамбера» опознал в преследователях немцев и схватился за винтовку. Солдат в коляске первого мотоцикла погиб, но автоматчик во втором не промахнулся, и британский водитель

пал, сраженный очередью. Генерал Ним и его эксперт по войне в пустыне, сэр Ричард О'Коннор, оторопело уставились на дула немецких пулеметов. Оба подняли руки...

Седьмого апреля боевые группы Штрайха и Шверина обложили Эль-Мехили. Вторично «сердце Киренаики» — крепость с башнями в пустыне — услышало требование сдаться. Дважды томи отказывались. С наступлением темноты британские части попытались прорваться. Генерал Гэмбиер-Пэрри и бригадный генерал Воэн попали в плен, а вместе с ними и значительная часть индийской моторизованной бригады, в том числе знаменитые артиллеристы из Раджпутаны и штаб дивизии — всего 2000 человек. Немцам досталась неплохая добыча. Не говоря уж о третьем по значению британском генерале в Северной Африке, Гэмбиер-Пэрри.

В день падения Эль-Мехили группа Поната овладела Дерной. В маленький городок слетелись тысячи ласточек, собиравшихся в свой путь домой — на родину солдат Африканского корпуса. Но Ромель не позволил 5-й легкой дивизии полюбоваться ласточками. Он едва дал им передохнуть. Располагая запасами воды, горючим и продовольствием, добытым в лагере в Тимини, части дивизии отправились к Тобруку. Тобрук служил их главной целью. Тобрук — жемчужина Северной Африки, порт, база снабжения и ключ к Египту. 7 апреля Черчилль телеграфировал генералу Уэйвеллу: «Вы должны удержать Тобрук с его основательными итальянскими оборонительными сооружениями, по крайней мере до тех пор, пока неприятель не подтянет крупные силы артиллерии. Представляется маловероятным, что ему удастся сделать это за несколько недель. С его стороны будет очень и очень рискованно оставить позади себя Тобрук и наступать на Египет, принимая во внимание нашу возможность доставлять в Тобрук пополнения морем и угрожать коммуникациям. Поэтому Тобрук представляется тем местом, за которое нужно драться не на жизнь, а на смерть, не помышляя об отступлении. Буду рад услышать о ваших намерениях».

Генерал Уэйвелл ответил на следующий день: «Тобрук не представляет собой хорошей оборонительной позиции. Длинная линия коммуникаций не располагает надлежащей защитой, и ей не хватает объектов, необходимых для обеспечения надежного функционирования». Пессимизм командующего не вызывает сомнения.

Черчилль решил — и совершенно справедливо, — что генерал Уэйвелл намерен оставить Тобрук. Старый боевой конь в Лондоне расвирепел. К Уэйвеллу полетел приказ держать Тобрук. Это был исторический приказ.

Вследствие этого Роммель, попытавшийся овладеть Тобруком штурмом с налета, натолкнулся на непреодолимое сопротивление. 10 апреля на подступах к Тобруку — около 16-километрового столба — погиб командир 15-й танковой дивизии генерал фон Приттвитц. В Страстную пятницу, одиннадцатого числа, а также в субботу, 12 апреля, Роммель попытался прорвать оборону Тобрука силами 5-го танкового полка, усиленного 1-й и 2-й ротами 605-го истребительно-противотанкового дивизиона. Но противник отразил атаку огнем артиллерии 20-й австралийской пехотной бригады.

«Что за невезение?» — подумал Роммель и приказал атаковать 13 и 14 апреля. 8-й пулеметный батальон подполковника Поната сумел пробиться в крепость. 5-му танковому полку тоже удалось преодолеть танковые ловушки, но он попал под сильный огонь из форта Пиластрино и не мог продвинуться дальше. 8-я рота понесла серьезные потери, и ее уцелевшим остаткам пришлось отступить. Итальянская 132-я танковая дивизия «Ариете», обычно храбро сражавшаяся, не показала удали в этом деле. Понат и его люди были вырезаны австралийцами в ожесточенной рукопашной. План захвата Тобрука быстрым рейдом бесславно провалился.

Но Роммель не принадлежал к числу тех, кто легко сдается. Он не верил, что британцы, проявившие такую слабость и находившиеся в полном замешательстве, вдруг ни с того ни с сего могут оказаться тверды как сталь, и не пожелал позволить Тобруку стать на пути его наступления. Две подвижные боевые группы получили приказ продвигаться в восточном направлении в обход Тобрука: 3-й разведывательный батальон под началом барона фон Вехмара и 15-й мотоциклетный батальон подполковника Кнабе — кстати, без двух рот тяжелого вооружения, все еще находившихся в Италии на пути в Африку, — усиленный ротой 33-го противотанкового дивизиона с батареей 88-мм орудий.

Унтер-офицер Крюгель из 1-й роты 15-го мотоциклетного батальона сплюнул в песок Бенгази. Унтер-офицер Вольф последовал его примеру. Чертов песок. Вместе с тем песок был все же куда предпочтительней, чем путешествие по Средиземному морю, которое они совершили из Неаполя в Триполи на старой посудине «Аликанте».

Ну и дорожка выдалась!

Хорошего мало. Да чего там хорошего — кошмарная поездка. Все жутко страдали от морской болезни. К несчастью, она совер-

шенно не затронула штабс-фельдфебеля Эбеля. Проходя по палубе и увидев на ней двух лучших унтер-офицеров совершенно позеленевшими, он не придумал ничего интереснее, чем озадачить их работенкой.

— У вас у обоих Железные кресты первого класса, а вы выглядите перепуганными, как какие-то желторотые новобранцы. Немедленно ступайте на бак и смотрите в оба, чтобы не прохлопать мину или подлодку. Если это корыто утонет, вы будете виноваты. — Он развернулся, чтобы уйти, бросив через плечо: — А если у вас в животах есть еще, что предложить в жертву Нептуну, делайте это немедленно.

«Аликанте» вместе с морской болезнью остались позади. Несмотря ни на что, добрались немцы благополучно. Но ожидаемого восьмидневного отдыха в Триполи они, как рассчитывали, не получили. Квартирмейстер, капитан Отто, встретил их на причале:

— Выступаете сразу. Направление — Бенгази.

Три роты из состава 15-го мотоциклетного батальона пустились в путь по Виа-Бальбиа. В каждую роту входило по 66 мотоциклов с колясками, по 25 легких и тяжелых грузовиков и отряд из 210 человек. Они вышли к Бенгази, где услышали о том, что наступление обогнуло Тобрук. И задача их батальона, вместе с 33-м истребительно-противотанковым дивизионом составлявшим боевую группу Кнабе, взять форт Капуццо и портовый городок Соллум.

11 апреля пала Бардия. Вперед, на Капуццо и Соллум!

Капуццо и Соллум — в названиях звучало нечто зловещее! Где эти места? Пока это были лишь названия, но скоро им предстояло сделаться достоянием истории. Войти в историю, превратившись в руины и... став кладбищами для многих и многих солдат.

Наступило 12 апреля 1941 г.

Колонна упрямо прокладывала себе путь по запыленной дороге. Восемь километров и остановка — нужно охладить двигатель. Таковы были распоряжения, которым солдаты следовали неукоснительно. Скоро стало очевидным, что мотоциклы — столь незаменимая техника в Европе — тут совершенно бесполезны. От них ждали слишком многого. Экипаж состоял из трех человек с пулеметами, ящиками с боеприпасами, тремя ранцами, запасной канистрой с бензином, канистрой с водой и тремя винтовками. Все это грузилось на мотоцикл, которому приходилось продирааться по вязкому, топкому песку при температуре почти 50 градусов в тени. Практика замерять температуру в тени приобретала здесь особо издевательский смысл, потому что тени не было нигде — со-

вершенно нигде. Конструкторы разрабатывали мотоциклы не для подобных температур. Они ломались.

Путешествие было очень и очень неприятным. Верблюжьи колючки, камни, пыль, жара и мухи...

— Идеальная местность для войны, — сказал связной 1-й роты Шриффер. — По крайней мере, здесь нечего разрушать.

— Кроме собственного здоровья, — уточнил другой связной, Дискве.

Ночь не пришла, не наступила, она пала — пала мгновенно. Капуццо находился еще, наверное, километрах в 55. Два офицера-разведчика с рациями отправились вперед, чтобы все как следует разузнать... Домой они возвратились в 1947 г. из лагеря для военнопленных.

Когда рота пробудилась утром, нашлись весельчаки-жизнелюбцы, которые принялись кричать:

— С Пасхой вас Христовой!

А ведь и в самом деле. Они едва не забыли, что наступила Пасха. Пасха в пустыне.

— А где нам тут прятать яйца? — спросил кто-то. Ответа шутник не удостоился — не успел, потому что томми поспешили поздравить немцев с праздником, щедро осыпав их «пасхальными яйцами».

Снаряды рвались в самом центре колонны. Три мотоцикла вышли из строя.

— Зенитки — вперед!

На Капуццо. Бывший итальянский пограничный лагерь представлял собой груду развалин. Раньше это был весьма приличный форт, где с комфортом могли разместиться солдаты и офицеры. Теперь на солнце грелись развороченные глыбы бетона.

Огневое прикрытие британцев пробило первые бреши в стройных рядах роты.

— Если мы будем стоять, они разнесут нас в клочья! — закричал лейтенант Штайдль. Вместе со 2-м взводом и его командиром Лёфильбайном они продолжали движение. Если они хотели уцелеть в этой мясорубке, то им нельзя было останавливаться, пока они не доберутся до руин форта, которые послужат укрытием.

Но противник в Капуццо сделал вылазку, и его машины разведки и самоходные орудия палили по нападающим прямой наводкой. В дело вступили 50-мм противотанковые пушки. Огонь! Первая машина разведки потеряла ход, затем завалились набок вторая и третья. Остальные обратились в бегство. Немцы преследовали их.

Ближе к середине дня укрепленный Капуццо пал — «*Eridotta Saruzzo*».

Впечатляющие руины перестали служить даже в качестве селения. А атакующие так мечтали о баре с настоящим арабским кофе или хотя бы о возможности помыться. Но что есть мечты? Перед фортом на песке лежали те, чьи мечты навеки остались несбывшимися. Об этом эпизоде мне поведал майор Эле из Ульцена, командовавший в ту пору ротой.

— Да, так все оно и было, — произнес он и кивнул.

Уцелевшие расстегнули кители и дружным смехом приветствовали запыхавшегося обер-ефрейтора Аймеке. В дыму под развалинами он обнаружил продовольственный склад. Принес товарищам банки с персиками, абрикосами и ветчиной. Они отпраздновали Пасху. Тогда, 13 апреля 1941 г., никто из них, конечно, и не подозревал, что развалинам Капуццо предстоит еще четырежды переходить из рук в руки, что вскоре тут вырастет кладбище с деревянными крестами, на которых напишут имена немецких, итальянских и британских солдат.

Соллум тоже пал. Штурмовали город и порт 3-я рота 15-го мотоциклетного батальона и 1-я рота 33-го истребительно-противотанкового дивизиона. Солдаты шли перебежками по прежним позициям итальянцев от дота к доту, карабкаясь по склонам вади¹, оставляя свои следы на плато. Впереди лежало, сверкая на солнце голубыми бриллиантами своей глади, Средиземное море.

Они «прилипли» к раскаленному склону, который вел их к Соллуму. Они видели широкою гавань, белый берег. Далеко-далеко позади них высился Джебель². Британский эсминец в порту палил по склону из всех своих орудий, но лейтенант Краусс со своим 88-мм зенитным орудием — чудом Второй мировой войны — заставил его умолкнуть. Состоялась ли бы вообще Африканская кампания, не будь «восьмидесятывосьмимиллиметровок»? Изначально пушка разрабатывалась как средство борьбы с самолетами, но задействовалась в Африке как эффективнейшее оружие против полевой артиллерии и танков. Во всех британских сводках с мест боев на

¹ *Вади* — русло высохшей реки; здесь во мн. ч. — *Прим. пер.*

² «*Джебель*» по-арабски и есть «гора». — *Прим. пер.*

Африканском ТВД о немецких 88-мм зенитках говорилось с уважением и страхом¹.

В битве за Соллум имелась и еще одна особенность — старые итальянские артиллерийские позиции. Эти огневые позиции с большим искусством оборудовали в 1940 г. итальянские саперы. Итальянцы могли бы по праву считаться непревзойденными мастерами полевых фортификаций. К сожалению для войск «оси», удержать свои редуты они не смогли. Ну что ж, у них были свои бойцовские качества. Порой немцы хватались за головы, когда их союзники совершали грубейшие ошибки. Так или иначе, когда итальянцами руководили толковые командиры, их солдаты храбро сражались.

Перед Соллумом и Капуццо, на перевале Хальфайа и перед Тобруком требовалась железная стойкость, а не лихой «кавалерийский» наскок в романском духе. Тут стояли крепкие, как сталь, новозеландцы, австралийцы и британцы из 22-й гвардейской бригады. Когда они атаковали или, скрытно пробираясь в ночи к позициям противотанковых и полевых орудий, бросались в бой, тут уж, как говорится, помогай бог. Творился неопишуемый ад. Они приходили обутые в ботинки на рифленой подошве, одетые в свитера, баскские береты и свободные длинные брюки с полными ручных гранат глубокими карманами, с автоматами в руках. Ночью они вдруг словно из-под земли вырастали посреди позиций противника, забрасывали его гранатами, поливали очередями из пулеметов и исчезали так же стремительно, как и появлялись. Если кого-то из них удавалось захватить в плен, то добиться от него сведений было невозможно. Он лишь скалился и пожимал плечами — я ничего не знаю — и упрямо стоял на своем.

Район Соллума британцы защищали упорно. Они шаг за шагом отходили, занимая более выгодные позиции на высотах за городом. Они выводили свои машины разведки в расщелины Джебель и напряженно ждали, когда появится неприятель, чтобы полить его смертоносным огнем. Солдатам предписывалось в дневное время не высо-

¹ В основном это Flak 18, а также выпускавшаяся в значительно меньших количествах Flak 41; начальная скорость полета снаряда последней достигала 1000 м/с. У англичан была ничуть не худшая 94-мм, или 3,7-дюймовая, зенитка, Ordnance, QF, 3,7 in, обладавшая почти такой же начальной скоростью полета снаряда, как и Flak 18 (ок. 800 м/с), но они не применяли ее для борьбы с наземными целями, используя в этом качестве 25-фунтовые (87,6-мм) полевые орудия, только в 1942 г. у них появились не уступающие по огневым характеристикам 88-мм немецким зениткам 17-фунтовые (3-дюймовая/76,2-мм) противотанковые пушки. — *Прим. пер.*

вываться из окопов. Но жара донимала их больше, чем война. А пуше того мухи — куда более страшные враги, чем все армии мира! Они ползали по губам и залезали в ноздри. Даже дружелюбные «жандармы» — так в Германии называли трясогузок из-за их ярких грудок — не приносили желаемого избавления, хотя осмелели так, что снимали мух прямо со щек людей. Все напрасно — против этих неисчислимых армий не спасали даже голод и прожорливость трясогузок.

Из-за упорного британского противодействия в Тобруке оставшимся далеко позади линии Соллум—Капуццо войскам Роммеля пришлось вести войну на два фронта. Это ослабляло германо-итальянские силы. Поэтому Роммель так стремился покончить с Тобруком, чтобы высвободить ведущие осадные войска для продолжения наступления. Со своей стороны, однако, британское командование намеревалось удержать Тобрук с его австралийским гарнизоном любой ценой, сражаясь за него, как приказал Черчилль, «не на жизнь, а на смерть».

10 апреля 1941 г., в день, когда Роммель повел свои войска на первый приступ Тобрука, в Триполи высадились две тяжелые роты 15-го мотоциклетного батальона. Их немедленно отправили под Тобрук. Командовавший передовой 5-й ротой капитан Буш лично встретился с Роммелем в Акроне и получил приказ приготовиться к атаке.

— Вы должны создать у британцев впечатление, что вас не меньше батальона.

Введение противника в заблуждение стало коньком Роммеля за эти последние дни — великие дни. Между Тобруком и Соллумом постоянно курсировали «пускатели пыли», задача которых состояла в том, чтобы скрывать передвижения германо-итальянских войск от английской разведки. Эта хитрость заставила британцев принять немало неверных решений.

19 апреля две вновь прибывшие роты, возглавляемые майором Шрэпplerом, адъютантом Роммеля, пошли в бой. Роммель наблюдал за атакой из своего командирского танка. Все тяжелое оружие мотопехотных и противотанковых частей противник вывел из строя артиллерийским огнем. Вклиниться во вражескую оборону оказалось невозможным, и все предприятие стоило немцам пятидесяти человек.

В конце концов 30 апреля отрядам 115-го мотострелкового полка и 33-го инженерно-саперного батальона удалось углубиться в неприятельские позиции. Мощно укрепленным Рас-эль-Мадауэром овладели солдаты 3-й роты 2-го пулеметного батальона, ведомые

решительным и бесстрашным Готтфридом Мунтау. Немецкие штурмовые группы проложили себе путь в первые танковые ловушки и закрепились в них. Успех, однако, стоил больших потерь. Погиб обер-лейтенант Циренер, кавалер Рыцарского креста и ротный командир 33-го инженерно-саперного батальона, который возглавлял солдат во время захвата нескольких опорных пунктов оборонительного периметра. Лейтенант Фридль Шмидт, командовавший взводом саперов 104-го мотострелкового полка, вечером 30 апреля был послан на усиление боевой группы Мюллера из 115-го полка. 1 мая 15-й мотоциклетный батальон и 104-й мотострелковый полк атаковали, дабы расширить брешь, пробитую во вражеской обороне 115-м полком. 104-й полк, а точнее, 1-й батальон и его штаб, отправились в Африку в апреле. Когда они покидали лагерь в Баумгольдере, разыгралась метель. Дежурный офицер полка, лейтенант Грёгер, читал лежавшую у него на коленях газету и время от времени комментировал:

— Просто поверить невозможно, что вытворяет там Пятая легкая дивизия: Агейла, Мерса-эль-Брега, Аждабия, Бенгази, Эль-Мехили, Дерна! А теперь они стучатся в ворота Тобрука.

Разыгравшийся энтузиазм Грёгера охладил военврач. Этот бывалый человек, улыбаясь немного свысока и набивая свою трубку, заметил:

— Дела так быстро не делаются. Вы еще успеете там навоеваться.

Позднее они не раз вспоминали эти слова.

После Рима о войне они больше не говорили. Коротали время за картами. Ставки и выигрыши заслонили собой все прочие интересы. Они успели только одним глазком взглянуть на Неаполь, а на то, чтобы оценить его, у них времени не хватило. Ju-52 уже ревели моторами на летном поле. Столбик термометра держался у 40-градусной отметки, а ведь всего несколько дней назад они дрожали дома от холода. Тысячи солдат и офицеров впервые в жизни летели над Средиземным морем. Тяжело нагруженные машины шли невысоко. Внизу сияла на солнце водная гладь. Встретятся ли им британские истребители? Удастся ли миновать беду? На горизонте показалась тонкая белая линия — Африка. Пустыня... Бенгази...

Солнце безжалостно жгло землю, и красно-коричневые пески резали глаза солдат. Легкие грузовики стояли наготове, чтобы увести солдат в неведомую страну. Никто из них не знал, каково их место назначения. Они знали только одно: время поджигает. Ходили слу-

хи, что Тобрук вот-вот падет и им предстоит принять участие в разгроме этого важного опорного пункта противника. Слухи... слухи...

Остановились они у груды камней, называвшейся Акрома. Здесь, на подступах к Тобруку, находился сборный пункт. Заснули они под грохот канонады. Капитан Дистель вернулся с совещания и сказал, чтобы саперы готовились к бою. Они выступили с пулеметами и ручными гранатами. Ровная каменистая пустыня напоминала блюдо. Нигде, куда ни кинь взгляд, не найти укрытия. Ни дома, ни куста, ничего... Ничего, кроме камней и песка.

Они прошли первый ряд разбитых проволочных заграждений и увидели первые следы траков танковых гусениц. Шум боя стал громче. Разрывавшиеся впереди снаряды взметали фонтаны земли и осколков. Стена пыли указывала то место, где пролегла линия фронта, — туда и лежал их путь, на передовую. Так солдаты 104-го впервые познакомились с Африкой. Они увидели первых убитых британских солдат на этом ТВД; жара ужасно обезобразила их лица. Трупы находились на такой стадии разложения, что форма на них лопалась. Трое или четверо австралийцев лежали близко друг от друга. По всей видимости, их скосило пулеметной очередью.

Скоро они повстречали первых немецких солдат, возвращавшихся с передовой, покрытых пылью и грязью. Позади тащился фельдфебель. Из раны в его плече текла кровь. Вот уже первый снаряд упал близко от бойцов из 104-го. Ложись! Носом в дерьмо и рассредоточиться. Шутки кончились, дело принимало серьезный оборот. Короткими перебежками — несколько метров бегом, а потом вновь залечь — они продвигались вперед. Поле битвы было усеяно трупами. Свежими. Солдаты отводили глаза. Тут вообще окопы-то есть? Где блиндажи? Бункеры? Такие, какие на Западном валу, или те, что были знакомы немцам по линии Мажино? Похоже, здесь нет ничего похожего.

Но бункеры были. Очень опасные сооружения, и хуже всего то, что они оставались незаметными.

Ночь застала их врасплох — ночь 1 мая 1941 г. Они вышли на свои боевые позиции. Частям 104-го полка вместе с поредевшими ротами 115-го мотострелкового полка предстояло расширить плацдарм у форта Пиластрино. С рассветом поступил приказ атаковать.

Первый сюрприз преподнесли немецкие артиллеристы, которые открыли огонь по своим.

— Прекратить стрелять, мы — немцы! — кричали солдаты, но без толку.

Снаряды вывели из строя несколько противотанковых орудий и перебили немало санитаров-носильщиков. Затем артиллеристы перенесли огонь на сосредоточенные порядки итальянской роты справа от дороги. Люди просили о помощи. Наконец на левом фланге появилась немецкая бронетехника. Роты устремились вперед вместе с ней, счастливые от того, что удалось выбраться из катастрофической ситуации. Итальянцы тоже выскакивали из своих траншей. Светало. Роты продвигались короткими перебежками, но ряды их редели. Взрывались мины; танки теряли гусеницы и останавливались. Экипажи выскакивали и спешили в тыл. Артиллерия утюжила местность, трещали пулеметы, раздавались хлопки минометов. Нигде нельзя было найти никакого укрытия. Твердая как бетон почва не годилась для того, чтобы окопаться. 09.00. Атака началась четыре часа назад. Наступающих мучила жажда. Но еще сильнее страдали люди — примерно половина личного состава — от желудочно-кишечных расстройств. Неподалеку от своего мотоцикла лейтенант Бухер и его вестовой, Вифельгофе, — оба в гражданской жизни учителя — подверглись атаке жесточайшего позыва. Им пришлось снять брюки и отстирать их остатками кофе. На палящем солнце одежда, расстеленная на краю окопа, быстро высохла. Ба-бах! Взрыв мины — и нет штанов. Следующие два дня лейтенант и его вестовой шеголяли в подштанниках.

Роммель продолжал попытки овладения Тобруком до 4 мая, но сил у него не хватало. Оборона — особенно то, что касается артиллерии, — была слишком мощной. Бойцы моторизованных частей сражались как дьяволы; продовольствие себе они добывали на британских позициях. Фельдфебель Ноак вытаскивал из-под огня раненых, но никакой героизм не приносил ожидаемого результата. В ночь на 4 мая моторизованные части были сняты с фронта и отправлены к Капуццо. 104-й тоже отошел на более удобный рубеж. Только ночью да еще во время песчаных бурь они осмеливались выползть из своих нор. Тут немецкие позиции словно бы оживали. Солдаты собирали камни и сваливали их горами вокруг неглубоких оружейных окопов для защиты от огня из стрелкового оружия.

Лейтенант Фридль Шмидт явился с рапортом к командиру боевой группы 115-го мотострелкового полка майору Мюллеру, чей штаб находился в R6. Так назывались бункеры — R6, R5 и т.д. Найти такое укрытие иначе, как свалившись в него, невозможно: строились они вровень с землей, здесь существовали только проделанные в

скальной породе с помощью динамита траншеи, укрепленные по краям бетоном и соединенные с похожим на бункер помещением.

Мастерство строителей оборонительных укреплений стоило жизни не одному немецкому солдату. Не видя бункеров, они пробегали мимо и получали очереди в спину. Таков был ад Тобрука. Два таких проклятых бункера — R5 и R4 — отделяли инженерно-саперный взвод от 104-го полка. Поступил приказ обезвредить их.

Просто сказать! — обезвредить! Легко повернуть выключатель и погасить свет, легко выключить работающий двигатель, но куда труднее заставить замолчать изрыгающие огонь стволы долговременной огневой точки в бетонном бункере. Задание получили два инженерно-саперных взвода из состава полка. Атаковать предстояло на рассвете.

Незадолго до полуночи прибыли «гостинцы» от полевой кухни. Солдаты проглотили суп быстро, не особенно задумываясь над тем, из чего он сварен, просто потому, что он был теплым. В дополнение к нему им перепали сыр и сардины с черным хлебом. Обычный рацион для Африки. Иногда повара присылали *Alter Mann*, называвшийся иначе «Бедный старый Муссо» — говядину с аббревиатурой А.М. на жести банок, которые немецкие солдаты окрестили Альтер Манн¹ или *Armer Mussolini*², а итальянцы — *Asino Morte*³.

В качестве поддержки атаки на R5 и R4 задействовалось все тяжелое вооружение: 88-мм зенитки, французские полевые орудия⁴ и — гвоздь программы — 210-мм мортира. Мортира! Что-то совсем новое. Теперь-то все пойдет как надо — с помощью ее навесного огня удастся наконец подавить бункеры в оборонительном периметре крепости⁵.

Под покровом ночи оба взвода сосредоточились возле R6. С первыми проблесками рассвета бойцы поползли вперед. Подобравшись к вражеским позициям на расстояние броска ручной гранаты, им надлежало выпустить белые ракеты, что послужит сигналом для расчетов тяжелого вооружения. Мортира сосредото-

¹ *Alter Mann* — старик. — Прим. пер.

² *Армер Муссолини* (бедный Муссолини). — Прим. пер.

³ *Асино морте* — «дохлый осел». — Прим. пер.

⁴ Калибра 75 мм, прославившиеся во время Первой мировой войны, так же как 88-мм немецкие зенитки во время Второй. — Прим. пер.

⁵ По всей видимости, это 210-мм Mts 18 калибра 210,9 мм с углом возвышения от 0° до + 50° и углом горизонтальной наводки с лафета 16°, стрелявшая 120-кг снарядами; в сущности, по всем характеристикам это гаубица. — Прим. пер.

точит огонь на бетонных бункерах. Когда обстрел прекратится, саперы пойдут на штурм, бросят подрывные заряды в окопы противника и захватят бункеры, которые им предстоит удерживать до следующей ночи. Тогда их сменят. Прекрасный план!

Тихо ползли штурмовые отряды по каменистой почве, стирая в кровь локти и колени. Но разве это главное? Нельзя было издать ни звука. Вот они приблизились к объекту... и белые ракеты прорезали ночной мрак, освещая дрожащим магниевым светом мрачный ландшафт. Теперь, в соответствии с планом, наступал черед артиллерии вступить в дело.

В соответствии с планом!

Ничего не происходило. Мертвая тишина... Ни единого снаряда.

На противоположной стороне, однако, томми стали оживать. Атакующих разнесло на кусочки. Всюду раздавались возгласы: «Товарищ! На помощь!», крики агонизирующих людей и предсмертное хрипение.

— Меня ранило, — простонал малыш Зигрист. Он был как дитя для взвода, где все любили его. Разве его бросят? Лейтенант Фридль Шмидт помог ему подняться:

— Держись! — И они поковыляли в тыл.

Зигрист вернулся на передовую неделю спустя. Пуля влетела ему в открытый рот и вышла рядом с позвоночником. Точно рука волшебника направляла смертоносный металл, который не задел ни одной жизненно важной точки: ни вены, ни артерии, ни сухожилия и ни одной косточки — только «мясо».

— На твоём месте я бы всю оставшуюся жизнь ходил с открытым ртом. Ты просто счастливчик, — сказал молодому человеку врач.

Восемнадцатилетний солдат Зигрист не забывал об этом никогда. Он и правда был счастливчиком — прошел всю войну, и теперь все у него все прекрасно.

Попытки штурмовать доты продолжались. Саперы так и не узнали, почему не вступила тяжелая артиллерия, а Роммель еще и разозлился на них:

— То, на что британцы отваживаются среди бела дня, вы не можете сделать даже в темноте!

Рост потерь тревожил. День за днем солдаты 104-го лежали в своих окопчиках, не смея высунуть и носа: австралийские снайперы редко промахивались.

Не шутка лежать по двенадцать часов без движения в углублении в земле под африканским солнышком, особенно когда по не-

скольку дней не получаешь еды. Есть приходилось тогда и там, где оказывалось возможным. Людям не всегда удавалось продержаться до наступления темноты. Постоянно существовал шанс расстаться с жизнью, пав смертью храбрых. Высунулся подальше — шелк! — и ты геройски погиб на поле боя.

По счастью, нередко случались песчаные бури. Тогда, словно тени, они поднимались из своих убежищ, чтобы, сделав несколько шагов, поболтать с товарищами в таких же «лисьих норах» — окопах, вырытых ими для индивидуальной защиты по соседству. Во время песчаных бурь стрелять было нельзя, потому что часто снаряды разрывались преждевременно. В такие периоды британцы совсем уходили под землю. У немцев, напротив, начиналась какая-то жизнь... В этом заключался парадокс осады Тобрука.

Днем вылезать на поверхность было опасно. Британцы так щедро снабжались боеприпасами по морю, что могли позволить себе роскошь палить из пушек даже по одному немецкому солдату. Когда Фридль Шмидт ходил в гости к лейтенанту Виттенгелю, командиру соседнего взвода, англичане засекли его и открыли огонь. Шмидту пришлось путешествовать короткими перебежками. Свист снаряда говорил ему, когда надо падать на землю. Но один раз, когда Шмидт хотел запрыгнуть в окопчик, он увидел, что может там не поместиться: не хватало места. Так он и остался наполовину внутри, наполовину снаружи, задыхаясь от вони. Чья это форма? Немецкая? А погоны? Он пригляделся. Две звезды и между ними посох Эскулапа... Так вот куда подевался врач. Сколько же он пролежал тут с широко открытыми глазами?

До середины мая инженерно-саперное подразделение 104-го мотострелкового полка жарилось в адской печи под Тобруком. Затем настало время долгожданной передышки. Им посчастливилось уцелеть, но худшее ждало их впереди. Их и 115-й перебросили во вторую мясорубку Северной Африки — на участок Соллум—Капуццо—перевал Хальфайа. Здесь полыхала жаркая битва.

Боевая группа Герффа штурмует перевал Хальфайа

В апреле 1941 г. малочисленные передовые части 5-й легкой дивизии заняли стратегически важный перевал Хальфайа. Таким образом обеспечивались позиции прикрытия соллумского фронта. Если

британцы захотят отбить город, то сначала им придется вытеснить немцев с перевала Хальфайа. В середине мая — если быть точным, между 15 и 17 мая — генерал Уэйвелл атаковал силами частей 22-й гвардейской бригады и отбросил роты 15-го мотоциклетного и итальянскую батарею с их позиций на перевале. Весь немецкий гарнизон, за исключением двенадцати человек, угодил в плен. Но больше ни одной задачи противнику решить не удалось. Временно занятые Капуццо и Соллум были отбиты в ходе кровавых контратак боевой группой Герффа.

Однако остававшийся в руках британцев перевал Хальфайа представлял собой постоянную угрозу слабому немецкому оборонительному фронту в районе Капуццо—Бардия. Поэтому Роммель принял решение отбить перевал, наметив атаку на 26—27 мая. Восточный театр — перевал Хальфайа — находился в 120 километрах от осажденной немцами крепости Тобрук. Район включал в себя пустыню вокруг Сиди-Омара и Капуццо с широкой полосой разрушенных заграждений из колючей проволоки, служивших прежде пограничной полосой между Ливией и Египтом. Заграждение из колючей проволоки длиной 150 километров посреди пустыни! В давние времена итальянцы возвели этот барьер для защиты своих колоний от набегов сенусси¹. На рубеже весны—лета 1941 г. линия больше не была преградой: протянутую в три ряда «колючку» местами полностью уничтожили артиллерийские снаряды и гусеницы танков. Железные столбы висели повсюду среди колец развороченной проволоки. Ржавые бочки из-под бензина, пустые канистры, клочки формы, старые газеты — все это торчало среди проволоки. Многие из этих предметов некогда служили метками для патрулей и разведотрядов. Остальные были лишь «отходами военного процесса».

Здесь, в районе Соллум—Капуццо, пустыня представляет собой плато, которое резко обрывается к морю с высоты 200 метров и к прибрежной полосе от Соллума на юго-восток, образуя 35-километровый крутой склон. Дорога от прибрежной полосы к плато и являла собой перевал Хальфайа. Подступы защищали скалы с глубокими расщелинами, вадии — древними руслами давным-давно пересохших рек, полными щебня, каменной осыпи и валунов.

¹ *Сенусси* — секта суфиев, имевшая значительное влияние в Ливии; сенусси были врагами ваххабитов и действовали против колониальных итальянских властей. — *Прим. пер.*

Отсюда, из вади, вели свою войну гренадеры — суровую, жестокую. Они, точно птицы, гнездились по берегам бывшей речной долины; вверху на плато окопались томми.

Двадцать шестого мая немецкий командующий отдал приказ: «Боевой группе Герффа овладеть перевалом Хальфайа». Как просто звучат слова. Так же просто все выглядело и на карте. 8-му танковому полку подполковника Крамера предстояло выдвинуться из Соллума на юг в пустыню, затем веером развернуться в северном направлении и ударить британским защитникам перевала в тыл. Тяжелым орудиям 33-го полка механизированной артиллерии, зенитчикам, 15-му мотоциклетному батальону и проверенной в деле 1-й роте 33-го разведывательного батальона отводилась роль поддержки бронетехники танкового полка. Задача первого батальона 104-го мотострелкового полка состояла во фронтальном штурме перевала в пешем строю. Из района к западу от Капуццо 5-й танковый полк с артиллерийской батареей и пятью 88-мм пушками совместно с итальянскими артиллеристами должны были развивать ложное наступление на юг — юго-восток с целью отвлечь внимание томми от перевала. Таков был приказ, и так он раскладывался по карте.

Но каким виделся он глазами простого солдата, которому приходилось с боями пробиваться из Соллума к высотам перевала?

Первый батальон 104-го мотострелкового полка потерял командира на второй день своей службы в Африке в боях за Тобрук. На его место поставили бывшего ротного командира, капитана Вильгельма Баха.

— Ну этот-то с богом договорится, — хихикали рядовые.

— Ну, здорово! Пастора нам тут только не хватало! — ворчали унтеры.

Пастор! Это не было прозвищем Баха, поскольку новый командир, офицер запаса, в гражданской жизни служил самым настоящим священником в евангелистской церкви Мангейма. Когда лейтенант Фридль Шмидт прибыл к нему с рапортом, он поразился благодушной атмосфере, царившей вокруг. Человек, которого увидел Шмидт, меньше всего походил на офицера, какими обычно представляются военным большинству людей. Располагающий, приятный господин лет 50, ростом за метр восемьдесят, с усами. Он кивнул лейтенанту. В левой руке у командира тот заметил сигару. На нем были надеты длинные брюки, державшиеся на широких подтяжках; кителя не было.

— Ну что ж, друг мой, вот вы и добрались. Судя по всему, благополучно, — произнес командир прежде, чем лейтенант Шмидт

успел, как положено, отрапортовать о своем прибытии в штаб батальона. — Не желаете ли сигару?

— Благодарю вас, капитан. Я курю только сигареты. От сигар мне становится не по себе.

— Сигары полезнее, но, если вам угодно, закуривайте сигарету.

Говорил он с сильным баденским акцентом, а сигару курил с видимым удовольствием. После каждой затяжки он склонял голову чуть в сторону с выражением, которое бывает у гурманов. На первый взгляд капитан производил впечатление основательного, уверенного в себе отца семейства.

— Ну, дружок, надеюсь, вам у нас понравится.

Никогда еще за все годы службы лейтенанту Шмидту не приходилось слышать, чтобы старший по званию офицер интересовался тем, понравится где-нибудь какому-то подчиненному или нет. Тем более шла война! И больше того, они находились на перевале Хальфайа. Но таков был пастор Бах.

Пастор обогатил анналы Африканской кампании яркими примерами военной доблести. Он никогда не отдавал приказов, которые бы не был готов выполнить сам. Солдаты любили его так, как они редко любят офицеров. Захватив его в плен, британцы не уставали петь ему осанну. Английские газеты называли его «героем перевала Хальфайа» или «пастором из ада». Но все это случилось потом, позднее.

Рота прочно закрепилась, окопавшись в вадии Калала. Было за 50° в тени¹. Они не смели и носа высунуть из вадии. Как только кто-нибудь поднимал голову над краем оврага, над каской смельчака тут же начинали свистеть пули. Время от времени били коварные «рач-бум» — британские семидесятипятимиллиметровки. Никто не знал, откуда они стреляют. Обер-ефрейтор Юнг из взвода связи не мог выяснить местоположение их позиций. Командир батальона, капитан Бах, сказал ему:

— Юнг, выведите сюда тридцатисемимиллиметровую противотанковую пушку. Нам нужно установить ее на фланге, чтобы дать как следует тем ребятам, что засели там.

Пóтом, кровью и слезами пушку удалось выкатить на заданную позицию. Только представьте себе, какво таскать орудие на такой жаре!²

Но немецкое противотанковое орудие не беспокоило британцев. Огонь его явно не отличался точностью. Артиллеристам не хотелось рисковать и высовываться, чтобы как следует прицелиться.

¹ 56 °С. — *Прим. пер.*

² Пушка весила 330 кг. — *Прим. пер.*

— Довольно. Вы зря тратите боеприпасы, — заключил капитан Бах. Он кое-как выбрался из вад и разместился на краю с биноклем. В нужный момент он пригнулся, и очереди просвистели над его головой. Однако капитану удалось засечь позиции 75-мм орудия противника. Юнг с этими сведениями прибыл на батарею. Четверть часа спустя никто не скрывал своего изумления.

— Ты видел?.. А ты?.. Ну дает старик! — говорили солдаты. А когда «старик» поднял руку, все пошли в атаку.

Перед немцами стояли гвардейцы 3-го Колдстримского. Один из лучших ударных британских полков, он держался всю ночь. Наутро, когда в небе засиял кроваво-красный диск солнца, 104-й пошел в бой, как ходили в старину, со штыками наперевес, с дикими криками и с урчащим внизу живота страхом. Когда 3-я рота 15-го мотоциклетного батальона ударила с другого фланга при поддержке танков, артиллерии и зениток, гвардейцы не выдержали, и перевал перешел в руки немцев.

Немецкие пехотинцы, тяжело дыша, попадали в песок. Они заснули. Но для отдыха времени не осталось. Их разбудили крики оставшихся позади товарищей. Все бросились помогать санитарам-носильщикам выносить с поля боя раненых. Павших похоронили. Звучит это просто, но последняя услуга, которую мертвым сослужили живые, тяжким грузом легла на их сердца. На то, чтобы выкопать ямку в каменистой почве, уходили часы. Собрали камни, и у каждого солдата была теперь своя собственная маленькая крепость, чтобы держать оборону от шакалов.

Уцелевшие тоже стремились зарыться в землю. Они соорудили себе каменные гнездовья и лисьи норы перед следующим актом кровавого спектакля. А он уже начался — начался месяцем ранее в Лондоне.

Операция «Тигр» и сражение за Соллум

Было за полночь. За стенами Чекерс лил дождь¹. Желанный дождь. Желанная непогода, потому что в такие ночи «проклятые джерри» не могут бомбить Британию. Повсюду, от Дувра до Эдинбурга, люди ненадолго отодвигали в сторону шторы светомаскировки, всматривались в темноту и с чувством облегчения отправлялись спать.

¹ Чекерс-Корт — официальная резиденция британских премьеров, расположенная в 50 км к северо-западу от Лондона. — *Прим. пер.*

Премьер-министр Уинстон Черчилль тоже лежал в постели в ту сырую промозглую ночь апреля 1941 г. Если уж быть точным, то он не лежал, а полулежал, почти сидел, опершись спиной на подушки и изучая последние телеграммы из Каира. Он не подчеркивал абзацы в раздражении, как бывало, а просто сидел и размышлял. Самыми худшими для него были ночи, когда приходили известия о поражении генерала Уэйвелла в Киренаике. Как сильно заботили его те катастрофические события, видно из его мемуаров: «Моей главной целью продолжала оставаться победа в Западной пустыне, разгром армии Роммеля, пока тот не стал слишком силен и пока к нему не прибыла опасная для нас новая танковая дивизия в полном составе». 15-я танковая дивизия, которая, как доносили британские агенты в Германии, находилась на пути в Африку.

Теперь все зависело от того, кто выиграет соревнование по доставке живой силы и бронетехники на Североафриканский ТВД. Если британцы отстанут от немецкой 15-й дивизии, тогда о неожиданном наступлении не может идти и речи. А британские снабженцы, вне сомнения, не смогут опередить немцев, потому что, боясь немецких подводных лодок и эскадры Люфтваффе в Средиземном море, англичане отправляли грузы в Александрию в обход через мыс Доброй Надежды, Красное море и Суэцкий канал.

20 апреля Черчилль получил от Уэйвелла сообщение о том, что передовые части 15-й танковой дивизии высадились в Триполи. В действительности этими частями являлись 33-й разведывательный батальон, 33-й истребительно-противотанковый дивизион и 15-й мотоциклетный батальон, которые прибыли на ТВД в марте и апреле и давно уже принимали участие в боевых действиях. Уэйвелл этого не знал и опасался, что к концу месяца на передовую выйдет вся дивизия с ее 400 танками. Это приводило британское руководство в состояние, близкое к панике: это означало бы крушение позиций Великобритании в Египте в случае, если немедленно не поступит помощь. В сложившейся обстановке Черчилль решил поспешить. 21 апреля он потребовал от Адмиралтейства отправки конвоя с огромным грузом новых танков по Средиземному морю, а не в объезд через мыс Доброй Надежды.

Пять торговых судов с 295 танками и 50 самолетами-истребителями на борту под прикрытием боевых кораблей флота адмирала Сомервилля взяли курс на Александрию через Гибралтарский пролив.

Подобное мероприятие, естественно, нуждалось в кодовом названии, чтобы об операции можно было упоминать в телеграммах.

Однако простого кодового слова организаторам показалось недостаточно — наименование должно было производить эффект на всякого рода пессимистов. Поэтому операцию окрестили операцией «Тигр», что вполне подходило к призванному сеять смерть и разрушение содержимому трюмов сухогрузов. Черчилль в удовлетворении откинулся на подушках. На следующий день он отправил Уэйвеллу телеграмму, в которой демонстрировал свою уверенность в победе: «Если «Тигр» проскочит, тогда настанет момент дерзать и действовать. Я прошу о быстрой переброске с Мальты и направлении в ваше распоряжение «Харрикейнов»¹. Гунны² не так страшны, когда теряют инициативу. Все мы мысленно с вами».

Все помыслы Лондона и в самом деле были в ту неделю сконцентрированы на Египте. Для Великобритании существовала реальная угроза потери своего старинного опорного пункта — Суэцкого канала. Черчилль вздохнул с огромным облегчением, узнав, что 12 мая «Тигр» благополучно добрался до Александрии.

«Тигр» пересек Средиземное море. Немецкие и итальянские подводники упустили прекрасную возможность. Только один корабль, «Песня империи», с 57 танками и 10 самолетами на борту, пошел ко дну, наскочив на мину. Остальные в целостности и сохранности прибыли в Александрию. Они доставили 135 последних тяжелых пехотных танков, «Матильда» II, весивших 26 тонн и обладавших 3-дюймовым бронированием³, а также 82 новеньких Mk II. Эти 14-тонные крейсерские танки с 40-мм пушками были надеждой Британского военного кабинета. Им предстояло изменить расклад сил в пустыне. И, наконец, в Африку пришел 21 Mk IV, легкий танк, способный развивать скорость 60 км/ч⁴.

¹ Хаукер «Харрикейн» — основной истребитель Королевских Воздушных Сил (R.A.F.) в начале Второй мировой войны, в описываемый период времени обладавший в основном пулеметным вооружением (от 8 до 12 7,7-мм пулеметов) и значительно уступавший по скорости главному немецкому истребителю Вф 109, иначе ME-109. — *Прим. пер.*

² Так называли немцев в Британии во время Первой мировой войны. — *Прим. пер.*

³ Не свыше 78 мм, т. е. 3,1 дюйма. — *Прим. пер.*

⁴ «Визитной карточкой» большинства английских танков во время Второй мировой войны было недостаточное по мощности пушечное вооружение — 40-мм, или, по британской классификации, 2-фунтовое орудие, на смену которому пришло 6-фунтовое (57-мм) — и в большинстве случаев (танк «Матильда» — исключение) слабая броневая защита, а также низкая скорость. — *Прим. пер.*

«Теперь «Тигру» осталось только наточить когти», — телеграфировал Уэйвелл в Лондон 25 мая, имея в виду, что надо собрать технику и подготовить новые экипажи к ее обслуживанию. Три дня спустя командующий информировал премьер-министра, что готов атаковать Роммеля новыми войсками, чтобы отбросить Африканский корпус к Тобруку и снять осаду с крепости. Черчилль придумал кодовое название и для этого мероприятия — операция «Бэттлэкс»¹. Ей предстояло стать танковой битвой такого масштаба, которого никто еще не видывал в пустыне. Должны были столкнуться 500 танков, и Черчилль, веривший в превосходство британских боевых бронированных машин, рассчитывал выиграть это состязание.

Ранним утром 15 июня 1941 г. во всех британских штабах зазвонили телефоны, застучали ключами радисты, выбивая послания азбукой Морзе, забегали дежурные офицеры. Пришла в движение налаженная машина хорошо подготовленного генерального наступления. Стартовала операция «Бэттлэкс». День «Д» — 15 июня, час «Ч» — 04.00. Генерал Крэг повел в бой британскую 7-ю танковую дивизию, в составе которой действовали мощные пехотные танки 4-й танковой бригады. Генерал Мессерви командовал 4-й индийской дивизией и 22-й гвардейской бригадой. Руководил операцией генерал Бересфорд-Пирс. Он вступил в сражение с 200 танками и 25 000 солдатами. Цель — связать боями войска Роммеля и уничтожить его бронетехнику в районе Соллум—Бардия, овладеть перевалом Хальфайа и восстановить наземное сообщение с Тобруком.

Ровно в 04.00 взрвели двигатели британских танков — новеньких Mk II, которые выводили на исходные на специальных транспортерах, и приземистых пехотных танков «Матильда» II. Лейтенант Кларк и его друг Миллер испытывали радость при виде всей этой грозной бронетехники. Это были те самые «Нобби» и «Дасти» — два офицера, которые первыми заметили продвижение немецких бронеколонн у Эль-Агейлы, когда началось наступление Роммеля, в результате чего немцы очутились теперь восточнее Тобрука и даже овладели перевалом Хальфайа. Из четырех человек, которые два с половиной месяца тому назад счастливо ускользнули от врага в покрытой зелеными и коричневыми пятнами камуфляжа машине разведки и подняли по тревоге 2-ю танковую дивизию, в живых остались только Нобби и Дасти. Водитель Фелтон погиб под Бардией, а радист Фаркар лежал в могиле под Тобруком. Похоро-

¹ Секира. — *Прим. пер.*

нили Фаркара немцы. А Нобби и Дасти вернулись в 7-ю. Они вновь влились в 11-й гусарский. Теперь все было по-другому. Теперь они располагали лучшими танками. Они выглядывали из башни своего новехонького Mk II. Командир батальона поднял руку и трижды взмахнул ею. Вперед!

На перевале Хальфайа немецкие инженерно-саперные части укрепляли с таким трудом завоеванные позиции четырнадцать дней. И вот теперь позиции были готовы. Солдаты с удовлетворением взирали на плоды своих трудов. На войне люди испытывают удовольствие от странных на первый взгляд вещей. Хорошо известно, что 88-мм пушку непросто замаскировать. Лейтенант Рихтер прошел вперед на 150 метров и лег на землю, чтобы проверить маскировку. Не было видно даже следов огневой точки. Секрет состоял в дымке, постоянно лежавшей на поверхности пустыни. Все, что возвышалось над землей на метр, оставалось совершенно невидимым. С другой стороны, однако, все, что выше, словно бы увеличивалось.

Батарею средних зенитных орудий удалось аналогичным образом надежно укрыть. Она имела идеальные условия для ведения огня. В пустыне полный простор для артиллеристов. Только в пустынях и надо воевать. За зенитками дислоцировалась батарея лейтенанта Эрмеля — четыре 155-мм французских полевых орудия. Они были тяжелыми, как и сам командир батареи.

Преподаватель технической школы в Вюрцбурге расположил свои пушки на великолепном образом замаскированных позициях. Недалеко от батареи Эрмеля устроились итальянские артиллеристы из батареи майора Парди — ударной части, что вскоре итальянцы наглядным образом продемонстрировали.

На календаре в блиндаже командира саперов стояло 12 июня 1941 г. На прибрежную равнину отправили легкий грузовик с противотанковыми минами-растяжками. Постановка таких мин — весьма и весьма опасное занятие. Сначала в шахматном порядке проделывались углубления на расстоянии от 2 до 3 метров одно от другого. Полагалось пользоваться измерительной рулеткой, но опытные саперы прекрасно определяют расстояние на глаз. В центр каждой ямки втыкались штыри — один вертикально, а второй крест-накрест. К этим штырям крепились тонкая проволока, которая вела к прикрепленным к земле и к корпусам мин детонаторам. Искусство постановки мин состояло в том, чтобы укрепить мину незаметно и чтобы при малейшем натяжении проволоки взрывное

устройство срабатывало. На крышке мины имелся еще один детонатор — нажимного действия. Любой, кто наступал на такую мину, приводил взрыватель в действие. Любой, кто пытался вытащить ее из ямки, тоже вызывал взрыв. Опытный солдат, заметив мину, очищал ее от песка и осторожно выворачивал детонатор на крышке, но ни в коем случае не трогал второй, тот, что находился сбоку. Если он лишь чуть-чуть поворачивал «адское яйцо» или нечаянно задевал проволоку, восемь килограммов взрывчатого вещества разносили его в клочья. После окончания постановки мин поле тщательно маскировали.

Пока немецкие саперы укрепляли оборону, эскадрилья «Харрикейнов» устремилась в разведывательный полет над перевалом. Что-то явно готовилось. В течение многих дней истребители Королевских Воздушных Сил обрабатывали германо-итальянские позиции. Конечно, 10-й авиакорпус заметил разведчиков. Только саперы заворчали о том, что авиации никогда не дождешься, как, спикировав от солнца, «Мессершмитт» зашел в хвост замыкающему строй «Харрикейну» и открыл огонь. За английским самолетом потянулся шлейф черного дыма. В синем небе повис белый купол парашюта. «Харрикейн» упал между перевалом Хальфайа и Капуццо. Там, где рухнула сбитая машина, поднялся столб дыма и пыли. Me-109 сделал «свечу».

Приятно было посмотреть на работу «воздушного шофера». Ударил вторая пулеметная очередь, и другой истребитель полетел к земле, объятый пламенем. Качавшегося на стропах пилота сносило в море. Белое пятно медленно спускалось к воде. Должны были немецкие спасатели прийти к нему на помощь? Потребности в этом не возникло, так как моряки с британского судна вскоре выловили успевшего «хлебнуть морской водички» летчика. Воздушный бой продлился не более минуты. Немецкий самолет развернулся, сбросил высоту, победно покачал крыльями и, пролетев над перевалом, скрылся из виду. Солдаты с земли махали ему. Вечером они узнали имя победителя — капитан Мюнхеберг.

Если бы не автомат рядом с койкой, если бы не сигналы боевой тревоги, можно было бы подумать, что наступил мир — по крайней мере, образовалась длинная пауза в драме перевала Хальфайа.

От «Аве Мария», стоявшего у обочины дороги камня, места поклонения Святой Деве на перевале, показался автомобиль разведки. Приехал фельдфебель Барлезиус из 1-й роты 33-го разведывательного батальона.

— Что-то затевается, — сказал он. — Они сосредотачиваются в Сиди-Омаре.

Этот разговор напоминал беседу двух крестьян, обсуждающих возможность грозы. Звучали названия, которых никто из них еще совсем недавно даже не слышал. Теперь, однако, эти места приобрели особое значение. Вот, например, «что-то затевается» в Сиди-Омаре — в пустыне по соседству с Хальфайей. Тут готовилось нечто другое, все должно было быть не так, как в Бенгази, который обстреливали с моря, или под Тобруком, когда начиналась его осада. Сиди-Омар представлял собой фокальную точку, поворотную ось в районе Соллум—Капуццо—Хальфайа—Тобрук.

Ночь подходила к концу, а ничего так и не случилось. Саперы могли возвращаться к своей работе. Следующая ночь... Одежда приклеивалась к телу, автоматы и винтовки с запасными магазинами лежали рядом. Пулеметчик, чье оружие и пулеметные ленты ждали своего часа, находился тут же. Второй номер расчета чистил и перечищал запасные стволы и надежно укрывал их от песка и пыли. Коробки с боеприпасами были полны. Все было готово, потому что папаша Бах следил за всем. Он никогда не ворчал и не ругался, но когда говорил: «Ребята, надо, чтобы...», выражал свои мысли ясно и доходчиво. Он никогда не отдавал бессмысленных распоряжений, но требовал выполнения своих приказов. Все знали, что папаша Бах — командующий обороной перевала Хальфайа — правильный человек, находящийся в правильном месте. Умение верно подбирать людей также являлось одним из секретов побед Роммеля.

Невозможно нормально спать в одежде. В конце концов это раздражает. В соседней «лисий норе» кто-то не выдержал:

— Боже всемогущий, будь у них головы как у быков, мы бы забили их насмерть. — Да, если бы у них были головы как у быков! Баварец фельдфебель Фляйшманн говорил о песчаных блохах. Они могли свести человека с ума. Боже, помогай тому, чью кровь они начали пить. Из-за их крохотных размеров разглядеть тварей удавалось только через увеличительное стекло. Женские особи прыгали на человека, углублялись в кожу так, что на поверхности оставалась лишь задняя часть тельца, и принимались сосать кровь. Сосали до тех пор, пока не раздувались точно шарики. Унтер-офицера Эрхардта они разрисовали от макушки до пят. Многих приходилось отправлять домой, потому что песчаные блохи доводили до полусумасшедшего состояния. Даже таких, как фельдфебель Фляйшманн. Ну что ты будешь делать с этой мразью?

К сожалению, у них не было голов как у быков. Многие пехотинцы забросили подальше свои раскладушки и пытались устроиться в гамаках. Это еще годилось для перевала Хальфайа, но не для Ливийской пустыни. Дело было в шестах — длинные приходилось привозить из Европы, но даже если с длиной шестов все обстояло нормально, установить их прочно в почве оказывалось делом почти безнадежным. Кроме того, как выяснялось, и бесперспективным. Блохи легко запрыгивали и в гамак.

Но не одни лишь песчаные блохи донимали солдат, но и слухи, циркулировавшие в изобилии. Очередной принес в вадии унтер-офицер Бриндель:

— У томми теперь появился новый танк, от которого противотанковые снаряды отскакивают как горох. Называется Mk II.

Никто еще не видел подобной машины, но о новом британском танке уже рассказывались чудеса. Постепенно возникал «панический психоз на почве Mk II». Они слишком долго ждали в напряжении, а ожидание, особенно напряженное, скверно действует на нервы.

Вечером 14 июня подал голос полевой телефон.

— Что-то готовится. Что-то начнется или сегодня ночью, или завтра утром, — спокойным тоном сообщил солдатам капитан Бах. — Вы опытный боец, участвовали в штурмовых атаках, и у вас надежный саперный взвод, — обратился он к лейтенанту Шмидту. — У меня для вас будет особое задание. Вы образуете саперный резерв, и, если томми где-нибудь прорвутся, вашей задачей будет отбросить их.

— Так точно, господин капитан.

Простое задание: если томми прорвутся, Шмидту с его взводом всего лишь надо будет вышвырнуть их обратно. Задача ясна и всем понятна. Понятнее ничего и быть не может. Похоже на рецепт из поваренной книги. Сделайте так-то и так-то, и... и пирог готов.

— Так точно, господин капитан.

Лейтенант изложил задачу фельдфебелю Фляйшманну, Бекеру, Бринделю, Герхарду и Габелю. Потом им осталось только ждать.

Ближе к вечеру саперы быстро закрыли проход в минном поле между 3-й ротой и батареей зениток. Были выставлены удвоенные наряды часовых; дозоры отправились на разведку. Все наострили уши в своих «лисьих норах». Над перевалом воцарилась мертвая тишина, в которую вслушивались тысячи пар ушей. Ни звука... Никакого лязганья танковых гусениц... В африканском небе горели яркие звезды, полная луна освещала пустынный ландшафт. Хватало

света, чтобы читать газету, но газет не было, как не было и желания их читать.

21.57. В динамике приемника звучал тихий голос диктора немецкой военной радиовещательной станции в Белграде. В студии поставили грампластинку с записью «Лили Марлен». Сколько же солдат в своих грузовиках, в передвижных радиостанциях или в танках внимали сейчас сладкому голосу? Проникновенная мелодия путешествовала по свету.

Стоя под фонарем
У ворот казармы,
Любимая, я вспоминаю,
Как ты умела ждать...
Как нежно ты шептала,
Что любишь меня, навсегда
Моя Лили, моя милая Лили,
Моя Лили — Лили Марлен.

Солдаты слушали эту песню во Франции, в Польше, в Норвегии, слушали в море на кораблях и в подлодках, слушали в пустыне. Они сидели в казармах, в кафе, в столовых или в снарядных воронках и мечтали под сладкий голос молодой женщины. Простым, наивным и очаровательным казался он, выведивший простые, наивные и очаровательные слова и мелодию песни — любимой солдатской песни. Сегодня люди склонны критиковать ту песню, многие называют ее кричащей безвкусицей, но это несправедливо по отношению к миллионам солдат, для которых она олицетворяла все самое дорогое — то, что осталось в далеком доме. Песня служила для них антитезой жутким реалиям войны с ее болью и страданиями.

Звуки песни, как по волшебству, переносили их домой к женам и детям, в мирную жизнь городов и деревень. И на глазах у опаленных солнцем, огрубевших душой «лисов пустыни» выступали слезы. Впрочем, не у одних немецких солдат. Алан Мурхэд в своей «Африканской трилогии» пишет: «Не только немцы, но и британские солдаты настраивались на эту волну и слушали ее (песню) каждый вечер. В пустыне повсюду можно было встретить британских солдат, насвистывавших эту мелодию». Песня не требовала перевода. Воздействие «Лили Марлен» было столь сильным, что британские генералы приказывали офицерам запрещать солдатам напевать и насвистывать ее, а также слушать немецкие радиопередачи.

Эта популярная песня обязана своим воскресением войне, потому что только война могла сделать ее хитом номер один. В 1938 г. Вилли Шефферс убедил актрису Лале Андерсен спеть ее в кабаре. Затея кончилась провалом. «Чушь» — такой приговор вынесла песне зрительская аудитория. Пластинка с записью тоже пылилась на прилавках. Некоторое время спустя, однако, она завоевала своего слушателя в Крефельде. Здесь весной 1940 г. накануне Французской кампании дислоцировалась 2-я разведрота 3-го разведывательного батальона. Унтер-офицеры и солдаты валом повалили в кафе, в которых услышали ее впервые. Она понравилась им, и во время посиделок с пивом они неизменно просили поставить пластинку еще и еще раз. В роте служил один резервист, фельдфебель Карл Гейнц Райнтген, который в мирное время работал на Берлинской радиовещательной станции. Он сумел воздать должное «Лили Марлен». Когда весной 1941 г. 2-ю роту перебросили в Африку, Райнтген, которого повысили в звании до лейтенанта, стал главным на студии в Белграде, и судьба «Лили Марлен» решилась. Райнтген взял пластинку с собой и проиграл для роты, в которой служил, поприветствовав бывших товарищей. Через несколько дней началась «реверберация» — пошли отклики. Запись прозвучала вновь и с тех пор неизменно проигрывалась ежевечерне в двадцать один пятьдесят семь по центральноевропейскому времени. Не только на фронте, но и в домах все разговоры смолкали за несколько минут до десяти вечера.

«Включайте Белград», — говорили люди. Все знали, что солдаты слушают песню и думают о доме, и все слушали незамысловатую мелодию, которая обладала способностью увлажнять глаза.

Такова была «Лили Марлен», ставшая частью истории войны.

Лай шакалов прерывал песню, звучащую в динамиках у перевала Хальфайа, возвращая бойцов к действительности. Они были не дома. Они находились в Африке. И пожиратели падали из бескрайней пустыни напоминали им об этом. Грязные мерзкие твари с топорщащейся на загривках шерстью и вечно слюнявыми пастями... Они кружили возле солдатских могил, разгребая камни. Из-за этого погибших старались укрыть понадежнее, образуя над их телами нечто вроде миниатюрных фортов. Часы на руках живых показывали 04.00. Скоро рассвет. Рассвет и закат — веши, которых, в общем-то, практически нет в Африке. Переход от ночи к дню и от дня к ночи занимает всего несколько минут.

Теперь немцы явственно слышали звук моторов. Фельдфебель Фляйшманн доложил об этом в блиндаж. Зазвонил телефон.

Тревога! Крик «Шум танковых моторов, шум танковых моторов!» пронесся по позициям. Наконец-то кончилось напряженное ночное ожидание. Теперь происходило нечто определенное. Спасибо тебе за это, Господи! Такое настроение подогревалось не желанием драться или стремлением к подвигу. Просто кончилось ожидание. Чувство страха нашло реальный объект. Неприятель был впереди, и они собирались драться с ним.

Рокот моторов медленно приближался, а в бинокли вдали уже виднелись черные точки, за которыми тянулись длинные шлейфы пыли, поднимавшиеся над горизонтом. Они пришли.

В бой при поддержке 4-й танковой бригады шла 4-я индийская дивизия.

Капитан Бах разместился на позициях зенитчиков. Чудодейственное оружие, восьмидесятивосьмимиллиметровки, должно было сказать свое словно в предстоящие несколько часов.

— Какие соображения, Рихтер? На каком расстоянии танки?

— Я думаю, три с половиной тысячи метров, господин капитан.

Бах, опираясь на трость, сделал очередную затяжку и проговорил:

— Ну что ж, Рихтер, подождем.

«Ни в коем случае не стрелять. Подпустить противника поближе» — так звучал приказ. Легко было отдать такой приказ — правильный приказ. Но каково было лежать в щелях-убежищах в пустыне, видя, как ползут на тебя стальные чудовища? От этого начинали дрожать руки. Солнце безжалостно жгло землю и все живое на ней, оно слепило, ухудшая видимость, поскольку вражеские танки двигались с востока и солнце висело у них за спиной. Стучали сердца. Мертвая тишина, только рокот приближающихся танков... Тяжелые черные монстры. Мощные монстры. Так вот они какие, эти страшные Mk III! Их становилось все больше, а далеко позади другие танки. Они ползли медленно, слишком медленно для нервов немецкой пехоты. В некоторых местах солдаты не выдерживали. Стальные гиганты еще не проследовали селение Хальфайа, а уже раздались крики:

— В укрытие!

Открыла огонь артиллерия противника, и началась битва за Соллум. Залп следовал за залпом. Свистели снаряды, и одновременно грохотали взрывы. Металл вспахивал землю, покрывая пустыню воронками. Взлетали вверх обломки скальной породы, и то тут то там вырастали столбы дыма. Снаряды продолжали падать в пустую вадю между 3-й ротой и позициями зенитчиков. Там не

было ни людей, ни техники. Несколько минут внимание вражеских артиллеристов было приковано именно к этой точке.

— И сколько нам тут стоять и ждать? — кричал Хоман, а его товарищ Меес возразил:

— Чем больше попадет туда, тем меньше упадет нам на головы.

Главное, чтобы англичане не догадались, что бьют по пустому месту. Надо вести себя так, будто победа уже наполовину в кармане у атакующих. Танк за танком, скрежеща гусеницами, приближались к 3-й роте — все до одного Mk II. За ними следовали легкие бронетранспортеры. Пехотинцы 11-й индийской бригады высадились, построились поротно и двинулись за танками. Все это солдаты противника проделывали спокойно, точно на параде... Никто из них не стрелял.

— Им, должно быть, настал конец, — делились соображениями друг с другом индийцы. — Там нас ждет кладбище джерри.

Эти слова военнопленные говорили потом в оправдание своей беспечности.

У немцев царила тишина. Почему молчали пушки? Британские грузовики всё прибывали. Они останавливались у селения Хальфайа и высаживали пехоту. Неприятель явно не подозревал, как близко от него находятся жерла немецких орудий.

И вот подала голос оборона. Залпы эти явно отличались от хора британской артиллерии. Заговорили восьмидесятивосьмимиллиметровки.

— Прямой наводкой!

Немецкие позиции обрушили на британцев смертоносный град. Беглый огонь из всех стволов. Прямые попадания, столбы пламени, еще прямые... тяжелые башни из сверхпрочной стали, срываемые с корпусов Mk II, отлетали и падали в нескольких метрах от пылающих остовов.

— Это восьмидесятивосьмимиллиметровки. Ты видел? Ну и пушка! — восклицали немецкие пехотинцы. Страх словно улетучился из их сердец. Mk II не выстоять против восьмидесятивосьмимиллиметровок. Но британцы не отступали. Они твердо намеревались овладеть перевалом и прибрежной дорогой, чтобы заполучить порт Соллума и задействовать его в качестве базы снабжения.

Итальянская батарея Парди попала под огонь британской артиллерии. Но ребята Парди продолжали стрелять. Битва тут отличалась еще большим грохотом пушек. Долговязый майор Парди раздавал приказы так, точно находился на учебных стрельбах. Итальянские артиллеристы показывали класс. Среди грохота тяжелых

орудий слышался лай 20-мм зениток. Фенрих (Фенрих — кандидат в офицеры) Гентцлер выбрал себе Mk II и стрелял до тех пор, пока не побелел ствол. Он в ярости смотрел на то, как снаряды отлетают от брони чудовища. Но когда танк развернулся и снаряды попали в корму, в жалюзи моторного отсека, 20-мм зенитка тоже увенчала себя победой. Гентцлеру это понравилось. Он чувствовал себя участником своеобразного сафари, высматривал мишени, прицеливался до тех пор, пока прямое попадание снаряда не заставило его орудие умолкнуть. Когда подбежали санитары-носильщики, из всего расчета уцелел только 19-летний кадет. Несмотря на тяжелые ранения, он выжил.

Ад пылал в пустыне. Такова современная война — технологичное уничтожение, построенное на научном расчете. Дюжина горящих танков беспомощно замерла перед немецкими позициями. Восьмидесятивосьмимиллиметровки били прямо в массы пехоты. Эффект получался потрясающий. С того момента перевал Хальфайа стали звать перевалом «Адский огонь» (Hell fire — *англ.*).

А что происходило на прибрежной равнине, где 1-я рота пыталась заслонить британцам путь к Соллуму? С плато британские танки, катившиеся к позициям 1-й роты, казались игрушечными. Позади следовали грузовики с боеприпасами и заправщики. Немцы сидели тихо, не оказывая противнику никакого противодействия. Затем произошло то же самое, что и на перевале. Но на сей раз все внимание сфокусировалось на минном поле. Страсти накалились до предела. Приближалось пять Mk II. Всего в нескольких метрах от минного поля один из них накрыло гигантское облако черного дыма. Затем раздался глухой взрыв. Второй, третий, четвертый и пятый Mk II продолжали продвижение. Взрыв не насторожил их. И вот вторая машина взлетела на воздух. Наскочили на мины также третий и четвертый. Башня четвертого танка открылась, и томи спрыгнул на землю. Взрыв, гриб дыма, и от человека ничего не осталось.

— Господи, да как же можно так... — пробормотал обер-ефрейтор Фольц, и в голосе его не чувствовалось ликования. Скорее сочувствие человеку, который так необдуманно выпрыгнул из поврежденного танка. Вот что разозлило Фольца. Он не чувствовал вражды и ненависти, просто глухое раздражение, потому что противник не соблюдал правил, являвшихся законом для всех солдат в Африке. Если попал на минное поле, пробираться сантиметр за сантиметром, пробуя ногой на ощупь каждый квадратик земли. Иди с поднятыми руками. Никто в тебя

стрелять не станет. А этот томми просто прыгнул навстречу своей смерти.

Теперь остался только один из пяти Mk II. Скоро и ему должен был настать конец. Но случилось чудо. Машина прошла минное поле. Проползла через шесть рядов мин. Солдаты в своих жалких окопчиках окаменели. Они оказались в незавидном положении. Один из Mk II достиг цели, пробравшись через минное поле. Теперь он сомнет пехотные позиции, и тогда стальному монстру откроется чистая дорога к Соллуму. Но неожиданно чудовище остановилось. Почему? Страх? Ведь экипаж остался один. Возможно. Он развернулся и покатился по минному полю. Громкий взрыв, и № 5 прекратил существование как боевая единица. Экипаж наконец-то осознал, в чем дело. С поднятыми руками они медленно пошли через минное поле, следуя путем, по которому шел их танк.

Солнце уже медленно склонялось к горизонту, снаряды продолжал падать на перевале Хальфайа. Большинство их, правда, по-прежнему попадало в вадии, где не было немецкой пехоты. Одна батарея Парди стояла посреди урагана огня. Парди сам встал к орудию, поскольку наводчика ранили. Орудийная прислуга нет-нет да и бросала гордые взгляды на своего офицера.

— Посмотрите на Рикардо!

— Как жаль, что командующий его не видит!

Роммель, прибыв позднее, поздравил майора Парди, но в тот момент времени на рукопожатия не было.

Британская пехота развернула вторую атаку. Волнами она вырывалась из руин селения Хальфайа.

Они бежали, энергично двигая руками, плоские каски сдвигались на сторону. Бойцы 11-й индийской и 22-й гвардейской бригад... Здоровые парни. Им приходилось наступать по ровной поверхности на немецкие позиции, на которых смерть ждала их, положив пальцы на курки. В штурме участвовали 11-й гусарский и индийские колониальные войска. У всех у них были матери, жены или девушки, и они любили жизнь. Но в головах у наступавших билась одна мысль: надо выбросить чертовых джерри из их жалких лисьих нор на перевале Хальфайа. Джерри разнесли их в клочья, но британские минометы пробили огромные бреши в немецких позициях. И тут погибло множество сыновей и отцов. Ночь с 15 на 16 июня своим плащом милосердно накрыла поле битвы.

Следующим утром вновь встало кроваво-красное солнце, и начался второй день битвы за Соллум. В середине его температура колебалась между 55 и 60 градусами. И никакой влаги, если не считать

глотков отдающей анисовым семенем воды из фляг. Вкус противный, но вода обжигала горло и служила надежным средством против жажды. Этому немцы научились у итальянцев.

В то время как индийские части и бойцы 4-й танковой бригады таранили в лоб германо-итальянские позиции на высотах в ожесточенных танковых и пехотных атаках, две боевые группы генерала Бересфорда-Пирса обходили перевал Хальфайа.

Одна из них продвигалась параллельно берегу к Капуццо и Мусaidu, где в районе Бардии стояла 15-я танковая дивизия Роммеля. Вторая сделала широкий разворот на юг, в пустыню, и попыталась осуществить смелый маневр флангового обхода. замысел состоял в том, чтобы потеснить в северном направлении 5-ю легкую дивизию и после окружения вместе с 15-й танковой дивизией отдать их на растерзание мощной и агрессивной 7-й танковой дивизии. Британский прорыв в центре оказался успешным. Капуццо и Мусайд пали. 7-я танковая дивизия ударила на 15-ю танковую дивизию, которой не удалось сдержать продвижения противника.

На первой фазе британский план сработал. Теперь все зависело от двух обстоятельств. Надлежало подавить немецкое противодействие на позициях на перевале Хальфайа и успешно завершить охватывающий маневр через пустыню, чтобы выйти в тыл 15-й танковой и 5-й легкой дивизиям.

Самый южный немецкий опорный пункт на соллумском фронте, который предстояло обойти 7-й танковой бригаде, носил название «высота 208» и располагался далеко в глубине пустыни. Укрепленный пункт есть не что иное, как эвфемизм. В действительности точка эта мало чем отличалась от безбрежной пустыни вокруг, если не считать одного приметного объекта — старого арабского кладбища. Итальянская пехота и саперные части вместе с немецкими оазисными ротами создали высоту № 208. Этим оазисным ротам — числом всего пять — Роммель велел занять расположенные в пустыне оазисы Джарабуб, Сива и Куфра. Для выполнения задачи задействовали отборных людей. За исключением офицеров, все они были не старше тридцати. Оазисные роты оставили о себе память не только на опорном пункте № 208, но и на перевале Хальфайа и особенно под Соллумом. Позднее их объединили в 300-й оазисный батальон — часть специального назначения.

«Что за прекрасный оазис?» — говорили солдаты друг другу при виде опорного пункта № 208. Пять сотен метров в ширину и шесть сотен метров в длину, он располагался примерно в тридцати кило-

метрах к юго-востоку от Капуццо в сердце пустыни. В жуткой жаре итальянцы бурили в почве углубления, создавая щели-убежища и маскируя тяжелое вооружение. Они проделали великолепную работу. Ни одну из артиллерийских позиций нельзя было заметить ближе чем с двадцати метров. Командовал гарнизоном лейтенант Паулевиц. Гарнизон опорного пункта состоял из 1-й оазисной роты, батареи 37-мм противотанковых орудий, пулеметного взвода и батареи 88-мм зениток под началом лейтенанта Цимера. Опорный пункт № 208 являлся самой южной оконечностью немецкого фронта. Если британцы хотели успешно осуществить охватывающий фланговый маневр и окружить 5-ю легкую Роммеля, им волея-неволей нужно было разгрызть этот орешек. 15 июня тут ничего не происходило. Британцы были полностью поглощены первой фазой — сражением за перевал Хальфайа и продвижением к Бардии. Вечером прервалась даже связь между № 208 и 15-м мотоциклетным батальоном. Опорный пункт оказался предоставленным самому себе. Крошечный островок в океане пустыни... всего лишь точка на огромной шахматной доске битвы.

Рано утром 16 июня, когда еще не рассвело, 7-я танковая бригада выдвинулась к высоте № 208. Как только поступило донесение о том, что слышны звуки танковых гусениц, лейтенант Паулевиц, так и не успев добраться, поспешил к своим людям:

— Никому не стрелять раньше времени. Сидите и ждите, пока пехота и танки не будут у вас под самым носом.

Вскоре рассвело. Силуэты танков виднелись над линией горизонта: они шли, поднимая облака пыли. Паулевиц отправился на батарею восьмидесятивосьмимиллиметровок. Глядя в бинокли, артиллеристы насчитали уже тридцать танков.

— Когда начинаем? — спросил лейтенант Цимер.

— Сначала пропустим первых, — отозвался Паулевиц. — Только не спешите, а то остальные отойдут, и нам придется стрелять в них с дальней дистанции.

Паулевиц закончил бритье. Он немного нервничал. Как поведут себя солдаты? Они служили под его началом всего десять дней. Может статься, кто-то из них не выдержит и раньше времени смешает все карты в игре.

Танки приближались. Цимер насчитал семьдесят машин — все как одна Mk II.

— Не будем нервничать, ребята, — подбадривал он артиллеристов.

Головной танк пересек черту периметра.

— Огонь!

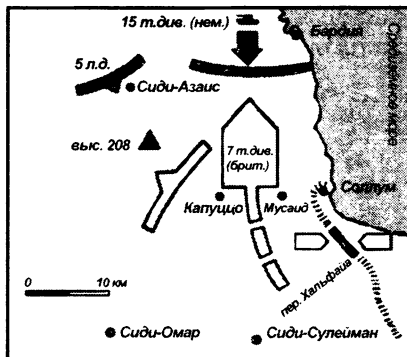
Прогремел залп восьмидесятивосьмимиллиметровок, и танковая башня вместе с орудием взлетела в воздух. Вновь и вновь звучала команда «Огонь!», и вот уже второй и третий танки потеряли ход. Тявкали противотанковые орудия, встречая залпами приближавшиеся британские бронетранспортеры. Нельзя было позволить им высадить пехоту. Уже одиннадцать Mk II горели или дымились на подходе к опорному пункту.

Остальные развернулись, за ними последовала и пехота в бронемашинах и грузовиках. Вместе с экипажами танков в плен попал капитан. Он попросил показать ему восьмидесятивосьмимиллиметровку. Когда просьбу выполнили, капитан покачал головой:

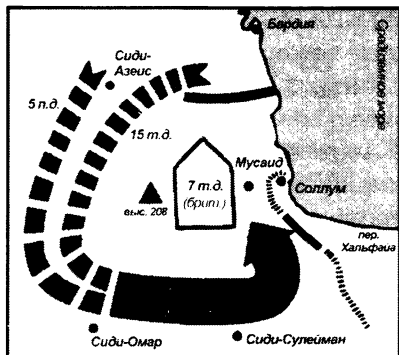
— С виду она не так чтобы очень, но против нее ничего не поделаешь. Mk II она выбивает только так.

Он был совершенно прав.

Когда день перевалил за середину, британцы развернули вторую атаку. В этой схватке они потеряли семнадцать Mk II. Туши двадцати восьми прекрасных новых танков Черчилля неподвижно стояли у опорного пункта № 208. Немцы отразили натиск целой танковой бригады. Британцам этого хватило. Теперь они атаковали силами пехоты, но и этот штурм захлебнулся под пулеметным огнем в трех сотнях метров от опорного пункта. Поле боя представляло собой танковое кладбище, полное горящих и дымящихся чудовищ. Потери гарнизона составляли двое легко раненных и одно выведенное из строя противотанковое орудие. Но что будет завтра? У батареи заканчивались боеприпасы. Подходили к концу и запасы воды. Артиллеристам противотанковых расчетов тоже приходилось экономить снаряды. Где находился враг и где были немецкие войска? Где проходил фронт? Вечером радисту удалось выйти на связь с дивизией. Там обрадовались тому, что самый южный в пустыне форпост держится. Командование направило на № 208 воду и снаряды, и оазисные роты могли ждать новых атак неприятеля. Но британцы больше не показывались. Большая соллумская танковая битва перевалила свой апогей. Генерал Бересфорд-Пирс ошибся в расчетах



*Первая фаза сражения под Соллумом.
Положение на утро 16 июня 1941 г.*



*Вторая фаза сражения под Соллумом.
Положение на вечер 16 июня 1941 г.*

в отношении двух вещей: перевала Хальфайа и опорного пункта № 208. В первом случае всего лишь дивизион, а во втором контингент по численности чуть больше роты сломали планы британцев благодаря многоцелевым 88-мм орудиям.

Авторы официальной истории Африканской войны, опубликованной Канцелярией Ее Величества в 1956 г., после всестороннего изучения всех источников пришли к выводу: «Операция «Бэтлэкс», поначалу развивавшаяся так обнадеживающе, завершилась провалом потому, что не удалось овладеть перевалом Хальфайа и обойти высоту № 208. Решимость сражаться и огневая мощь обороняющихся оказались слишком сильными. Хорошо замаскированные 88-мм орудия стали причиной крупных потерь британской бронетехники. Важную роль в поражении британцев сыграл также фактор неожиданности».

Теперь можно рассказать о заключительном эпизоде сражения за Соллум. В первый день острейшего наступления 7-й танковой дивизии продвинулось через Капуццо и Мусаид и угрожало Бардии. Капуццо, Мусаид и Верхний Соллум пали. В Капуццо царил хаос. Внезапно перед позициями появились пятьдесят британских танков. Мотопехота получала ошибочный приказ: «Отходить». Но все, что они могли, это бежать с той скоростью, на которую были способны их ноги. Однако танки оказались быстрее. Все больше и больше солдат выбывало из этой гонки.

Теперь можно рассказать о заключительном эпизоде сражения за Соллум. В первый день острейшего наступления 7-й танковой дивизии продвинулось через Капуццо и Мусаид и угрожало Бардии. Капуццо, Мусаид и Верхний Соллум пали. В Капуццо царил хаос. Внезапно перед позициями появились пятьдесят британских танков. Мотопехота получала ошибочный приказ: «Отходить». Но все, что они могли, это бежать с той скоростью, на которую были способны их ноги. Однако танки оказались быстрее. Все больше и больше солдат выбывало из этой гонки.

Восьмидесятывосьмимиллиметровка стала их спасением. Лейтенант Тоцки из 33-го истребительно-противотанкового дивизиона привез пушку из Бардии. Три выстрела — и три танка выведены из строя. Сорок танков приостановили атаку и поставили дымовую завесу. Благодаря действиям капитана Кюммеля и солдат 8-го танкового полка, которые из 75-мм орудий двух своих тяжелых танков уничтожили с полдюжины Mk II, британское наступление на этом участке захлебнулось. Кюммель удостоился за свой вклад в разгром противника Дубовых листьев к Рыцарскому кресту и получил прозвище «Лев Капуццо».

В ходе сражения, победа в котором склонялась сначала на одну, а потом на другую сторону, подполковник Кнабе, его адъютант, лейтенант Кунов, вестовые, унтер-офицеры Манкивиц и Гольц, и связисты лежали в придорожной канаве. В сорока метрах от них валялся разбитый автомобиль Кнабе. Они видели, как экипаж британского танка обшаривал машину в поисках трофеев и как танкисты забрали мундир Кнабе. Позднее под покровом ночной темноты немцы по одному и по двое стали просачиваться к своим. Кнабе и Кунова подобрали солдаты 8-го танкового полка, удерживавшего дорогу к Капуццо.

Боевая группа Баха силами 1-го батальона 104-го мотопехотного полка, зенитных батарей и противотанковых орудий продолжала удерживать перевал Хальфайа на фланге у британцев. Как уже говорилось, позиции имели жизненно важное значение, поскольку все снабжение в ходе крупного танкового сражения в районе Бардия—Тобрук приходилось доставлять через гавань Соллума и по прибрежной дороге. Все зависело от того, удастся немцам удержать перевал Хальфайа или нет. «Нужно удержать перевал во что бы то ни стало», — телеграфировал Роммель Баху. Пастор это понимал. Британцы атаковали пять раз. Вновь и вновь их части бросались на штурм немецких позиций. Час за часом громыхали артиллерийские залпы, взрывались снаряды, эхом отдаваясь в каменистых вади. Но Бах держался. Но у него подходили к концу боеприпасы. Парди приказал собирать все итальянские артиллерийские снаряды, валявшиеся в вади, зачищать их поверхность и пускать в дело¹. Бах не только удерживал позиции, он организовал контратаки и выбросил британскую пехоту из селения Хальфайа.

По центру фронта в какой-то момент сложилась критическая для Роммеля ситуация: попытки вернуть Капуццо провалились; 8-й танковый полк лишился большей части своей техники; 5-й танковый полк уходил от преследования противника. Роммелю приходилось принимать решительные меры. Главное, что держался укрепленный пункт № 208. Это позволило немецкому командующему отрядить на № 208 5-ю легкую дивизию, чтобы нанести удар во вражеский фланг. Шаг был простой и в то же время гениальный. Британцы собирались обойти с фланга его, а он решил проделать то же самое с ними. Поворотным пунктом служил № 208. 5-я легкая дивизия проложила себе путь на юг к Сиди-Сулейман и вечером 16 июня вышла в район к востоку от Сиди-Омар. Теперь Ром-

¹ Очевидно, имеются в виду снаряды, которые лежали там, брошенные итальянцами со времени английского наступления. — *Прим. пер.*

мель приступил к еще более смелому маневру. Он снял часть войск из-под Капушчо под самым носом у британцев и перебросил их в помощь 5-й легкой для атаки на Сиди-Сулейман и одновременно во фланг британцам, действовавшим в районе Бардии и у перевала Хальфайа. Этот шаг привел к крушению британского фронта. Генерал Бересфорд-Пирс отдал приказ об отступлении, и отход этот превратился в поражение.

Было 17 июня, день, когда Черчилль написал в дневнике: «Семнадцатого числа все пошло насмарку». Все пошло насмарку потому, что офицеры с несколькими сотнями солдат Африканского корпуса удержали перевал Хальфайа и опорный пункт № 208. Немцам удалось одержать крупную победу благодаря храбрости солдат и смелым ходам Роммеля.

Но нужно сказать честно. Дело было не только в храбрости. Немалое значение имело оружие, особенно превосходство 88-мм пушек.

Сражение продолжалось семьдесят два часа. У британцев оно носило название операции «Бэттлэкс». В течение семидесяти двух часов британский главнокомандующий в Каире, генерал Уэйвелл, при поддержке «Тигра» Черчилля пытался изменить ход боевых действий в Африке. Но немцы превзошли противника оружием и хитростью, и дело тут не только в восьмидесятивосьмимиллиметровках, но и в немецких PzKpfw III и PzKpfw IV¹. 15-я танковая дивизия понесла тяжелые потери в технике. Но немцы, имея хорошо организованные ремонтные службы, отбуксировали поврежденные танки с мест боев и восстанавливали их в походных мастерских. Такой подход вызвал изумление британцев, и Черчилль в мемуарах не преминул высказать свое восхищение по этому поводу. Операция «Бэттлэкс» завершилась. Самая крупная битва с участием бронетехники, которую приходилось видеть пустыне, закончилась немецкой победой.

Британские суммарные потери составляли 122 убитых, 259 пропавших без вести и 599 раненых. Было уничтожено свыше 100 британских танков. Большое количество поврежденных, но не

¹ Первые в массе своей вооружались 37-мм пушками, но немецкая промышленность уже перешла на выпуск PzKpfw III с 50-мм пушками, правда, в основном пока короткоствольными. PzKpfw IV вооружался 75-мм пушкой, тоже короткоствольной. Оба эти танка считаются конечно же средними, так как весили они в разных модификациях от 18 до 22,5 т и имели, соответственно, в разных версиях разную броневую защиту. — *Прим. пер.*

потерявших ход сумело отойти. Уэйвелл лишился ядра своей бронетехники.

Немецкие потери составляли 93 погибших, 235 пропавших без вести и 350 раненых. Общее количество потерянных танков составляло 12 единиц, еще 50 получили повреждения.

Превосходство в качестве руководства и лучшее оружие принесли победу. Но война еще не кончилась. Британцы извлекали уроки из своего поражения. Но даст ли Роммель им время с пользой употребить науку? Летом 1941 г. этот вопрос был животрепещущим, но ответ зависел не от одного лишь Роммеля.

Британские коммандос охотятся на Роммеля

Солдаты Роммеля считали его неуязвимым. «Еще не отлита пуля для нашего Старика», — говаривали они в изумлении, часто качая головами, когда он, точно нюхом чувствуя опасность, покидал на своей бронемашине то или иное место за минуту до того, как туда падал снаряд. Они лежали в пыли пустыни под пулеметным огнем противника — носа не могли высунуть из своих окопчиков без риска тут же лишиться головы. Атака захлебывалась, Роммель мгновенно появлялся на позициях и, стоя в окопе во весь рост, прикрывая глаза козырьком ладони, говорил:

— Да что с вами такое, ребята? Ну стало у вас чуть-чуть жарко, так не надо же из-за этого каждый раз хлопаться пузом в грязь!

Стоило ему уехать, как то один, то другой солдат падал раненым или мертвым. И всегда, везде повторялось одно и то же. Многие из старых «лисов пустыни» рассказывали мне об этом — люди, вернувшиеся домой с Железными и Рыцарскими крестами, люди, которые не тряслись от страха под обстрелом. Да, для Эрвина Роммеля еще не отлили пулю.

Легенды о неуязвимости Роммеля циркулировали по передовой; военнопленные приносили их в «ничейную землю», скоро и томми стали считать немецкого генерала неуязвимым. В раздражении британские офицеры докладывали начальству: «Само имя Роммеля и окружающие его легенды несут в себе психологическую опасность для британской армии».

Восемнадцатого июня 1941 г. среди разгромленных экипажей 7-й танковой дивизии оказались и наши старые знакомые, Кларк и

Миллер. Сколь же уверенными они были в победе, когда 15 июня восседали в башне своего Mk II. Теперь от той уверенности не осталось и следа. В последний момент они улизнули из большого котла Роммеля между Сиди-Омаром, перевалом Хальфайа и фортом Капушо. Угнетающий отход.

Неужели немцы и в самом деле непобедимы? Неужели ничего нельзя сделать, чтобы разгромить их? Вот о чем думали эти молодые люди. И не только они. Моральное состояние войск упало — заключали в штабах разного уровня.

Уинстону Черчиллю пришлось освободить генерала сэра Арчибалда Уэйвелла от руководства боевыми действиями в пустыне. Премьер назначил его главнокомандующим в Индии. Новый человек принял скипетр военачальника в Африке. Человек с репутацией крутого и жесткого военного — генерал сэр Клод Окинлек. Сумеет ли он разбить Роммеля? Этого чертова Роммеля!

На повестке дня стояло нанесение решительного удара. И неудивительно, потому что идея захватить Роммеля в плен созрела на самых верхах британского военного руководства.

Эрвин Роммель и понятия не имел о коварных замыслах противника. В те времена он не был ни столь неуязвимым, ни столь уверенным в себе, каким рисовала его молва. Его терзало беспокойство. Как будет развиваться кампания в Африке? 18 июня, на следующий день после одержанной им победы, он уже знал о неизбежном вторжении в Россию, а это означало, что ему нечего надеяться на скорое поступление крупных подкреплений в живой силе, бронетехнике и самолетах.

Он отдавал себе отчет в том, что мысли Гитлера и Германского генштаба заняты европейскими проблемами и что они не питают симпатии к Африканскому ТВД и не видят больших стратегических возможностей, открывающихся на нем. Начальник генштаба, генерал Гальдер, был уверен в невозможности разгромить британцев в Северной Африке. Он рассматривал боевые действия в пустыне как средство отвлечения неприятеля, необходимое, чтобы выиграть время.

Всегда бытовало мнение о Роммеле как о бесподобном тактике, прекрасном лидере, вожаке, за которым солдаты идут в огонь и в воду, но как о не слишком дальновидном стратеге. История, однако, показала, что стратегические планы Роммеля не были утопиями — в действительности они являлись куда более реалистичными, чем замыслы фюрера, который летом 1941 г. в своем «Волчьем ло-

гове» в Растенбурге, что в Восточной Пруссии, руководил боевыми действиями в далекой России, точно лесной дух.

У Роммеля созрела смелая идея, которую он и предложил Гитлеру и генштабу: овладеть Тобруком и развивать натиск на Суэцкий канал. Но не Египет являлся конечной целью. Немцы могли продвинуться дальше, захватить Басру и выйти к Персидскому заливу, задействовав Сирию как главный плацдарм и крупную базу снабжения. Разве это фантастика? Разве этот план более фантастичен, чем затея Гитлера, решившего перейти Кавказ и взять нефтяные месторождения Баку? Затее эта кончилась печально, а план Роммеля имел под собой более здравую основу. Достаточно ознакомиться с рапортом № 38177 генерала Окинлека касательно положения дел в Африке между ноябрем 1941 г. и августом 1942 г. Интересная вещь. Оказывается, британский командующий на Ближнем Востоке как раз и опасался того самого плана, который намеревался осуществить Роммель. Британия не располагала сильными войсками для обороны Сирии. В Ираке и Персии, на пути к Персидскому заливу у Окинлека имелись только слабые формирования. По мнению Окинлека, Кипр могли бы легко захватить немецкие парашютисты. Окинлек опасался за свой северный фланг и молил бога, чтобы немецкое руководство не последовало планам Роммеля.

Но летом 1941 г. перед Роммелем стояли не только проблемы большой стратегии, но также и трудности тактического характера. Что произойдет, если британцы атакуют вновь? Казалось очевидным, что они попытаются добиться кардинального разрешения ситуации. Британские моряки трудились без устали, привозя на африканский берег все, что требовалось войскам, мощь которых росла день ото дня.

Тобрук должен был пасть, хотели ли того Гитлер и Германское верховное командование или нет. Вот что заботило Роммеля.

И тут он получил поддержку оттуда, откуда и не ожидал, — от главы немецкой разведки, Абвера, от адмирала Канариса — человека, который колебался между «сопротивлением» и долгом. Хотя его признавали саботажником, он сослужил очень неплохую службу немецкому военному руководству.

В Иерусалиме у Канариса имелся прекрасный агент — женщина, медсестра в британском госпитале. Она добывала немало ценной информации у раненых британских солдат. Ее поразили замечания некоторых англичан, разглагольствовавших о предстоящем наступлении в Северной Африке. Сестра подталкивала и других солдат к обсуждению интересующих ее тем, таким образом пере-

проверяя информацию. Донесения медсестры произвели на адмирала столь сильное впечатление, что он переправил их Гитлеру и Йодлю.

Роммеля тоже ввели в курс дела. Он не колебался: необходимо как можно быстрее овладеть Тобруком. После длинного телефонного разговора из Рима с генералом Йодлем Роммелю удалось преодолеть противодействие Германского верховного командования, и он начал готовиться к атаке. Если окажется возможным, она стартует в октябре.

Таким образом, медсестра из госпиталя — немецкий агент в Иерусалиме — в течение какого-то времени стояла у руля войны.

Британцы и в самом деле полным ходом вели приготовления к наступлению. Основная задача — вывести из игры Роммеля. Мозговой центр немецкой кампании в Северной Африке надлежало парализовать, убить или захватить.

Группа дальнего действия в пустыне являла собой подразделение особого назначения, предназначенное для ведения диверсионной деятельности и сбора разведанных. Аналогичной частью с немецкой стороны были солдаты разведывательно-диверсионного полка № 800 «Бранденбург», выполнявшие специальные задания в тылу у неприятеля.

Группа дальнего действия в пустыне состояла из добровольцев-командос. Штаб их дислоцировался в пещерах возле оазиса Сива, а позднее — под оазисом Куфра. Оттуда они совершали смелые рейды, действуя в нескольких сотнях километров за линией фронта. Их выдающимися акциями были атаки на немецкие аэродромы, расположенные в 550 километрах от передовой. Несколько недель командос рыскали по пустыне на джипах, точно на каное в бескрайнем море. Они пробирались к целям и уничтожали все бомбардировщики и истребители, которые находили на поле, они взрывали склады с горючим, наносили тяжелый урон личному составу частей аэродромного обслуживания, а на обратном пути захватили еще с полдюжины военнопленных.

Что могли бы сделать эти ребята с Роммелем! Могли, например, разделаться с ним прямо в его штаб-квартире или взять в плен. Оставалось только узнать, когда и где бывает Роммель, что и было проделано.

Но британская разведка совершила крупный промах в подготовке величайшего эпизода деятельности рыцарей плаща и кинжала в Африканской войне.

Главный квартирмейстер танковой группы «Африка», майор Шлейзенер, в ходе приготовлений к немецкому наступлению обустроил свою штаб-квартиру далеко за линией фронта, в районе Кирены, в исторической местности. В античные времена здесь возвышались прекрасные здания — Кирена являлась одним из процветавших древнегреческих поселений. Колонны и стены храмов стояли там до тех пор, пока мощнейшее землетрясение, потрясшее побережье Киренаики, не разрушило все до основания. В 1913 г., после сильнейшего ливня, итальянские солдаты обнаружили в вадии один из самых замечательных шедевров древнего искусства — Венеру Киренскую.

Проливные дожди не есть нечто неожиданное — подобные явления вообще не редкость в данном регионе. Остатки строений Кирены протянулись почти до самого маленького итальянского поселения Беда-Литториа. На склоне росли кипарисы, а среди них — двухэтажное здание, служившее в качестве префектуры. Вокруг рощицы, овраги, пещеры и скалы... Главный квартирмейстер разместился здесь в конце августа 1941 г.

17 ноября осенняя непогода, уже несколько дней бушевавшая в районе Беда-Литториа, обрела форму мощнейшего ливня.

Главный квартирмейстер Шлейзенер в ту пору в штаб-квартире отсутствовал. Как и его деловитый помощник, капитан Отто, майор находился в госпитале (он лежал там с дизентерией) в Аполлонии, а Отто — с воспалением легких. Адьютант Отто, Литхвальд, тоже пребывал в госпитале с дизентерией. Поэтому роль главного квартирмейстера выполнял капитан Г. Вайтц. Майор Пёшель — его заместитель. Более двадцати офицеров, ординарцев, вестовых, водителей и военнослужащих вспомогательного состава сидели в штабе квартирмейстера и, зевая от скуки, слушали, как за стенами шумит дождь.

Вскоре после полуночи они разбрелись по комнатам первого и второго этажа и укладывались спать на раскладушках.

Часовых не выставляли. Зачем ставить охрану на таком удалении от фронта? Один фельджандарм нес вахту в коридоре внизу. Единственным его оружием служил штык, да и он сам в большей степени являлся не стражем, а сортировщиком поздней почты. Рядовой Матте Боксхаммер из квартирмейстерского моторизованного взвода дежурил в палатке охраны, причем после полуночи ему позволялось нести службу в горизонтальном положении — на своей походной кушетке.

Расположенная далеко от передовой, Беда-Литториа спала. Но среди кустов и деревьев на возвышенностях мелькали призрачные тени — люди в британской полевой форме с раскрашенными черной камуфляжной краской лицами. Время от времени при вспышке молнии внимательный наблюдатель мог бы заметить мимолетное движение. Что-то мелькнуло, шевельнулось, и все — тишина. Гроза продолжала бушевать, а в Беда-Литториа гасли последние огни. До полуночи оставалось десять минут.

Призраки из кипарисовой роши проделали длинный путь. 15 ноября две британские подлодки, «Торбэй» и «Талисман», высадили их в маленькой пустынной заводи на побережье Киренаики, задание — за двенадцать часов до старта генерального британского наступления убить или захватить в плен Эрвина Роммеля.

Процитируем Уинстона Черчилля: «Чтобы в критический момент поразить мозг и нервный центр вражеской армии, пятьдесят шотландских командос под началом полковника Лэйкока были доставлены на подлодках в точку у побережья, расположенную в трех сотнях километров в тылу у противника. Тридцать, которые высадились из бурного моря, были сформированы в две группы, одна для того, чтобы перерезать телефонные и телеграфные линии, а другая, находившаяся под командованием подполковника Кийза, сына адмирала Кийза, с целью напасть на дом Роммеля».

Все было спланировано в штабе адмирала флота сэра Роджера Кийза. Адмирал возглавлял британский центр специальных операций (SOE) и был тем самым человеком, который в 1918 г. командовал смелой атакой британской морской флотилии против немецких подлодок на базе в Остенде. Тогда он перекрыл вход в гавань и нанес сокрушительный удар по немецкому ВМФ. Адмиралу не терпелось повторить свой успех в 1941 г.

Из сотен солдат и офицеров, проходивших в течение нескольких недель курса специальной подготовки в Лондоне, отобрали пятьдесят три человека. Джеффри Кийз, старший сын сэра Роджера, на тот момент майор, выбрал самых крепких парней, которых только смог найти. Заместителем его стал капитан Кэмпбелл, свободно говоривший на немецком и арабском.

15 ноября в шторм они высадились на берегу Киренаики. Огромные волны, пенясь, перекатывались через «Торбэй», подлодку бросало, точно спичечный коробок. Резиновая лодка несколько раз опрокидывалась, но вновь и вновь экипаж вылавливал ее из воды. Кийз приказал строго держаться курса шлюпки и прокладывать путь через бушующее море к берегу. Вскоре Кийз, Кэмпбелл

и двадцать два командос почувствовали под ногами твердую землю. Для полковника Лэйкока с его группой на подлодке «Талисман» дела обернулись похуже. Двое утонули. Значительной части отряда оказалось не по силам сражаться с волнами, и выбившихся из сил командос подняли на борт. Только семеро добрались до берега, таким образом, численность группы сократилась вдвое. Кийз решил сконцентрировать усилия на главном — акции против Роммеля.

Полковник Лэйкок остался у места десантирования с тремя командос, дабы обеспечить отряду прикрытие при возвращении. Оставшиеся — трое офицеров и двадцать пять солдат, — трясась от холода, с четверть часа шли в направлении от моря, пока не встретились с неким таинственным арабом. Им был подполковник Джон Хэселден, старший офицер Группы дальнего действия в пустыне, который некоторое время прожил в немецком тылу, маскируясь под араба. Хэселден являлся одной из ключевых фигур британской разведки, действовавших за спиной у Роммеля. Он выполнял роль консультанта. Он разъяснил диспозицию — Кийз все зафиксировал в своем блокноте — и дал командиру командос трех проводников-арабов. На этом таинственный агент свою работу закончил. Руководство МИ5¹ не желало подвергать опасности жизнь Хэселдена и не позволило ему принять участие в операции. Он исчез так же тихо, как и появился. Кийз и его люди отправились дальше.

Итак, ночью 17 ноября 1941 г. Кийз со своими командос находился на песчаной дюне около Беда-Литториа. Они произвели ориентировку на местности. Впереди виднелись хижины, а немного дальше — кипарисовая роща. Посредине находилось большое каменное здание. Оно и было целью. Тут работал или уже спал Роммель — такими сведениями располагала британская разведка, и эту информацию подтвердил Джон Хэселден на основании данных арабской агентуры. Кийз и его люди вполне доверяли имевшимся у них сведениям, но все они стали жертвами нелепой ошибки. Разобраться, в чем суть, несложно. В конце июля 1941 г. генерал Роммель получил под свое начало вновь созданную танковую группу «Африка». Главный штаб ее дислоцировался в Беда-Литториа. Начштаба был генерал-майор Гаузе, а полковник Г.Ш. Вестфаль — первым офицером штаба². Все они разместились в здании префек-

¹ Сокр. от *National Security Division of Military Intelligence* — Отдел государственной безопасности управления военной разведки. — *Прим. пер.*

² Начальник оперотдела. — *Прим. пер.*

туры и нескольких реквизированных зданиях вокруг нее. Отделы располагались в отдельных домах, на дверях которых имелись таблички: адъютант командующего, первый офицер штаба, второй, третий и т.д.

Обо всем этом британская разведка знала. Вероятно, сфотографировали и сами здания, и таблички на дверях.

Однако в конце августа Роммель со своим штабом перебрался в Кантоньера-Айн-эль-Газала, что в 65 километрах к западу от Тобрука, а позднее — в Кантоньера-Гамбут между Тобруком и Бардией. Главный квартирмейстер со своим штабом занял освобожденные помещения в Беда-Литтория.

Британская разведка об этом не ведала. Может быть, арабские агенты намеренно ввели в заблуждение британцев? Или причиной стала чья-то жадность в шпионском корпусе? В чем бы ни была причина, в сентябре как в Каире, так и в Лондоне пребывали в уверенности, что штаб-квартира Роммеля по-прежнему находится в Беда-Литтория. Глобальная ошибка! Тем временем Кийз вышел к заданному объекту.

В письме отцу перед отправкой на задание он писал: «Если рейд увенчается успехом, Англия сделает шаг вперед, а это многого стоит, пусть даже я и попадусь». Кийз был не так уж не прав. Хотя в Беда-Литтория находилась не штаб-квартира Роммеля, но там дислоцировался штаб главного квартирмейстера — узловая точка, в которой сходятся все, что касается пополнений и снабжения. Тут находился центр германо-итальянской танковой группы. Разгром его мог посеять хаос.

Дождь лил и лил. Гром и молнии — точно по заказу — служили аккомпанементом происходившего на сцене. Было 23.59, когда Кийз посвятил своих людей в последние детали плана. Сам командир, Кэмпбелл, сержант Терри и шесть солдат поползли к входу в здание. Еще трое пробрались к черному ходу. Немецкий часовой стоял открыто у главного входа. Сержант Терри должен был убить его ударом ножа. Кто знает, возможно, солдат сделал неожиданное движение, лезвие не достигло цели, и в мгновение ока в коридоре завязалась драка.

Немец громко звал на помощь, но крики тонули в грохоте грозы. Все из-за той же грозы никто не услышал и как взорвалась располагавшаяся всего в тридцати шагах от дома силовая станция: командос разнесли ее на части зарядом динамита.

В темном коридоре британцы не могли применить автоматы. Они старались скрутить часового, заставив его замолчать. Но сол-

дат оказался человеком сильным и храбро защищался. В конце концов он упал возле первой двери в коридоре. Это падение стало роковым для Джеффри Кийза.

Существует несколько британских версий того, что случилось в Беда-Литтория.

Черчилль в мемуарах пишет об этом довольно туманно. Десмонд Янг, британский биограф Роммеля, в своей книге приводит детальное описание рейда в штаб-квартиру немецкого генерала. Но точной информации об операции нет, и Янг не говорит, почему там не оказалось Роммеля. Наиболее подробный рассказ о рейде можно найти в январском номере журнала «For Men Only»¹ за 1957 г. Там говорится, что говоривший по-немецки Кэмпбелл вызвал часового и Кийз пристрелил последнего. Затем Кийз, Кэмпбелл и Терри, перескочив через тело, распахнули дверь первой комнаты.

«В глаза им ударил слепящий свет. Немецкие офицеры неподвижно сидели вокруг стола и взирали на пришельцев. Не говоря ни слова, Кийз скосил лучших людей немецкой интендантской службы из автомата».

Затем, согласно журналу, «они распахнули дверь в следующую комнату. Но находившиеся там успели уже погасить свет и открыли огонь из пистолетов. Кийз получил пять пуль, но Терри, бросившись вперед, дал по сидящим в помещении несколько очередей».

Находившийся снаружи Кэмпбелл, согласно официальным британским источникам, видя, что Кийз умирает, сам будучи раненым в ногу, передал командование лейтенанту Куку, поручив ему вывести отряд на берег. Дошли они туда или нет, не говорится. Сообщается о предполагаемой гибели четырех офицеров генштаба и о том, что, к несчастью, Роммеля захватить не удалось, поскольку в 20.30 он выехал из штаб-квартиры на свадьбу одного шейха, откуда вернулся только в 00.40. Иными словами, через тридцать минут после рейда. В общем, просто не повезло!

Подобных версий много, и все они отличаются высоким драматизмом. Британцы описаны презирающими смерть храбрецами, а немецкие офицеры — парализованными страхом...

А что же было на самом деле?

Думаю, я знаю верный ответ. Я опрашивал всех оставшихся свидетелей с немецкой стороны, и рассказы их помогли мне составить ясную картину происшедшего.

¹ Только для мужчин. — *Прим. пер.*

Заместитель квартирмейстера, майор Пёшель, помнит бурные события той ночи очень хорошо, и он дал мне исчерпывающее описание происходившего. Я имел возможность дополнить его рассказ информацией из рапорта унтер-офицера Альфонса Гирша и обер-ефрейтора Отто Барта, который они составили на следующий день после рейда. Фельдфебель Лентцен, военврач Юнге, водитель Фридрих Гонольд и радист Эрвин Шауэр добавили несколько подробностей, которые помогают пролить свет на события той ночи. Мне представляется, что нет оснований сомневаться в том, что после нападения на часового в коридоре рейд продолжался таким образом.

Когда здоровенный часового упал на пол вместе с британским солдатом, он ударился о дверь комнаты — оружейной, в которой спали фельдфебель Лентцен и унтер-офицер Ковачич. Они проснулись, вскочили с постелей и схватили свои 9-мм пистолеты «Парабеллум». Лентцен бросился к двери, распахнул ее и, осмотревшись, выстрелил из него. В тот момент майор Кийз бросил две ручные гранаты, которые пролетели мимо головы Лентцена и взорвались в комнате. Взрывной волной фельдфебеля сбilo с ног, однако он остался невредим. Ковачич, который бежал к двери, погиб. Третий унтер-офицер, Бартель, который еще только поднимался с постели, сумел отскочить и не получил ни царапины. События развивались с головокружительной быстротой. Наверху, на втором этаже, дежурный офицер, лейтенант Кауфгольц, еще не спал, когда услышал крики часового. Он сразу же вскочил и выхватил из ящика пистолет. Затем выбежал в коридор и бросился вниз по лестнице. В тот момент в первой комнате взорвались две ручные гранаты. В свете взрыва Кауфгольц заметил британских солдат. Но и капитан Кэмпбелл увидел немецкого лейтенанта. Кауфгольц выстрелил первым, и командир британских командос майор Кийз, вскрикнув, упал на пол. В тот же момент Кэмпбелл дал очередь из автомата. От перил в разные стороны полетели щепки. Пули попали в Кауфгольца. Умиравший лейтенант рухнул на ступеньки, успев прострелить Кэмпбеллу голень. Британский офицер упал.

Таким образом, двое командиров вышли из строя. В темном коридоре остались только сержант Терри и двое рядовых. Со второго этажа доносились голоса немецких офицеров. «Эффект внезапности утрачен, — понял Терри. — Но где остальные, те, кто должен был ворваться в здание с черного хода?»

Вот именно! Где же остальные?

В тот момент снаружи послышалась яростная автоматная стрельба. «Что это? Немцы контратакуют?» — подумал Терри.

И вновь произошла одна из тех трагических ошибок, преследовавших командос. Ни о какой немецкой контратаке не могло идти и речи. Произошло нечто совершенно сверхъестественное. Лейтенант Ягер, спавший рядом с оружейной, был буквально выброшен из постели взрывом ручных гранат. Стеной между комнатами служила перегородка из трехслойной фанеры. Она разлетелась на куски. Ягер в пижаме выскочил из окна — его тоже выбило взрывом. Это было ошибкой с его стороны. В своей светлой пижаме он оказался очень хорошей мишенью, к тому же бежал лейтенант прямо на британского солдата. Томми не колебался, он даже не потребовал от Ягера поднять руки вверх — что бы стал делать боец диверсионного отряда с военнопленным? Короче, он скосил лейтенанта автоматной очередью с расстояния в три метра. Бедолага превратился в решето.

Но эти выстрелы сослужили командос скверную службу. Сержант Терри, находившийся со своими людьми в темном коридоре, услышал их и решил, что снаружи завязался бой. Лишившиеся офицеров британцы бросились на улицу.

Такой же эффект произвели выстрелы, сразившие лейтенанта Ягера, и на вторую группу командос, которая находилась у черного хода и не могла войти в дом. У них имелись все шансы если и не захватить или убить Роммеля, то учинить полный разгром в штабквартире главного квартирмейстера всего за каких-то пять часов до начала британского наступления. Мухой в желе стала канистра с водой, и майор Кийз никак не мог предугадать той роли, которую сыграет эта канистра.

Через черный ход можно было попасть в небольшое помещение, некогда служившее кухней. Сейчас там валялось полным-полно столов и прочей кабинетной мебели. Маленькая дверца сбоку выходила на винтовую лестницу, которая вела в подвал, где ночевали фельдфебель Альфонс Гирш и обер-ефрейтор Барт. Обер-ефрейтор был уже не молод и не любил спать с незапертой дверью. Поскольку замок или засов у двери черного хода отсутствовал, Барт каждый вечер ставил перед ней канистру с водой и вдобавок баррикадировал шкафом. Подобный запор нельзя было взять никакой отмычкой. Рейдеры попытались высадить дверь, но она не подалась. Они остались снаружи и стали рассуждать, что делать, в то время как командиры их, Кэмпбелл и Терри, вели бой в темном коридоре. Когда в саду прогремели автоматные очереди, поставившие точку в жизни лейтенанта Ягера, командос у черного хода подумали, что это засада, и решили уносить ноги.

— Опустите фонари! — закричал майор Пёшель немецким офицером, выбегавшим из комнат на втором этаже. Но ночной кошмар уже закончился. Снаружи раздалось еще несколько автоматных очередей. Послышался протяжный крик, и все стихло.

На лестнице они обнаружили мертвого лейтенанта Кауфгольца, а в коридоре лежал британский офицер с вымазанным черным камуфляжем лицом — храбрый майор Кийз. Пуля пробила его грудь, задела сердце и легкое. Он получил еще одну легкую рану в бедро. Это, скорее всего, была пуля из пистолета фельдфебеля Лентцена. Пуля, сразившая командира диверсионного отряда, вероятно, была выпущена из пистолета Кауфгольца, поскольку, если верить Кэмпбеллу, когда Кийз бросил гранаты, а Лентцен выстрелил, майор крикнул: «Черт побери! Меня зацепило!» В тот момент в свете разрыва гранаты он заметил на лестнице Кауфгольца и закричал Кэмпбеллу: «Вон он! Вали его!» Затем, после выстрела Кауфгольца, Кийз упал. Почти одновременно Кэмпбелл дал очередь из автомата, но и Кауфголец успел нажать на курок, раздробив кость голени Кэмпбелла. Капитан дополз до двери, где наткнулся на ноги часового, лежавшего наполовину в комнате. В спине его было полно осколков ручных гранат, но при всем при том раны его оказались не смертельными.

Собственно, вся операция провалилась из-за этого часового. Причем он остался единственным, чье имя я, несмотря на все попытки, так и не смог установить, и все из-за того, что он служил в полевой жандармерии, а в штабе главного квартирмейстера не было списка личного состава этой части. Неизвестный солдат.

На улице отправившиеся на поиски немецкие патрульные наткнулись на тело лейтенанта Ягера. Но прежде чем командос ушли, автоматы их вновь сработали. И вновь раздался крик умирающего. Через длительное время фонарики дозорных высветили четвертого убитого немца, Боксхаммера из моторизованного подразделения главного квартирмейстера. Матте Боксхаммер, 20-летний парень из Баварии, дежурил, ожидая прихода поздней почты. Боксхаммер в своей маленькой палатке, по всей видимости, услышал крики часового и, выскочив наружу, помчался навстречу товарищу. Он напоролся как раз на сержанта Терри и двух солдат, и они скосили его очередью из автомата. В похоронке Матте Боксхаммера было написано именно то, что и произошло: «Пуля настигла его, когда он спешил на помощь раненому товарищу».

Кошмар кончился. Великая авантюра провалилась. Грандиозный замысел не удался из-за непредвиденных обстоятельств и из-

за действий всего нескольких человек. Просто невозможно представить себе, что бы произошло, сумей командос проникнуть в здание префектуры незамеченными и уничтожить весь аппарат главного квартирмейстера за пять часов до начала британского наступления.

Остается добавить ко всему сказанному только небольшой рассказ врача Вернера Юнге.

Капитану Кэмпбеллу автоматной или пистолетной пулей чисто перебило кость голени. Других ран у него не было. Судя по всему, нога подлежала ампутации, потому что шансов на сращение кости почти не было, зато существовала опасность заражения крови. Но по просьбе пациента врач Юнге попытался спасти ногу. Поскольку Юнге свободно изъяснялся по-английски, ему поручили неофициально допросить Кэмпбелла. Тот не признался, что знает немецкий. Юнге не узнал ничего важного. Кэмпбелл сразу разгадал намерения врача и, наконец, произнес по-немецки: «Не стоит утруждаться, я вам все равно ничего не скажу».

Врач продержал Кэмпбелла в гипсе четырнадцать дней в госпитале до тех пор, пока перед сдачей Дерны пациентов не отправили по воздуху в итальянский госпиталь.

— Кэмпбелл был очень приятным человеком, — сказал Юнге. — Как врачу мне было бы интересно узнать, удалось ли мне спасти ему ногу. Я носил его британские башмаки на рифленой подошве до конца войны. Они принесли мне больше удачи, чем ему, впрочем, я и не бывал в таких заварушках, как он.

А что случилось с остальными командос?

Уходя после провалившейся операции, солдаты не решились сразу же направиться к ожидавшим их подлодкам. Опасаясь, что немцы пошлют крупную поисковую команду, они решили затеряться среди арабов. Но совместный германо-итальянский отряд начал поиск только на следующий день! Несколько дней он прочесывал все вокруг. Поисковики прошерстили все арабские хижины, в которых полевая жандармерия облазила все углы. Солдаты пристально всматривались в лица арабов, следили за их движениями, но добиться чего-либо от этих то бесстрастных, то принимавшихся энергично жестикулировать людей не могли. Ни одного британского солдата, ни следа военной формы.

Потом явился итальянский карабинер, который жил в этих местах много лет и знал местность и народ как свои пять пальцев.

— Я скажу вам, что надо делать, — заявил он гордо, затем привел арабскую девушку из селения и завел с ней длинный разговор, суть которого выражалась вот в чем: — Ты и твоя семья получите тридцать шесть килограммов муки и девять килограммов сахара, если выдлите нам британцев.

Около сорока килограммов муки и десять килограммов сахара — да для арабов в то время это было целым состоянием. Желание разбогатеть пересилило британские фунтовые банкноты и знаки предводителя сенусси, служившие своего рода паспортами. Дамочка ушла, и скоро первого британца уже вывели из того самого дома, который весь сверху донизу облазили солдаты немецкой полевой жандармерии. На нем были арабские обноски. В конце концов в руки немцев попали все командос. Только ловкому сержанту Терри с двумя рядовыми удалось улизнуть и пробраться к британским позициям. С пленными не стали поступать в соответствии с приказом Гитлера, применяемым по отношению к партизанам, что означало бы расстрел. Роммель распорядился считать их военнопленными. Погибший британский командир был со всеми подобающими почестями похоронен на кладбище в Беда-Литтория рядом с четырьмя убитыми немцами.

Предатель выдает план наступления

Во что превратилась бы война, не будь предателей? Война стала бы лишь вопросом математических формул, в соответствии с которыми лучшие стратеги и храбрейшие солдаты, располагающие более мощным оружием, неизменно оказывались бы в победителях. Но так не получается. Предательство — злой гений войны. Предатель смешивает карты, расстраивает планы даже самых гениальных полководцев. Он превращает в ничто героизм и военное искусство, превосходство в вооружении и отвагу солдат перед лицом смерти.

Исход скольких битв решался в результате подлого предательства? Наверное, стольких же, сколько их было выиграно благодаря храбрости.

Так повелось с давних-давних пор. Но есть одно утешение — случается так, что усилия самых злокозненных предателей пропадают втуне просто потому, что им не верят. Когда немецкий супершпион, «Цицерон» (Эльяс Базна), слуга-албанец британского посла в Турции, продавал Адольфу Гитлеру содержание сверхсекретных

телеграмм из Лондона, раскрывая сведения о военных планах союзников, Германское верховное командование не желало верить в их подлинность. Гитлер подозревал, что его пытается обмануть британская разведка, свою ошибку он осознал слишком поздно.

Аналогичным образом, когда немецкий курьерский самолет, везший планы наступательной операции против Франции в 1940 г., по ошибке сел на бельгийской земле, а экипаж не успел уничтожить документы, генералы в штабе союзников решили, что Гитлер своим дьявольским трюком стремится подтолкнуть их к каким-то неверным шагам. Они только посмеялись и не стали делать того, что следовало. Наступление Гитлера, который не стал менять планов, принесло ему победу на западе¹. История полна примерами предательств, плоды которых остались неиспользованными. Здесь пойдет речь о предателях, усилия которых пропали даром, которые упустили золотой шанс и которым их предательство сослужило скверную службу.

Война в пустыне тоже знала своих предателей. Один такой трагический случай, все еще скрытый покровами таинственности, произошел во время кровавых боев за жизненно важную крепость Тобрук. Осенью 1941 г. этот хитроумно укрепленный город, некогда являвшийся главнейшим форпостом итальянских колониальных владений в Северной Африке, все еще продолжал отражать атаки Роммеля. Как мы уже знаем, Черчилль лично отдал приказ держать город до последнего человека. И «крысы Тобрука» держались. Таким образом, Тобрук продолжал представлять собой постоянную опасность для флангов и тыла войск Роммеля. Ему пришлось приостановить свое продвижение к Александрии, Каиру и Суэцкому каналу. Если немецкий командующий собирался когда-нибудь выйти к берегам Нила, он должен был овладеть Тобруком.

— Его нужно взять, — сказал Роммель.

— Его нужно взять, — вторили его генералы и солдаты. Но все их штурмы заканчивались безрезультатно.

Так обстояли дела в ноябре 1941 г. Приготовления к большому наступлению завершились; наконец-то поступило снабжение, хотя и далеко не в полном объеме — многое отправилось на дно Среди-

¹ В мемуарах немецких генералов я встречал совершенно иные утверждения. Так, у Г. Гудериана в книге «Воспоминания солдата» говорится, что из-за случая с самолетом план как раз и изменили, приняв лучший вариант, предложенный Манштейном (М., 2001. С. 122–123). То же самое сказано и у Ф. фон Меллентина в книге «Танковые сражения 1939–1945 гг.» (иначе «Танковый кулак вермахта»). (М., 1999. С. 29). — *Прим. пер.*

земного моря стараниями команд боевых кораблей Королевского Флота.

В начале ноября 1941 г. Роммель на своем штабном автомобиле «Мерседес» отправился инспектировать фронт. Он появлялся то там то тут неожиданно, а ночью, сидя в своем автобусе, служившем ему жилищем, обдумывал полученные впечатления. Он вновь и вновь выверял свой план — план, который начертил своей собственной рукой. Он принял во внимание опыт предыдущих штурмов крепости. Его карта с нанесенными на ней частями и часами ввода их в действие являлась ключом к крупномасштабному наступлению. В замыслы командующего входило не только падение Тобрука, но, как я уже отмечал ранее, он намеревался наступать к Нилу и Суэцкому каналу, откуда мечтал выйти в Сирию, возможно, добраться до Персидского залива, ударить по нефтяной кормушке Великобритании на Ближнем Востоке и проложить маршрут в Индию.

Но первым на повестке дня стоял Тобрук. На основании плана Роммеля сотрудники штаба сделали детальные пометки на секретной карте. Командиры различных частей получили устные приказы об их задачах и целях, все было проработано до мелочей. На сей раз все должно было получиться.

Командир 15-й танковой дивизии генерал Нойманн-Зильков сформировал специальную часть, которой предстояло стать проводником во время атаки на крепость. Подразделение имело своей задачей выводить различные части на конкретные участки, помогая преодолевать противотанковые рвы и вклиниваться в оборонительные сооружения на значительную глубину. Военнослужащие этой части знали каждый бункер, каждый ров, каждую батарею. Схема действий была проработана с мелочной дотошностью, куда лучше, чем в предыдущих операциях.

Все находилось в готовности. Проводники заготовили указатели и позаботились об освещении. Солдаты ждали приказа о начале атаки. Он мог поступить в любой день и час — когда угодно. Никто не знал даты, которую нельзя было найти ни на одном документе, даже на схеме, нарисованной самим Роммелем. Никто, кроме Роммеля и нескольких посвященных, не знал, что после ряда отсрочек день «Д» назначили на 23 ноября. Поскольку было известно о том, что британцы тоже готовят наступление, предполагаемым действиям противника дали кодовые имена: «Прилив» — если это будет атака среднего уровня и «Потоп» — если англичане развернут полномасштабную операцию. Когда приду-

мывали эти названия, никто и не предполагал, что может начаться настоявшее наводнение. А оно началось 17 ноября — не атака, а ливень.

— Дождь! — радостно кричали солдаты. — Дождь!

Они протягивали руки из палаток и умывались струями дождя. 17 ноября все приветствовали ливень. Дождь в пустыне — как замечательно! В районе Джебель и перевала Хальфайа таких дождей не видели шестьдесят лет. Но скоро люди забеспокоились. Военнослужащие части специального назначения 15-й танковой дивизии сидели в палатках на краю Джебель к востоку от Гамбута и слушали пение дождя. Они чувствовали себя вполне защищенными. Даже смеялись, когда вода, ворвавшись в палатки, покрыла их колени.

— Господи боже! — говорили они друг другу, стараясь перекрыть грозу. — Это что-то новенькое — утонуть в пустыне!

Но через секунду ухмылки так и застыли на губах. Раздался могучий рокот, и вода с плато полилась ревущим потоком. Все походило на сход лавины. Не прошло и нескольких минут, как палатки были смыты. Грузовики переворачивало, точно некий великан бил их кулаком, подхватывало, несло и разбивало вдребезги о скалы. Крики людей о помощи тонули в реве воды и раскатах грома. Многие утонули — утонули посреди пустыни. Другие, кого ударило по голове камнем и сбило с ног, задохнулись в грязи. Кошмарная выдалась ночь. Кроме всего прочего, темнота стояла такая, что невозможно было разглядеть собственные ладони, даже поднеся их к лицу.

Другой акт этой трагедии разыгрался на перевале Хальфайа. В свете молний все присутствовавшие становились свидетелями леденящих душу сцен.

— Ни дать ни взять опера «Вольный стрелок», — саркастически заметил радист Юнг, обращаясь к Дегену, своему другу. Но это была не театральная постановка. Палатки, легкие грузовики, оружие и все остальное уносилось потоками разбушевавшейся стихии. Юнг и Деген поняли, что их жизни грозит опасность и что спастись будет непросто. Палатка, рация, лопаты и даже котелки и запас консервов — все исчезло. Они взобрались по скалистому склону и спасли итальянца, которого уже закручивало водоворотом.

— Madonna, Madonna mia, — зывая, стонал он. Ничего не было видно, но по обрывкам фраз, доносившихся до них, становилось понятно, что рядом борются за свое спасение и другие.

— Нам нужна помощь, — заключил Деген. Они пробирались вперед, проваливались в заполненные водой ямы, спотыкались,

стараясь сохранить равновесие в стремительных потоках и не свалиться в залитые траншеи.

Они слышали жуткие, режущие уши взрывы — это детонировали на минном поле противотанковые мины-растяжки. Немецкие мины рвались под тяжестью песка, массы которого двигала вода. Грохот и вспышки взрывов словно соревновались с раскатами грома и всполохами молний.

Слава богу, что хоть британцы не атаковали. Юнг и Деген спешили к батальонному штабу. Там на двух солдат посмотрели с нескрываемым удивлением, будто они были выходцами с того света.

— Что, британцы уже разгромили Первую роту? — спросил кто-то.

— Британцы? — с неменьшим изумлением отозвались промокшие до нитки радисты. — Большая вода, а не британцы.

Озадаченные офицеры обменялись многозначительными взглядами.

Может быть, эти двое имеют в виду «Прилив»? О чем идет речь? О природном катаклизме или о британском наступлении? Что за идиотская ситуация! Наконец, когда прозвучало кодовое слово «Потоп», все стало ясно. В этом все равно чувствовалась злая ирония: наводнение и полномасштабное британское наступление. Чем все кончится? Многие позиции затопило, оружие смыло. Словно муравьи, солдаты бросились назад, к перевалу Хальфайа, и принялись за работу. Действуя, словно они амфибии, люди в Гамбуте пытались спасти технику.

В дело вступило подразделение особого назначения генерала Нойманн-Зилькова. Но занялось оно не штурмом Тобрука. Британцы опередили немцев. Немецкая разведка оплошала. Кто-то выдал врагу планы немецкого наступления? На подобные размышления времени у людей не осталось. В истории войны британское наступление, стартовавшее 18 ноября 1941 г. — за пять дней до того, как Роммель предполагал развернуть свою полномасштабную атаку, — считали и считают следствием примечательных совпадений — удачей, улыбнувшейся сэру Клоду Окинлеку и предоставившей ему верный шанс на победу. Но это не совсем так. Британская разведка тоже сыграла немалую роль в этой драме.

Переодетые арабами офицеры Группы дальнего действия в пустыне под началом подполковника Хэселдена отправились в глубокий немецкий тыл. Но сведения, приходившие в ставку главного командования в Каире, носили отрывочный характер. Арабские девушки доставляли британцам определенную долю информации.

Проводники верблюдов доносили о сосредоточениях немецких и итальянских войск. Но всего этого было недостаточно. Британские шпионы в то время активно действовали не только в Африке. Они работали и в Европе, на Сицилии и — прежде всего — в Риме, где разведке удалось установить ряд полезных контактов. Согласно хорошо информированным итальянским источникам, итальянский адмирал Мауджери являлся британским агентом, который снабжал противника данными о том, какие грузы, в каком количестве и когда направляются к Роммелю из портов Италии. Что же удивляться, что семьдесят пять процентов всего снабжения и вооружения шло ко дну? Полные масштабы предательства так никогда и не были установлены, но одно не подлежит сомнению — британским агентам удавалось получать исчерпывающую информацию, что часто приводило к поражениям немцев в Африке.

Однако адмирал Мауджери был не единственным поставщиком сведений на Африканском ТВД. Из высоких кабинетов в Берлине важная информация стекалась к сотрудникам британской разведки через каналы в Риме. Предмет этой главы в истории войны — одновременно и темное, и тонкое дело, поскольку утечки военной информации подчас становились следствием политической борьбы с Гитлером. Политическое сопротивление немецкому и итальянскому фашизму, искусно используемое британскими и американскими разведками, нередко вело к разглашению военных тайн, причем источник иногда и не осознавал того, что совершает предательство¹.

Питательной средой для функционирования британской шпионской сети в Италии служило несогласие многих высокопоставленных итальянских офицеров с командованием Роммеля, а также зависть к его успехам в Африке. Победы немецкого генерала на фоне итальянских поражений ранили гордость, задевали тщеславие, что вкупе с осознанием невозможности выиграть войну собственными силами создавало британским шпионам условия для внедрения в итальянские штабы. К этому нужно добавить страстную ненависть к фашизму, которую питала большая часть роялистски настроенного офицерского корпуса, ненависть, которую они переносили на гитлеровского генерала Эрвина Роммеля. Конечно же, британцы знали об этих настроениях в итальянском командовании. Британские агенты жили в Риме, имели друзей в генштабе и

¹ Оправдание своих поражений предательством, а в особенности предательством союзников — прием старый, как сама война. — *Прим ред.*

умело использовали настроения влиятельных роялистских кругов общества.

Было бы в корне неверно утверждать, что источником предательства служил офицерский корпус в Африке. Нет и еще раз нет. Если бы это было так, разве смог бы Роммель одерживать свои блистательные победы? В большинстве своем итальянские офицеры отличались храбростью, верностью долгу и доблестью. Итальянские солдаты делали все от них зависящее. Но вот в целом то, как осуществлялось руководство, причем на самых разных уровнях, оставляло желать лучшего. Генштаб подчинялся приказам Муссолини без всякого желания и с еще меньшей охотой откликаясь на предложения Роммеля. Итальянские войска на передовой выполняли свой долг. Беда их в том, что они имели никуда не годных командиров и очень плохое оружие. Их танки представляли собойдвигающиеся гробы. Боеприпасы никуда не годились. И дело тут заключалось не только в техническом банкротстве. Часто причиной отказа техники и оружия становился саботаж. Саботаж принял до селе неведомые в истории кампании размеры.

С энтузиазмом, но в то же время и со скептицизмом, генерал Окинлек изучал лежавшие перед ним на столе бумаги. Начальник разведотдела его штаба тоже с трудом скрывал волнение.

Что же так радовало и тревожило этих людей? Перед ними лежал набросок плана штурма Тобрука, сделанный Роммелем собственноручно. Там было все: объекты атаки, задействованные части, позиции резервов, слабые точки фронта наступления и время начала отдельных акций. Одним словом, полный расклад. Полный, за исключением одной детали — отсутствовала дата. Диспозиция на плане относилась ко дню «Д». Но когда именно он назначен, было непонятно. И все же они располагали планом врага — мечтой любого генерала.

Долго не утихали споры. Подлинный это план или же старый Лис пустыни пытается ввести их в заблуждение? Что задумал этот хитрец, не раз уже сбивавший с толку лучших британских стратегов в Африке? Ведь случалось же уже, что он посылал солдат из ремонтной части на грузовиках с установленными на них авиационными двигателями поднимать пыль в пустыне, имитируя танковую атаку, а сам тем временем наступал в совсем ином месте. Не позволил ли он нарочно фотокопии плана атаки попасть в руки вражеской разведки, чтобы ввести в заблуждение британское командование? Специалисты из разведки настаивали на том, что план и все пометки на нем выполнены рукой самого Роммеля, это подтверж-

далось сравнением элементов его почерка на трофейных документах. Окинлек же сразу увидел в плане печать гения Роммеля. И все же главный вопрос оставался открытым: «Надежен ли источник?»

Но что в таких случаях значит надежен или не надежен? Чем крупнее предательство, тем больше недоверия оно вызывает. После продолжительных споров в штабе Окинлека решили, что документ подлинный. Какой успех! Можно считать, что они поймали Лиса в им же расставленный капкан. Это было все равно что заглянуть в карты партнеру по игре в бридж. Тут проиграет даже лучший игрок.

Поскольку Окинлек решил считать фотокопию плана Роммеля подлинной, оставалось несколько важных вопросов. Первый и главный — дата? Совершенно очевидно, что атака Роммеля могла начаться в любой день. Второе — как лучше извлечь выгоду из улыбки Фортуны? На плане было видно, что Роммель предполагал штурмовать крепость с юга и с востока. Атаки можно было ждать завтра или послезавтра. Следовательно, необходимо ускорить собственные приготовления и как можно быстрее развернуть свое наступление.

У британцев была возможность изменить диспозицию в осажденном Тобруке, дабы рассчитанным противодействием плану Роммеля свести немецкий штурм, имевший все шансы на успех, к поражению. Но Окинлек решил, что этого слишком мало: готовившееся британское наступление необходимо увязать с разрушением замыслов Роммеля. Надо дать ему возможность начать атаку, а когда она наберет обороты, обрушиться на незащищенный правый фланг танковой группы «Африка» и полностью разгромить ее. Данную схему действий Окинлек полагал единственно верной. Это означало, что в самом Тобруке ничего не надо было менять, чтобы не вызвать подозрения разведки Роммеля. Что значила оборона позиций в Тобруке? Теперь ничего — вопрос заключался уже не в обороне этого города, речь шла о победе в Африканской кампании.

Тем не менее сидеть без дела британцам не пришлось. Они осуществляли быстрые передвижения по Египту, причем так, чтобы их не могла засечь немецкая разведка. Требовалось действовать со скоростью молнии. Штабные офицеры Окинлека поработали на славу. Колонны войск маскировались под караваны верблюдов. Позиции так искусно скрывались от постороннего глаза, что немецкая и итальянская воздушные разведки потерпели полное фиаско. Ни одного рапорта, способного вызвать настороженность командования, в штаб Роммеля не поступило.

14 ноября, к началу операции, благодаря сверхчеловеческим усилиям своего штаба и войск, Окинлек находился в полной готовности. Части вышли на исходные позиции.

«Пусть Роммель начинает», — с улыбкой говорили офицеры Окинлека. Но он не начинал.

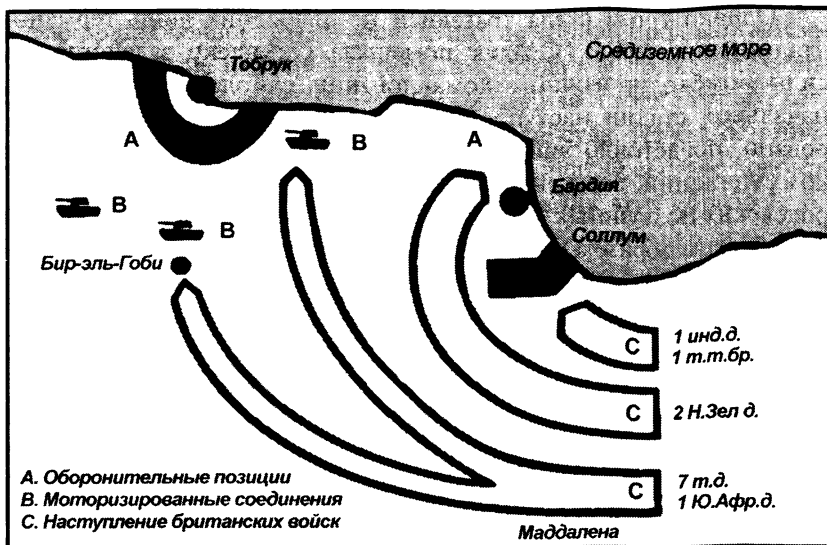
Фельдмаршал Окинлек впервые откровенно рассказал о тобрукском предательстве в журнале «Пикчер пост» от 25 апреля 1953 г.: «В плане любой операции всегда есть какое-то «но». В случае с Тобруком таким «но» являлся тот факт, что мы не знали даты, которую Роммель выбрал для начала штурма. Мы знали, что атака обязательно состоится и что она — вопрос нескольких ближайших дней. Но дата оставалась нам неизвестной».

Прошло 14 ноября, затем 15-е. В Каире и Лондоне с нетерпением ожидали наступления Роммеля. Но ничего не произошло даже и 16 ноября.

Шестнадцатого ноября в Лондоне занервничали. Штурмовые части находились на исходных позициях уже три дня, некоторые стояли посреди пустыни. С каждым днем возрастала опасность обнаружения их немецкой разведкой. Кроме того, на исходных позициях для наступления в пустыне нельзя находиться вечно. Когда ничего не случилось и 17 ноября, в Лондоне не выдержали. Оно и понятно, ведь британцы поставили все на одну карту — в данном случае на немецкую. Подняли голову скептики. А если все же фотокопия была фальшивкой? Частью грандиозного надувательства? А не окажутся ли тщетными все приготовления? Что, если противник перехитрил их? Обмен корреспонденцией между Лондоном и Каиром активизировался. Окинлек намеревался подождать еще. Черчилль и Военный кабинет не соглашались с ним. На основании информации о наступательных позициях Роммеля, расстановке своих сил, потенциале 8-й армии и учитывая фактор внезапности, Черчилль считал, что даже без начала немецкого штурма победа уже у него в кармане. По его мнению, продолжать ждать означало провалить все предприятие.

17 ноября Черчилль припер командующего войсками Великобритании на Ближнем Востоке к стенке, назначив окончательной датой наступления 18 ноября.

Уверенность Черчилля в победе наглядно отражается в тексте послания, которое он направил Окинлеку от имени Его Величества короля: «Впервые войска Великобритании и империи встречаются немцев, располагая достаточным для этого количеством оружия всех типов. Исход сражения окажет влияние на ход войны в



*Наступление британских войск в Ливии 18 ноября 1941 г.
Операция «Крусейдер»*

целом. Необходимо нанести мощнейший удар для достижения решительной победы, во имя нашей отчизны и свободы. Армия пустыни впишет новую страницу в историю, сравнимую с Бленхеймом и Ватерлоо. Глаза всего мира обращены на вас. Наши сердца с вами. Пусть же Бог поддержит правого».

Черчилль вспомнил Бленхейм. Это английское название битвы под Хохштедтом, где в 1704 г. герцог Марлборо — один из предков премьера¹ — вместе с Евгением Савойским в ходе войны за Испанское наследство одержал решительную победу над франко-баварской армией. Разгрома армии Роммеля хотел и Уинстон Черчилль.

У Окинлека не осталось выбора, как только приступить к развертыванию операции «Крусейдер»². Так называлось у британцев наступление, из-за которого ранним утром 18 ноября на перевале Хальфайа, в Гамбуте и по всему Африканскому фронту, когда небо открыло все свои шлюзы, зазвучали тревожные сообщения «Прилив» и «Потоп».

¹ 1-й герцог Марлборо, Джон Черчилль. — *Прим. пер.*

² Крестоносец. — *Прим. пер.*

Однако гроза стала трагедией не для одних лишь германо-итальянских войск. Стихия помешала Окинлеку задействовать силы Бомбардировочного командования, самолетам которого на начальной стадии наступления, как то было тщательно спланировано, предстояло внезапным налетом вывести из строя линии коммуникаций, базы снабжения, порты и штабы. Эскадрильи Королевских Воздушных Сил не смогли подняться в воздух 17 и 18 ноября. Таким образом, погода стала помехой как для одной, так и для другой стороны. В то время, пока немцы на перевале Хальфайа и под Гамбутом сражались с потоками грязи и воды, когда под тяжестью оползней рвались мины на минных полях, когда ураган сносил с позиций тяжелое оружие, когда Роммель находился в Риме, а в Беда-Литториа подсчитывали ущерб, нанесенный командос Черчилля, острия британского наступления вырывались из залитых грязью нор и британские танковые армады скрежетали гусеницами по затопленным водой пустынным тропам. Битва началась.

А кто же передал британцам план Роммеля?

Фельдмаршал сэра Клода Окинлек — единственный человек, который мог бы дать точный ответ. Но британское военное ведомство, по всему видно, не считает, что пришло время обнародовать детали интригующей истории предательства.

Фельдмаршал Кессельринг, бывший в тот период в Риме командующим войсками на юге, написал мне: «В конце ноября 1941 г. я принял командование силами Люфтваффе на Средиземном море как командующий войсками на юге. Ни от самого Роммеля, ни от его главного штаба я никогда и ничего не слышал о том, что кто-то выдал противнику план немецкого штурма Тобрука в 1941 г. Это, разумеется, не позволяет утверждать, что предательства не было.

Строжайшую секретность, которую соблюдал Роммель и которая применялась по отношению к его контрнаступлению с позиций у Эль-Агейлы с целью захвата Киренаики, можно, вероятно, приписать негативному опыту в прошлом.

Я лично говорил итальянскому начальнику генштаба генералу армии графу Кавальеро, с которым у меня сложились прекрасные рабочие взаимоотношения, о том, что кто-то, возможно, выдает информацию о конвоях из Италии в Северную Африку, но не мог разорвать покровы, окутывавшие это предательство. Обычно весьма эффективная служба подслушивания тоже оказывалась не в состоянии дать удовлетворительного объяснения.

И все же существовали неопровержимые доказательства того, что союзники получали исчерпывающие сведения о месте, времени

и маршрутах конвоев стран «оси». Многие конвои проходили незамеченными и не подвергались атакам, когда мы приказывали им менять изначальные курсы. То же происходило и в тех случаях, когда из порта выходили скоростные немецкие суда. Из каких источников утекала информация в стан противника? О составе колонн, характере груза, портах и времени отправления этих кораблей, об их сопровождении решения принимались небольшим количеством высокопоставленных итальянских офицеров и офицеров немецкого Люфтваффе. Но не абсурд ли обвинять в предательстве всех этих итальянских и немецких командиров? Разве все те люди не знали, что результатом утечки сведений будет не только потеря судов и грузов, но и гибель многих и многих храбрых итальянских и немецких солдат, которые утонут в Средиземном море или взлетят на воздух вместе со своими судами? Как мог бы любой обладающий совестью человек оправдаться перед своими солдатами, своими согражданами и самим Господом Богом?

Перед нами головоломка. В результате включения многих немецких офицеров ВМФ и Люфтваффе в итальянский штаб по организации снабжения осуществлялись обоюдные проверки и была налажена мощнейшая система обеспечения безопасности с целью пресечения попыток предательства со стороны отдельных личностей.

Потери сокращались, а потом вовсе сходили на нет, когда морские и воздушные силы союзников использовались в других местах — например, для охраны конвоя — или были связаны атаками немецких бомбардировщиков и блокированы подводными лодками. Но потери возрастали в пугающих пропорциях, когда конвои стран «оси» выходили в море с наиболее крупными подкреплениями и важными грузами. Как командующему войсками на юге мне приходилось обеспечивать все более и более мощное прикрытие с воздуха, чтобы иметь возможность доставить к месту назначения в Африку по крайней мере главные пополнения, технику и предметы снабжения. Пилоты страдали от переутомления: им приходилось без передышки летать днем и ночью над морем, и при этом они редко оказывались в нужном месте в нужное время. Таким образом, предательство наносило вдвое и втрое больший вред Африканской кампании.

В послевоенные годы кое-что стало известно. Американец Эллис М. Захариас, капитан первого ранга морской разведки, а позднее глава отдела морской разведки в Италии, в своей книге «Секретное задание» говорит, что ему становились известны все планы

Альто Командо Навале¹. Ему докладывали подробности всех важных совещаний, происходивших там. Из Сервицио Информационе Навале² он узнавал секретные данные о численности войск стран «оси». Основной контакт он имел с итальянским адмиралом Мауджери, заслуги которого не остались без награды союзников.

Довольно Кессельринга.

Генерал-лейтенант Фриц Байерляйн, один из ближайших и наивернейших соратников Роммеля, ответил на мои вопросы так:

«В период британского зимнего наступления 1941 г. я был подполковником и служил начштаба Африканского корпуса. В тот момент танковая группа «Африка» состояла из одного немецкого и трех итальянских корпусов (10, 20, 21-го). В начале операции мой штаб находился в Бардии, но потом мы почти не сидели на месте.

Уже когда шло наступление, мне стало известно, что план Роммеля штурмовать Тобрук кто-то выдал британцам. Сведения подтверждались показаниями британских военнопленных. Выяснить имя предателя оказалось невозможным. Высокоставленные итальянские офицеры присутствовали на многих штабных совещаниях в Африканском корпусе перед началом наступления, а также участвовали в практических занятиях на макетах. Я не склонен, однако, винить итальянцев в предательстве в случае с Тобруком просто из-за того, что подобные вещи замечались за нашими союзниками в других случаях».

Генерал Зигфрид Вестфаль — в ноябре 1941 г. подполковник и начальник оперативного отдела танковой группы Роммеля — сказал мне следующее:

«С конца сентября 1941 г. Роммель планировал крупномасштабный штурм Тобрука. Он предвидел новое британское наступление, которое, как он считал, в свете замены генерала Уэйвелла генералом Окинлеком являлось лишь вопросом времени. Роммель хотел предвосхитить наступление противника. Таким образом, для него все это являлось гонкой за время, а ему постоянно приходилось откладывать свои планы из-за непоступления всего необходимого. С целью выяснить намерения неприятеля 14 сентября 1941 г. 21-я танковая дивизия отправила разведывательный отряд в район Бир-Хабаты. Участники рейда не обнаружили никаких признаков приближения британского наступления. В следующие недели британцы, благодаря превосходной маскировке у себя в тылу, сумели ввести в заблужде-

¹ Главное командование ВМФ Италии. — *Прим. пер.*

² Разведывательный отдел ВМФ Италии. — *Прим. пер.*

ние разведку Люфтваффе. Мы также не получили ни одного донесения от наших агентов. Таким образом, 18 ноября 1941 г. британское наступление застало Роммеля врасплох, но не в оперативном плане, а в тактическом. Я не знал, каким образом разработанный Роммелем оперативный план штурма Тобрука попал в руки Окинлека».

Генерал Вестфаль считает, что диспозиция сил обороны Тобрука не давала поводов предположить, что британцы имеют представление о тактике Роммеля.

Подполковник фон Меллентин — в то время начальник разведки танковой группы — придерживается того же мнения.

Я также встречался с человеком, много лет несшим службу в качестве писаря и секретаря Роммеля, фельдфебелем Бёттхером. Он находился при фельдмаршале с лета 1941 г. по октябрь 1944 г. Он ведал делами и имел доступ ко всем личным и разведывательным документам.

Альберт Бёттхер написал мне: «Фельдмаршал Роммель всегда настоятельно требовал строгого соблюдения режима секретности. Документы по своей важности разделялись на категории и носили соответствующие пометки: «Совершенно секретно», «Секретно. Для командного состава» и «Конфиденциально». С совершенно секретными материалами работали исключительно офицеры главного штаба, передавали такие документы специальные посыльные офицеры. Те папки и конверты, которые имели гриф «Секретно. Для командного состава», тоже доставлялись в части только курьерами. Все остальное отправляли с мотоциклистами или с вестовыми. Служащие штабов отбирались самым тщательным образом и давали особую очень жесткую подписку о соблюдении секретности. В то время как совершенно секретные документы подлежали хранению в запертых на ключ шкафах и сейфах, те, что предназначались для командного состава, поступали в ведение адъютантов каждой отдельной части. Никому, кто не располагал доступом к данным конкретным папкам, видеть их не разрешалось. Связь с итальянскими частями и Итальянским главнокомандованием, которые приходилось информировать о каждом крупном оперативном решении, осуществлялась через итальянских офицеров связи.

Из-за подвижного характера войны и из-за привычки фельдмаршала появляться на передовой со своим штабом постоянно существовала опасность попадания всех материалов в руки неприятеля. Не раз мы стояли с открытыми канистрами с бензином в руках, готовые все немедленно сжечь. набросок, сделанный фельдмаршалом Роммелем, обычно возвращался в шкаф для хранения

документов в штаб-квартире и находился там среди его личных бумаг, чтобы командующий мог поработать с ним, когда придет время. Документов скапливалось очень много, и заниматься копированием их было для нас настоящим бедствием.

Для передачи секретных документов по фототелеграфу использовался код. Аппарата в тактическом штабе мы не держали — он находился на удалении от линии фронта. Послания надо было декодировать, а код менялся через определенные промежутки времени. Если разведка доносила, что противник подслушивает или что он взломал код, его немедленно изменяли. Глава разведки армии отвечал за всю деятельность службы информации.

Разведка в полосе действий армии являлась областью подполковника фон Меллентина, начальника разведотдела. Его обязанностью было добывать информацию о противнике и снабжать ею штаб главного командования. Особенный интерес представляли, естественно, вражеские соединения, вооружение, происхождение¹ и позиции войск на передовой или в прилегающих районах. Допросы военнопленных, пеленг сеансов радиосвязи неприятеля, использование переводчиков, посты прослушивания, включение во вражеские телефонные сети и отправка специальных отрядов на территорию врага — все это являлось частью работы начальника отдела разведки. Кроме того, к нему стекалась информация от наших войск. Разведка в тылу во время войны в Северной Африке находилась в ведении итальянского главного штаба. Поскольку штаб Роммеля постоянно оказывался в районе передовой, нам нелегко было справляться с работой своевременно — мешали вражеские бомбардировщики и истребители, действовавшие на бреющем полете. Канцелярская работа не всегда легкое занятие, особенно ночью, когда не было света и нам приходилось делать свое дело в палатке или в грузовике при свечах».

Такова точка зрения Альберта Бёттхера.

Недаром говорят, что все дороги ведут в Рим. В нашем случае это изречение приобретает особый смысл и значение. Отчеты экспертов в штабе Роммеля показывают, что грамотная разведка противника имела множество возможностей добывать ценную информацию через каналы в Риме. Какой-то человек в цепочке, по которой проходил план Роммеля, передал фотокопию ценного документа врагу. Кто же? На этот вопрос еще предстоит дать ответ.

¹ Страны, из которых прибыли части. — *Прим. пер.*

Окинлек атакует

«Крысы Тобрука», так засевшие в крепости австралийцы с гордостью именовали себя, не спали в ночь с 17 на 18 ноября 1941 г. Они лежали среди развалин и слушали шум дождя, изумительно-бесконечного дождя — такого сильного, что его не могла принять пустыня. Британский гарнизон сидел в осаде с лета. Конечно, англичане господствовали на море. Несмотря на тяжелые потери, британские морские суда тайно пробирались в порт ночью, доставляя жизненно важное снабжение и даже пополнения. Поэтому на протяжении семи месяцев защитники могли отражать все попытки Роммеля овладеть городом. Когда появились слухи о том, что немцы готовятся к новому штурму, австралийцы смеялись в своих щелях-убежищах. Ночью 18 ноября они внимали речи Черчилля, которую передавала радиостанция из Лондона: «Армия пустыни впишет новую страницу в историю, сравнимую с Бленхеймом и Ватерлоо».

Они продолжали слушать шум дождя. Хотя они и не могли слышать этого в его звуках, они знали, что британские танки, бронемашин, грузовики и артиллерия уже прокладывают себе путь через мокрый липкий песок. Многокилометровые колонны шли на запад к Тобруку, чтобы помериться силами с Роммелем.

Могущественная армада почти из тысячи танков и бронемашин приближалась, чтобы сразиться с пятью сотнями немецких и итальянских танков. 30-й корпус, включавший в себя 7-ю танковую дивизию, 1-ю южноафриканскую дивизию и 22-ю танковую бригаду, выступил из района сосредоточения в Мадделене и продвигался к Тобруку. 13-й корпус силами 4-й индийской дивизии, 2-й новозеландской дивизии и 1-й армейской танковой бригады шел с востока, чтобы атаковать по соллумскому фронту. Подвижные моторизованные войска наступали от Джарабуба, чтобы, глубоко прорвавшись в тылы Роммеля, заблокировать германо-итальянские линии коммуникаций.

Немцы вообще не заметили опасных британских приготовлений. Разведывательные части Люфтваффе оказались не на высоте. Не смогли засечь даже британские полевые склады в южной пустыне на левом фланге. Ни один агент не прислал предостерегающего донесения. Не было перехвачено ни одного сообщения по радиации, потому что Окинлек ввел суровый режим радиомолчания.

Таким образом, гигантские танковые колонны, невидимые для противника, шли той ночью к Тобруку. Цель их состояла в том, чтобы снять осаду с крепости и уничтожить немецкую армию — уничтожить часть за частью в соответствии со сделанным Роммелем наброском, фотокопия которого лежала на столе у Окинлека в Каире.

С немецкой стороны есть много описаний событий сражения, начавшегося 18 ноября и достигшего своего пика в воскресенье, пять дней спустя.

Никто, однако, не определял достижений немецких войск между началом «Потопа» и воскресеньем, 23 ноября, не дал достойной оценки блестящему руководству Роммеля и его офицеров.

Чуть севернее Гамбута унтер-офицер Губбух из 8-й роты 8-го танкового полка вскочил в командирский танк лейтенанта Вута и сообщил ему о тревоге. Значит, штурм Тобрука? Несколько последних недель они только и занимались тем, что упражнялись на макетах. Но для унтер-офицера Губбуха речь шла не о Тобруке, а о спасении собственной шкуры. Британцы пришли, и немцев ждало тяжелое испытание. Военврач Эстор не останется без работы. Многим он помочь не сможет: лейтенанту Вуту, лейтенанту Листманну, артиллеристу Пакейзену, заряжающему Ору и многим-многим другим. Все они погибнут. Утром 18 ноября защитники перевала Хальфайа восстанавливали разрушенные проливным дождем позиции. Командир 1-й роты 104-го мотопехотного полка лейтенант Гериг едва не утонул. Фельдфебель Циглер собирал личный состав и оружие роты, точно насадка своих цыплят.

Когда я писал эту книгу, на моем столе лежали записанные рассказы солдат и офицеров из разных частей: гренадеров; водителей танков из 5-го и 8-го танковых полков, военнослужащих батальона майора Баха с перевала Хальфайа; солдат из 33-го разведывательного батальона; мотоциклистов; бойцов 82-го магдебургского танкового разведывательного батальона, в который влился уцелевший личный состав 33-го; «впереди идущих»¹; зенитчиков, частей полевой и противотанковой артиллерии и бойцов с удаленных аванпостов — легендарного 361-го пехотного полка, из ветеранов французского Иностранного легиона. Эта часть состояла из немцев, служивших во французском Иностранном легионе. Изначально

¹ Солдат пешего спецподразделения, выступающего впереди армии или полка для строительства дорог и создания необходимых условий для успешного продвижения войск. — *Прим. пер.*

считавшиеся «недостойными носить оружие», они храбро сражались и совершали настоящие чудеса героизма. Авторы всех рассказов о зимней кампании 1941 г. сходятся на том, что эта битва стала самой кровопролитной из всех, которые велись в ходе войны в пустыне.

В полдень 18 ноября немецкая разведывательная часть около Сиди-Сулеймана атаковала сбившийся с пути штабной автомобиль 4-й индийской дивизии и захватила всех находившихся в нем, включая штаб-сержанта. Байерляйн отправил его в Бардию для допроса. От полученных у сержанта сведений у немецких штабистов перехватило дыхание. Штаб-сержант располагал картой, на которой, как он утверждал, был размечен план наступления Окинлека. Он также сказал, что у британского главного командования есть схема штурма Тобрука.

«Тобрукское предательство», таким образом, получило свое зеркальное отражение, с единственной разницей, что Роммель мог решить, что его трофеем подлинный, позднее. Начальник его разведотдела и штаб внимательно изучили документ, и нет сомнений, что штаб-сержант 4-й индийской дивизии сослужил прекрасную службу немецкой обороне в развернувшейся вскоре битве. Фриц Байерляйн, являвшийся в ту пору начштаба у Роммеля, рассказал мне, как протекало сражение.

Подразделения 7-й танковой дивизии — особенно знаменитый 11-й гусарский — 20 ноября прорвались через германо-итальянские позиции и вышли к Сиди-Резегу у края Джебель в районе Тобрука. Африканский корпус действовал против этих частей успешно, уничтожив много танков и захватив удобные позиции для атаки в тыл острию наступления противника. Численное превосходство неприятеля вынуждало Роммеля атаковать вражеские формирования подряд, с тем чтобы разгромить все силы британского наступления, приближавшиеся к Тобруку с юга. Но согласится ли генерал Каннингхэм, командующий армией, сделать ему одолжение, рассеяв свою бронетехнику? Он «не подвел» Роммеля и не сумел сконцентрировать своих сил.

Утром 21 ноября Африканский корпус атаковал 7-ю танковую бригаду в тыл из района западнее Сиди-Омара. В этом первом поединке британцы располагали двумя сотнями танков, значительным количеством противотанковых орудий и имели превосходство в полевой артиллерии. Но британцы были отброшены; они перегруппировались на высотах Триг-Капуццо и организовались для ведения маневренных оборонительных действий.

Вылазка, которую предпринял гарнизон Тобрука в ночь с 20 на 21 ноября, была отражена. Последующая попытка прорыва силами пятидесяти пехотных танков оказалась более успешной. Подразделения 70-й дивизии атаковали позиции пехотной дивизии «Болонья», прорвали ее фронт, разгромили итальянскую артиллерию, уничтожив два дивизиона и 35 орудий. 3-й разведывательный батальон залатал брешь, но угроза на этом участке фронта сохранялась.

22 ноября Роммель приказал вести «маневренные боевые действия». Генерал Крювель ночью незаметно развернул 15-ю танковую дивизию, сосредоточив ее на фланге противника. 21-я танковая дивизия — бывшая 5-я легкая дивизия — атаковала аэродром Сиди-Резега и отбросила противника на юг. Генерал-майор Нойманн-Зильков во взаимодействии с 15-й танковой дивизией, атаковав врага во фланг и в тыл, окружил его. 8-й танковый полк захватил в плен 4-ю танковую бригаду — одну из ударных штурмовых частей британского наступления. В официальной британской истории войны подчеркивается, что разгром 4-й танковой бригады решил исход сражения. Конечно, бесстрастное «танковая бригада была разбита, и уцелевшие военнослужащие попали в плен» есть один из тех исторических комментариев, за которым нельзя разглядеть отваги и хладнокровия участников битвы.

Вечером 22 ноября 8-й танковый полк подполковника Крамера утратил боевой контакт с отступающим врагом. Совершенно неожиданно 1-й батальон в непроглядной ночи наскочил на сосредоточение танков. Только приблизившись к ним на расстояние десяти метров, немцы увидели, что перед ними британцы. Враги оказались друг перед другом — и для тех и для других встреча стала совершенно неожиданной. Никто не выстрелил. Через мгновение майор Фенски, командир 1-го батальона, овладел инициативой. Он повел свой командирский танк прямо через британские оборонительные позиции. По радиации он отдавал приказы: «Первая рота... правый взвод», направляя свои колонны и роты на охват скопления вражеской бронетехники. Альтютант, лейтенант Бек, одну за другой выпускал белые ракеты, освещая местность. Теперь скопление техники противника было хорошо видно. Британцы были совершенно ошарашены происходящим. Тем временем связисты под командованием унтер-офицера Заутера прорвались прямо в ряды лишившихся дара речи солдат противника и, красноречиво взмахнув автоматами, скомандовали:

— Руки вверх!

Один танковый экипаж попытался сбежать. Заутер вскочил на танк, распахнул еще не успевший закрыться люк и дал очередь из автомата. Несколько танков в северной оконечности позиции тоже пустилось наутек.

«Огонь по бегущим танкам противника!» — зазвучало в наушниках шлемофонов. Взрывы... Теперь кольцо вокруг врага сомкнулось. Чтобы избежать паники, немцы получили приказ стрелять только по тем танкам, которые попытаются прорваться. Затем Фенски распорядился:

— Командиры с автоматами идут брать военнопленных. Наводчики и заряжающие охраняют танки.

В ярком свете танковых фар британцы сдавали оружие. Некоторые экипажи попытались оказать сопротивление. Три унтер-офицера батальона Фенски были убиты. Один английский капитан успел поджечь три танка, прежде чем Фенски удалось захватить его.

Таков был конец 4-й танковой бригады. Среди военнопленных оказалось 18 офицеров и 150 сержантов и солдат. Немцам досталось 35 танков и множество всякой прочей техники. Это был один из самых невероятных эпизодов танковой войны в ходе Африканской кампании¹.

Майор Фенски погиб на следующий день.

В тот день гарнизон Тобрука вылазок не совершал. Но теперь британцы подтянули 13-й корпус и атаковали на широком фронте в тыл немцам на позициях у Соллума и на перевале Хальфайа. Укрепленные пункты удалось удержать, кроме форта Капуццо, которым овладели новозеландцы.

Затем Роммель задумал массированной атакой всех германо-итальянских сил уничтожить вражеские войска, действующие под Тобруком, а затем молниеносным броском на восток исправить положение на Соллумском фронте.

Днем «Д» первой операции стало воскресенье, 23 ноября. Роммель находился далеко от Африканского корпуса и не мог устно отдавать приказы. Он отправил длинное телеграфное сообщение. Генерал Крювель, командовавший Африканским корпусом, быстро понял, что на декодирование шести страниц текста уйдет большая часть утра. Мог ли он ждать? Мог ли он терять эти решающие часы, пока шел процесс дешифровки?

¹ Командир бригады не попал в плен, так как находился на совещании в штабе дивизии. — *Прим. пер.*

«Поскольку мы располагали прекрасной общей картиной вражеских позиций, мы не стали ждать окончания декодирования послания, а вместо этого в 05.30 выехали из штаба Африканского корпуса в 15-ю танковую дивизию, — рассказал мне Байерляйн. — Мы взяли только «Мэммот Мориц» и два штабных автомобиля, оставив остальных позади. К несчастью для них, поскольку через полчаса весь штаб вместе с начальником разведывательного отдела, графом Баудиссином, разгромили новозеландцы, неожиданно появившиеся с тыла, и после короткой стычки взяли их в плен. Нам с генералом Крювелем только чудом не пришлось разделить их судьбы».

Один штабной офицер рассказал мне о том эпизоде подробно: «Когда штаб корпуса приготовился к переезду от Джебел к Триг-Капуццо, уже рассвело. Вдруг справа в отдалении показались полевые орудия, и почти сразу же со всех сторон к нам устремилась разная техника. Могли ли тыловые части 15-й и 21-й танковых дивизий все еще находиться там? Пока мы рассуждали об этом, засвистел первый снаряд. Наша колонна немедленно рассредоточилась. Вездеходы разведки и легкие зенитки открыли огонь по противнику. Затем в бою наступила пауза. Мы воспользовались этим, вскочили в автомобили и на полной скорости помчались в разные стороны. Но далеко мы не ушли. Огонь британских танков, противотанковых пушек и пехоты вывел из строя все машины, одну за другой. У нас появились раненые и убитые. Автомобили разведки горели. Осколки разрывавшихся боеприпасов летали над нашими головами. Самые важные документы нам удалось уничтожить еще до того, как британские танки успели к нам приблизиться. Это была 2-я новозеландская дивизия генерала Фрайберга. Мы сдались в плен».

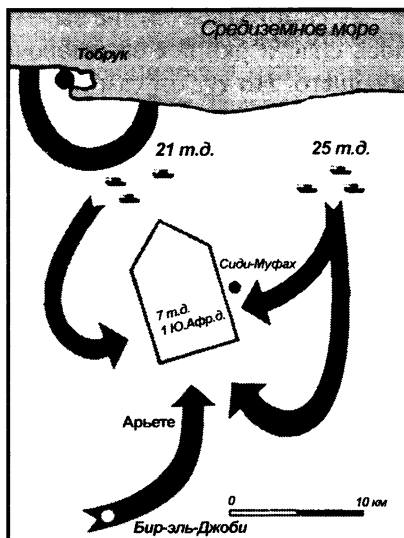
В войне в пустыне подобное случалось повсеместно: генералы оставались без штабов, штабные офицеры попадали в плен вместе с ценными картами, разведывательные отделы подвергались разгрому. Но Крювель продолжал вести своих людей к цели.

Утром 23 ноября германо-итальянские войска стояли к югу от Тобрука, готовые к бою. В районе Сиди-Резега 21-я танковая дивизия изготавилась к обороне. Итальянские дивизии — бронетанковая «Ариете» и моторизованная «Триесте» — сосредоточивались в районе Бир-эль-Гоби. Генерал Крювель намеревался атаковать противника в тыл после соединения с выдвигавшейся из Бир-эль-Гоби «Ариете», чтобы максимально задействовать имевшуюся бронетехнику. Незадолго до 07.30 15-я танковая дивизия прибыла с юго-западного направления. Все роты получили по радиии приказ: «Сегодня мы должны решительным образом разбить неприя-

теля». Крупные сосредоточения вражеской бронетехники были обнаружены у Сиди-Муфтах и немедленно связаны боем. Запылало ожесточенное сражение. Наблюдатели докладывали об обнаружении других крупных сил противника — транспортных колонн, множества танков и орудий. Поэтому генерал Крювель приступил к более широкому охвату неприятеля.

21-й танковой дивизии пришлось вести тяжелый оборонительный бой против штурмовавших Резег свежих сил британцев — 7-й танковой дивизии. Примерно в полдень гарнизон Тобрука попытался силами шестидесяти танков при активной поддержке пехоты соединиться с продвигающейся бронетехникой. Но осаждающие итальянские войска упорно оборонялись, пехотная дивизия «Павия» удержала позиции. Тем не менее противнику удалось захватить несколько опорных пунктов периметра. Прибыли главные силы 132-й бронетанковой дивизии «Ариете» — сто двадцать танков. Генерал Крювель бросил объединенные немецкие и итальянские силы в атаку в тыл врагу — 8-й танковый полк в центре, 5-й танковый полк справа, а итальянцы слева. Однако эти части вскоре напоролась на мощный заградительный огонь полевых и противотанковых орудий, которые с удивительной быстротой развернули южноафриканцы. Атакующие части стран «оси» натолкнулись на непроходимую стену огня. Одна за другой вспыхивали боевые бронированные машины под градом вражеских снарядов.

Особенно тяжелый урон понесла 8-я рота 8-й танковой дивизии. Ротный командир обер-лейтенант Вут решительно достиг вражеских позиций в командирском танке и с пробитой головой замертво свалился на руки своего наводчика, унтер-офицера Губбуха. Когда лейтенант Листманн попытался принять на себя командование, он не мог получить ответа из танка бывшего командира.



*Бой в День поминовения усопших
23 ноября 1941 г. Роммель окружает
ударные силы британцев*

40-мм самоходное орудие вывело машину из строя. Листманну удалось спасти экипаж за исключением убитого командира и заряжающего. Но тут он сам пал от пули противника. Наводчик, Пакейзен, погиб рядом с ним. Перед нами судьба только командира одного танка и его людей. Однако то скорбное воскресенье изобиловало аналогичными эпизодами. Только в одном втором батальоне 8-го танкового полка, кроме обер-лейтенанта Вута и лейтенанта Листманна, погибло еще три офицера: обер-лейтенант Козер и лейтенанты Адам, Пизат вместе со своими экипажами.

Пришлось задействовать массированный огонь артиллерии, чтобы заставить замолчать вражеские орудия. Только ближе к вечеру немцы смогли в нескольких местах пробить бреши в обороне противника. Затем вперед пошла бронетехника.

Применив все хитрости «боя в движении», атакующим удалось зажать неприятеля на маленьком «островке». Поскольку вылазка защитников Тобрука не пошла на пользу британцам, они поняли, что выбора не осталось, как только отступить или сдаться. В плен попало свыше тысячи человек.

В этот момент «Мэммот Мориц», в котором сидели Крювель и Байерляйн, неожиданно окружили британские танки. Немецкий крест на этой трофейной машине был едва различим. Британцы взирали на нее в недоумении.

«Смотровые щели нашей бронемшины были закрыты, — рассказывает Байерляйн. — Танкисты не знали, с кем имели дело. Некоторые вылезли из своих Mk VI¹, приблизились и принялись стучать по броне «Мэммота». Крювель открыл люк и уставился на британского солдата, который, не ожидая увидеть немецкого генерала, несколько растерялся. Казалось, судьба наша решилась, но тут откуда-то поблизости начали стрелять. Мы бросились на пол. Немецкие 20-мм зенитные орудия палили по столпившимся британским танкистам. Они быстро взобрались в свои боевые машины и на полной скорости умчались в южном направлении. Вновь оперативному штабу Африканского корпуса посчастливилось выбраться из опасной ситуации».

Обширный район к югу от Сиди-Резега тем временем превратился в море пыли и дыма. Видимость значительно снизилась, в результате чего многим британским танкам и орудиям удалось вы-

¹ Речь идет о легких танках компании «Виккерс» весом менее 5 т, обладавших только пулеметным вооружением и обслуживавшихся экипажем из 3 человек. — *Прим. пер.*

скользнуть из котла и, избежав разгрома и плена, уйти на восток и на юг. Но немалая часть войск противника осталась в окружении. С наступлением сумерек сражение не завершилось. Сотни горящих грузовиков, танков и орудий освещали поле боя. Только уже сильно за полночь стала ясна общая картина происходившего. Командование подсчитало численность оставшихся контингентов, сочло потери и выигрыши и уточнило диспозицию. В результате битвы удалось устранить серьезную угрозу немецким войскам, осаждавшим Тобрук, уничтожить большую часть вражеской бронетехники, но самое главное, Крювель сумел полностью разрушить далеко идущие планы противника. Утром 24 ноября генерал Крювель докладывал генералу Роммелю о том, что противник в районе Сиди-Резег разгромлен и лишь немногим частям неприятеля удалось уйти. Победа! Невероятная победа, принимая во внимание все те шансы и численное превосходство, которыми располагал противник. История пока упорно не желает признавать победу генерала Крювеля и возглавляемых им контингентов Африканского корпуса.

Роммель не был бы Роммелем, если бы победа эта не способствовала рождению у него смелого замысла. Он немедленно разработал план атаки неприятеля по восточному фронту и уничтожения новозеландцев и индийцев до того, как они успеют соединиться с главными британскими силами. В то же самое время он хотел захватить Хабату и Мадалену, расположенные в глубине пустыни, чтобы отрезать врага от баз снабжения.

— Мы должны воспользоваться шоковым эффектом, в котором пребывает противник после разгрома, и в полной силе наступать на Сиди-Омар.

Таков был Роммель. Начштаба, подполковник Вестфаль, предостерегал командующего, но Роммель шел прямой дорогой. Он узрел величайшую возможность разбить врага и постучаться в двери Египта.

В операции приняли участие все подвижные войска. Только небольшая боевая группа генерал-майора Бёттхера, командующего артиллерией Африканского корпуса, осталась южнее Тобрука. Кольцо вокруг Тобрука состояло из немоторизованных частей. «Это было одно из самых необдуманных решений Роммеля. В то время, пока танки еще оставались связанными участием в самой кровавой битве в пустыне, он отважился на затею, обладавшую элементами гениальности и в то же время самого дикого безрассудства», — пишет Алан Мурхэд.

Но этот смелый план основывался на том соображении, что основное ядро британских войск перед Тобруком уже разгромлено и повсеместно обращено в бегство. Разве британское командование не расписалось уже в своем бессилии?

С горечью взирал утомленный и до крайности раздосадованный генерал Каннингхэм на своих штабных офицеров. Крушение величайших замыслов почти повергло его в отчаяние. В результате мощного наступления, схема действий которого разрабатывалась на основе добытого с помощью предательства плана Роммеля, Каннингхэм предполагал снять осаду с Тобрука, зажать войска стран «оси» в клещи между Соллумом, Сиди-Омаром и Тобруком и там уничтожить противника. Теперь он думал только о том, чтобы выйти из боя, спасти то, что еще можно, вернуться в Египет и постараться организовать последний рубеж обороны на подступах к Нилу.

Офицеры штаба смотрели на своего генерала с изрядным скептицизмом. Молодые офицеры давно уже критиковали британское командование за негибкость руководства. Раздавались довольно резкие замечания: «Королевские Воздушные Силы на подъеме, Королевский Флот господствует в море. Мы превосходим их численно и все же проигрываем. Почему? Потому что не концентрируем сил. Потому что не рискуем, тогда как Роммель поступает так всегда. Когда противник ударил на 7-ю танковую дивизию и южноафриканцев, гвардейская бригада и новозеландцы не пришли к ним на помощь. Когда сражались новозеландцы, индийцев с ними не было. И так всегда. Так всегда, начиная с Эль-Агейлы».

Отчаяние, охватывавшее британских офицеров, вполне понятно. Через несколько часов после того, как Каннингхэм объявил о своем намерении отступить, из Каира на самолете прибыл генерал Окинлек.

Между двумя генералами состоялся малоприятный и довольно бурный разговор. Окинлек отклонил все возражения Каннингхэма и заявил, что нельзя допустить, чтобы сражение завершилось поражением, поскольку это будет означать конец британского господства в Северной Африке и повлечет за собой разгром на Ниле. Окинлека, обычно сухого и чопорного — англичанина до мозга костей, — воодушевлял огонь, который столь часто загорался в британских командирах в критические минуты истории. Он решительно отбросил всю свою осторожность. В этот судьбоносный момент он был готов пожертвовать последним солдатом и последним ору-

дием, но избежать разгрома. 8-я армия или прорвется, или ляжет на поле боя.

Окинлек немедленно сместил генерала Каннингхэма — сменил коней на переправе — и поставил вместо него генерала Ритчи, человека, также воспитанного в старых традициях британской стратегии. Но перед лицом жесткого и бескомпромиссного приказа Окинлека у нового командующего не было выбора, как только поставить на карту все. Он остановил отход 7-й танковой дивизии, принял самые отчаянные меры для восстановления боевого духа солдат, с тем чтобы они выдержали решительные немецкие атаки, дав возможность остальным британским войскам перегруппироваться. Ритчи и Окинлек шли на все, чтобы достигнуть цели. Взять хотя бы «Джок Колемс»¹ — разведывательно-диверсионные части бригадного генерала Джока Кэмпбелла. Британский военный журналист Алан Мурхэд пишет об этих частях особого назначения:

«Любой приказ командира звучал там просто: «Идите и бейте неприятелю в спину. Нападайте на всех, кого увидите...» Так родились «партизаны» пустыни. Как только удалось собрать их вместе, Окинлек бросил их в пустыню. Не прошло и нескольких дней, как он располагал двадцатью или даже более группами, действовавшими в тылу противника: они устраивали поджоги, взрывы, нападали из-за угла и немедленно исчезали; готовили засады в вади, отвлекали на себя вражеские танки, перерезали провода линий связи, оставляли ложные следы, нападали на колонны грузовиков и аэродромы, собирали информацию. И все это ради того, чтобы 8-я армия, отчаянно занимавшаяся перегруппировкой, смогла завершить этот процесс, и действия подобных частей давали немедленный и осязаемый эффект».

Признание британцев о применении ими партизанских подразделений необходимо брать в расчет, чтобы рассматривать в верном ракурсе деятельность 800-го полка «Бранденбург», столь яростно критикуемую британцами после войны. Немецкая копия «Джок Колемс» генерала Кэмпбелла и Группы дальнего действия в пустыне осуществляла принцип «око за око». В ходе выполнения трудных и опасных заданий они проникали почти к самому Каиру, действовали в тылу у вражеских штабов, взрывая мосты, осуществляя подслушивание и нанося противнику тяжелые потери.

¹ *Jack Columns* — букв. колонны Джока. — Прим. пер.

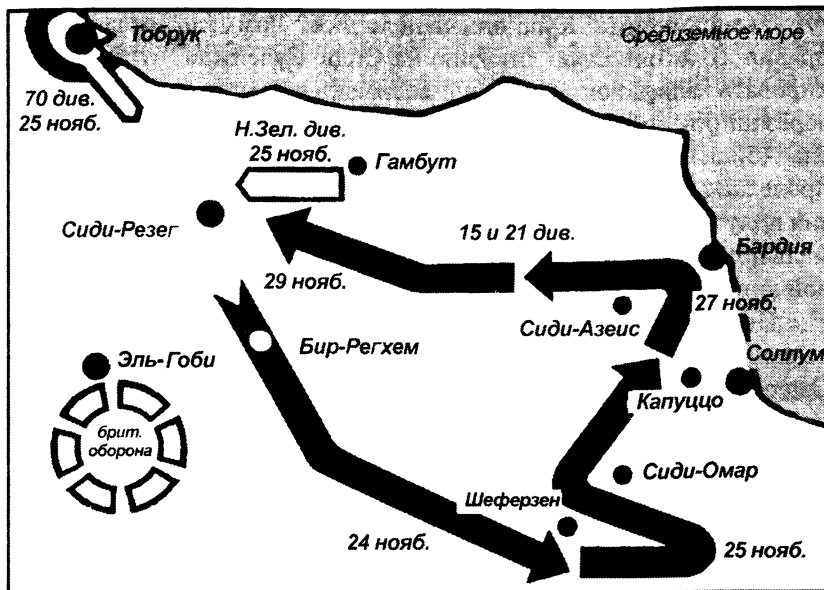
Бойцы из «Джок Колемс» создавали жуткий хаос в итальянских частях глубоко в тылу. Поэтому итальянцы были особенно беспощадны к партизанам.

Как-то обер-ефрейтор Герхард Фрейданк набрал свежей воды из ручья. Молодой араб лет двадцати попросил подвезти его на «Фольксвагене». Фрейданк отказал — это было запрещено. Тогда парень, который, если судить по внешнему виду, происходил из местной знати, с гордым и таинственным видом достал подписанный Роммелем аусвайс, где предлагалось всем всецело помогать и поддерживать обладателя документа, поскольку тот действует на благо Германии. Естественно, обер-ефрейтор Фрейданк взял парня с собой. На пути к Соллуму их остановил наряд итальянских карабинеров. Итальянцам араб показался подозрительным, и они вытащили его из машины. Юноша отбивался от них и звал на помощь немца. Но итальянцы ничего не желали слушать. Они сорвали с араба одежду и нашли то, что искали. На теле он прятал мешочек из марокканской кожи, набитый египетскими банкнотами и итальянскими лирами, а также специальное британское удостоверение, выданное одной из колонн «Джока», действующей в тылу у войск стран «оси». Потрясенный обер-ефрейтор Фрейданк вновь сел за руль своего «Фольксвагена». Интересного попутчика ему послала судьба! Араб упал на колени и принялся просить у итальянцев о пощаде. Фрейданк отвернулся. Он нажал на акселератор и сквозь шум взревшего двигателя услышал три pistolетных выстрела. Маленькая трагедия на обочине большой войны. Трагедии на проселках и шоссе продолжались; скрежетали гусеницами танки, рычали моторами мотоциклы. Пустыня способна выпить много крови.

Битва в окрестностях Тобрука продолжала полыхать. Роммель, уверенный в победе над британскими штурмовыми частями, устремился в смелый рейд. Утром 24 ноября, после того как генерал Крювель отрапортовал о своих успехах в воскресном сражении, Роммель вскочил в штабной автомобиль, крикнув начальнику оперативного отдела подполковнику Вестфалу:

— Я еду в Сиди-Омар. Я должен возглавить Двадцать первую танковую дивизию у перевала Хальфайа.

Вестфаль попробовал переубедить командующего — он получил первые донесения от разведки Люфтваффе, из которых становилось ясно, что британцы уже заняли позиции в Бир-эль-Гоби. Но Роммель ничего не хотел слышать. Он позвал в машину начштаба генерал-майора Гаузе и на полном ходу скрылся из виду. Не сни-



*Маневр Роммеля после боя в День поминовения усопших.
24–25 ноября 1941 г.*

жая скорости, он несся к египетской границе мимо горящей бронетехники противника и пленных колонн британцев. Он спешил нанести неожиданный удар по 2-й новозеландской и 4-й индийской дивизиям, действовавшим в районе Соллума, до того, как они соединятся со своими отступающими частями. Он стремился перейти египетскую границу, атаковать Хабату и Мадалену и одновременно разгромить британского главнокомандующего, захватив его базы снабжения. Этим неожиданным маневром он надеялся отрезать всю британскую армию от источников поступления всего необходимого и затем уничтожить ее. Роммель, точно безумный, мчался вперед и вперед к Сиди-Омару во главе 15-й и 21-й танковых дивизий. Призрак склоняющегося к его ногам Египта стоял перед мысленным взором командующего — Нил, Суэцкий канал и великая победа. Он не знал, что Окинлек остановил бегство британцев перед Тобруком.

Роммель гнал со скоростью восемьдесят километров в час, за ним следовали его связисты. Но передвижные радиостанции скоро отстали, и Роммель ехал дальше без них. Вечером он достиг Сиди-Омара. Британские командиры удивлялись. Откуда, черт возьми,

тут взялись немцы? Куда они нацелились? Роммель тотчас же отправил 21-ю танковую дивизию на Сиди-Сулейман, чтобы заблокировать хальфайский фронт с востока. Он лично повел дивизию через широкую полосу заграждений из колючей проволоки у Газрель-Абида на египетской границе — через ту самую брешь, которую проделали британцы для своего наступления. 15-я танковая дивизия получила приказ атаковать в Сиди-Омаре. Для этой акции Роммель придал 15-й танковой дивизии 5-й танковый полк 21-й танковой дивизии.

Но битва развивалась вопреки его плану. На нем словно лежало заклятие. Усиленная 4-я индийская дивизия окопалась в Сиди-Омаре как раз перед приходом Роммеля. У него было слишком мало войск, и план его вновь оказался чересчур смелым. Немецкая атака провалилась, и 5-й танковый полк понес тяжелые потери. Его блистательный командир, подполковник Штефан, погиб. На пустыню опустилась ночь. Горящие остовы танков факелами освещали темноту. Тела немцев и британцев лежали вперемешку.

Тем временем Роммель повел 21-ю танковую дивизию севернее и поручил ее командиру атаковать новозеландцев, штурмовавших Соллумский фронт. После разгрома новозеландцев генерал-майору фон Равенштайну предстояло вклиниться глубоко на территорию Египта силами 21-й танковой дивизии.

На обратном пути в Сиди-Омар навстречу 15-й машина Роммеля сломалась, и командующий остался в ночной пустыне, посреди поля гигантской битвы, вместе с Гаузе¹. Никто в тот момент не мог сказать, где чьи войска. Вследствие какого-то невероятного совпадения в океане пустыни появился «Мэммот Мориц» с генералом Крювелем и Байерляйном. Они заметили немецкую машину и, подъехав, остановились.

— Боже мой! Роммель!

— Вы нас не подвезете? — рассмеялся генерал, его зубы выбивали дробь от холода.

Если кто-нибудь думает, что после этого все устроилось, он ошибается. Крювель и Байерляйн ехали без эскорта. Они бежали в своем «Мэммоте» от противника, и только этому обстоятельству Роммель обязан был своим спасением. Все руководство войск стран «оси» в Африке находилось в одной машине, деревянный пол которой не защитил бы их от мины, случись автомобилю наехать

¹ Очевидно, все же еще и с адъютантом, не говоря уже о шофере. — *Прим. пер.*

на одну из тысяч и тысяч их, разбросанных по пустыне. Внезапно они заметили танки, но не немецкие, а 4-й индийской дивизии. Счастье, что немецкие командиры находились в трофейном «Мэммоте», который не вызвал у индийцев подозрения. Справа и слева всего в нескольких метрах грохотали танки, за которыми ехали индийские мотоциклисты. В конце концов автомобиль остановился у заграждения из колючей проволоки. Прохода видно не было. Как преодолеть препятствие?

Роммель закипел от злости.

— Слушай мою команду, — прорычал он, отпихнул адъютанта и начал давать указания водителю: — Вправо... теперь влево.

Но на сей раз легендарное умение Роммеля чувствовать расстояние его подвело. Еще раз «Мэммот» встретил группу британских машин — тяжелых «Доджей». Какая ирония! Немецкий командующий на расстоянии полета камня от противника! Такова была война в Африке!

Пока Роммель мотался по пустыне, отрезанный от своего штаба, под Тобруком дела приняли тот самый оборот, которого и опасался Вестфаль. Британские войска в районе Сиди-Резега, благодаря вмешательству Окинлека, собрались в кулак и атаковали фронт, оставленный Африканским корпусом. Одновременно возобновил свои вылазки гарнизон Тобрука. Немецкое кольцо вокруг Тобрука оказалось прорванным, а войска Бёттхера подверглись опустошительным бомбардировкам. Напрасно пытался Вестфаль доискаться Роммеля, чтобы доложить обстановку. Пять «Шторхов» потеряли немцы в этих попытках¹. Радисты один за другим посылали сигналы SOS. Нет ответа!

Вестфаль решил, что пора брать все в свои руки. Он отозвал части Африканского корпуса назад в кризисную зону — под Тобрук.

Радист Карл Дорн поспешил с полученным приказом к начштаба 21-й танковой дивизии майору барону фон Зусскинду. Тот находился вместе с фон Равенштайном и выглядел усталым и подавленным. Вестовой вручил ему документ и попросил расписаться. Фон Равенштайн поставил подпись, прочитал и подчинился. С несколькими оставшимися танками он побился назад к Тобруку че-

¹ Физелер Fi 156 «Шторх» (букв. аист) — легкий в большинстве модификаций самолет: крейсерская скорость 130 км/ч; летный потолок 4600 м; дальность без посадки 385 км. Машина во многом сходная с нашим У-2, иначе По-2, или американским «Пайпер Кабом». — *Прим. пер.*

рез позиции новозеландцев. Пророчество Роммеля: «Сегодня вы сможете завершить кампанию» — не сбылось.

Когда по своем возвращении Роммель узнал о том, что фон Равенштайн приказал 21-й отходить, он пришел в ярость, упорно не желая верить, что донесение не есть хитрый трюк противника. Однако после изучения стратегической карты в своем штабе он, не произнеся больше ни слова, отправился спать. На следующий день он аплодировал приказу Вестфаля. Командующий осознал, что его начштаба пришлось принять смелое решение — было необходимо ликвидировать последствия его авантюрного хода. Сам Роммель, вероятно, никогда бы такого приказа не отдал, он отреагировал бы на ситуацию вокруг Тобрука по-иному. Впрочем, это лишь предположение, потому что сам он по данному поводу никаких комментариев не сделал.

Он вскочил в свою машину и, разъезжая от части к части, отдавал приказы и распоряжения для устранения сложностей, которые становились все более серьезными. Он проехал через вражеские позиции, пересек занятый британцами аэродром, те стреляли в него, гнались, но... Фридрих Великий как-то верно заметил: «Генералу мало храбрости и таланта, ему нужна также и удача». Роммелю удача сопутствовала.

На полной скорости он переехал через маленькую песчаную дюну и оказался в расположении новозеландского полевого госпиталя. Он не мог позволить себе выказать хотя бы малейший признак нервозности. Он вышел из машины, приказал водителю и адъютанту объехать палатку и ждать его на другом конце. Сам же он смело вошел внутрь, играя роль победителя и действуя так, словно бы госпиталь и прилегавшая к нему территория находились уже в руках немцев. Он поприветствовал офицеров охраны и врачей, поинтересовался у них, не нуждаются ли они в чем-нибудь, и пообещал немедленно снабдить их всеми необходимыми медикаментами. Когда он уходил, британские врачи отдали ему честь. Затем он удалился и был таков. Через десять минут новозеландцы, только по прибытии британского транспорта, поняли, как ловко их провел Роммель. История эта с поразительной быстротой распространилась по всей Северной Африке. Но что толку в залихватской удали генералов, офицеров и солдат? Над ноябрьской кампанией словно бы взошла несчастливая звезда.

Многие считают, что, когда генерал-майор фон Равенштайн отдавал приказ об отходе, его дивизия находилась совсем близко от огромного британского склада. Если бы продвижение продол-

жалось еще хотя бы четверть часа, уничтожение жизненно важного склада могло бы поставить Окинлека на грань катастрофы.

Роммель по-прежнему отказывался верить, что воскресная победа обернулась поражением. Он не желал принимать того, что отход Африканского корпуса от Тобрука предоставил Окинлеку неожиданную возможность. Обе стороны сражались с храбростью отчаяния. Британцы — поскольку знали, что их поражение здесь обернется немецкой победой в Северной Африке, а немцы потому, что осознавали: их поражение перечеркнет все успехи целого года — вся пролитая кровь и пот окажутся напрасными. Фронтов больше не было. Роммель отозвал к Тобруку все войска, которые послал к Соллуму. Солдаты Баха на перевале Хальфайа, защищая безнадежные позиции, дрались как тигры.

В то самое время генерал Фрайберг со своими новозеландцами пробился в точку восточнее Тобрука совсем рядом с городом. Солдаты Фрайберга отразили две мощные атаки танков и артиллерии и теперь перешли в наступление. В ходе него они обогатились ценным трофеем, захватив командира 21-й танковой дивизии генерала фон Равенштайна. Об этом эпизоде написано немало «беллетристики», поэтому я попросил генерала рассказать свою версию истории.

Ночью 28 ноября фон Равенштайн встретил штабной автомобиль генерала Крювеля и доложил о прибытии 21-й танковой дивизии. У Крювеля в распоряжении вновь оказались две танковые дивизии, и он решил немедленно воспользоваться благоприятной возможностью. Он приказал обеим дивизиям ударить на следующий день по британским силам в Сиди-Резеге. Данный бросок должен был изменить обстановку в районе к юго-востоку от Тобрука. В ту ночь генерал фон Равенштайн, прежде чем уехать в расположение своей дивизии, узнал, что следующим утром, в 07.00, аналогичный приказ поступит в 15-ю танковую дивизию. Фон Равенштайн ехал с большой скоростью. На коленях у него лежала карта, на которой Байерляйн крестиком пометил позиции 15-й. Ехать предстояло километров пятнадцать, машину вел обер-ефрейтор Ганс Кранцке из Берлина-Обершёненайде, а помогал ему стрелок Пельтель, восемнадцатилетний пекарь из Берлина, справедливо считавшийся в дивизии лучшим и самым осторожным штурманом. В Африке таких называли «францерами»¹. Иногда, однако, и они ошибались.

¹ *Franzer. — Прим. пер.*

В сером свете утра они увидели на горизонте какие-то машины. Согласно карте и сделанной на ней Байерляйном пометке, именно тут должна была дислоцироваться 15-я дивизия. «Это пятнадцатая», — подумал фон Равенштайн. Внезапно с двадцати метров по ним открыли огонь. Автомобиль загорелся. Водитель Кранцке был ранен. Все находившиеся в машине покинули ее и попытались скрыться, но было поздно. Они наткнулись на хорошо замаскированные позиции новозеландцев. От немцев потребовали поднять руки вверх. За завтраком генералу Фрайбергу доложили, что знаменитый фон Равенштайн из 21-й танковой дивизии теперь его пленник.

Захват генерала фон Равенштайна спустя несколько месяцев имел довольно примечательные последствия, связанные с 30 000-тонным транспортным кораблем «Пастёр». На некогда роскошном лайнере одиннадцать сотен немецких военнопленных путешествовали из Каира в Канаду. На борту находились также британские военнослужащие, а кроме того, жены и дети бывших солдат из гарнизонов на Ближнем Востоке. Немецкие военнопленные, разделенные на группы офицеров и солдат, ехали на средней и шлюпочной палубах. Два генерала, Шмидт и фон Равенштайн, размещались в каюте № 269 на палубе «D». В соседней каюте находились военврач Верлеман, его помощник Вингендер и католический священник Френзе из Намма. Все они были отличными игроками в скат, но вместо игры они строили планы побега. Обстановка, казалось, благоприятствовала. «Пастер» шел через Красное море. Если перебить британскую команду, то с помощью офицеров немецкого торгового флота, тоже находившихся среди военнопленных, можно было бы дойти на корабле до Сингапура. Все приготовления осуществлялись с вящей осторожностью. Заговорщики раздобыли ножи и надежно спрятали их, сделали дубинки. Все были организованы в группы и знали, что кому делать. Естественно, в затею пришлось посвятить большое количество военнопленных с нижних палуб. Об этом позаботились врач и священник во время своих посещений. Они просили солдат соблюдать осторожность, но начали циркулировать слухи. Британская охрана что-то заподозрила — заметила напряженность и необычное оживление среди немецких пехотинцев. Они посадили к военнопленным германогворящую «утку», а затем томми приступили к решительным действиям.

11 марта в 23.00 часа матросы ворвались в каюту № 269. Генералов поместили отдельно. В три другие отдельные каюты посадили

майора Баха, капеллана Френзе и военврача. Британские матросы хотели выбросить генералов и зачинщиков заговора за борт, поскольку распространились слухи, что в случае успеха своего предприятия немцы намеревались сгрузить женщин и детей в шлюпки и спустить их в море. Конечно, все это было сущей чепухой, и в конце концов здравый смысл команды «Пастера» взял верх.

Позднее, в Канаде, ребята Африканского корпуса строили много планов побега. Где бы ни происходило дело, заговорщики неизменно находили горячих сторонников среди подводников и летчиков. Воины пустыни, даже пребывая в заключении, привносили в лагерь военнопленных дух авантюризма.

Где Гамбара?

Они сидели в тени своего легкого грузовика и рассуждали на темы Бога и Вселенной. Невзирая на жару и мух, они предавались этим разговорам с энтузиазмом.

— Никому не в радость умирать, и было бы смешно ждать восторженного самопожертвования, — произнес Драйер, отвечая скептически настроенному обер-ефрейтору. — Естественно, никто не хочет умирать. Даже Иисус на кресте и тот не желал принимать смерть.

Они все знали, конечно, что их лейтенант в гражданской жизни был пастором в Гитцакере, где пользовался большой популярностью у прихожан. Лейтенант имел жену и четырех детишек, фотографии которых показывал всем своим солдатам. Но Драйера также любили и уважали как способного офицера. Всем в подразделении казалось странным, что из столь серьезного служителя бога, оказывается, получился совсем неплохой лейтенант, который прекрасно владеет оружием и пользуется репутацией отличного офицера у солдат моторизованных войск. Кто-то из молодых солдат спросил:

— А разве пастор может быть офицером, убивать?

— Конечно, может, — ответил лейтенант. — Возьмем хотя бы меня.

— А как же быть с Библией? — последовала каверзная реплика.

— М-м-м... — протянул Драйер. Он хотел поговорить о тонкостях перевода некоторых мест Библии, но вопрос, заданный в минуту затишья в огнедышащей африканской пустыне, остался без

ответа. По крайней мере, лейтенант Драйер на него так и не ответил — внезапно прозвучал сигнал боевой тревоги.

На всех парах примчался курьер. В привезенном им приказе говорилось: немедленно наступать на Сиди-Азиз. Времени на дискуссии не осталось. Приказ не допускал промедлений.

Создалась одна из тех сложных ситуаций, которые часто складывались в районе Тобрук—Соллум в период между июнем и ноябрем 1941 г. Части на острие британского наступления быстро продвинулись и захватили Соллум и Сиди-Омар. Доносили о появлении вражеской бронетехники севернее и западнее Капуццо и Сиди-Азиза. 15-я танковая дивизия ждала приказов Роммеля поблизости от Бардии. Усиленному 33-му инженерно-саперному батальону приказали атаковать Сиди-Азиз.

В этом сражении сюрприз следовал за сюрпризом. Разведывательные части сообщали о том, что Сиди-Азиз обороняют лишь слабые силы неприятеля, но в итоге батальон взял в плен двух генералов и семь сотен солдат и офицеров; кроме того, ему досталось шестьдесят артиллерийских орудий и сотня грузовиков. Одним из захваченных генералов оказался бригадный генерал Харгест, имя которого стало известно после боев в Греции и на Крите. Он очень переживал, что оказался среди военнопленных. Когда мимо проезжал Роммель, Харгест поднял руку к козырьку. Роммель козырнул в ответ и сказал с сочувствием:

— Незачем так расстраиваться. Вы и ваши люди храбро сражались.

Лейтенанту Драйеру приказали сопроводить обоих генералов в Бардию. Когда ночью пастор не вернулся, командир забеспокоился. Он заволновался еще больше, когда обер-ефрейтор Вилли Фойгт доложил, что лейтенант Драйер уехал в генеральской машине с британским водителем, сопровождаемый лишь несколькими солдатами.

— Ну все, можно сказать ему «прощай», — проговорил майор Эле. — Драйер всегда был оптимистом, верившим в людей. Британцы, конечно, свернули где-нибудь за Соллумом, и Драйер теперь в плену.

На лице обер-ефрейтора Фойгта появилось обиженное выражение, точно его обвинили в мошенничестве в карточной игре.

— Такого с лейтенантом Драйером случиться не может, господин майор. Он доставит их в Бардию — я готов жизнью поклясться, что так и будет. — Фойгт сделал длинную паузу и продолжал: — Он знает каждый метр дороги, каждый поворот. Он никогда не сбивал-

ся с пути во Франции, а в Капуццо он мог отыскать любую «лисию нору» с завязанными глазами. Нет, господин майор, с Арнольдом... прошу прощения... с лейтенантом Драйером ничего не случится! Он доставит томми туда, куда надо, или я съем куст верблюжьих колючек.

С гордым видом Фойгт завершил свою длинную речь — он почти убедил командира.

— Ну ладно, — сказал тот. — Я прослежу, чтобы ты съел этот куст, если что-то будет не так, даже если мне придется стоять рядом с тобой восемь часов кряду.

Обер-ефрейтору Вилли Фойгту не пришлось выполнять свою клятву, потому что полчаса спустя они получили приказ выступать к Бардии. Все очень волновались. Разговор Фойгта с майором Эле повторяли по всему батальону. Спокойствие сохраняла только рота Драйера.

— Арнольд? Если он еще не в Бардии и если он не доставил туда британских генералов, я съем... — Один бог знает, что они еще были готовы съесть.

Но они напрасно беспокоились. Генералы находились там с пастором, хотя его нашли не сразу. Он сидел и вел длинный разговор о Боге и Вселенной с итальянским капелланом, совершенно забыв о войне. Он выпил несколько стаканчиков кьянти, которым его угощал итальянец. Драйер прикончил содержимое бутылки.

Когда Драйер стал адъютантом штаба 15-й танковой дивизии, рота провожала его с грустью. Этот пастор из Гитцакера был весьма и весьма разносторонним человеком. Он мог посреди пустыни так зажарить газель, что у всех только слюнки текли. Он мог так провести дозор, что в него даже не стреляли. Он никогда не приказывал никому из своих людей пойти и вынести из-под огня раненого товарища, но сам первый бросался вперед и всегда был готов прочитать молитву над погибшим. Даже у самых циничных молодых парней пропадала охота острить, когда он молился, потому что они видели искренность пастора.

Со своей верой он и оставил суетный мир в сентябре 1942 г., в разгар сражения под Эль-Аламейном. Громким голосом он произнес молитву, как, бывало, делал это перед своими солдатами...

— И прости нам прегрешения наши...

Лейтенант Драйер, пастор из Гитцакера. Зачем я вспомнил эту маленькую историю большой войны? Не для того, чтобы оправдать ее ужасы, не для того, чтобы отвлечь внимание читателя, разбавить жестокие сцены сентиментальной сказочкой. Я рассказал об этом

только для того, чтобы показать — в Северной Африке, несмотря ни на что, люди умели оставаться людьми. Свои и чужие — британцы и немцы — становились рабами пустыни. Тут война до определенной степени являлась авантюрой. Пылающий коварный ад диктовал свои правила, но сражавшиеся там солдаты, их дух, вот что служило залогом выполнения этих правил. Обычно, но, конечно, не всегда.

2 декабря 1941 г. Роммель отправил в ставку фюрера в Растенбурге телеграмму следующего содержания: «В ходе непрерывных тяжелых боев в период с 18 ноября по 1 декабря было уничтожено 814 вражеских танков и броневозов, сбито 127 самолетов. Захвачено большое количество боевых трофеев — оружия, боеприпасов и грузовиков. Число взятых военнопленных превышает 9000 человек, включая трех генералов». Приведенные выше данные — беспристрастная констатация фактов, имевших место в Северной Африке в те мрачные дни с 18 ноября по начало декабря.

Но драма все еще не завершилась. Лицом к лицу, точно гладиаторы на арене, Роммель и Окинлек дрались за Тобрук — краеугольный камень обороны Египта. Разведка Роммеля доносила, что британцы постоянно подтягивают новые войска. Окинлек сосредотачивал вокруг Бир-эль-Гоби крупные силы с целью вырвать Тобрук из немецких тисков.

В ответ Роммель атаковал. Чтобы высвободить части, он оставил восточную часть периметра Тобрука. В ночь с 4 на 5 декабря Африканский корпус устремился в западном направлении через трехкилометровый коридор между Эль-Дудой и Сиди-Резегом. Удар должен был наноситься при поддержке итальянского корпуса, подходившего с северо-востока. Но поскольку итальянцы не сосредоточили достаточных сил и вообще оказались не готовы для выполнения задачи, в полдень 5 декабря Африканскому корпусу пришлось «идти одному». Только 136-я пехотная дивизия (должна была быть сформирована как бронедивизия, но не хватило танков) присоединилась к Африканскому корпусу северо-западнее Эль-Гоби. Первый штурм пришелся на гвардейскую бригаду, а немного позднее немцы скрестили оружие с переформированной 7-й танковой дивизией. Части, которые Роммель уже считал разгромленными, вновь появились на поле боя, пополненные и сильные. Теперь чудо британского усиления стало очевидным. Пока Африканский корпус вел тяжелые бои в районе Бир-эль-Гоби, 70-я пехотная дивизия сделала вылазку из Тобрука, атаковав ослабленный германо-итальянский оборонительный периметр с тыла и овладев жизненно важными

высотами Эль-Дуды — Бельхамедом. Войска Роммеля находились в трудном положении. Тем не менее он старался разыграть ложную атаку. От солдат и офицеров он требовал нечеловеческих подвигов.

6 декабря Африканский корпус вновь сражался. Если он не отразит неприятеля, неизбежно крупное поражение. Генерал Крювель со своими 15-й и 21-й танковыми дивизиями делали максимум возможного, в то время как дивизии «Ариете» и «Триесте» вновь участия в боевых действиях не приняли. Итальянские командиры отвечали, что их люди измотаны и не в состоянии драться. Итальянская помощь могла бы изменить положение. Под Бирэль-Гоби британцы уже начали отходить, не выдержав отчаянных ударов Африканского корпуса. Противник рисковал оказаться в окружении, но немцам не хватало войск. Итальянцы должны были вмешаться. Им не пришлось бы даже драться — только обеспечить фланги и закрыть края котла.

Крювель видел возможность — последнюю великую возможность. Он продолжал теребить Роммеля и командира итальянского корпуса Гамбару¹. Он просил, требовал, приказывал. «Где Гамбара?» — спрашивал он Роммеля «открытым текстом». «Где Гамбара?» — повторял он с настырностью попугая. Но ни Гамбары, ни его дивизий никто на поле боя не видел. На лицах немецких офицеров читалась злоба, в те дни итальянцам было небезопасно приближаться к ним.

7 декабря битва по-прежнему полыхала вовсю. Для Роммеля возникла опасность флангового обхода и окружения со стороны превосходящих сил противника. Один за другим выходили из строя немецкие танки — их либо расстреливали британские пушки, либо просто кончалось горючее. Один из самых ярких командиров в Африке, генерал Нойманн-Зильков, командовавший 15-й танковой дивизией, погиб, когда направлял сражение, возвышаясь над башней командирского танка. Он был весьма популярным генералом, солдаты очень уважали его. Все они знали о том, что случилось за несколько дней до его смерти.

Нужно было овладеть британским полевым складом, и 15-й оставалось пройти две сотни метров. Мотопехотинцы, спрыгнув со своих бронемашин и мотоциклов, атаковали, следуя за танками, столкнувшимися с мощным огнем полевой и противотанковой артиллерии. Генерал Нойманн-Зильков, как обычно, находился на

¹ Гамбара — командир итальянского 20-го моторизованного корпуса. — *Прим. пер.*

передовой в командирском танке и обзирал окрестности из открытого люка башни. Один из пехотинцев крикнул ему:

— Ради бога, закрой люк! — В пылу сражения он не узнал ни командирского танка, ни генерала, решив, что видит какого-то не в меру отважного фельдфебеля. Когда тот пехотинец вновь оказался рядом с генеральским танком, стараясь укрыться за ним от ожесточенного обстрела, то вновь закричал: — Господи боже мой, закрой крышку, пристрелят же!

Точно в подтверждение его слов, впереди разорвался снаряд. «Заботливый» пехотинец бросился на землю. В этот момент человек, высовывавшийся из башни танка, зарычал:

— Впереди, — впереди спасенье от огня!

— Хорошая мысль, — согласился пехотинец. — Подойди ко мне потом, я поделюсь с тобой трофеями.

Опорный пункт был захвачен. Обер-ефрейтор Потас славился как «организатор». Одним из первых ворвавшись на вражеские позиции, он думал только о добыче. Кроме всего прочего, это было его обязанностью, поскольку в каждой роте существовало специальное отделение трофейщиков, а мотопехотинец Потас считался непревзойденным спецом в данной области. Он имел развитое шестое чувство, помогавшее ему первому находить новые грузовики, горючее, воду и деликатесы. Командир дивизии появился как раз тогда, когда Потас набил под завязку легкий британский грузовик всевозможными полезными вещами. С усмешкой генерал Нойманн-Зильков обратился к командиру 1-й роты:

— Мне надо подойти к одному из ваших людей, который занимается сбором трофеев.

— Наверное, это Потас, — догадался лейтенант Бур. — Потаса к командиру роты.

Потас прибыл. Он слегка недоумевал — зачем? Какой солдат не задается таким вопросом, когда его вызывают к командиру роты! Нойманн-Зильков немедленно его узнал и поинтересовался:

— А где же обещанные трофеи, обер-ефрейтор?

Потас не скупился на извинения, он как раз собирался объяснить, что не узнал генерала, когда Нойманн-Зильков оборвал его:

— Речь не об этом, обер-ефрейтор. Где добыча, которую вы мне обещали?

— Одно мгновение, господин генерал.

Потас умчался и вернулся с тремя своими товарищами, которые несли ящики с шоколадом, сигаретами и мясными консервами.

— Себя не обидели? — поинтересовался генерал. Ни одному высшему офицеру не видать такого удивленного выражения, которое появилось на лице пехотинца. Вид его словно бы говорил: «Ни один солдат на свете не сделает глупости, отдав генералу столько, чтобы обидеть себя». Нойманн-Зильков все понял и, довольно улыбаясь, удалился с добычей. Он не успел насладиться реквизированным шоколадом и консервами. Обер-ефрейтору Потасу довелось прожить дольше — он погиб шесть месяцев спустя, 1 июня 1942 г., под Гот-эль-Уалебом, на одном из самоходных орудий лейтенанта Зерфаса.

15 декабря Роммель докладывал Германскому верховному командованию: «После четырех недель непрерывных сражений, при тяжелых потерях, несмотря на все подвиги отдельных военнослужащих, боевая мощь войск ослабла, поскольку мы не получили оружия и боеприпасов. Я намеревался удержать район Газалы, но самое позднее 16—17 декабря станет неизбежным отступление через Эль-Мехили—Дерна с целью избежать окружения превосходящими силами неприятеля».

Отступление из Киренаики, за обладание которой в течение восьми месяцев лилась в ожесточенных битвах кровь немцев и британцев, не может остаться лишь сухим эпизодом военной истории. Оно — дело специалистов в области стратегии. О тех полных драматизма днях в конце 1941 г. должны рассказать люди, которые шли запыленными дорогами, непрерывно сражаясь, осуществляя по ночам форсированные марши, изнемогая от дневной жары, песчаных бурь и ледяного ночного холода, без отдыха, по нескольку дней без пищи и — что еще хуже — без воды. Неудивительно, что приходилось объединять различные части.

— Какова численность личного состава и техники мотопехотного батальона? — спросил майор Крибель, начальник оперативного отдела 15-й танковой дивизии.

— Пять офицеров, четырнадцать унтер-офицеров, пятьдесят восемь рядовых, три самоходных орудия, десять «Фольксвагенов», пять тяжелых грузовиков и шесть мотоциклов, — доложил адъютант, лейтенант Кордель.

— И все?

— Да, майор, все.

Всего несколько недель назад в батальоне насчитывалось четверста восемьдесят военнослужащих. Теперь бо́льшая их часть лежала в могилах возле Сиди-Резега, Соллума или где-нибудь между Тобруком и Сиди-Омаром; другие попали в плен.

Майор Крибель обратился к подполковнику Беллершtedту:

— Командир дивизии не хочет задействовать мотопехоту в арьергардных боях. Надо провести перегруппировку.

— Но сегодня им придется, — ответил Беллершtedт. — Еще один раз.

Было приказано держать Соллум до рассвета. Вновь им приходилось действовать как арьергарду, прикрывая отступление, отбиваясь от врага столько, сколько возможно, а потом отходить... если получится.

Соллум расположен западнее Бенгази. Когда моторизованные войска, формировавшие арьергард, проходили через него в полдень, британцы уже наступали им на пятки. Они едва успели получить продовольственные пайки, боеприпасы и горючее, как склад взорвали. В небо поднялись высокие столбы огня и дыма. Военные материалы стоимостью в миллионы марок были уничтожены.

Лейтенант Кордель, перед тем как надеть военную форму, два года изучавший в институте философию, вместе с лейтенантом Драйером, адъютантом, и лейтенантом Зерфасом отступал с жалкими остатками батальона.

— Разворот к Соллumu. Тот же приказ, что и вчера. Держаться до завтрашнего рассвета.

— Если, конечно, томми уже не там, — проворчал Кордель.

Зерфас возглавлял колонну, состоявшую из трофейных самоходных орудий, которые славились по всему Африканскому корпусу, тяжелого грузовика с пулеметом и его расчетом, а также двух курьеров.

— В Соллуме противника нет, его обороняет одна рота. — доложил обер-ефрейтор Рауг, вернувшись из разведки. И действительно. 11-я рота 361-го пехотного полка уже заняла оборонительные позиции в Соллуме: танк PzKpfw IV с перебитыми гусеницами обеспечивал ей огневую артиллерийскую поддержку. — Пахнет там, как в парикмахерской. — добавил Рауг. И не удивительно. В Бенгази обнаружился уцелевший немецкий полевой склад, забитый ящиками с мылом и другими туалетными принадлежностями. Солдаты набрали ранцы. У каждого лежало по меньшей мере десять зубных щеток и запас мыла, которого могло бы хватить до конца жизни: туалетной водой немцы запаслись из добытых у британцев трофеев. Теперь они сидели на своих позициях довольные, что сумели разжиться такой добычей.

— Мотопехотному батальону прикрыть склон Джебель к юго-западу от Соллума, — прозвучал по рации следующий приказ.

— Бог да будет с вами, — сказал командир, прощаясь с ротным, шансы не попасть в плен для которого были очень малы. — Мы придем и заберем вас, если сможем.

От Соллума Джебель на добрых пятнадцать километров уходит в пустыню. Если верить карте, через глубокий овраг можно было перебраться по двум тропам. Когда, вскоре после того как стемнело, батальон вошел в селение, они обнаружили роту 361-го пехотного полка на ровной местности перед Джебель. Поскольку транспорта у них не было, они стали арьергардом.

— Джебель не занята врагом. Британские машины разведки, грузовики и танки есть на той стороне, — доложил командир роты.

Обследовав вторую тропу и как раз выбираясь на вершину Джебель, лейтенант Зерфас наткнулся на английскую машину разведки, которая шла с другой стороны. Неожиданная встреча. Вопрос — кто выстрелит первым. Зерфас опередил противника и преградил дорогу еще двум автомобилям разведки. Потом ему пришлось в темпе уносить ноги, поскольку вверх по Джебель продвигалась целая британская разведывательная часть.

— На завтрашнее утро у нас неважные перспективы. Мы превратимся для тех ребят наверху в удобные мишени, — прокомментировал ситуацию фельдфебель Фридрих. У него имелся тяжелый пулемет. Грузовики они со всей возможной тщательностью замаскировали в низине, выставив на краю Джебель боевое охранение. Оставшаяся часть маленькой группы заняла позиции по полукругу.

Десятая рота получили приказ отходить.

— Двигайтесь на северо-запад и, когда выйдете на Виа-Бальбиа, можете считать, что с заданием справились.

Лейтенант Кордель поехал в Соллум, чтобы убедиться, что батальон занял позиции. Вернулся он через три часа с ягненком двух часов от роду. На обратном пути он заблудился и повстречал арабского пастуха, который и подарил ему ягненка.

— Я не мог отказаться, — объяснил Кордель. Обер-ефрейтор Зигфрид Беренс покачал головой. Его сердце — сердце крестьянина из Альмарка — не могло остаться равнодушным.

— Надо отнести эту крошку назад, господин лейтенант. Что нам проку, если прирежем его? А молока у нас нет. Он просто погибнет тут, и все.

— Боже мой. Беренс. Лучше бы вы подумали о завтрашнем утре — о том, как мы будем выбираться отсюда. Если у вас есть какие-то гениальные мысли на сей счет, я вам обещаю — мы отправим назад ягненка.

Они видели, что ночь вот-вот кончится и в одно мгновение рассветет. Боевое охранение сообщило: «Томми готовятся к бою. Прогревают моторы».

Они сориентировались — надо было использовать первый свет утра. Нужно убедить томми в том, что фронт тут, он никуда не делься, а потом... а потом поднялись — и ходу!

И вот Джебель и склон осветился лучами рассветного солнца. Ночь кончилась, и первые британские машины разведки медленно покатались вниз. Зерфас со своими самоходными орудиями ждал в низине. И вот момент наступил. Почти сразу три прямых попадания.

Томми на склоне выскакивали из своих машин и тут же попадали под пулеметный огонь. Они еще не обнаружили немецких позиций и били из своих двухфунтовок¹ по открытой местности. Но скоро снаряды стали падать в расположении батальона. Все чаще и чаще слышал фельдфебель Шульце знакомые крики:

— Санитара! Санитара!

Все палили, не жалея боеприпасов, стремясь уверить томми в том, что перед ними крупные части. Затем стрельба прекратилась, и немцы побежали к грузовикам, ведя огонь на ходу, перед тем как запрыгнуть в них. Лейтенант Зерфас тоже бил без передышки, но не в сторону Джебель, а вправо, откуда на бронетранспортерах и машинах разведки появились томми.

Тем временем остальные вскочили в автомобили и на полном ходу помчались в северо-западном направлении. Обер-ефрейтору Фойгту пришлось ждать, пока его бойцы займут место в грузовике. Затем и он поспешил вперед, чтобы занять место в голове колонны. Один «Фольксваген» остановился. Не повезло! Такова участь арьергардных войск. Им ничего не светило, кроме плена.

Зерфас, как всегда, был великолепен. Его орудия промчались к голове колонны, ревя двигателями. Стоп... Огонь... Поехали дальше. Как же все-таки здорово, что у них оказались эти великолепные британские самоходки.

Вдруг они заметили палатки. Группа арабов стреляла с колена, точно во времена бурской войны. Они били во все, что могло помешать продвижению. Они стреляли по самолетам!

— Итальянцы! — внезапно закричал Беренс. И верно. Арабы стреляли по итальянским самолетам на аэродроме в пустыне. Теперь на них нацелились головные части батальона. Арабы бросились в песок. Но у лейтенанта Корделя с его людьми не было ни

¹40-мм пушек. — *Прим. пер.*

времени, ни желания возиться с ними. Они прорвались к итальянскому аэродрому, где их ждал еще больший сюрприз. Итальянцы стояли на поле, подняв руки вверх. По ошибке они приняли появившихся немцев за британцев.

Зерфас со своими тремя противотанковыми орудиями уже вел огонь по атакующим британским машинам разведки. Это помогло восстановлению боевого духа итальянцев. Они побежали к трем своим пушкам и четырем танкам. Тут вдруг непонятно откуда возникли две итальянские роты. Воодушевленные примером немцев, они включились в бой. Двумя часами раньше британские машины разведки появились около аэродрома. Итальянцам удалось отразить натиск, но потом они увидели приближающуюся мотопехоту, приняли ее за британскую и растерялись. Теперь самообладание вернулось к ним, и итальянцы радовались как дети.

— *Avanti! Avanti!*¹

Они были довольны, что кто-то вновь отдает им приказы. Все прыгали в грузовики. Три самолета улетели, а наземный штаб уехал.

Солдаты майора Эле не могли бросить итальянских летчиков и пригласили их присоединиться. Когда батальонный командир доложил о прибытии Байерляйну, тот покачал головой:

— Вам вновь повезло.

Мотопехотинцам повезло, а вот 11-я рота 361-го пехотного полка угодила в плен.

— Теперь у нас только девять грузовиков. Девять негрятят... — сообщил Зерфас.

— Но у нас три противотанковых орудия, — добавил Кордель.

— Всем им скоро конец, — мрачно проворчал Драйер.

Драйер, Зерфас, Кордель! Ни один из них не вернулся домой. Драйер и Зерфас были похоронены через девять месяцев под Эль-Аламейном, а Кордель нашел свою смерть в России.

«Небесный кормчий преисподней»

С 21 ноября 1941 г. позиции вокруг Соллума обороняла 10-я оазисная рота вместе с остатками 12-й роты и штабом 300-го оазисного резервного батальона под командованием капитан Эннецеруса. К 11 января 1942 г. число защитников аванпоста сократилось до

¹ *Avanti!* — Вперед! — *Прим. пер.*

семидесяти человек, на соседнем перевале Хальфайа майор Бах со своими людьми преградил британцам путь по прибрежной дороге. Ночь за ночью враг пытался прорваться через немецкие позиции у Соллума. Рукопашная стала обычным делом.

10 января 1942 г. Эннецерус приказал раздать последние пайки: 20 граммов хлеба, горсть риса и ложку изюма на человека. Моральный дух упал до нулевой отметки.

— Надо кончать с этим, — говорили солдаты. На следующее утро британцы атаковали, и те, кто вчера ворчал, что «надо кончать с этим», теперь сражались как черти. Они стреляли до тех пор, пока стволы не раскалялись добела. Атаку крупных сил противника, прорвавшихся между дотами и «эскарповой галереей» батальона, отразили связисты, взяв в плен неприятельских военнослужащих. Позиции остались в руках немцев.

В донесении Эннецеруса о боевых действиях батальона говорится следующее: «Утром 12 января британцы начали мощный обстрел наших расположений из всех своих артиллерийских и минометных батарей. Здания, прежде лишь незначительно поврежденные, теперь были сровнены с землей». Первый штурм они отразили; за ним последовал второй. На складе боеприпасов у батальона не осталось ничего, кроме трассеров. Когда кончились и они, капитан Эннецерус послал вперед военнопленного с белым флагом. Капитуляция. Капитан приказал защитникам трех своих укрепленных пунктов:

— Уничтожайте оружие! Готовьтесь к сдаче!

Черные от грязи, во вшах, одетые в лохмотья, умирающие от голода после пятидесяти шести дней непрерывных боев, солдаты построились.

— Товарищи, — начал капитан, — друзья мои... — Он не говорил, замотал головой и резко развернулся. Он не хотел, чтобы они видели его слезы. Он вспоминал погибших. Соллум пал.

А что же происходило на знаменитом «перевале Хеллфайа»¹ — «Адском перевале»? Что делалось на этом важном для обеих сторон участке пути в Египет?

Два разных человека рассказали мне о трагедии, главному действующему лицу которой, майору Баху, британцы дали прозвище «Небесный кормчий преисподней»!

¹ Имеется в виду перевал Хальфайа, переименованный в «Адский перевал» англичанами. *Hell* — ад (*англ.*). — *Прим. ред.*

Я не стал менять ни слова в этих рассказах, предлагая их вниманию читателя в таком виде, в каком они были записаны:

«У нас кончалась вода. После падения Соллума наш источник воды оказался в руках британцев. Губы наши трескались, в глотках пересыхало. Надо было что-то делать. Папаша Бах приказал отбить скважину у противника хотя бы на краткий период, который бы позволил нам пополнить наши запасы. Сражение за воду! Оберлейтенант Айнхгольц из 2-й роты получил приказ: «Овладейте с вашим отрядом скважиной. Удерживайте позиции до тех пор, пока цистерна не будет наполнена, а потом отходите!» Айнхгольцу и его людям удалось справиться с заданием. Британцы оказались застигнутыми врасплох, но из-за темноты в неразберихе два немецких подразделения, силами которых Айнхгольц атаковал пункт набора воды с двух флангов, начали стрелять друг в друга. Погиб один обер-ефрейтор; один военнослужащий получил ранение и позвал на помощь санитар-носильщика. Экспедиция вернулась назад с телом убитого, одним раненым и полной цистерной воды. В этой вылазке обер-ефрейтор Юнг едва не лишился жизни. Он задержался, чтобы набрать для себя и своих товарищей лишнюю канистру воды. В спешке его забыли, и ему пришлось долго идти пешком, пока уже под утро его не подобрал на мотоцикле его приятель Браун. Но канистру Юнг не бросил. Он тащил ее всю ночь словно сокровище. Канистра воды и в самом деле являлась сокровищем на перевале Хальфайа под Рождество 1941 г. Никто не отправил домой рождественских поздравлений, не было и елки. Только отец Бах, наш майор и капеллан, прочитал нам слова из Библии и приказал выдать дополнительные порции воды. Звон рождественских колоколов заменял грохот британских 25-фунтовок¹, осыпавших снарядами наши «лисы норы» на скалах. Чудесный сочельник!

Тщетно пытался Роммель организовать поставки продовольствия и воды самолетами с Крита. Уже во второй заход британские ночные истребители ждали их. «Юнкерсы» упали в море, и с тех пор ни один не прорвался.

В вадии среди скал и камней солдаты ждали заката. Из траншей, блиндажей и орудийных окопов, с полевых кухонь поднимались тени людей с обожженной кожей, в грязной форме. Они казались призраками — какими-то пришельцами из иного мира. Они подни-

¹ Британские полевые орудия калибра 87.6 мм, стрелявшие снарядами весом 11,34 кг — 25 фунтов на расстояние свыше 12000 м. — *Прим. пер.*

мали головы, разминали затекшие конечности и вдыхали холодный ночной воздух».

«Ночью мы возвращались к жизни, — сказал мне другой участник тех боев. — Ночью выдавали пайки — два половника жидкого супа и банку говяжьей солонины. Кофейник приготовленного на солоноватой воде кофе — это троим на день. В общем, и умереть не умрешь, и жить невозможно, а сражаться тем более. «При таком рационе выстоять можно только лежа», — шутили, бывало, в 3-й роте».

Британцы, разумеется, знали, что творится на позициях противника на перевале Хальфайа. После кровавых попыток отбить важный опорный пункт они решили уморить гарнизон голодом.

Как-то вечером в середине января на перевал прибыло несколько сотен итальянцев из пехотной дивизии «Савона», которой командовал генерал ди Джорджис. С согласия Роммеля они пробились туда с боями с укрепленного пункта к западу от перевала Хальфайа. Так Бах получил пополнение из храбрых солдат, которые, однако, тоже не могли питаться одним воздухом. Через неделю наступил конец.

Капитана Фойгта, старшего из командиров рот, отрядили на переговоры с южноафриканцами. После достижения предварительных договоренностей майор Бах и лейтенант Шмидт из инженерно-саперных войск отправились заключать соглашение о сдаче. Южноафриканцы проявили порядочность, и все прошло гладко и быстро. Когда Бах подписал документ и вышел из палатки, лейтенант Шмидт махнул водителю машины. Тот понял все без слов и переставил белый флаг с правого на левое крыло. Зачем? Это был последний сигнал пастора из Мангейма своим солдатам и офицерам. После подписания капитуляции Бах не имел права отдавать команд об уничтожении оружия и снаряжения. Поэтому был придуман специальный ход. До отъезда к британцам пастор отдал приказ:

— Первый немецкий часовой, который увидит возвращающуюся машину с белым флагом на левом борту, должен доложить в штаб батальона: «Белый флаг на левом крыле».

Это должно было послужить сигналом для всех на позициях взорвать орудия, грузовики и прочее снаряжение. Если переговоры о почетной сдаче в плен окончились бы ничем, флаг остался бы на правом борту, что означало бы: оружие держать заряженным и готовым к бою.

Трюк сработал. Желание южноафриканского генерала получить целенькую восемьдесят восьмую осталось нереализованным.

17 января 1942 г. солнце ярко сияло над перевалом Хальфайа. Огненно-красные, пурпурные и фиолетовые, его лучи освещали горы светом раннего утра. Никто не стрелял. Фигуры изможденных людей поднимались из «лисых нор» и, ковыляя, направлялись к сборному пункту. Много недель батальону не доводилось строиться в дневное время. Солдаты и офицеры приветствовали друг друга. Голод, жажда и грязь изменили лица людей до неузнаваемости. Они казались старыми — старыми и измученными. Прибыли южноафриканцы, которые выдали пленным воду и продовольствие. Тяжелораненые получили медицинскую помощь. Затем ротный командир крикнул:

— Приготовиться к выступлению!

В этот момент на перевале Хальфайа произошел гнусный инцидент, ставший позорным пятном в истории кампании в Северной Африке. Внезапно начался обстрел. Тяжелые батареи вели огонь по построившимся немцам с направления к Соленому озеру. Целью стала 1-я рота под командованием лейтенанта доктора Геринга. Происходило нечто ужасное. Поначалу солдаты пришли в замешательство. Затем, как полагалось по уставу, принялись расстреливаться.

— Грязные свиньи! — кричали они. — Грязные свиньи!

Майор стоял белый, как лист бумаги, перед южноафриканским офицером, который тоже ничего не понимал. Наконец обстрел кончился. На земле лежали также и южноафриканцы. Несколько минут спустя примчался британский связной и что-то прошептал на ухо южноафриканскому офицеру. Последний подошел к Баху и через переводчика сообщил:

— Войска Свободной Франции. Солдаты генерала де Голля не подчинились приказам, несмотря на подписание капитуляции, и открыли огонь по построившимся немецким солдатам.

Майор Бах не сказал ни слова.

Затем пленных увезли. Германское верховное командование заявило в коммюнике, что солдаты на перевале Хальфайа сражались до последнего патрона. Звучало это величественно, но реальность была другой. В войне нет ничего величественного. Патронов оставалось еще много. На колени мужественных бойцов поставили голод и жажда. Отец Бах, майор, священник из Мангейма, один из самых храбрых солдат в Африке, тоже знал девиз: «Тот, кто вовремя бежал, в новых битвах драться стал!»

Мальта пожирает снабжение

Самым уязвимым местом в войне в Африке для Роммеля все время оставалось снабжение. Никогда не упоминавшиеся в рапортах Вермахта, ведущие тщетную борьбу со смертью офицеры и матросы торгового флота ходили на своих судах в Африку. Многие не вернулись из тех рейсов.

За каждым солдатом, стрелявшим из винтовки, сидевшим в чреве танка или бомбардировщика, стояла невидимая цепочка помощников, без которых была бы невозможна никакая победа — да что победа, просто сама по себе война. Благодаря этой длинной цепочке поступали на фронт оружие, боеприпасы, горючее и пополнение. Во время Второй мировой войны много сражений было выиграно благодаря исправно функционирующей, хорошо налаженной системе снабжения, и не меньше их проиграно из-за недостатка военных материалов, горючего и всего прочего, в чем нуждалась передовая и чего туда не смогли вовремя доставить. Данное замечание вполне применимо и к Северной Африке. Поэтому нельзя, говоря о «лисах пустыни», не сказать ничего о командах сухогрузов, танкеров и транспортных кораблей, составлявших конвои в Африку, о летчиках и моряках, доставлявших солдатам Роммеля все необходимое. Война в Африке была проиграна потому, что Германское верховное командование не понимало, как можно решить проблему доставки снабженческих грузов через океан, который оно не контролировало, и через бескрайние просторы пустыни.

Пять сотен и пятьдесят километров вод Средиземного моря отделяет Сицилию от Триполи. На дне здесь лежит не меньше солдат, чем их похоронено в африканском песке, и больше военных материалов, чем немцы и итальянцы оставили в Северной Африке. Поскольку на Средиземном море господствовали британцы, для завоевания Африки предстояло прежде уничтожить в регионе британские военно-морские силы. Надлежало всенепременно захватить Мальту, базу для воздушных и морских атак на германо-итальянские снабженческие караваны.

В Африканской войне эта проблема стала ключевой. Первые молниеносные победы Роммеля заставили ее временно отойти на второй план, но скоро она вышла из тени и проявилась со всей очевидностью.

Большинство из 250 000 немецких солдат, сражавшихся в Африке, переправлялось туда на судах из Неаполя или Таранто. Очень

незначительное количество «лисов пустыни», а позднее и тунисских подразделений доставлялось по воздуху. Мало приятного, но, по крайней мере, такая поездка длилась всего несколько часов. Путешествие по морю на переполненном грузовом судне продолжалось восемьдесят четыре часа — трое с лишним суток постоянного страха. Удастся ли пройти? Не встретят ли их томми? Когда начинали завывать пароходные сирены, когда над головой ревели моторы британских торпедоносцев, солдаты беспомощно жались к палубе, втягивая головы в плечи.

Против самолетов хотя бы выручали зенитки. Но когда посреди карточной игры или сквозь дрему раздавался сильнейший удар, потом оглушительный взрыв, а затем звучали крики: «Торпеда! Прямое попадание!» — и корабль начинал крениться, все ошалело бросались на поиск спасения... Вот что было страшнее всего. Удастся ли прыгнуть в воду или придется идти ко дну вместе с ящиками и оружием? Вот такие мысли одолевали бойцов в море.

Первые моряки рейха встретили смерть на Средиземном море задолго до того, как немецкие солдаты стали сражаться на Северо-Африканском фронте. В период с января по май 1941 г. пошли на дно одиннадцать немецких кораблей снабжения, суммарным водоизмещением сорок две тысячи британских регистровых тонн. 16 апреля целый конвой немецких транспортов испытал на себе все прелести морской атаки. Королевский Флот ударил в 02.20, и вся акция продолжалась полчаса. «Арта», «Эгина» и «Изерлон» затонули до рассвета. «Адана», на борту которой полыхал сильнейший пожар, держалась на плаву до 16.00. На следующий день на дно отправился «Самос». 1 мая 1941 г. имели место три морских инцидента между Неаполем и Триполи. «Ларисса» затонула, напоровшись на мину. Британские торпедные катера потопили «Арктур», принадлежавший компании «Арго». Несколько часов спустя судьбу этого судна разделил «Леверкузен» — корабль водоизмещением 7386 т. И это продолжалось. Моряки немецкого торгового флота храбро оборонялись.

Во время второй утренней вахты капитан Мориссе вышел на мостик, сверился с курсом и перекинулся парой слов с итальянским офицером связи. Вдруг корпус корабля задрожал. Торпедное попадание! Взлетели на воздух зенитные установки, но сразу корабль не затонул. Было много времени на то, чтобы сесть в шлюпки. Другие суда из состава конвоя подняли на борт команду и солдат. Сам же «Арктур», совершивший немало рейсов между Неаполем и Триполи, исчез в морских волнах. Это был корабль средних раз-

меров, ходивший в море из Неаполя. Половина судов предоставлялась итальянцам, другая половина — немцам из Африканского корпуса. Такое же правило применялось в отношении итальянских кораблей. Подобное деление было поначалу вполне справедливым, но в результате огромных потерь, понесенных итальянцами в первой половине 1941 г., и с увеличением количества немецких войск, перебрасываемых на Североафриканский ТВД, расклад по принципу пятьдесят на пятьдесят стал неадекватным, на что постоянно жаловался Роммель.

В предыдущих случаях «Арктуру» везло — удавалось проскочить. Конвой на протяжении шести часов атаковали британские бомбардировщики. У многих солдат на борту перехватывало дыхание, когда бомбы взрывались в нескольких метрах от корабля. На пирсе в Неаполе все казалось очень просто. Капитан, стоя на яшике, обратился к солдатам с речью:

— По ночам на верхней палубе не курить. Никакого света в иллюминаторах! Полное затемнение. Никто по своему почину не может покинуть борт судна и прыгнуть в воду, что бы ни случилось. Приказ покинуть корабль может поступить только из одного места — с капитанского мостика.

Многие солдаты раньше никогда не видели моря, а если и видели, не стояли на палубе крупного судна. Для них поездка казалась приятным приключением, но, когда начинались серьезные дела, вся приятность тут же исчезала.

— Не стоит нервничать, — говорил капитан в Неаполе. — На борту нашего корабля за вами присмотрят. У нас достаточно спасательных плотов и шлюпок. Они уже распределены. Что бы ни случилось, матросы всегда скажут, кому что делать. Если погибает капитан, командование принимает первый или, если требуется, второй помощник. О вас в любом случае позаботятся.

Так сказал капитан и сдержал слово.

Солдаты достали спиртовки и занялись приготовлением пищи. Кухня сравнительно небольшого корабля не могла обеспечить питанием шесть сотен человек.

Прозвучала тревога: «Подводная атака!» Появился первый самолет. В белых брюках, рубашке цвета хаки, в спасательном жилете и каске, капитан стоял на радиопалубе, откуда предоставлялся хороший обзор. Глаза всех солдат были обращены к нему.

— Самолет на правом траверзе. Самолет с кормы.

Им несколько раз везло — везло до 1 мая.

Начальник Транспортного морского командования в Триполи, капитан 3-го ранга Майкснер, прибыл на пирс встретить капитана «Леверкузена» и капитана Мориссе с «Арктуром» как потерпевших бедствие моряков. Оставляя корабль, капитан Мориссе снял ботинки, чтобы легче было плыть. Он не мог найти себе в Триполи подходящей обуви, и несколько дней его видели разгуливающим босиком по «Уаддану» — уютному отелю в Триполи.

Огромный итальянский лайнер «Бирмания» стоял в гавани Триполи с грузом боеприпасов. Бывший первый помощник капитана Мориссе, Гоппе, отвечал за разгрузку немецкой части груза. 4 мая капитан Мориссе навестил его, они выпили по стаканчику джина и распрошались. Не успел он отойти и двухсот метров от судна, как раздался громкий взрыв. Мориссе нашел убежище в военном штабе. Прогремел второй взрыв, и тучи черного дыма повисли над портом. Что произошло?

«Бирмания» взорвалась. «Читта ди Бари», итальянский вспомогательный корабль, стоявший рядом с ней с грузом бензина, тоже взорвался. Поскольку «Бирманию» как раз разгружали, многие арабы и немецкие солдаты находились кто на судне, кто на причале рядом с ним. Потери были огромными. У немцев — 28 погибших и 38 раненых. Итальянцы потеряли 42 человека убитыми и 50 ранеными, а арабов погибло 150 человек, не считая раненых.

Пристань выглядела так, словно она подверглась обстрелу из тяжелых артиллерийских орудий. Корму 10 000-тонной «Бирмании» взрывом выбросило на причал. Капитан Гайлер из штаба, ведавшего разгрузочно-погрузочными работами, чудом избежал смерти. Корма падала прямо на него. Чем она станет, гробом или убежищем? Гайлер пришел в себя под огромной крышей, которая, точно гигантский броневой лист, спасла его от дождя осколков. Трое коллег Гайлера, стоявшие буквально в нескольких шагах от него, погибли.

Эксперты, прибывшие на место трагедии, подтвердили, что взрыв, вероятно, произошел от входивших в состав немецкого груза маленьких десятикилограммовых кассетных противопехотных бомб. Они скреплялись десятками с помощью полоски жести, к которой крепились один взрыватель. Детонатор срабатывал, когда связку бомб сбрасывали с самолета. Через определенный промежуток времени — обычно через две или три секунды — плomba под воздействием тепла, выделяемого при взрыве детонатора, плавилась, и все бомбы летели к земле каждая сама по себе. Детонатор был очень чувствительным, так что при малейшем прикосновении мог пропн-

зойти взрыв. В этом заключалась особенность этого дьявольского оружия, предназначенного для ударов по находящимся на марше воинским колоннам и другим целям на открытой местности.

Эти маленькие противопехотные бомбы поступили в Африку впервые. Производитель уделил значительное внимание упаковке, но начальство не позаботилось об изготовлении подходящих ящиков для транспортировки. Бомбы лежали в обычных ящиках слишком свободно. При погрузке связки бомб расшатались в креплениях. Несколько их перевернулось внутри ящика. В результате закрепленный лишь простой чекой детонатор активировался. Теперь бомба могла взорваться при малейшей встряске. Поскольку на «Бирмании» находились и тяжелые бомбы, легко представить себе, что могло произойти при взрыве одного из этих маленьких «дьявольских яиц». Составить точное описание трагедии было невозможно, но, вероятно, при опускании одного из ящиков сработал детонатор одной из этих маленьких бомб, что и стало причиной катастрофы. Правая рука Роммеля во всех вопросах снабжения, капитан Отто — впоследствии главный квартирмейстер, — ушел с корабля за несколько минут до взрыва.

Отто и отвечавший за морские перевозки капитан 3-го ранга Майкснер занимались расследованием обстоятельств трагедии, когда пришли тревожные новости — приближались еще два итальянских судна, груженные такими же касетными бомбами.

Майкснер приказал капитанам идти к причалам и швартоваться очень осторожно. Но перед Майкснером встала еще одна проблема. Получив известие о трагедии «Бирмании», в Берлине словно бы сошли с ума. Геринг, обеспокоенный упаковкой бомб, телеграфировал: «Приказываю вывести корабли в море и затопить. Ни в коем случае нельзя подвергать опасности жизни людей». Ему легко было приказывать открывать кингстоны, но каждый корабль и каждый груз много значили для армии Роммеля в Северной Африке.

Майкснер оказался перед сложнейшей дилеммой. Едва ли нашелся бы солдат, сражавшийся в Африке, который бы не знал его в лицо. Он, безусловно, не принадлежал к категории людей, которые слепо выполняют приказы. Во время Первой мировой войны он протаранил и потопил итальянский миноносец. Он пять раз бежал из итальянского плена, и пять раз его ловили и возвращали назад. В период между двумя войнами Майкснер изучал юриспруденцию. Капитан-лейтенантом резерва его вновь призвали на флот в 1940 г. Он привлекался как инструктор при подготовке операции «Морской лев» — запланированном вторжении в Англию. Полу-

чив направление в Триполи, он стал там одним из самых близких соратников Роммеля, но не только. Они сделались друзьями, хотя началась их дружба с конфликта. Майкснер недвусмысленно дал понять, что чрезвычайно уважает Роммеля как великолепного солдата, но должен будет просить его не лезть в морские вопросы, в которых тот ничего не смыслит.

Майкснеру предстояло найти некое решение, которое бы лежало между приказом Геринга и его собственным желанием разгрузить суда без потери жизни людей. Ясно было одно — если что-то случится, ему придется отвечать перед трибуналом. Он послал за капитаном «Менеса» Рейненом, которого знал как опытного и храбрейшего моряка. Тот находился в Триполи — корабль его торпедировали.

— Как вы думаете, сможем мы разгрузить корабли? — спросил Майкснер и добавил: — И не возьметесь ли вы за разгрузку одного из них?

— Возьмусь, — ответил Рейнен. Адьютант Майкснера, оберлейтенант Крюгер, поддержал его. Каждый из них отыскал десять немцев-добровольцев. Итальянские экипажи покинули суда, и началась опасная операция.

Как и на «Бирмании», в дополнение к малым эти корабли несли также тяжелые бомбы. Подняли и открыли первый ящик, чтобы убедиться в том, что предохранители на месте. Все в порядке. Ящик переправили на берег, затем повторили точно такую же процедуру со следующим. И так далее. Однако никаких гарантий быть нигде не могло. В четвертом случае предохранителя на месте не оказалось. Дело принимало серьезный оборот. Капитан Рейнен и минер осторожно отделили «адскую машину» от остальных. Рейнен держал кассетную бомбу, а минер поддерживал жестяной крепеж. Они отнесли бомбу за угол, положили и сняли детонатор. Капитан Рейнен стоял поблизости и наблюдал за работой минера — того взяли «взаймы» только на один день со склада боеприпасов, где шли важные приготовления к предстоящему наступлению и куда он должен был своевременно возвратиться. Если что-нибудь случится, Рейнену и Крюгеру придется выкручиваться самим. Они были очень внимательны. В первый день обнаружили шесть «живых» бомб, во второй — девять, а в третий — четыре. Всего разгрузка заняла пять дней. Двадцать две бомбы оказались «живыми» из-за неудачной конструкции ящиков. Шестнадцать раз уже после ухода минера Рейнен и Крюгер дезактивировали опасный груз. Шестнадцать раз они смотрели в лицо смерти. Всякий раз они приказывали своим

людям покинуть трюм; на каждую операцию уходило пять минут. Пот лился по лицу. Тишина стояла такая, как бывает, наверное, только в раю или в аду. Каждый поворот винта превращался в виток вокруг земного шара. Смельчакам удалось спасти оба корабля и их груз. Капитан торгового судна Рейнен стал первым гражданским лицом, награжденным Железным крестом 1-го класса, оберлейтенант Крюгер удостоился той же награды.

Это лишь один эпизод из тех, с которыми связаны имена смелых помощников Роммеля. Люди ничего не знали об их подвигах во время войны. Их труд, их достижения и их смерти оставались тайной. Враг не имел права узнать, какую жизненно важную работу выполнял транспорт и снабженцы, сколько кораблей приходило в Триполи, Тобрук и Бенгази из Неаполя или Таранто, сколько выходило из портов, сколько добиралось до места назначения и сколько шло ко дну. Учет, который вели в Главном командовании флота, приводил руководство в ужас.

Штатскому человеку трудно понять значение доклада, в котором говорится, что такой-то и такой-то корабль затонул в Средиземном море в результате атаки британского морского судна или «Бристоль-Бленхейма»¹. Возьмем для примера «Пройссен», потопленный прямым попаданием бомбы 22 июля 1941 г. вблизи Пантелларии. На борту находилось 600 солдат, команда из 64 человек, около 6000 тонн боеприпасов, 1000 тонн бензина, 1000 тонн продовольствия, 3000 мешков почты и 300 единиц разного рода техники — от танков до автобусов, от армейских вездеходов «Кюбель» и «Фольксваген» до мотоциклов. Самым ценным были, однако, первые бомбы для Люфтваффе и первая батарея 210-мм орудий. Весь груз погиб, с ним на дно отправились двести солдат и матросов. «Пройссен» — лишь один из многих примеров гибели кораблей на пути из Италии в Африку. Если бы затонувшим судам ставили надгробья, путь от Сицилии к североафриканским портам был бы вымошен ими.

Причина подобного пагубного положения, конечно, Мальта. Скалистый остров, ставший опорным пунктом британского надводного флота, подлодок и самолетов в Средиземном море, являлся важным фактором в британской победе в Северной Африке. Скалы

¹ Двухмоторный британский бомбардировщик с экипажем из 3 человек. На момент начала войны главный британский тактический бомбардировщик, эта машина широко задействовалась в качестве ночного истребителя и морского штурмовика. — *Прим. пер.*

Мальты сводили на нет всю храбрость и героизм немецких войск в Африке. Однако, как ни парадоксально это прозвучит, исход войны в пустыне Северной Африки решался в море. Мальта сделалась залогом поражения Роммеля. Это становится ясно всем, кто внимательно изучит обстоятельства кампании.

Любой, кто приезжал на Мальту до войны, видел перед собой опаленные солнцем луга, высоко колосившиеся в полях зерновые, свисающие со скал рыбацкие сети и очень старые каменные здания. На своем густонаселенном острове жители Мальты занимались фермерством, торговлей, рыболовством и мореплаванием. Мальта — родина излюбленного европейского деликатеса, тунца.

Из порта путь лежал в город Ла-Валетта, получивший название в честь одного из магистров ордена рыцарей святого Иоанна, которые владели Мальтой многие века. История ордена тесно связана со старой крепостью, которая позже в течение долгого времени служила резиденцией британского губернатора. В шестнадцатом веке император Карл V передал остров рыцарям святого Иоанна¹. Остров просто не мог избежать бурной судьбы: он располагался так, будто бы специально был создан для пиратов — на пути из Западного в Восточное Средиземноморье.

Мальта неизменно играла важную роль в истории. Отсюда еще финикийцы осуществляли контроль пути между Востоком, Европой и Африкой; приблизительно в 400 г. до н.э. ее заняли карфагеняне, а в 218 г. до н.э. — римляне. За этот ключевой для тех, кто хотел контролировать Средиземноморье, пункт сражались остготы, вандалы и византийцы. В 870 г. от Рождества Христова Мальту захватили арабы, а еще через 200 лет — норманны². В 1798 г. этот остров и соседствующий с ним маленький островок Гоцо взял Наполеон. Британцы овладели обоими островами в 1800 г. и со временем превратили Мальту в одну из сильнейших морских и авиабаз империи.

Офицеры Королевских Флота и Воздушных Сил занимали самое важное место в жизни Мальты, британские боевые корабли наводняли порт. В естественной гавани выросли огромные доки и ангары. Мальта была прекрасной, гордой и могущественной. Находясь в восьмидесяти километрах от Сицилии по прямой, крепость

¹ Это госпитальеры, члены монашеского, а впоследствии военно-монашеского (с 1113 г.) ордена, основанного в середине XI в. в Иерусалиме; Мальтой они владели с 1530 по 1798 г. — *Прим. пер.*

² В 1092 г. — *Прим. пер.*

заставляла сомневаться в справедливости слов Муссолини, называвшего Средиземное море *Mare Nostrum*¹. Нет, Средиземное море являлось морем Великобритании, и любая страна, которая хотела транспортировать солдат и грузы через него, должна была разделиться с Мальтой или платить тяжелую дань.

«На месте итальянцев японцы вступили бы в войну 10 июня 1940 г., устроив Перл-Харбор на Мальте, служившей на тот момент только для оборонительных целей. Потому что Мальта для итальянцев являлась тем же, чем являлся для японцев Перл-Харбор». Таково мнение одного из признанных экспертов в области ведения боевых действий на море во время Второй мировой войны немецкого вице-адмирала Ассманна.

Но итальянцы не были японцами. Вступив летом 1940 г. в войну на стороне Германии, они решили довольствоваться тем, чтобы подавить британскую крепость на Средиземном море воздушными налетами. «Воздушные налеты» — есть не что иное, как эвфемизм, потому что на деле они представляли собой не укусы, а покусывания. Не было яростных огневых ударов, ковровых бомбардировок, скорее поединки между рыцарями воздуха — что-то вроде дуэлей на самолетах. В Риме немецкий адмирал, начальник штаба по взаимодействию на море, Вайхольд стал первым, кто 9 августа 1940 г. выступил с предложением захвата Мальты. Но итальянцы отказались, и даже немецкое руководство поначалу не видело, сколь велико значение острова для войны в Африке. Британцы же смотрели на проблему совершенно иначе. Хотя они и немало нервничали у себя «дома», узнав о планах Гитлера осуществить операцию «Морской лев» — вторжение в Англию, они тем не менее отправили на Мальту значительный войсковой контингент. Теперь итальянцам стало еще труднее взять Мальту. Вообще сомнительно, что они когда-нибудь смогли бы овладеть ею, поскольку в войну Италия вступила совершенно неподготовленной.

Не было готово ничего. Маршал Бадольо сам объяснял мне этот факт в довольно осторожных выражениях. Сегодня путем изучения имеющихся данных можно составить исчерпывающую картину. В 1939 г. Муссолини с изумлением наблюдал за немецкими победами в Польше. Зачарованный происходящим, он видел, как горные войска генерала Дитля овладевают Нарвиком. Он только качал головой, когда Копенгаген и Осло пали к ногам немцев без выстрела. С растущей озабоченностью дуче наблюдал за тем, как армии Гит-

³ Наше море (лат.). — Прим. пер.

лера, точно ветер пучок соломы, смели со своего пути французские войска. Гитлер, который рассматривал Муссолини как своего ученика, шагал по Европе от победы к победе. Он даже спланировал вторжение в Англию. Разве не казалось тогда, что не пройдет и трех месяцев, как война закончится — закончится бесспорной победой гуннов? Затем фюрер будет диктовать всем свои условия мира, а что же будет с Италией?

«Если Италия хочет сидеть за столом Мирной конференции, когда будут делить мир, она должна вступить в войну, и вступить в нее быстро», — сказал Муссолини своим маршалам Бальбо¹ и Бадольо 26 мая 1940 г. Они словно бы окаменели от удивления в огромном зале «Палаццо Венеция». Вступить в войну?

Муссолини заметил негативную реакцию военных. Бальбо, командующий итальянскими силами в Северной Африке, обменялся взглядами с Бадольо, начштаба сухопутных войск. Тут дуче поднял руку и напыщенно произнес:

— Я должен сообщить вам, что вчера я отправил Гитлеру послание, в котором заверил его, что не намерен стоять, засунув руки в карманы, и что, начиная с пятого июня, я готов объявить Франции войну.

Бадольо сделал шаг вперед:

— А вы понимаете, дуче, что Италия совершенно не готова к этому с военной точки зрения? Вам надо почитать текущие сводки. Только двадцать процентов наших дивизий полностью укомплектованы личным составом и техникой. Свыше семидесяти процентов наших танковых частей не располагают ни одним танком. У нас даже рубашек на всех солдат не хватает. Как же мы будем воевать? Наши колонии тоже не готовы к войне. Суда нашего торгового флота разбросаны за пределами территориальных вод... — Бадольо хотел продолжить, но Муссолини знаком попросил его умолкнуть.

— Но историю нельзя измерить количеством рубашек, — изрек он.

Итак, Италия вступила в войну. Бадольо не подал в отставку. Не взбунтовались и другие генералы. А куда им было деваться? Тогда бы им пришлось признать во всеуслышание, что десять лет смелыми речами и хвастовством они прикрывали тот очевидный факт, что итальянская армия есть бесполезный инструмент.

¹ Италю Бальбо, маршал авиации, сбит собственной зенитной артиллерией 28.06.1940 г. его сменил маршал Италии Родольфо Грациани. — *Прим. пер.*

Правда, в ВМФ все выглядело гораздо лучше, и, согласно Муссолини, ставку надлежало делать на ВМФ. Тут он если и заблуждался, то немного. На балансе ВМФ числилось 6 линкоров, 29 крейсеров, 59 эсминцев, 69 торпедных катеров и 115 подлодок. Разве это не сила? Италия располагала одним из самых крупных подводных флотов в мире. Что противопоставила бы им Великобритания на Средиземном море? Чем могли британцы ответить им в Египте? Они имели тридцать пять тысяч человек и никакой тяжелой бронетехники. Со своей стороны, маршал Бальбо в Ливии располагал 14 дивизиями, общей численностью 220 000 военнослужащих. Правда, у них отсутствовала тяжелая бронетехника и не хватало легкой. Только четыре дивизии находились в большей или меньшей боеготовности, и только две из них были моторизованными. Но все равно — 220 000 человек против 35 000! Да они могли раздавить британцев словно паровой каток.

Но нам известно, какой это вышел каток. Мы знаем, что Гитлер в Берлине внезапно — и к своей большой досаде — осознал опасность того, что Муссолини окажется выброшенным из Африки. К каким результатам может привести то, что мягкое подбрюшье Европы по всей своей ширине будет открытым для атак британцев? Именно по этой причине Гитлер послал наскоро сколоченный Африканский корпус под началом Роммеля останавливать процесс разложения в Африке. Если бы Германское военное руководство перебросило немецкие дивизии в Африку полугодом раньше, как в конце июня 1940 г. предлагал сделать генерал Гудериан, той же осенью исход войны, возможно, был бы уже предрешен. Тогда бы, по всей видимости, Александрия, Суэцкий канал и Каир попали в руки коалиции стран «оси».

Прежде чем первый немецкий корабль с передовыми подразделениями Африканского корпуса взял курс к Триполи, Германское верховное командование отрядило на Сицилию 10-й авиакорпус генерала Гайсслера — 200 самолетов, число которых довольно скоро возросло до 500 единиц. Задача пикировщиков «Штука», бомбардировщиков и истребителей состояла в ведении боев с британскими морскими силами в Средиземном море и охране путей поступления снабжения для Африки. Скоро состоялась первая проба сил.

7 января 1941 г. направлявшиеся на Мальту корабли военно-морских сил Британии были обнаружены сразу и в Восточном, и в Западном Средиземноморье. Сухогрузы шли через Гибралтар с большими партиями ценных предметов снабжения для Мальты и Греции. Британский конвой располагал мощным сопровождением:

имея опыт ведения боевых действий против «Флота хорошей погоды», как прозвал итальянский флот Черчилль, британцы не особенно беспокоились. Во второй половине дня 9 января итальянские торпедоносцы впервые атаковали конвой южнее Сардинии. Присутствие самолетов Люфтваффе способствовало небывалому подъему морального духа итальянцев. Конвой подвергся нападению также двух итальянских торпедных катеров. Противник попал на недавно поставленное немцами минное поле, и два корабля взлетели к небесам. Незадолго до полудня 10 января «поворотный шкворень» эскорта конвоя, британский авианосец «Илластриэс», находился в какой-то сотне морских миль к западу от Мальты. На борту он нес так необходимые там самолеты.

Располагавшиеся на борту авианосца самолеты морской авиации уже готовились взлететь, когда неожиданно налетели немецкие Ju-87 («Штука») и Ju-88. Бомбы разворотили полетную палубу, начался пожар. Были повреждены рули, и авианосец начал кружить на одном месте. Вновь и вновь итальянские торпедоносцы и немецкие «Штуки» поливали бомбовым дождем палубу подбитого авианосца. Согласно официальной британской военно-морской истории, в этом бою успехом увенчались лишь немецкие атаки. В течение десяти минут на палубе авианосца взорвались шесть 500-килограммовых немецких бомб.

«Первое боевое соприкосновение военно-морских сил Британии с немецким Люфтваффе в Средиземном море», — радировал британский адмирал в Каир и Лондон. Там не без страха прочитали его донесение.

Но где же находился итальянский флот? Где была армада Муссолини? Она так и не появилась¹. Проявляя верх мастерства судовождения, капитан «Илластриэса» с помощью гребных винтов и довел поврежденный корабль на Мальту. Но на этот день не кончился. Крейсер «Саутгемптон» наскочил на мину и получил несколько бомб. Одним британским крейсером на Средиземном море стало меньше.

Немецкие летчики не давали продохнуть спрятавшемуся в порту Мальты «Илластриэсу». Они продолжали атаковать авианосец, и британцам пришлось задействовать для его защиты все самолеты, кото-

¹ Задаваясь этим вопросом, автор почему-то умалчивает о том, что в ночь с 11 на 12 ноября 1940 г., т.е. меньше чем за два месяца до описываемых событий, самолеты с борта «Илластриэса» серьезно повредили три (из номинально всего шести) итальянских линкора. — *Прим. пер.*

рые из-за этого не предпринимали никаких действий против конвоев стран «оси». Немецкие транспорты без проблем достигали Триполи. Это был один из наиболее важных факторов первых побед Роммеля. Под эскортом истребителей немецкие бомбардировщики днем и ночью летали с Сицилии бомбить Мальту. Бомбы падали на маленьком острове повсюду — на пирсы, на ремонтные мастерские, снабженческие склады, на корабли и аэродромы. 7 марта 1941 г. вице-маршал авиации Мэйнард отправил с Мальты в Каир донесение о том, что ему больше нечем прикрывать от немецких истребителей свои «Сандерленды» и «Веллингтоны»¹. Поэтому эти машины переправили в Египет. В тот же день губернатор Мальты генерал сэр Уильям Добби послал в Военный кабинет сигнал SOS: «Атаки противника наносят столь тяжелый урон, что Мальта рискует потерять свою важность как опорный пункт флота и авиации». Каир отправлял на Мальту «Харрикейн», но немцы продолжали атаковать остров. В период между январем и июнем 1941 г. британцы потеряли 78 самолетов.

В то время как налеты итальянской авиации с июня 1940 г. по январь 1941 г. не причинили значительного вреда скалистому острову, после пяти месяцев немецких авиарейдов картина складывалась совершенно иная. Несмотря на естественные пещеры, служившие убежищами, количество убитых и раненых перевалило за четыре сотни. Мальтийцы начинали проявлять недовольство и отказывались расчищать развалины. В марте на острове стала ощущаться нехватка продовольствия. Было введено строгое rationирование продуктов — созрел момент для вторжения. Британское командование прислало из Египта на усиление пехотные подкрепления, поскольку со дня на день ожидало того, что казалось неизбежным, при условии, что войска стран «оси» собирались продолжать воевать за Северную Африку, — высадки десанта. Британцы располагали на острове восемью батальонами и артиллерийским полком. Кроме того, у них имелось там несколько батарей 3,7-дюймовых² и 6-дюймовых орудий и несколько 18-фунтовых³. Что же касается

¹ «Шорт Сандерленд» — четырехмоторный гидросамолет дальнего радиуса действия, который мог использоваться как бомбардировщик и противолодочный самолет; «Викерс Веллингтон» — двухмоторный самолет, действующий по надводным и подводным судам противника, иными словами, морской штурмовик, средний тактический бомбардировщик и торпедоносец; обе машины могли нести полезную нагрузку около 2200 кг. — *Прим. пер.*

² 94-мм зенитка и 152,4-мм соответственно. — *Прим. пер.*

³ 83,6-мм полевые пушки. — *Прим. пер.*

бронетехники, то на Мальте дислоцировался отдельный взвод Королевского танкового полка, на вооружении которого находилось лишь два легких и четыре пехотных танка. Ситуация для Мальты складывалась незавидная. На этом этапе страны «оси» получили шанс выиграть противоборство с Великобританией на Средиземном море. План гросс-адмирала Редера был, по всей видимости, наиболее верен: взять Мальту и получить возможность беспрепятственно отправлять в Африку снабженческие грузы. Роммель мог бы увенчать свой успех в Киренаике завоеванием Египта. Черчилль точно бы не пережил такого политического удара.

А что же сделал Гитлер 22 июня 1941 г.? Он открыл Восточный фронт. Он атаковал Россию, откуда получал значительную часть зерна и нефти. Конечно, полагаться на Россию было трудно, однако ее руководство не имело намерения немедленно напасть на Германию.

По причине начала войны с Россией части 10-го авиакорпуса были переброшены с Сицилии на Восточный фронт. Количество обрушившихся на Мальту бомб уменьшилось, и Черчилль смог нарастить мощь этой островной крепости. Вновь британские военно-морские и военно-воздушные силы начали бить по каналам снабжения Роммеля. А Роммель стоял у ворот Тобрука, не имея возможности сломить сопротивление защитников просто потому, что ему не хватало военных материалов.

Но можно ли все-таки было овладеть Мальтой? Данным вопросом сегодня постоянно задаются немецкие военные историки. По моему мнению, возможность для взятия ее имелась. Успешные действия немецких войск на Крите показали, что в 33 раза больший по размерам и куда лучше защищенный остров можно было захватить с воздуха. Вообще, именно тогда впервые в истории воздушно-десантные части овладели островом. Операция прошла успешно. Там, на Крите, много веков назад легендарный Икар пытался осуществить мечту человека — летать. Он прикрепил крылья к телу воском, но воск расплавился, и Икар упал в море.

20 мая 1941 г. в 07.30 немецкий майор Кох, пропарив в утреннем мареве над Критом в транспортном планере, благополучно — не упав в море — высадился на острове во главе 1-го батальона штурмового планерно-десантного полка. За ним последовал мощный воздушный флот из Ju-52, готовый сбросить парашютистов. Тысячи современных наследников Икара, обвешанные снаряжением, оружием и боеприпасами, спускались вниз подобно белым облакам в ясном голубом небе. Они прыгали на каменистый остров, с

которого навстречу им рвалась смерть. Как позднее отозвался об этих войсках Черчилль? «Эти храбрые и испытанные в боях парашютисты являли собой цвет немецкой молодежи». Все совершенно верно. Связист Эрнст Шпрингер, охотник из Верхней Силезии, прыгавший с первым батальоном, достал свою трубу, еще находясь в воздухе, и там подал сигнал о начале атаки. Он звучал с небес победными фанфарами. Солдаты 5-й новозеландской бригады остолбенели.

Крит был взят. Первая в истории воздушно-десантная операция прошла успешно. Но успех обошелся дорого. Парашютисты понесли огромные потери. Находясь в воздухе, они служили превосходными мишенями для ждавших их внизу пулеметчиков. Убитыми или ранеными висели они на стропах своих белых парашютов, а приземлившись, становились добычей ветра, который тянул их по земле до тех пор, пока тела не зацеплялись за скалу, валун или куст, а купол парашюта не начинал виться над мертвыми телом точно огромный саван. Немецкими элитными войсками, парашютистами, в буквальном смысле этого слова пожертвовали в первой крупной операции. Но Крит, крупный остров между Грецией и Тобруком, находился в руках немцев. Черчилль в отчаянии взывал к Рузвельту о помощи. Великобритания проиграет войну, если Соединенные Штаты не увеличат поставок техники и вооружений втрое-вчетверо.

В военном руководстве Германии имелось несколько человек, предлагавших воспользоваться победой, оплаченной дорогой ценой, превратив Крит в трамплин для решительных операций против союзников на Средиземном море и в Африке. Главным из них являлся Редер. В те несколько недель Черчилль больше всего опасался немецкой высадки на Мальте. 28 мая 1941 г. он послал генералу Уэйвеллу в Каир телеграмму, где высказал свои страхи относительно возможности падения Мальты, что привело бы к крушению линии коммуникаций, связывающей Каир с метрополией через Средиземное море.

Но Гитлер не ухватился за посланную Небом возможность. Он отверг также план командующего парашютными войсками генерала Штудента, который хотел взять Кипр, чтобы оттуда вести боевые действия с моря и с воздуха против Суэцкого канала. На него (на Гитлера) произвели сильное впечатление тяжелые потери, понесенные немцами на Крите. Кроме того, Муссолини стремился самостоятельно овладеть Мальтой. Результаты подобной попытки не вызывали сомнений у Гитлера, но он не мог набраться мужества и отказать Муссолини, чем, несомненно, обидел бы его. Начало кам-

пани в России отодвинуло планы захвата Мальты на второй план. Платить по счетам за это пришлось Африканскому корпусу.

С июня по октябрь 1941 г. на дно пошли сорок кораблей со снабженческими грузами для Северной Африки общей регистровой вместимостью 179 000 В.Р.Т. В сентябре не добрались до места назначения примерно сорок процентов всех судов, отправлявшихся к североафриканским берегам. И ведь речь не просто о затонувших кораблях — вместе с ними гибло множество солдат и военных материалов. Нехватка всего этого начинала ощущаться на передовой все острее и острее. В результате суммарный тоннаж кораблей, которыми мог располагать Роммель для транспортировки всего необходимого, в октябре упал до 50 000 В.Р.Т., при этом шестьдесят три процента их пошло на дно. В ноябре показатель составил только 37 000 В.Р.Т., из которых, усилиями Королевского Флота и Воздушных Сил, Роммель недополучил семьдесят семь процентов.

Становится совершенно очевидным, что кампания Роммеля в Северной Африке завершилась плачевно вследствие блокады поступления снабжения. Гитлер наконец тоже понял это. В ставке фюрера принялись лихорадочно искать выход. С Восточного фронта отозвали человека, который должен был все изменить, — Кессельринга (командующий 2-м воздушным флотом, генерал-фельдмаршал авиации).

Более всего от катастрофической ситуации со снабжением страдали солдаты в Африке. Они не разбирались в стратегических проблемах, не знали, сколько кораблей и какого тоннажа пошло на дно, но они видели, что роты их остаются некомплектными, что не поступают новые танки, не приходит горючее и в конце концов пиво — нет даже тех мелочей, которые могли бы сделать жизнь воюющих в пустыне более сносной.

Иногда небо, точнее, море, одаривало какими-нибудь сказочными сокровищами. Солдаты 33-го разведывательного батальона и по сей день облизываются, вспоминая один такой случай.

Дозоры 33-го должны были по рации сообщать, когда возвращаются на немецкие позиции. Дивизионного командира немало удивило странное кодовое слово, прозвучавшее в одном из таких донесений, — «тигр». Он решил выяснить, что все это означает, и с большим удивлением узнал, что таким образом командир разведывательного отряда хотел сказать, что его бойцы пошли мыться.

Однажды капитан Эрокүр из 1-й роты забеспокоился: командир разведвзвода, лейтенант Энгельгарт, после произнесения кодового слова «тигр» на несколько часов куда-то исчез. Когда же он

наконец появился, то вел себя как-то странно и даже таинственно. Он с улыбкой сказал, что нашел нечто, о чем его ротный командир и мечтать бы не мог. С этими словами он достал из кармана брюк бутылку настоящего шотландского виски. Рассказ о том, как лейтенанту досталась его находка, показался капитану Эрокуру неправдоподобным.

— Идите и сами посмотрите, — запальчиво откликнулся Энгельгарт.

Они поехали к маленькому затону вблизи Бардии и там увидели прибитые приливом обломки корабля. Точнее говоря, половину небольшого судна — не хватало носовой части. На корме сохранилась надпись: «Гекла». Два офицера вплавь добрались до корабля. Чего там только не было! В переднем трюме громоздились один на другой ящики и коробки с консервированными овощами, фруктами и тушенкой, шоколадом, сигаретами и виски. Спортивная обувь и тому подобные предметы роскоши британских солдат немцы оставили без внимания. Офицеры вернулись и отрядили роту на разгрузку неожиданной добычи. Это дело стало главным. Оно заняло пять дней.

Но в Африке солдатам редко выпадали такие подарки, ради которых они были не прочь попотеть в маленьком скалистом затоне около Бардии. Ящики вытаскивали из трюма, ставили на резиновые лодки и на веслах везли к берегу; процесс занимал три четверти часа. Оттуда их тащили на себе по крутым склонам Джебель и погружали в грузовики. Четыреста бутылок виски! То были счастливые дни для 33-го. Содовой в трюме «Геклы» не оказалось, но шотландский виски вкуснее чистым, а с капелькой солоноватой воды — и вовсе прелесть. Несмотря на то что многие части приобрелись к дару моря, счастье все же кончилось не сразу. И это была лишь половина маленького судна, а сколько британских и немецких кораблей отправились на дно Средиземного моря в годы войны. С ума можно сойти, думая об этом!

Свадьба в Вади-эль-Фарег

«Когда мы были здесь в прошлый раз — да, когда это было? Около девяти месяцев назад. Но тогда мы продвигались к Тобруку. Нашей целью являлись Каир и Суэцкий канал».

Боже мой!

Теперь они шли в обратном направлении, а отступление с песнями не празднуют. Путь назад вдвое длиннее и вдвое труднее.

«Кажется, когда мы наступали, дорога была получше, а?»

Она осталась такой же скверной, какой и была, но раньше они этого не замечали. Победы облегчают тяготы и заставляют забывать о трудностях.

Сколько времени прошло с того ноябрьского воскресенья 1941 г., когда они сражались под Тобруком?

Всего несколько недель, которые казались месяцами. Каждый день они сражались, каждый день дрались с жесткими, сознающими, что они побеждают, и численно превосходящими немцев солдатами 8-й армии. Никто не знал точно, где свои, а где чужие. Позиции захватывались и сдавались. Многие военнопленные оказывались в строю после нескольких часов марша. Полевые перевязочные пункты порой меняли хозяев по три, а иногда и по четыре раза на дню. Немецкие и британские врачи уже не думали об этом, оставаясь в палатках, они делали свое дело бок о бок друг с другом. Это продолжалось три недели, с начала и до конца декабря 1941 г.

Потом зарядили зимние дожди, и в Африке стало холодно.

Роммель понимал, что в современной войне дело заключается не в том, кто владеет клочком пустыни — Мармарикой или Киренаикой. Исход Североафриканской кампании мог быть решен только путем полного уничтожения войск противника. Захват территории не означал победу, а потеря завоеванных земель не являлась бедой. И Роммель и британцы знали об этом из собственного опыта. Тем не менее британский главнокомандующий, Окинлек, повторил ошибку своего предшественника Уэйвелла. Он опять все перепутал.

В первый понедельник после Рождества 1941 г. агентство Рейтер из Каира сообщило своим читателям в Лондоне: «Остатки немецкого Африканского корпуса и итальянской армии отступают по прибрежной дороге вдоль залива Сидра к Триполи. Главная цель — разгром войск противника в Западной пустыне — достигнута. Немецкая бронетехника сокрушена. Уцелела лишь горсть немецких танков, которые в панике бегут к Триполи».

История во время Второй мировой войны изобилует такого рода фатальными ошибками. Гитлера они буквально преследовали, и, как мы видели, Черчилль тоже не избежал их.

В Лондоне в конце того года словно бы само по себе в воздухе звучало триумфальное: «Роммеля разбили. Роммель разгромлен!»

Британскому общественному мнению не следовало доверять столь громким победным реляциям, не стоило успокаиваться. Но граждане Соединенного Королевства находились так далеко от Африки. Впрочем, люди и гораздо более близкие к ней впадали в то же заблуждение. Они не знали Роммеля, не знали и немецких пехотинцев. Роммель обладал железной волей, и у него имелся план. Разумеется, у него возникали проблемы с итальянским главнокомандующим, опасавшимся политических последствий отступления.

— Я отступаю потому, что должен, иначе я не просто проиграю сражение, а потеряю всю армию, — с досадой бросил Роммель генералу Бастико (главкому союзных войск «оси» в Северной Африке).

Дивизии стран «оси» с начала декабря 1941 г. пришли в движение: они оставили район Тобрука и отходили на запад. Но разгрома не было, как обстояло дело с итальянцами предыдущей зимой. Африканский корпус отходил в порядке. Части из отборных солдат, возглавляемые храбрыми офицерами, прикрывали стратегический отвод войск — моторизованных, танковых, разведывательных и зенитных подразделений, а также оазисных рот.

16 декабря генерал армии граф Кавальеро прибыл из Рима с визитом к Роммелю и умолял командующего не оставлять Киренаики.

— Явное поражение станет опасным для престижа Муссолини, — сказал он.

— А что бы вы сказали о полном разгроме, включая потерю всей армии и Северной Африки? — желчно отозвался Роммель.

Тогда Кавальеро потребовал отмены приказа немецкого командующего об отступлении. Он забыл о том, что произошло десять дней назад, когда генерал Крювель один за другим посылал из пустыни тревожные запросы графу Кавальеро. Когда 15-я и 21-я танковые дивизии в районе Бир-эль-Гоби уже почти победили. «Где Гамбара?» — то и дело вопрошал тогда Крювель. Но Гамбара не появился. «Наши солдаты устали», — вот и все, что могли сказать в ответ итальянцы. Как будто бы бойцы двух немецких бронедивизий не были измотаны боями до крайности.

Роммель не желал подчиняться ничьим требованиям. Его приказ звучал так: «Пробивайтесь назад, отходите на более удобные оборонительные позиции». Но в Киренаике, как все хорошо знали по опыту, подобных позиций не существовало, поскольку в случае необходимости там было просто не за что зацепиться. Единственным шансом мог стать район, где продвижение британцев останавливалось прежде — зимой 1940 г., когда Уэйвелл гнал итальянцев

от египетского пограничья по Виа-Бальбиа к Сиртике — тому самому месту, откуда Роммель начал свое наступление девять месяцев назад.

Да, в войне случаются приливы и отливы. Сейчас Роммель переживал отлив. Ночью 20 декабря 1941 г. моторизованные части майора Эле, усиленные батареей механизированной артиллерии и ротой 33-го истребительно-противотанкового дивизиона, находились уже к юго-востоку от Аджедабии. Вновь они вели арьергардные бои — обеспечивали прикрытие, пока Африканский корпус консолидировал силы в пустыне. То были решающие дни для Роммеля. Удастся ли ему выйти на благоприятные позиции у Бреги и остановить победоносное продвижение британцев? Естественно, британцы стремились сорвать замыслы Роммеля, но, несмотря ни на какую храбрость, сделать этого не могли. Растянутые линии коммуникаций лишали их наступление должной стремительности. Арьергардные части Роммеля, такие как боевая группа Беллерштелта, продолжали отбивать удары острия британского наступления. Они смело бросались в контратаку, сеяли хаос в рядах противника, запрыгивали в свои машины и продолжали отход. Естественно, немцы тоже теряли людей и технику. Однако план Роммеля строился на том, чтобы взять ее у британцев.

В период с 27 по 29 декабря в ходе оборонительных боев за Аджедабию британцы понесли тяжелые потери. Их танковые силы были почти полностью уничтожены.

В канун нового, 1942 г. в пустыне царили мрак и холод. Ракеты, пускаемые отрядами разведки, рассеивали ночную тьму, их свет служил путеводителем для заблудившихся и отбившихся от своих солдат. Благодаря этим ракетам те, кто воевал в Африке, могли пробиться к своим частям. Кто-то бросил взгляд на часы.

— Смотрите-ка! Вот-вот уже Новый год! Год еще старый, но через десять минут уже наступит тысяча девятьсот сорок второй.

Капитан Марван-Шлоссер, адъютант 135-го зенитного полка, хотел глотнуть из котелка шампанского ровно в полночь. Он специально засунул трофейную бутылку в углубление в песке, чтобы охладить. Майор Гехт очень талантливо построил оборону Аджедабии. 114-й немоторизованный резервный зенитный дивизион защищал северный участок тринадцатью 88-мм и девятью 37-мм и 20-мм зенитными орудиями (в каждой батарее). Итальянцы семью восьмидесятивосьмимиллиметровками удерживали восточный участок. Остатки моторизованных частей 18, 33 и 35-го зенитных полков командование Африканского корпуса задействовало

для ведения подвижных боевых действий. Роммель довольно изобретательно приказал устанавливать на позиции батареи ложных орудий. Бойцы 114-го резервного зенитного дивизиона совершили чудо, раздобыв в пустыне необходимые материалы. Артиллеристы со смеху покатывались, когда томми поливали ложные орудия дождями снарядов.

Капитан Марван-Шлоссер перечитывал последнее присланное из дома письмо и едва не пропустил воображаемый двенадцатый удар часов, ознаменовывающий наступление Нового года. Но в последний момент он откупорил бутылку «Вдовы Клико», припоминая изречение Вильгельма Буша: «Как милы и сладки пузырьки шампанского, словно жемчужинами играющие в стекле бокала». Пробка выстрелила. Да как! По всему фронту загрела мощная канонада. Ничего иного, кроме полномасштабной атаки, не жди! Адъютант выбежал из палатки.

Майор Гехт выскочил из своей. Зеленые, красные, желтые и белые ракеты взлетали в небо. Артиллерия, пулеметы и винтовки — все принялось стрелять. Тысячи ярких вспышек разрезали небо, словно кометы.

Но боя не случилось. Просто армия Роммеля на свой лад отмечала Новый год. Солдатам нравился фейерверк. Кто решился бы остановить их? Итальянцы протестовали, обрывая телефоны, но наткнулись на непробиваемого Байерляйна, который отвечал:

— Успокойтесь же, успокойтесь. На ваших позициях темно, что может случиться с вами?

Зрелище было фантастическое. От вспышек образовывались яркие коридоры, и в резком свете, беззаботно, с сердцами, полными радости и веселья, солдаты выползали из своих «лисыих нор». А затем произошло и вовсе невероятное. Не будь это правдой, не будь оно тысячу раз вписано в их память, кто бы посмел вспомнить об этом? То была демонстрация презрения к смерти. Они вцепились в идею — ибо без идеи они не могли бы пережить трагедию, не могли бы сражаться и умирать — и все еще верили в свою идею. Несмотря на то что ее беззастенчиво эксплуатировали, ею злоупотребляли и предавали, солдаты все равно верили. Один начал, а другие подхватили.

В канун нового, 1942 г. в пустыне под Алджедабией они пели: «Deutschland, Deutschland uber Alles»¹. Обросшие, измотанные и грязные, в рваной одежде и сапогах, солдаты, в ротах которых

¹ Германия превыше всего. — *Прим. пер.*

оставалось по несколько человек, все же пели. На следующий день командование 22-й танковой бригады отправило в Каир сообщение: «Может быть, у Роммеля и не осталось танков, но говорить о разгроме его армии преждевременно. На передовых позициях прошлой ночью личный состав Африканского корпуса распевал немецкий гимн. Мы не должны впасть в заблуждение, обманывая себя надеждой, что эти солдаты, находящиеся под командованием решительных офицеров, готовы отказаться от борьбы». Если бы британский генерал вместе с командиром 15-й танковой дивизии генералом фон Вёрстом утром после новогодней ночи побывал около «лисьих нор», он, вероятно, послал бы другое сообщение. Из каждой щели-убежища солдаты докладывали, как предписано уставом. Только один часовой смотрел куда-то в бинокль и не отдал чести.

— Желаю вам исправиться в Новом году, — сказал генерал.

— Желаю того же и господину генералу, — прозвучало в ответ. Старый добрый Вёрст засмеялся.

Африканский корпус вышел на позиции у Мерса-эль-Бреги 4 января 1942 г. Под проливным ливнем потрепанные части готовились к ведению оборонительных боевых действий. 1-й батальон 115-го мотопехотного полка с уцелевшими бойцами из состава моторизованных пехотных подразделений, включая несколько солдат из пулеметного батальона — всего три полные роты, — дислоцировался южнее Вади-эль-Фарег. Тягачи поехали обратно, чтобы притащить брошенные легкие грузовики. Батальон расположился на позициях, принимая как благословение зимний дождь, который смывал грязь с их одежды и тел. Машины тонули в воде. Солдаты сидели в своих «лисьих норах», замерзая и ожидая. Унтер-офицер танкист Дирихвайлер повел отчаянных парней, разведчиков, на поиск оставших трофейных британских грузовиков и на захват новых. Лейтенант Руф скоро притащил на своих тягачах три вполне исправных противотанковых орудия. Война вновь медленно оживала около Вади-эль-Фарег и повсюду между Мерса-эль-Брегой и Марадой.

Шестого января непогода продолжала бушевать. Лил дождь, а ветер бросал шуршащие тучи песка на машины и палатки. Это был гибли — ветер, который дует в пустыне круглый год. Летом он покрывает потные лица красно-желтой пылью. Зимой осыпает людей и животных песком, точно маленькими снарядами осколками, срывает палатки и плащи. Он являлся неотъемлемой частью Африканской войны, подобно мухам, солоноватой воде и «Альтер

Манн» — говяжьей тушенке. Гибли становился жестоким врагом атакующих и добрым другом обороняющихся. На сей раз он был на стороне Африканского корпуса.

Но вот наконец прояснилось, и наступили тихие солнечные дни. Теперь впервые за все время они могли видеть позиции, которые 5 января заняли южнее Вади-эль-Фарег — долины самой крупной пересохшей реки в Сиртике. Русло древней реки густо поросло растительностью, а с вершины Джебель солдатам открывались бескрайние просторы безжизненной Ливийской пустыни. То там то тут южнее Марады виднелись островки жизни — оазисы, самые передовые укрепленные пункты германо-итальянского фронта, правый фланг рубежа Бреги, и в двухстах километрах далее на восток оазис Джало — древний караванный центр на дороге к Куфре. Джало находился в руках британцев с ноября 1941 г. и служил передовым опорным пунктом для причинявшей очень много бед немцам Группы дальнего действия в пустыне. Коммандос передвигались по всей Ливии, пересекали пустыню, чтобы выполнять диверсионно-подрывные задания. В декабре 1941 г. они появились на прибрежной дороге. Диверсанты полковника Хэселдена взорвали несколько итальянских заправщиков и грузовиков, а перед самым Рождеством уничтожили дюжину немецких бомбардировщиков на аэродроме в Аждабаии. Что они задумали на сей раз? Терпение! Скоро они себя проявят. Их антиподы с немецкой стороны, солдаты 13-й роты 800-го полка «Бранденбург», начнут действовать в марте. Каждый из противников будет стараться превзойти другого в изобретательности и внезапности.

Первым старым другом, кто появился тут, стала 902-я батарея тяжелых орудий. Артиллеристы несколько дней отдыхали в дюнах к западу от Эль-Агейлы. Печальные недели Сиди-Резега и Эль-Адема были забыты — может быть, и не совсем, потому что кто мог забыть снаряды, разносившие вдребезги британские танки так, точно это был удар кулака какого-то гиганта. Но в конечном итоге расчетам 902-й батареи тоже пришлось отступить. Под проливным дождем они прокладывали себе путь на запад через Киренаику. Тогда осиротевшая батарея обрела нового командира — капитана Гримма. Тот не оправдывал своей фамилии¹ — был человеком приятным, храбрым солдатом и прекрасным артиллеристом. Немецких солдат тянуло к таким основательным уверенным людям, и расчеты очень

¹ Возможно, имеется в виду *grimmig* (нем.) — ужасный, страшный, свирепый. — Прим. пер.

нуждались в своем командире в те горячечные дни арьергардных боев. Поскольку британские войска шли по пятам за немцами, те видели противника, и пессимисты каркали, что томми притаились «на знаменитом углу возле Аджедабии, чтобы взять их в котел». Это произошло с итальянцами в феврале 1941 г., когда в ловушку попало 20 000 военнослужащих. Теперь, десять месяцев спустя, британцы явно намеревались повторить тот удачный маневр. Было в самый раз все бросить и отступать налегке. Ценились только горячее, боеприпасы и продовольствие. От прочего избавлялись. По приказу командира солдатам раздали сбереженные запасы новенькой формы и обуви. Интендант, вынужденный расставаться со своими сокровищами, скрежетал зубами от горя. Но куда веселее было, когда казначея Гааре заставили открыть его кассу. Все содержимое поделили по-братски.

— В один прекрасный день мы пройдем по улицам Каира в лучшем, что имеем, и с карманами, полными золота, если, конечно, повезет и не вляпаемся, — изрек капитан Гримм по сему торжественному поводу.

Но солдаты 902-й батареи не вляпались — не попали в плен к британцам.

Они умело выбрались из Киренаики, прошли через Бенгази, где нашли полный мешок ожидавшей их почты, купили несколько банок сардин и бутылок шнапса в интендантской лавочке, и позволили себе немного расслабиться между Виа-Бальбиа и берегом. Они выполнили задание. Вышли на позиции Роммеля. Затем сделали разворот, и теперь они были лицом к востоку.

Сегодня они стояли на скале и смотрели на ничейную землю. Время от времени приближались машины британской разведки. Тогда одно-два орудия изрыгали огонь. Несколько тяжелых снарядов летело навстречу противнику. Высокие столбы дыма вздымались к бледно-голубому зимнему небу. Британцам это не нравилось. Наконец прибыли подкрепления. С Восточного фронта на Сицилию перебросили 2-й воздушный флот Кессельринга для эскорта транспортов в Средиземном море, благодаря чему многие из них стали добираться до места назначения без потерь. Если бы это сделали несколько месяцев назад! Прибыли итальянские танки, противотанковые орудия и пехота. А потом настал черед звезд — парашютистов Буркхардта, горячих юных сорвиголов под началом еще более чокнутого, чем они, командира. Они привезли с собой свою технику ведения боя: маленькими моторизованными командами, парой вездеходов «Фольксваген» в сопровождении до зубов воору-

женных парашютистов на мотоциклах с колясками. Они прорывались далеко на юг. Они внушали страх. Когда один из таких дозоров явился на итальянские позиции перед Марадой, узрев этих диковатого вида парней, ошарашенные союзники поинтересовались:

— Вы кто? Британцы или немцы?

Они никогда не возвращались с пустыми руками — привозили пленных, пригоняли машины, притаскивали еду или сигареты. В худшем случае — овец. Однажды они приволокли какие-то барабаны и старомодные трубы — музыкальные инструменты, захваченные у индийской части. Теперь по ночам на немецких позициях били в барабаны и трубили в трубы. Какой-то умник сконструировал еще немыслимую дьявольскую скрипку, которая добавляла скрежета и треска ко всей этой какофонии. Буркхардт со своими людьми скоро превратился в кошмар для томми в Киренаике. Когда их командир попал в плен, в британском коммюнике гордо сообщалось: «Мы захватили майора¹ Буркхардта, командира парашютистов Роммеля».

Пока расчеты 902-й батареи наслаждались жизнью в Вади-эль-Фарег, из Германии пришел большой желтый пакет. Выглядел он очень официально. Письмо не пролежало на столе в палатке командира и получаса, как из дежурного помещения раздался голос писаря:

— Обер-ефрейтора Расковски к командиру!

Призыв понесся по позициям. Пауль Расковски, ветеран, участник Польской и Французской кампаний, поспешил к командирской палатке и исчез в проходе, откуда через некоторое время появился с желтым пакетом. Боец выглядел взволнованным и обессиленно опустился на колени подле рации. Антон, его лучший друг, который никогда не умел держать рот на замке, подошел и с любопытством инквизитора поинтересовался:

— Ну что у нас стряслось, Паульхен? Что случилось? Наследство или Рыцарский крест?

Насмешника встретил смущенный взгляд. Странно, как порой смущаются бывалые солдаты.

— Послезавтра я женюсь, — наконец признался Пауль.

Антон уставился на него в полнейшем недоумении.

— Ты женишься послезавтра? Ты что, заболел?

Но Пауль с гордостью произнес:

¹ Это был учебный парашютный батальон, позднее вошедший в отдельную бригаду. — *Прим. пер.*

— Заочный брак.

— Бог ты мой! — только и выговорил Антон и помчался рассказывать остальным: — Пауль вступает в заочный брак.

События развивались быстро. То, что солдаты узнали о предстоящем бракосочетании, их поразило.

Пауль познакомился с будущей невестой еще до переброски батареи из Германии в Неаполь. Это была любовь с первого взгляда, и Пауль обещал девушке жениться на ней во время следующего отпуска. Но невеста не хотела больше ждать. Она писала ему, но почта потерялась где-то — должно быть, лежала уже на дне Средиземного моря. Во всех перипетиях последних месяцев у Пауля не нашлось времени для писем. В общем, девушка решила взять дело в свои руки. К командиру отправилось официальное письмо с просьбой предоставить военнослужащему отпуск для вступления в брак. Поскольку отпустить обер-ефрейтора Пауля Расковски возможным не представлялось, ему пришлось согласиться на заочное бракосочетание. Были заполнены соответствующие бумаги, и теперь, когда брачующиеся выполнили требования военной бюрократии, 11 января стал днем вступления в брак Пауля Расковски. Достаточно письменного уведомления. Ответ о согласии на церемонию был отправлен. Пауль не мог надивиться на мощь чиновничьей машины. 11 января! На календаре значилось 9 января, и часть лихорадочно готовилась к мероприятию. Посреди пустыни поставили огромный украшенный флагом ящик — аналой для командира. Слева и справа поставили в козлы винтовки, но, осмотрев место церемонии, решил, что оно выглядит излишне аскетически.

— Винтовок и флага мало, — заключил он. — Нужны пальмы.

Несколько мотоциклистов помчались на поиски зелени. Еще два «Фольксвагена» с двумя широкоплечими парнями, работавшими до призыва на скотобойне, отправились выполнять приказ: не возвращаться без трех, лучше четырех овец.

Утром 11 января 1942 г. солнце сияло на безоблачном небе. Личный состав батареи построился, а Пауль занял место перед украшенным флагом ящиком. Вместо отсутствовавшей невесты рядом с женихом стояли свидетели — Антон и писарь из дежурного помещения.

— Батарея, смирно! Равнение налево!

— Батарея построена. Отсутствующих нет, господин капитан... Вольно!

«Старик» произнес великолепную речь, согревшую теплом сердца самых жестоких бойцов. Он заставил их представить себе, что далеко-далеко на родной земле в это время у алтаря стоит девушка, которая думает о пустыне или, по меньшей мере, о Пауле. Там за морем, где-то в центре Европы, она ответит «да» обер-ефрейтору из Вади-эль-Фарег. Ухмылки слетели с солдатских лиц. Когда прозвучала команда «Разойдись!», все они пожали Паулю руку, но долго сохранять серьезность не могли. Сам же новобранец дал отмашку началу неофициальной церемонии. Командир вручил ему в качестве свадебного подарка пару бутылок бренди. Итальянцы из противотанковой части, прослышавшие о свадьбе, принесли огромную бутылку красного вина. Фельдфебель-парашютист извлек из коляски своего мотоцикла три бутылки «огненной воды». Все старались что-нибудь принести, пользуясь законной возможностью отпраздновать жизнь там, где всюду царит смерть. Главным же украшением стали, конечно, четыре овцы. Ганнес и Вильгельм выменяли их у арабов. Используя по назначению трофейный карри и мешок лука, Юпп приготовил вкусный кускус¹.

Наступила холодная звездная ночь, и Пауль с лучшими друзьями и бутылочкой бренди уединился в палатке. На улице парашютисты колотили в индийские барабаны. На севере, за Эль-Агейлой, вспыхивали, разрываясь, снаряды — батарея салютовала обер-ефрейтору Расковски и Вади-эль-Фарег, маленькой точке на широком новом фронте Роммеля между Мерса-эль-Брегой и оазисом Марада.

В нескольких километрах оттуда капитан Марван-Шлоссер из 135-го зенитного полка натянул на голову одеяло.

— Проклятая тварь! — проворчал он.

Из ночи в ночь повторялось одно и то же. К позициям подходила гиена и начинала выть. Вчера она забралась в палатку, где находилась кухня, и поранила себе нос о пустые жестянки, но все равно упорно продолжала приходить, хотя на глаза людям не попадалась. Только раз часовой ранним утром заметил ее за дюнами. Каждую ночь животное жаловалось на голод звездам. Немецкая пехота слышала этот вой, слышали его и томми, которые сидели в своих норах в песке или натягивали на голову одеяла в палатках на аванпостах.

— Почему мы стоим? — спрашивали они себя утром. — Почему не прикончим джерри? Они бегут. Зачем мы гнали их пять сотен миль? Чтобы дать окопаться в новом месте? Чем они там себе думают в Каире?

¹ Африканское блюдо из крупы, баранины и овощей. — *Прим. пер.*

Семь миллионов сигарет сгорают в пламени в Бенгази

Победный рождественский марафон 8-й армии вызвал большой энтузиазм в Каире. Там, где зимнее солнце грело не хуже, чем оно греет летом где-нибудь на севере Европы, царило благодущие. Бары и клубы ломались от получивших увольнительные военнослужащих. Новые ночные заведения вырастали тут и там, что грибы после дождя. Одно из них, самое шикарное, располагалось в плавучем доме на Ниле.

В Каире всего было вдоволь. Конечно, цены ползли вверх, но у британских солдат было много денег, а где потратить их, как не в Каире? Египетская столица веселилась, наслаждаясь своей безопасностью. В конце января пришли известия о том, что боевые группы Роммеля на перевале Хальфайа и под Соллумом капитулировали. Когда в газетах появились фотографии майора Баха, знаменитого «пастора из ада», теперь находившегося в британском плену, командование в Каире воспряло духом. Скоро сотни танков покатаются вперед, вновь атакуя неприятеля. 8-я армия двинется дальше, и никто не сможет остановить ее. Она дойдет до Триполи, и уж тогда эти чертовы немцы с их Роммелем запросят мира. Живой силы достаточно, все, что нужно, — несколько сотен единиц техники: танков, самолетов и орудий. Так думали в Каире.

Техника поступила: американские самолеты и американские танки. Генерал Окинлек прогуливался в розовом саду у своей каирской штаб-квартиры и разрабатывал планы окончательного разгрома Роммеля. Время от времени он останавливался, и его фотографировали. Победитель завтрашнего дня! Но в розовом саду в Каире не учитывали одного — что у Роммеля тоже есть планы.

Эрвин Роммель находился в Эль-Агейле, и у него не было розового сада. 10 января он посетил свою новую штаб-квартиру и вместе с начштаба, подполковником Вестфалем, съездил на позиции. Вестфаль хорошо помнит ту поездку. На передовой дислоцировались жалкие остатки 10, 20 и 21-го итальянского корпусов. Африканский корпус наконец получил подкрепления и все необходимое — снабжение прибыло. 2-й воздушный флот Кессельринга обеспечил прикрытие транспортам. Но хватит ли у Роммеля сил отразить крупную британскую атаку? Конечно, британцам мешала значительная протяженность их линий коммуникаций, но все равно противник день ото дня становился сильнее.

Вестфаль предлагал немедленное контрнаступление. Он считал, что нужно опередить врага, пока тот готовит новую атаку. Роммель всю ночь не ложился в своем жилом фургоне, служившем ему штаб-квартирой. Карты, донесения разведки Люфтваффе, тексты перехваченных сеансов радиосвязи, зафиксированные за последние несколько дней, лежали на столе и на стульях.

— Старик что-то затевает, — сказал фельдфебель Бёттхер, личный секретарь Роммеля. По его приказу явились связные, и то и дело Бёттхеру приходилось доставать из своих сундуков и портфелей зарисовки местности, старые планы атак и донесения.

— Да, что-то готовится, — согласился вестовой.

Они были правы!

Наконец примерно в половине шестого Роммель погасил настольную лампу и улегся на походной кровати.

— Разбудите меня через час, — распорядился он.

Наступало утро 13 января 1942 г. Когда генерал явился на обычное утреннее совещание, офицеры сразу поняли, что у него есть «кролик в рукаве». Он весь лучился энергией, а его швабский акцент чувствовался сильнее обычного.

Он не стал долго испытывать их.

— Мы атакуем, — сказал командующий.

Атакуем? Мы, которые с большим трудом спасли свои шкуры и заняли выгодные позиции. В некоторых наших ротах насчитывается по тридцать человек, наш парк техники и боеприпасы — всего этого почти не осталось после арьергардных боев. И мы будем атаковать! Они не скрывали своего изумления. Все знали, что 8-я армия готовится к нанесению последнего удара. Каждое спокойное утро, каждый день отсрочки британской атаки считался подарком небес. Может быть, им удастся укрепить оборону и на неприступных позициях построить в Триполитании Восточный вал.

Только один Вестфаль не удивлялся словам Роммеля. Он лишь улыбался. На протяжении последних дней он постоянно находился рядом с генералом. Роммель продолжал:

— Если мы дадим томми передышку до февраля, они выкинут нас и отсюда. В этом случае ничто не остановит Восьмую армию. Даже если наше снабжение станет приходиться быстрее, даже если Второй воздушный флот Кессельринга свяжет авиацию на Мальте и силы Королевского ВМФ, мы все равно не сможем быстро нарастить силы и собрать должное количество тяжелой техники и оружия. — Он сделал маленькую паузу, а потом, точно обращаясь к

самому себе, добавил: — Поэтому нам нельзя ждать. Мы должны расстроить планы томми.

Затем он рассказал собравшимся все, что обсуждал в последние дни со своим начштаба, и все, над чем ломал голову прошедшей ночью — ночью на 13 января.

План был донельзя смелым. Главная его цель — помешать вражескому продвижению и не дать британцам своевременно начать их наступление. Если авантюра удастся, всегда будет шанс расширить схему действий. Отчаянный шаг, но иного выхода не существовало. Чтобы избежать верного разгрома, необходимо вырвать инициативу из рук британцев. На первом этапе хитрая лиса Роммель делал вид, что намерен оставить позиции у Бреги. Точно разнесенная пожаром в ветреный день, новость распространилась по штабам и достигла итальянцев.

— Роммель вновь собирается отступить?

Офицеров итальянского штаба объял ужас. Они всполошили Рим.

— Роммель вновь собирается отступить.

В Риме невозможно было сохранить даже сверхсекретную информацию.

Она покинула штабы и перекочевала в спальни красивых женщин, в парикмахерские и пошла гулять, словно пчела от цветка к цветку, по барам и холлам гостиниц. «Роммель не может удержать рубеж и собирается отходить к Триполи».

Итальянское главное командование стало размышлять, не спросить ли самого Роммеля, но решило пока воздержаться.

В итоге 18 января на столе британского главнокомандующего в Каире лежали донесения агентов из Рима, Неаполя и из немецкого тыла. И везде говорилось одно: «Роммель планирует продолжить отход». Окинлек не чувствовал уверенности. Он приказал проводить разведку боем.

Результаты, казалось, подтверждали сообщения агентуры. Ничего подозрительного на фронте войск стран «оси» не наблюдалось. Хотя британская воздушная разведка не спускала с немцев глаз, она ничего не могла заметить. Естественно, по ночам самолеты не летали, а потому не видели того, что происходило в темное время суток. Но оставались еще британские агенты в немецком тылу. Они тоже доносили: «Роммель собирается продолжить отход». Если британцы начнут наступление и ударят ему в тыл, они одержат окончательную победу. Так... еще подробности, пожалуйста!

— Что известно в Берлине? — спрашивал Окинлек.

— В Берлине у нас нет информации о наступательных планах Роммеля. Совершенно точно, атаки он не планирует, — отвечала пятая колонна.

— Что известно Итальянскому верховному командованию?

— Там ничего не знают, но опасаются, что Роммель будет отступать.

— Что известно в группе армий Бастико?

— Все, чем владеют в группе армий Бастико, — слухи о предполагаемом отступлении Роммеля. О наступлении не может быть и речи. Последнее совершенно точно.

19 января разыгралась ужасная песчаная буря, сделавшая проведение какой бы то ни было разведки невозможным.

На следующий день в Мерса-эль-Бреге начали гореть дома; в порту взрывались корабли. То были брошенные дома и остовы судов, которые хитроумный Роммель приказал взорвать. Естественно, британские агенты и экипажи разведывательных самолетов ничего об этом не знали. Поставщики сведений разведке противника просто повторяли своим хозяевам то, что слышали от немецких офицеров. Британские агенты сигнализировали в Каир:

— Немцы жгут склады в Мерса-эль-Брега. Суда, не способные выйти в море, взорваны в порту.

Разведотряды передовых британских частей подтверждали информацию о пожарах и взрывах. Поэтому в Каире решили, что Роммель ведет последние приготовления к отступлению. Он собирается отходить. В Каире царило победное настроение. Там провозглашали тосты:

— За то, что Роммель сжигает корабли!

— За то, что Роммель удирает!

— За нашу победу!

Такова была атмосфера в Каире ночью 21 января 1942 г. Многие из штабных офицеров и прочих военнослужащих, находившихся в увольнительных, прибыли в свои казармы и квартиры уже утром, и на Ниле, в плавучем ресторане Хекмат Фахми, даже еще в восемь утра играла музыка.

— Роммель уносит хвост.

— За победу!

Красавица Хекмат Фахми бросила бокал из-под шампанского в отделанную красным деревом стену и крикнула:

— За победу!

Но за чью? Ее гости, британские офицеры, похоже, не имели на сей счет никаких сомнений.

В тот самый момент, когда Хекмат разбила бокал, далеко в немецком тылу, в Триполитании, человек в рваном арабском бурнусе, известный как Мухаммед Али и являвшийся шпионом Группы дальнего действия в пустыне Хэселдена, открыл глаза и прислушался. Сотрудник немецкой полевой жандармерии прикрепил к дому листок бумаги. Вокруг столпились немецкие и итальянские солдаты из интендантских частей. Те, кто находился далеко, закричали:

— Читайте вслух!

И Мухаммед Али услышал нечто невероятное, чего он просто не мог постичь. Прошлым вечером он отправил донесение в Каир, где докладывал о разговоре, который двое рядовых вели, не стесняясь его присутствия. Видя перед собой араба, они полагали, что он не знает ни слова по-немецки, хотя на самом деле он говорил на берлинском диалекте ничуть не хуже, чем любой извозчик на Потсдамер-Пляц. Он передал в Каир содержание подслушанной беседы: «Роммель планирует отступить. Готовятся арьергардные позиции». Но что же тогда немецкий унтер-офицер читал своим товарищам?

От командующего танковой группой «Африка». 21.1.42 г.

Приказ по танковой группе

Немецкие и итальянские солдаты!

Позади у вас тяжелые бои с многократно численно превосходящим вас противником, но ваш боевой дух все так же высок.

В настоящий момент мы значительно сильнее, чем неприятель на передовых позициях. Поэтому сегодня мы перейдем в атаку и разгромим врага.

Я ожидаю, что каждый из вас в эти решительные дни сделает все от него зависящее для победы.

Да здравствует Италия! Да здравствует великий Германский рейх! Да здравствует фюрер!

Командующий
генерал танковых войск Роммель
копии во все дивизии.

Как и Мухаммед Али в Триполитании, солдаты и офицеры на британских аванпостах в районе Мерса-эль-Брега открыли в изумлении рты, когда в 08.30 21 января увидели мчавшиеся на них немецкие танки.

— Тревога! Немцы атакуют! Роммель здесь!

Неожиданность была полной. Трюк Роммеля сработал. Наученный предателями, он разработал план введения неприятеля в заблуждение. В соответствии со своим замыслом он позволил некоторым штабным офицерам распространить слухи о предполагаемом отступлении. Все передвижения войск на передовую осуществлялись только в ночное время. Последние приготовления к наступлению превосходным образом помогла замаскировать разыгравшаяся 19 января песчаная буря. Командиры частей получили план атаки в самый последний момент. Зная о неминуемых утечках, Роммель не стал ставить в известность Итальянское и Германское верховные командования и ставку фюрера в Растенбурге. Он лично поставил в известность начштаба Итальянского главнокомандования в Северной Африке генерала Гамбара, сказав ему следующее:

— Планируется небольшая вылазка, просто маленькая стычка — вы назвали бы это рейдом подрывников-диверсантов.

Гамбара предоставил в его распоряжение горючее и, не слишком-то ломая себе голову, дал необходимую свободу действий. Он ничего не сказал даже своим командирам. Маленький рейд. К чему создавать ненужную суету? Но маленькая «вылазка» прогремела барабанным боем, который разнесся не только по всей Северной Африке и Каиру, но прокатился по всему свету:

— Роммель перешел в наступление.

С немецкой стороны вступила в боевые действия новая дивизия — 90-я легкая Африканская. Она была сформирована из дивизии поддержки «Африка», которая хорошо зарекомендовала себя, сражаясь на тобрукском фронте. Ее командир, генерал-майор Зиммерманн, погиб во время отступления к Эль-Агейле. Теперь часть принял прибывший из России генерал-майор Рихард Файт.

В общих чертах план Роммеля выглядел так. Боевая группа, возглавляемая подполковником Вернером Марксом, силами части 21-й танковой и 90-й легкой дивизии должна была атаковать позиции гвардейской бригады по Виа-Бальбиа, прорвать оборону противника и пробиваться на Аджедабью. 20-му итальянскому корпусу с основным ядром пока еще немоторизованной 90-й легкой дивизии предстояло следовать за ними. Это был северный охватывающий клин клещей. Африканский корпус образовывал второй и должен был продвигаться через пустыню по Вади-эль-Фарег на северо-восток, а после соединения с северной боевой группой атаковать и уничтожить британские части. Дальнейшие решения о

развитии наступления Роммель собирался принимать по результатам этой битвы.

В 06.00 холодным солнечным утром Роммель выехал из своей штаб-квартиры в боевую группу Маркса. Перед его отбытием из ставки фюрера пришли два приказа. В первом говорилось о том, что танковая группа переименовывается в танковую армию «Африка», а во втором сообщалось о награждении Роммеля Мечами к Дубовым листьям к Рыцарскому кресту.

К 11.00 утра боевая группа Маркса прорвала вражеские позиции. Высвобождился итальянский корпус, возглавляемый новым командиром, генералом Дзингалесом, считавшимся итальянским Гудерианом. Группа Маркса продвигалась на Аждадабию, которую и захватила внезапным броском на следующий день. Британские Mk VI в боевые действия так и не вступили: на пути к передовой у них закончился бензин¹. Полевые склады горючего и боеприпасов были захвачены немецкими боевыми группами.

До какой степени оказались британцы застигнутыми врасплох этой атакой, описывает Алан Мурхэд в книге «Африканская трилогия»: «Коммуникации оказались выведенными из строя, по видимому, почти с самого начала. Отражавшая натиск противника пехота не могла получить поддержки и подкреплений, когда же части пытались выйти в угрожаемый квадрат, путь им уже блокировал противник. Тримя сильными колоннами силы стран «оси» устремились прямо на британские позиции. Они развернулись веером, и повторилась хорошо знакомая история — оторванные друг от друга британские группы уничтожались одна за другой. Через два дня британские передовые рубежи перестали существовать. Через три дня британское наступление превратилось в отступление».

Картина нарисована верно. Но, когда читаешь, кажется, что все легко, в действительности же все происходило совсем не просто.

Давайте пройдем через сражение вместе с адъютантом 135-го зенитного полка, части, сыгравшей в битве выдающуюся роль. Только 19 января Роммель послал за командиром, майором Гехтом, и сказал ему откровенно:

¹ Имеются в виду танки «Крусейдер», верткие и маневренные 20-тонные машины (максимальная скорость 43 км/ч), обладавшие, однако, слабой броней и недостаточно мощной 40-мм пушкой; в описываемый момент на фронт еще не поступали «Крусейдеры» с более мощными 57-мм пушками, но уже появились версии с усиленной броневой защитой — до 50 мм. — *Прим. пер.*

— Я предполагаю ударить на врага и застигнуть его врасплох. Час «Ч» — утро двадцать первого января. Ваш зенитный полк должен поддержать атаку максимально возможными силами.

Подразделения полка были разделены между северным и южным клиньями клещей. После захвата Аджедабии северные зенитные дивизионы получили приказ усилить моторизованные войска в их дальнейшем продвижении. Все менялось. 114-й резервный зенитный дивизион временно стал тяжелой механизированной батареей. Остальные батареи 114-го остались для выполнения своей основной функции — обеспечения чистого неба на Аджедабией. Тем временем Африканский корпус осуществлял натиск, продвигаясь в район Антелат—Сауну, и окружал 1-ю танковую дивизию. 24 января Роммель намеревался разгромить эту прикованную к месту британскую часть, для чего он направил несколько колонн. Роммель сам возглавлял боевой штаб, состоявший из временно механизированной батареи 114-го дивизиона и штабных частей 135-го зенитного полка.

«Мы прошли километров семьдесят, — вспоминает капитан Марван-Шлоссер, — когда на горизонте показались руины Джофель-Матары. Вдруг Роммель закричал: «Зенитки — вперед! Огонь!» Мы, артиллеристы-зенитчики, переглянулись и спросили: «Где цель, господин генерал?» — «Вы что, не видите скопления вражеской техники впереди?» Майор Гартманн, командир 114-го, посмотрел в бинокль в поисках целей для своих восьмидесятивосьмимиллиметровок и покачал головой. Роммель потребовал белый флаг. «Мы должны послать кого-нибудь для переговоров». Появился солдат с белым полотнищем. «Иди помаше этой простыней, пусть томми сдаются. Потом скажи им, что они окружены. А мы пока попылим!»

— Поднять пыль! — прозвучал приказ, и скоро вся техника поднимала пыль в округе. В тот момент недалеко приземлился «Физелер Шторх». Роммель мгновенно принял решение:

— Отправить представителя по воздуху.

Майор Гартманн вновь тщательно осмотрел горизонт в бинокль и покачал головой. «Шторх» взлетел, и представитель принялся размахивать из кабины белым флагом. Летчик приземлился, но, поскольку никого не нашел, вернулся. На данной местности противник отсутствовал. В дымке Роммель принял высокие кусты верблюжьей колючки за технику. Подобные вещи происходили на Африканской войне часто. Не стоило бы и рассказывать об этом, если бы не хороший повод показать оптимизм, присущий Роммелю в любой ситуации.

Перед 8-м танковым полком не было верблюжьих колючек, выступавших над линией горизонта. Подполковник Крамер вел полк маршем. Далеко на фланге шли четыре танка левофлангового взвода 4-й роты.

— Внимание! Апельсин-два. Атакуйте вражеские танки слева! — зазвучало в наушниках шлемофонов. «Апельсин» служило кодовым словом для двух фланговых танков колонны, и командир «Апельсина-2» понял.

— Одиннадцать часов¹, вступить в боевое соприкосновение с вражеской бронетехникой, — скомандовал он по внутританковой связи. Находившиеся в танке водитель, заряжающий и радист приказ услышали. Одиннадцать часов означало в данном случае небольшой поворот башни влево. — Восемьсот метров, броневой огонь! — В удушающей атмосфере стальной коробки при температуре 50 градусов заряжающий и артиллерист работали слаженно как часы. Была осуществлена горизонтальная и вертикальная наводка орудия, водитель остановился, поскольку стрелять прицельно можно было только из неподвижного танка. Теперь артиллерист нажал на кнопку электрического спускового устройства. — На пятьдесят недолет! — корректировал стрельбу командир. Снаряд упал, не долетев пятидесяти метров. — Перезаряжай. Новая дистанция. Целься. Огонь!.. Готов! — закричал командир.

Британцы отправили индийские части из Бенгази атаковать немецкий фланг. Могла создаться опасная ситуация, но служба подслушивания Роммеля не дремала. Она перехватила британское сообщение, из которого стало ясно, что это подразделение находится в двадцати пяти километрах к северу от Аджедабии, выполняя в каком-то смысле задачи боевого охранения. Британский командир, генерал Ритчи, не хотел втягивать в дуэль целую дивизию. Он попытался блефовать, но теперь Роммель знал о намерениях противника, и план Ритчи не достиг цели. Роммель решил не обращать внимания на индийскую дивизию и обрушить все свои силы на 1-ю танковую дивизию.

Результаты показывают оправданность его действий. Двенадцать самолетов, девяносто шесть единиц бронетехники и тридцать восемь орудий были захвачены или уничтожены. Свыше тысячи солдат и офицеров противника попало в плен, включая и штаб британской танковой дивизии. Немцам досталась огромная база снабжения с находившимися на ней военными материалами. Сол-

¹ Нацеливание по условному циферблату. — *Прим. пер.*

даты поражались, когда они видели эти богатства. Боже, сколько всего есть у британцев. Жаль, что карманы такие маленькие и оружие нужнее, чем сигареты, апельсиновый мармелад, виски и печенье. Особенно желанной оказалась находка саперов, которые обнаружили во вражеской танковой мастерской тридцать годных к бою британских «Валентайнов»¹.

Когда Роммель вместе с Вестфалем облетали поле боя, чтобы получить представление о позициях, они чуть не погибли. Произошел один из тех эпизодов, в которых наглядно видно, как часто счастье боевых командиров болтается на ниточке.

Два человека находились в «Физелер Шторхе»² и летели на малой высоте в направлении сосредоточения техники, где, как предполагалось, находились войска генерала Крювеля. Внезапно они попали под зенитный огонь. Британцы! «Шторх» превратился в дуршлаг. Осколки и пули летали повсюду. Но Роммель сохранил присутствие духа. Он направлял действия летчика.

— Примите вправо... теперь влево, набирайте высоту, резко вниз...

Пока самолет выписывал все эти кренделя, Вестфаль неожиданно увидел над «Шторхом» двенадцать «Харрикейнов». «Вот и все, — подумал он. — Нам конец». Но, по счастью, британские самолеты не заметили крошечную «муху» внизу под ними. Ее пилот и пассажиры с радостью покинули опасную точку. Над ними словно бы висело проклятие в тот день. На обратном пути они вновь попали под обстрел британских ПВО. В «Шторхе» добавилось дырок. Роммель вернулся в штаб без единой царапины. Если бы вражеским зенитчикам повезло хоть чуть больше, Роммель со своим начштаба живыми или мертвыми попали бы в руки британцев.

Мсусским сражением Роммель, в соответствии с планом, перевернул вверх дном все приготовления британцев к наступлению. Время было выиграно — успех достигнут. Но Роммель не принадлежал к числу людей, которые удовлетворились бы достигнутым. Генерал армии граф Кавальеро посетил Роммеля в районе боев, чтобы уговорить его не продолжать наступления, Кессельринг вместе с итальянским коллегой вылетел в штаб-квартиру Роммеля. Причиной озабоченности итальянцев служили не оскорбленное само-

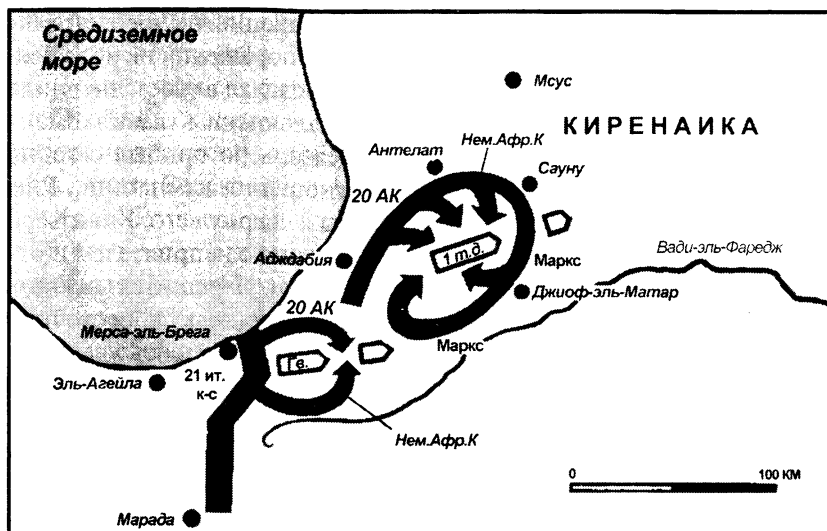
¹ Один из наиболее массово выпускавшихся в Великобритании пехотных танков; весил он около 18 т, вооружался 40-мм пушкой и двумя пулеметами и развивал макс. скорость 24 км/ч. — *Прим. пер.*

¹ Надо понимать, не считая пилота. — *Прим. пер.*

любие или то, что Роммель перешел в наступление, не посоветовавшись с ними, нет, они опасались другого — поражения на поле боя. Как сказал мне Фриц Байерляйн, Роммель сделал в своем дневнике запись о драматическом конфликте с Итальянским главнокомандованием: «23 января. Генерал армии Кавальеро прибыл сегодня из Рима с директивами Муссолини в отношении кампании... Рим против моего наступления и хочет, чтобы я свернул его. Кавальеро сказал: «Выйдите из боевого соприкосновения с неприятелем и отведите войска на позиции в районе Бреги». Я решительно возразил ему и поставил в известность о том, что, покауда состояние моих войск и снабжение будут позволять мне наносить удары по врагу, я буду это делать. Теперь танковая армия, по крайней мере, вновь действует, и первая атака увенчалась успехом... Будут и другие. Генерал армии Кавальеро уговаривал меня отказаться от моих намерений...»

Роммель не поддался на уговоры. Кавальеро покинул его в раздражении. В качестве ответной меры он вывел итальянский корпус из-под командования Роммеля и запретил этому соединению выходить за пределы района Аджедабия—Мерса-эль-Брега. Если Роммель хочет наступать — пожалуйста, пусть наступает силами немецких частей. Что последний и делал.

Но чего так опасался итальянский штаб? Мы, немцы, склонны судить их с излишним презрением. Но все не так просто. Итальянское главнокомандование было не склонно к смелым решениям. Итальянские солдаты, напротив, сражались храбро: проблема состояла не в боевых качествах военнослужащих, а в их вооружении. Кроме того, итальянский народ не понимал, зачем Муссолини нужно ввязываться в еще одну колониальную кампанию — кампанию, которая принесет новую кровь и новые слезы. Итальянская колониальная империя и так уже изрядно выросла. Военные смотрели на ситуацию по-своему. Они не понимали, как этот немец, Роммель, после 800-километрового отступления и арьергардных боев вновь может помышлять о победах и пребывать в уверенности, что его измотанные войска снова пойдут с ним в огонь и в воду. Итальянцам его поведение казалось чистой воды безумием. Итальянская армия не была готова к подобным авантюрам. Она во всем устарела, что становилось ясно с первого взгляда. Офицерский корпус отправлялся на войну с несметным вещевым обозом. В качестве ординарцев служили официанты из лучших итальянских отелей, которые даже в пустыне обслуживали генералов за столами в белых перчатках. Кроме офицерской столовой, существовали сто-



*Второе наступление Роммеля на Киренаику.
Положение на 22 января 1942 г.*

ловые для сержантов, отдельно для капралов и солдат. Тогда как в офицерских столовых меню состояло из трех блюд, всем прочим военнослужащим приходилось довольствоваться банкой «Альтер Манн». Итальянские солдаты не переставали удивляться, как это у немцев на передовой и генералы, и рядовые получают одинаковые пайки.

Атака Роммеля с позиций под Мерса-эль-Брегой 21 января рассматривалась только как усиленная разведка боем. Нападение застало британцев врасплох. Теперь Роммель собирался взять Бенгази.

В пустыне уже наступала весна. Хотя календарь показывал только конец января, в Северной Африке все не так, как в Европе. На вновь завоеванных позициях в районе Мусы немецкие солдаты поражались красоте весенней природы здешних мест. На краю пустыни в Киренаике, благоухая, цвели крокусы. Они были больше, чем те, которые росли дома — в Альмарке, в Швабии, в Восточной Пруссии или в Рейнской области, — желтые, красные и синие экзотические цветы. Буйство цвета этой прекрасной, но короткой весны казалось своеобразным протестом природы против глупости кровожадного человечества. Солнце грело землю, создавая совершенно мирную атмосферу... Никто не кричал протяжно, корчась от боли, подзывая санитаря-носильщика. Не чувствовалось вони горящего масла, бен-

зина и разлагающихся трупов. Только приятный запах цветов... Сколь очаровательной была весна в тени смерти. С какой радостью люди наслаждаются запахом цветов, когда совсем близко пахнет смертью.

Солдаты строили около своих «лисыих нор» и щелей-убежищ клетки для черепак. Кто-то с интересом наблюдал за меняющимися окраску хамелеонами, за тем, с каким проворством они ловят мух своими длинными языками. Солдаты помещали этих необыкновенных созданий на белый песок, потом на зеленые верблюжьи колючки, потом на красный платок.

— Смотри! Смотри! Вот дает!.. — восклицали они, когда хамелеон принимал цвет фона, на котором оказывался.

А черепахи бега! Все, что для этого требовалось, — стол или даже просто столешница, чтобы не дать «связному» дезертировать. Выигрывал в гонках неизменно фаворит ветеранов 115-го. Они делали большие ставки и никогда не оставались внакладе. 115-й мотопехотный — гордый полк из Гессена — с честью нес традиции старой личной гвардии гессенских герцогов.

— Десять «Голд Флейк» на Наполеона.

— Пятнадцать «Плейерс» на Окинлека.

— Двадцать «Сеньор Сервис» на Вильгельма.

Лучшими ставками считались английские сигареты, и последний участник бегов непременно побеждал. Вильгельм всегда выигрывал. Он давал хозяевам возможность нарастить запасы. Разве сравнить их с сухими, крошащимися сигаретами, которые из-за отсутствия специальной тропической упаковки здесь, в пустыне, мгновенно превращаются в солому? Вильгельм был сухопутной черепахой, а такие особи хитрее, чем их собратья из болот. Вот в чем и заключалась тут солдатская смекалка: они никогда не использовали болотных черепак, которые на первый взгляд казались более проворными. Вильгельм был спринтером. Несмотря на все старания поваров, фаворит всегда игнорировал предлагаемую ему тарелку супа. В награду за лидерство, когда солдатские мечты о мире разбились в прах, он получил свободу. Позади осталось их трехдневное избавление от ада. Они вновь были на войне!

Благодаря донесениям с постов подслушивания Роммель узнал, что британский штаб в сомнениях относительно того, защищать ему Бенгази или Эль-Мехили. Все эти зерна мельница Роммеля собиралась смолоть. Он решил избавить британцев от мучительного выбора и ударить на Бенгази. Гавань пригодилась бы при доставке снабжения. Вновь он сделал ставку на внезапность. Весной 1941 г. он взял Бенгази с юга.

— Британцы, вероятно, подумают, что мы повторим эксперимент, — сказал он Вестфалю.

Немецкий командующий решил атаковать со стороны Мсу-са и захватить порт неожиданно с территории, удаленной от моря. Этим он намеревался отрезать британский гарнизон в городе. Естественно, сложный рельеф местности и нехватка горючего сокращали численность контингента, который он мог задействовать.

Роммель вместе со своим оперативным штабом отправился в боевую группу Маркса. Этому храброму подразделению, усиленному 2-м пулеметным батальоном и боевой группой зенитчиков майора Гехта, предстояло пересечь гористый район Киренаики и наступать на Бенгази. Боевая группа полковника Гайсслера получила приказ обойти Эль-Мехили и захватить Марауа, обеспечив, таким образом, операцию по овладению Бенгази с востока. Данная группа состояла из батальонов 115-го мотопехотного полка, двух истребительно-противотанковых рот и батареи самоходной артиллерии.

Боевая группа с трудом прокладывала себе путь по скверной дороге. Стемнело. Разведка, вернувшись из дозора, доложила о крупном скоплении войск противника в долине — около двадцати орудий и сотня грузовиков. Британцы не ждали беды. Слышно было, что они всецело заняты приготовлением ужина.

— Тихо! Соблюдать тишину! — приказал Гайсслер, и солдаты принялись в кромешной темноте выводить на позиции противотанковые орудия. Атаковать предстояло на рассвете. Из-за все той же темноты пулеметы расставлялись по наитию. Тяжелая батарея не могла выбрать подходящей орудийной позиции. Она осталась готовой к ведению огня на подъездном пути.

Британцы никогда не отличались любовью просыпаться с утра пораньше. Все хорошо знали об этой слабости (человек есть человек), и Гайсслер построил на ней свой план. В 03.00 он отдал приказ:

— Стрелять после белой ракеты.

Лейтенанту Руфу с его расчетами трех противотанковых пушек период ожидания показался непереносимо долгим. Очертания британских орудий и грузовиков постепенно вырисовывались в первом сером свете утра. На стороне противника никто не двигался. Немцы находились в полной боевой готовности.

Наконец! Белая ракета! Три противотанковые пушки открыли огонь, и артиллерия вступила в действие. Внутри творился ад.

Застигнутые врасплох, британцы запрыгивали в свои грузовики и стреляли куда попало на ходу. Всюду раздавались крики, стрельба и взрывы. Полыхал огонь. Скакали на своих конях всадники Апокалипсиса. Смерть царила повсюду.

Немецкие моторизованные части хлынули в долину. Нужно было расчистить от поврежденной техники дорогу. Отправлялись группы для сбора убитых и оказания помощи раненым.

Долговязый майор стоял возле своего грузовика, сложив руки для молитвы и глядя вниз, где у ног его лежал убитый товарищ, лейтенант. Возле тела склонился английский военврач. Врач Богде из 115-го выскочил из своей бронемашины, но тут его помощь уже не требовалась. Он вместе с британским военврачом принялся помогать раненым. Майор же продолжал стоять как статуя около трупа. Подошел лейтенант и тихо сказал:

— Идемте, майор.

Старший офицер кивнул и медленно поплелся на сборный пункт для военнопленных. Капитан Шустер, адъютант полка Гайсслера, очень популярный в 115-м ветеран кампании, покачал головой.

— Печально, — произнес он и добавил, словно бы ни к кому не обращаясь: — Начинай молиться и забудь о войне. Спектакль не для майора, и ничего не поделаешь с собой — жаль его, и все тут.

Передовые батальоны боевой группы Гайсслера быстро продвигались к Марауа. 28 января. Это и правда Африка? Что за страна! Зеленые кусты, луга, кипарисы, березы, сосны и цветы повсюду. Этот плодородный край служил житницей Древнему Риму до того, как пустыня вторглась на север. Они вышли к деревянному мосту через ручей. Наверное, их занесло в Нижнюю Саксонию. Но войне плевать на идиллические красоты природы.

Утром над группой Гайсслера пронеслись истребители-бомбардировщики противника. Они приняли немцев за своих, и все обошлось. Но тут вдруг раздался громкий взрыв, и колесо головного командирского грузовика взлетело в воздух. Перед мостом были заложены мины. Водитель Геррингер уже собирался выпрыгнуть из кабины, но лейтенант Моритц предостерег его:

— Сиди где сидишь, парень, а то очутишься на небесах.

Они осторожно выбрались из грузовика и тихонько прошли назад.

— Саперы — вперед!

Мины скоро обезвредили, но остальная часть батальона перебралась на другую сторону ручья вброд. Вернувшие-

ся с задания разведчики доложили, что неприятеля на высотах перед Марауа нет. Тони Штрайт, офицер для поручений 115-го полка, кивнул:

— Ну что ж, скоро мы раздобудем себе новенький командирский грузовик с клеймом «Мейд ин Инглэнд».

Троим командирам рот определили их участки. Отправили два разведывательных взвода: один в направлении Бенгази, другой — Эль-Мехили.

— Батальон к бою готов, — доложил командир 115-го.

А как тем временем протекала атака Бенгази?

Роммель выступил со своей боевой группой в 17.00 28 января. Но операция с самого начала не задалась, точно над ней висело проклятие. Немцы попали в песчаную бурю, сопровождавшуюся проливным дождем. Стихия буйствовала два часа. Одна колонна, которую непогода застала в момент перехода через вади, встала на месте. Продрогшими до костей и голодными им пришлось оставаться там до следующего утра. Они оказались в болоте, продвигаться по которому не было никакой возможности. Они не верили, что находятся в Африке. Под горячими лучами утреннего солнца почва просохла, и кошмар остался позади. Тяжелые грузовики, однако, пришлось бросить. Что делать, надо продвигаться как можно быстрее!

Наступающие заняли старую турецкую крепость Эр-Региму. Не останавливаться! Ведь ими командует сам Роммель! На Бенину! В последний момент успело взлететь звено захваченных британцами Ju-52. Что за жалость!

В награду и возмещение — полевые склады у дороги. Новые полевые склады, на которых британцы собирали все необходимое для наступления на Триполи. Более того, немецкие склады, которые были брошены при отступлении, также стояли нетронутые. Война не любит экономить, нелепость и сумасбродство в ней не знают границ. Кто же откажется от таких сокровищ. Их хватит для снабжения нескольких городов.

Британский гарнизон в Бенгази был обречен. Командир дислоцированной в городе индийской дивизии отдал подрывникам приказы приступить к работе. За прекрасным белым собором запылали склады военных материалов. Семь миллионов сигарет сгорели в пламени. Бесчисленное количество бочек с ромом погибло. Огонь пожрал и сотни тысяч тонн мясных консервов. Несмотря на это, оставалось еще много всего.

Из боевой группы Маркса доложили о первых колоннах военнопленных и захвате большого количества грузовиков, на которых

противник пытался вырваться из Бенгази. Но Роммель слушал вполуха. Он хотел как можно скорее войти в город. Затем последовала небольшая интермедия, немало повеселившая штаб. Радист разведки принес известие от Муссолини. Дуче высказывался за то, что Роммель «при благоприятных условиях должен взять Бенгази, но итальянским войскам пока следует оставаться там, где они и находятся, — в районе Аджедабии и Мерса-эль-Бреги». Роммель ответил кратко:

— Бенгази уже взят.

В 12.00 30 января Роммель во главе своей штабной группы вновь вошел в столицу Киренаики. Арабы шумно приветствовали его, размахивая зелеными флагами пророка. Командующий проезжал через руины. Но арабы радовались, как радовались они еще несколько недель назад, когда в город входила британская бронетехника.

Хотя Роммель часто рисковал, иногда он проявлял осторожность. Услышав от Гайсслера, что его боевая группа готова к штурму Марауа, он отменил операцию. Случилось это в тот момент, когда майор Эле послал донесение:

— 1-й батальон готов к атаке.

— Ждите прибытия пулеметного батальона. Бенгази уже захвачен, — ответил Роммель Гайсслеру.

Солнце висело низко над горизонтом, когда 2-й пулеметный батальон соединился с силами Гайсслера. Таким образом, операция спокойно завершилась. Как обычно фельдфебель Манкивиц выставил несколько бутылок «огненной воды» для празднования такого случая — по рюмочке всем командирам батальонов и командирам рот. И как обычно капитан Митрос выпил две двойные порции. Он был из Восточной Пруссии.

С наступлением ночи Марауа находилась в руках немцев. По мрачневший Окинлек молча стоял перед картой в штаб-квартире в Каире. Одного за другим он отправлял самолетами на фронт офицеров штаба, с тем чтобы восстановить порядок в британском отступлении. Но где они могли закрепиться? Какими силами располагал Роммель? Скоро поступили первые сведения о продвижении Роммеля к Дерне. Разве и здесь нельзя будет остановить коварного Лиса?

Да! Роммель тоже зависел от поступления пополнений и снабженческих грузов, а потому британцам удалось консолидироваться на рубежах Газалы. Эти оборонительные позиции имели то же

значение для британцев, как линия в районе Мерса-эль-Брега для немцев.

Всего за семнадцать дней Роммель отвоевал почти все, что потерял, но он не располагал достаточно крупными силами для овладения Тобруком. Город оставался в руках британцев, и вновь все надежды противник возлагал на «крепость в песке». Сумеет ли она вновь стать занозой в боку у Роммеля, как случилось это в 1941 г.? Станут ли опять несокрушимые ворота Египта камнем преткновения для Африканского корпуса?

Бомбы для форта Лами

Унтер-офицер Гейн осторожно вращал колесико радиостанции «Цезарь» со «Шторха». Затаив дыхание, он вслушивался. Появился сигнал. Та-та-та-та-та. Нет, не то. Снова эфир был чист. Два дня они сидели в Аждабабии в фургоне командования Люфтваффе в Африке и каждое утро между 08.00 и 09.00, а кроме того, вечером с 20.00 до 21.00 шарили по эфиру. Они слышали шум помех и звуки других станций, но сигнал, которого ждали, все не приходил.

— Опять ничего, — вздохнул Гейн и снял наушники. Было 20.10, пятница, 23 января 1942 г. — Давай слушай до двадцати тридцати, — сказал он, передавая их Вахсмуту.

Подчиненный занял место старшего, принялся вращать регулятор и прислушиваться. Унтер-офицер Гейн надел пилотку и отправился подкрепиться. Он уже выходил, когда Вахсмут окликнул его:

— Есть! Сигнал!

В фургоне стало тихо. Все замерли. Гейн так и застыл, словно окаменев, в то время как все уставились на Вахсмута. Радист слушал, и карандаш его скользил по бумаге. Гейн, подойдя на цыпочках, заглянул за плечо Вахсмута. «VQBJ, VQBJ, VQBJ» — сигнал повторился. Вахсмут обменялся взглядами с унтер-офицерами. Те улыбались.

— Это они.

— Посылайте ответ.

Обер-ефрейтор исполнил указание.

В этот момент в тысяче двухстах километрах от Аждабабии, в тропической африканской пустыне, где тысячи тысяч лет властвовали ветер и солнце, раздался крик:

— Есть контакт!

Капитан немецкого Люфтваффе вскочил и помчался к радисту, примостившемуся на песке возле маленького трехваттного шпионского передатчика. Остальные — обросшие бородами и страдающие от жажды люди — тоже приблизились к рации. Лейтенант Франц Бонзак, итальянский майор граф Вемеркати и Сан-Северино, лейтенант Фриц Деттманн и фельдфебель Генрих Гайсслер. Все они смотрели на радиста Вихманна, который, наклонив голову, при свете свечей слушал сигналы. Их лица светились в темноте. Впервые за два дня в этом богом забытом месте в сотнях километров южнее Аджедабии.

А там, под Аджедабией, другие солдаты слушали сигналы, доносившиеся через эфир из далекой африканской пустыни. Очень старательно, то и дело обращаясь с просьбой повторить, они расшифровали депешу: «Особая команда Блайха сообщает об успешном выполнении задания — уничтожении прямыми попаданиями склада горючего и ангаров форта Лами на озере Чад. Вынужденная посадка на обратном пути два дня назад из-за нехватки горючего на неизвестной территории. Место вынужденной посадки приблизительно по карте в квадрате Туоммо. Воды почти не осталось».

— Отбой, — передал радист из Аджедабии.

— Отбой, — повторил Вихманн далеко-далеко в пустыне, ставя точку в своем сообщении. Затем он вскочил, и... забывая все нормы воинской дисциплины, экипаж пустился в пляс на песке перед своим He-111, стоявшим тут, в богом забытой пустыне, словно странная сказочная птица. Палатки, в которых они спасались от жары, свисали с крыльев, еще усиливая такое впечатление. Спальные мешки лежали на песке. Генрих Гайсслер, бортинженер, подошел к капитану Блайху:

— Как насчет нескольких капель воды, чтобы отпраздновать новость, капитан?

— Всего несколько капель?

Все посмотрели на старшего, но тот покачал головой. Улыбки на лицах растаяли. Они осознали, что свои далеко, в тысяче двухстах километрах отсюда. Они оставались пленниками Сахары, а в двадцатилитровом баке, который они открыли чуть больше двух дней назад, воды осталось меньше половины. Они молча разошлись по своим спальным мешкам. Тишина была безмерной, под стать пустыне, державшей их своими пленниками.

Сумеют ли они вырваться, или пустыня станет их могилой? Гайсслер опять поднялся и подошел к самолету, чтобы взять ка-

мень, который присмотрел утром, тщательно обследовав его. На следующее утро он начнет вырезать на нем свою фамилию, чтобы люди, которые когда-нибудь придут сюда, знали, кому принадлежали белые кости — человеку, который весной 1942 г. участвовал в выполнении фантастического задания. Вот рассказ о нем.

Почти в центре гигантского Африканского континента расположено огромное озеро двухсоткилометровой длины — озеро Чад. Оно не просто объект на карте, а также и фокальная точка всего движения в Африке, стратегии и мировой политики на Черном континенте. Здесь, на границе тропических джунглей, сходятся бывшие немецкие колонии, Камерун, Нигерия, Экваториальная Африка и Французская Западная Африка.

Поскольку сама природа создала тут естественный бастион, первопроходцы и завоеватели колониальной эпохи построили здесь укрепление — форт Лами. Он находится почти в центре Африки. Современная цитадель правителей континента в точке, где сходятся все важнейшие транспортные артерии, от Атлантического побережья и порта Дуала¹, Лами — перекресток на пути из Бельгийского Конго в Алжир. Таким образом, он мог служить как обеспечением, так и угрозой с фланга для Ливии, а в 1942 г. еще и ключевой точкой сухопутного маршрута, пролежавшего от Атлантического океана, по которому в Египет поступали американские снабженческие грузы.

Чтобы понять, против каких сил противника сражались располагавшие весьма скромными возможностями Роммель и его Африканский корпус, необходимо знать, что кампания велась не только на севере, в прибрежной зоне, но и глубоко в самом сердце Африки. В форте Лами тоже вели войну против Роммеля — войну на фронте снабжения и большой стратегии. Роммель не мог повернуть туда танки и перекрыть русло, по которому текли американские поставки в Египет. Для войск де Голля, занимавших горы Тибести и угрожавших флангу Роммеля из Южной Ливии, форт служил крупным сборным пунктом — точкой отправления к далеким объектам.

В Берлине мало что знали обо всех этих африканских тайнах. Континентальная стратегия западных держав оставалась неизученной, и германское руководство в Берлине не имело понятия, что союзники проложили маршруты снабжения прямо через Африку в Египет. Они и представить себе не могли, что происходило в Лагосе, где у компаний «Стандарт ойл» и «Шелл» были задействованы круп-

¹ В Камеруне на берегу Гвинейского залива. — *Прим. пер.*

ные нефтеперерабатывающие мощности. Как не знали, что делалось в Дауле и Бразавиле в Бельгийском Конго, откуда масло и бензин транспортировались в форт Лами.

Но один человек об этом знал. Один из тех великих одиноких волков, которые не дергают за политические и стратегические ниточки, первопроходец и страстный исследователь, плантатор и искатель приключений в самом подлинном смысле этого слова, старый житель колоний и единственный солдат в немецкой армии в 1939 г., явившийся служить в Люфтваффе со своим самолетом, — Тео Блайх. Он полетел — если это можно назвать полетом — в своем «Тайфуне» к Роммелю. В секретном рапорте, представленном им в январе 1942 г. накануне наступления Роммеля, говорится: «Форт Лами — пункт сосредоточения для оперативных действий противника. В этой центральной точке сходятся несколько линий коммуникаций, включая и путь на восток, который можно задействовать круглогодично и который достигает самого Нила. Союзники быстро осознали преимущества этих линий коммуникаций, недостижимых для противника и тянующихся от западного побережья Африки к Нилу, и довели его мощности до требуемой кондиции.

Горный массив Тибести, передовой аванпост на севере, который служит плацдармом между Ливией и регионом озера Чад, находится в руках де Голля; он представляет собой угрозу для Ливийской пустыни и таким образом для наших линий коммуникаций на участке Триполи—Бенгази. Поэтому необходимо обеспечить южноливийскую границу, прикрыв ее на случай возможной вражеской атаки из Центральной Африки. Альтернативой может служить военная операция с целью создания напряженности для противника на маршруте снабжения форт Лами—Нил или его захвата».

Руководство генштаба в Берлине читало рапорт в явном изумлении. Захват маршрута форт Лами—Нил? Да он сумасшедший! Но Тео Блайх не оставлял их в покое. Он настаивал на отправке по меньшей мере бомбардировочных частей для уничтожения важного центра — форта Лами.

Воздушный рейд против объекта, который отделяет от аэродромов Люфтваффе в Северной Африке 2000 километров Сахары! Роммель ознакомился с рапортом Блайха с интересом. Ему всегда нравилось наличие у людей смелости и фантазии. Он рассматривал карты и кивал, снабдил документ зеленой литерой «R» и отправил командующему силами Люфтваффе в Африке. На рапорте Блайха хватало разных подписей, но все они бледнели рядом с зеленой «R». В результате в тот самый день, когда Роммель начал новое наступ-

пление — в историческую среду 21 января 1942 г., — экипаж из шести человек поднялся в воздух, чтобы выполнить задание, которое заслуживает того, чтобы называться одной из самых величайших авантюр современности и занять место в военной истории. Особая команда Блайха полетела к форту Лами.

Кампо-Уно представлял собой естественное летное поле с твердым глинистым покрытием. Никакие препятствия ни с какой стороны не перекрывали доступа к естественным летным полосам. Горы, окружавшие, наверное, самый уединенный аэродром в мире, защищали его от ветра. Взлетев с аэродрома в оазисе Гун, они 20 января приземлились в Кампо-Уно и оказались единственными гостями на странной пустынной полосе, где не было ни одного ангара или навеса. «Они» — это капитан Тео Блайх с его «Тайфуном», лейтенант Франц Бонзак, пилот He-111, фельдфебель Гайсслер, бортинженер, унтер-офицер Вихманн, радист, и лейтенант Деттманн, военный репортер. Деттманн, прекрасный журналист, пользовался уважением летчиков за свои храбрость и отвагу. Думаю, он стал единственным репортером, награжденным золотым Немецким крестом.

Еще один человек вылетел с ними из Кампо-Уно к форту Лами. Странная фигура, словно бы явившаяся в современный мир из времен Цезаря: майор Роберто граф Вемеркати и Сан-Северино. В италийской армии в Африке он являлся экспертом по пустыне. Он в 1935 г. и открыл Кампо-Уно. Во время одного из сафари он приземлился на этом пружинистом ковре из песка и глины. Он разведкал ближайшие высоты и обозначил идеальный аэродром в неизученной местности на краю южнолибийской Сахары белыми камнями. Так появился Кампо-Уно.

Вемеркати очень много путешествовал, он был влюблен в Сахару — в царство ветра, песка и звезд.

Он служил офицером в Ливии уже шестнадцать лет. Друзья звали его князем Джало — в этом старом оазисе он любил бывать.

Вемеркати приземлился в Кампо-Уно 20 января на большой «Савоие». Она служила «материнским» кораблем — несла запас горючего для рейда на форт Лами и обратного полета. Она должна была ждать в Кампо-Уно. Экипаж и их товарищи в оазисе Гун будут считать часы, когда немецкий He-111 вернется после своего смелого рейда. Итальянцы — маленький живчик радист Скорцоне в слишком длинных шортах, делавших его похожим на гнома; сержанты д'Агата, Дзаратини и Туллиани; бортинженер Масуаде и че-

ловек с провоцирующей и ни в коем случае не подхлывшей ему фамилией Альфредо Скандало — проявляли трогательное волнение.

В Кампо-Уно любой, кто любил пустыню и кто имел воду и палатку для защиты от безжалостного солнца, находил идеальное для себя место. Вемеркати проверил свой «одноместный дом» — хитроумное приспособление, состоявшее из спального мешка и палатки. Франц Бонзак, пилот He-111, прирожденный летчик, всегда спокойный любитель поесть, был занят своей кастрюлей, в которой кипятил воду на спиртовой горелке. Гайсслер, бортинженер, проверял снаряжение. Деттманн о чем-то мечтал, глядя на закат. Наступила ночь. Как всегда пришла она мгновенно, и они распозлись по своим спальным мешкам.

— In bossa al lupo! — кричали им итальянцы перед вылетом в 08.00 в среду 21 января. Это означало то же, что «ни пуха ни пера». He-111 рулил по взлетной полосе с пятью тоннами бензина на борту — летающий бак¹.

Ревели двигатели. Бонзак спокойно держал в руках штурвал. Блайх, как лидер команды и одновременно штурман, смотрел в карту двух с половиной метров длины, разложенную у него на коленях. Вемеркати обзирал местность. Горы Тибести с их трехкилометровыми пиками виднелись впереди в утренней дымке. Вемеркати и Блайх наскоро делали пометки на картах района, этакой *terra incognita* — неизведанной земли. Песок и дюны без следа воды и растительности. Здесь обитает ветер и нет ни животных, ни растений. Нога человека никогда не ступала сюда.

Погода портилась, собиралась гроза.

— Нам понадобится больше горючки, чем мы рассчитывали, — проговорил Бонзак. Они скрупулезно подсчитали каждый литр, оставив небольшой запас, поскольку предполагали, что погода будет хорошей — такой прогноз дали в Гуне. Метеоролог Люфтваффе явился на итальянский укрепленный пункт в залихватски заломленной на ухо белой пилотке и радостно сообщил:

— Я лягушка-предсказательница. Мой опыт меня не обманывает — погода будет благоприятствовать вашему особому заданию.

Вот как он их не обманул!

¹ He-111 — двухмоторный средний бомбардировщик, максимальная скорость 436 км/ч, летный потолок 6700 м, дальность полета 1950 км; собственная масса 8700 кг; максимальная взлетная — 14000 кг; мог нести 2000 кг полезной нагрузки в бомболюках и 2000 кг — в наружной подвеске. — *Прим. пер.*

— Чертов придурок, — проворчал Бонзак. Ни у кого не нашлось доброго слова для метеоролога из Саксонии. Тем не менее он хорошо знал свое дело, хотя делал его и не на благо экипажа He-111, отправлявшегося к форту Лами. Неведомо откуда взявшейся «лягушкой-предсказательницей» был один из людей Джокка Кэмпбелла — британский агент, член диверсионной группы. Когда He-111 улетел, он попытался скрыться, но его случайно поймали — просто из-за нелепого стечения обстоятельств, предусмотреть которого не мог бы ни один, даже самый опытный разведчик.

Когда особая команда Блайха вернулась, от метеоролога осталось только холмик с деревянным крестом. Без имени, поскольку агент из колонн «Джока» не назвал его.

— Напишите просто англосакс, — произнес он с улыбкой по-немецки с сильным саксонским акцентом, который приобрел во время учебы в Дрездене.

Но ни Бонзак, ни Блайх, ни Вемеркати, ни другие члены экипажа He-111 ни о чем подобном не догадывались. Они летели к озеру Чад, ругая метеоролога, усиливавшийся ветер и ухудшающуюся видимость.

Ближе к полудню они заметили восточный берег озера Чад. Поверхность его блистала на солнце. Теперь опасность сбиться с пути больше не грозила. Видимость стала хуже, а в воздухе повисла серо-желтая пелена. Это был харматтан — сухая пыльная буря, не редкость в Экваториальной Африке. Термометр на приборной доске летевшего на высоте 2200 метров самолета показывал 22 °С. Они предполагали, что внизу в тропический полдень температура, скорее всего, достигала отметки между 45 и 50 °С.

Бонзак заложил широкий вираж на юг, чтобы разведать сухопутные и речные артерии стратегически важного центра, Лами. Около 14.30 он переложил машину на северный курс.

— Боевая готовность, — спокойным голосом скомандовал Блайх.

Стали видны очертания города, и скоро картина сделалась более четкой. Немцам открылись широкие прямые улицы, полуразрушенный квартал местных жителей и аэродром. Зашелкали затворы фотокамер.

На аэродроме Лами находилось два больших ангара, вокруг которых располагались мастерские. Виднелись огромные белые пятна с наполовину вкопанными в землю нефтеналивными танками.

Они походили на некие замки в песках. Зениток нет? Или расчеты спят?

— Сериями или одиночными бомбами? — спросил Бонзак Блайха.

— Сериями, — ответил капитан.

Бонзак кивнул и занялся бомбовым прицелом. Они несли шестнадцать бомб по 50 килограммов.

— Мы над целью. К бомбометанию готов.

Блайх кивнул, и Бонзак нажал кнопку. Звуков взрывов в самолете они не услышали, зато увидели результаты своей работы. Столбы огня и черного дыма поднялись к небу. Море пламени и копоти ширилось, превращая все постройки в пыль. Вспыхнуло горячее в танках. По самолету пронесся довольный ропот. Экипаж сам удивлялся сделанному и не мог сдержать чувств:

— Вот это да! Как долбануло! Как горит, а?!

В ответ не раздалось ни выстрела. Еще в ста километрах от цели они могли видеть облака черного дыма. Война сделала отметку возле озера Чад в глубине Центральной Африки. Авантюра увенчалась успехом.

Шесть недель спустя в Германском верховном командовании от взятого в плен французского капрала узнали о том, какое удивление вызвало появление на озере Чад немецкого бомбардировщика. От неожиданности командование на месте забыло отдать зенитчикам приказ открыть огонь. Четыреста тонн высокооктанового бензина и все запасы нефтепродуктов взлетели на воздух. Десять самолетов было уничтожено на земле, и повреждены аэродромные строения. Форт Лами вышел из строя на недели.

В 08.00 они взлетели с Кампо-Уно, а в 14.30 отбомбились по форту Лами. Теперь уже четыре часа команда летела в северном направлении. На западе они видели хорошо знакомые приметы уходящего дня. Солнце быстро клонилось к закату, заставляя гигантские тени скользить по дюнам и скалам.

— Что у нас с курсом? Верно идем? — поинтересовался Бонзак, но никто ему не ответил. Никто не мог сориентироваться в этом театре теней. Бензина оставалось еще на полчаса полета. Найдут ли они Кампо-Уно, крошечную точку в этом причудливом море пустыни? Вемеркати сверлил взглядом пустыню. Время от времени он качал головой. Время утекало. Как и бензин. И вот уже они поняли, что до «дома» не доберутся. До наступления ночи им Кампо-Уно не найти. Через четверть часа горячее кончится, и в последние

минуты дня им лучше подыскать место для посадки. Надо садиться в пустыне.

— Травить антенну, — приказал Бонзак. Антенна мощного семидесятиваттного передатчика составляла в длину сто метров.

— Вихманн, — позвал Блайх. Тот наклонился к командиру, а потом отправил сигнал SOS. Ответа он не получил.

— Пристегнитесь и держитесь крепче, — спокойно произнес Бонзак.

Обороты сброшены... Тишина...

Затем двигатели загудели вновь. Пилоту пришлось включить их, чтобы перетянуть через вадю.

Через несколько секунд сгустятся сумерки, а еще через мгновение-другое черная ночь пустыни поглотит их.

Бонзак вновь сбросил газ. Все затаили дыхание. Что, если какая-то ямка? Словно бы это поможет. Но нет, все обошлось, и после нескольких прыжков He-111 остановился.

Наступила полная тишина, и все взоры обратились к Вемеркати — человеку пустыни. Он запустил руку в карман и вытащил золотой портсигар. Там лежало три сигареты — Вемеркати не курил. Он вытащил их и сломал пополам — таким образом, сигарет стало шесть. Шесть сигарет... шесть дней.... Что хотела сказать старая лиса пустыни Вемеркати? Что они пробудут тут шесть дней? Вихманн, энергичный радист, немедленно подумал о маленьком агрегате, который добыл для него Блайх. Этот трехваттный шпионский передатчик работал от аккумулятора, а рация в самолете функционировала, только когда включались двигатели. Вихманн быстро выдвинул антенну. Было около 20.00 — вот-вот наступит время выходить на связь со штабом Люфтваффе в Аджедабии. Радист сидел на песке и в пляшущем свете свечи отстукивал ключом: «VQBJ, VQBJ» — позывные команды. Прюделав это несколько раз, он останавливался и слушал. Ничего. Снова: «VQBJ, VQBJ». Через полчаса Вихманн сдался. Надо было беречь батареи.

— Давайте разобьем лагерь, — предложил Бонзак с наигранной веселостью. Из самолета принесли аварийный паек, четыре брезентовые палатки, спальные мешки, противомоскитные сетки и резиновые матрасы. Миски, кружки, компасы, винтовки, ножи, тропические спички, сигареты и лопаты... Ничего не было забыто. Продукты разложили в шесть больших контейнеров, написав: «Одному на шесть дней». Еще совпадение: шесть дней. Прювизии у них имелось достаточно — мясные консервы, ветчина, печенье — отличные деликатесы, при условии, конечно, что их есть чем за-

пить. Кроме того, банки сгущенки, витамины в таблетках, фрукты в банках, сухари, концентрат чая, соль, сахар и ривита. Только подумать, сколько всего в этом большом жестяном контейнере! Сокровища вызывали не только восхищение, но и вопрос: где же вода? Вода, чтобы запить все эти вкусные вещи. Тут Гайсслер принес единственную двадцатилитровую канистру.

— Питьевая вода будет выдаваться нормированно, — сказал Блайх. — Четверть литра в восемь утра и четверть литра в пять вечера. Вода для приготовления пищи будет выдаваться отдельно.

Вода для приготовления пищи? Вряд ли кто-нибудь будет готовить. Неужели станут варить гороховый суп из консервов и солонины? Нет уж, спасибо! Чтобы подбодрить экипаж, Блайх добавил:

— Сегодня вечером приготовим чай, большой чайник на два литра.

Бонзак поставил чайник на спиртовую горелку и, когда вода закипела, бросил туда чайный концентрат в таблетках. Подумал и добавил еще одну. Как вкусно пахнет. Теперь подсластить. Франц взял пакет с надписью «Сахар».

— Мне, пожалуйста, побольше. Я любую очень сладкий, — попросил Вемеркати. Бонзак взялся за ложку. Все уселись, держа в руках кружки.

— На здоровье! — сказал Вихманн и тут же выплюнул в песок чайнику.

Все попробовали. Бог мой, так он же соленый! Бонзак съежился, точно побитая дворняжка. Они поднесли открытый пакет к свече. Надпись на пакете не оставляла сомнений — сахар. Затем проверили содержимое других пакетов. Соль! Но в пакете с надписью «соль» оказался «сахар». Два литра воды к черту. Два литра, которых, возможно, и не хватит, чтобы дожидаться спасения. О, как они ругались!

Место, в котором они приземлились, оказалось гигантской низиной. На востоке — две горные гряды, а на юге — высокий скалистый склон. На севере — два каких-то любопытной формы холма.

На следующее утро, как только они выпили воду, Вихманн поспешил к рации и вновь принялся отстукивать позывные. Но ответа не было. Вемеркати сидел под крылом самолета и водил пальцем по карте. Наконец его палец уткнулся в одну точку, однако никаких комментариев никто не услышал.

Вихманн и Гайсслер отправились на разведку. Они хотели подняться на плато и посмотреть, не найдется ли какого-то приметного объекта, который помог бы им сориентироваться. Гора, как каза-

лось, располагалась совсем недалеко. Но сколько оба следопыта ни шли к ней, она не становилась ближе. Через два часа они поняли, что из-за сухости воздуха не смогут определить расстояние. Плато находилось в нескольких километрах. С пересохшими глотками они через четыре часа возвратились. Термометр в тени плоскостей He-111 показывал 36 градусов. Воздух был совершенно сух. И не удивительно — они попали в одну из самых сухих широт на Земле: среднегодовая влажность 18 процентов по сравнению с 65 процентами в Берлине.

Жажда становилась пыткой. Бонзак рассчитал по карте, что они не могут быть далее чем в двухстах километрах от Кампо-Уно. Но что это означало на практике? Они представляли собой лишь точку в океане пустыни.

— Нам нужно осуществить связь по радию.

Это стало их *idée fixe*¹. Пока они обсуждали положение, вновь наступила ночь. Термометр с 36 градусов опустился до минус восьми. Вихманн уселся к передатчику и принялся выстукивать сигнал. Но огромный мир там, за краем песчаного океана, не отвечал.

Наступило второе утро, а ответа все не было. Вихманн сделал из шеста палатки вторую антенну, чтобы направить одну из них прямо на Аджедабию. Все с нетерпением ожидали назначенного часа. Вихманн принялся за работу вовремя и десять минут отстукивал их позывной. Десять минут казались вечностью. И вот оно.

— Прием! — закричал он. — Я их слышу. Они нас вызывают.

Его карандаш заскользил по листу блокнота. «VQBJ, VQBJ. Вызываю», — и опять: «Вызываю». Потом наступила пауза, и Вихманн отстучал ответ. «VQBJ здесь, VQBJ здесь. Слышите меня?» Остальные по выражению лица радиста понимали, что контакт состоялся. Скоро из Аджедабии вновь ответили.

— Книгу! — закричал радист. Бонзак помчался в самолет за книгой. Она называлась «Абель с губной гармошкой» Манфреда Гаусманна и служила кодом. — Страница шестьдесят третья, начинающая сверху.

Вихманн расшифровал. «Позывной приняли, но он очень слабый. Продолжайте». Вихманн сообщил, что с заданием они справились успешно, но что им пришлось совершить вынужденную посадку в Сахаре и у них кончается вода.

Два часа он уже сидел за передатчиком с трясущимися пальцами. Из Аджедабии то и дело повторяли: «Не поняли вас. Повторите».

¹ Навязчивая идея (*фр.*).

И Вихманн повторял до тех пор, пока не убедился, что его информацию там приняли. В ту ночь никто даже и не думал о сне. Вопрос, который тревожил всех, звучал так: «Найдут ли нас итальянцы?»

На третий день, в субботу 24-го, разыгралась песчаная буря. Толстая грязно-желтая пелена окутала низину. Юго-западный ветер хлестал по самолету.

— Никто не сможет взлететь в такую погоду. Даже птицы и те сидят на земле, — обреченно проговорил Бонзак.

Они забрались в фюзеляж «Хейнкеля». В тот вечер Вихманну вновь удалось установить связь. Итальянцы начали поиски, но пока они шли безуспешно.

Подходило к концу воскресенье — четвертый день в пустыне. Болели конечности, трескались губы. Языки обложило, и весь метаболизм был нарушен. Никто не мог уже думать ни о чем, кроме воды. Они жили ради восьми утра и пяти вечера. Какое чудо, когда на губах оказываются первые капли воды. Деттманну удавалось растягивать свою кружку на целый час. Блайх разрешил выдать дополнительные пол-литра в тот день — в честь воскресенья. Они лежали в полудреме, думая о своем незавидном положении. Блайх начал рассказывать сон, который ему приснился прошлой ночью:

— Я встретил Бонзака в одном дивном винном баре в Риме. Мы заказали два больших бокала пива. Официант был в растерянности, он привел администратора, который предложил нам самого лучшего вина. «Нет, мы хотим пива. Светлого». Пришел хозяин с винной картой. «Только взгляните, господа, у меня тут лучшие рейнские и мозельские вина, а вот бургундское и бордо». — «Нет, нет и нет. Подавайте нам пива. Светлого пива». Хозяин покачал головой. Он качал ею чаще и чаще, точно челноком. А потом я проснулся... от адской жажды.

Смеялись слушатели как-то невесело.

В ходе сеанса связи они узнали, что итальянцы продолжают искать их... Ищут, но пока никаких следов не находят. Если они не отыщутся к понедельнику или вторнику, тогда между 16.00 и 16.20 команда станет посылать позывные с мощного передатчика, установленного на самолете, что должно облегчить процесс поисков. Поискový самолет должен будет находиться не далее восьмидесяти километров от передатчика, иначе их не услышат. К счастью, у них осталось немного бензина в баках, чтобы запустить один двигатель и отправить позывной на длинных волнах.

Пятое утро принесло сюрприз. Проснувшись, они увидели, что казавшийся безжизненным куст колючек, росший возле самолета,

защел. Они считали его засохшим — веточки ломались, точно тонкое стекло. Стоило только шелкнуть по ним, как они рассыпались в прах. Гайсслер посмотрел на куст и вдруг вскочил. Он принес лопату и принялся копать.

— Если куст защел, тут должна быть вода, — утверждал он, ни в какую не желая расставаться со спасительной мыслью. Он рыл и рыл, однако не находил ничего, кроме песка. Пот лился по его лицу. Затем он бросил копать и забился под крыло самолета, бормоча: «Вода, вода!»

День закончился, а итальянцы так и не нашли их. Вторник, 27 января — шестой день. Незадолго до 16.00 Гайсслер запустил левый двигатель на оставшемся горючем. Главная рация заработала, отправляя невидимые лучи. Если спасатели в радиусе восьмидесяти километров, то они скоро будут тут. Экипаж стоял с ракетницами наготове. Они ждали пять, десять, двадцать минут.

— Глуши, — сказал Блайх Гайсслеру, но бортинженер стал просить его:

— Пусть поработает еще пять минут.

— Говорят тебе, глуши!

Гайсслер не сдавался:

— Это наш последний шанс, капитан. Пусть движок работает, пока не заглохнет сам.

Блайх подошел к Гайсслеру и обратился к нему тоном, которым обычно говорят с неразумными детьми:

— Нам надо оставить чуть-чуть. Хотя бы костер сумеем разжечь.

Гайсслер опустил голову, потом пошел и выключил двигатель. Всех охватил страх.

Моральный дух пошатнулся. В 17.00 Блайх раздал всем последнюю воду — по полкружке на человека. Они видели, что руки у него трясутся. Да, руки старого жителя колоний тряслись.

— Вода кончилась, а значит, я больше не могу отдавать приказы, — спокойно произнес он. — Утром мы вместе решим, как лучше поступить.

Все распозлись по своим спальным мешкам под крыльями самолета.

Каждый должен был подумать и принять решение.

— Вы сами можете выбрать себе смерть, — пробормотал Франц Бонзак.

Гайсслер продолжил вырезать на камне свою фамилию. Бонзак посмотрел на него и поднялся.

— Нет, — сказал он так, точно произносил залинание, — они придут. Они должны прийти. Они не дадут нам сгнить здесь.

И едва он произнес эти магические слова, как раздался крик:

— Самолет!

Экипаж бросился к ракетницам.

Это был итальянский самолет-разведчик — «Гибли»¹. Точно безумные, они пускали ракеты — белую, красную и зеленую.

— Он летит сюда! — кричал Гайссер.

Князь Джало застыл словно каменное изваяние.

— «Гибли», S.1, лейтенант Дуарте, — заключил он. Он знал своих людей, а замечание сделал, лишь чтобы скрыть волнение, которое читалось у него в глазах.

Радист Скорцоне выскочил из «Гибли» первым, размахивая двумя бутылками с водой. Он смеялся, когда бежал к ним, перебирая своими короткими ножками. Экипаж «Хейнкеля» окружил его. Следом появились остальные спасатели: Дуарте, д'Агата и Туллиани. Они знали, что тут нужнее всего. Каждый нес флягу или целую канистру. Звучали поздравления, немцы и итальянцы заключали друг друга в объятия, а слезы продолжали капать, пока люди пили вволю.

Все походило на праздник. Каждый прижимал к губам бутылку. Вемеркати и Блайх даже штурмовали канистру; человек, которому шесть дней приходилось считать каждую каплю воды, теперь лил ее себе на рубашку, на грудь, а поставив канистру, только и произнес:

— А-ах!

Итальянцы оставили им арбузов и воды — огромный запас. Им надо было спешить в Кампо-Уно, находившийся всего в получасе лета. Утром они привезут горючее.

Теперь наступившая в пустыне ночь казалась немцам прекрасной. Они приготовили спагетти со свиной. Они пили чай и не жалели воды. Потом устроились поуютнее в своих мешках.

Еще не рассвело, когда в вышине раздался рокот авиационных моторов. Они вскочили и выпустили ракеты. Итальянцы вернулись? Так быстро? Бонзак внимательно прислушался.

— Нет, — сказал он наконец, — это Ju-52.

Машина сделала круг и с первыми лучами солнца приземлилась поблизости. Самолет и в самом деле оказался Ju-52, из которо-

¹ «Капрони Бергамаски» Са-309, модель, выпущенная специально для Ливии; дальность 1600 км, крейсерская скорость 320 км/ч. — *Прим. пер.*

го выпрыгнул лейтенант Бекер из эскадрильи спасателей пустыни. Снова радость. Приветствия. Смех. Потом завтрак — кофе и сосиски, которые привез Бекер.

Ли-52 вылетел из Аджедабии в полночь «без разрешения», как с улыбкой признался Бекер.

— О вас только все и говорили всю неделю на всех аэродромах. Вот мы и решили, раз новостей нет, попробуем наудачу. Вдруг найдем. Мы всем экипажем решили.

Они отправились на эту безумную авантюру вопреки приказу. Наверное, их вело провидение.

Бекер привез три бочки бензина, которые тут же и закачали в баки He-111. Когда в Аджедабии получили от итальянцев сообщение о том, что команда Блайха обнаружена и завтра ей будет обеспечена возможность возвращения, He-111 с позывным «VQBJ» уже находился на пути в Кампо-Уно, чтобы потом лететь дальше на север.

На девятый день после вылета на задание они вновь шли над оазисом Гун. Внизу по тропе продвигался караван верблюдов — продвигался осторожно, медленно, точно шагала сама вечность.

Прелюдия к летней кампании 1942 г.

Обер-ефрейтор Густав Гроссман из Бохум-Лангендреера, истекая потом, стоял у печи в Умм-эр-Рземе, оазисе неподалеку от Дерны среди огнедышащей пустыни. На грузовиках роты хлебопеков красовалась эмблема в виде зеленого сердца — символ Тюрингии. Большинство личного состава ротных пекарей происходило из этой земли и умело выпекать не только черный хлеб, но также булочки и пирожные. В ранние утренние часы 20 марта 1942 г. Густав Гроссман хотел показать корпусу, на что способен настоящий пекарь в пустыне. Вместе с другом, Руди Функе из Гейлигенштадта, он создавал «сливочно-шоколадные торты». Товарищи стояли и смотрели, как работают Гроссман и Функе.

И вот два благоухающих свежих шедевра заняли свое место на столе поодаль от печи. Вид их немедленно вызывал слюноотделение. Солдаты не могли сдерживать восхищения:

— Боже праведный, да такого тут, в пустыне, сроду не было!

То же самое пришло в голову и генералу Крювелю, получившему в подарок на свое пятидесятилетие торты под пальмами Умм-

эр-Рзема. Он приехал из штаба армии, чтобы выпить с офицерами Африканского корпуса, поскольку с начала марта являлся заместителем командующего танковой армией генерала Роммеля. В этот период Африканский корпус находился под командованием генерала Вальтера Неринга.

Пекари поставили торты и бутылку трофейного французского шампанского на покрытый материей стол возле пальм и огромных кактусов.

Как буржуазны по сути своей солдаты. Бойцы из Гейлигенштадта и Вупперталя, парни из Зондерсгаузена и Дортмунда, как и многие другие, вне сомнения, предпочитали печь торты, а не убивать людей. Они бы лучше выпили кофе с солдатами из Уэльса и Лондона, Манчестера и Эдинбурга, а не стреляли в них.

Для генерала Крювеля этот праздник станет последним на несколько лет. Немцы наслаждались заслуженным покоем после того, как в конце января с величайшими усилиями отбросили британцев к Газале и отвоевали у них большую часть Киренаики. Войска с обеих сторон были измотаны. Они дрались до изнеможения. Теперь, пока шли приготовления к новому этапу грандиозной игры за Египет, Суэц, Африку и Ближний Восток, наступила пауза.

Как говорили в армии, войска освежались. Рядовые и унтер-офицеры возвращались из госпиталей и из отпусков. 15-й мотоциклетный батальон, например, вновь стал настоящей, полностью укомплектованной боевой частью, включавшей в себя четыре роты. 15 марта он построился в каре для парада. 4 апреля было праздничным днем в Африке. Праздновали они его в 21-й танковой дивизии, поскольку мотопехота влилась в дивизию как 3-й батальон 104-го полка 21-й танковой дивизии генерала фон Бисмарка. Вместе с полевыми кухнями, интендантскими запасами, включавшими в себя две единицы крупного рогатого скота, пять бочонков красного вина и один «Фольксваген» с грузом «Лёвенбрау Экспорт»¹, этот батальон закаленных в битвах ветеранов вошел в состав дивизии. 104-й полк после кровавых боев на перевале Хальфайа был теперь полностью переформирован. Оставшиеся от старого гордого полка из Пфальца солдаты составляли 2-й батальон, тогда как 1-м батальоном стал бывший 8-й пулеметный батальон.

Сто пятнадцатый находился в том же положении, что и 104-й, и аналогично 200-й и 155-й полки 90-й легкой дивизии. Артиллерию и зенитные части Люфтваффе, саперные и оазисные роты после

¹ Сорт пива. — *Прим. пер.*

кровавопролитных зимних боев и январского наступления пришлось полностью переформировывать, не говоря уже об истребленных 5-м и 8-м танковых полках.

С новыми солдатами и оружием в Африке появились последние достижения цивилизации — штабная боевая группа Роммеля получила передвижной полевой клозет. Других таких на Североафриканском фронте не было; клозет с вырезом в форме сердечка на двери служил неизменным источником зависти всех частей, которым приходилось пользоваться традиционными отхожими местами.

Британцы тоже вооружались перед новой битвой. Немецкая разведка доносила о гигантских земляных работах в районе Газалы. Британские снабженческие грузы прибывали из Египта по прибрежным дорогам в Тобрук. Немцы засекали странные полевые укрепления, которые свидетельствовали, вероятно, о новых тактических замыслах Окинлека и Ритчи.

Роммель, который провел в пустыне целый год и на протяжении всего этого времени не имел устной беседы с Германским верховным командованием, в феврале 1942 г. отбыл на совещание в ставку фюрера. Он объявил о своем визите в феврале, а в ответ получил довольно любопытную телеграмму: «Роммель может сообщить, настолько ли стабилизировалась обстановка, что можно пойти на риск его временного отсутствия на ТВД». Роммель коротко ответил, что только по причине стабилизации обстановки он и предполагает вылететь в Европу. Но Германскому верховному командованию и этого показалось мало. Оно послало вторую телеграмму: «Пожалуйста, направляйтесь в Рим. Там вы получите дальнейшие инструкции относительно вашего полета в Восточную Пруссию». Вот такого обращения, по мнению тех, кто сидел за покрытым зеленым сукном столом в Растенбурге, заслуживал человек, который вопреки всем ожиданиям и условиям восстановил положение в Северной Африке. Нет, этот горячий швабский удалец, выигрывавший сражения тогда, когда Главное командование уже смирилось с поражением, не пользовался популярностью.

15 февраля 1942 г. в 04.00 Роммель и Вестфаль вылетели из Мисураты в Триполитании в Рим.

Им впервые приходилось лететь на He-111 тип 6. Пилот Роммеля, обер-лейтенант Герман Гизен, и сегодня хорошо помнит тот день. Гитлер отдал приказ, чтобы командующие армиями летали только на самолетах с самое меньшее тремя двигателями; но трехмоторный Ju-52 был слишком медленным для Африки. Впол-

не подошли бы «Кондор»¹ или Ju-90 — четырехмоторные машины. Однако разведка противника, вероятно, уже выяснила, что немцы используют такие самолеты для специальных заданий. Поэтому Роммель испросил разрешения задействовать менее приметный He-111, располагавший обычным вооружением. В нем поставили три удобных сиденья, стол с картой и буфет. Об этом путешествии мне рассказал генерал Вестфаль.

Муссолини встретил их в Палаццо Венеция, как обычно, тепло и приветливо. Однако вопросы военного характера не обсуждались. Дуче давно уже не вмешивался в ведение военных действий, хотя номинально и оставался Верховным главнокомандующим в Средиземноморье.

16 февраля Роммель полетел в Винер-Нойштадт повидаться с семьей. На следующий день его самолет приземлился на поле под Растенбургом поблизости от ставки Гитлера «Волчье логово». Оба, и Роммель и его начштаба, ожидали, что фюрер проявит особый интерес к делам в Северной Африке, но они очень и очень ошибались. Гитлера занимала кампания в России и поражение под Москвой. Он почти безразлично выслушал длинный доклад Роммеля о зимнем наступлении британцев, о немецкой контратаке в январе и об оперативной обстановке в Африке.

Когда Роммель в конце концов спросил:

— Мой фюрер, каковы планы Главного командования в отношении будущего войны в Северной Африке и на Средиземном море на тысяча девятьсот сорок второй год? — Гитлер не дал ответа. Он отверг предложение Роммеля о взятии Мальты и ограничился следующим высказыванием:

— Если мы решим развернуть наступление в Средиземноморском регионе, мы пойдем на любые затраты, чтобы вести его на должном уровне.

Больше ничего добиться от него было нельзя. Позиция военного руководства не прояснилась и после продолжительного общения Вестфалья с Йодлем вечером 17-го и утром 18 февраля. Германское верховное командование не могло думать ни о чем, кроме Восточного фронта, оно считало Африку второстепенным ТВД и не понимало значения борьбы с Британией в Северной Африке. Они просто не допускали мысли о том, что Великобританию можно победить в Египте — в самой уязвимой точке империи. В Африке Черчилль ставил все на одну-единственную карту. Он считал, что там находится

¹ Имеется в виду Fw-200 «Кондор». — *Прим. пер.*

главный фронт его страны, но Гитлер и Германское верховное командование не могли или не хотели осознать данного факта.

Роммель и начштаба уезжали из Восточной Пруссии в подавленном настроении.

То, что Гитлер на том совещании всецело находился под впечатлением событий зимней кампании в России, вследствие чего не испытывал склонности беспокоиться о делах в Африке, доказывает тот факт, что двенадцатью днями ранее, а именно 5 февраля, в беседе с генералом Нерингом он проявлял больше интереса к африканским проблемам. Гитлер принял Неринга на его пути в Африку с Восточного фронта; фюрер имел с ним пятидесятиминутный разговор в присутствии Йодля и генерала Бюле. Гитлер настаивал на том, что в Африке необходимо продвинуться как можно дальше и припереть там к стенке британские войска. Было бы хорошо овладеть Тобруком. Он носился с мыслью установить минные заграждения через Средиземное море в самой западной точке с целью защиты артерий снабжения немецких войск. ВМФ возражал против подобного плана, полагая его сопряженным со многими трудностями. Гитлер, высоко превознося достижения танковой армии, произнес:

— Скажите генерал-полковнику Роммелю, что я преисполнен восхищением им.

Четырнадцатью днями спустя Роммель никакого восхищения не заметил.

На обратном пути в Африку Роммель еще раз встречался и беседовал с дуче, стараясь заручиться у него поддержкой своих планов. Он выражал мысли более чем ясно: первое — захват Мальты, дабы устранить постоянную угрозу африканским линиям коммуникаций, и второе — новое наступление для овладения Тобруком.

Поскольку приготовления для захвата Мальты займут значительное время, Роммель предлагал поменять задачи местами. Но Муссолини вел себя уклончиво, и только в конце апреля Роммелю удалось склонить ставку фюрера и Верховное командование в пользу своих замыслов. Главный его аргумент — британцы вот-вот начнут летнее наступление, и необходимо опередить Окинлека. Роммель лихорадочно трудился над осуществлением планов своего наступления. «Снабжение, — требовал он, — не хватает снабжения!» В начале апреля обстановка выглядела малообнадёживающе. Мальта, словно гигантский паук, пожирала корабли, солдат и оружие. В марте только 18 000 из затребованных 60 000 тонн грузов достигли африканских берегов.

Но затем 2-й воздушный флот Кессельринга принялся бомбить остров Креста св. Георга, чтобы подготовить почву для высадки воздушно-десантных частей, если возможно, до начала наступления Роммеля. С этой целью в Италию была передислоцирована 2-я парашютная дивизия. Скоро, однако, стало очевидным, что итальянцы будут готовы к вторжению на Мальту не раньше чем в конце июня. Поэтому Роммель поменял расписание: он развернет наступление с целью захвата Тобрука, а затем последует вторжение войск стран «оси» на Мальту.

Изменение программы принесло решительный успех, но никто тогда не знал, что он приведет к трагедии.

Пикировщики «Штука» из воздушного флота Кессельринга перепачивали остров бомбами, угрожали порт, превращали его строения и укрепления в пыль до тех пор, пока суда адмирала Каннингхэма не бежали из-под этого града бомб. Самолеты Королевских Воздушных Сил не могли подниматься в воздух. Снабженческие конвои беспрепятственно приходили к Роммелю. Почти ни одного корабля стран «оси» не было потоплено в период с апреля по середину мая 1942 г. Если и требовались вообще какие-то доказательства необходимости выведения Мальты из игры, то они были получены. Но, как показало время, и Гитлер, и Муссолини остались слепы к этим очевидным фактам. Британцы же понимали, что в долгосрочной перспективе Мальте не выстоять. Они знали, что без Мальты им не удержать Египет. Но в Растенбурге этого не видели — или не желали видеть.

Летчики «Штук» и бомбардировщиков из состава 2-го воздушного флота в Сицилии ничего не знали, конечно, об ошибках Германского генштаба. Они бомбили Мальту. Они делали возможным наступление Роммеля. За два месяца Люфтваффе достигло полного господства в воздушном пространстве над Средиземным морем. Эти дни закончились, когда из тринадцати Ju-52, поднявшихся с Крита, восемь или даже девять пали жертвами истребителей с Мальты. Итальянские конвои прибывали в Бенгази. Тяжелые танки, 88-мм орудия и снаряды выгружались в порту Триполи. Снабжение!

Пришло лето, и пустыня дышала жаром. До поздней ночи камни и песок оставались горячими — такими же, как эрзац-кофе в солдатских котелках. Столбик термометра показывал 40, 50 и 58 °С. В уставах говорилось, что в таких условиях белый человек не может работать, не говоря уже о том, чтобы воевать. Сидеть в такую жару в танке? Невозможно! Ничего невозможного.

Британцы, немцы и итальянцы сидели в своих раскаленных танках, сотнями громыхавших по пустыне. Пехотинцы и зенитчики трудились над возведением полевых фортификаций, саперы закладывали мины в огнедышащем аду. Солдаты загорали дочерна, их тела становились худыми и мускулистыми, а кожа грубой. Мухи изводили их нещадно. Песок пробирался в носки и нижнее белье. Песчаные блохи побеждали, свирепствовала дизентерия, но все они готовились к новой битве. Десять Суэцких каналов можно было бы построить с тем количеством людей, с той энергией и самопожертвованием, которые... которые направлялись на достижение одного Суэцкого канала.

Роммель знал, что британцы готовятся к наступлению, британцы знали, что и Роммель вынашивает аналогичные замыслы. Кто победит в этой гонке за время?

— Не опередят ли нас томми? — спрашивали друг друга немецкие солдаты.

— Не побьет ли Роммель нас снова? — говорили томми. Они говорили «Роммель», потому что он персонифицировал смелые уловки, стремительные атаки, дикие гонки по пустыне. Легендарно-неуязвимый, храбрый и необычайно талантливый немецкий генерал скверно действовал на моральный дух британских войск. «Роммель идет», — звучало точно дьявольское заклятие. Британское главнокомандование осознавало воздействие подобных психологических факторов. Поэтому генерал Окинлек издал весьма любопытный приказ:

Всем высшим офицерам и начальникам департаментов
Главного командования и командирам войск
на Ближнем Востоке.

Существует вполне реальная опасность превращения нашего друга Роммеля в некоего «черта» для наших солдат по той причине, что они о нем очень много говорят. Однако сколь бы энергичным и способным он ни был, он все же не сверхчеловек. Даже если бы он и являлся таковым, крайне нежелательно, чтобы наши солдаты приписывали ему сверхъестественные возможности. Я прошу вас употребить все усилия на разрушение иллюзии того, что Роммель нечто большее, чем обычный немецкий генерал. Первым делом мы должны перестать говорить «Роммель», когда имеем в виду противника в Ливии. Мы должны говорить «немцы», «войска стран «оси» или «противник», но никогда — в данном конкретном контексте —

«Роммель». Я должен просить вас проследить за выполнением этого приказа и за тем, чтобы наши младшие командиры были проинструктированы, что данный вопрос имеет большое значение с точки зрения психологического воздействия.

Подпись: К. Окинлек.
Главнокомандующий войсками
на Ближнем Востоке.

P.S. Я не завидую Роммелю.

Постскрипту «Я не завидую Роммелю» выражает личное отношение, что часто встречается в приказах, которые отдавали британские командиры. Подобная практика была бы немыслима в немецкой армии.

Зенитки спасают Африканский корпус

Первоначально Окинлек намеревался дать старт своему наступлению в середине мая, но стали поступать сведения о мощных подкреплениях в танках у Роммеля, и британский командующий считал, что не обладает еще решающим превосходством. На этом основании Военный кабинет в Лондоне отложил наступление на середину июня. Решение имело фатальные последствия.

Со своей стороны, Роммель переход в атаку перенес с апреля на 26 мая. Вновь он начал с хитрости, продиктованной особенностями британских оборонительных позиций. Фронт под Газалой, на котором окопались томми, являл собой чудо технической изобретательности. Он тянулся от побережья до Бир-Хакейма в глубине пустыни и имел почти семьдесят километров в длину — прекрасная оборонительная система, состоявшая из изолированных, окруженных минными полями укрепленных пунктов около трех километров в диаметре, называемых «боксами». Устраивались боксы по следующему принципу: первым шло заграждение из колючей проволоки, затем на большую глубину минное поле с пунктами прослушивания, пулеметными гнездами и коридорами, простреливаемыми артиллерией. Численность гарнизона обычно равнялась бригаде, которая располагала всем необходимым для длительной обороны. В тылу за боксами дислоцировались оперативные резервы, бронетехника и моторизованные части.

Задача гарнизона — следить за минным полем, чтобы противник — как уже случалось в прошлом — не смог проделать в нем проходы. Более того, такие боксы являлись «ежами» — очагами круговой обороны, которые противнику, в случае прорыва им фронта, пришлось бы непременно подавить, чтобы избежать опасности ударов в тыл, с флангов или по линиям коммуникаций. Если атакующие сконцентрируют свои усилия на боксах, против них можно будет бросить бронетехнику, развернутую в отдалении от таких гнезд.

У Роммеля оставалось только две возможности наступать на Тобрук: или фронтальной атакой на опорные пункты с прорывом и уничтожением вражеской бронетехники, или за счет обхода рубежа Газалы с фланга, южнее ворваться через черный ход в открытой пустыне в сердце обороны, отрезать британские войска в их боксах от бронетехники в тылу и уничтожить все неприятельские войска по частям.

Роммель не был бы Роммелем, если бы не выбрал второе. И естественно, с целью сбить врага с толку он начал ложную фронтальную атаку.

Он располагал двумя немецкими и одной итальянской танковыми дивизиями, к каждой из которых он придал немецкую и итальянскую моторизованные дивизии и четыре итальянские пехотные дивизии. 8-я армия генерала Ритчи состояла из двух моторизованных и одной пехотной дивизий, дислоцированных на позициях Газалы. Еще две усиленные дивизии находились в резерве в состоянии готовности нанести удар, точно молотом. Гвардейская бригада, бригада войск Свободной Франции и индийские бригады держали оборону в боксах. В общем и целом обе армии насчитывали в своем составе по десять дивизий общей численностью 100 000 человек. У Роммеля имелось 320 немецких и 240 легких итальянских танков и 90 самоходных орудий. Ритчи располагал 631 танком, к которым позднее добавилось еще 250.

Такой мощной танковой армады не видело еще ни одно поле битвы в Африке.

— Атаковать в четырнадцать ноль-ноль, среди бела дня? Мне это не нравится. Дерьмо все это, ребята, — проворчал обер-ефрейтор Бруно Пройсс из 2-й роты 361-го. Бруно, хорошо известный в 361-м полку 90-й легкой дивизии, всегда называл своих солдат ребятами. Они были в прошлом солдатами французского Иностранного легиона — становой хребет пехоты в Африке, сорвиголовы и отличные бойцы. Когда Роммель приближался к позициям их полка, он всег-

да, бывало, говорил водителю Губеру: «Запри-ка запасные колеса. Мы подъезжаем к Триста шестьдесят первому».

26 мая в нетипичный час «Ч» — 14.00 — 361-му полку предстояло стать кулаком фронтальной атаки генерала Крювеля на позиции Газалы. На левом и правом флангах размещалась итальянская пехота двух корпусов. В тылу у них следовали моторизованные части Африканского корпуса с передвижными танковыми мастерскими и «пылевики» — авиационные двигатели на грузовиках, от которых поднимались такие тучи пыли, что вражеская разведка думала, что перед нею целая танковая армия.

В этом и заключалась хитрость. Британцы должны были поверить в то, что Роммель атакует их в лоб, бросив все свои силы против северного и центрального участков позиций Газалы.

Все шоу представляло собой шедевр режиссерского мастерства. В минуту на широком фронте загрохотала артиллерия. Застрочили пулеметы, пустыня заходила ходуном, точно началось землетрясение. Над боксами завывли сирены «Штук». Лейтенант Пфирманн, девятнадцатилетний командир 2-й роты из 361-го, поднял руку. Короткими перебежками ветераны Иностранного легиона побежали к минному полю. Бруно Пройсс и его друг Эрих первыми вышли к британским передовым пунктам, боксам 50-й дивизии:

— Руки вверх!

В ответ с хорошо замаскированной южноафриканской пулеметной точки по ним ударили очередь, взметнувшей песок у их ног. Бросаясь на землю, Пройсс разрядил магазин своего пистолета-пулемета. Тут продвижение остановилось. Между боксами по всему фронту шли небольшие заграждения из колючей проволоки. Проволока и миллион мин протянулись перед атакующими от берега к Бир-Хакейму на дистанции шестидесяти пяти километров.

В британских штабах царил смятение, как обычно случалось в те времена в ходе крупномасштабных атак. Каковы намерения противника? Где будет нанесен главный удар? Разведывательные самолеты Королевских Воздушных Сил не могли предложить особой информации, но подтверждали передвижение моторизованных частей, следующих за пехотой во фронтальной атаке. Так что, Роммель собирается прорваться? Но генерал Ритчи давал осторожные прогнозы. Он знал старую лису Роммеля.

Ракеты взлетали над полем боя. Среди кустов и заграждений из колючей проволоки бегали санитары-носильщики. Артиллерия все еще надрывалась, пулеметы трещали, и в тылу у немцев происходило какое-то движение. Но это не являлось подготовкой нового

натиска. Все, что британская разведка вечером называла моторизованными частями и бронетехникой, внезапно исчезло. В действительности они осуществляли широкий бросок в южном направлении — туда, где концентрировались танки и бронемашин, которым предстояло нанести настоящий удар через пустыню, обходя Бир-Хакейм, в тыл обороны противника. Ровно в 20.30 Роммель произнес кодовое слово «Венеция».

В лунном свете гигантские колонны из десяти тысяч единиц техники устремились вперед. Пять дивизий продвигались сквозь пустыню, ориентируясь по компасам и спидометрам.

За баранками трофейных легких и тяжелых грузовиков сидели ветераны моторизованных дивизий Роммеля. «Короли дорог», водители транспорта снабжения, вели свои трехтонки. Об этих людях никогда не упоминалось в коммюнике Вермахта или в рассказах о войне. Они ехали по раскаленным тропам через холодные ночи и песчаные бури по 200, 300, иногда 700 километров. Они ремонтировали свои грузовики и клеили пробитые камеры на испепеляющей жаре. Восемь или десять пробитых колес в день — нормальное явление. Шины взрывались, точно воздушные шары, и оси тонули в песке. Не было никого, кто мог бы помочь, не было никого, кто отдавал бы приказы. Они устраняли поломки, заливаясь потом, возвращались за баранки и ехали дальше. До крайности измотанные, они подвергались постоянным атакам истребителей-бомбардировщиков и вражеских машин разведки. Солдаты восхищались этими прекрасными водителями и штурманами.

Ведущему приходилось находиться в голове, там, где пыли было больше всего.

— Жми, жми, не отставай, не теряй контакт! — Такой «лоцман» сидел на переднем крыле, вцепившись в радиатор. Видимость составляла не больше метра. — Подбавь газу! Подбавь! — кричал он своему водителю или вдруг неожиданно приказывал остановиться, чтобы избежать столкновения.

Но больше всех страдали мотоциклисты. Грязь летела им прямо в лицо, их машины застревали, приходилось выскакивать и толкать их.

— Связные — вперед! — Им приходилось быть мастерами на все руки: доставлять боеприпасы, выводить на позиции противотанковые орудия и отвозить на перевязочные пункты раненых. В 9-й роте 104-го мотопехотного полка служил некий обер-ефрейтор Борстель из Штендаля, по профессии подмастерье художника. Ему уже довелось поучаствовать в боях во время Польской кампании. Когда его

рота потеряла пятьдесят два человека в сражении в лесу под Одживолом, он, не боясь польских снайперов, гонял на мотоцикле с коляской между соснами, доставляя боеприпасы и эвакуируя раненых. Воевал он и во Франции, водил отделение разведки на Рону и в Савойские Альпы.

С начала апреля 1941 г. он находился в Африке и принимал участие в боевых действиях. Он долго валялся с дизентерией, но теперь — тощий, как грабли, — вновь сидел на своей машине. Один из сотен тысяч, которым приходилось влачить на своих плечах бремя войны. Почему они не сбросили его? Почему продолжали ездить, исходя потом, сражаться и умирать? Если бы такой вопрос задали этому обер-ефрейтору, он не сумел бы найти ответа. Возможно, он пожал бы плечами и сказал: «Любой, кто испугался, — конченный человек».

Они становились черными как негры, но продолжали продвигаться к цели — прибрежной дороге к западу от Тобрука. Для пехоты это означало грязь и жару где-то в пустыне. Для Роммеля же, однако, образовывалась возможность разрезать 8-ю армию за позициями Газалы надвое и бить врага по частям. Это была древняя тактика, которой пользовались Наполеон, Фридрих Великий, а задолго до них еще римляне и греки. Дойдет ли удар до цели? Перспективы выглядели обнадеживающе.

Начиналось утро 27 мая. Широкий бросок на обход южного фланга британцев в Бир-Хакейме удался. Продолжалось продвижение на север. Итальянская 132-я танковая дивизия на левом крыле; 90-я легкая дивизия и сводные разведывательные части — на правом; в центре — две танковые дивизии Африканского корпуса: 15-я справа, 22-я слева. Задача: выйти на прибрежную дорогу между Тобруком и линией фронта.

Острием наступления 15-й танковой дивизии служил 8-й танковый полк подполковника Теере. Впереди шли легкие роты, позади — роты средних танков. Полк насчитывал в своем составе сто семьдесят танков. Первый батальон осуществлял натиск на фронте шириной два с половиной и глубиной полтора километра, сразу за ним продвигался второй батальон. Ранние утренние донесения пилотов Люфтваффе не поступили. Вести разведку на суше было некому, поскольку 33-й разведывательный батальон вывели из состава дивизии и отрядили со спецзаданием к Тобруку. Может быть, где-то притаилась вражеская бронетехника?

Что-то шелкнуло в наушника капитана Кюммеля, которого все знали как «Льва Капуццо».

— Вражеские танки, двенадцать часов!

Томми засекли приближавшиеся танковые формирования.

— Похоже, джерри. Целая танковая бригада, — сообщил лейтенант 8-го гусарского из танка разведки в полковой штаб. Через мгновение он внес коррективы: — Тут их больше чем бригада, тут весь их чертов Африканский корпус. Тревога! Тревога!

Битва началась.

Для 8-го танкового полка события развивались следующим образом.

— Вражеская бронетехника, двенадцать часов! Атака! Атака! — жужжало в наушниках. Поначалу все, что они видели, — несколько черных точек на горизонте. Основное ядро неприятельской бронетехники умело использовало для маскировки небольшой пригорок. Капитан Кюммель помчался на противника на полной скорости. С обеих сторон раздались первые выстрелы. Вперед! Стоп! Огонь! И снова — вперед! Стоп! Огонь! Один из танков подбили, потом другой. В чем же дело? Как могло случиться так, что томми били с большей дистанции, чем немцы? Взрыв! Еще одно прямое попадание в немецкий PzKpfw III. Какая-то дьявольщина. Командиры танков вглядывались в окуляры полевых биноклей. Силуэты впереди не были им знакомы. Один из них сбросил маскировку, и стало видно, что это танк совершенно нового образца.

Прибытие американских «Грантов» стало скверным сюрпризом для немцев. Со своей 77-мм пушкой танк превосходил немецкие PzKpfw III с их 50-мм орудиями¹. Только PzKpfw IV был приблизительно равен «Гранту», но они поступали с короткоствольными пушками и потому имели меньшую действительную дальность огня, чем «Гранты». Немцы располагали всего несколькими PzKpfw IV с длинноствольными пушками, но, к сожалению, в боекомплекты этих машин не входили бронебойные снаряды.

То выдалась нелегкая битва. Когда солдаты 8-го танкового полка подбирали первых раненых, они узнали, что их противником стала 4-я британская танковая бригада. Так вот, значит, как, парни из 4-й вернулись, чтобы взять реванш за 23 ноября, когда майор Фенски захватил со своим 1-м батальоном 8-го танкового полка всю бригаду целиком.

¹ Разумеется, на среднем танке М3 «Ли» (у британцев «Грант») не было и не могло быть 77-мм пушки; он вооружался 75-мм пушкой, устанавливавшейся в спонсоне корпуса, в башне же у него имелась другая пушка — 37-мм; броневая защита достигала минимума 12 мм, максимума 50 мм; скорость по шоссе 42 км/ч; боевая масса — 27,5 т; экипаж 6 человек. — *Прим. пер.*

Их реванш во всех смыслах венчала удача. Сыграло свою роль не только новое вооружение, но и то, что немецкая артиллерия долго не могла оказать поддержки 8-му полку. Батареи 33-го полка механизированной артиллерии были рассеяны из-за большой огневой мощи вражеских танков. Кроме того, батареи не могли угнаться за быстро продвигавшимися танками и значительно отстали. Вдобавок командиры батарей из 1-го дивизиона находились в PzKpfw II¹, приданных в распоряжение танкового полка. Это оказалось ошибкой. В этих танках командиры не обладали должной мобильностью и скоро так или иначе оказались выведенными из строя. 8-й танковый полк сражался фактически без поддержки артиллерии и понес тяжелые потери. Действовавший слева 5-й танковый полк (21-й дивизии) полковника Герхарда Мюллера вел бой в аналогичных условиях. Находившийся в авангарде батальонный командир Мартин погиб в результате прямого попадания снаряда.

Танкисты «Тееге» отчаянно пытались сблизиться с «Грантами», обладавшими большей дальностью огня. Грамотно спланированная атака 2-го батальона во фланг британцам в конечном итоге принесла решительный успех. Тактика немецких командиров восторжествовала. Солдатам из Пфальца удалось разгромить британцев. 8-й гусарский был практически стерт с лица земли. 3-й Королевский танковый потерял шестнадцать «Грантов».

Генерал фон Вёрст, командир 15-й танковой дивизии, в состав которой входил 8-й танковый полк, мчался вперед на своей бронемашине. Когда он проезжал мимо головной танковой роты, ее командир прокричал:

— Куда нам наступать?

Прежде чем Вёрст успел ответить, адъютант крикнул ротному:

— Вон туда! Там сейчас Роммель.

Звучало это как сказка, но было истинной правдой. Командующий вел их, как делал очень часто.

Четвертая танковая бригада должна была послужить бастионом, вставшим на страже подходов к 8-й армии Окинлека. Бронетехника Роммеля пробила стену и открыла себе дверь черного хода. 90-я легкая под командованием генерал-майора Ульриха Клеемана, три разведывательных батальона и 20-й итальянский моторизованный корпус сумели прорваться к Эль-Адему, сковать боем гарнизон Тобрука и вклиниться между британцами и их восточным складом снабжения. Эта часть плана увенчалась успехом.

¹ Легкие танки с 20-мм пушками. — *Прим. пер.*

21-я и 15-я танковые дивизии под началом Неринга продолжали продвигаться на север параллельно позиции Газалы. Немцам предстояло вступить в боевое соприкосновение с отрезанной от баз снабжения британской бронетехникой и уничтожить ее по частям. Здесь план не сработал. 27 мая бойцы в танках, грузовиках и бронемашинах не знали этого. 21-я прокладывала себе путь к Акроме. Пехота и танкисты видели впереди Виа-Бальбиа. За ней находилась их цель — море.

Может быть, противник уже разгромлен? Никто не верил в подобное, но они продолжали наступать, а потому настроение у них находилось на подъеме. Но двигаться вперед не всегда означает побеждать.

Лейтенант Паулевиц, командир роты из 2-го батальона 104-го моторизованного гренадерского полка, приберегал свои специфические шуточки на черный день. Теперь в них не было нужды. Был день его рождения. За два часа до темноты он заметил британский легкий грузовик и захватил его. Машина везла груз пива в банках и виски — естественно, в бутылках. Всего этого хватало для целой роты. Горлышки бутылок отбивались о борт машины — в Африке алкоголь служил эффективным стимулятором. Однако полковые командиры не видели причин для радости. Они сознавали, что задачу дня Африканский корпус не выполнил. Разгромить вражеские войска между позициями Газалы и Тобруком не удавалось. Генерал Ритчи не оправдал надежд Роммеля. Он не вступил в бой. Он отошел со своей бронетехникой в восточном направлении и ударил по длинному флангу наступавшей армии, образованному более чем десятью тысячами единиц техники. Девять его танков «Грант» посеяли хаос в рядах немецкой бронетехники. Королевские Воздушные Силы методично утюжили колонны снабжения. Атаки из боксов, окружавших позиции Газалы — особенно из Бир-Хакейма, — привели к тяжелым потерям у немцев.

На сей раз, похоже, удача не собиралась поворачиваться лицом к Роммелю. Мало того что прохлопанные немецкой разведкой «Гранты» являли собой неприятный сюрприз, так у томми появились еще и новые противотанковые орудия. Их шестифунтовки, почти равные 75-мм пушкам, пробивали дырки в броне немецких танков¹. Британцы учились на своем собственном опыте, кроме того, все сильнее ошущалась американская помощь.

¹ 57-мм пушки, стрелявшие снарядами весом 2,8 кг = около 6 фунт., способные пробить броневую лист толщиной 70 мм с расстояния 900 м; почти равные — явное преувеличение, так как бронебойный снаряд немецкой 75-мм «Рак 40» весил в полтора раза больше и пробивал (при наличии, правда, вольфрамового сердечника) почти 100-мм броню с дистанции 2 км. — *Прим. пер.*

Продвижение остановилось. План Роммеля прорваться с юга к побережью через тылы Ритчи и расколоть британские войска не сработал. Тем не менее бронемашин разведки 90-й легкой наступали на Эль-Адем, а основное ядро Африканского корпуса прокладывало себе путь дальше на север, острия его наступления фактически выходили к прибрежной дороге. Но тут случилось другое несчастье. Весь транспорт Африканского корпуса оказался отрезанным.

Получалось, что в западне очутился Роммель, а не Ритчи. Линии коммуникаций 90-й легкой, которая продвигалась на северо-восток на соединение с Африканским корпусом, были перерезаны. В то же самое время бронетехника Ритчи отделила сражавшиеся на севере танковые дивизии от их транспорта и снабжения. Немецкая разведка крупно просчиталась. Роммеля не поставили в известность о наличии сильных британских танковых формирований. Он не только ничего не знал о «Грантах» и новых шестифунтовках, но не был должным образом проинформирован о состоянии обороны укрепленного пункта Газала и мощи бокса Найтсбридж. Поздно вечером 27 мая ситуация начала становиться критической. На севере бронетехника встала; на востоке 90-я легкая попала в окружение. Измотанные солдаты страдали от недостатка всего необходимого, и прежде всего воды, не было возможности оказать помощь раненым или эвакуировать их в тыл, и они лежали прямо в пустыне. Что можно было предпринять? Поскольку Вестфаль, начальник оперативного отдела, не мог связаться с Роммелем, находившимся далеко впереди с боевыми частями, Вестфаль со своей радиочастью поехал к Нерингу. Вдвоем они попытались выправить положение.

Генерал Неринг так обрисовал мне обстановку, сложившуюся во второй половине дня 27 мая: «В 16.00 началась атака силами около шестидесяти пяти танков на фланге продвигавшейся на север 15-й танковой дивизии. Батальон, отправленный на прикрытие нашего левого фланга, был стерт с лица земли. Транспорт и грузовики снабжения бежали на юг и на запад. Положение дивизии, танки которой находились далеко впереди, равно как и всего Африканского корпуса, в короткое время сделалось критическим».

Это была одна из тех катастроф, которая способна погубить целую армию. Но вместе с тем в таких ситуациях случается, что одно смелое решение может обратить поражение в победу. И человек, который сумел найти выход, обогатив военную стратегию новой

тактической мыслью, — генерал Вальтер К. Неринг, чей замысел привел в исполнение полковник Альвин Вольц.

Генерал Неринг и командир 135-го зенитного полка во время рекогносцировки внезапно оказались окруженными транспортниками, колоннами снабжения и штабов, бежавших от британской бронетехники. Историю поведал мне полковник Вольц: «Мы ехали долго и в итоге наткнулись на спасавшуюся от противника колонну грузовиков штаба корпуса, которых самих смял транспорт бегущего дивизионного штаба. Мы потеряли целиком персонал нашего полкового штаба. В какой-то момент численность нашей группы сократилась до четырех человек. В этом хаосе я заметил несколько 88-мм пушек. Мы помчались через толпы солдат и вдруг столкнулись нос к носу с Роммелем, совершенно окруженным беглецами. Он вставил мне «свечу» и сказал, что зенитчики целиком и полностью ответственны за всю катавасию, потому что не стреляли. Я заставил себя собраться и побежал к орудиям, остановил их и отобрал три 88-миллиметровки... В два счета я остановил еще половину тяжелой зенитной батареи оперативного штаба корпуса. Внезапно на расстоянии пятнадцати сотен метров появилась вражеская бронетехника — от двадцати до сорока танков. Они преследовали обращенный в бегство транспорт Африканского корпуса, не располагавшего артиллерийским прикрытием и оказавшегося беззащитным перед лицом атаки танков противника. В центре хаоса находился Роммель, штаб Африканского корпуса, полковые штабы, грузовики разведки — словом, нервный центр передовых боевых частей.

Казалось, сейчас все решится — катастрофа неизбежна. В рекордное время мы вывели на позиции наши орудия. Как только я увидел, что можно стрелять, я приказал открывать огонь. В бинокль я видел, что вражеские танки сейчас ударят по пехотному батальону на правом фланге. Если бы они успели исполнить свое намерение, я бы не смог стрелять без риска подвергнуть опасности жизни наших же солдат. Мы должны были стрелять как можно быстрее и точнее. Огонь! Снаряды помчалась к цели. Первое прямое попадание. Британец встал. Танки, которые двигались на нас, удивленные неожиданным противодействием, повернули назад. Но вот они изготовились для новой атаки. «Зенитки — фронтом! — закричал генерал Неринг. — Вольц, вы должны построить зенитки фронтом, задействовать все имеющиеся в распоряжении пушки для обеспечения фланговой обороны». Мы почувствовали воодушевление». К сча-

стью, появился майор Гюрке со второй тяжелой батареей. Через полчаса прибыл адъютант армии с тяжелыми батареями, принадлежавшими армейской оперативной части, получавшей команды лично от Роммеля. В обстановке крайней спешки против британской бронетехники был образован фронт зениток протяженностью около трех километров.

Не успел Вольц создать мощный вал орудий, как атака возобновилась. Светло-желтые башни... На антеннах командиры танков повесили флаги.

— Тысяча двести метров, огонь!

Шестнадцать 88-мм зенитных орудий осыпали снарядами приближавшиеся британские танки. Орудие «Дора» выпустило три снаряда с тысячи шестисот метров и прямым попаданием накрыло «Грант». Новые американские танки не могли противостоять таким ударам. Немцы стреляли и стреляли. С тупой настырностью танки вновь атаковали. Британцы видели свое преимущество и хотели воспользоваться им. Однако когда пала ночная тьма, столбы дыма поднимались к небу от двадцати четырех вражеских танков, остановленных зенитками. Командир полка зенитной артиллерии удачно применил тяжелые орудия против вражеской бронетехники на ближней дистанции. Но сражение еще не завершилось. Британцы подтянули артиллерию и принялись утюжить позиции зенитчиков. Они любой ценой стремились разбить стальную стену. От этой стены зависела судьба Африканского корпуса.

Командный пункт генерала Неринга дислоцировался менее чем в километре от зенитного фронта, что подчеркивало решающую важность данного участка. Вражеская артиллерия поливала батареи дождем снарядов. Расчеты уничтожались целиком. Майор Гюрке и полковник Вольц без усталости ездили по позициям, подбадривая орудийную прислугу, потому что крушение обороны здесь означало катастрофу для всего Африканского корпуса. Точно посланный небесами, вдруг задул гibli, закрывший все мантилей из песка и пыли. Опасность временно миновала, но кризис еще не миновал. Положение немецких танкистов из-за нехватки снабженческих грузов продолжало ухудшаться.

— Что происходит с фронтальной атакой у Крювеля? — спросил Роммель своего начштаба Гаузе вечером 28 мая и, не дождавшись ответа, приказал: — Он должен пробиться через минное поле с запада и вывести из боевого соприкосновения тыл.

О поставленной задаче Крювелю сообщили по радиации.

Пусть же генерал Крювель сам своими словами расскажет о том, что случилось дальше:

«В ночь с 28 на 29 мая от генерала Роммеля поступил приказ о немедленной атаке силами моих частей и итальянского корпуса. Я отправил командующего артиллерией, полковника Краузе, в итальянский штаб. Ему надлежало обеспечить, чтобы начиная с 08.30 для обозначения итальянского фронта выставлялся часовой с ракетницей. В 08.30 я поднялся в воздух на моем «Физелер Шторхе». У моего пилота не оказалось наготове правильной карты. Командующий силами Люфтваффе в Африке генерал фон Вальдау дал ему точное направление: идти к Сигнали, а затем повернуть прямо на восток. Скоро мне стало ясно, что мы летим прямо в направлении солнца. Пилот уверил меня, что мы никак не могли не заметить ракет. Но случилось худшее — мы летели над британскими позициями. Мы шли на высоте около ста пятидесяти метров, когда угодили под пулеметный обстрел. Первая очередь прошла хвост, вторая пробила двигатель, а третья стоила жизни летчику. Он замертво откинулся на сиденье. Произошло чудо, потому что машина не упала, а стала снижаться и сама по себе совершила вынужденную посадку, сломав при этом шасси. Фюзеляж разломился, и мимо меня пролетели обломки, но, на мое счастье, кабину не заклинило. Я оказался на передовой линии бокса, где дислоцировалась 150-я бригада. Британские солдаты бросились ко мне и взяли в плен. Через год я узнал от генерала Краузе, который попал в плен в Тунисе, что офицер не дал ракету, потому что как раз в тот момент, когда я пролетал там, его позвали к телефону в блиндаж».

Такова была обстановка на 29 мая 1942 г. Естественно, фронтальная атака итальянского корпуса не могла начаться вовремя. Кессельринг, однако, поспешил закрыть брешь и принял командование войсками Крювеля на фронте Газалы. Он даже предложил действовать как заместитель Роммеля — фельдмаршал в подчинении у генерал-полковника!

Роммель собрал военный совет. Неринг, Гаузе, Вестфаль и Байерляйн дружно сошлись во мнении, что положение серьезней некуда. Они пришли к выводу, что нет иного выхода, как вырваться из клешей. Поскольку продвижение Крювеля остановилось, единственным вариантом было вклиниться на позиции Газалы в западном направлении с целью обретения контакта с базами снабжения. Роммель сначала засомневался, но в итоге согласился. Битву немцы

проиграли, но, может статься, смелое решение поможет предотвратить полное крушение.

30 мая, вскоре после полуночи, план был приведен в действие. К утру немцы с востока вышли к плотному минному полю противника на главном рубеже Газалы. Теперь весь вопрос заключался в том, удастся ли проделать проход в минном поле и создать необходимый путь для бегства к снабженческим поездам. Роммель оставлял боевые почести неприятелю. Его девизом было: никогда не вести безнадежных сражений.

Но смелый замысел его не реализовался, хотя проход через мины немцам удалось проделать быстро. Итальянская моторизованная дивизия «Триесте» сделала предварительную работу с запада, но теперь стало очевидным, сколь удачно противник расположил свои боксы. Немецкое командование не знало о существовании бокса Гот-эль-Уалеб. Там, посреди минного поля, пряталась 150-я бригада — две тысячи солдат и офицеров и восемьдесят средних танков Mk II¹. Проходы в минных полях простреливала артиллерия. Таким образом, пробиться через них днем не представлялось возможным, даже ночью дело это было опасным и рискованным. Более того, генерал Ритчи, более не уклонявшийся от крупного сражения, сгруппировал свои танки и атаковал. Гвардейцы сдерживали в Найтсбридже натиск 90-й легкой дивизии и 3-го и 33-го разведывательных батальонов, прорывавшихся с востока вместе с 580-й разведывательной частью капитана фон Гомейера. Для 21-й и 15-й танковых дивизий создавалась опасность разгрома. Спасительному прорыву на запад более всего препятствовал британский укрепленный пункт Гот-эль-Уалеб.

Генерал Ритчи расценивал стратегическое отступление Роммеля как разгром.

— Роммель бежит, — радировал он в Каир.

— Браво, Восьмая армия! Добейте их, — отвечал Окинлек. Но он торопился.

— Гот-эль-Уалеб должен пасть. Известную Сто пятидесятую пехотную бригаду надо с корнем выкорчевать оттуда, — приказал Роммель. Это был последний шанс. Если тут ничего не выйдет, тогда, по всей видимости, армии Роммеля настанет конец. Немецкий командующий сознавал это. Его командиры тоже; чувствовали это и солдаты. Таким образом, судьба кампании, как нередко случает-

¹ «Матильды». — Прим. пер.

ся в военной истории, зависела от бригады и от того, сумеют ли выполнить приказ те, кому поручили разгромить ее.

Было 1 июня 1942 г. Никто из тех, кому довелось участвовать в Африканской кампании, никогда не забудет того дня. На карту было поставлено все.

Роммель отправил на штурм Гот-эль-Уалеба 5-й танковый полк. Все напрасно! Двенадцать танков подорвались на минном поле. Атаковала боевая группа Киля, но британцы массированным пулеметным и артиллерийским огнем отразили натиск.

Итак, это оказалось невозможным! Командиры смотрели в свои дальномеры и бинокли. Где эти проклятые пулеметные гнезда? Где кончается минное поле? Неринг и Байерляйн фиксировали результаты наблюдений на картах. Затем пришло решение. Не раз доказывавшему свою надежность 3-му моторизованному батальону из 104-го предстояло таскать каштаны из огня.

Батальонный штаб помешался в воронке в песке глубиной в рост высокого человека. Перед ней стояла восьмидесятивосьмимиллиметровка.

В тот момент в небе появился строй немецких «Штук». Нервы у солдат внизу натянулись до предела, они ждали, что пикирующие бомбардировщики станут бомбить танки на передовой. Вдруг лейтенант Кордель закричал:

— Господи боже, они сбрасывают нагрузку!

Они успели зарыться в песок до того, как взорвались бомбы, накрывшие 88-мм орудие и его тягач. Раненые валялись повсюду... Тут и там горели «Фольксвагены». Британцы немедленно воспользовались ситуацией и атаковали. Отразить их натиск удалось лишь с огромным трудом. Всюду звучала непечатная брань. Когда наступила передышка, командира и адъютанта вызвали в штаб дивизии.

Генерал фон Бисмарк, командир 21-й танковой дивизии, сидел в своем автобусе и указывал на горящий танк на горизонте:

— Видите вон тот танк, Эле?

— Да, господин генерал.

— За ним британский бокс Гот-эль-Уалеб. Ваш батальон должен взять этот укрепленный пункт. Задание трудное, Эле. До сих пор ни одна атака не удалась. Разработаете свой план штурма и скажете мне, как вы собираетесь сделать это. Время поджимает, Эле. — Бисмарк добавил: — Вашу атаку поддержит дивизион артиллерии майора Байля.

По пути на совещание Эле встретил майора Байля, стоявшего вместе с генералом Нерингом и полковником Байерляйном возле

88-мм пушки. Байерляйн объяснил Корделю диспозицию по карте. Вдруг кто-то закричал:

— В укрытие, самолеты на бреющем!

Однако они уже успели открыть огонь и ранить Эле. Ему не придется брать Гот-эль-Уалеб. Капитан Райссман принял батальон и ответственность за выполнение задания. Вот что рассказал мне об этом лейтенант Вольф: «Все зависело от хорошей исходной позиции и насколько возможно максимально быстрого прорыва. С первыми лучами рассвета артиллерийский залп положил начало штурму.

Слева 9-я рота, справа 10-я, штаб батальона в центре... В таком порядке мы продвигались со скоростью 60 км/ч на протянувшиеся на два с половиной километра британские позиции. С каждой ротой шло саперное отделение для устранения преград в виде проволоки и мин. 10-й роте удалось пробиться через минное поле с первого раза, но 9-я застряла на полпути. Массированный огонь из бокса сосредотачивался на солдатах и их технике. Капитан Райссман закричал мне, своему адъютанту: «Вольф, скорее в Девятую и скажите им, пусть выбирают оттуда. Лучше атаковать, чем лежать там».

«Никаких зигзагов! Прямо на врага!» — так диктовал устав. Безусловно, правильное требование. Но не лучше ли бы им было отойти на полтора километра и попытаться счастья во второй раз? В теории, может быть, и лучше, но что бы получилось на практике? Короткими перебежками Вольф пробирался к 9-й. Устав оказался прав. Томми прочно окопались на хорошо замаскированных позициях. Им надо было только сидеть и стрелять, что они и делали. Лейтенант Вольф получил ранение. Снарядный осколок вонзился ему в плечо. Но Вольф бежал вперед. Он доковылял до 9-й, и фельдфебель Фридрих подхватил лейтенанта, не дав ему упасть. По приказу Вольфа отделение саперов вместе с добровольцами проделало небольшой проход через минное поле, и рота прошла по нему.

Теперь они вновь обрели способность продвигаться. Три перебежки, потом залечь и еще три. Проклятый пулемет томми вон там! Но вот он умолк. Заело? Быстрее... Чья возьмет? Томми все дергали за ленту.

— Руки вверх! — крикнул фельдфебель Фридрих. Расчет подчинился, и первые позиции британцев оказались в руках немцев. Затем последовала рукопашная — в дело пошли гранаты и приклады. Артиллерия Байля утюжила замаскированные позиции, пикировщики «Штука» с ревом сбрасывали свои бомбы — на сей раз по правильному адресу.

В самый разгар боя рядом с Райссманом неожиданно появился Роммель. Справа и слева пулеметчики расстреливали свои ленты.

— Противник слабеет, — произнес Роммель с резким швабским акцентом, как всегда, когда волновался. — Помашите им белым флагом, и они сдадутся.

«Помашать флагом сейчас? — подумал Райссман. — Старик точно рехнулся. Что проку в махании? Они все еще дерутся, как черти».

Когда генерал начал размахивать белым флагом, со стороны неприятеля ему ответили. Мало у кого из британцев имелись белые платки, поэтому они махали шарфами. Один снял рубашку и энергично крутил ею над головой. Затем произошло нечто невероятное. Томми вышли со своих позиций с поднятыми руками. Две тысячи человек сдались трем сотням солдат из 3-го батальона 104-го полка. 150-я бригада капитулировала¹. Шанс Окинлека добить Роммеля растворился в воздухе. Роммель надеялся, что генерал Крювель, самолет которого сбили над Гот-эль-Уалебом и который попал в плен 29 мая, все еще в боксе, но британцы вывезли его на машине разведки за несколько часов до немецкой атаки. Захваченный в плен британский повар сказал немцам, что подал Крювелю вкусный бифштекс из филейной части, но у генерала не было аппетита.

Потери, понесенные 3-м батальоном, были очень тяжелы. Среди многих солдат и офицеров, павших в бою, оказался и один старый воин, хотя по возрасту и молодой человек. Обер-ефрейтор Борстель пользовался уважением и любовью в своей части. Вновь он пошел в битву на своем мотоцикле — одном из немногих в батальоне, которые еще оставались на ходу. Он отвез в тыл первых раненых и возвращался с коляской, полной патронных коробок, через проход в минном поле, по которому била артиллерия. Четырежды он проходил по опасному пути, но в пятый раз его ранило в живот — то, чего больше всего боялись все солдаты в Африке. В коляске сидел тяжелораненый. «Я должен доставить его на эвакуопункт, — подумал Борстель, — иначе мы оба покойники». Борстель не позвал санитаря-носильщика, не слез с мотоцикла, но продолжал вести его правой рукой, левой тем временем зажимая рану. Он добрался до цели и буквально выпал из седла машины. Через несколько часов он умер.

¹ Судя по тексту Меллентина, никакого чуда тут не было: у бригады кончились боеприпасы; правда, у него данный опорный пункт называется Сиди-Муртах. — *Прим. пер.*

Тот эвакуопункт находился на Триг-Капуццо, и многие немецкие солдаты и по сей день помнят то место. Историки, которые взвешивают и оценивают победы, тоже не должны забывать таких эвакуопунктов.

Солнце безжалостно палило землю. У Триг-Капуццо стонали и кричали от боли раненные, они просили воды.

Только ночью, в темноте, первый транспорт смог отправиться в главный полевой госпиталь. Персонал Красного Креста едва держался на ногах. Молодые врачи находились в последней степени изнеможения. В 20.00 колонна, состоявшая из сотни легких грузовиков, была готова к отправлению. Санитарных машин не хватало. До главной медсанчасти в Тмини было сто километров. В одном из грузовиков лежал капитан Экерт из боевой группы Киля. Он получил ранение под Гот-эль-Уалобом. На одной стороне находился генерал-лейтенант фон Вёрст, которого ранило 27 мая, а неподалеку от него два рядовых с ранениями в область грудной клетки и солдат с сильно поврежденной ногой. Были приняты все меры, чтобы создать им максимум удобства в пути. Все без толку — водитель не мог выбрать дорогу.

Путешествие было ужасным. После первых пяти сотен метров тяжелораненные начали стонать, а потом и кричать, но машины продолжали двигаться по камням и выбоинам: нельзя было потерять дорогу или наскочить на мину. Пять танков и пять автомобилей разведки сопровождали колонну. Вперед, вперед... Снаряды британской артиллерии дождем сыпались на проходы в минном поле. Вперед, вперед...

Просто невыносимо. Стоны и крики рвали душу. Кто может выдержать такое?

Водитель остановился. Легкораненные стали помогать укладывать получше тех, кто метался в бреду, но снаряды падали вокруг грузовиков. Вперед... Колонна растянулась — то одному, то другому грузовику приходилось останавливаться.

Поездка заняла девятнадцать часов. Эти девятнадцать часов боли довели раненых до грани безумия.

В главном госпитале дела обстояли ничуть не лучше. Врачи и сестры еле двигались от усталости, но продолжали работать в пропыленных палатках в страшную жару, утопая в собственном поту... Но там был лед, и там было трофейное шампанское. Любой, кто чувствовал себя в силах пить его, получал разрешение на это. Были там и красное вино, и лимонад со льдом. Новые и но-

вые раненые продолжали поступать. Лица врачей и сестер словно окаменели.

В душном липком воздухе операционной палатки позвякивали инструменты. Никаких лишних слов.

Счастлив тот, кто, избежав смерти на главном перевязочном пункте, очутился в Дерне — там, где находился главный госпиталь на Средиземном море.

Майор Эле, раненый командир 3-го батальона 104-го мотопехотного полка, который принудил к сдаче 150-ю бригаду, добрался до Дерны. Две койки в маленькой комнате уже были заняты — генерал-майором и подполковником, о чем говорили висевшие на стульях кители. Обитатели палаты спали под противомоскитными сетками. Майор Эле тоже лег. Когда он проснулся, то через противомоскитную сетку увидел стоявшего в комнате фельдмаршала Кессельринга. Теперь он узнал, кто стал его соседями по палате: генерал-майор Гаузе, начштаба Роммеля, и подполковник Вестфаль, начальник оперативного отдела. Обоих ранило под Гот-эль-Уалебом. Гаузе взрывом снаряда бросило на танк, и генерал получил контузию. Вестфалю снарядный осколок попал в бедро.

Кессельринг находился не в лучшем настроении.

— Мой дорогой Гаузе, мне не хочется беспокоить вас, но так дальше продолжаться не может. Нельзя, чтобы Роммель разъезжал по передовой. Он больше уже не дивизионный и даже не корпусной командир. Он командующий армией и должен находиться в досягаемости. Вы должны убедить его в этом.

Кессельринг ворчал еще довольно долго.

— Господин фельдмаршал, генерал-полковника не удержать. Он просто едет вперед, а передвижная радиостанция не успевает за ним или же выходит из строя. Когда удастся добраться до другой радиостанции, уже, как правило, поздно. Но как командовать войсками тут, в Африке, находясь в тылу? Тут такая война, что все нужно решать на месте, на передовой.

— Господин фельдмаршал, невозможно заставить Роммеля сидеть на месте. Для принятия глобальных решений ему нужно видеть картину происходящего, видеть местность, — вступил в разговор Вестфаль.

Но Кессельринга было непросто переубедить.

— Однажды, господа, все может кончиться очень и очень плохо, — сказал он.

Ад Бир-Хакейма

— Садитесь в машину, Байерляйн. Я направляюсь к Бир-Хакейму. — Такими словами Роммель приветствовал своего нового начальника штаба полковника Фрица Байерляйна, который 1 июня 1942 г. заменил раненого генерал-майора Гаузе по переводу из Африканского корпуса в танковую армию. Все было вполне в духе Роммеля. Он едва вырвался из клещей численно превосходящего неприятеля, оставив победу на поле боя Ритчи, как уже разворачивал атаку на ключевой пункт вражеского фронта.

Роммель сформировал боевую группу из частей 90-й легкой дивизии, небольшого количества танков Африканского корпуса, 33-го разведывательного батальона и итальянской моторизованной дивизии «Триесте». С 26 мая итальянцы стояли перед Бир-Хакеймом. Предполагалось, что они овладеют укрепленным пунктом в начале наступления, но они не продвинулись ни на шаг. Роммель затряс головой.

— Целая дивизия, — сказал он. — Так-так... скоро мы его возьмем.

С этого как бы мимолетного замечания началось одно из самых ожесточенных сражений в Африке. Бир-Хакейм, южный столп фронта Газалы, прикрывавшего Тобрук, защищала 1-я бригада «Свободной Франции» и еврейский добровольческий батальон¹, которым командовал генерал Пьер Кёниг².

Генерал Ритчи намеренно послал этих решительных бойцов в Бир-Хакейм. Он служил ключом к фронту Газалы. Если эта цитадель падет, оборонять весь рубеж у Газалы будет бессмысленно. Тут находился последний бастион на подступах к Тобруку. Если противник удержит Бир-Хакейм, этот прибрежный укрепленный пункт при любой попытке продвижения будет неизменно служить угрозой на немецком фланге. Поэтому Ритчи стремился всеми силами удержать Бир-Хакейм. Для Роммеля же жизненно важным было его падение.

Сначала Роммель попробовал выкинуть свой любимый трюк с белым флагом, но в случае с Бир-Хакеймом он не сработал. Немец-

¹ В действительности никакого еврейского батальона не существовало. Здесь мы имеем дело с одним из немецких мифов, который сознательно распространяла нацистская пропаганда, чтобы дискредитировать движение «Свободная Франция» в глазах французов и немцев. — *Прим. ред.*

² Пьер Кёниг — эльзасец по происхождению. — *Прим. ред.*

кие танки были подбиты, а Роммеля и солдат, размахивавших по его приказу белыми флагами, встретили пулеметными очередями.

— Ничего, — сказал Роммель, поворачиваясь к Байерляйну, — мы их атакуем.

Три тысячи французов и тысячный еврейский батальон дислоцировались на прекрасно укрепленных позициях. Не представлялось возможным определить местонахождение их хорошо замаскированных пулеметных точек и оборонительных позиций. Позднее насчитали тысячу двести подобных гнезд. Они давали обороняющимся возможность сметать атакующих валом пуль и снарядов, обстреливать их со всех сторон продольным огнем. Французские артиллеристы отражали все штурмы.

— «Штуки», — приказал Роммель, посылая сигнал Кессельрингу.

— Вы их получите, — ответил фельдмаршал. Они появились вовремя и сбросили свои бомбы.

Но французские саперы построили очень маленькие щели-убежища и оборудованные огневые позиции. Если только бомбы не попадали прямо в них, большого ущерба противнику они обычно не наносили.

Генерал Кёниг радировал Ритчи:

— Пришлите истребителей.

Ритчи откликнулся на зов. «Штуки» оказались беспомощными перед британскими истребителями, и положение их стало весьма печальным. Многие пикирующие бомбардировщики рухнули на землю, обратившись в пылающие факелы. Роммель очень переживал из-за случившегося.

Прилетел Кессельринг. Он метал громы и молнии:

— Больше так продолжаться не может, Роммель. Атакуйте чертово гнездо всеми имеющимися в распоряжении сухопутными войсками. Довольно вашей экономичной тактики.

Роммель послал за зенитчиками — огневой мощью танковой армии. Ветеран полковник Вольц, командир 135-го полка ПВО, прибыл вместе с различными подразделениями и батареями других родственных полков, названия которых навеки вписаны в анналы Африканской кампании. Ими пестрят донесения с мест боев: I ПВО 43, II ПВО 25, I ПВО 18 и I ПВО 6. Эти противовоздушные части действовали при поддержке 3-го разведывательного и 33-го истребительно-противотанкового дивизионов, гренадеров 90-й легкой и итальянской дивизии «Триесте». Возглавляла штурм боевая группа Вольца.

Но удачный блеф, который сломил сопротивление 150-й бригады в Гот-эль-Уалебе, не принес успеха здесь. Когда ночью немецкие саперы проделали проход в минном поле, их французские коллеги к утру снова поставили там мины. Боеприпасы и все прочее текло к защитникам укрепленного пункта широкой рекой, что позволяло им встречать атакующих таким плотным заградительным огнем, которого в Африке прежде никто еще не видел. Роммель ходил весь белый от злости. Он приказал всю ночь пускать ракеты, чтобы держать позиции противника под постоянным пулеметным обстрелом и изматывать французов. Но когда на следующее утро немецкие войска атаковали, защитники приветствовали их огневым валом ничуть не меньшей плотности, чем накануне. Роммель нехотя согласился с полковником Вольцем в том, что сил для атаки у них недостаточно. Боевая группа Киля понесла огромные потери. Зенитчики тоже. То, что началось как простой рейд, постепенно переросло в полномасштабную атаку.

К счастью для Роммеля, Ритчи позволил делам в Бир-Хакейме идти своим ходом. Вместо того чтобы стянуть все силы и начать планомерное наступление на широком фронте против северного фланга Роммеля, где сосредоточилось ядро Африканского корпуса, британский командующий развернул вялую атаку на позиции итальянской дивизии «Ариете» в Гот-эль-Уалебе. Естественно, командование Африканского корпуса ухватило за представившуюся возможность и — поскольку они не трогали Роммеля — атаковало рассредоточенные силы танковых бригад.

15 танковая дивизия, возглавляемая полковником Краземанном, замешавшим раненого генерала фон Вёрста, атаковала с юга. Ее 8-й танковый полк прорвался прямо через подкрепленные минами заграждения из колючей проволоки к Бир-эль-Тамару. 21-я ударила с востока. Британцы же все еще думали, что ведут бои с бронетехникой дивизии «Ариете». И вдруг они оказались втянутыми в танковое сражение с Африканским корпусом.

Когда подобные битвы с участием бронетехники заканчиваются, все выглядит очень просто. Реконструируются детали, фиксируются приказы, подсчитываются ошибки, показывается, как одно вытекает из другого, и победы или поражения становятся словно бы заранее просчитанными и понятными — кажется, что иначе и быть не могло. В реальности же все по-другому. В подвижном танковом бою участники его редко видят четкую картину происходящего — причем как солдат в танке, так и полковой командир, офицер штаба и даже генерал. Все всегда находится в постоянном

движении. Сведения из донесений, посылаемых в штабы, как правило, устаревают еще по пути туда, поэтому отданные на их основании приказы обычно не имеют смысла — обстановка уже изменилась. Потому-то британские генералы, которые вели войну по старинке, находясь далеко от передовой, неизменно проигрывали. Роммель и его командиры руководили боем из командирских танков или бронемашин. Даже так они видели лишь часть всей битвы. В результате очень многое зависело от руководства всех уровней вплоть до командиров танков. Сидя в своих стальных боевых машинах, они самостоятельно принимали решения — на свой страх и риск и на страх и риск своих экипажей. Конечно, они знали, что рядом на поле боя сам Роммель. Вместе со своим адъютантом он бросался в битву на своей бронемашине или на автомобиле разведки. То там то тут какой-нибудь нерешительный командир, который останавливал свой танк, слышал громкий стук по броне своего стального гиганта. Открыв люк башни, он видел лейтенанта барона фон Шлиппенбаха, адъютанта Роммеля, который стучал по броне монтировкой. Такие трости всегда имелись в машине Роммеля. Они служили чем-то вроде стеков прусских королей. Роммель приподнимался в машине и, как только командир танка высовывался из башни, кричал ему:

— Вперед! В атаку! Напролом! Боя сидя не выиграть!

Как-то такой пламенный призыв к сражению чуть не закончился плачевно. «Мы подъехали к остановившемуся танку сзади, — рассказал мне лейтенант фон Шлиппенбах. — Я уже выскочил из автомобиля с тростью. В этот момент танк попал под огонь. Водитель включил заднюю передачу и наехал на нашу машину. Роммель успел выскочить в самый последний момент».

Атака Африканского корпуса впечатлила томми. Они не могли поверить, что Роммель, который только-только выпутался из большой беды под Гот-эль-Уalebом, успел так быстро перехватить инициативу на поле боя.

15-я танковая дивизия разгромила 5-ю индийскую дивизию; 10-ю бригаду немцы просто стерли с лица земли. Противника на севере окружила рота лейтенанта Рипольда из состава 5-го танкового полка. Генерал Неринг принял участие в атаке на своей бронемашине и закрыл брешь в периметре при помощи 50-мм противотанковой пушки, стреляя по вырывавшимся из кольца британским танкам. Восемнадцатилетний обер-ефрейтор Байер из Некарзульма внезапно увидел перед собой бегущего томми и наставил на него автомат. Тот был похож на рядового.

— Из какой ты части? — спросил Байер. Военнопленный отрицательно покачал головой. Он имел право не отвечать на вопросы, вынуждающие к выдаче военной тайны. — В каком ты звании?

На это солдату пришлось ответить.

— Командир индийской бригады, — сказал он. Обер-ефрейтор явно не верил, потому что пленный вытащил из кармана генеральские погоны. Перед Байером был Десмонд Янг, командир 10-й индийской бригады. После войны он стал одним из самых выдающихся биографов Роммеля.

2, 4 и 22-ю танковые бригады постигла та же судьба, что и 5-ю индийскую дивизию. Они потеряли 170 танков. Почти вся 201-я гвардейская бригада находилась «в большом мешке». Роммель уничтожил 8-ю армию по частям, потому что она именно таким образом вела боевые действия.

Но 8-я армия была сильной — более сильной, чем армия Роммеля. Сохранившие боеспособность войска все еще занимали позиции на северном участке рубежа Газалы — у Тобрука, Найтсбриджа и Эль-Адема. Найдись у них решительный руководитель, они представляли бы для Роммеля не меньшую опасность, чем Гот-эль-Уалеб. Тыл его до сих пор оставался необеспеченным, потому что он все еще не мог взять Бир-Хакейма.

«Этот чертов Бир-Хакейм!» — часто в сердцах ругался Роммель в те дни. Уже целую неделю его боевая группа штурмовала опорный пункт с юго-востока. Пикировщики «Штука» совершили более тысячи боевых вылетов, сбрасывая бомбы на позиции без какого-либо видимого эффекта. Роммель решил подойти к делу с другой стороны. Он приказал 33, 200 и 900-му инженерно-саперным батальонам атаковать с севера через протяженное минное поле между Гот-эль-Уалебом и Бир-Хакеймом.

Утром 8 июня саперы находились примерно в восьми километрах к северу от Бир-Хакейма. Появился Роммель. Командующий инженерно-саперными силами армии полковник Гекер получил приказ отвести часть своих солдат, сформировать боевую группу из двух итальянских батальонов и взять Бир-Хакейм с севера.

— У меня нет достаточного количества войск для выполнения этой задачи, господин генерал, — сказал Гекер.

В итоге Роммель решил задействовать более крупные силы и пообещал Гекеру часть 288-го особого командования¹. Изначально предполагалось, что данное элитное подразделение под

¹ Сформирована 24.07.1941. — *Прим. пер.*

началом полковника Ментона будет выполнять задания в Ираке в марте 1942 г., но потом его перебросили в Африку. В штурме должны были участвовать горнострелковая рота, истребительно-противотанковая рота и взвод разведки. Гекеру также придали части боевой группы Киля с одиннадцатью танками, автомобилем разведки и батареею восьмидесятивосьмимиллиметровок. И наконец, еще одному дивизиону — тяжелой батарее и зенитчикам полковника Вольца — предстояло обеспечивать фланг. Значительные силы. Гекер разделил их на две боевые части. Обе атаковали с севера, образуя клещи. Левый клин вел Гекер, а правый — капитан Гундт из 200-го инженерно-саперного батальона.

Все началось не слишком хорошо. Пока германо-итальянские части выходили на позиции, интенсивность артиллерийского обстрела из Бир-Хакейма значительно возросла. Атаковали и истребители-бомбардировщики. Саперы, проделывавшие проходы для предстоящего штурма, попали под мощный огонь. В 17.00 Гекер отдал приказ атаковать.

Полковник ехал в бронемашине впереди итальянских батальонов. Опираясь одной рукой на башню, другой он махал солдатам и кричал:

— *Avanti! Avanzate!*¹

Штурм продвигался, но вражеская артиллерия и мины проделывали все больше и больше брешей в рядах атакующих. Из шести итальянских ротных командиров три очень быстро вышли из строя. Лишенная укрытия местность представляла собой смертельную ловушку. Из одиннадцати танков боевой группы Киля неприятель с отлично замаскированных противотанковых позиций уничтожил шесть, а четыре подорвались на минах.

Унтер-офицер Карл Эрих Шульц, стоя возле своей восьмидесятивосьмимиллиметровки, бил прямой наводкой по выявленным пулеметным и минометным гнездам.

— Выкурите их из окопов дымовыми снарядами, — приказал капитан Гундт.

Временно занявший место наводчика обер-ефрейтор Герхард Шмидт упал рядом с орудием, сраженный пулеметной очередью. На его место встал другой солдат.

Четвертая танковая бригада — ударные силы британцев — пыталась осуществить отвлекающую атаку с востока на левый фланг Гекера. Но там их встретил полковник Вольц. Батареи 20-мм зе-

¹ Вперед! Идите вперед! (*ит.*)

ниток заплатили дорогую цену, и тяжелые зенитки тоже понесли огромные потери, но британская бронетехника не прошла.

К ночи боевая группа Гекера проложила себе путь к точке в пяти сотнях метров от внешнего кольца обороны Бир-Хакейма. Горные егеря начали штурм, как только стемнело. Вместе с саперами им удалось захватить первые пулеметные гнезда. Капитан Тумзер, возглавлявший роту горных егерей 288-го особого командования, спрыгнул со своим пистолетом-пулеметом в окоп, полный солдат еврейского батальона.

— Руки вверх!

Военнопленных отправили в тыл. Это были измотанные до крайности люди с пустыми глазами — люди, которые сражались до последнего. Пошадят ли их немцы? Немцы их пощадили¹.

Ночь воцарилась над полем боя. Эвакуировали раненых. В битве наступил перерыв — затишье. Рано утром 9 июня, перед тем как на штурм пойдут сухопутные войска, по позициям противника в Бир-Хакейме должны были отработать «Штуки».

Гекер заехал глубоко на минное поле, чтобы взглянуть на то, какие результаты даст налет «Штук». Утро пришло по-африкански внезапно. Гекер посмотрел на часы. В небе не было ни одного пикирующего бомбардировщика! Где же сокрушительные ковры из бомб? Ни одна бомба не упала на крепость Бир-Хакейм. По какой-то ошибке, связанной с передачей приказов, налет так и не состоялся. Эта ошибка могла иметь весьма скверные последствия для Гекера. Французы уже засекли его автомобиль разведки. Пулеметы, противотанковые орудия и артиллерия открыли огонь. Водитель помчался прочь на полной скорости, но случилось худшее. Грохот! Мина. Гекер ударился головой в бронированную крышу и получил глубокое ранение. Вместе с переводчиком, капитаном Клемке, которому раздробило ногу, водителем и командиром тяжелой батареи полковнику Гекеру удалось добраться до сгоревшего танка и сделать его своим штабом.

Когда Гекер 9 июня докладывал Роммелю обстановку, тот в ярости произнес:

— Этот чертов Бир-Хакейм стоил нам слишком дорого. Я бросаю его. Мы атакуем Тобрук.

Согласно генералу Байерляйну, Гекер ответил:

¹ Еще одно доказательство отсутствия евреев в числе защитников Бир-Хакейма. — *Прим. ред.*

— Господин генерал-полковник, дайте мне батальон немецкой пехоты для продолжения штурма. Мы уже взяли несколько укрепленных пунктов. Я уверен, что есть все шансы довести сражение до победного конца.

Роммель посоветовался с Байерляйном.

— Вы правы, — сказал он в итоге. — Я даю вам подполковника Бааде с одним батальоном, по меньшей мере.

Бааде, командир 115-го мотопехотного гренадерского полка, располагал двумя батальонами с тяжелым оружием и полковым штабом со всем необходимым техническим снаряжением.

Прежде чем прибыла боевая группа Бааде, прилетели «Штуки» и осыпали защитников крепости дождем бомб. Немецкая артиллерия обстреливала бокс из всех орудий.

Вечером 9 июня оба батальона вышли на позиции и немедленно перешли в атаку. Но враг в Бир-Хакейме обладал невероятной стойкостью. Под ураганным немецким огнем от одной к другой передавался по двенадцати сотням огневых точек приказ генерала Кёнига: «На этом аванпосту в пустыне мы должны доказать, что французы умеют драться и умирать».

На позициях еврейского батальона из уст в уста передавался приказ командира: «Драться до последнего. Все евреи мира смотрят на нас».

Вечером 10 июня 1942 г. батальоны Бааде и бесстрашные саперы и горные егеря Гекера глубоко вклинились в систему обороны и вышли к руинам пустынного форта.

Генерал Кёниг послал сообщение Ритчи:

— Я на пределе возможностей. Враг за стенами моего штаба.

Генерал Ритчи ответил только:

— Постарайтесь прорваться.

Начался финальный акт трагедии.

С 6 июня капитан Бриль со своей боевой группой занимал блокирующие позиции к югу от Бир-Хакейма. Мотопехотный батальон Кайзера, части 606-го зенитного дивизиона и 605-го истребительно-противотанкового дивизиона, возглавляемые капитаном Шульцем, служили ударным кулаком этой боевой группы. Попытка 7 июня взять крепость фронтальной атакой провалилась. Минные поля и артиллерия обороняющихся оказались слишком мощными для группы Бриля. Таким образом, эта боевая группа стояла под Бир-Хакеймом с приказом предотвращать любые попытки прорыва и отражать попытки деблокирования противника.

Ночью 10 июня дозор привел пленного, которого захватили возле британского минного поля. На допросе узнали поразительную информацию. Военнопленный показал, что окруженные получили приказ прорываться через специально прочищенный проход в минном поле и попытаться соединиться с британцами. Автомобили разведки и бронемашин были переброшены с юга на усиление немецких позиций. Связисты из боевой группы передвигались ползком. Приказы отдавались шепотом. Бриль и Кайзер ходили от орудия к орудью, от пулемета к пулемету. На позиции прорыва были нацелены все стволы. Все получили патроны с трассирующими боеголовками. Связисты провели линии к передовой. Повсюду расставили часовых с ракетницами. Вся боевая группа изготовилась к бою. Бриль отдал строгий приказ никому не стрелять до сигнала из ракетницы. Сначала зеленые, потом красная ракета — только тогда могут подать голос орудия и пулеметы.

Бриль приготовил противнику особый сюрприз в виде первых шести MG.42, только что принятых на вооружение¹. 606-й зенитный дивизион позаботился об этом «разогревающим оружии» из армейской штаб-квартиры. Солдаты, возвратившиеся из отпусков, привезли их в Африку. В удаленной вади пулеметы собрали и подготовили к бою.

Около полуночи передовые посты слышали рокот двигателей из Бир-Хакейма... Лязганье танковых гусениц... Хрупанье «перекушенной» проволоки на минных полях.

— Всем ждать, — прошептал Бриль вестовому. — Ждать! — Как только противник выпустил дымовые снаряды, чтобы обеспечить себе прикрытие, Бриль подтолкнул обер-ефрейтора Батца: — Давай!

В небе вспыхнул зеленый фейерверк, и в тот же миг ад разверзся на земле. Преисподняя огня, взрывов и смерти. Дымовая завеса не спасла легионеров Кёнига. Трассирующие пули ударили по вражеской технике. Впервые немецкие солдаты слышали впечатляющий треск MG.42 с их 1500 выстрелами в минуту.

В других частях широко раскинувшегося периметра дело дошло до рукопашных со спасающимися бегством легионерами. Они сходились друг с другом с лопатками, пистолетами, штыками и ручными гранатами. Только половине боевого состава бригады удалось прорваться и соединиться с 7-й бригадой.

¹ Пулемет калибра 7,92 мм. — *Прим. пер.*

На рассвете 11 июня уцелевшие солдаты гарнизона Бир-Хакейма размахивали белыми флагами. Когда боевая группа заняла форт, то нашла там пятьсот раненых и маленький арьергард.

С падением краеугольного камня обороны — Бир-Хакейма — рубеж Газалы утратил смысл для генерала Ритчи. А Роммель теперь смог подготовить атаку на Тобрук.

Потеря Бир-Хакейма повергла в отчаяние Британское главное командование. Что же, выходит, немцы непобедимы? Разве нет никакого средства против Роммеля? Таким вопросом задавались в британском штабе. Вновь они были поражены действиями этого феномена, сражавшегося в нарушение всех законов войны и неизменно побеждавшего.

Например, хотя по всем правилам ведения боевых действий атакующих должно быть больше, чем обороняющихся, Роммель, атакуя, часто располагал меньшим контингентом, чем его противник. Он не жил по традиционным канонам.

— Почему я должен беспокоиться о численном превосходстве британских танков, если командиры всегда расплывают силы? Когда я бью их по отдельности, моя армия сильнее, — сказал как-то Роммель пленному британскому генералу. Вначале британцы не желали понимать этого. Великая нация мореходов, они не могли поставить все на одну карту в Африке. Пока нет! В результате Роммель решал, где и когда сражаться, и диктовал правила игры.

В тот самый момент, когда сдался Бир-Хакейм, он бросил свои войска на север. Им предстояло сойтись в великой битве с британской бронетехникой. Еще неделю назад Роммель стоял на грани катастрофического разгрома. Теперь у него в руках находились уже крупные слагаемые великой победы.

Снова он наступал.

— Две белые.

Две большие белые ракеты одновременно вертикально взмыли в небо. Таким образом 21-я танковая дивизия получила приказ выйти на позиции. Солдаты, отбившиеся от частей, или даже целые части направлялись подобными сигналами и по рации. Быстро сориентироваться по компасу на ракеты, а потом держать курс на звезду выше или ниже их. Вперед!

Лейтенант Шульц из 104-го мотопехотного полка был одним из таких отбившихся, прокладывавших себе путь через пустыню между Бир-Хакеймом и Найтсбриджем. Лейтенант заблудился во время дозора.

На заднем сиденье автомобиля сидел обер-ефрейтор Мюллер, держа автомат наготове на случай непредвиденных обстоятельств — в пустыне всякое случается, особенно ночью. Водителя интересовали только двигатель и дорога. Глаза лейтенанта Шульца были прикованы к компасу, который он держал обеими руками. Два градуса влево. Отлично! Чуть-чуть правее. Теперь держи курс на центр Кассиопеи. Смотри, там что-то чернеется! Сбавь-ка ход! Дверь открылась, и кто-то закричал:

— Вы британцы?

Мюллер медленно поднял автомат, но незнакомец почувал недоброе. Он надавил на газ и был таков. Где-то далеко справа они услышали типичное «краканье» — характерный шум и потрескивание транспортера Брена — самого маленького образчика британской бронетехники. Но вот что это за звук? Тук-тук-тук-тук... Крыса пустыни. Да, водились там и такие твари, не только лисы пустыни. В брачный период самец бил по земле хвостом, подзывая самку.

Было 02.45. Лейтенант Шульц продолжал искать своих. Теперь они шли за левой внешней звездой Кассиопеи, поскольку для глаза наблюдателя небо повернулось вправо.

— Стой! Кто идет?

— Курфюрст.

— Так вот вы, болваны! Ну наконец-то!

Как же приятно слышать такое дружеское приветствие. Теперь вместе с ротой и полком они двигались в северном направлении к побережью.

Падение Тобрука

Во 2-й роте лейтенанта Пфирманна из состава 361-го пехотного африканского полка шесть месяцев не видели унтер-офицера Брокманна. Среди бывших солдат немецкого контингента Иностранного легиона он пользовался репутацией гениального организатора. Однажды в период ноябрьских боев 1941 г. он не вернулся с задания. Брокманна записали в пропавших без вести. «Пропавший без вести» — зловещее выражение, могущее означать многое. Что — вот это как раз и показывает судьба унтер-офицера Брокманна. 12 июня 1942 г. 90-я легкая дивизия действовала под Эль-Адемом против 29-й индийской бригады, сосредоточенной в боксах. Подразделения

21-й танковой дивизии в то же самое время прокладывали себе с боями путь на восток. Приближался неминуемый и скорый час большой и решающей битвы за последний бастион оборонительной системы Ритчи под Тобруком.

Далеко в тылу, на аэродроме Южной Дерны, где дислоцировались «Штуки» генерал-майора Зейдеманна и истребительные эскадрильи, праздновали в столовой день рождения лейтенанта фон Рантцау. Они сидели и говорили о Боге и мироздании, несмотря на то что получили строгий приказ оставаться начеку на случай возможных диверсионных актов Группы дальнего действия в пустыне. Она уже несколько раз со всей серьезностью давала о себе знать летчикам и персоналу аэродромного обслуживания: взлетали на воздух взорванные самолеты, погибали спавшие пилоты. Хотя летный состав продолжал сквозь пальцы смотреть на предупреждения, оружие они держали наготове.

Тьма на улице была непроглядной. Той ночью отряд капитана Джеймса Брэя из Группы дальнего действия в пустыне — два грузовика, заполненные до краев вооруженными солдатами, — ехал по пустыне. Команда представляла собой странную смесь британцев, французов и немцев. Вот они остановились и разделились на две группы. Вновь выслушали шепотом отданные приказы: уничтожить ручными гранатами самолеты, атаковать строения, перерезать телефонные провода. Требовалось взять в плен по меньшей мере двух военнослужащих. Они приступили к выполнению задания. Французский лейтенант, возглавлявший одну из групп, нервничал. Он смотрел на компас и говорил водителю, чтобы тот вел машину внимательнее.

— Мы должны подъехать поближе, — пробормотал он.

Вдруг водитель остановился.

— Что у тебя?

— Позвольте осмотреться, мой лейтенант. Я, кажется, знаю здешние места.

Нехотя лейтенант согласился:

— Давай, но побыстрее.

Солдат растворился в темноте. Остальные сидели в грузовиках и ждали. Прошло пять минут, но они все ждали.

Как раз тогда, когда французский лейтенант из британской диверсионной группы, дав волю чувствам, выругался, дверь КПП на аэродроме отворилась. Караульный увидел тяжело дышавшего, открытого пылью и грязью солдата в странной одежде.

— Томми рядом. Коммандос. Десять человек, я сам привез их сюда. У них задание взорвать аэродром. Пошевеливайтесь!

В мгновение солдаты и офицеры штаба пришли в движение. Они не задавали вопросов. Не сомневались. Они хватили ручные гранаты и пистолеты-пулеметы и выбегали из помещений вслед за странным гостем.

— Дерьмо, — в сердцах выговорил французский лейтенант, — куда подевался этот тип?

— Надеюсь, тут все чисто, — сказал один из коммандос по-французски. — Я никогда не доверял бошу.

— Чушь! — отозвался сержант Мишель. — С немцем все в порядке. Он сидел в нацистском концлагере за службу у нас в Иностранном легионе. А потом, поскольку ему не доверяли, его за-сунули в этот проклятый Триста шестьдесят первый полк. Он не моторизованный. Все их оружие — автоматы и гранаты.

— Но... — начал было другой, но не закончил, поскольку в тот момент они увидели приближавшиеся тени и слышали слова команды на немецком языке. Они схватились за оружие, но опоздали. Взорвались ручные гранаты, бензобаки. Сдетонировал боеприпас. Раздались крики и стоны раненых. Нескольким все же удалось выскочить из грузовика, но их скосила пулеметная очередь. Ускользнуть сумел только один — французский лейтенант. Немцы преследовали его, но он скрылся в пустыне. Он оказался единственным, кто после нескольких дней скитаний нашел британскую часть, чтобы рассказать своим о случившемся.

Трое коммандос уцелели и попали в плен. В Южной Дерне, однако, находился еще один человек Группы дальнего действия в пустыне, который и спутал карты диверсантов, — водитель, привезший коммандос на аэродром. Звали его Брокманн — унтер-офицер Брокманн. После того как в ноябре 1941 г. он попал в плен к британцам, этот гений-организатор сумел найти выход. Помогло ему собственное прошлое — служба во французском Иностранном легионе. Он смог привлечь интерес руководства Группы дальнего действия в пустыне и вступил в нее добровольцем.

Об этом происшествии, нашедшем отражение в британских документах, мне поведал командир роты 361-го полка. Он написал следующее (я заметил, что фамилия унтер-офицера изменена): «Даже и сегодня вызывает споры то, с какой меркой мы должны подходить к данному поступку. Одно ясно — это результат двойственной позиции, которую занимало по отношению к бывшим военнослужащим Иностранного легиона руководство Третьего рейха.

Связи между ним и принявшей его страной ослабли из-за оскорблений, полученных им как солдатом Иностранного легиона, что нельзя было, вероятно, исправить с помощью приказов и продвижения по службе».

Да! Подобное высказывание справедливо по отношению к «цыганам пустыни», как называли себя те, кто служил в 361-м. Они могли быть вооружены хуже, чем другие части, они обычно шагали по пустыне на своих двоих, тогда как другие ехали, но они оставались прекрасными солдатами — и такого братства и товарищества не знали в других полках. В противовес многим рассказам и утверждениям можно с уверенностью заявить, что бывшие легионеры сражались особенно хорошо под началом специально отобранных офицеров. Тем же, кто не мог найти общего языка со своими подчиненными, предлагалось подать рапорт о переводе в другие части.

361-й пехотный полк принимал участие в самых жарких боях в Африке. Где бы они ни атаковали, как они сами выражались, дела «начинали крутиться». Они ненавидели сантименты и не применяли слов вроде «патриотизм» и «национализм». Он не сражались ни за какие идеалы. Они были чистой воды наемниками. Когда один приносил какую-то добычу, он, как правило, давал что-то и «банде». Их скрепляли воедино человеческие связи. Их часть была для них домом.

Майор Харди отодвинул в сторону чашку с чаем, когда в комнату вошел радист сержант Купер со своим блокнотом.

— Сообщение из Каира, сэр, — сказал Купер.

Майор кивнул, взял блокнот и прочитал. Посмотрел на дату и время отправления депеши и, качая головой, отнес текст в кабинет командующего 8-й армией.

Ритчи стоял у окна дома бывшей итальянской администрации в Гамбуте, глядя на разрушенные здания рыночной площади. Этот человек, обычно очень спокойный, нервно постукивал пальцами по подоконнику. Перед большой оперативной картой находился генерал Норри, командир 30-го корпуса, который старался составить свое мнение о ситуации и выработать предложения по мерам ее исправления. Генералу Норри приходилось признавать, что положение 1-й и 7-й танковых дивизий трагично. Разбросанная, не обладающая связным планом действий британская бронетехника на протяжении последних двадцати четырех часов после падения Бир-Хакейма старалась сдерживать натиск войск Роммеля в северном направлении — на пути к побережью. Ничего не получилось. Ко-

мандир 7-й танковой дивизии, генерал Мессерви, попал в плен, и дивизия целый день оставалась без командира¹. Результаты предугадать было нетрудно. Тщетно генерал-майор Ламсен пытался прийти на выручку 7-й дивизии со своей 22-й танковой бригадой. Ему потребовалось одиннадцать часов, чтобы связаться с командиром корпуса.

Вновь Роммель воспользовался неразберихой в командовании у британцев. Его бронетехника уверенно побеждала разбросанные бригады британцев. Таким образом, во второй половине дня 12 июня от прежней грозной массы британских танковых формирований осталась лишь тень. Пустыню усеивали подбитые «Гранты», «Крусейдеры» и «Стюарты»².

Даже если генерал Норри и не мог еще видеть всей глубины катастрофы, все равно заключение, данное им генералу Ритчи в Гамбуте, звучало довольно тревожно. Они не смогли эффективными действиями танковых формирований остановить продвижение Роммеля к побережью. Если немцы выйдут к морю, обе сражавшиеся на позициях Газалы дивизии, 1-я южноафриканская и 50-я британская, будут отрезаны и уничтожены. Едва он успел высказать свое мнение, как майор Харди, один из офицеров штаба Ритчи, вошел в помещение с сообщением из Каира:

— Сэр, главнокомандующий ставит вас в известность о том, что он отбывает из Каира. Он прибудет сюда через час.

Ритчи и Норри обменялись взглядами. Оба понимали, что хорошего от этого визита им ждать не приходится.

Сэр Клод Окинлек, главнокомандующий, старался держать себя в руках, но злость и раздражение отчетливо слышались в его коротких рубленых фразах. Враг, который десять дней назад считался разбитым, который находился в окружении, будучи отрезанным от баз снабжения, враг, которого оставалось, казалось, только добить, теперь создал угрозу уничтожения британской 8-й армии. Может быть, у Роммеля сделка с дьяволом? Что же, у Британии нет равных ему боевых генералов? Генералы и штабные офицеры с каменными лицами слушали, как шеф устраивает разнос. Молодые стояли, поджав губы. Они молчали, хотя предпочли бы выска-

¹ Мессерви остался неузнанным в плену и на следующий день бежал. — *Прим. пер.*

² Легкий американский 13-тонный танк М3 с экипажем из 4 человек, броней от 15 до 43 мм, вооруженный 37-мм пушкой и тремя-пятью 7,62-мм пулеметами, способный развивать максимальную скорость 58 км/ч. — *Прим. пер.*

заться. Если бы они получили такую возможность, то сказали бы примерно следующее: «Сейчас идет Вторая мировая война, а стало быть, методы, которые годились в 1914–1918 гг., никогда не приведут к победе. До тех пор, пока наши генералы не поймут, что пришла иная военная эпоха, когда быстрые танковые войска приводят к крушению неподвижные фронты, мы всегда будем проигрывать, какими бы силами ни располагали. Наши генералы спорят, мечутся из стороны в сторону и ждут приказов в удаленных от фронта штабах. Роммель, Неринг, Клееман, фон Бисмарк, Краземанн и остальные командуют своими танками, зенитками и мотопехотой лично. В результате в случае кризисной ситуации они могут немедленно принять решение и отдать соответствующие приказы. А что делают британские «шишки»? Спорят тут, в штабе, кто из них главнее. Где воля, где уверенность в победе, где огонь — только лед, устаревшие стратегические концепции в Каире, которые в Гамбуте обретают форму все тех же нерешительных приказов. Но пока они из Гамбута достигнут 13-го или 30-го корпусов, а потом 7-й танковой дивизии или танковых бригад, уйдут часы, и положение полностью изменится».

Вероятно, младшие штабные офицеры хотели сказать своему главнокомандующему нечто подобное. Наверное, они признались бы ему, что находятся в растерянности из-за бессмысленной храбрости, которую продемонстрировала, например, 6-я южноафриканская полевая батарея, когда прикрывала отход шотландских гвардейцев и была уничтожена почти до последнего человека. Командир батареи, майор Ньюман, приставил к каждому орудью по офицеру с приказом стрелять прямой наводкой по танкам 5-го танкового полка. Но ради чего все эти жертвы? Под сосредоточенным огнем немецких танков и артиллерии восемь его орудий были выведены из строя, а половина расчетов, включая и офицеров, погибла. Лейтенант Эшли и его радист стояли и сражались за последним орудием до тех пор, пока не взлетели на воздух от прямого попадания снаряда. Ради чего? Наверное, только ради того, чтобы потом о них вспомнили, читая в исторических книгах.

Но войска Роммеля демонстрировали героизм не для истории. 21-я и 15-я танковые дивизии из состава Африканского корпуса под началом Неринга продолжали продвигаться к побережью, выходя в тыл 1-й южноафриканской и 50-й британской дивизий, которых Ритчи бросил на позициях в Газале и вокруг нее.

Нет, стратегия Роммеля на этом этапе боев в Северной Африке была какой угодно, только не консервативной. Он и подчи-

ненные ему командиры показывали образцы того, как надо вести танковую войну на полях Второй мировой — гибкую, стремительную войну. Они управляли своими войсками на передовой, движимые ни в коем случае не пустым героизмом. Они поступали так, потому что, только находясь там, могли правильно оценить тактические действия бронетехники и психологическое состояние солдат. Однажды Роммель обосновал все это совершенно четко: «Большинство тех, кто сражается в быстрой и изматывающей танковой битве, в определенный момент всегда испытывают соблазн подчиниться желанию немного отдохнуть. Ни одна армия не состоит исключительно из одних героев. Солдаты всегда найдут, как объяснить причину того, что они больше не могут идти дальше. Командир своим авторитетом должен побороть в них стремление пойти на поводу у своей усталости и вывести солдат и офицеров из состояния апатии. Командир должен давать новый импульс сражению. Потому ему постоянно надлежит находиться на передовой, чтобы осуществлять контроль за происходящим». Молодые британские штабные офицеры распознали секрет выдающегося руководства Роммеля. Многие из их начальников пока еще не понимали этого.

Но ни в одной армии мира молодым штабным офицерам не положено раскрывать рта, когда говорят генералы. Поэтому молодежь в Гамбуте молчала. Они слышали слова Ритчи, с которыми Окинлек соглашался так, словно бы произносил их сам: «Роммель — не сверхчеловек». Его войска понесли тяжелые потери. Численно силы британцев равнялись немецким, и, если продолжать вести войну на истощение, Роммелю в конце концов придется остановиться, чтобы перевести дух. Если Роммель выйдет к побережью с еще более ослабленными войсками, его можно будет отбросить. Эта оптимистическая нота нравилась Окинлеку. Всем командирам нравится оптимизм. Итогом того продолжительного совещания стало следующее: сражение на фронте Газала—Эль-Адем нужно продолжать до тех пор, пока Роммелю не понадобится передышка. Перед отлетом в Каир британский главнокомандующий телеграфировал Уинстону Черчиллю в Лондон, что замыслы противника реализуются вразрез с планом и что боевой дух войск высок.

Телеграмма пришла к Черчиллю по нраву. Он набросал ответ: «Я аплодирую вашему решению продолжать битву. Ваш успех зависит не от одного лишь оружия, но и от силы воли. Бог да благословит всех вас. Черчилль».

Бои продолжались в пустыне на квадрате, образованном Тобруком, Газалой, Найтсбриджем и Эль-Адемом. Гвардейцы были разгромлены в Найтсбридже, индийцы — в Акрое; британская бронетехника не могла предпринять обходные действия. Всюду, где появлялись массы бронетехники Роммеля, противнику приходилось принимать бой, поскольку уклонение от него открывало ему дорогу к берегу и Тобруку. Поэтому Роммель становился хозяином поля битвы.

Где он атакует? В Найтсбридже? В Газале? Или в Эль-Адеме? Перед Ритчи стояла дилемма. Если он пошлет всю свою бронетехнику в одну точку, создастся опасность прорыва Роммеля на других, ослабленных участках. Если Ритчи отведет бронетехнику, тогда возникнет еще большая опасность, что Роммель выйдет к внешним оборонительным рубежам Тобрука. Наступающие танковые дивизии Роммеля побеждали разделенные силы, которые посылал навстречу им Ритчи. Нельзя забывать, конечно, что немцы располагали убийственным козырем — восьмидесятивосьмимиллиметровками. Вновь и вновь с их помощью, точно молотом, удавалось расплющить острия британских танковых атак. Африканский корпус катился дальше, оставляя за собой подбитые и горящие британские танки. Немецкие удары, обрушиваясь всем весом на британские формирования, крушили их. Со зловещей мастерской точностью Роммель и командир Африканского корпуса генерал Неринг демонстрировали виртуозные чудеса современной войны, уничтожая вражескую бронетехнику в единственной по-настоящему важной классической танковой битве Северо-Африканского театра военных действий Второй мировой войны. Хребет британской 8-й армии был перебит. В британском штабе осознали это еще до того, как самолет генерала Окинлека приземлился в Каире вечером 12 июня. Под Гамбутом немцы буквально смели с лица земли британскую бронетехнику. Они проломили подвижную стальную стену, прикрывавшую пехоту на позициях под Газалой и Тобруком. Роммель стал хозяином пустыни между Бир-Хакеймом и Тобруком. Однако генерал Ритчи все еще располагал двумя полностью укомплектованными пехотными дивизиями, состоявшими каждая из десяти тысяч человек. Но что могли они сделать в 1942 г. в танковом сражении, где из-за отсутствия эффективных средств ПТО¹ горстка танков могла овладеть позициями пехотного полка?

¹ Противотанковой обороны. — *Прим. пер.*

14 июня генерал Ритчи издал приказ, полностью противоречивший решению, принятому на совещании с участием Окинлека тридцать шесть часов назад. Он назвал кодовое слово «Free born»¹. Это означало, что 1-я южноафриканская и 50-я британская дивизии должны оставить позиции на севере фронта Газала, постараться выйти к Тобруку или иной вариант — обойти Тобрук и выйти к египетскому пограничью.

Окинлек в Каире решительно воспротивился такому распоряжению. Но ситуация — такой, какой она виделась главнокомандующему, — не соответствовала той, в которой оказался Ритчи. Все внимание Лондона и Каира сосредоточилось на Тобруке. Какая участь ждет построенную на песке крепость — главный опорный пункт у ворот Египта? Выстоит она, как год тому назад, или нет? А если выстоит, сумеет ли выдержать осаду?

Роммель наконец увидел, что главная цель вновь в досягаемости. Целый год он сражался ради этого. После разгрома и уничтожения ядра британской бронетехники предстояло отрезать и взять в плен пехотные дивизии 8-й армии и, развивая успех, смелым броском овладеть Тобруком. Что помешает ему тогда маршем выступить на Каир? Он сможет атаковать Нил и наступать к нефтяным месторождениям Ближнего Востока и Персидского залива.

Но дивизии Роммеля тоже понесли тяжелые потери, заплатив дорогую цену за успех. Конечно, 15-я танковая дивизия утром 15 июня пересекла Виа-Бальбиа на пути к морю. Но 3-го батальона 115-го мотопехотного полка и шести танков PzKpfw III было недостаточно, чтобы удержать дорогу. Они были разгромлены отчаянно сражавшимися, чтобы избежать плена, британцами. Немецкая артиллерия, танки и «Штуки» наносили мощные удары по бегущим южноафриканцам за Виа-Бальбиа. Старинная, не раз переходившая из рук в руки прибрежная дорога превратилась в пылающую реку.

Первая южноафриканская дивизия отступала в Тобрук без своего тяжелого оружия. Защищавшие Найтсбридж гвардейцы отходили из песков в восточном направлении. Линия фронта постоянно менялась. Все находилось в непрерывном движении. Ночью немцы и британцы порой проходили в нескольких сотнях метров друг от друга. Однако 50-я дивизия избрала смелый способ прорыва. Маленькими группами ее личный состав прокладывал себе путь через позиции итальянцев не на восток, а на запад. Бегство в обратном

¹ Свободнорожденный. — *Прим. пер.*

направлении. Итальянцев неожиданная атака противника застала врасплох. Томми вклинились глубоко в тыл, оказавшись позади немецких артерий снабжения, развернулись в пустыню, обходя Бир-Хакейм, и в итоге соединились со своими войсками у Маддалены. Спасены! Но без тяжелого оружия. Эта дивизия теперь не могла принять участия в решительном сражении за Тобрук. В Лондоне Уинстон Черчилль все еще верил, что крепость устоит. В своей телеграмме Окинлеку 15 июня он писал: «...оставьте в Тобруке столько войск, сколько необходимо, чтобы удержать его наверняка». Когда Окинлек подтвердил намерение исполнить распоряжение, Черчилль телеграфировал: «Кабинет рад узнать, что вы намерены удержать Тобрук любой ценой».

С целью захвата Тобрука Роммель, естественно, пошел на очередную военную хитрость: он позволил своим подвижным войскам обойти город. К западному участку обороны крепости подступила одна пехота. Это создало у британцев впечатление, что в действительности брать Тобрук Роммель не намерен, он собирается, как поступил годом раньше, устремиться прямо к египетской границе. Роммель, находившийся во главе 90-й легкой дивизии, вышел к Бардии 19 июня. Он одно за другим посылал сообщения открытым текстом.

— Старик слишком уж откровенен, — ворчал Карл Дорн в своем фургоне радиосвязи 200-го разведывательного батальона. Предметом повестки дня стала операция «Двухспальная кровать». Все пребывали в убеждении, что операция «Двухспальная кровать» имеет отношение к Бардии. Так думали и британцы. Немецкие службы перехвата и подслушивания доносили о том, что в британских оперативных штабах знают о присутствии Роммеля под Бардией и сообщают об этом в вышестоящие инстанции: «Внимание! Роммель устремился к египетской границе». С этой целью операция и замышлялась. Роммель, однако, повернул назад в расположения танковых дивизий Африканского корпуса и 20-го итальянского моторизованного корпуса, стоявших наготове к юго-востоку от Тобрука. Ночью они сделали разворот и приблизились к крепости.

Незадолго до рассвета 20 июня штаб Роммеля прибыл в его тактическую штаб-квартиру. Свет кроваво-красного солнца пробивался сквозь туман. Роммель стоял в стороне и смотрел на часы. Бинокль висел у него на шее, наполовину прикрытые глаза защищал козырек фуражки. Время от времени он поднимал бинокль и разглядывал Тобрук. Наконец командующий поднялся на небольшой песчаный холмик и прошелся по нему. Стояла безмятежная тишина раннего утра. Стрелки часов медленно подползали к 05.20. Вда-

леке послышался слабый гул, а спустя считанные секунды над горизонтом показалось несколько черных точек. «Штуки», легкие и тяжелые бомбардировщики. Все способные подниматься в воздух итальянские и немецкие боевые самолеты в Африке должны были принять участие в массированных бомбардировках юго-восточного сектора обороны Тобрука.

— Майора Вольфа ко мне, — приказал Роммель. На лицах штабистов появились ухмылки. Не было никакого майора Вольфа, но был майор Фухс, офицер связи Люфтваффе. Роммель никак не мог запомнить его фамилию. В конце концов человек с «животной» фамилией превратился в майора Вольфа¹. Вновь офицеры штаба озвучивали приказ генерала:

— Майора Фухса к командующему.

— Где, черт его возьми, майор Вольф? — проворчал Роммель. Тот появился через мгновение.

— Майор Фухс по вашему приказанию...

Но Роммель не собирался отказываться от Вольфа.

— Послушайте меня, Вольф. Я хочу знать, все ли сделано, чтобы самолеты бомбили точно?

— Эскадрильи хорошо проинструктированы, господин генерал, — отозвался Фухс.

В этот момент из крепости раздался мощный взрыв. Восемьдесят пикировщиков «Штука» и свыше сотни бомбардировщиков сбросили свой смертоносный груз на Тобрук.

Первый удар был нанесен. Стартовала вторая битва за Тобрук.

Высокие фонтаны пыли поднялись над юго-восточным участком фортификаций, где занимали позиции индийцы. Заграждения из колючей проволоки, бетонные бункеры и оружие взлетали на воздух. Строй за строем, волна за волной заходили на цели бомбардировщики и «Штуки». Суммарный эффект от таких челночных налетов равнялся единовременному рейду шести сотен бомбардировщиков. Раз за разом бомбы уничтожали заграждения из колючей проволоки периметра обороны на участке площадью около восьми квадратных километров.

В действие вступили танковые дивизии. 21-я под командованием генерала фон Бисмарка и 15-я, возглавляемая полковником Краземанном, развернули полномасштабную атаку при поддержке мотопехоты и отдельной 15-й мотострелковой бригады под началом опытного командира — полковника Маури.

¹ *Вольф* — волк, *фухс* — лиса. — *Прим. пер.*

1-й и 2-й батальоны 361-го мотопехотного полка удостоились особой похвалы Роммеля. 8-я рота под командованием лейтенанта Йорнса, как головная пехотная часть, штурмовала порт. Колонна унтер-офицера Вильсгауса сломала сопротивление морской пехоты. Командир батальона, капитан Клееман, награжден Рыцарским крестом в знак признания заслуг его солдат.

8-я рота 5-го танкового полка вновь участвовала в боях. Многие солдаты помнили пасхальный понедельник год назад. Тогда они тоже пытались овладеть Тобруком. Они дружно приближались к недоброй памяти перекрестку, где томми тогда сумели заделать брешь и вызвать у них большие потери. Многие танковые экипажи были вне себя от счастья, если им удавалось хотя бы пешком вернуться назад, спасти собственные шкуры, вырвавшись из огненного котла. Что ждет их на сей раз? Крепость не стала слабее, чем год назад. Широкие заграждения из колючей проволоки, грозные танковые ловушки, стратегически разумно расположенные оружейные окопы прикрывали подступы к городу-порту. Численность гарнизона осталась приблизительно той же — от тридцати до сорока тысяч человек, с одной лишь разницей: обороняющие город солдаты — преимущественно индийцы и южноафриканцы — были измотаны недавними боями на фронте Газалы. Моральный дух их упал, и в победу они не верили. Когда в одной из радиопередач Биби-си упомянула, что «Тобрук не является решающим фактором в операциях на Северо-Африканском фронте», командир южноафриканского гарнизона генерал Клоппер совершенно справедливо пришел в ярость от подобного удара по боевому духу солдат.

8-я рота 5-го танкового полка состояла из двух взводов PzKpfw IV. Остальные были выведены из строя в ходе боев прошедших дней. Туши их остались в пустыне или же находились в ремонтных мастерских. Стальные гиганты продвигались вперед осторожно. В сером свете утра командир роты лейтенант Кох смотрел в дальномер за тем, как под огнем неприятеля саперы наводят мост над противотанковым рвом. Обычно вся слава достается штурмовым войскам, но это не означает, что саперы, мастера и кудесники своего дела не внесли свою славную лепту в дело общей победы. И вот танки поодиночке со всеми предосторожностями перебрались через мост. Еще несколько сотен метров, и они выйдут к тем проклятым бункерам, опорным пунктам, что вырезаны в скалах и остаются невидимыми до тех пор, пока не окажешься прямо перед ними. Солдаты Коха знали это по опыту прошлого года.

С минуты на минуту ожидался налет пикировщиков «Штука». Каждый танк оснащался дымовой мортиркой, чтобы с ее помощью обозначить местоположение острия немецкого наступления, тогда «Штуки» смогут отутюжить спрятанные в бетон пушки и пулеметные гнезда. В назначенный час прибыла «воздушная артиллерия».

— Огненная фиалка! — эхом зазвучало в наушниках шлемофонов танкистов. Первые части «Штук» промчались над башнями; бомбы упали в сотне метров на позиции врага. Лейтенант Кох спрятал голову в башню — так редко поступали в Африке, поскольку разглядеть что-нибудь в залепленные песком смотровые щели было довольно трудно. Еще падали бомбы, а танки уже неслись на полной скорости в клубящуюся пыль.

Короткими перебежками пехотинцы моторизованного гренадерского полка достигли пулеметных гнезд и принялись выкуривать оттуда противника.

В 08.30 15-я дивизия успешно преодолела широкие противотанковые препятствия. Саперы и штурмовые части сделали первоклассную работу. Пустые бочки из-под масла и канистры с бензином летели в траншеи. Роммель появился, когда они как раз занимались этим.

— Поскорее, ребята! У нас пальцы на курках, — поторапливал он их.

И вот первые танки 8-го танкового полка и грузовики 3-й роты 33-го истребительно-противотанкового дивизиона прогрохотали над окопами. Тем временем саперы проделали проходы в минном поле и проволочных заграждениях.

Они вышли к перекрестку в районе Сиди-Махмуда, где боковая дорога с твердым покрытием, «отпочковавшись» от Виа-Бальбиа, ведет к Эль-Адему. Все как год назад. Но на сей раз мышеловка их не ждала. Конечно, противотанковые пушки, притаившиеся у подножия Джебель, изрыгали огонь и смерть, но в небе появилась новая волна пикировщиков «Штука». Эффективная поддержка с воздуха задала тон атаке. Это оказалось неожиданным для британцев. Превосходно скоординированные бомбардировки, действия штурмовых колонн танков и пехоты постепенно сломили сопротивление британцев на передовых позициях укреплений Тобрука. Сражение выдалось длинным, кровопролитным и изматывающим.

Сдались первые британские артиллерийские наблюдатели. 50-мм противотанковые пушки истребительно-противотанковых частей выбили южноафриканские пулеметные гнезда. Все больше и больше солдат с пистолетами-пулеметами спрыгивали с грузовиков и

бронемашин и прокладывали себе путь в блиндажи, покрытые крышами из гофрированного металла. Они выводили оттуда военнопленных — южноафриканцев в их бурских шляпах. Ober-ефрейтор Фриц Гофманн из 33-го истребительно-противотанкового дивизиона привел особо удивительный экземпляр — гиганта с огромными черными усами. Он боялся, что его расстреляют, но когда Гофманн предложил ему сигарету, расплылся в широкой улыбке.

Расчеты Роммеля не оправдались только в одном. 20-й итальянский моторизованный корпус продолжал топтаться перед внешней линией обороны, не продвинувшись ни на метр. В результате фланг 15-й танковой дивизии повис в воздухе, и британские артиллеристы сосредоточили на нем свой огонь. Танковая рота лейтенанта Коха начала уже чувствовать на себе их «укусы». Она попала под град противотанковых снарядов. Более того, прислуга тяжелых береговых батарей развернула свои орудия и принялась бить по атакующим немцам. Конечно, танкисты закрыли башни — так они несли меньше потерь, но температура в стальных коробках поднималась до 50 градусов. Ведущий радист Шрёдтер в головном танке думал, что попал в ад. Его сиденье находилось рядом с двигателем. Для радиста бой — это прием приказов и сообщений. Терзаемый жарой, он вскрыл банку британского сгущенного молока, но липкая жижа вызвала у него кашель. Он открыл башню, чтобы глотнуть свежего воздуха. В этот момент неподалеку взорвался снаряд, и в башню полетели грязь и камни, но двигатель продолжал урчать. Осторожно, словно бы нащупывая путь, танк двинулся вперед. Слева на холме показались вражеские танки. Британцы совершили типичную для себя ошибку. Они ехали прямо по склону, открыв для противника свои борта — и целиться удобнее, и бронирование слабее.

— Внимание! Десять часов. Восемьсот метров. Вражеские танки. Огонь! — просигналил Кох роте, продвигавшейся расчлененным строем. Кох выбрал себе цель — Mk VI с флагом на антенне. Это говорило о том, что в машине командир части. Странно, что британцы до сих пор не отказались от традиции помечать таким образом командирские танки. Подобные нелепые украшения часто становились причиной поражения частей, поскольку без командира справиться с формированием было куда легче.

— Десять часов. Восемьсот метров. Броневой заряджай.

— Готов, — доложил заряжающий.

— Готов, — вслед ему проговорил стрелок.

— Огонь! Пятьдесят метров не долет!.. Заряжай... Огонь. Прямое попадание!

Британский командирский танк загорелся. Башня открылась, но экипажи других танков не поспешили на выручку своим. Они обратились в бегство. Лейтенант Кох подъехал к подбитому танку. Британский лейтенант и стрелок вышли с поднятыми руками. Оба получили легкие ранения. Их перевязали.

— Что же нам с вами делать? — произнес Кох и решил: — Возьмем вас к себе, чтобы не сбежали.

Немцы тронулись в путь. Военнопленные сидели позади башни в укрытии. 6-я рота находилась слева. Танк лейтенанта Франк-Линдгеймса загорелся от прямого попадания снаряда. Откуда стреляли? В нескольких сотнях метров впереди Кох увидел ствол британского орудия, смотревший прямо на его танк.

— Прибавить скорости! Бронебойным. Противотанковая пушка на двенадцать часов! — Слишком поздно. Британцы опередили их и не промазали. Башню заклинило — она больше не вращалась. Водителя ранило. — Покинуть машину!

Экипаж пополз в «лисю нору» в двадцати метрах от подбитого танка. Два пленнх британских танкиста последовали за ними.

— Сигарету? — предложил один из них Коху с невеселой улыбкой.

— Спасибо, не сейчас.

Они находились в горячем местечке. Снаряды рвались вокруг. «Надо что-то предпринять», — подумал Кох. Поскольку водитель был ранен, он короткими перебежками добежал до подбитого танка, забрался на водительское место и привел машину к «лисей норе». Скоро все они забрались в него, включая и пленнх. Теперь, когда они находились в безопасности от осколков, Кох заметил, что ранен в бедро. Радист тоже был легко ранен, но обнаружил это гораздо позднее.

Тем временем прибыли ремонтники. Пока они решали, подлежит ли танк ремонту, появилась небольшая бронемашина. В ней находился Роммель. Кох подковылял к генералу и доложил.

— Отправляйтесь на главный перевязочный пункт. Он в Эль-Адеме, — сказал Роммель и приказал на одном из штабных автомобилей отвезти в тыл раненого водителя танка, командира и двух британцев. Водителя пришлось, однако, снять с машины. Сидеть он не мог и остался ждать санитаров. Коха вместе с двумя военнопленными повезли через пустыню в направлении Эль-Адема. Скоро поле битвы осталось позади. И тут вдруг Коху в голову пришла одна мысль. В горячке боя никто не потрудился обыскать пленнх.

А если они вооружены? Свой пистолет Кох забыл в танке. Что, если британцы сейчас достанут оружие?

— Скажи-ка, — шепотом обратился Кох к водителю Янчу, — у тебя есть пистолет?

— Не знаю. Может, в багаже и есть, — ответил тот. Сказав это, он покраснел, осознав вдруг значение вопроса и собственного ответа. Британский лейтенант улыбнулся. Он медленно полез в карман. Понял? Там у него пистолет?

— Пожалуйста, — проговорил тот, протягивая Коху свой револьвер. — Как теперь насчет сигареты?

«Плейерс» в тот раз курился особенно приятно.

Битва за Тобрук продолжалась. Немецкая артиллерия выдвинулась на передовые позиции и била с них прямой наводкой. Снаряд за снарядом выплевывали орудийные стволы артиллерийского полка 15-й танковой дивизии. Обер-ефрейтор Ганс М. Пфафф из 408-го артиллерийского дивизиона стоял у своего тяжелого 105-мм орудия. За полчаса на головы защитников бункера они обрушили восемьдесят снарядов. Обливаясь потом, прислуга подтаскивала новые ящики с боеприпасами. Вследствие какого-то невероятного везения артиллеристам посчастливилось найти немецкий полевой склад, оставшийся еще с прошлого года. Ну и удача! Снаряды нужного калибра. Когда снаряды летели к цели, пришел приказ:

— Сменить позиции.

Так все и продолжалось. Огонь, продвижение на несколько сотен метров, и снова огонь. Они старались не отстать от танкового острия наступления и пехоты. Теперь они били по противотанковым окопам и пулеметным гнездам с самой короткой дистанции. Нет, защитникам не выдержать этого. К 18.30 15-я танковая дивизия выбросила неприятеля из форта Габр-Гасем. Через полчаса капитулировал форт Пиластрино. Две трети оборонительных рубежей находились в руках немцев.

Во главе своей штабной боевой группы Роммель принял участие в решительном прорыве Африканского корпуса. Боевая группа, часть которой находилась под личным командованием Роммеля, представляла собой идеальное подвижное боевое формирование, какие появились как следствие характера войны в пустыне. По численности личного состава группа равнялась примерно батальону и состояла из танковой роты, сводной роты противотанковой и зенитной артиллерии — 75-мм самоходных орудий, 50-мм и 37-мм противотанковых пушек и 20-мм зениток. Вдобавок к этому колон-

ны бронемашин разведки и передвижных радиостанций. Роммель постоянно бросал эту часть в самые горячие точки. На ведущем к городу склоне Джебель они шелкали бункеры как орехи. На знаменитом перекрестке солдаты наблюдали, как старый спец по минам, Роммель, вместе со всеми выкапывал мины из танковой ловушки. Обер-ефрейтор Курт Кинд из Фолькленгена на Сааре из первых рук узнал от командующего лучший способ извлечения из песка этих «дьявольских яиц».

Тем временем командир южноафриканского гарнизона генерал Клоппер сидел в своей штаб-квартире в центре крепости. В самом начале немецкой атаки его штаб-квартира подверглась бомбардировке «Штук». Новый штаб тоже испытал на себе прямое бомбовое попадание. Таким образом, в критические часы гарнизонному командиру приходилось менять дислокацию своей ставки. Связь с войсками прервалась. Начиная примерно с полудня Клоппер лишился возможности отдавать приказы. Генерал Ритчи, который полетел с докладом в Египет, «наблюдал» агонию Тобрука с берегов Нила. В городе возникали пожары. Клоппер послал Ритчи донесение: «Мое положение безнадежно. Попробую пробиться на запад».

В Каире выжидали. Что отвечать Лондону? Затем от Клоппера пришло последнее донесение: «Теперь уже поздно. Большая часть транспорта уничтожена. Мы утратили возможность передвигаться. Буду продолжать противодействие до уничтожения наиболее важных материалов». Защитники Тобрука, легендарной крепости, которая годом раньше в течение двадцати восьми недель отражала атаки Роммеля, находились на пределе сил и возможностей. Предшествовавшая битва под Газалой, сокрушительные артобстрелы, бомбардировки «Штук» и бесстрашное наступление Африканского корпуса через заминированный, защищенный колючей проволокой периметр сломили ветеранов 8-й армии.

Утром 21 июня в 05.00 Роммель вошел в Тобрук во главе своей боевой группы. Он завоевал руины. В городе не было уцелевшего дома. Меньше всех пострадала мечеть. Но все, кроме нее, включая портовые сооружения, улицы и площади, — все превратилось в груды камня и дерева. В акватории плавали обломки нескольких кораблей, большинство из которых затонуло в результате прямых попаданий снарядов орудий 21-й танковой дивизии. Мачты и трубы торчали из воды. В 09.40 на Виа-Бальбиа Роммель принял капитуляцию командовавшего гарнизоном генерала Клоппера. Роммель, проезжавший мимо догоравшей техники и взорванных полевых

складов, пришел в ярость от работы отрядов британских подрывников и сказал Клопперу:

— Если вы будете продолжать уничтожать свой транспорт, я заставлю ваших военнопленных идти по пустыне пешком. Если вы будете продолжать взрывать склады с продовольствием, вашим солдатам будет нечего есть.

Клоппер холодно ответил:

— Я лишь выполняю приказы, генерал! — И несколько более примирительным тоном добавил: — Но я не давал распоряжений взрывать склады с продовольствием.

Роммель и Байерляйн уговорили генерала въехать в город со своей колонной. Тридцать три тысячи военнопленных медленно стекались на сборные пункты.

Алан Мурхэд так описывает итоги сражения: «Поражение было полным. Одного только снаряжения враг получил в невиданном прежде в пустыне количестве. Роммель располагал таким количеством британской техники, столькими танками и орудиями, такими запасами бензина и другого горючего, а также боеприпасов, что мог восполнить потери и немедленно наступать на Египет. Таково было положение Роммеля. Значит, скоро он будет на Ниле? Удастся ли его офицерам исполнить стародавнюю мечту — выпить виски с содовой в баре «Шефердс-отеля»? Перспективы выглядели вполне реально, и Роммель очень надеялся на это. В его приказе говорилось: «Солдаты танковой армии «Африка»! Теперь мы должны полностью уничтожить врага. В ближайшие дни я потребую от вас новых великих подвигов, потому что мы должны достигнуть нашей цели».

Нашей цели!

Его целью был Нил. Завоеванному Тобруку предстояло послужить трамплином для грандиозного прыжка. Роммель находился на вершине славы. Фюрер повысил его, присвоив звание фельдмаршала. Отныне и присно он стал для всех «маршалом Роммелем». Человек, на котором лежал основной груз упорных боев, которые вели танки Африканского корпуса, Вальтер Неринг, был повышен до генерала танковых войск. Роммель подарил ему свои собственные генерал-полковничьи звезды, чтобы таким образом утвердить его в новом звании¹. Итальянские генералы Кавальеро и Бастико удостоились от Муссолини звания маршалов.

¹ Звездочки в виде квадратиков на немецких генеральских погонах располагались по такому принципу: одна — генерал-лейтенант, две — генерал (в данном случае — танковых войск), три — генерал-полковник. — *Прим. пер.*

Все так или иначе вознаградили себя в Тобруке, всем что-нибудь досталось из добычи. Солдаты из 200-го танкового разведывательного батальона «Италия» были вне себя от восторга, когда Карл Дорн приволок им коробку с немецкой кровяной колбасой. Британцы захватили ее год назад у немецкой части. Теперь она возвратилась к своим полноправным хозяевам. Еще один символ того, что победы и поражения подобны приливам и отливам.

Длинные руки адмирала Канариса

В баре «Кит-Кат» в Каире жизнь начиналась не раньше полуночи. В этот час с Нила дул прохладный ветерок, качавший листву пальм. Черное звездное небо смотрело на полированные плиты пола одного из лучших дансингов Каира. Окружавшая его высокая стена не давала зевакам видеть, что происходит внутри. Швейцары в нарядной форме кланялись важным гостям в пояс. Те приезжали на машинах — люди с бумажниками, полными денег, и дамы в роскошных туалетах. Душной ночью грозового лета 1942 г. представители арабского мира и Европы находили здесь все прелести мирной жизни. Египет оставался «нейтральным», хотя и служил британской военной базой для ведения боевых действий на Североафриканском ТВД, и Каир был наводнен войсками. Но король Фарук и его правительство считали возможным заявлять о своем нейтралитете в тени фигуры британского верховного комиссара. Поэтому в Каире одновременно правили война и мир. Вначале виделась лишь приятная сторона войны, особенно то, что касалось бизнеса. По ночам британские и египетские офицеры, переодевшись в штатское, отправлялись на поиски развлечений. *Jeunesse doree*¹ Каира — сыновья пашей и беев, крупных плантаторов и дельцов черного рынка — все несли денежки, чтобы положить их в карманы владельцев ночных клубов. Египетские эфенди с пачками банкнот, хозяева нефтяных скважин из Аравии со своими дорогими подружками, не говоря уже о бесчисленной и безымянной массе людей, которые жили — и неплохо жили — на обочине большой войны, извлекая доходы из нелегкого и опасного труда информаторов и шпионов. По ночам они наслаждались отдыхом, попивая дорогой виски с содовой, перно или джин. Тот, кто хотел поддержать свою репутацию

¹ Золотая молодежь. — *Прим. пер.*

состоятельного человека, пил шампанское. Все, кто желал подчеркнуть свою принадлежность к исламу, ограничивались кофе. Конечно, даже самым правоверным мусульманам пророк не запретил немножко вина в случае головной боли или расстройства желудка, но тогда это лекарство. И к тому же с пророком всегда можно было поторговаться. Он знал восточный народ, когда принес ему Коран тринадцать столетий назад.

Цветные фонари наполняли сад веселым светом. Гул разговоров... смех... На Востоке любят шум. Ансамбль играл сладкие европейские танго и жиденькие фокстроты. Среди характерных особенностей дома — арабские танцы. Ночь тут имела особую привлекательность. Посетители ждали выхода Хекмат Фахми, самой очаровательной исполнительницы танца живота на Ближнем Востоке. Где бы она ни танцевала, везде ей рукоплескали. К ее ногам летели букеты, а посыльные сбивались с ног, чтобы отнести ей карточки состоятельных поклонников. Хекмат путешествовала как королева с двором, имя ее покровителям и друзьям было легион. Ее, однако, интересовал только молодой египетский бей, совсем недавно появившийся в каирском обществе. Звали его Хусейн Гаафар. Он был богат, блистал остроумием и очень любил жизнь, располагая для этого большим количеством времени. Короче, обладал всеми качествами, чтобы расположить к себе знаменитую танцовщицу. Все считали его бездельником с тугим кошельком. На самом же деле он был немецким агентом Гансом Эпплером, который вместе со своим другом Гансом Гердом Зандштеде прибыл в Каир с особым заданием. Зандштеде фигурировал как американец ирландского происхождения, который прикрывается американским паспортом, чтобы не воевать за Англию. По паспорту — фальшивому, конечно, — его звали Питер Мункастер, Питер Мункастер по прозвищу Сэнди.

«Кит-Кат» ломился от посетителей — не было ни одного свободного столика. Пары танцевали под новомодный хит — солнце пришло на свидание с луной, но луна не пришла. Люди за столами напевали себе под нос «но луна не пришла» и отпускали банальные острооты насчет того, что вот, мол, она — светит нам с неба.

Хусейн Гаафар огляделся в поисках официанта. Взгляд его задержался на большом столе возле стойки бара, где сидела дюжина молодых египетских офицеров в штатском. Среди них находился лейтенант Анвар эль-Садат, которого часто видели тут с широкоплечим Гамалем Абделем эль-Насером, с тех пор как тот случайно оказался в Каире, прибыв сюда из гарнизона в Южном Египте.

В казармах офицеры понимающе перемигивались, когда произносили два этих имени. Насер и Садат не принадлежали к числу друзей Англии. Они выжидали удобного момента, поскольку состояли в одной из групп, боровшихся за независимость Египта. Они плели сеть, в которую включались все недовольные. Они были даже против короля Фарука, поддерживавшего Великобританию. Шепотом поговаривали, что они хотят революции. Но пока египтяне не принимали их всерьез. Ни жестом, ни кивком, ни взглядом Гаафар и Садат не показали, что знакомы.

На середине танца в зале произошло неожиданное оживление, вызванное новыми посетителями, которые принесли с собой последние известия и теперь живо их обсуждали. О чем они говорили? Тобрук? Тобрук — копия документа появилась на столе египетских офицеров. Один из них прочитал заголовок, и новость распространилась с быстротой ветра. Те, кто не понял, о чем речь, переспрашивали официантов или посыльных — этих смышленных, дерзких юнцов, смелее и нахальнее которых нет нигде, кроме как в Каире. Они приближались к столам, где сидели британские офицеры, и не заставляли спрашивать себя дважды.

— Роммель взял Тобрук за один день. Восьмая армия бежит через египетскую границу, а немцы преследуют ее по пятам. Они идут сюда, сэр, сюда, в Каир. — С надменным безразличием парни поднимали брови и говорили: — Может быть, аллеманис придут сюда послезавтра, и Роммель-паша будет сидеть и пить виски со своими офицерами за этим столом.

Они вели себя вызывающе, и в глазах их светились искорки удовольствия, когда они видели изумление на лицах британцев.

— Чтоб я сдох, — пробормотал серьезного вида седовласый джентльмен, который несколько минут назад подсел за стол Хусейна и Сэнди. Гаафар, он же Ганс Эпплер, с сочувствием кивнул и произнес:

— Плохие новости.

— Очень плохие, — ответил джентльмен, в котором с сотни ярдов можно было узнать переодетого в штатское британского офицера, и добавил: — Невероятно.

Глава службы британской разведки в Каире очень волновался, но умел скрывать свои чувства.

Хусейн пожал плечами:

— Но Восьмая армия не разгромлена. Все верно, тридцать тысяч человек попали в плен в Тобруке. Но в Египте полным-полно британских солдат. И, наконец, есть Десятая армия. Что она дела-

ет в Сирии? Пусть идет сюда к нам, — он сделал упор на слове «к нам», — защищать страну. Невозможно допустить, чтобы немцы взяли Каир.

Офицер разведки не смог удержаться от замечания:

— Успокойтесь. Десятая армия не останется в Сирии, чтобы наблюдать отсюда, как сюда входит Роммель.

В глазах Сэнди появилась улыбка.

— Замечательно, — сказал он. — Хорошие новости. Богом клянусь, отличные.

— Кроме того, у нас есть египетская армия, — прибавил Хусейн.

Британский офицер достал пачку «Плейерс».

— Египетская армия? Простите меня, я не хочу вас обидеть, но вы только посмотрите вокруг. Думаете, падение Тобрука огорчило их? — Он указал на Садата и его друзей.

Сэнди хотел что-то ответить, но Хусейн положил ладонь на его руку:

— Выход Хекмат Фахми.

Раздались аплодисменты. Разговоры стихли. Хекмат уже вышла на сцену.

— Одно из чудес света, как висячие сады Семирамиды, — сказал британский майор.

Женщина и в самом деле была прекрасна. Восточного типа, с роскошными формами, кошачьими движениями и прекрасными глазами. Настоящая египтянка и великолепная танцовщица... Нет, нигде, кроме Каира, не сыскать такой фигуры: ни в «Уинтер Гарден», ни в «Скала» в Берлине, ни в «Фоли Бержер» в Париже, ни в «Кафе де Пари» в Лондоне. Никто в «Кит-Кат» и очень мало кто в Каире знал, что женщина эта являлась самым ценным информатором Абвера.

Когда Хекмат закончила танец, зал взорвался овациями. Присутствующие поднялись с мест, на сцену полетели цветы. Но затем случилось нечто необычное. Возглас зазвенел по всему залу. Прозвучал он из-за стола молодых египетских офицеров. Они кричали:

— Станцуй тобрукский вальс, Хекмат!

Кричали офицеры на арабском, но многие британцы поняли их. С быстротой молнии вся египетская проблема вышла на свет — проблема народа, бьющегося в цепях колониализма. И молнией этой служил Роммель. Молния ударила по Каиру. В спешке готовились специальные выпуски. Люди группами обсуждали новости; на

Ниле раздавались возгласы и пение. В Шари-Ваг-эль-Биркет прошла демонстрация студентов.

— Давай, Роммель, жми! — кричали они.

В ту ночь, 21 июня 1942 г., в Вашингтоне в Белом доме, за двенадцать тысяч километров от Каира, проходило совещание Уинстона Черчилля и Рузвельта. Британский премьер-министр прилетел в США, чтобы обсудить военную обстановку с президентом. Они мало чем могли ободрить друг друга. Европа находилась в руках немцев — от французско-испанской границы до Нарвика. В Азии японцы продолжали свой победный марш. Сингапур капитулировал, а подводные лодки Гитлера отправляли на дно вместе с кораблями тысячи тонн грузов. В России немецкие дивизии рвались к Волге. Сталин посылал отчаянные сигналы SOS, требуя открытия второго фронта. Но где могли Америка и Англия ударить по Гитлеру?

Вместе с тем они были рады, что могут поддерживать друг друга. В кабинете американского президента Рузвельт и Черчилль вместе с генералом Измэем¹ обсуждали свои планы. Тут Рузвельту вручили телеграмму. Президент прочитал ее, и лицо его словно окаменело.

В помещении воцарилась тишина. Рузвельт передал бумагу Черчиллю. Никто не мог бы описать этот драматический момент лучше самого Уинстона Черчилля, который рассказал в своих мемуарах:

«...Там говорилось: «Тобрук капитулировал, двадцать пять тысяч военнослужащих попало в плен». Новость оказалась такой неожиданной, что я даже не поверил; поэтому я попросил Измэя связаться с Лондоном по телефону. Через несколько минут он принес следующее сообщение, которое только что поступило от адмирала Харвуда из Александрии: «Тобрук пал; обстановка ухудшилась настолько, что в ближайшем будущем реальна возможность массированного авианалета на Александрию, а ввиду приближения полнолуния в преддверии данного события я посылаю все части Восточного флота на юг от Канала...»

Это был один из тяжелейших ударов, который мне напоминает за всю войну. Не говоря уже о серьезности случившегося с военной точки зрения, падение Тобрука наносило ущерб репутации британской армии. В Сингапуре восемьдесят пять тысяч человек сдались японцам. Теперь в Тобруке гарнизон из двадцати пяти

¹ Гастингс Лайонел Измэй — главный военный советник У. Черчилля во время Второй мировой войны. — *Прим. пер.*

тысяч (фактически тридцати трех тысяч) закаленных бойцов сложил оружие перед противником, которого численно превосходил по меньшей мере вдвое. Если такое моральное состояние 8-й армии становилось нормой, значит, возможности предотвратить катастрофу в Северо-Восточной Африке не существовало. Я даже не пытался скрыть от президента то, какой шок пережил. Момент был наитяжелейший. Поражение — это одно; катастрофа — совсем другое. Сочувствие и стремление помочь двух моих друзей не знало границ. Не раздалось ни малейшего упрека; не было произнесено ни одного обидного слова. «Как мы можем помочь?» — спросил Рузвельт. Я ответил немедленно: «Дайте мне столько танков «Шерман», сколько у вас есть, и отправьте их на Ближний Восток как можно скорее».

Немцы не просто угрожали власти Великобритании на Ближнем Востоке. В старых кварталах Каира, в разбросанных по всей стране гарнизонах действовали группы сопротивления, которые стремились освободить Египет от британского владычества. В тот момент они представляли собой лишь небольшие ячейки — политические, военные и религиозные клики. Пока что их объединяла лишь ненависть к Англии и мечта о свободе Египта. В любую минуту они могли превратиться в опасную организацию. Если немцы сумеют с пользой для себя задействовать заговорщиков, тогда круг фанатичных офицеров Садата и Насера, друзья генерала эль-Масри-Паши, майор Сульфикар и Абд эль-Рауф смогут стать пятой колонной. В немецкой ставке такие мысли витали уже в 1940 г.

Весной 1940 г. майор немецкой разведки разработал смелый план. В Будапеште этот агент Абвера повстречал офицера старой австро-венгерской армии капитана Ласло, графа фон Альмаши. Он являлся экспертом в вопросах пустыни и несколько лет работал землемером в Картографическом институте египетского правительства. Он летал над Сахарой и имел много друзей в Каире. Альмаши был завербован немецкой разведкой и стал капитаном Люфтваффе. Первым его предложением в начале 1940 г. было склонить на сторону немцев начальника генштаба египетской армии, эль-Масри-пашу, которого британцы сместили с должности.

Эль-Масри был врагом Великобритании. Он симпатизировал офицерам вроде Насера и надеялся, как надеялись и многие другие, на немецкую победу, поскольку в случае ее они рассчитывали на обретение свободы. Этот человек представлял бы собой мощный козырь в руках немцев.

Некоторое удивление возникло в штаб-квартире адмирала Канариса в Берлине, когда майор Люфтваффе и офицер Абвера Николаус Риттер предложил доставить генерала эль-Масри в Германию и, если надо, похитить его. Поначалу идея показалась Канарису сумасшедшей. Но потом на его стол лег впечатляющий проект плана. Он три недели занимался подготовкой «Плана эль-Масри».

Риттер сформировал в рамках 10-го авиакорпуса особую группу. Он поддерживал контакт с венгерским послом в Каире, который докладывал в Будапешт. Этого умного дипломата не стали посвящать в тайну. Ему сказали, что все дело в установлении связи с эль-Масри и в том, что им нужен секретный сотрудник в Каире для передачи важных прогнозов погоды. Последнее являлось правдой. Посол выразил желание помочь.

Тем временем численность группы майора Риттера достигла десяти человек. Включая фон Альмаши, все они являлись людьми Абвера — радистами, шифровальщиками, переводчиками и водителями. Все специалисты из роты переводчиков или из Иностранной вещательной станции Германского верховного командования в Штансдорфе.

В Будапеште посол положил шпионский передатчик Риттера в свой дипломатический багаж и благополучно провез в Каир. С дипломатической предосторожностью он не разрешил устанавливать его в посольстве, но передал австрийскому священнику, находившемуся на жалованье у венгров. Священник был умным и все понимающим человеком. «Мне придется долго держать ответ перед Господом Богом, если я признаюсь в том, какую деятельность веду в Каире», — говаривал он, бывало, своим друзьям. Для установки передатчика он избрал, наверное, самое безопасное место, которое только мог найти: под алтарем Св. Терезы в Каирском квартале Шубран. Посол и его радист превратились в истовых прихожан, поскольку только так они могли попасть на свое «рабочее место» незамеченными. Только во время службы можно было вести сеансы связи. Таким образом, в истории тайной войны всплывает этот мрачный факт: в церкви Св. Терезы в Каире, когда под куполом звучала «Te Deum...»¹, под алтарем радист выстукивал: «Внимание, внимание, RBQX вызывает Центральную. Вызывает Центральную. Прием». Когда Абвер в Дерне отвечал, передатчик отправлял сообщение: «Пункт 1: прогноз погоды». Затем шел точный прогноз по-

¹ Тебе, Господи, радуемся...

годы. «Пункт 2: Паша сообщает...». и затем следовала информация от эль-Масри, кличкой которого был «Паша».

Предполагалось, что эль-Масри вывезут на немецкой подводной лодке из залива Беролло в дельте Нила. Это оказалось невозможным. В итоге решили, что немецкий самолет подберет его в специально оговоренном месте в пустыне недалеко от Каира.

После захвата Крита 20 мая 1941 г. Риттер наконец получил для выполнения задания по похищению Паши два He-111 из 10-го авиакорпуса. Машины входили в состав 26-й бомбардировочной эскадры. Альмаши, который знал пустыню как свои пять пальцев, избрал точкой для randevu место около Ред-Джебель (Красной Горы) на дороге к оазису.

Паша мог доехать туда из Каира на машине за несколько часов. Он должен был прибыть за час до заката и поднять ветровой конус (ветроуказатель). Тогда один He-111 Риттера сядет и примет Пашу на борт, другой же будет тем временем в воздухе обеспечивать прикрытие операции.

Самолеты уже готовились к вылету, когда из церкви Св. Терезы через Дерну пришло сообщение о том, что эль-Масри попал в автомобильную аварию и не сможет прибыть в условленное место в назначенное время. В субботу 7 июня 1941 г. в 15.00 Паша был готов вновь попытаться счастья. Капитан Галлер вел машину эскорта, в которой в качестве пассажира летел майор Риттер, а штурманом — капитан Блайх. Капитан фон Альмаши вел второй самолет — тот, на котором предполагалось вывезти эль-Масри. На обеих машинах имелись немецкие опознавательные знаки.

В 16.00 они достигли условленного места, но ничего не увидели. Альмаши низко спланировал и полетел вдоль дороги в направлении Каира, чтобы убедиться, что эль-Масри в пути. Ничего и никого! Через пятнадцать минут пилот развернул машину. В лучах заходящего солнца виднелись минареты Каира. К египетскому пограничью, где располагалась британская штаб-квартира, ехал автобус. Но куда подевался эль-Масри-Паша? Кто-то выдал план его похищения?

На следующее утро в условленное время передатчик из церкви Св. Терезы прислал следующее: «По всей видимости, Паша арестован. Мы подозреваем предательство. Опасаемся, что наш передатчик и мы сами в опасности. По этой причине мы прерываем связь. Конец сообщения».

А что же произошло в действительности? Прошло много времени после войны, прежде чем я сумел найти ответ.

Эль-Масри собирался лететь на встречу на самолете египетских ВВС. Он поделился планами с командиром эскадрильи Хусейном Зульфикаром, который назначил день вылета в свое дежурство на аэродроме Гелиполиса. Естественно, пилота тоже пришлось поставить в известность. Пока машину заправляли, летчик пошел для доклада в диспетчерскую. Там британский офицер, по-видимому, что-то заподозрил и стал задавать ему вопросы. Однако они взлетели, но через несколько минут летчик сбросил высоту. В небе появился британский самолет. Что случилось? То ли пилот потерял самообладание, то ли утратил возможность контролировать машину, так или иначе, он совершил вынужденную посадку. Он врезался в группу деревьев, разбил самолет о пальму, а сам сбежал. Генерала спас наряд египетской военной полиции, который, к счастью, с симпатией относился к группе революционно настроенных египетских офицеров. Когда после телефонного разговора с аэродромом Гелиполиса британский офицер прибыл для ареста генерала, вместо него взяли сыгравшего роль двойника эль-Масри пожилого майора, который тоже состоял в движении сопротивления. Сам эль-Масри бежал. Британская полиция заметила ошибку только через три месяца, когда поймали того, кого надо. Приглядывать за ним поручили египтянам. Но египтяне легко закрывали оба глаза, если эль-Масри-Паша вдруг решал отправиться на продолжительную прогулку или не возвращался в лагерь ночевать. Таким образом, эль-Масри мог поддерживать контакты с Насером и его заговорщиками. Так продолжалось еще долго, пока эль-Масри не интернировали в Палестину.

В группе Риттера ни о чем подобном, однако, не знали, хотя в Каире действовала разветвленная итальянская шпионская сеть, возглавляемая офицером по имени Нани. Абвер делегировал в эту организацию из Афин своего человека, «Роберто», который с мая 1941 г. по январь 1942 г. поставлял руководству ценную информацию. Однако на итальянскую разведку не всегда можно было полагаться. В середине июня на улице Тирпитцштрассе в управлении ОКВ «Абвер-заграница» в Берлине состоялось совещание, на котором председательствовал Канарис.

— Роммелю нужна достоверная информация с британской базы в Египте, — начал адмирал. — Он строит свою стратегию на хитростях и неожиданных ходах. Любые полезные для него сведения значат больше, чем двадцать танков, которых он, между прочим, все равно не получит, поскольку они пойдут в Россию, — подчеркнул Канарис.

Была спланирована новая смелая акция. Двум специальным агентам предстояло инфильтрироваться в Каир и Хайфу.

Вскоре после того совещания в Берлине в составе особой группы Риттера в Дерне появились два новых лица. Одним был Кляйн — дружелюбный, солидного вида господин лет пятидесяти ярко выраженной еврейской наружности. Он носил кличку «Паташон». Его напарником был голубоглазый спортивный человек по фамилии Мюленбрух. Оба они прекрасно говорили по-арабски, а Мюленбрух владел даже несколькими диалектами. Оба в течение многих лет жили среди арабов: Кляйн — в Александрии, Мюленбрух — в Хайфе. Им предстояло вернуться в те города, установить секретные передатчики и создать шпионскую резидентуру, рекрутируя новых агентов и устанавливая контакты с египетским движением сопротивления. Так были предприняты первые шаги на пути внедрения немецких шпионов на египетскую базу Великобритании.

Долго спорили по поводу того, как доставить их к месту назначения. Подводная лодка? Нет. На машине через пустыню? Невозможно. Оставался один путь — по воздуху.

Караванный путь ведет от оазиса Фарафрах к Дейруту на Ниле. Альмаши знал, что где-то в пустыне, в сотне километров от реки, есть приметная возвышенность. Южнее ее пролегла широкая полоса твердого грунта, где легко мог приземлиться самолет. Лёту от Дерны туда было ровно четыре с половиной часа, значит, весь полет, включая обратную дорогу, занимал от девяти до десяти часов. Но как смогут агенты преодолеть сто километров пустыни к долине Нила? Пешком — верная смерть. Альмаши предложил вариант. До войны он проезжал там на машине. Машину в самолет, конечно, не погрузить, но что, если мотоцикл? Это — другое дело, тут проблем не будет. Все было подсчитано и просчитано — расчетное время прибытия, вес, горючее, запас продуктов, одежда, деньги и т.д. После долгих поисков нашли даже легкий мотоцикл. Прибыл самолет, и все было готово к 16 июля 1941 г.

Воздух над летным полем Дерны раскалился, словно в гигантской печи. Старт оказался не слишком удачным. У самолета лопнула шина шасси. Риттеру приходилось решать, отложить операцию или изменить план.

— Операция продолжается, — произнес он. — Эскортный самолет повезет агентов, а поврежденная машина выполнит роль прикрытия в воздухе.

Они взлетели и поначалу шли на малой высоте. Над территорией противника поднялись на две тысячи метров, но из-за большого количества песка в воздухе продолжили набирать высоту и летели между тремя и тремя с половиной тысячами метров. Прошел час, два, три, четыре... После почти пяти часов полета штурман указал на пригорок. Машина снизилась до двух сотен метров. Солнце уже садилось и висело невысоко над горизонтом. Им следовало поспешить. «Хейнкель» сопровождения кружил на высоте около километра.

— Что это он не садится? — спрашивали друг друга члены экипажа.

— Почему мы не садимся? — поинтересовался майор Риттер, но молодой пилот все еще искал подходящее место.

— Давай-ка сажай машину, — приказал капитан Ляйхт.

Кляйн и Мюленбрух, спавшие в бомболуке на своей поклаже, проснулись.

Пилот выпустил закрылки. Снижаемся...

Теперь бы уже и сесть, но пилот все не сбрасывал газ и шел над землей.

— Да садись же уже, черт тебя возьми! — закричал Ляйхт.

Но пилот не спешил, а последний свет дня таял с закатом. Через несколько минут падет ночь, и тогда уже никто не поймет, что там внизу, есть ли на естественной взлетно-посадочной полосе камни или иные препятствия.

— Сажай же самолет! Сажай!

По хвосту сброшенной ими дымовой шашки они могли оценить направление ветра. Пилот приготовился садиться, но вдруг опять поднял нос машины.

— Что случилось? — закричал Риттер.

Скоро они сами все увидели. На горизонте медленно, поднимая тучи пыли, ехала британская машина разведки. Летчик «Хейнкеля», с которого ради установки дополнительных топливных баков перед полетом сняли бронирование и часть вооружения, не мог идти на риск и входить в боевое соприкосновение с противником. Следовало убраться с дороги. Они заложили вираж и полетели обратно. Затем пилот вторично приготовился к посадке. Заходящее солнце отбрасывало причудливые тени на волнистой поверхности земли. «Хейнкель» садился. Все находившиеся на его борту приготовились, но пилот снова стал набирать высоту. Капитан Ляйхт посмотрел на него вопросительно.

— Почва слишком неровная. — пояснил он. — Мы разобьемся.

Лицо летчика покраснело.

— Чушь. Это лишь тени. При заходящем солнце каждая кучка навоза на пути кажется метровой изгородью. Почва ничуть не хуже, чем ВПП в Темпельхофе, — зарычал Ляйхт. — Садись!

Поздно.

Пилот уже заложил вираж. К тому времени, когда нос машины вновь смотрел по ветру, солнце зашло. Несмотря на это, они приняли еще одну попытку.

Теперь земля стала листом черной ткани. Наступила африканская ночь. Молодой летчик не решался приземляться.

— Я не смогу, — забормотал он.

Риттер и Ляйхт уставились на него.

— Фельдфебель, вы отдаете себе отчет в том, что делаете? — жестко спросил Риттер.

Но унтер-офицер заупрямился:

— Я отвечаю за машину, майор. Если я разобью ее... — Он еще не завершил фразу, а они уже знали, чем она закончится. Если случится авария, виноват будет он, а приказа о приземлении у него нет. Ему приказали выполнять роль сопровождения, а это не предполагало посадки. В километре над ними в самолете сидел опытный пилот, который имел приказ садиться.

— Агентам придется прыгать, — сказал Ляйхт.

— А как же мотоцикл? — понтересовался Риттер. — Они не смогут пройти сто километров по пустыне к долине Нила. Воды и провизии у них только на три дня, а не на недельный марш через пески.

Кляйн и Мюленбрух, лежавшие в бомболуке, не слышали ни слова.

Последний вылез из своего лежбища и приблизился к Риттеру:

— В чем загвоздка, майор?

Риттер покачал головой и обернулся к Ляйхту:

— Нет-нет, они не могут прыгать. Нам придется отложить операцию. Будем надеяться, что в эскадре поймут и дадут нам машины для второго захода.

— Будем молиться, — мрачно проговорил капитан Ляйхт.

— Назад, в Дерну, — проворчал Риттер.

Мюленбрух покачал головой и пополз обратно в люк к Кляйну. Все молчали. Капитан Ляйхт барабанил пальцами по поручню штурманского кресла. Риттер сидел и злился на себя за то, что поменял машины. Он представлял себе, какое разочарование увидит

на лице Альмаши, когда тот узнает, как нелепо провалилась попытка заброски агентов.

Рокот двигателей и вибрация нагоняли дремоту. Через плексиглас кабины на африканском небе были различимы тысячи звезд...

Радист колдовал над рацией, готовясь к приему. Поступил условный сигнал. Да, это Дерна. Точка, тире, точка, тире! Карандаш заскользил по листу блокнота. Затем раздался голос радиста:

— Дерна не принимает. Авианалет неприятеля. Приказано лететь на запасной аэродром.

Ну вот! Еще и это теперь! Глаза всех обратились к датчику топлива на приборной доске. Хватит ли горючки, чтобы дотянуть до Бенгази, до которого еще три сотни километров?

— Думаю, мы сможем, — сказал Ляйхт, но пока они занимались вычислениями, левый мотор начал давать сбои. Отказало регулирование шага лопастей воздушного винта, и мотор почти «сдох».

Теперь путь у них остался один — лететь в Дерну, невзирая ни на какие авианалеты. В этот момент хвостовой стрелок открыл огонь по британскому бомбардировщику. Летчик бросил машину в пике, уходя от столкновения. Кажется, все было против них.

— Дерна не отвечает, — сообщил радист.

— Надо искать аварийную полосу посадки на побережье.

— Невозможно, майор. Как я что-нибудь найду там на берегу? Летчик еще снизился.

— Мы летим над водой, — сообщил Ляйхт.

— У нас бензина на двадцать минут лета.

— Радист, пошлите сигнал SOS спасателям. — Ляйхт холодно добавил: — Пилот, не забудьте, что при посадке на воду хвост надо опускать.

Стояла крошечная темнота и мертвая тишина. Двигатели смолкли.

Последовал сильный удар — очень сильный, — но He-111 остался на плаву. Пустые баки служили в качестве поплавков.

Радист, бортинженер и два агента поползли к заднему люку. Всему экипажу удалось выбраться, кроме Мюленбруха, которого придавил сдвинувшийся ящик. В темноте, в первые самые страшные секунды, этого не заметили. Они открыли люк и вскоре выбрались на фонарь кабины. Спустили шлюпку. Пилот подплыл к ним. Но где Мюленбрух? Где Риттер и капитан Ляйхт?

Радист пополз обратно в фюзеляж, перелезая через распорки, мотоцикл и упаковки со всем необходимым. Вот он нащупал ногу.

— Мюленбрух! — закричал он, теребя того за ногу. Ни звука. Ни движения. Голову и грудь Мюленбруха раздавил ящик. Агент был мертв. Поскольку радист не мог пройти в кабину, он пополз обратно тем же путем.

А что происходило в кабине? Туда сквозь люк, из которого выскочил летчик, сочилась вода. Риттер был без сознания. Во время посадки он ударился головой. Вода доходила ему уже до колен. Очнувшись, он пытался встать, но тщетно — мешала сломанная правая рука. Перед ним на штурманском сиденье находился по грудь в воде капитан Ляйхт. Он тоже предпринимал слабые попытки выбраться, пока не потерял сознания. Голова его безвольно наклонилась вперед.

— Ляйхт! — закричал Риттер. — Ляйхт! Мы должны выбраться отсюда. Ты как? Что с тобой?

Ляйхт что-то пробормотал, пришел в себя и полез к люку. Риттер подтолкнул его плечом. Ляйхт выбрался из кабины. Он свалился в воду, откуда его подняли в шлюпку члены экипажа.

Риттер перебрался на сиденье летчика и встал на колено, чтобы глотнуть воздуха. Он услышал крик Ляйхта:

— Скорее, майор, кабина вот-вот развалится!

У него не было надувного спасательного жилета, и плыть он мог, только работая одной левой рукой. Правая висела плетью и болела. Риттер поплыл на спине. Он громко кричал, призывая на помощь. В шлюпке наконец сообразили, где он, и поплыли к нему на веслах. Самолет с бульканьем и шипением пошел ко дну, унося с собой Мюленбруха, для которого стал гробом.

Двенадцать часов они провели в море. Четверо в лодке, а двое на спасательных фалах в воде, поскольку места в посудине хватало только для четверых. Риттер сломал руку, Кляйн — плечо, а Ляйхт — несколько ребер. Трое здоровых гребли всю ночь и утро, пока уже в полдень волны не выбросили их на берег между Баркой и Дерной. После кошмарного путешествия по пустыне они вышли к арабскому селению, сходя с ума от жажды. Здесь их нашел «Шторх» спасателей. Вторая машина приземлилась в Бенгази, дотянув туда на последних каплях бензина.

Так закончилась попытка Абвера переправить двух агентов в Александрию. Командующий силами немецких ВВС в Африке был вне себя от гнева. Больше вот так, запросто, он не собирался давать им самолетов. Риттер улетел в госпиталь в Германию, и место его занял Альмаши.

Операция «Кондор»

Бывший египетский специалист, Альмаши лучше, чем кто-либо другой, знал, что представляет собой Каир как центр сбора информации. К примеру, он осознавал ценность корреспонденции американского военного атташе в Каире — донесений, которые тот отправляет в Вашингтон и которые перехватывались и расшифровывались немецкой и итальянской разведками благодаря итальянской шпионке Бьянке Бергами. Через этот канал Роммель с августа 1941 г. получал самые ценные сведения, оказавшие решающее влияние на его военные операции в Северной Африке.

Как-то раз, однако, Альмаши сказал себе: «Источник может пересохнуть. Ни одно военное руководство не потерпит постоянной утечки сведений к врагу в течение длительного времени. Пустьчая ошибка, неосмотрительность, чье-то предательство — и все, канал прикрыт».

Зимой 1941 г. Роммель продолжал получать много секретной информации из стана противника, но Альмаши трепетал при мысли о том, что будет делать немецкая бронетехника, если однажды командир ее не получит дешифрованной информации из Каира. И вот летом 1942 г. на повестку дня у Роммеля встал бросок танковой армии «Африка» к Нилу. Роммелю требовались от Абвера подробные сведения о противнике на египетском участке, нужно было подготовиться к занятию стратегически и экономически важных объектов, обезопасить себя от внезапных угроз и защититься от подрывной деятельности, когда войдут в дельту Нила.

Со своей обычной настойчивостью Роммель добивался, чтобы запросы его исполнялись. После неудавшихся опытов с похищением эль-Масри-Паши, операции Риттера по заброске агентов Кляйна и Мюленбруха, опытные люди, вроде графа Альмаши, видели только одну возможность: агентов нужно доставить к месту назначения сухопутным путем через пустыню.

Канарис назначил Альмаши ответственным за подобную акцию. В качестве агентов выбор в штабе Абвера в Берлине пал на Эпплера и Зандштеде, которые много лет провели в Северной Африке. Транспорт и технические детали поручили 800-му разведывательно-диверсионному полку «Бранденбург». Этот разведывательный контингент, непосредственно подчиненный адмиралу Канарису, получил свое название от г. Бранденбурга, откуда в 1939 г. первая его рота была переброшена на Польский фронт. В октябре 1942 г. это

был уже полк, а к декабрю 1942 г. он разросся до размеров дивизии. На различных ТВД, где возникали потребности в выполнении особого рода заданий, рейдов командос и действий на вражеской территории, в дело вступали бранденбуржцы. Служили там в основном немцы, жившие за границей, владевшие одним или двумя иностранными языками в дополнение к родному. У многих еще сохранились подлинные паспорта, выданные во вражеских странах. Бранденбуржцы записали на свой счет немало успешных операций, как, к слову сказать, и их антиподы на британской стороне — Группа дальнего действия в пустыне.

Люди, принимавшие участие в операции «Салаам» — такое кодовое название получил марш Альмаши через пустыню, — служили в составе Бранденбургского полка или были временно прикомандированы к нему. За редким исключением, они все жили на Востоке по много лет. Они знали обычаи и обладали хорошими здоровьем и подготовкой, позволявшими выдержать тяготы похода.

Подготовка к этой операции заняла около трех с половиной месяцев. В результате военных поражений зимы 1941 г., вследствие чего Роммель оказался отброшен от Тобрука, Соллума и перевала Хальфайа к Эль-Агейле, изначально запланированную отправную точку пришлось переносить дальше на запад. В итоге к пункту назначения — Ассиут на Ниле — приходилось стартовать из Триполи, чтобы пройти более двух с половиной тысяч километров по пустыне. Такова примерно дистанция от Мадрида до Москвы или от мыса Нордкап до Сицилии. Большая часть маршрута пролегла через пустыню, причем через такие места, где еще не ступала нога человека. Кроме того, транспортной колонне приходилось все время прятаться. Всего необходимого запасли на шесть недель. Люфтваффе расщедрилось на специальный рацион, которым не располагали в сухопутных войсках и который мог помочь преодолеть океан песка — Сахару. У одной фирмы в Берлине Вермахт заказал специальные складные лестницы с особо прочными ступеньками для грузовиков. Лестницы предлагалось развертывать, когда возникнет опасность увязнуть в песке. Кроме этого, требовалась масса всевозможного оборудования, достать которое на третьем году войны оказалось непросто.

Особенную проблему представляла подходящая рация. Она должна была работать как на длинных, так и на коротких волнах. иметь небольшие габариты и относительно немного весить. Благодаря величайшим свершениям техперсонала радиовещательной

станции штаба Вермахта в Штансдорфе, такой агрегат был получен в надлежащие сроки.

В начале февраля 1942 г. два агента и три радиста, под руководством вахмистра фон Штеффенса из Берлина, отправились в Триполи. Поездом они доехали до Неаполя, далее им предстояло проделать путь на двух Ju-52. Но все выглядело просто только в теории. Весь воздушный транспорт занимался поставками для Африканской армии. Вахмистру пришлось ехать в Рим и там добывать машины у местного летного начальства. Секретность все очень осложняла, но главный представитель Абвера знал, как сделать так, чтобы «сезам» открылся.

В Триполи реквизировали целую виллу, чтобы она служила штаб-квартирой для всего предприятия. Стали подыскивать технику. Нашли трофейные английские полноприводные грузовики — два тяжелых «Форд Делюкс», два полутонных тоже фордовских вездехода, называвшихся «Флипперами». Их тщательно проверили и опробовали на ходу. В качестве вооружения им служили пулеметы, установленные на вертлюжных станках рядом с водительским местом.

Поскольку большая часть маршрута пролегла по незнакомой территории, ориентироваться предстояло по компасу. Три автомашины комплектовались компасами «Аскания», а головной автомобиль — секстантом на случай непредвиденных обстоятельств. Борты техники украшали черные с белым кресты, которые обычно наносились на немецкие военные грузовики. Однако из-за пыли распознать их можно было только с очень близкого расстояния. Так или иначе, условия Гаагской конвенции были соблюдены. Агенты носили немецкую военную форму, чтобы в случае захвата их не расстреляли как шпионов.

29 апреля 1942 г. они завершили подготовку и могли выступить. Сравнительно легко они добрались до оазиса Джало, в котором дислоцировались итальянские войска. Здесь их ждал первый неприятный сюрприз. Итальянские карты оказались неточными. Судя по ним, твердые грунты, по которым машина могла передвигаться быстро, дотягивались до британских позиций в Дахле. По уверениям местных жителей и по опыту Альмаши, примерно в пятидесяти километрах на восток от дороги Джало—Купра должна была располагаться гряда дюн — один из так называемых дюнных коридоров, преодолевать которые приходилось зигзагом, что вызывало потерю времени и перерасход горючего. Во время разведывательного полета Альмаши лишний раз убедился в том, что дюны тянутся на мно-

гие сотни километров в глубину. Данное обстоятельство перечеркивало все выкладки по горючему. Нужно было все пересчитывать и добывать недостающее. Затем последовал второй сюрприз. Питьевая вода оазисов не годилась для транспортировки. Они оказались вынуждены наполнять канистры в двадцати километрах от места стоянки.

Альмаши был убежден, что это вопрос жизни и смерти. Они выступили на рассвете — по два человека в каждой машине. Возглавляли колонну Альмаши и Эпплер. Вся группа состояла из восьми человек.

Серир под колесами был тверже бетона. Ветры столетий сдули подвижный песок, обнажив каменистую «подкладку». Водители безбоязненно разогнались до ста километров в час. Вокруг не существовало телеграфных столбов, канав и тротуаров. Дорога тянулась настолько, насколько мог видеть глаз. Все, что требовалось от водителей, — нажимать на педаль газа и не забывать поглядывать на стрелку компаса. На второй день сказка кончилась. Словно океанские волны в штормовой день, путь им преградили песчаные дюны. Тут никогда не ступала нога человека и уж тем более не проезжало колесо автомобиля.

Преодолевать песчаные дюны в Сахаре — особое искусство. Машина ставится под прямым углом к гребню дюны, куда затем нужно въехать на полной скорости.

Важно не перескочить через него и не свалиться с другой стороны с высоты трех, шести, а то и двадцати метров. Тогда машину не достать — она так и останется там. Поэтому перед самой вершухой нужно повернуть руль и съехать вниз по косой к гребню. Съехав вниз, вновь нужно нажимать на газ, чтобы преодолеть следующую дюну. И так вновь и вновь, опять и опять, как на американских горках.

Они занимались всем этим два дня, покрыв при этом каких-то тридцать километров. И все при температуре 50 °С. Ночью термометр падал до 8 градусов, и людей бил озноб. На третий день молодой врач свалился от пустынной колики — болезни, вызываемой переутомлением и проявляющейся в потере координации и обмороках. Имея такого больного, который к тому же оказался врачом, они не могли продолжать движение. Надеяться на скорое выздоровление не приходилось. Тратить время на разбивание лагеря было бы абсурдом. Ко всему прочему, фон Штеффенса подвело сердце. На протяжении месяцев он служил движущей силой технических приготовлений. Он являлся техническим гением опера-

ции «Салаам». Он все подсчитал, дрался со снабженцами других частей и групп за каждую банку сосисок, пакет кофейных зерен и даже пачку маргарина. Кроме того, он позаботился о воде. Очень и очень разумно, поскольку Альмаши, понадеявшись на сведения итальянцев, собирался наполнять канистры в колодцах Джало. Вызвавшийся помочь им араб, однако, спросил их, долго ли они собираются хранить воду.

— Конечно, долго, — ответил Штеффенс. — Тебе-то какое дело?

Сын пустыни ответил:

— Никакого, господин. Я только хочу сказать, что воду эту нельзя хранить. Через три дня пить ее станет невозможно.

Хотя Альмаши полагался на рапорты итальянских специалистов, Штеффенс послал образцы на экспертизу в 659-ю роту водоснабжения. «Более трех дней воду хранить нельзя», — выдали те свое заключение. Таким образом, канистры пришлось наполнять в Бир-Бутафаль, в двадцати километрах.

Вахмистр Штеффенс работал по двадцать часов в день. Теперь Сахара представила ему для оплаты счет... а доктор не мог помочь. Альмаши решил поступить так, как поступил бы любой другой, — повернуть назад. Пять дней спустя они вернулись в оазис Джало.

Однако, если смотреть в целом, неудача обернулась в конечном итоге им на пользу. Альмаши убедился, что не сможет победить песчаное море. Поэтому, сделав новые запасы продовольствия, он решил попытаться счастья на другом маршруте.

Вновь они двинулись в путь 11 мая, на сей раз без доктора и фон Штеффенса. Оставили и заболевшего унтер-офицера Бойльхарца. Они шли по берегу океана песка, по знаменитому Балификате — пути, вдоль которого тянулись поставленные итальянцами металлические столбы и геодезические вышки. Вновь их попутчиком стало жаркое солнце Сахары.

На шестой день они столкнулись с тем, что немецкий исследователь Фридрих Горнеманн впервые наблюдал в 1798 г. и описал в таких выражениях: «Семь дней мы двигались через черную, скалистую пустыню, которая, наверное, может по праву считаться одним из самых нерадостных мест на земле. Пустынное плато, по видимому, обязано своим видом вулканическим выбросам».

Группа Альмаши также очутилась на таких же черных базальтовых полях, которые появились в результате вулканических выбросов еще на заре истории. Бедуины прозвали их «гарет». Валуны, которые попадались то там то тут, словно заброшенные сюда рукой некоего ве-

ликана, оказывались иногда размером с хороший автомобиль; были среди них и более мелкие — размером с кулак или голову человека.

Альмаши отправился на разведку и через несколько часов вернулся, обнаружив более или менее подходящий проход. Медленно, со скоростью километров пять-десять, тащился отряд по причудливому лабиринту. Переход занял шесть часов. Впереди, величественные и причудливые, высились горы Кебира. Они представляли собой огромное плато, поднимавшееся на западе до высоты семисот пятидесяти метров и постепенно спускавшееся к пескам пустыни на востоке.

Альмаши вновь ушел вперед. Гениальный искатель приключений, фамилия которого всегда будет ассоциироваться с танковой армией, ходил по Сахаре как бедуин, точно провел в этих местах всю свою жизнь. Он прекрасно ориентировался. Стоило ему что-нибудь один раз увидеть, как это навсегда запечатлевалось в его памяти. С небольшим венгерским акцентом он сказал свои товарищам:

— Я путешествовал тут в тысяча девятьсот тридцатом году. Два года спустя мне довелось стать первым европейцем, пересекшим Гильф-Кебир с востока к Куфре. Со мной шел мой английский друг, Клэйтон. Сегодня он служит в Группе дальнего действия в пустыне и хочет взять меня в плен. В те дни мы были с ним лучшими приятелями и вместе исследовали легендарные оазисы Зарзуры — оазисы Пташек. Я нашел их, что позволило поэту Арнольду Гёлльригелю включить в свою книгу эту сказку. Все действие происходило среди пастбищ пасторального Тиббуса. Осенью тридцать второго я служил проводником профессору Лео Фробениусу, величайшему исследователю Африки, и показал ему великолепную наскальную живопись в пещерах Гильф-Кебира. Они тут недалеко, на западном склоне — вон там, в спрятанной от глаз Суравади, долине Картин, как я назвал ее и как она теперь обозначается на карте. Я был первым белым человеком, которому довелось увидеть эти пережившие века рисунки. Записки профессора Фробениуса вызвали революцию среди изучающих культуру Африки. Будь у нас время, мы могли бы пойти и посмотреть каменную пирамиду с моим именем, которую я воздвиг в честь египетского князя и исследователя Кемаль ад-Дина Хусейна, в тысяча девятьсот тридцать третьем году.

Альмаши говорил обо всем этом так, точно зарабатывал себе на жизнь гидом-экскурсоводом в Центральной Европе. Восхитительный человек Альмаши — кавалерист, венгерский монархист, революционер и сторонник императора Карла после Первой мировой

войны, искатель приключений, летчик, гонщик-водитель, исследователь пустыни, сражавшийся в тот момент за Германию в составе одного из пустынных дозоров Роммеля.

Теперь им предстояло найти проход сквозь горы.

— Я проходил сюда в тридцать седьмом году с востока, поэтому теперь должен найти вход с западной стороны, — сказал Альмаши.

Да, он всегда начинал свои экспедиции с востока, из дельты Нила. Штурман и проводник для египтян и британцев, для исследователей, для совершающих кругосветное путешествие и стратегов, этот венгерский граф был лучшим гидом в Ливийской пустыне. Но они никогда не испытывали к нему благодарности. Они относились к нему с пренебрежением и презирали его. Теперь наступило время отомстить, и его путь лежал с запада на восток, он шел против Англии — к Нилу.

Движимый своим шестым чувством, Альмаши скоро нашел запасы воды, которые он сделал в 1937 г. у подножия Гильф-эль-Кебир. Эту воду в герметично закупоренных канистрах еще можно было пить. Альмаши открыл одну из канистр и полил из нее в протянутые ладони своих людей. Они осторожно пробовали влагу. Не чистая ключевая вода, конечно. Тепловатая, однако по вкусу ничуть не хуже той, что они набрали в канистры. Они выпили и смеясь бросили каждый по несколько пригоршней себе на лицо. Дорогое сумасбродство!

Они запрятали ведущий «Флиппер» за водным запасом Альмаши, чтобы машина служила им чем-то вроде походного склада на обратном пути.

Сообщение по радиации о том, как проходит экспедиция, ушло в Джало и на пункт радиосвязи в танковую армию Роммеля. Связисты, Аберле и Вебер, оба из 800-го полка «Бранденбург», приняли донесение в палатке под Мамелином в Киренаике. Таким образом, в танковой армии могли следить за продвижением секретной группы «Салаам».

Через три часа Альмаши нашел проход через горы Кебира.

На вершине плато он объявил привал и принялся спокойно обозревать протянувшиеся на двести километров Гильф-эль-Кебир.

— Какой прекрасный естественный аэродром, — сказал он. — В тридцать седьмом меня это поразило. Сюда может сесть целый воздушный флот. А отсюда не более семисот километров до Нила. — Альмаши продолжил осмотр.

Вечером 22 мая, в субботу, маленькая группа увидела огни оазиса Чарга, светившиеся в низине. Опасаясь выдать свое присут-

ствие, они не разжигали костра, удовлетворяясь холодными закусками. Консервированный язык, черный хлеб, холодный чай и шоколадные конфеты. Все, кто хотел курить, отправлялись в машины. Затем участники экспедиции заползли в спальные мешки, впервые за все время пути выставив часового.

Утреннее солнце встало во всей красе. Чарга раскинулся внизу, словно волшебная страна. Протяженный «куст» оазисов, где было полным-полно свежей воды, зелени и живых людских душ. Но люди там, внизу, в деревянных хижинах, были врагами. Обойти оазис не представлялось возможным, но, как они надеялись, военные занимали не все ветки «куста». Группа решила ехать прямо через оазис.

Теперь они передвигались в двух грузовиках по шесть человек в каждом; Альмаши — в головном. Дорога раздваивалась. Они поехали по более узкому отростку к меньшему по размерам оазису.

— Надо надеяться на лучшее, — проговорил Альмаши, но случилось худшее. Оазис, к которому вела их дорога, оказался занятым. Под пыльными пальмами стояло несколько грузовиков, ходили солдаты. Немцев ничего уже не могло спасти, поскольку их обнаружили.

— Не останавливаться, — приказал Альмаши. — Оружие с предохраниителей снять.

Но солдаты оказались египтянами из гарнизонных войск, охранявших оазис.

Часовой поднял руку:

— Стоп!

— Давайте, Эпплер, скажите им, что мы авангард дивизии, — обратился Альмаши к Эпплеру по-английски. Тот высунулся из машины и сказал по-арабски:

— Мы передовое боевое охранение дивизионного командира. — Затем он указал на оставшееся позади плато: — Может быть, оттуда приедет сам генерал.

С чего бы египетскому часовому проявлять подозрительность, когда примерно в полутора тысячах километрах от передовой, на одном из самых дальних аванпостов, солдат сообщает ему о прибытии генерала на арабском языке? Он просто махнул им, чтобы они проезжали. Альмаши и Эпплер слышали, как он пробормотал:

— Будем надеяться, что вашего генерала пронесет стороной.

— А я надеюсь, что нет, — тихо поговорил Альмаши, имея в виду, конечно, Роммеля.

Они ехали дальше на полной скорости и на следующий день вскоре после полудня, проследовав перевал Джалса на окраине пустыни, увидели расположенный в долине Нила Ассиут.

Покачивались от дуновений легкого ветерка ветви пальм. Хлопковые поля сияли на солнце, подбираясь, как казалось, к самой сверкающей ленте Нила. Альмаши взял фотоаппарат, которым на протяжении путешествия пользовался постоянно. Граф сфотографировал указатель: «Ассиут — 5 миль». Рядом виднелась надпись, сделанная по-арабски и по-английски: «Осторожно. Резкий спуск. Проезжайте медленно».

— Осторожно, — сказал Альмаши Эпплеру, стараясь, чтобы в голосе его не чувствовалось тревоги. Они выкурили сигареты молча. Затем оба агента достали из своего багажа гражданскую одежду. Штаб Абвера в Берлине позаботился обо всем — не забыл даже пришить язычки с названиями каирских фирм к брюкам и пиджакам. Ничего не было упущено. В бумажниках лежали личные письма и фотографии, счета, карточки гостиниц. Имелись и ключи от американского «Бьюика», египетская мелочь, полный записей журнал Каирского автоклуба и тому подобные вещи. Короче, все, что должно быть у двух молодых людей, которые, согласно легенде, возвращаются в Каир после путешествия на машине по пустыне. Затем из машины принесли передатчик в чемодане и второй чемодан с деньгами — 200 000. Когда казначей, Гертнер, паковал деньги в Берлине, у него сердце обливалось кровью. То были не фальшивые купюры, которые и по сей день циркулируют по Египту, а настоящие, полновесные, свободно конвертируемые британские фунты.

Прощались коротко.

— Не время для сантиментов, — сказал Альмаши. — Увидимся в Каире. Подыщите нам там подходящую квартиру.

— Непременно, — отозвался Зандштеде.

— Будет сделано, — пообещал Эпплер. И они ушли, держа в руках каждый по чемодану.

Альмаши повернулся и повел своих людей в обратный путь — две с половиной тысячи километров через пустыню. Они обследовали местность, будто находились в экспедиции. Они рисовали карты и делали наброски. Проскакивали британские дозоры. На обратном пути они наткнулись на склад Группы дальнего действия в пустыне, состоявший из машин, груженных водой, бензином и консервированными продуктами. Немцы взяли, сколько хотели. Оставшийся бензин вылили, в баки насыпали песку. Унтер-офицер Вёрманн с гордостью отправил в Мамелин заранее подготовленное

сообщение об успешном завершении операции. Из штаб-квартиры Роммеля ответили: «Сообщение принято». Это было последнее донесение, которое они смогли отправить, — больше они не получали ответа. Потом уже, когда Альмаши лично рапортовал о возвращении группы Роммелю в Бир-Хакейме, он узнал подробности. Отдавая честь, граф доложил командующему:

— Господин генерал, операция «Салаам» успешно завершена. Можно приступать к операции «Кондор».

Роммель не делал секрета из того факта, что тема была для него болезненной. Как оказалось, в начале майского наступления он взял Аберле и Вебера в свой штаб связистами. Он нуждался в каждом человеке, и те двое, как сказал Роммель, могли ждать донесений из Каира как в Мамелине, так и в любом другом месте. Но потом произошла катастрофа 27–28 мая. В те дни над Африканским корпусом за позициями Газалы нависла смертельная угроза. Томми атаковали отовсюду, и однажды утром Роммелю, не добрившись, с мыльной пеной на лице, пришлось поспешно уносить ноги. В неразберихе разведка Роммеля вместе со всем штабом угодила в плен, включая и фургон с Аберле и Вебером и разработками плана «Кондор». Альмаши открыл рот, услышав эти новости. Как же можно было вот так рисковать прекрасным планом, над разработкой которого столько трудились в главном разведуправлении в Берлине? И все из-за того, чтобы не оставить без работы двух человек. Граф попытался рассеять неловкую атмосферу встречи рассказом об операции «Салаам».

— Господин генерал-полковник, я смог бы провести к Нилу целый полк.

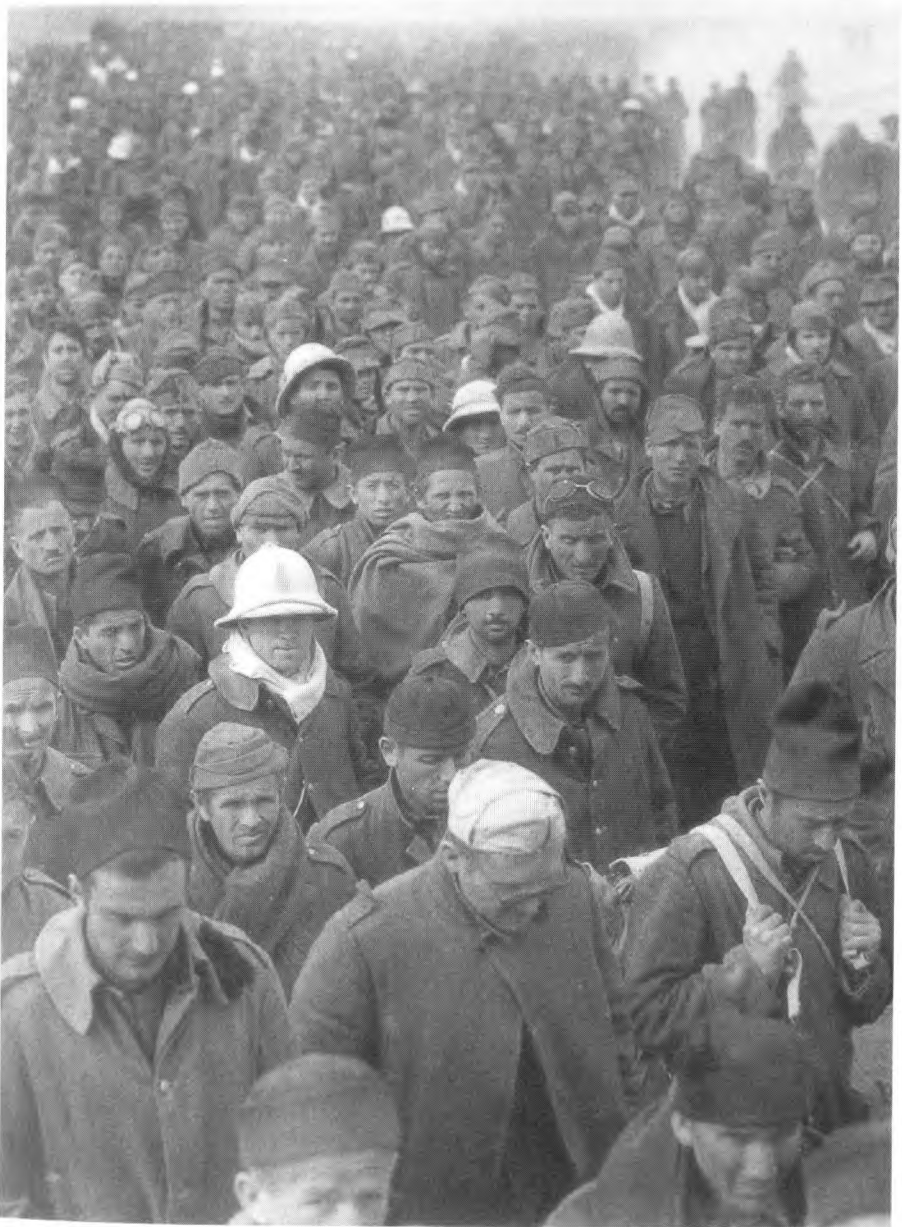
Роммель хлопнул его по плечу, немедленно повысил в звании до майора, а потом сказал с усмешкой:

— Граф Альмаши, я надеюсь скоро прибыть туда со всей моей армией более коротким путем.

Лучась обаянием, венгр ответил:

— Господин генерал-полковник, наши люди, безусловно, приготовили бы там для вас виллу, если только британцы не схватят вас тем временем.

После длинного и опасного путешествия Эпплер и Зандштеде прибыли в Каир. Они сняли плавучий домик на Ниле. Эпплер прекрасно вжился в роль богатого египтянина Хусейна Гаафара, Зандштеде — эксцентричного американца ирландского происхождения Питера Мункастера. Они установили антенны на крышу своего



Итальянские военнопленные. Ливия, январь 1941 г.



Горящий порт Тобрука. *На переднем плане* австралийские легкие танки. 24 января 1941 г.

Осада Тобрука. Немцы были вынуждены стянуть к этому городу крупные силы для окружения двух британских дивизий. Апрель — май 1941 г.

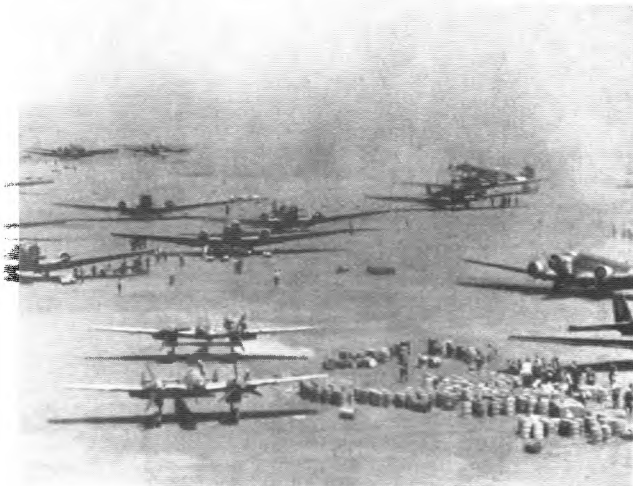




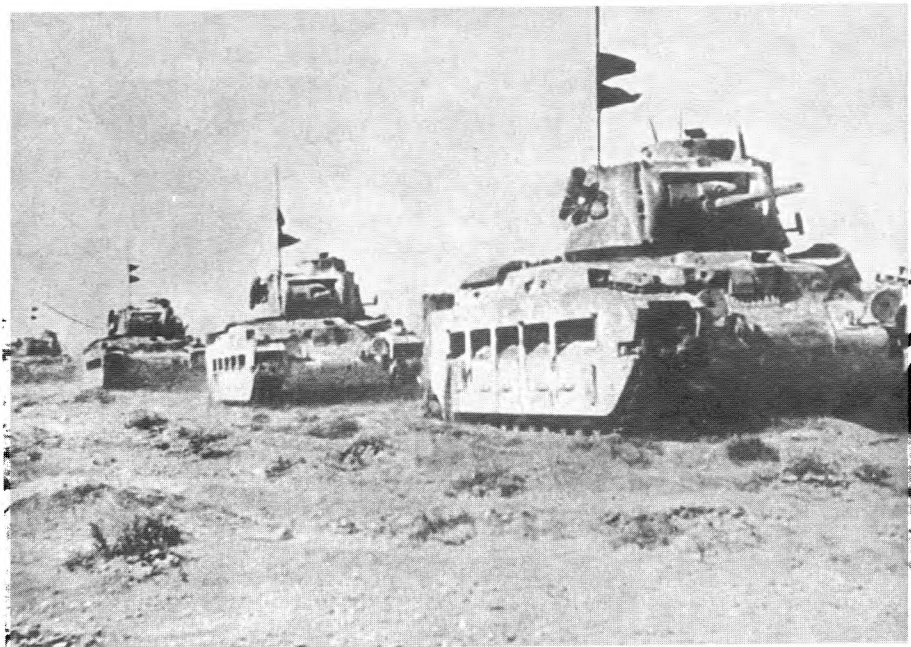
Мерса Брага взята. Немцы у входа в помещение британского штаба. *Справа*: раненые англичане ждут отправки в лагерь для военнопленных. Конец марта — начало апреля 1941 г.



Оборона Тобрука. Британцы ведут огонь по неприятельским самолетам. Весна 1941 г.



Транспортные самолеты играли важную роль в снабжении Африканского корпуса. Апрель 1941 г.



18 ноября 1941 г. английские бронетанковые войска после глубокого обхода неожиданно вышли в тыл войск «Оси» около г. Соллум у перевала Хальфайа



Краткий отдых после боя на перевале Хальфайа. Ноябрь 1941 г.



Итальянские солдаты перед боем завтракают на скорую руку. Ноябрь 1941 г.



Немецкая автоколонна в пустыне. Июль 1941 г.

Маневренная война в Северной Африке была возможна для войск стран «Оси» только при наличии больших запасов горючего. Как только возникали перебои в его поставках, активные боевые действия приходилось приостанавливать и терять инициативу

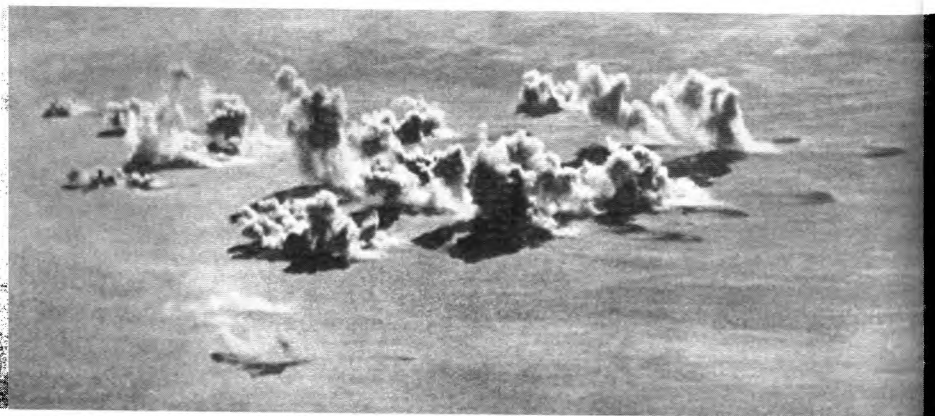
Крах британской операции «Battleaxe». Немецкие танки в наступлении. Июль 1941 г.





«Юнкерсы» отправлены для атаки английских танков в районе Габеса. 23 ноября 1941 г.

Английская колонна под бомбами немецкой авиации. Ноябрь 1941 г.





Штаб войск стран «Оси» в Африке. Каждый имеет право высказать свое мнение, а ответственность лежит на одном Эрвине Роммеле

4-я индийская дивизия под огнем врага идет в атаку. Район Газалы. Май — июнь 1942 г.





Обеденный перерыв на летном поле. *На втором плане* истребители «Мессершмитт» Bf 109 E-3. Лето 1942 г.

Южноафриканцы вынуждены залечь, пережидая налет авиации противника. 4 июня 1942 г.





Подбитый американский танк «Грант» («Ли-Грант» М3). Прибытие большого количества этих новых танков резко изменило соотношение сил в Северной Африке. Танки «Грант» превосходили по своей боевой мощи большинство немецких и итальянских машин. Июнь, 1942 г.



Немецкие войска перед броском на Тобрук. 20 июня 1942 г.

Немецкие танки преследуют англичан в районе Газалы. Июнь 1942 г.





Английские танки остановлены
в пустыне между Газалой
и Эль-Адемом.
Середина июня 1942 г.



Брошенная англичанами военная
техника. Район Эль-Аламейна.
Июль 1942 г.

Немецкая артиллерия ведет огонь по английским танкам. Район Дейр-Эль-Шейна 20 июля 1942 г.





Почти через две недели после прибытия на рубеж Эль-Аламейна немцы неожиданно для противника снова двинулись на восток. Четыре дивизии обогнали передовые английские войска и захватили крупные склады. Разбросанные дивизии 8-й армии быстро начали отход. Только из-за трудностей в снабжении немцы были вынуждены прекратить преследование. Июль 1942 г.

Британские гвардейцы под прикрытием танков «Матильда» идут в атаку. Первая битва при Эль-Аламейне. Конец августа 1942 г.





Немецкие военнопленные ожидают отправки в лагерь. В ходе боев при Эль-Аламейне 25 октября 1942 г. англичанами было захвачено около 30 000 пленных

Британские танки «Крусейдер» продвигаются вперед после сражения при Эль-Аламейне. Ноябрь 1942 г.





Попавший в плен командующий Африканским корпусом генерал фон Тома (*справа*) представляется генералу Монтгомери (*слева*). 4 ноября 1942 г.

Несмотря на поспешность отступления, довольно большое число немецких солдат попало в окружение и сдалось в плен. Ноябрь 1942 г.



После сражения при Эль-Аламейне моторизованные части 8-й армии преследуют разгромленные войска стран «Оси». В ходе отступления немцы отобрали автотранспорт у четырех итальянских дивизий, которые в результате были отрезаны. Ноябрь 1942 г.



10 ноября 1942 г. в Тунис прибыли подкрепления из Западной Европы. Согласно плану они должны были надолго сковать союзников в Тунисе. Немецкие парашютисты, переброшенные из Европы, проходят по улицам Туниса

14 февраля 1943 г. немецко-итальянское командование планировало начать наступление на союзников в западном Тунисе, пока англичане будут атаковать линию Марет. Парашютисты и бронетехника перед наступлением





Капитуляция. Пленные немецкие солдаты после падения Туниса. Май 1943 г.

плавучего жилища и вступили в контакт с египетским националистическим движением. Анвар Садат, теперь министр Объединенной Арабской Республики, в Каире являлся одним из тех, с кем был связан Эпплер. Садат служил лейтенантом в египетской разведке. Он был добрым другом Насера, в будущем президента той же самой республики, а тогда лейтенанта с опытом службы в Судане. Садат действовал как помощник Насера в революционных антибритански настроенных офицерских кругах в Каире. Лейтенант Садат помог двум немецким агентам выйти на бывшего начштаба египетской армии эль-Масри-Пашу — человека, которого майор Риттер неудачно пытался вывезти из страны самолетом. Эпплер и Зандштеде получали самую секретную информацию из рук антибританских военных групп. Суперагентом, мы уже говорили об этом, являлась знаменитая на весь Каир танцовщица Хекмат Фахми. Благодаря своим связям с британскими офицерами она добывала ценные разведывательные сведения. Купавшаяся в лучах славы исполнительница танца живота ненавидела Англию и была готова на любые подрывные действия, направленные против врага. Эпплер откровенно пользовался этим. Хекмат сообщала ему о переброске частей британской 10-й армии из Сирии и Палестины в Египет. Она дала знать немецким агентам об отправке ста тысяч мин под Эль-Аламейн, когда еще никто не знал, где именно Великобритания намерена создать ключевые очаги обороны. От Хекмат Эпплер узнал о переброске 2-й новозеландской дивизии генерала Фрэйбурга в Мерса-Матруб задолго до того, как дивизия тронулась в путь. Радист Зандштеде, он же Питер Мункастер, всегда сидел перед рацией в назначенное время и слушал. Ничего! Рядом с ним лежали донесения, зашифрованные с помощью английского издания романа Дафны дю Морье «Ребекка». Абвер достал три одинаковые книги одного издания в Португалии — одну для группы «Кондор», одну для Аберле и Вебера и одну для радиостанции Абвера в Афинах.

Хусейн Гаафар и Питер Мункастер — два немецких агента, которым предстояло стать глазами и ушами Роммеля, — с грустным видом сидели в плюшевых креслах и попивали виски. Чего ради отправлялись они с Альмаши в путешествие длиной две с половиной тысячи километров через пустыню? Куда подевались надежды, которые Берлин и Роммель возлагали на «Салаам» и «Кондор»? Великая игра окончилась ничем.

Два агента благополучно прибыли в Каир, сняли дом и подключили передатчик. Пятая колонна заработала. Танцовщица Фах-

ми передавала им наиценнейшую информацию. Они наладили связи с антибританскими силами сопротивления. Но все это оказалось бесплодным.

Так почему же?

На этот вопрос давались разные ответы. Министр в правительстве Насера, Анвар Садат, упоминает об этом в секретном дневнике египетской революции. Эпплер сказал ему, что передатчик неисправен и что он не может выйти на связь с немецкой станцией. Садат, будучи офицером подразделения разведки и специалистом в области радиосвязи и радиопередающих устройств, пообещал прийти и посмотреть. «Когда я навестил двух немцев в их доме на воде, — сообщает Садат, — я напрасно надеялся увидеть там передатчик. Я заметил антенны на крыше, но не мог найти секретного аппарата. Затем Эпплер проводил меня в музыкальный кабинет с граммофоном. Он нажал на пружину, поднялась деревянная крышка, под которой находилось помещение с передатчиком и местом радиста. Там имелась даже лампа, так что передатчик мог работать при закрытой крышке, когда играла музыка. Самый сообразительный шпиик вряд ли заподозрил бы, что немецкий передатчик спрятан и может работать в таком вот музыкальном шкафу».

Садат внимательно осмотрел передатчик, но не смог понять, в чем же причина — все работало. Разве удивительно, что у подозрительного революционера зародилась мысль, что, может быть, немцы просто не хотят посылать донесения?

Фанатичный помощник Насера продолжает: «Плавучий дом был устроен в духе «арабских ночей», этакое место для приятного времяпрепровождения в женском обществе. Может быть, в этих декорациях два молодых агента забыли о том опасном задании, которое получили».

Такова версия Садата.

Никто из так или иначе вовлеченных в игру не знал, что оператор немецкой станции слышал первые позывные от «Кондора», но отвечать не стал.

Причину объяснил мне человек, который руководил с немецкой стороны выполнением особых заданий на Ближнем Востоке, майор S. Его, скрывавшегося под кличкой «Анджело», знали разведки по обе стороны линии фронта. Поскольку настоящие его имя и фамилия еще не рассекречены, я тоже не стану открывать их.

Когда «Анджело» узнал о том, что случилось с Абеле и Вебером, он отдал приказ всем рациям не отвечать на позывные «Кондора» и не устанавливать с агентами контакта. Для мастера в области шпионажа было совершенно очевидно, что рано или поздно Абеле и Вебер расскажут британцам все, что им известно об операции «Кондор». Если в руки противника попадет их код — чего так боялись и что в итоге подтвердилось, — тогда британские специалисты получат достаточно оснований подвергнуть радистов допросу с применением пыток. Узнав все, что надо, британцы смогли бы сами посылать сообщения с целью введения немцев в заблуждение. В таком случае любая информация от «Кондора» стала бы бесполезной. Приказ «Анджело» избегать любого контакта с Эпплером и Зандштеде был не просто разумен, необходим ради безопасности обоих агентов. Только так у них мог быть какой-то шанс уцелеть. Вопрос состоял в том, кто выиграет гонку за время? Успеют ли танки Роммеля войти в Каир до того, как британские службы безопасности посетят плавучий дом на Ниле? Британцы оказались быстрее. Зандштеде и Эпплера арестовали в их доме на воде в сентябре 1942 г.

Вперед, к Нилу

Искупаться в Средиземном море было мечтой любого солдата в Африке от рядового до генерала. 22 июня 1942 г. командир Африканского корпуса, генерал Неринг, и его начштаба, полковник Байерляйн, отпраздновали немецкую победу в Тобруке таким купанием. Оно едва не кончилось плачевно, потому что, когда фельдфебель Фоллер остановил автомобиль у маленького и, по всему видно, заброшенного здания, два отчаявшихся, полуголодных британских солдата внезапно вышли из него с револьверами в руках. Они выскользнули из Тобрука и спрятались здесь. Ни у кого из немцев не оказалось при себе оружия, но у Неринга на плечах была голова. Он спокойно заговорил с двумя томми и отвлек их внимание в самый опасный момент. В процессе этой беседы прибыла передвижная радиостанция генерала, которая обычно следовала за ним, но тут отстала. Опасность миновала. Поскольку ни Неринг, ни Байерляйн не имели намерения портить себе прогулку, они разоружили томми и отправили их в город, приказав им явиться на пункт сбора военнопленных. Британцы вовсе не собирались в лагерь. Они по-

вернули в пустыню. В результате британская история войны обогатилась цветистым рассказом о лейтенанте Бэйли и сержанте Нортоне, которые вышли к британским позициям после тридцати восьми дней пути.

Но вернемся на берег возле Тобрука. Не успели два офицера закончить купание, как связной позвал их в штаб: фельдмаршал по рации немедленно требовал их к себе. Их ждало в равной степени заслуживавшее восхищения и сожаления противоречивое решение Роммеля наступать на Александрию немедленно, без передышки после тобрукской победы.

После нанесенного британцам в Тобруке поражения Роммель не сомневался, что главная цель его близка — стоит только протянуть руку и взять ее. Конечно, как немецкие, так и итальянские подразделения дорогой ценой заплатили за взятие Тобрука и предшествовавшие этому победы, понеся тяжелые потери в живой силе и технике. Пауза казалась неизбежной, не только по практическим, но и по иным причинам. Как всегда, самой большой головной болью оставалось снабжение. И проблема, конечно, создавалась островом Мальта. Только в случае захвата его Роммель мог продолжать беспрепятственно вести войну в той части Северной Африки. Оставить Мальту в руках британцев и в то же время продвигаться на восток означало искушать судьбу. Великолепный начальник разведотдела Роммеля, подполковник фон Меллентин, обращается к данной проблеме в своей книге «Танковые сражения» и приходит к следующим выводам: «Предстояло принять серьезное решение. В изначальном плане, по поводу которого Гитлер и Муссолини пришли к согласию в конце апреля, было четко оговорено, что после захвата Тобрука танковая армия должна остановиться на египетском пограничье до тех пор, пока не будут собраны все авиа- и морские силы, необходимые для взятия Мальты. Овладеть островом предполагалось с помощью высадки воздушных десантов. Замысел был верным, поскольку с падением Мальты обеспечивались линии коммуникаций в Северной Африке и предоставлялась возможность развернуть наступление в дельте Нила без ненужных опасений по поводу снабжения. 21 июня Тобрук пал; фельдмаршал Кессельринг прилетел в Африку, и мне довелось присутствовать в командирской машине при его беседе с Роммелем. Последний предполагал развивать победоносное продвижение и не ждать захвата Мальты. Кессельринг настаивал на том, что наступление на Египет, ввиду близости британской базы, может стать успешным только при условии полномас-

штабной поддержки Люфтваффе. Предоставляя ее, Люфтваффе не сможет продолжать эффективно действовать по подавлению Мальты. Длинные линии коммуникаций Роммеля неизбежно находились бы под угрозой. Поэтому Кессельринг выступал за первоначальный план и требовал отложить вторжение в Египет до тех пор, пока не будет взята Мальта. Роммель решительно противился такому варианту, и спор накалялся. Два немецких маршала не могли прийти к общему мнению. Итальянский генштаб, немецкое военно-морское руководство и фельдмаршал Кессельринг упорно не соглашались с Роммелем. Последний радировал Гитлеру, требуя его решения. Гитлер телеграфировал Муссолини: «Дуче, богиня победы обычно улыбается лишь однажды». Так было принято важное решение отложить взятие Мальты до сентября и передать все имевшиеся войска в распоряжение Роммеля для наступления в дельту Нила. Было ли решение верным?»

Интересно услышать, что служило основой решения Роммеля. Генерал-лейтенант Байерляйн передал мне доводы фельдмаршала: «Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы британцы не открыли новый фронт и не перебросили на этот фронт войска с Ближнего Востока. 8-я армия на сегодняшний момент крайне слаба. Ее ядро — две британские пехотные дивизии. Части бронетехники, которые противник может подтянуть из египетского тыла, не могут обладать значительной ударной мощью».

У Роммеля имелся и второй аргумент: «Когда итальянцы закончат свои приготовления к высадке на Мальте?» Разве решение о начале операции не было принято, а потом отложено из-за того, что итальянцы еще не закончили приготовлений? Дуче ни в коем случае не желал оставить захват Мальты одним немцам. Гитлер в результате тяжелых потерь, понесенных на Крите, не возражал против участия итальянцев в данной акции. Таким образом, вопрос захвата Мальты в значительной степени зависел от итальянского генштаба. А тут у Роммеля возникали свои личные сомнения.

Кроме всего прочего, Лис пустыни был уверен в успехе. Он знал о том, что британцы отводят части 10-й армии из Сирии для участия в боевых действиях на Североафриканском фронте. Знал он и о том, что скоро — буквально со дня на день — на ТВД ожидается поступление американской бронетехники. Он знал также, что британцы не собираются удерживать Мерса-Матрух. Это становилось ему известно из расшифрованных посланий в Вашингтон американского военного атташе в Каире. Как мы уже говорили, сведения эти помогала добывать итальянская шпионка, Бьянка Бергами. Бьянка, дочь вы-

сокопоставленного чернорубашечника фашистской милиции, «по-займовала» ключ в американском посольстве в Риме.

Вдобавок к этой информации роты радиоразведки на Африканском фронте снабжали Роммеля точными сведениями о состоянии дел противника. Несколько серьезных кризисов в ходе кампании (вплоть до битвы при Эль-Аламейне) удалось разрядить благодаря их радиоперехвату. Последние прослушивали британские сообщения, отслеживали передвижения войск и в итоге взломали британский код. Роммель поэтому знал очень многое о планах, замыслах, вооружении и сосредоточении войск противника — и он умел применить свои знания. Все эти бесценные источники функционировали до июля 1942 г. — до того момента, когда Роммель развернул наступление на Александрию. Затем они «пересохли». Внезапно поменялся код. Теперь бы самое время начать действовать «Кондору» в Каире. Создалась как раз та самая ситуация, которую предвидел и которой опасался Альмаши, вследствие чего так упорно стремился забросить Эпплера и Зандштеде в Каир. Но «Кондору» подрезали крылья.

В результате Роммель не мог получить жизненно важных сведений: какие силы стянули британцы на свои оборонительные позиции — на Аламейнский фронт в 100 километрах к западу от Александрии. Он представлял собой рубеж обороны шириной шестьдесят километров между Эль-Аламейном и непроходимой впадиной Катара на юге. Это был последний бастион на пути к Нилу. Роммель не знал, что британцы привлекали к строительству этого рубежа итальянских военнопленных, многие из которых были высококвалифицированными саперами. Итальянцы — большие виртуозы в деле строительства земляных фортификационных сооружений — ставили минные поля, рыли окопы, строили блиндажи и возводили укрепленные пункты.

22 июня бронетехника Роммеля загрохотала гусеницами в восточном направлении. На следующий день фельдмаршал лично пересек египетское пограничье, которое уже оставила позади 90-я легкая дивизия. Захваченные документы и расшифрованные британские донесения показывали, что 8-я армия Окинлека должна занять позиции в районе Мерса-Матруха. Роммель гнал и гнал свои дивизии до тех пор, пока не кончилось горючее. На станции Хабата, однако, удалось захватить крупный британский склад ГСМ, что позволило немецкому командующему послать бронетехнику дальше на восток — в направлении Нила!

То были сумасшедшие дни. Немецкие и британские транспортные колонны часто ехали в пяти сотнях метров друг от друга в одну и ту же сторону — в восточном направлении.

Многие части бывалых солдат, с которыми мы уже встречались на страницах этой книги, продолжали путь через пустыню. Лейтенант Зерфас из 104-го моторизованного гренадерского полка тоже находился там со своими самоходными орудиями. Как и лейтенант Ганс Шульц из бывшего 15-го мотоциклетного батальона. 24 июня он подбил танк и легкий грузовик из проходившей британской колонны. Шульц со своими бойцами спешил, надеясь захватить кое-какие трофеи и украсить рацион, состоявший из опостылевшего «Альтер Манн», британскими консервами, беконом и всякими разносолами. Но нашли они группу тяжело раненных томми и не раненых солдат, готовых оказать им медицинскую помощь. То были не санитары-носильщики, а вооруженные до зубов военнослужащие.

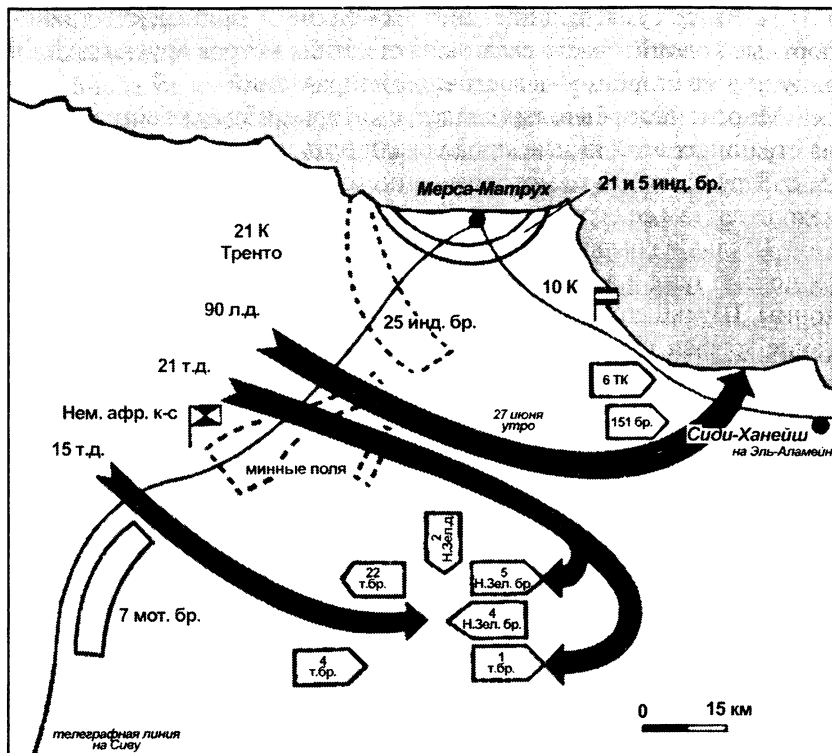
Британцы не хватались за оружие, не бросали ручных гранат, но были всецело поглощены заботой о страдающих раненых товарищах. Шульц и шесть его солдат не могли остаться безучастными. Они выпрыгнули из машины, достали индпакеты и стали помогать перевязывать раненых. Немного позднее прибыл британский взвод на грузовиках. Шульц и британский сержант быстро обменялись взглядами. Лейтенант приказал своим:

— В машину!

Он отдал честь, и унтер-офицер отсалютовал ему в ответ. Один из солдат быстро сунул обер-ефрейтору Мюллеру блок сигарет. Никто не выстрелил в немцев, когда они уезжали. Никто не крикнул: «Руки вверх!» И тем и другим подобное в такой момент показалось бы чем-то чрезвычайно неуместным.

Роммель силами трех боевых групп продвигался в район Мерса-Матруха. Он применял старую тактику, связывая боями неприятельскую бронетехнику и окружая пехоту. Уничтожение британской бронетехники являлось задачей 15-й и 21-й танковых дивизий, которые наступали южнее Мерса-Матруха. 3-й батальон (104-го моторизованного пехотного полка) капитана Райссмана под мощным обстрелом британской артиллерии захватил важный пункт обороны на дороге из Мерса-Матруха к оазису Сива. Поначалу дела пошли очень скверно. Британцы при поддержке танков перешли в контратаку. Обер-ефрейтор Зузенбергер спешно отправил донесение в полк:

— Нас атакуют вражеские танки. Пожалуйста, пришлите подкрепление.



Сражение за Мерса-Матрух 26–27 июня 1942 г.

Над головами засвистели пули. Не успел радист снять наушники, как увидел томми с автоматом.

— Руки вверх! Пошел!

Зузенбергер оказался единственным, кого они захватили. Британцы отвели его на свои позиции, наскоро допросили, посадили в грузовик и отправили с транспортом в направлении Мерса-Матруха.

Тем временем стемнело. Не прошло и четверти часа с начала их путешествия, как разыгрался настоящий фейерверк. Томми нарвались на зенитную часть полковника Вольца и бросились на поиски укрытия. Немецкий обер-эфрейтор воспользовался возможностью и сбежал, спрятавшись в кустах верблюжьей колючки. При следующем залпе он прыгнул в яму и упал прямо на британского солдата. Зузенбергер схватил его автомат и приставил к животу владельца. Так они и сидели там вдвоем под вспышками разрывов зенитных

снарядов, пока лейтенант из 6-й батареи 18-го зенитного полка легких зениток не обнаружил их.

В течение ночи с 26 на 27 июня дивизии Роммеля обошли Мерса-Матрух. 15-я и 21-я танковые дивизии разгромили скопления британской бронетехники на юге. Состоялся тяжелый бой со 2-й новозеландской дивизией. Роммель предполагал, что ударная дивизия генерала Фрайберга окажется в Мерса-Матрухе. До недавнего времени эта ошибка повторялась во многих немецких работах по истории войны. В действительности раненный в голову генерал Фрайберг вел своих людей в бой против 21-й танковой дивизии. Генерал Киппенбергер возглавлял 5-ю бригаду, направляя огонь своих оружий маори. Тем временем 90-я легкая дивизия повернула в северном направлении и боевая группа Маркса вместе с 1-й батареей 6-го зенитного полка закрыла прибрежную дорогу на восток. По всей видимости, последний опорный пункт по пути к Александрии был окружен. Внутри этого железного кольца оказалась большая часть британской пехоты — 10-я индийская дивизия, части 5-й индийской, 50-й и южноафриканцы. Если Роммелю удастся взять в плен эти войска, его победа будет полной, поскольку тогда становой хребет 8-й армии будет перебит и дорога на Александрию — открыта.

Все зависело от того, удастся ли немцам предотвратить прорыв войск противника из Мерса-Матруха и из котла на юге. Но в обширной пустыне задача окружения численно превосходящих сил неприятеля оказалась для ослабленных боями дивизий Роммеля слишком сложной. Мощными ударами моторизованные части новозеландской пехоты под командованием генерала Фрайберга прорвались через кольцо 21-й танковой дивизии. КВВС¹ оказали полномасштабную поддержку прорыву.

Сражение тут выдалось особенно кровопролитным. Новозеландцы Фрайберга, прикрываясь своими грузовиками, шли в бой с ножами под пронзительные боевые кличи. В ожесточенных рукопашных обе стороны несли тяжелые потери.

Подразделения 90-й легкой дивизии, окружившей Мерса-Матрух, столкнулись с решительными попытками прорыва британского 10-го корпуса. Роммель находился в гуще боя. Его офицеры сражались с автоматами и пулеметами в руках. Боевой группе Килиа вновь пришлось выполнять роль личной охраны.

361-й полк понес тяжелые потери. 4-я рота лейтенанта Шталаера, нарвавшись на позиции британских противотанковых пушек

¹ КВВС — Королевские ВВС. — *Прим. ред.*

и минометов, попала под угрозу полного уничтожения. Большая часть техники уже горела. Раненые громкими криками и стонами призывали на помощь унтер-офицера Буша, служившего в Красном Кресте. Удар в духе настоящего Иностранного легиона спас остатки роты. По своему собственному почину унтер-офицер Розенвейг и обер-ефрейтор Шварц, на ходу стреляя из пистолетов-пулеметов, бросились на британские позиции. Томми пришлось думать о спасении, и рота получила шанс «глотнуть свежего воздуха», отойдя в укрытие. Оба унтер-офицера заплатили за спасение части своими жизнями.

Боевая группа Гольцера из 288-го особого подразделения полковника Ментона вынесла на себе основную тяжесть попытки прорыва 50-й британской дивизии и южноафриканской артиллерийской части. Штабные офицеры, казначеи и связисты сражались с пистолетами в руках, бросали гранаты и ходили в штыковые атаки. Группа лейтенанта Кифера попала в окружение. Она, построившись для круговой обороны, била по британской технике, пока та не загорелась, это предотвратило прорыв через вали. Солдаты отчаянно сражались против продвигавшихся индийцев и южноафриканцев. Обер-ефрейтор Йоханнес Мюллер из 8-й роты, квартирмейстер унтер-офицер Таух, унтер-офицер Лангер и лейтенант Кифер, прячась за грузовиками, швыряли в южноафриканцев ручные гранаты. Немногие из атакующих, которым удавалось прорваться, натыкались на примкнутые штыки или стволы пистолетов-пулеметов.

Подобные сцены героизма становились привычным явлением на многих участках фронта окружения. 7-й зенитной батарее из 25-го зенитного полка приказали блокировать телеграфную линию между Мерса-Матрухом и оазисом Сива на юге. Шесть орудий батареи заняли позиции к востоку от дорог. Для прикрытия к ним отправили саперное командование. Штаб-фельдфебель Фрай с шестнадцатью солдатами выполняли данное задание. Они располагали одним пулеметом, двумя автоматами, винтовками, несколькими пистолетами и холодным оружием. Сигнал тревоги прозвучал во время ужина. Южноафриканцы и индийцы атаковали. Обер-ефрейтор Гейнц Бритц открыл непрерывный огонь из пулемета по первому грузовику. Томми остановились и открыли ответный огонь. Вдруг немецкий пулемет умолк.

— Ну что же ты, Гейнц! — заорал обер-ефрейтор Антон Штауденмейер. Но Гейнц молчал — пулеметная очередь оборвала его жизнь.

Томми продолжали продвижение. Затем откуда-то сзади раздалось:

— Пропустить противотанковые пушки.

Немецкие батареи восьмидесятивосьмимиллиметровок посеяли хаос в рядах британских грузовиков. Они били с правого фланга. Вдоль телеграфной линии внезапно запылала жаркая битва. Тут появились британские ночные истребители, которые отработали по немцам из пушек и пулеметов и сбросили бомбы. Большой части британской техники удалось уйти. Оставшаяся пылала кострами. В ней превращались в уголь раненые и те, кому не удалось выбраться из подбитых машин.

Тот, кто придерживается распространенного мнения, буд-то своим успехом британский прорыв из Мерса-Матруха обязан неправильным действиям итальянцев, очень ошибается. Просто кольцо окружения Роммеля оказалось слишком тонким. Осуществлявшие прорыв британские войска располагали большим количеством техники и дрались с отвагой отчаяния. Королевские Военно-Воздушные Силы с близкорасположенных египетских аэродромов оказывали действенную поддержку блокированным соединениям. Итальянские части сражались с величайшей храбростью. Что особенно достойно восхищения, поскольку имевшееся в их распоряжении снаряжение зачастую совершенно не отвечало требованиям; их танки представляли собой стальные драндулеты, а тяжелого оружия хронически не хватало. Состав танковой дивизии «Ариете» и моторизованной дивизии «Триесте» сократился до 14 танков, 30 орудий и 2000 человек. Но они стояли твердо. Командир 20-го итальянского корпуса генерал Бальдассаре и командующий артиллерией корпуса генерал Пьяченца сложили головы под бомбами британской авиации, сражаясь во главе своих войск.

Я хочу воспользоваться возможностью, чтобы вновь выступить в поддержку неизменно склоняемым «айти», особенно в свете предстоящих событий битвы при Эль-Аламейне. Любой, кто хочет справедливо оценить достижения итальянских солдат, должен исходить из того, что от них с самого начала требовали слишком много. Муссолини обещал выставить для восстановления империи семь миллионов штыков. Но беда в том, что штыки эти они примыкали к антикварным мушкетонам.

Итальянское главнокомандование передислоцировало в Африку 132-ю танковую дивизию (одну из трех). Она называлась «Ариете» — носила название из славных дней прошлого. «Aries» — по-латыни «баран». Так назывались огромные тараны, которыми

древние римляне проламывали ворота и стены крепостей повсюду — от Испании до Сирии. «Ариете» вызывали восхищение и страх народов. Однако танки «Ариете» Муссолини вызывали лишь презрение у противника и сочувствие у союзников. «Эти гробы на гусеницах вызывали ужас у их собственных экипажей. Весившие 14–16 тонн, не обладавшие адекватным бронированием, вооруженные 47-мм орудиями, что могли они противопоставить британским зениткам и бронетехнике? Мешки с песком вокруг люков — вот и все, что хоть немного могло повысить безопасность танкистов. Шанс уцелеть во время атаки в таком танке, не говоря уже о том, чтобы добиться какого-нибудь успеха, лежал за пределами представлений о любой мыслимой и немыслимой храбрости». Эти слова написал мне доктор Монцель, главный немецкий переводчик в 20-м итальянском корпусе. Он был совершенно прав.

Остальное оружие тоже мало чем превосходило танки. Во многих ситуациях итальянцы оказывались вооружены не лучше, чем наш фолькштурм в 1945 г., в конце войны, когда пришли американцы. Каждый немецкий солдат знал, однако, что итальянцы, несмотря на свое никуда не годное снаряжение, бились поразительно стойко, проявляя величайшую храбрость и героизм. 9-й берсальерский полк, подобно всем берсальерским частям, был безупречным с военной точки зрения. Нужно сказать еще вот о чем. Многие итальянские строительные батальоны совершали настоящие чудеса. Дорога на подступах к Тобруку являла собой великолепный пример итальянского строительного искусства. Даже если средний итальянец не проявлял той же склонности к героизму в бою и готовности к самопожертвованию, как солдаты других национальностей, тысячи итальянцев в Северной Африке выказывали огромную, прямо-таки завидную способность к тяжелому труду.

Во время Второй мировой войны американские GI¹ даже на самых передовых позициях получали великолепные пайки. Наши немецкие полевые кухни предлагали солдатам качественную пищу. Но то, что хлебал из своего котелка итальянский солдат, представляло собой нечто безвкусное и несъедобное — подачку для нищих и попрошаек. Несмотря ни на что, они сражались и умирали, и слово *camerata*² имело для них реальное значение, в чем многие немецкие солдаты имели возможность убедиться на собственном примере.

¹ Военнослужащие. — Прим. пер.

² Товарищество. — Прим. пер.

28 июня около 17.00 90-я легкая дивизия силами 580-го разведывательного батальона, ядром из боевых групп — Киля и капитана Бриля, — силами 606-го зенитного дивизиона, 288-й части особого назначения, частей 10-го и 21-го итальянского корпусов начала штурм Мерса-Матруха. Дислоцированный в крепости на хорошо подготовленных позициях контингент из восьми тысяч южноафриканцев и индийцев оказывал упорное сопротивление.

Но уже в ранние часы 29 июня отгремел последний выстрел. Сорок вражеских танков было подбито в периметре обороны крепости, и шесть тысяч человек отправились в лагеря для военнопленных. Последний опорный пункт с более или менее подходящей бухтой к западу от Александрии пал. Это была значительная победа, и 90-я легкая удостоилась упоминания в коммюнике Вермахта. Однако эта победа стала последней, одержанной над армией Окинлека в поле.

Цель Роммеля — захватить ядро британской пехоты в Мерса-Матрухе и предотвратить выход противника на новые рубежи обороны на подходах к Александрии — оказалась не достигнутой. Британскому командующему удалось отвести лучшую часть пехоты на позиции под Эль-Аламейном и, задействовав их, сформировать последнюю линию противодействия к западу от Нила.

Солдаты из боевой группы Бриля занимались поисками трофеев на британских полевых складах снабжения в Мерса-Матрухе — пива, ветчины и сигарет, — мечтая о предстоящих нескольких днях передышки, когда прозвучал сигнал тревоги.

В 11.00 унтер-офицер Шмидт, командовавший подразделением связи, доставил командиру боевой группы сообщение от Роммеля. В тексте говорилось следующее: «Капитан Бриль со своей боевой группой к 586 — влево 9. Роммель». Через пять минут они построились, готовые выступить к означенному пункту. Появился Роммель.

Он развернул карту и произнес:

— Так-так, Бриль, вы с вашими людьми будете продвигаться к Александрии и остановитесь, когда дойдете до ее пригородов. Томми конец. — Фельдмаршал сделал паузу, улыбнулся и продолжал: — Я подъеду туда завтра, и мы вместе отправимся пить кофе в Каир.

Капитан Бриль, первым среди зенитчиков армии награжденный Рыцарским крестом и первый обладатель Немецкого золотого креста, за все это время в Африке привык получать от Роммеля самые странные приказы, но на сей раз у него перехватило дыха-

ние. То, что он слышал, означало победу. Вестфальский сорвиголова вытянулся во весь свой немалый рост и проговорил:

— Так точно, господин фельдмаршал. Какая у меня будет поддержка?

Он ожидал получить определенное усиление. Его 60-й зенитный дивизион понес большие потери; в качестве вооружения Бриль располагал одной 47-мм и одной 50-мм противотанковой пушками, четырьмя 20-мм орудиями, 2 минометами и семью 105-мм орудиями 33-го артиллерийского полка. Орудие лейтенанта Гребя присоединилось к батарее позднее.

Роммель вновь улыбнулся:

— Все для вас, Бриль. Отдаю вам все, что смог наскрести.

Фактически же усиление было совершенно недостаточным. Два самоходных орудия — на базе чешских танков 1938 г. — с немецкими 75-мм противотанковыми орудиями из 605-го истребительно-противотанкового «Мардер II». Они уже сражались вместе с боевой группой Бриля под Бир-Хакеймом. Вдобавок к тому весь моторизованный гренадерский батальон Кайзера, который бился бок о бок с боевой группой Бриля, отражая попытку прорыва французов. И в заключение списка две бронемашин танковой разведки. Они двинулись в путь. Что сказал Роммель? Не останавливаться, пока не дойдут до Александрии.

То была адова гонка. Всякий раз, встречая британскую часть, они начинали брать ее в клещи охватными клиньями, так что той не оставалось ничего иного, как отступить или сдаваться. Какие силы, какие войска неприятеля у них на флангах — на это немцы внимания не обращали.

В тактическом штабе танковой армии начальник отдела разведки только качал головой, читая раз за разом поступавшие от Бриля донесения.

— Это невозможно, — то и дело бормотал он и приказывал радисту: — Повторите сообщение.

Ошибки не было.

14.30. Первая задача выполнена.

14.50. Вторая задача выполнена.

15.35. Имели боевое соприкосновение с разведкой противника. Уничтожены три танка. Потери: одно 47-мм орудие, одно 20-мм орудие, легковой автомобиль и 10,5-мм орудие.

18.02. Задача текущего дня выполнена. Боевая группа окопалась.

Все, кто знал, что скрывается за словами «первая и вторая задачи и задача дня», мог проследить по карте, что Бриль со своими людьми достиг Эль-Дабы.

— Если дела пойдут так и дальше, незачем будет окапываться, — проговорил Роммель. Боевая группа Бриля получила приказ атаковать Эль-Дабу и штурмом овладела опорным пунктом.

В 22.10 Бриль докладывал:

— Эль-Даба захвачена, продолжаю продвижение к Абд-эль-Рахману.

В танковой армии пристально следили за донесениями Бриля.

— Да у него получается! Смотрите, как он идет! Он и вправду дойдет до Александрии, — говорили офицеры, качая головами.

Тем временем ядро 90-й легкой сосредотачивалось на прибрежной дороге для подготовки броска на восток. Скрежетали гусеницы боевых бронированных машин 21-й и 15-й танковых дивизий, двигавшихся в восточном направлении через район Мерса-Матруха в сторону Александрии и Каира. Впереди всех шел Бриль.

Но даже самые смелые начинания имеют естественные пределы, определяемые физическими силами солдат. И ни одному командире не преодолеть этого барьера. Ноги и руки становились тяжелыми как свинец, мозг отказывался соображать, и тогда никакие слова, никакие глотки джина — даже очень большие, — никакие приказы уже не помогали. Всё — предел, надо объявлять привал. Тогда люди просто падают на землю, а водители засыпают за рулем автомобиля или за рычагами танка, уронив голову на гудь.

Поздно ночью Бриль приказал остановиться к северо-востоку от Абд-эль-Рахмана. Солдаты устали смертельно, и даже техника забастовала. Люди заворачивались в одеяла и заползали под свои грузовики.

— Сколько нам еще идти?

— Километров сто.

Сто километров до Александрии! Об Эль-Аламейне, который располагался между ними и дельтой Нила, Бриль знал только то, что говорила арабская карта: маленькое селенье со станцией, где, по всей вероятности, британцы сосредотачивают свои войска.

В немецких штабах ничего не знали о минных полях вокруг Эль-Аламейна. Они и понятия не имели о минах, которые в течение недель, неустанно трудясь, ставили итальянские военнопленные и британские саперные части к югу от Эль-Аламейна на вершине Рувейсат и по впадине Каттара. Конечно, вначале эти позиции занимали лишь незначительные по численности войсковые контингенты.

1-я южноафриканская дивизия, усиленная 6-й новозеландской и 18-й индийской бригадами, удерживала данный опорный пункт неделю. Вот и все. Если бы Роммель не дал британцам времени сосредоточить свои отступавшие дивизии на этом опорном пункте, Аламейнский фронт долго бы не продержался... Если бы!

Батальон капитана Кайзера обеспечил прибрежную дорогу. Ночью отправили дозоры. На следующее утро боевая группа Бриля оставалась на позициях, занимаясь осмотром и приводя оружие и технику в порядок. Разведывательные патрули выдвигались на восток. Они проследовали знаменитую Белую Мечеть и подошли к станции. На рельсах стояло несколько грузовиков. И больше ничего. Ни одна британская часть не закрепилась там. Бриль разнюхал путь вперед до самого пояса мин перед Эль-Аламейном. Здесь немцы столкнулись с первым сопротивлением: сильным оборонительным огнем. Машины разведки развернулись, и в бинокль Бриль увидел колонны на прибрежной дороге. Британцы перебрасывали из Александрии и Каира все, что только могли найти, на позиции последнего бастиона перед дельтой Нила.

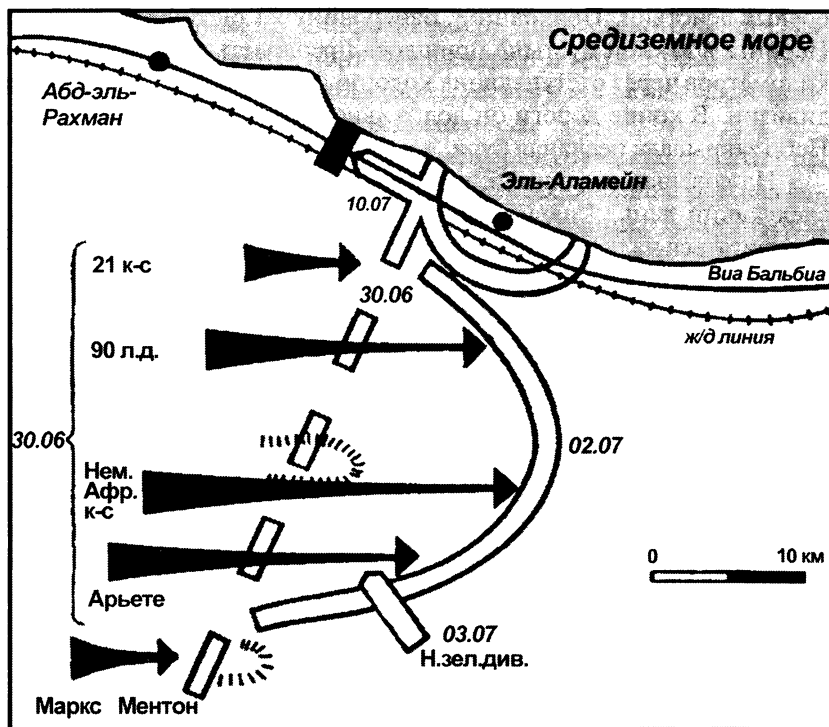
— Сколько еще?

— Восемьдесят пять километров.

Восемьдесят пять километров до Александрии.

— Ну тогда мы будем там завтра утром, — смеялись солдаты Бриля.

Однако ничего подобного на следующий день не произошло. Когда утром тридцатого техника была готова к дальнейшему продвижению, 15-я и 21-я танковые дивизии уже пересекли линию Эль-Кусеир—Эль-Даба. В прибрежном районе 90-я легкая с боями проложила себе путь за Фуку через отступавших британцев и, обезвредив минное поле и стерев с лица земли британские артиллерийские батареи, вышла в район Эль-Дабы. Тут на них обрушились истребители-бомбардировщики и действовавшие на предельно малых высотах штурмовики. Роммель, вновь возглавлявший острие наступления, разместил свой тактический штаб в Эль-Дабе, в помещениях полевого склада снабжения. Там они угодили под бомбы. Командующий передислоцировал КП в другое место, но и там его продолжали бомбить. Впервые возникла новая угроза — массированное применение авиации британцами, самолеты которых, взлетая с аэродромов Каира и Александрии, сражались с большим упорством и решимостью. Самолеты должны были остановить продвижение Роммеля, «невзирая на потери», как приказывал Черчилль из Лондона.



Первое сражение под Эль-Аламейном 30 июня — 3 июля 1942 г.

Война в Северной Африке подходила к своей кульминационной точке. Дойдет ли до Нила немецкая бронетехника? Удастся ли разрушить позиции Британии как сверхдержавы? Для Германии открывался редкостный по значению стратегический шанс: если в руках немцев окажутся Сирия, Ирак и Персия, Турция будет как бы обойдена с фланга и вынуждена выступить на стороне Германии; тогда создастся угроза восточному флангу войск России.

30 июня 1942 г. все это казалось вполне достижимым. Между собой и главной своей целью Роммель видел лишь явно разбитую британскую армию, которую противник усиливал подкреплениями, с тем чтобы дать немцам последний бой под Эль-Аламейном. Вражеское сопротивление здесь необходимо было сломить.

Во второй половине дня фельдмаршал созвал местных командиров к себе в тактический штаб на прибрежную дорогу между Эль-Дабой и Сиди-Абд-эль-Рахманом для обсуждения предстоящих

боевых действий. Полковнику Байерляйну из тактического штаба Неринга в южной пустыне пришлось преодолеть путь в пятьдесят километров через отступающие колонны 1-й британской танковой дивизии. В конце дороги он долго «висел на хвосте» у британцев. Небо закрывала песчаная буря.

На совещании решили: штурмовать аламейнские позиции на следующий день, 1 июля. Африканский корпус получил приказ: продвигаться на полной скорости через Эль-Фаджаде к Каиру. Когда Байерляйн предупредил собравшихся о том, что дивизии измотаны, начштаба танковой армии сказал уверенно:

— Ребята сделают все, что надо. Но надо позаботиться, чтобы британцы не успели взорвать большой мост через Нил в Каире.

Данное высказывание показывает, какой оптимизм царил среди участников совещания.

Брилю отправили сообщение: «Останавливайте продвижение. Отходите на соединение с 90-й легкой. Ждите дальнейших приказаний».

Сообщение застало Бриля тогда, когда тот находился в расположении тяжелых 105-мм орудий. Лейтенант Греб только что получил приказ об открытии огня. Стопятимиллиметровки утюжили британские позиции перед Эль-Аламейном.

— Наш кофе в Каире остывает, господин капитан, — с усмешкой заметил радист Шмидт.

Бриль засмеялся:

— Что ж, Шмидт, тогда придется пить его холодным.

Британский лейтенант Блентон, адъютант из 3-й южноафриканской бригады, гнал машину по прибрежной дороге в направлении Александрии. Вместе с приказами частям снабжения и морским подразделениям он вез и тревожные новости: «Немцы уже обстреливают Эль-Аламейн». Он и понятия не имел, что это лишь передовая боевая группа Бриля, а не Африканский корпус — даже не 90-я легкая, — и что под Эль-Аламейном всего лишь небольшая артиллерийская перестрелка. Но в те дни все казалось возможным.

«Немцы атакуют!» — точно пожар при сильном ветре, новость распространялась по Александрии.

«Роммель у ворот!» Так жители Древнего Рима кричали: «Hannibal ante portas»¹. Донесения о немецкой атаке на передовые позиции под Эль-Аламейном звучали не менее грозно для ушей

¹ Ганнибал у ворот (*лат.*).

офицеров британского штаба. Корабли Королевского Флота получили приказ оставить порт Александрии и идти в гавани Порт-Саида и Хайфы. Видя, как они уходят, египтяне слагали едкие памфлеты, а британские солдаты вешали носы.

Ни один немец не сможет описать драматические события тех дней в Александрии и Каире. Только в устах очевидца рассказ будет звучать правдиво. Британский военный репортер Алан Мурхэд в то время находился в Каире вместе со своей женой, работавшей в британском штабе. «Когда он придет?» — такой вопрос задавали себе они и их друзья. «На протяжении трех лет Британская империя отправляла на Ближний Восток людей, орудия и танки — все, что могла найти. Только здесь пролегал британский фронт борьбы с противником. Потеря Египта подстегнула бы череду трагических событий. Она отбросила бы Англию назад, ко временам воздушной битвы за Британию.

С падением Египта будет предreshена судьба Мальты и британского присутствия на Средиземном море. Будут потеряны Суэц и снабженческие грузы и снаряжения на пятьдесят Тобруков. Если падут Суэц, Порт-Саид, Александрия, Бейрут, Палестина и Сирия не устоят, а взяв Иерусалим и Дамаск, немцы протянут руки к ближневосточной нефти, Турция же окажется в окружении».

В Александрии причалы опустели; отряды подрывников стояли, готовые поднять на воздух портовые объекты. Почти все британские войска вышли из города.

А что происходило в Каире?

Улицы были забиты автомобилями, которые текли из Александрии и прилегающих районов. В городе было объявлено осадное положение. Перед британским консульством выстроилась огромная очередь ожидавших транзитной визы в Палестину. Исход из Каира напоминал полномасштабное переселение. Всем, кто выказывал оптимизм или призывал к спокойствию, советовали посмотреть на столб дыма, висевший над британским посольством. Британцы жгли документы. Всем, кого не убеждал дым над жилыми кварталами, надо было подойти и посмотреть через забор. Солдаты швыряли рулоны карт, документов, тетрадей с кодами и списками личного состава в гигантский костер на площадке между строениями главного штаба.

Длинные колонны грузовиков, груженных офисным оборудованием, уходили в направлении Палестины. Американский штаб уехал в Сомалиленд. Информационная служба, машбюро и весь женский персонал штабов отправлялись на юг. Семьи британских

военных получили приказ об эвакуации и сидели в ожидании на чемоданах. Военная полиция держала в страхе европейских беженцев, спасавшихся на Востоке от Гитлера.

За городом, за пирамидами, транспортные колонны возвращались с фронта с ранеными и отбившимися от своих частей и потерявшими все снаряжение солдатами. Алан Мурхэд пишет:

«Самые разнообразные орудия, фургоны Королевских Воздушных Сил, ремонтная техника, бронемашины и бесчисленное количество грузовиков, набитых измотанными и спящими людьми, текли по дорогам через пустыню в Каир... как гигантская змея длиной в полторы сотни километров. Мы спрашивали себя: «Что же, вся армия отступает?..» Как стало известно, значительная часть всего, что двигалось от фронта, шла к Каиру по приказу о создании рубежей обороны в дельте».

Оборонительные позиции в дельте Нила! Сегодня мы знаем, что генерал Окинлек уже предполагал оставить дельту Нила и отступать с остатками 8-й армии в Судан, в Палестину и Ирак. Так близка была немецкая победа в Африке.

План, который в тот день огласил немецкий командующий, — наступление на последний британский бастион на подступах к дельте Нила — содержал в себе повторение тактики, примененной в случае с Тобруком и Мерса-Матрухом. Африканскому корпусу предписывалось продвигаться в южном направлении к впадине Каттара так, словно бы прорыв намечался на южной оконечности шестидесятикилометрового Аламейнского фронта. В сумерках войскам предстояло повернуть на северо-восток и с боями пройти пятнадцать километров к железнодорожной станции Эль-Аламейн. Затем под покровом ночной темноты дивизиям Африканского корпуса надо было ударить в тыл британцам между укрепленными пунктами Эль-Аламейн и Деир-эль-Абиад. 90-й легкой — вновь, как и под Мерса-Матрухом, — предстояло маршем выйти к Эль-Аламейну с юга, достигнуть прибрежной дороги, заблокировать ее и таким образом окружить опорный пункт.

— Когда Эль-Аламейн будет окружен и наши танковые дивизии ударят в тыл противнику на юге, вражеская оборона рухнет так же, как в Мерса-Матрухе, — сказал Роммель.

В свете результатов сражения за Мерса-Матрух операция имела все шансы на успех. После пяти недель непрерывных тяжелых боев немецкие войска были слишком слабы, чтобы вести войну на истощение, но они все еще сохранили способность побеждать противника маневром. По всему имеющемуся опыту, если бы Ром-

мелю удалось вывести свои дивизии в тыл ядру британских войск на Аламейнском фронте, окончательное крушение 8-й армии кажется вполне правдоподобным. Но удача внезапно отвернулась от Роммеля. Ежедневные телеграммы в Вашингтон от американского военного атташе в Каир, которые Абвер успешно расшифровывал, теперь стало невозможно прочесть. 29 июня код сменили. Британцы узнали, что немцы перехватывают и читают эту корреспонденцию. Последняя телеграмма, которую специалисты-шифровальщики на Принцрегентштрассе в Берлине смогли распознать, была зашифрована пятибуквенным кодом Брауна, состоявшим из примерно восьми тысяч групп слов. Она пришла от американского военного атташе в Риме и содержала следующий текст: «Высокопоставленное итальянское лицо упомянуло в беседе с абсолютно надежным источником, что зашифрованные донесения от нашего военного атташе в Каире читают в Риме и Берлине. Предлагаю сменить шифр».

На этом важнейший источник информации иссяк. Но беда никогда не приходит одна. Плохо функционировала разведка танковой армии. Африканский корпус выбивался из графика, поскольку продвижение из Эль-Кусеира к точке поворота перед Эль-Аламейном проходило по труднодоступной местности и осложнялось песчаной бурей. Когда танковые дивизии вышли к Деир-эль-Абиаду утром 1 июля, они не обнаружили на укрепленных пунктах противника. Разведка, однако, доносила о том, что британцы обороняют окруженный плотными минными полями опорный пункт в пяти километрах отсюда в Деир-эль-Шейне. Поскольку разведка Неринга сообщала, что и второй британский укрепленный пункт к северу от кряжа Рувейсат удерживает 1-я южноафриканская бригада, выбора не осталось, кроме как атаковать Деир-эль-Шейн, дабы обеспечить прорывающимся войскам пространство для маневра. Роммель согласился. Во второй половине дня Африканский корпус пробился через мины и позиции неприятеля и разгромил 18-ю индийскую бригаду. Являя примеры храбрости, 21-я танковая дивизия захватила бокс Деир-эль-Шейна. Но — и это очень большое «но» — Африканский корпус потерял восемнадцать из немногих оставшихся в строю танков, что привело к снижению ударной мощи армии Роммеля.

Во второй половине дня 90-я легкая дивизия продвигалась в соответствии с планом и пыталась, как ей приказывали, обойти укрепления Эль-Аламейна, что было тактически безнадежным предприятием: там она попала под губительный огонь 1, 2 и 3-й юж-

ноафриканских бригад и понесла тяжелые потери. Когда Роммель услышал об этом, он немедленно помчался в 90-ю, чтобы повести дивизию вперед, но, оказавшись на месте, сам был вынужден признать, что это невозможно.

Из-за этих неудач план Роммеля расстроился, поскольку основывался не на вовлечении в дорогостоящие в смысле потерь боевые столкновения, а на обходе противника за счет смелых и быстрых маневров. Просто волосы встают дыбом, когда сегодня в британских штабных документах читаешь о том, что утром 1 июля из-за каких-то ошибок и недопонимания 1-я британская танковая дивизия еще не вышла на позиции к югу от кряжа Рувейсат. Если бы неприятель в Деир-эль-Шейне не проявил храбрости и стойкости, она (1-я) стала бы детской игрушкой в руках Неринга под Рувейсатом, который тогда выполнил бы задачу, осуществив выход в тыл британскому 13-му корпусу. Но у Неринга не было такого шанса из-за решительного противодействия 18-й индийской бригады. Когда на следующий день уцелевшие танки немецких дивизий атаквали Рувейсат, им дали отпор, преодолеть который они не смогли. Задача просто была не по силам немецким войскам, не говоря уже о том, что КВВС господствовали в небе над полем боя. 3 июля Роммелю пришлось проститься с надеждой на выход в тыл 13-му корпусу. Тогда он попытался осуществить охватывающий маневр Эль-Аламейна силами Африканского корпуса, 90-й легкой и 133-й итальянской бронедивизии «Литторио», но массированная атака новозеландцев из бокса Куарет-эль-Абд воспрепятствовала реализации и этого замысла. Новозеландцы Фрайберга разгромили 132-ю итальянскую бронедивизию «Ариете» и захватили всю ее артиллерию. Теперь фланг Роммеля оказался под угрозой. Но фельдмаршал не сдавался. Он бросил в атаку тяжелые орудия — батареи восьмидесятивосьмимиллиметровок отправились на передовую. Но овладеть британскими позициями с помощью двадцати шести танков было невозможно. Когда над пустыней сгустилась судьбоносная ночь 3 июля, Роммель приказал своим солдатам окапываться на занятых позициях. Каждый солдат — от дивизионного командира до рядового — осознавал, что так успешно начатое 26 мая и так успешно развивавшееся наступление, следующим пунктом которого называлась Александрия, застопорилось.

Когда Роммель телеграфировал Кессельрингу о том, что вынужден остановить наступление, последний только что узнал об уходе британского флота из Александрии и об эвакуации из Каира британского штаба. Но хотя в двух этих главных египетских городах

в ужасе ожидали скорой немецкой победы, кризис в Северной Африке для Великобритании уже миновал.

В старом квартале Каира вожди египетских националистов сидели, тщетно ожидая приказа о выступлении. Король Фарук продолжал обсуждать с политиками, как должны вести себя корона и правительство, когда в город войдет Роммель.

То, что происходило на протяжении всего июля перед Эль-Аламейном, представляло собой приливы и отливы в преддверии большого шторма — крупномасштабной битвы за Нил. Военные силы Роммеля были истощены, а его положение сделалось более чем опасным. Со своими поредевшими войсками он продолжал стоять перед британским фронтом, на котором сила неприятеля крепла день ото дня. Протяженность британских линий коммуникаций, связывавших передовую и главные полевые склады, составляла сто километров. Немцам, напротив, приходилось доставлять все необходимое из Тобрука, расположенного почти в пятистах километрах, при условии того, конечно, что в порт вообще что-нибудь поступало. В целях безопасности итальянский штаб обычно распорядился направлять корабли со снабженческими грузами в Триполи. Оттуда до передовой было две тысячи километров — расстояние от Дюссельдорфа до Москвы.

То, что германо-итальянская танковая армия вообще пережила тот критический июль 1942 г., заслуга солдат, проявивших храбрость, стойкость и мужество, и, кроме того, свою роль сыграла уверенность британских штабов в том, что Роммель располагает силами для полномасштабного наступления. Начальник разведотдела Роммеля, подполковник фон Меллентин, суммировал положение в одной фразе: «Нет ни тени сомнения в том, что мы не смогли бы выдержать полномасштабной атаки 8-й армии».

Таким образом, армия Роммеля пережила 4 июля с большими трудностями. Томми атаковали 21-ю танковую дивизию, когда та отходила по приказу Роммеля. Немецкая артиллерия понесла тяжелый урон, но батареи боевой группы Цеха помогли сдержать британский натиск.

Роммель держался и 5 июля. 15-я танковая дивизия располагала шестнадцатью танками, в то время как у 1-й танковой дивизии их насчитывалась сотня. 4-я новозеландская пехотная бригада атаковала немцев, но в результате хорошо спланированного налета пикировщиков «Штука» весь штаб бригады был выведен из строя.

Оставшиеся без руководства войска вышли из боевого соприкосновения.

На следующий день Роммель перегруппировал войска. Пришли мины, которые саперы принялись поспешно закладывать. На самые уязвимые места рубежа были выведены батареи восьмидесятивосьмимиллиметровок. В ход пошли трофейные британские двадцатипятифунтовки. Из Триполи наконец-то прибыло снабжение для 90-й легкой и двух танковых дивизий. Африканский корпус вновь располагал сорока четыремя танками! Генерал Окинлек, который лично руководил действиями 8-й армии с конца июня, таким образом, упустил момент покончить с Роммелем.

9 июля Роммель вновь взял инициативу в свои руки. Его разведчики обнаружили слабое место в британских позициях на юге. Немецкие и итальянские танковые войска овладели важной позицией Куарет-эль-Абд. Томми сдались с удивительной легкостью, за которой стояла хитрость — намерение Окинлека подтолкнуть Роммеля сконцентрировать усилия на юге, поскольку сам британский главнокомандующий собирался нанести контрудар на севере.

В 05.00 10 июля Роммель, который лег в постель не ранее 3 утра, все еще спал, но приказы его выполнялись — шла подготовка к назначенной на 06.00 атаке. Войскам предписывалось продвинуться на восток и попытаться овладеть Аламейнским укрепрайоном с тыла. В этот момент на северном участке фронта подала голос тяжелая артиллерия. То, что началось там, означало катастрофу и оказало влияние на весь ход кампании.

Вот как отзывался о трагедии полковник фон Меллентин:

«Наша тактическая штаб-квартира располагалась всего в нескольких километрах за линией фронта. Когда я ехал на передовую, сотни итальянцев потоком лились мимо меня в паническом бегстве. Это были солдаты пехотной дивизии «Сабрата», и становилось понятным, что вся дивизия разгромлена. Надо было что-то предпринять, чтобы заделать эту огромную дыру. Я немедленно связался со штабом и собрал все, что удалось наскрести: личный состав штаба, зенитчиков, пехоту, снабженческие части, персонал полевых кухонь... и с этими разномастными войсками встретил атаку австралийцев. В ожесточенной рукопашной, в ходе которой штабные офицеры действовали как расчеты пулеметов, нам удалось остановить первый вал неприятеля».

Полковник фон Меллентин заканчивает свой рассказ весьма кратким замечанием: «К несчастью, прекрасный командир служ-

бы прослушивания, капитан Зеэбом, погиб в этом бою, и большая часть важной информации его поста была уничтожена или захвачена противником». За этим лаконичным предложением кроется трагедия. 621-я рота прослушивания (NFAK 621) являлась неоценимым источником сведений для Роммеля. Это было ухо Роммеля — ухо, приставленное к стене вражеского штаба, поскольку часть занималась прослушиванием телефонных коммуникаций противника с помощью специальных аппаратов, подключенных к линиям, по которым переговаривались командиры неприятельских частей, и взламывала коды. Многие из смелых маневров Африканского корпуса, описанные в истории войны такими словами, как «мастерские» и «блестящие», стали возможными лишь благодаря информации, поставляемой ротами прослушивания.

В последнем сообщении о ситуации, отправленном 621-й ротой 9 июля, говорилось: «Обнаружена австралийская дивизия. Место дислокации пока не известно». Это была та самая 9-я австралийская дивизия, которая 10 июля обратила в бегство пехотную дивизию «Сабрата» и стерла с лица земли роту прослушивания. С потерей ее и из-за смены кода для телеграмм в резиденции американского атташе в Каире Роммель остался без источников ценных сведений. Такое положение нельзя было поправить в ходе решительных боев за рубежи Эль-Аламейна. Причина трагической гибели ценнейшей роты состояла в том, что капитан Зеэбом в оборонительных боях 10 июля всего лишь пытался удержать безнадежные позиции, поскольку под Мерса-Матрухом старший офицер, не очень хорошо понимавший всю важность этой части, вставил капитану «свечу». Неуместная храбрость привела к невозполнимой потере для всей армии.

В ходе оборонительного сражения 10 июля в составе Африканского корпуса действовала новая часть — 164-я легкая дивизия «Африка». Ее перебросили в Африку по воздуху без техники. Состояла часть преимущественно из саксонцев, и дивизионной эмблемой ей служили скрещенные клинки, как на мейсенском фарфоре. 382-й гренадерский полк и 3-я рота 220-го инженерно-саперного батальона были введены в боевые действия прямо с места высадки. Они сражались вместе с боевой группой Гекера, которая остановила продвижение противника зенитками и малочисленными танковыми силами. Во многом именно благодаря 382-му и удалось остановить британский прорыв на северном фланге танковой армии.

То, что во всем драматизме выявилось 10 июля, подтвердилось в последующие дни. Итальянские войска были более не в состо-

янии выносить накала изматывающей битвы. Роммелю приходилось перебрасывать все больше и больше немецких войск с южного фланга, чтобы укрепить итальянский участок фронта на севере. Он сделал еще одну попытку изменить положение. Во второй половине дня 13 июля он бросил на штурм Аламейнского укрепленного района бронетехнику 21-й танковой дивизии. Атака провалилась, захлебнувшись под огнем 3-й южноафриканской бригады. Роммель упрямо повторил атаку на следующий день. Танки атаковали поздним вечером при поддержке бомбардировочных эскадр Кессельринга. После ожесточенного боя немцы вышли на прибрежную дорогу. Фланговая атака австралийцев с аламейнских позиций положила конец этой попытке. Войска Роммеля были слишком слабы. Полностью укомплектованная танковая дивизия — возможно, всего одна дивизия — могла бы изменить ситуацию, но такой дивизией Роммель не располагал. Восточный фронт поглощал немецкую военную силу.

15 июля новозеландцы и индийцы прорвались в районе кряжа Рувейсат. 15-я танковая дивизия и 3-й и 33-й разведывательные батальоны контратаковали и отбили захваченную противником территорию. На следующий день австралийцы покончили с остатками итальянской дивизии «Сабрата» в районе Тель-эль-Эйса. 382-й гренадерский полк удержал позиции и предотвратил катастрофу.

На следующий день были разгромлены моторизованные дивизии «Триесте» и «Тренто». Только собрав в кулак все силы, Роммелю удалось заделать брешь.

Тем вечером Роммеля навестили Кессельринг и итальянский начштаба маршал Кавальеро. Фельдмаршал заявил:

— Если что-то не будет сделано со снабжением, мы не выстоим. Он был прав.

Кессельринг мог поздравить себя с тем, что он не ошибался. Он всегда говорил: «Сначала Мальта... потом наступление на Нил». Но война — не математика, а особое искусство, в котором важную роль играют неожиданные и непредсказуемые вещи. И примеров тому море. Приведем только один из них.

В самую горячую пору июльских боев под Эль-Аламейном там появился боец моторизованной гренадерской части, имя которого было выгравировано на свитке славы. Его фотографии появлялись в немецких газетах. Звали этого девятнадцатилетнего парня с детским лицом Гюнтер Гальм. Он был одним из сотен тысяч молодых людей, которых война слишком рано заключила в свои кровавые

объятия. Он не принадлежал к числу любителей подраться, сорвиголов и авантюристов, а был всего лишь трезвым, рассудительным юношей. Его унтер-офицер в казармах поставил бы любую сумму за то, что этот бледный парень, родившийся в 1922 г., никогда не станет героем и его имя никогда не будет ассоциироваться с войной в пустыне.

И все же слесарь-наладчик станков Гюнтер Гальм вслед за Губертом Бринкфортом из Вестфалии стал вторым и самым молодым солдатом, награжденным Рыцарским крестом. Роммель лично повесил орден ему на шею. В ходе церемонии на нос Гальму села назойливая муха, нипочем не желавшая улетать, и теперь Гальм признается, что стоять «смирно» перед фельдмаршалом со щекочущей кожу мухой на носу было куда большим испытанием, чем вся битва, принесшая ему славу и высокую награду.

Гюнтер Гальм не погиб в пустыне, как говорится во многих книгах. Он жив, и историю его я услышал из его собственных уст. В настоящее время Гальм — владелец угольного бизнеса в Бад-Мундере и отец четырех прекрасных дочерей. Он рассказывал медленно, немного смущаясь, как человек, которому приходится вспоминать что-то давно забытое. Он говорит с сильным брауншвейгским акцентом. Никто из его соседей не знает, что живет рядом с Гюнтером Гальмом — человеком, портрет которого появлялся во всех немецких газетах.

— А зачем им? — произнес Гальм и пожал плечами. Он немало пережил из-за своей известности. То, что после войны этому храброму солдату не позволили изучать механику в Брауншвейгском университете, — самая меньшая из связанных с ней неприятностей. Он создал свое дело вместе с женой и сегодня процветает.

В ночь с 21 на 22 июля Окинлек задействовал самые сильные из своих штурмовых бригад в крупномасштабной атаке на центральном участке фронта под Эль-Аламейном. Им предстояло перебить хребет Африканскому корпусу Неринга. Волна за волной австралийцы, индийцы и южноафриканцы бросались на немецкие позиции. 15-я танковая дивизия, с оставшейся бронетехникой, храбро сражалась с британскими танками. Затем Окинлек разыграл свой козырь. 23-я танковая бригада, только что прибывшая из Англии, была введена в бой во взаимодействии со 161-й индийской бригадой с целью смять 21-ю танковую дивизию.

На краю трехсотметровой вали, в нескольких километрах от тактического штаба 21-й танковой дивизии, стоял противотанковый взвод 104-го моторизованного гренадерского полка с двумя

русскими противотанковыми орудиями. Командовал батареей лейтенант Скубовиус, первым орудием — унтер-офицер Ябек, наводчиком у которого был Гюнтер Гальм. От Гальма, таким образом, зависела точность огня.

Все утро британская артиллерия утюжила склоны вади. Орудийная прислуга пряталась в окопах позади своих пушек. Сверху на них сыпалась земля, поднятая взрывами снарядов. Скубовиус стоял с биноклем за щитом пушки и обозревал вади. Внезапно последовал артналет. Когда рассеялась дымовая завеса, лейтенант закричал:

— Идут!

Солдаты побежали на свои боевые позиции.

Огромное количество британских Mk II, Mk IV и «Валентайнов» катило через вади, точно на параде, в ста пятидесяти метрах от склона стояло орудие Гальма. Расчеты не знали, что острие наступления из пяти танков уже прорвалось через них под дымовой завесой. Скоро они выйдут к тактическому штабу дивизии. Пять танков. Надо было подбить эти пять, но если бы остальные десять, двадцать, тридцать... прорвались, тогда «прощай, Мария», как говорили немецкие солдаты.

— Открыть огонь! — приказал Скубовиус. Теперь все зависело от того, хватит ли выдержки Гюнтеру Гальму, сумеет ли он правильно прицелиться. Сможет ли заряжающий хладнокровно вкладывать снаряды в казенник 1400-килограммовой пушки. Если орудия № 3 и № 4 будут стоять устойчиво на своих лафетах и не откатываться назад при стрельбе, поскольку скалистая почва не позволяла воткнуть в нее сошники и закрепить их неподвижно.

Все молчали. Гальм как наводчик располагался слева. Справа находился заряжающий.

Гальм кивнул. Нажал на кнопку. Вокруг полетели комья грязи, дым окутал орудие. Станины задрожали. Колесо подпрыгнуло и ударило Гальма по ноге. Они принялись поправлять орудие; он не чувствовал боли.

— Прямое попадание, — произнес Скубовиус. Орудие перезарядили. Гальм прицелился. Второе прямое попадание!

Всего за две минуты они подбили четыре танка томми. Остальные остановились, пытаясь понять, откуда бьет опасный враг. Они заметили орудие, и тогда стало жарко.

Снаряды танковых пушек падали близко, но артиллеристы не обращали на них внимания. Они заряжали, целились, стреляли и поражали противника прямыми попаданиями.

Вокруг бушевала буря. Снаряд пролетел между ног Гальма. Другой раздробил бедро заряжающего.

— Номер третий на место заряжающего.

Парень вышел вперед, вопросительно глядя на товарищей. Заряжай, целясь, огонь, есть!

Шесть... семь... восемь... Горело уже девять британских танков. Остальные вышли из боя. Очевидно, командир решил, что им не прорваться. Одна из машин поднялась по склону горы, чтобы достать грозное противотанковое орудие с тыла. Но его ждало второе орудие. Два выстрела — и башня Mk II разлетелась на куски.

Танковая атака захлебнулась. Остановил ее один противотанковый взвод. Нервы нескольких человек, глаза и руки девятнадцатилетнего парня преградили путь бригаде.

Полковой командир, полковник Эверт, наблюдал за кровавой дуэлью из своей бронемашины. Он на полном ходу поспешил в тыл, понимая, что долго артиллеристы не продержатся. Были подняты по тревоге пикирующие бомбардировщики Ju-87 «Штука» и, так же как и танки 21-й танковой дивизии, направлены в опасную точку. И очень вовремя. Орудие Гальма находилось под обстрелом отброшенных танков. Щит разворотило. Заряжающий с временной повязкой пытался добраться до главного перевязочного пункта. Он рухнул без сознания от потери крови в сотне метров от позиции. Почти все артиллеристы были ранены или контужены, но продолжали стрелять. Затем вражеский снаряд разбил прицел. Щит взлетел в воздух, и расчет остался лежать среди обломков.

Голгофа для них закончилась. Второе орудие все еще стреляло с другой стороны горы. Пикировщики «Штука» ревели моторами над головой; появились танки PzKpfw IV из 21-й танковой дивизии. Британский свидетель рассказывает, чем закончилась история: «Бригада, которая продвигалась по неверному маршруту, попала под точный огонь немецкой противотанковой обороны. Головные танки были подбиты. Девять танков, включая командирский, загорелись в течение всего нескольких минут. Шесть других вышли из строя. Вся бригада пришла в смятение. Прежде чем они успели перегруппироваться, их атаковали «Штуки». Остальных прикончили немецкие PzKpfw IV. Целая бригада была уничтожена. Два года подготовки, чтобы поехать на край света и там погибнуть за полчаса».

Гордон Рэдфорд, лондонец, оказался среди немногих, кому удалось привести свои танки назад.

— Это был кошмар, — сказал он. — Мы потеряли девяносто шесть машин.

Попытка британцев переломить хребет Африканскому корпусу Неринга провалилась. Главная заслуга в том принадлежит пяти артиллеристам и их лейтенанту.

Гюнтер Гальм получил Рыцарский крест от Роммеля. Его повысили в звании до обер-ефрейтора. Он сражался во многих битвах и в конечном итоге стал лейтенантом. В 1944 г., будучи военнопленным, он направлялся в США на борту «Мавритании», где познакомился с британским офицером, лишившимся ступни. Произошло одно из удивительных совпадений, которые нередко случаются в солдатской жизни. В беседе они выяснили, что британский офицер находился в одном из танков, которые подбил Гюнтер Гальм 22 июля в вади у кряжа Рувейсат.

— Он дал мне свой адрес, но позднее, в лагере для военнопленных, французы отобрали у меня мои бумаги. У меня так и не было возможности написать ему, хотя я и обещал.

Алам-Хайфа — Сталинград пустыни

С воспаленными от усталости глазами, страдающий от прицепившихся к нему хворей, фельдмаршал Роммель сидел в своем автобусе над картами и фотографиями аэрофотосъемки. Он то и дело повторял:

— Когда мы наступали к Аламейну в начале июля, несмотря ни на какие соображения, невзирая на усталость, я стремился не дать британцам сосредоточиться на подступах к Александрии и подтянуть туда новые военные материалы. Я хотел не допустить перетекания боевых действий в статичную войну, в сидение на одном месте с четко обозначенной передовой. Британские войска — что их солдаты, что офицеры — как раз к этому и подготовлены. Упорство томми приносит плоды именно на таких позициях, где их хроническая негибкость работает на них.

Роммель стремился избежать такого положения, но он не мог реализовать своего плана прорыва за Эль-Аламейн. Лондон и Вашингтон ждали появления бронетехники Роммеля перед Александрией. Это было в начале июля — если уж говорить точно, 3 июля. С тех пор он топтался у Эль-Аламейна.

С 26 мая и по 30 июля 60 000 британцев, южноафриканцев, индийцев, новозеландцев, французов и австралийцев отправилось в германо-итальянские лагеря для военнопленных. Было подбито две тысячи британских танков и бронемашин. Обломки техники британской ударной армии валялись по всей пустыне. Танковая армия Роммеля на недели обеспечила себя трофейным продовольствием; 85 процентов парка грузовиков было англо-американского происхождения. Но немецкие потери с мая по сентябрь тоже были высоки — 2300 солдат погибшими, 7500 ранеными и 2700 военнопленными. Численность боевого личного состава в августе достигала 34 000 человек. Потери итальянцев составляли 1000 убитых, 10 000 раненых и 5000 пленных.

Каир оставался вне досягаемости. Они оказались пришиты к Эль-Аламейну — случилось как раз то, чего Роммель так хотел избежать. Британцы становились сильнее день ото дня. Их артерии снабжения от баз к фронту тянулись на 80–200 км. Корабли союзников доставляли все необходимое вокруг мыса Доброй Надежды. Новые дивизии прибывали из Сирии, Индии и Ирака. А что получал Роммель? Одну дивизию, 164-ю, и бригаду парашютистов Рамке — без техники. На фронт поступало не более трети необходимого снабжения, да и то грузы приходилось доставлять из Тобрука, Бенгази или даже из Триполи по дорогам, постоянно подвергавшимся налетам британской авиации. То, что не успевал пожрать осьминог по имени Мальта вместе с британским флотом и военно-воздушными силами на пути из Италии, по дороге на фронт уничтожали британские бомбардировщики. С другой стороны, свыше 2000 единиц техники и 100 орудий ждали Роммеля в Италии. Тысяча грузовиков и 120 танков стояли в Германии, ожидая отправки. Но они не добрались до Африки. Подвел итальянский ВМФ. Расклад был прост, и Роммель — человек, который понимал простые расклады, — сказал своим офицерам:

— Успехи нашей танковой армии за последние недели посеяли уныние и панику в Вашингтоне и Лондоне. Совершенно ясно, что тревога вынудит союзников предпринять даже большие усилия для предотвращения потери дельты Нила и Ближнего Востока. — Роммель положил руку на листы с донесениями полевой разведки и секретных агентов. — Огромные конвои под могучим эскортом идут вокруг мыса Доброй Надежды. Первый из них уже в Красном море, но это только начало. Их будет все больше и больше. Оба — Черчилль и Рузвельт — знают, что на кон поставлена Северная Африка. Совершенно очевидно, что к середине сентября британская

8-я армия станет настолько сильной, что мы не сможем противостоять ей.

«К середине сентября» — так сказал Роммель. Что можно было предпринять? Офицеры Германского генштаба предоставляли статистические данные. В конце августа соотношение сил было три к одному в пользу британцев. В воздухе — пять к одному.

Двести пятьдесят девять вполне боеспособных немецких и 243 почти бесполезных итальянских танков против 700 британских боевых бронированных машин.

Британские минные поля оказались невероятно сложными. Артиллерия превосходила немецкую и располагала неограниченным количеством боеприпасов.

И, конечно, горючее. В танковой армии Роммеля запаса его хватило бы не более чем на сто тридцать километров пути. Британцы могли расходовать бензина столько, сколько им вздумается.

Но офицеры генштаба всегда осторожничают. Перед каждым наступлением Роммель читал их жалкие выкладки. И побеждал, несмотря ни на что. Всю ночь фельдмаршал просидел в автобусе, обдумывая положение и изобретая пути выхода из него.

Со своей стороны, британцы тоже терзались тревожными думами. В начале августа в Каир прилетел Уинстон Черчилль. Он заглянул туда на пути в Москву, где ему предстояло успокоить Сталина, впавшего в панику из-за успехов немецкого летнего наступления в России. Немцы рвались к Кавказу, они уже вышли на Дон и подбирались к Сталинграду. Что-то надо было делать.

«Что-то надо делать», — мрачно повторял Черчилль в Каире, и многое делалось. Генерал сэр Гарольд Александер, лучший стратегический ум в империи, получил пост главнокомандующего войсками на Ближнем Востоке. У 8-й армии тоже появился новый командир. Выбор Черчилля пал на генерала Готта. Но агрессивный и хитроумный в прошлом военный, известный в войсках под кличкой «Страфер»¹, постарел и устал. Роммель и мечтать бы не мог о более подходящем противнике. Генерал Готт не стал бы проблемой для Лиса пустыни. Но Черчилль думал иначе. Он не решался ещеверить командование 8-й армией непроверенному генералу из Англии по фамилии Монтгомери.

Но если требуется доказательство того, что боги сами заправляют историей войн, нужно вспомнить о Монтгомери. Итак, выбрали

¹ Букв. тот, кто атакует с бреющего полета, в переносном смысле разносит, ругает, наказывает. — *Прим. пер.*

не его, а генерала Готта. Однажды после полудня одинокий немецкий самолет-разведчик, не спеша возвращавшийся к немецким позициям после полета над Каиром, заметил британскую транспортную машину без воздушного прикрытия. Очередь — и британская машина вспыхнула как факел. Генерал Готт простился с жизнью.

Монтгомери получил пост командующего 8-й армией. Кости были брошены. На сцену вышел человек, которому предстояло победить Роммеля.

Как только немцы узнали о назначении Монтгомери, Роммель запросил всю имевшуюся об этом генерале информацию. Уже вечером он получил то, что просил.

— В Дюнкерке Монтгомери сделал себе имя как дивизионный командир и организатор, — читая, негромко повторял вслух Роммель. — Этот человек опасен.

А он и правда был опасен. Он привез с собой из Англии несколько глубоко преданных ему офицеров, а главное — генерал-лейтенанта Брайэна Хоррокса, которому вверил командование 13-м корпусом. Эти молодые военные руководители подчинялись приказам и не вели войну лишь по собственной инициативе, только в интересах своих войск. Монтгомери немедленно отменил все распоряжения и планы касательно дальнейшего отступления 8-й армии с аламейнских позиций.

— Даже и речи идти не может о том, чтобы мы оставили фронт под Эль-Аламейном, — повторял он.

Он приказал отдельным дивизионным командирам осуществлять боевые контакты с неприятелем только большими силами.

— С раскалыванием наших сил, которое позволило Роммелю одерживать победы, покончено, — заявил он. — В дальнейшем танки и артиллерия будут задействоваться только массированно.

Затем Монти поставил в известность Кабинет о своих минимальных требованиях.

— Я не перейду в наступление до тех пор, пока вы их не выполните, но я буду держать Аламейн, пока вы их выполняете.

Естественно, немецкое военное руководство слышало об этом, но что оно могло сделать?

«Следовало ли Роммелю сидеть и ничего не предпринимать, — сказал мне генерал Неринг, — ожидая этого угрожавшего ему наступления, которое, вне сомнения, будет тщательно спланировано. Принимая во внимание наличие у противника значительного численного превосходства? Или же ему нужно было предупредить его? Или отойти на более удобные позиции, на те, на которых он держался в

тысяча девятьсот сорок первом году на итальянско-египетской границе?

Постфактум можно сказать, что отход на более благоприятные оборонительные позиции, предоставляющие более широкие возможности для обеспечения войск снабжением, стал бы наиболее верным решением. Но это было бы отступление. Берлин и Рим рассматривали подобные стратегические отходы как неприемлемые с политической точки зрения, хотя такое решение дало бы Роммелю шанс вести подвижную войну и использовать тактическое превосходство».

Таково суждение холодного и осторожного Неринга — человека, который на протяжении своей карьеры не раз вызывал негодование трезвостью оценок ситуации.

Германское верховное командование, Гитлер и Муссолини запретили Роммелю отступить. Они дали ему приказ держать позиции, оставив лишь один путь — атаковать. Собрать все имеющиеся войска и поставить всё на карту. План был разработан и, соответственно, принял форму приказа, который фельдфебель Манкивиц из 9-й роты 104-го моторизованного гренадерского полка и другие и ротные старшины танковой армии распространили по ротам 30 августа.

Танковая армия «Африка». Тактический штаб. 30.8.1942 г.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ

Солдаты!

Сегодня армия, усиленная новыми дивизиями, вновь переходит в наступление с целью окончательного уничтожения врага.

Я ожидаю от каждого находящегося под моим командованием солдата, что он сделает все от него зависящее для победы.

Подпись: командующий фельдмаршал Роммель.

План битвы был «истинно роммелевским». Открыть наступление предстояло атакой Африканского корпуса, 90-й легкой дивизии и 20-го итальянского моторизованного корпуса на южном фланге армии с участка вокруг Джебель-Калаха в северо-восточном направлении. После перехода через кряж Рувейсат британский северный фланг и резервы должны были быть окружены и уничтожены.

Задача 164-й легкой дивизии «Африка» и итальянских дивизий к северу от Рувейсата, которым была придана и бригада пара-

шютистов Рамке, состояла в том, чтобы связать противника ограниченными наступательными действиями на прибрежной дороге. 20-му итальянскому корпусу и 90-й легкой дивизии отводилось место между этими в большей или меньшей степени неподвижными войсками и Африканским корпусом, для выполнения роли своего рода шарнира. Одновременно им надлежало аналогичного свойства атакой обеспечить северо-западный фланг Африканского корпуса. Последний, как и всегда, должен был нести на себе основной груз операции. Если запланированное уничтожение 8-й армии состоится, будет введена в действие вторая часть плана. Африканский корпус вместе с 15-й танковой дивизией и 90-й легкой атакует Суэц через Каир. 21-й танковой дивизии отводится задача взятия Александрии.

Передо мной лежит набросок плана генерала Неринга, который он пытался претворить в жизнь.

Успех наступления Роммеля зависел от нескольких основных условий. Во-первых, он замышлял начать атаку моторизованными частями Африканского корпуса не на удобном для движения техники северном участке фронта, а на сложной местности к югу на краю солеварен. Хитрость состояла в том, что британское руководство меньше всего будет ожидать атаки именно там, и вдобавок ко всему бронетехнику Африканского корпуса распознает на его позициях на севере Аламейнского фронта их воздушная разведка. Для защиты танков и другой техники от осколков бомб их помещали в специальные боксы и сверху покрывали кустами верблюжьей колючки, трофейным британским камуфляжем и другими средствами маскировки.

Роммель приказал построить такое же количество боксов и артиллерийских позиций на южном участке Аламейнского фронта с целью введения в заблуждение неприятеля, причем проделать все таким образом — и в этом-то и заключался весь блеск уловки, — чтобы при внимательном рассмотрении противник опознал в них ложные объекты. Если враг увидит, что все построенное немцами там — ложные объекты, он еще в меньшей степени будет ожидать нападения на южном фронте. Если он примет их за танковые позиции, то совершит ошибку, вдвое переоценив армейский резерв Роммеля. В данном случае неприятель опять-таки придет к заключению, что, скорее всего, следует ожидать атаки с севера.

Второй важной особенностью плана являлось продвижение штурмовых войск. Преодоление минных полей и прорыв в тыл британцам на южном участке фронта надлежало осуществить с быстро-

той молнии за одну ночь. Только в таком случае можно будет не позволить располагающему подавляющим численным превосходством противнику перегруппировать свои войска.

Используя две полнолунные ночи — 29 и 30 августа, — Африканский корпус перебросили на юг. Ложные позиции на севере маскировали для вражеской разведки отход танков.

Но удалось ли и в самом деле сохранить диспозицию в тайне? Удалось ли обеспечить первое и главное условие для успешного проведения операции? В мемуарах начальника генштаба, фельдмаршала лорда Аланбрука, касательно его визита в 8-ю армию во второй половине августа 1942 г. мы читаем: «Монтгомери находился в должности командующего уже несколько дней, и он знал дату наступления Роммеля и то, что он будет нападать на южном фронте с целью последующего разворота на север. Нам он подробно рассказал, как собирается отразить атаку силами своей артиллерии. Его утверждения были настолько убедительны, что премьер-министр счел все планы и принимаемые меры «водонепроницаемыми».

Монтгомери в своих воспоминаниях также с гордостью признается в том, что был уверен — Роммель будет наступать на юге. Генерал-лейтенант сэра Брайэн Хоррокс, командир 13-го корпуса, тоже признает, что британские оборонительные приготовления были детально спланированы на основе хитроумного плана Роммеля. Немецкое наступление в том, что касается времени его начала и характера проведения, не стало неожиданностью для британского военного руководства в Африке. С самого начала Монтгомери считал атаку войск стран «оси» на северном участке фронта ложной и не предпринимал никаких дополнительных мер для ее отражения.

Он ждал в правильном месте и в правильное время. Генерал Хоррокс, корпус которого встречал вал основной немецкой атаки, даже отправился спать до получения донесения о начале наступления.

У него не было ни малейшего сомнения в том, что собирается делать Роммель. Силами Африканского корпуса он ударит на позиции 13-го корпуса между позициями новозеландской дивизии и Химейматом. После прорыва фронта 7-й танковой дивизии он предполагал два варианта развития событий: атаку широким охватывающим броском вокруг Алам-Хайфы или коротким — в тыл Алам-Хайфы.

Британские генералы не говорят, что намерения врага стали известны им благодаря предательству. Но это не имеет особенного

значения. В своем дневнике Роммель тоже не всегда открывал пути получения секретных разведанных.

Монтгомери и его генералы говорят, что вычислили замысел Роммеля по погодным условиям, количеству войск и наличию топлива у Африканского корпуса в результате анализа тактических подходов Роммеля, немецкого образа мыслей и за счет сбора данных обычной фронтовой разведкой. Но следующая история дает пищу для размышлений.

На моем рабочем столе лежит карта, которую предоставил в мое распоряжение генерал Байерляйн, в то время полковник и начштаба Африканского корпуса. На ней все секреты наступления Роммеля; с помощью цветных линий и пояснений ясно показаны маршруты и направления, характер местности в тылу южного участка британского фронта. Задачи и расписание немецкого наступления разрабатывались в соответствии с данной картой. Она являла собой сокровище. На ней показывались пути преодоления всех трудностей, с которыми сталкивалось немецкое командование перед наступлением. Немецкий штаб не знал о состоянии труднодоступной местности на маршруте продвижения на южном участке фронта. Заслуживающие доверия немецкие разведанные говорили о наличии минных полей. Но что находилось за ними? Итальянские карты данного района не предоставляли необходимой глубины информации. Опросы местного населения не давали уверенной картины. О проведении разведки боем не могло идти и речи из опасения вызвать подозрение противника. Тогда как только смелые рейды в тыловые области могли бы дать достоверные сведения. В итоге все части получили приказ обращать особое внимание на трофейные британские карты района. Подобные трофеи всегда очень помогали, потому что изготавливались в первоклассных британских картографических лабораториях.

Однажды ночью со стороны немецкого минного поля на южном участке фронта раздался шум боя. Взорвались мины, и немецкие часовые подняли тревогу. Пулеметчики приготовились к стрельбе, взлетели в небо осветительные ракеты. На минном поле что-то происходило. По всей видимости, британские разведчики эвакуировали своих раненых.

— Боевой дозор немецкой разведки — вперед!

На минном поле обнаружили разбитую британскую машину разведки. Солдаты принялись осматривать ее в поисках трофеев. Что это лежит там, на сиденье рядом с водительским? Вымазанная кровью планшетка. Они взяли ее.

В штабе Роммеля был настоящий праздник — в одном из отделений планшетки солдаты обнаружили прекрасно сработанную дорожную карту южного участка британского фронта. На ней стоял серийный и кодовый номер. Всюду виднелись пометки, попадались и чернильные пятна. Карта была помятая и потертая... Естественно, в штабе стали сомневаться в подлинности трофея. Стали проверять и сравнивать. «Подлинная», — в конце концов прозвучал вердикт. Теперь они располагали тем, в чем так нуждались. На карте были показаны твердые сериры, участки мягких грунтов и непроходимых дюн и зыбучих песков — помечены предательские вадии и широкие открытые «пяточки» пустыни. Ключ к главным британским позициям, высоте Алам-Хайфа, которую немцам судьба словно бы преподнесла на блюде.

Трофейная карта немедленно стала основной. Но не все ее детали безоговорочно принимались на веру. Несмотря ни на что, несколько опасных ошибок могли вкрась в карту предполагаемого маршрута продвижения британской бронетехники.

Генерал Хоррокс подтверждает эту историю.

— Джерри очистили машину разведки, — доложили из 7-й танковой дивизии командиру 13-го корпуса наутро после того, как немецкий патруль завладел британской машиной разведки.

Сэр Брайэн немедленно позвонил начштаба Монтгомери де Гингану:

— Хэлло, Фредди, они подобрали твои яйца.

Начштаба Монти проговорил:

— Надеюсь, они как следует высидят их.

Что это означало?

Чтобы помочь Роммелю в принятии решений, британцы задумали великолепный трюк. Де Гинган приказал изготовить дорожную карту, на которой отражалась полностью искаженная картина местности в тылу британского фронта. Карту вывезли на машине на немецкое минное поле. Взорвали несколько новых выпрыгивающих мин, чтобы повредить автомобиль, затем разведчики отошли и предоставили противнику возможность действовать. Немецкие коллеги обыскали машину и нашли в ней карту. Она легла в основу разработки планов наступления и послужила образцом для создания немецких дорожных карт. Эта фальшивая карта оказала важное влияние на ход сражения при Алам-Хайфе.

Я видел штабную карту боев вокруг Эль-Аламейна и имел возможность проследить события по цветным линиям, обозначавшим как наши, так и вражеские позиции. Я видел номера стратегиче-

ски важных пунктов и водил пальцем по маршрутам продвижения войск. Фриц Байерляйн, часто находившийся в поездках рядом с Роммелем, сидел рядом и объяснял.

В бою при Алам-Хайфе Байерляйн являлся начштаба Африканского корпуса, находившегося под командованием генерала Неринга, которого после ранения 31 августа сменил генерал фон Вёрст. Он и генерал фон Вёрст — двое из немногих уцелевших свидетелей катастрофического августовского наступления Африканского корпуса, называемого часто «шестидневной гонкой». Последняя попытка прорыва Аламейнского фронта и захвата дельты продолжалась именно столько.

Байерляйн провел карандашом несколько линий, чтобы помочь описать различные ситуации, возникавшие в ходе боев. «Вот так мы собирались действовать. Тогда как парашютистам бригады Рамке, 90-й легкой дивизии и 20-му итальянскому моторизованному корпусу предстояло развернуться с Аламейнского фронта на север, задача бронетехники Африканского корпуса заключалась в окружении 8-й армии и в последующем уничтожении ее за счет танковых ударов в тыл. Типичная тактическая схема Роммеля. Он применил ее под Тобруком, в случае с Мерса-Матрухом и с Газалой. Так же и здесь, под Аламейном, данный рецепт должен был принести ему успех. И наконец, план содержал в себе психологический момент. Прорванный фронт, противник в тылу — все это должно было вызвать панику в рядах британцев. Конечно, огромный по протяженности бросок танковых дивизий — продвижение с боями — требует значительных поставок бензина. Необходим также и элемент внезапности — быстрота, чтобы не дать неприятелю времени и возможности для перегруппировки. Таким образом, снабжение бензином и неожиданность являлись двумя важнейшими условиями успеха наступления.

28 августа в штаб-квартире танковой армии состоялось совещание с участием Роммеля, итальянского начальника Генштаба маршала Кавальеро, и фельдмаршала Кессельринга, командующего войсками на Юге. Роммель настаивал на шести тысячах тонн горючего в качестве минимального резерва для наступления. «Исход сражения зависит от точности поставок горючего», — объяснил он. «Можете начинать наступление, фельдмаршал, — отозвался Кавальеро, — горючее уже в пути».

Роммель на собственном опыте убедился, что значат подобные заявления. Он ведал подводные камни растянутых линий снабжения и помнил те катастрофические случаи, когда итальян-

ские конвои, словно так все и планировалось заранее, попадали прямо в лапы Королевского Флота или под бомбы британских самолетов. Тогда Роммель, конечно, не знал всего того, что известно нам теперь, однако знал все же достаточно, чтобы не очень-то доверять подобным заверениям. Например, он знал о том, что открыл итальянский летчик Антонио Трицино в сенсационной книге, в которой приводятся некоторые поразительные подробности. Скажем, вот такие. Летом 1942 г. итальянский морской офицер оборудовал особую радиостанцию около Мерса-Матруха, откуда днем и ночью самые важные разведанные поступали к адмиралу Мауджери из итальянской разведки, который после войны получил награды от американцев. Тот же офицер организовал высадку американских агентов на итальянский берег и проследил, чтобы они смогли установить связи с высокопоставленными штабными офицерами итальянского Адмиралтейства. В той книге целая глава посвящена сотрудничеству с британской разведкой высших итальянских морских офицеров, знавших подробности курсов африканских конвоев. Это вполне согласуется с тем, что американский капитан 1-го ранга Элайс М. Захариас пишет в своей книге «Секретное задание». «Мы располагали широкой информацией о намерениях военно-морских командований стран «оси» в отношении Африканской войны, а также знали содержание переговоров между немецким и итальянским флотами». Но даже в свете таких обезоруживающих данных было бы неверным после каждой проигранной битвы кричать: «Нас предали!» У стран «оси» тоже имелись свои агенты — каждая сторона старалась сделать как можно больше на этом темном поприще. Но сегодня можно сказать с совершенной уверенностью, что снабжение танковой армии, зависевшее от итальянского военно-морского начальства, в наибольшей степени страдало от предательства. На последнее крупное наступление Роммеля тоже бросило свою тень предательство. С 1941 г. фельдмаршал что-то подозревал, и нам известно о разговорах, в которых он выражал свою озабоченность. Поэтому для него стало большим утешением, когда Кессельринг на важном совещании 27 августа уверил его, что немецкий 2-й воздушный флот доставит ему необходимое горючее, если итальянцы провалят поставки.

30 августа в 20.00, в самый канун прихода ночи, танковые дивизии двинулись к южному участку Аламейнского фронта. Полная луна освещала путь скрежетавшей гусеницами, ревевшей моторами бронированной процессии. 15-я танковая дивизия вступила в сражение с семьюдесятью PzKpfw III и PzKpfw IV. 21-я танковая

дивизия атаковала ста двадцатью танками. Наступление разворачивалось широким фронтом. Незадолго до полуночи острие наступления 15-й танковой дивизии вступило в боевое соприкосновение с британской обороной в районе минного пояса. Но там, где немцы рассчитывали встретить лишь незначительное противодействие, они получили сильный и решительный отпор. 1-й батальон (115-го моторизованного гренадерского полка) под началом майора Буша оказался на британском минном поле, натолкнувшись на дружный отпор танков, артиллерии и пехоты противника. Запылала ожесточенная битва. 2-й батальон капитана Вайхзеля сумел спасти ситуацию: он атаковал через минное поле, создал плацдарм и обеспечил возможность расчистки проходов, через которые могли продвигаться танки 15-й танковой дивизии.

21-я танковая дивизия тоже напоролась на британское минное поле. Личный состав штаба 3-го батальона 104-го моторизованного гренадерского полка, выступая впереди бронетехники, вышел на минное поле и стал ждать подхода танков, чтобы провести их через проходы. Неожиданно на минах подорвалась целая цепочка грузовиков. Подобно призраку, саперный лейтенант стоял, пытаясь знаками привлечь к себе внимание и помочь своим избежать трагедии. И тут тоже передовые части дивизии нарвались на необозначенное британское минное поле. Гренадеры осторожно выбирались из своих грузовиков — выпрыгивающие мины-«лягушки» рвались повсюду.

— Стой! Ложись! — прозвучал приказ. Теперь застрекотали британские пулеметы. Трассы находили технику и людей. Это была первая неожиданность, с которой столкнулось наступление. В то время как раненые призывали на помощь санитаров-носильщиков, а штабные офицеры пытались восстановить порядок в творившемся вокруг бедламе, на немцев обрушилась новая беда. Прибыли Королевские Воздушные Силы. Небо осветилось ракетами на парашютах, называемыми в войсках «новогодними елками». Вдобавок к ним британские пилоты задействовали новый тип наземного осветительного снаряжения. Они сбрасывали магниевые ракеты, вспыхивавшие только на земле. Потушить их оказывалось крайне трудно, и ночь вокруг превращалась в день.

Генерал Вальтер Неринг, командовавший Африканским корпусом, объезжал позиции 21-й танковой дивизии. В командирском автомобиле находился и начштаба, полковник Фриц Байерляйн, адъютант командира, фон Бургсдорф, два водителя и три связиста, включая радистов Галькура и Гуммерсбаху. Мины и снаряды

продолжали рваться то там то тут, неустанно тархтели пулеметы. Полыхала жаркая битва, и Неринг получил первые малоприятные известия: командир 21-й танковой дивизии генерал-майор Георг фон Бисмарк погиб, когда во главе дивизии прорывался через британское минное поле. Генерал-майор Клееман, командовавший 90-й легкой дивизией, получил ранение.

Уже перевалило за полночь, наступило 31 августа, а дивизии все еще вели тяжелый бой с засевшими за минным полем британцами. Тяжелые бомбы летели вниз с ярко освещенного неба. Огонь пушек и пулеметов британских истребителей-бомбардировщиков сеял хаос и разрушения в рядах немецких моторизованных войск. С неба точно ястреб спикировал британский летчик, в ярком свете заметивший командирский автомобиль Неринга. Штабисты генерала палили из всего оружия, но самолет упрямо шел к цели. Он сбросил бомбу с предельно малой высоты. Она упала прямо перед автомобилем и взорвалась, убив нескольких солдат и офицеров. Осколки пробили тонкие броневые листы корпуса машины, и Неринг получил ранение. Рядом умирал фон Бургсдорф, а офицер снабжения корпуса, Вальтер Шмидт из Вюрцбурга, лежал убитым. Унтер-офицер Франц Фоллер, подъехав на «Фольксвагене», взял генерала на борт и повез в полевой перевязочный пункт. Из четырех генералов, возглавлявших наступление, трое вышли из строя в самом начале операции. Байерляйн забрался в танк и руководил оттуда действиями корпуса до тех пор, пока командование не принял генерал фон Вёрст.

Только незадолго до рассвета немцам удалось сломить британское сопротивление в районе минного поля. В результате острого наступления Африканского корпуса и разведывательная группа к утру 31 августа смогли достигнуть линии всего в двенадцати-пятнадцати километрах от границы своего минного поля. Замысел Роммеля продвинуть в ночное время моторизованные части на пятьдесят километров на восток и оттуда развернуть для дальнейшей атаки на север провалился. Провалился он из-за неожиданного сопротивления и из-за препятствий, которые не были отмечены на дорожной карте, — из-за «яиц», подложенных Фредди де Гинганом. Там, где наступавшие ожидали встретить проходы, они наталкивались на труднодоступные песчаные дюны. Там же, где на карте значились дюны, располагались британские опорные пункты.

«Мы стали размышлять, не пора ли нам прекратить сражение, — сказал мне Байерляйн. — Британцы знали о наших замыслах. Роммель обсудил со мной обстановку, и мы решили продол-

жить атаковать. Одно нам стало совершенно ясно: реализовать основной план — окружить Восьмую армию — уже стало невозможно, потому что теперь у врага имелось предостаточно времени на подготовку контратаки. Эффект внезапности оказался утрачен. Более того, в дневное время у нас не было шанса обойти укрепленные высоты Алам-Хайфы. Противник вынуждал нас выбрать второй вариант: прорываться на север, как мы прежде и планировали, и фронтальным штурмом овладеть важной высотой номер сто тридцать два на кряже Алам-Хайфы».

Немецкие разведчики доносили, что Алам-Хайфа была хорошо укреплена, но они не смогли установить, что там занимала позиции целая британская пехотная дивизия, 44-я, недавно переброшенная из Великобритании и располагавшая тяжелой бронетехникой, включая вкопанные в землю танки.

В начале атаки 15-й и 21-й танковым дивизиям удалось немного продвинуться, но итальянские дивизии «Ариете» и «Триесте» застряли далеко позади. К счастью, разыгралась и целый день не утихла песчаная буря, которая, хотя и досаждала солдатам, не давала возможности британской авиации принимать участие в сражении. Вечером 31 августа в дивизиях сложилось напряженное положение с топливом. Где было обещанное маршалом Кавальеро горючее? А ведь он уверял Роммеля: «Начинайте сражение — горючее уже в пути».

Полным-полно всяких легенд в отношении топливной трагедии в битве за Алам-Хайфу. Одни говорят о диверсиях, другие — о некомпетентности снабженцев, третьи — о дьявольском невезенье.

Я тщательно проработал данный вопрос и искренне надеюсь, что мне удалось все четко и понятно разъяснить читателю.

27 августа танкер «Пиччи Фассио» вышел из Легорна. Двумя днями позже он вместе с танкером «Абруцци» из Пирея взял курс к берегам Африки, к Тобруку. Оба танкера около Дерны пустили на дно британские самолеты-торпедоносцы. 27 августа Кавальеро нехотя дал добро на отправление из Неаполя 12 000-тонного танкера «Поцца Рика». Он был торпедирован. Второй танкер и сухогруз «Тержестэре», груженный бочками с бензином, тронулись в путь под эскортом миноносца. Их маршрут прослеживается до точки в виду Тобрука. Дальше существуют две противоречащие друг другу версии.

Согласно одной из них, капитан итальянского судна сопровождения, опасаясь магнитных мин, отдал приказ сбросить скорость

до пяти узлов¹. Тогда как немецкое торговое судно не подчинилось распоряжению итальянца и достигло порта на скорости четырнадцать узлов², итальянский корабль был атакован британскими самолетами и затонул перед входом в гавань Тобрука.

Во второй версии утверждается, что «Тержестэре» благополучно достиг Тобрука, но получил приказ покинуть акваторию порта из-за авианалета и был потоплен британской подлодкой неподалеку от входа в бухту. Какой бы рассказ ни оказался в большей степени соответствующим действительности, обещанное Кавальеро горячее погребло. Теперь в дело вступил Кессельринг, отправивший в Африку свои транспортные самолеты. Но грузоподъемность их была относительно небольшой.

1 сентября 15-я танковая дивизия, под началом блестящего танкового командира полковника Краземанна, атаковала кряж Алам-Хайфы и после ожесточенных боев продвинулась на дистанцию последнего броска для захвата высоты № 132. Сражение вступило в решающую фазу. Какие страдания приходилось выносить пехотинцам, саперам, артиллеристам и танкистам — не поддается описанию. Они шли в бой под градом бомб, им приходилось штурмовать склон под губительным огнем артиллерии. Вдобавок ко всему противник развернул мощную атаку силами бронетехники из состава 7-й танковой дивизии в восточный фланг немецким дивизиям, штурмующим Алам-Хайфу. Но Роммель твердо намеревался выйти к морю. 8-й танковый полк уже прорвал рубежи неприятеля и ко второй половине дня 1 сентября находился в пятнадцати километрах от побережья, при этом острие его наступления вышло в тыл Аламейнского фронта. Но 5-й танковый полк слева был прижат к месту и не мог пробить британскую оборону. Целый день самолеты утюжили танковые и гренадерские полки. В одном только штабе Африканского корпуса погибло семь офицеров. Снабжение передовых формирований бронетехники горючим и боеприпасами осложнилось. Войска по большей части стояли без движения во вражеском тылу из-за отсутствия топлива. Британские эскадрильи безжалостно расстреливали их. Солдаты и офицеры вместе со штабистами прятались от бомб в открытой пустыне. Вечером 1 сентября Роммель решил прекратить атаки и постепенно отводить войска на исходные позиции наступления севернее впадины Каттара.

¹ Около 9 км/ч.

² 25 км/ч.

Тяжелейшие арьергардные бои продолжались еще три дня, после чего «шестидневная гонка» завершилась.

Вновь и вновь раздается один и тот же вопрос: «Почему Роммель проиграл на решающей стадии сражения за Нил?» Ответ неизменно один и тот же: из-за нехватки горючего. Но данная теория не находит полного подтверждения. Горючего действительно не хватало, но в ходе отступления по такой причине было брошено довольно мало техники. Генерал фон Вёрст объяснил мне, в чем тут хитрость. Когда баки резервной техники опустели, на помощь пришло Люфтваффе. Генерал подчеркивает, что численно войска Роммеля были слишком слабы. Командующий британской армией Монтгомери знал о немецких планах и располагал значительным количеством артиллерии и бронетехники. Вероятно, более благоприятное положение с горючим у Африканского корпуса и, как следствие, повышение мобильности и маневренности его частей помогло бы изменить расклад сил и преодолеть британскую оборону. *Вероятно*. Но нельзя сбрасывать со счетов превосходство британцев в воздухе, что тоже стало одним из решающих факторов их успеха. Впервые за время Второй мировой войны немецкое военное руководство оказалось вынуждено признать, что превосходство противника в воздухе стало причиной фатальных осложнений при проведении сухопутной операции. Это стало зловещим предзнаменованием. Но немецкое командование в Африке оказалось бессильно что-либо изменить. Фельдмаршал Кессельринг даже задумал переброску эскадрилий с Восточного фронта для участия в битве под Эль-Аламейном. Три авиаотряда 210-й — SKG — эскадры скоростных бомбардировщиков 17 августа вылетели из Таганрога в Тобрук. Но это была лишь капля в море. Силы немецкой авиации в Африке таяли. В довершение ко всему радиолокационные станции Люфтваффе, нацеленные на отслеживание передвижения противника на земле и в воздухе и предоставлявшие бесценную информацию ПВО, внезапно замолчали. Британцы в радиопереговорах перешли с коротких волн на УКВ. Вкупе с неожиданным несчастьем, постигшим службы прослушивания армии, эта внезапная тишина имела фатальные последствия для ПВО.

Алам-Хайфа — рубеж периода войны в Африке, отмеченного решительными и смелыми победами, которые приносили немецкому командующему его талант и хитрость в сочетании с храбростью и стойкостью его солдат. Роммель проиграл из-за того, что противник располагал численным превосходством, пользовался массовой поддержкой авиации и артиллерии. Но и еще потому, что на

сцену ТВД вышел новый командир, который, хотя и будучи новичком, верил в свою победу и располагал превосходящими ресурсами, человек, изменивший ход войны в Африке, — Монтгомери.

Отныне и впредь ход событий зависел от Бернарда Монтгомери. Измотанным немецким войскам с горечью пришлось признать, что они потерпели поражение. Помимо понесенных ими тяжелых потерь, пошатнулась их уверенность в своей победе. Не есть простое совпадение и то, что поворотный пункт Алам-Хайфы совпал по времени с неудачами под Сталинградом. Поэтому Алам-Хайфа с полным правом называется «Сталинградом пустыни».

Британский рейд к Тобруку

«Египет — самая прекрасная страна на земле, и самое прекрасное в этой прекрасной стране — терраса Королевского яхт-клуба в Александрии», — говорят жители города. Те, кто бывал в этом сказочном месте во время войны, могли сами убедиться в этом, сидя на террасе в тени, глядя на бирюзовую поверхность моря и белые паруса яхт. Гостями были офицеры, богатые люди и красивые женщины.

В начале сентября 1942 г. вдалеке от берега проводили учения 10-я и 15-я флотилии торпедных катеров. На буксире они вели за собой небольшие десантные посудины — практиковались в посадке и высадке десантов. С большим успехом. Египетские дамы каждый день попивали на террасе яхт-клуба чай, они подносили к глазам театральные бинокли, не желая пропустить увлекательное зрелище. Британский военно-морской штаб взирал на это неодобрительно, но все лица потеплели, когда одна из дам сказала:

— А какой страны эта морская форма?

— Греческая, моя дорогая, греческая. Мне муж говорил, — ответила подруга.

— Греки?

— Да, греческие инструкторы.

Первая дама поразилась:

— Откуда тут греки?

— Из Греции.

— А, ну конечно.

Греческие инструкторы, принимающие участие в учениях торпедных катеров в виду Александрии, это британская разведка неплохо придумала. Военно-морские силы стран «оси» на Средизем-

ном море вскоре получили предупреждение: «Опасность попытки вторжения в Грецию».

Учения на море под Александрией не имели к Греции ровным счетом никакого отношения. Все предприятие взяло старт в начале июля 1942 г., когда полковник Джон Хэселден, глава Группы дальнего действия в пустыне, задумал нанести сильный удар по базам снабжения Роммеля горючим. Он вынашивал замысел взорвать крупные хранилища ГСМ в Тобруке. Поскольку тем летом штаб в Каире хватался за любую соломинку, у плана Хэселдена нашлось немало сторонников.

Первоначальную схему вскоре расширили. Теперь взрывать решили не только хранилища ГСМ, но и важные для немцев ремонтные мастерские в Тобруке. Предполагалось уничтожить легендарный 548-й ремонтно-восстановительный полк, который приводил в порядок подбитые танки и другую технику Роммеля. Эти замечательные ребята открыли на африканской земле настоящий немецкий танковый завод. Таково было мнение командующего Королевскими инженерными войсками в Каире. В то же самое время предполагалось уничтожить склады боеприпасов и портовые объекты. Затем предстояло освободить британских военнопленных, потом... и после этого... Так план диверсионного рейда Хэселдена вырос в акцию Главного командования, предусматривавшую операцию, проводимую во взаимодействии сухопутными, воздушными и военно-морскими силами в пятистах километрах от передовых рубежей Роммеля.

21 августа главы трех родов войск британских вооруженных сил санкционировали план. Наступила середина сентября. Опасность для британского фронта фактически уже миновала, поскольку в результате сражения за Алам-Хайфу ударная сила Роммеля была ослаблена. Однако операцию не отменили.

13 сентября обер-ефрейтор медицинской службы Альберт Гольдманн, переведенный с Крита во 2-ю роту 220-го батальона в Северной Африке, вместе с пятью своими товарищами получил назначение в Тобрук. Они только что прилетели и прямо с аэродрома отправились на поиски жилья. Мимо пропылило несколько трофейных трехтонок. Они уже хотели остановить один из грузовиков, как заметили, что в них полным-полно оборванных британских военнопленных, которых, по всей видимости, привезли откуда-то из пустыни — в действительности из-под Эль-Аламейна. В кабинах рядом друг с другом сидели немецкие часовые.

Гольдманн помахал томми, один из которых помахал ему в ответ. «Бедняги», — подумал унтер-офицер.

Они видели, как немецкие часовые на передовом КПП подняли перед грузовиками шлагбаум. Над дорогой пролетел «Физелер Шторх», который какое-то время следовал параллельным курсом с колонной. Затем все они скрылись из виду. Альберт Гольдманн и его товарищи шли вдоль старых заграждений из колючей проволоки и развалин. Впереди поблескивало море, никто не стрелял. Война и передовая остались далеко. Ночь наступила мгновенно. Гольдманн со своим маленьким отрядом наткнулся на брошенные орудийные позиции зенитных установок.

— Расположимся здесь, — сказал обер-ефрейтор, — устраивайтесь поудобнее.

Тем временем грузовики с британскими военнопленными проезжали по главной улице в направлении бухты. Они свернули вправо.

— Стоп! — Дорогу им преградили два сотрудника полевой жандармерии с фонарями. — Ваши документы, — обратились они к старшему в группе немецкому офицеру.

— Сейчас! — бросил тот в ответ. Он вышел из машины вместе с высоким гренадером. Британцы в грузовике неожиданно притихли. В этом было нечто зловещее. Раздался негромкий стон и сдавленный крик. Оба фонаря упали на землю.

— Поехали, — приказал человек в немецкой офицерской форме, убирая длинный нож в карман брюк.

Итальянский офицер в будке часового остановил колонну. В процессе короткой беседы раздалось три выстрела зенитки: сигнал воздушной тревоги. Крик и итальянские ругательства утонули в грохоте заградительного огня ПВО. Огромного роста немецкий гренадер протянул итальянский автомат одному из британских военнопленных в грузовике со словами:

— Там он ему уже не понадобится.

Внезапно небо ожило. Королевские Воздушные Силы пожаловали с джентльменской точностью. Однако сегодня бомбардировщиков прилетело намного больше, чем обычно.

Как и каждый вечер, около 20.00 расчеты 114-го дивизиона тяжелых зенитных орудий на мысе Тобрука ждали обязательного налета британцев. Самолеты прибыли как всегда. Сначала обычные силы. Их обстреляли, и они улетели. Но затем радар засек еще один приближавшийся строй. Самолеты появлялись волна за волной. Двенадцать 88-мм орудий изрыгнули снаряды в небо. В тот момент

зенитчики и понятия не имели, что за ночь истратят весь боеприпас — 3500 выстрелов сделала одна только первая батарея.

Операцию «Согласие» поддерживало около двух сотен самолетов. Четыре часа «Веллингтоны» бомбили город¹. Они уничтожили телефонные линии, атаковали зенитные позиции, заставили солдат и офицеров прятаться в бункеры, подготовив таким образом почву для рейда командос Хэселдена. Командос, которые проезжали через Тобрук под видом колонны военнопленных с целью создать плацдарм в гавани Умм-Эск-Шиаузе.

Перед особым командованием У1 стояли следующие задачи.

Полковнику Хэселдену предстояло на трех грузовиках въехать в Тобрук с группой из девяноста человек, замаскированных под британских военнопленных. Немецкоговорящие командос в немецкой форме исполняли роль охраны. Под прикрытием авианалета Хэселден должен был занять плацдарм к югу от акватории порта. Предполагалось захватить позиции береговой и зенитной артиллерии. Если это удастся, с помощью сигнальных ракет будет дан сигнал морским частям в виду Тобрука. Морская пехота высадится к северу от Тобрука с миноносцев, а штурмовые части — с торпедных катеров южнее занятого Хэселденом плацдарма. Всего предполагалось высадить около шестисот пятидесяти человек для того, чтобы вместе с группой Хэселдена захватить город, удерживаемый немецкими частями снабжения, зенитчиками и прислужгой итальянской береговой артиллерии, и уничтожить все важные объекты. Возвращение планировалось осуществить на торпедных катерах и миноносцах. Подразделение особого назначения капитана Ллойда-Оуэна, прибывшее вместе с группой Хэселдена из пустыни к Тобруку, должно было ждать вне города и проникнуть в крепость во время воздушного налета. Задача Оуэна заключалась в том, чтобы перекрыть въезд, захватить немецкие радио- и радарные станции, похитить самые важные материалы, вывести из строя штабы и перерезать все коммуникации. Так выглядел план, которому трудно отказать в смелости. Группа Хэселдена проделала длинный путь, приехав из Каира через пустыню — за более чем две с половиной тысячи километров. Это был именно тот самый маршрут, только в обратном направлении, которым четыре месяца тому назад капи-

¹ «Викерс Веллингтон» — двухмоторный британский средний ночной бомбардировщик с экипажем из шести человек, способный брать на борт около 2 т полезной нагрузки.

тан граф Альмаши с бранденбуржцами забрасывал в Ассиут агентов Эпплера и Зандштеде.

Вдали от берега ожидали суда британского Средиземноморского флота. Два эсминца — «Сихх» и «Зулу», восемнадцать торпедных катеров, восемь миноносцев класса «Хант» и крейсер «Ковентри». Карты полковника Хэселдена были верны, а сделанные с воздуха фотографии точны до мельчайших деталей.

Они нашли вади, которая разделяла предполагаемый плацдарм на две части. Майор Кэмпбелл взял тридцать человек и отправился на восток, а Хэселден с остальными — на запад. Кэмпбелл исчез в темноте. Бойцы Хэселдена открыли дверь первого итальянского укрытия, где расположился штаб итальянской береговой батареи при свечах и затемненных окнах с бутылью кьянти. Итальянцы в удивлении подняли взгляды на незнакомцев. Прежде чем они успели понять, почему человек в немецкой офицерской форме навел на них пистолет, было уже слишком поздно. Ручные гранаты, пулеметные очереди. Крики и стоны. Все потонуло в грохоте авианалета — бомбы дождем сыпались на Тобрук. Томми вытащили трупы и обосновались в своей новой штаб-квартире. Связисты собрали рации — полковник Хэселден мог продолжать действовать.

Следующее укрытие располагалось примерно в полукилометре. Несмотря на воздушную тревогу, итальянцы спали. Дэвид Силито ударом ноги распахнул дверь, осветил в темноту фонарем и приказал стрелять.

Возглавлявший командос Макдональд заметил подземные орудийные окопы. Он слышал храп итальянских артиллеристов. Шепотом отдал команды. Ручные гранаты полетели в вентиляционные отверстия. Крики и взрывы. Британцы продолжали бросать гранаты до тех пор, пока не наступила тишина.

Аналогичным образом развивались события и на западной стороне Умм-Эск-Шиаузе. Только один раз итальянцы оказали сопротивление в караульном помещении. Лейтенант Грэхем Тейлор получил ранение в руку и грудь. Его подчиненные, Маккэй и Аллардайс, бросили в маленькое здание так много ручных гранат, что там не уцелел никто.

Все шло в соответствии с планом. Личный состав целой итальянской части лежал замертво в укрытиях или около орудий.

— Зеленые ракеты, — приказал полковник Хэселден. Этот сигнал означал, что западная часть бухты в руках британцев. Лейтенант Скотт занял пост в конце мыса. Он увидел сигналы, повернулся к востоку и стал ждать ракет — знака от Кэмпбелла. Как только они

взлетят в небо, Скотт должен будет сообщить штабу Хэселдена ракетой, что можно давать отмашку флоту. Сигнал означал: «Плацдарм наш». Затем Скотту предстояло выстрелить из ракетницы в направлении моря, и тогда к берегу подойдут торпедные катера. Но ракет от Кэмпбелла все не было.

В 01.30 волны «Веллингтонов» еще кружили над Тобруком. За полчаса они не сбросили ни одной «новогодней елки» над северной частью гавани, поскольку флоту вторжения требовалась темнота.

Тяжелая батарея полковника Гартманна на мысе к тому моменту выпустила уже 6500 снарядов. Двадцать три бомбардировщика было сбито. Прозвучал первый телефонный звонок с сигналом тревоги:

— Томми высадились.

Штаб главного командования собрался у начальника военной разведки в Каире. Все смотрели на часы. Высадка была назначена на 01.00. Прошел уже почти час от назначенного времени. Если к 02.00 не будет подан условный знак, морское командование вернется.

Десять минут до часа «Ч»... пять минут...

Дежурный адъютант принес приказ об отмене операции. Без слов положил его на стол. Зазвучал зуммер... Сообщение было расшифровано — то самое, его давно ждали. Штабные офицеры тут же ушли.

Майор Кэмпбелл дал наконец сигнал о захвате итальянской батареи на восточной стороне плацдарма. У него все пошло не так гладко, как у Хэселдена. Кэмпбеллу пришлось взорвать захваченные орудия батареи. Тем не менее командос прочно удерживали плацдарм, хотя и немного выбились из графика. Флот мог начинать. Но тут вмешалась судьба. Связист Кэмпбелла, Том Лэнгтон, который, подобно Скотту у Хэселдена, должен был осветить восточный угол бухты, потерял переносной прожектор. Торпедные катера не нашли маленькую бухту — обнаружить ее сумели только два из восемнадцати. Остальные повернули в море или ко входу в гавань.

А что происходило у эскадры миноносцев? «Племенные» эсминцы «Сикх» и «Зулу», замаскированные под итальянские боевые корабли, курсировали неподалеку от Тобрука. Получив кодовое слово, они с опозданием на час отправились к берегу в сектор к северу от гавани, чтобы высадить морскую пехоту, а потом войти в акваторию порта и нанести удар по находящимся там судам и по береговым целям.

Возникли проблемы со спуском на воду неуклюжего десантного судна. Несмотря на это, первая очередь высадилась, хотя и с по-

лучасовым опозданием. Миноносцы отошли в море. Прошло сорок минут, а они все ждали возвращения десантного судна для второй очереди. Но судно не вернулось. Поступило сообщение о том, что у командира первой волны на судне возникли неполадки в двигателе. Второе судно было без командира и стояло у берега в ожидании приказов.

Миноносцы подошли ближе к берегу, чтобы ускорить высадку. Но тут внезапно по воде заскользил луч 60-см прожектора 1-й батареи 46-го зенитного полка под началом лейтенанта Мюллера-Франка. Луч осветил эсминец «Сикх», который открыл огонь из легких зениток. Итальянская береговая артиллерия ответила, тогда корабль дал залп из орудий главного калибра.

Тем временем связист, унтер-офицер с батареи Фивега, сообщил своему лейтенанту:

— Обнаружено три боевых корабля на дистанции шесть тысяч метров.

Только теперь, в 04.00, в штабах в Тобруке объявили тревогу и сообщили немецкому коменданту. Теперь все поверили в то, что донесения итальянских артиллеристов, бегущих из Умм-Эск-Шиаузе, о высадке британцев — правда. Над ними смеялись. Теперь смех смолк. Британская эскадра стояла в море перед Тобруком.

Но где же находилось подразделение особого назначения Оуэна — группа Y2? Было ли оно уже в Тобруке или еще нет? К огорчению Хэселдена — нет. Уже нет. Оуэн со своими людьми прошел в город. Им тоже удавалось проходить через немецкие и итальянские посты. Там, где возникали трудности, помогали ножи и проволочные петли. Оуэн, однако, напрасно ждал сеанса связи с Хэселденом — кодового слова, означавшего, что первый удар дошел до цели. Он чувствовал, что операция опасно затягивается. В 03.00, когда британское десантное судно не пришло к берегу, он покинул Тобрук. Он стал единственным, кому удалось спасти свою группу. Однако жизненно важные батареи 88-мм пушек на косе и на аэродроме остались незахваченными. Радио- и телефонные центры не были уничтожены. В результате Хэселден и его флот уже наполовину проиграли сражение.

В 05.10 лейтенант Фивег открыл огонь по миноносцу «Сикх» из орудия «Дора». Первый снаряд лег с перелетом, но уже второй угодил прямо в цель.

Приказ всем орудиям открыть огонь прямой наводкой! Точно на учебных стрельбах, а то зенитчики уже застоялись.

Фивег управлял огнем всей батареи по рации. Зенитные снаряды рвались в метре-полтора над палубой «Сикха». Британский боевой корабль отвечал огнем, но смог нанести урон только 3-й батарее капитана Ругау.

«Сикх» загорелся и дал небольшой крен. «Зулу», хотя и поврежденный, попытался взять «Сикха» на буксир, но удачным выстрелом 88-мм снаряда трос был перебит.

Команда «Сикха» покинула судно. Капитана и часть матросов подобрали позднее. «Зулу» тоже был потоплен зенитчиками и итальянской батареей из трофейного 75-мм орудия. Только маленькие миноносцы класса «Хант» смогли выйти из боя, хотя многие из них получили тяжелые повреждения.

В 07.00 три британских торпедных катера вошли в гавань на полной скорости. Прежде чем зенитчики успели открыть огонь, появился итальянский истребитель и с бреющего полета потопил британское судно. Это был настоящий кошмар.

На южной окраине Тобрука и в вади у маленькой бухты люди Хэселдена залегли под смертоносным пулеметным огнем и под градом ручных гранат. Там сложил свою голову полковник Хэселден, наставник и руководитель Группы дальнего действия в пустыне. Мертвая рука его еще сжимала автомат. Так встретил свой конец великий искатель приключений. Майор Кэмпбелл тоже лежал, умирая, неподалеку от берега, не выпуская из рук оружия.

Во второй половине дня 14 сентября все закончилось. Группы немецких ремонтников и военнослужащие частей снабжения прочесали окрестности и взяли в плен уцелевших командос. Германское верховное командование обнародовало следующее коммюнике:

«Прошлой ночью на тобрукском участке противник осуществил попытку высадиться в нескольких местах силами сухопутных и морских частей. Попытка провалилась в результате слаженных и решительных действий, предпринятых итальянскими и немецкими войсками».

С полдюжины людей Хэселдена и горстка морских пехотинцев ушли в пустыню.

Пять недель спустя умирающие от жажды, невообразимо грязные, тощие, как скелеты, семь человек вышли на британскую разведывательную часть. Ровно через два месяца после акции другой британский дозор обнаружил наполовину обезумевшего лейтенанта Дэвида Ланарка, блуждавшего подобно призраку по пустыне. Вернулся назад последний участник рейда Хэселдена на Тобрук.

«Дьявольские сады» под Эль-Аламейном

Каменистая бесплодная пустыня без воды с попадающимися повсюду островками песка да кустами верблюжьей колючки. Вот так выглядел Аламейнский фронт. На севере солнце било по скалистым высотам Тель-эль-Эйсы, а на юге — по 200-метровой Химеймат на краю непроходимой впадины Каттара. Они представлял собой краугольные камни фронта, расположенные друг от друга на расстоянии шестидесяти пяти километров. Сто километров отделяли от Александрии этот рубеж, на котором осенью 1942 г. стояли друг против друга две армии, вымотанные упорными боями последних пяти месяцев.

Лейтенант Фридрих Пфанцагель являлся ветераном и специалистом-минером. Несмотря на это, в Африке ему приходилось всему учиться чуть ли не заново, поскольку то, что годилось для Польши, Франции и Греции, по которым Пфанцагель и солдаты 220-го инженерно-саперного батальона прошли победным маршем, не подходило для Африки. Здесь у минеров были свои законы.

Саперы Роммеля довели эту технику до высот искусства. Командующий инженерно-саперными войсками в Африке полковник Гекер и его части стали неотъемлемой составляющей истории войны в пустыне. 220, 33 и 900-й инженерно-саперные батальоны, части особого назначения и армейские подразделения слишком долго оставались в тени военной славы. Но их достижения стали залогом многих немецких побед в Африканской кампании.

Под Эль-Аламейном минная война достигла своего апогея. Ни на одном другом ТВД Второй мировой войны не закладывалось такого количества мин, как там. Когда три роты 220-го инженерно-саперного батальона прибыли на северный участок фронта, они сменили там знаменитый 900-й. Там служили солдаты майора Кубы, прошедшие подготовку в школе саперов в Дессау-Росслеаре. Тем, чем 200-й являлся для 21-й танковой дивизии, а 33-й — для 15-й, тем же был 900-й для 90-й легкой дивизии. Саперы служили первопроходцами и проводниками, сражались в арьергардных боях и помогали в наступлениях. 220-й был придан 164-й легкой дивизии «Африка». Когда лейтенант Глюк вводил в курс дела Фридриха Пфанцагеля и его солдат, он сказал:

— Здесь в Африке сапер — важная шишка. Он, наверное, самое главное оружие Роммеля на сегодняшний день. Это, однако, не добавляет счастья тому, кто взлетит на mine!

Через несколько недель фамилию Глюка уже можно было найти в списках погибших.

Шесть пехотных дивизий (одна немецкая и пять итальянских) Роммеля и бригада парашютистов Рамке окопались на рубеже протяженностью шестьдесят пять километров. В тылу у них дислоцировались подвижные резервы — немецкая и итальянская бронетехника.

Девяностая дивизия изначально стояла на севере, на прибрежной дороге, как часть поддержки.

Двадцать первая танковая дивизия находилась в состоянии готовности на южном фланге.

Пятнадцатая танковая дивизия защищала центр. Лису пустыни пришлось перейти к позиционной войне. 15-я танковая дивизия образовала линию обороны и окопалась позади широкого минного поля. Гренадеры и противотанковая артиллерия располагались поблизости, в тылу у полевой артиллерии. Маскировка танков на каменистой местности требовала от солдат огромного труда — вокруг каждой машины сооружались целые крепости из валунов и обломков скальных пород. То же самое можно сказать и о противнике. Одиннадцать дивизий Монтгомери тоже зарывались в землю. Две армии общей численностью около четверти миллиона человек рассматривали друг друга в бинокли и в прицелы. Вопрос состоял в том, кто сделает первый шаг.

Немецкое командование не питало иллюзий. Оно знало, что 8-я армия Монтгомери день ото дня становится сильнее. Потoki снабженческих грузов и военных материалов текли в Африку из Англии и США: танки, орудия, свежие пополнения и — самое главное — горючее. Немецкое снабжение со своей стороны уходило на Кавказ и под Сталинград.

Роммель ругался, посылал сигналы SOS, радировал, телеграфировал, просил и грозил. Он взывал к Германскому верховному командованию и к дуче. Все они обещали помощь, но никто не выполнял обещаний. В Риме и Растенбурге продолжали тешить себя пагубной мыслью: «Все до сих пор шло неплохо, несмотря на ворчанье Роммеля. Почему на сей раз должно быть по-другому?»

Командиры частей танковой армии были уверены, что британцы подготовят наступление раньше, чем войска стран «оси» свое. Каков же будет результат?

Аламейнский фронт, по причине характера местности, давал обеим сторонам единственную в Северной Африке возможность оборонять сравнительно узкий рубеж со всеми шансами на успех

без большого риска обхода или окружения. С юга фронт прикрывали соляные копи впадины Каттара, а на севере — море. Любая попытка прорыва подразумевала фронтальную атаку. Для Монтгомери иной путь отсутствовал, и Роммелю предстояло сделать все возможное, чтобы помешать противнику.

Роммель и его офицеры знали, что британская армия в поле была в большей степени подготовлена для отражения и ведения решительных фронтальных штурмов¹, чем для ведения боев на открытых просторах пустыни. Подготовка британских солдат все еще отчасти строилась на опыте боев Первой мировой войны. «Нас это очень тревожило, — признавался мне генерал Байерляйн. — Новозеландская и австралийская пехота была подготовлена для ведения фронтальных атак, а превосходящая нас численно британская артиллерия, располагавшая огромными запасами боеприпасов, могла нанести нам большой урон. Все это было большой головной болью. Для нас вопрос заключался в том, чтобы не дать противнику прорвать наши позиции, поскольку танковая армия была больше не в состоянии вести подвижную оборонительную битву. Нехватка горючего и, кроме того, подавляющее превосходство КВВС делали это более невозможным. Наш план состоял поэтому в том, чтобы удержать фронт любой ценой. Любые вклинения противника надлежало ликвидировать немедленными контратаками, чтобы не позволить неприятелю расширить клин. Роммель изобрел средство, чуждое природе, — нечто, получившее название «Дьявольские сады».

Лейтенанта Пфанцагеля и его ротного командира оберлейтенанта Юнкерсдорфа вызвали в штаб 443-го моторизованного гренадерского полка. Роммель прибыл на проводимое командиром совещание и изложил свой замысел обороны аламейнских позиций не только с помощью обычных минных полей, но и посредством огромных полей очень большой оборонительной эффективности, которые назвал «Дьявольскими садами».

— Что по данному поводу скажут саперы? — спросил Роммель. Он уже обсуждал вопрос с их командующим, Гекером, и разработал планы.

Пфанцагель и Юнкерсдорф ответили:

— Поставить особые минные поля не составит никакого труда для саперов, но откуда мы возьмем материалы и мины, господин генерал-фельдмаршал?

¹ Сильно укрепленных позиций. — *Прим. пер.*

— Я об этом позабочусь, — отозвался Роммель. — Главное, чтобы саперы построили настоящие «Дьявольские сады», через которые не смог бы пройти ни один британский солдат и которые оказались бы не по зубам ни одному взводу траления.

— Не беспокойтесь, — хмыкнул Юнкерсдорф, припоминая несколько фокусов, которым научился в 220-м и которые успешно применял на практике.

Вот лежат, к примеру, на дороге телеграфные столбы. Увидев их, водитель британской машины разведки выйдет и постарается удалить препятствие. Но если к невинного вида проводам присоединить заряд взрывчатого вещества, заложенный на дороге, тогда, коснувшись провода, водитель вызовет детонацию, в результате чего не только погибнет он сам, но взлетит на воздух и машина.

Подобные ловушки заставляют противника нервничать и терять веру в себя. Подобный эффект, возможно, даже более важен, чем фактические потери. Саперы Гекера ежедневно придумывали новые трюки для этой адской психологической войны.

Карл, обер-ефрейтор из инженерно-саперной боевой группы, изобрел самую коварную штуковину. С боев за Мерса-Матрух он был снедаем ненавистью. Летом 1942 г. британцы оставили множество разного рода хитроумных ловушек в гостиницах и в местах постоя офицеров. Так, например, в туалетах к цепочке сливного бачка крепился детонатор, так что, когда кто-нибудь тянул за нее, взрывалась мина. Мины встраивались даже в выдвижные ящики столов и буфетов. Потерь было много. Среди них оказался и лучший друг Карла — вестовой командира батальона. Поэтому Карл сосредоточил свои усилия и изобретательность на средствах уничтожения и нанесения увечий.

— Нужно подходить к делу с психологической стороны, — постоянно повторял он. Карл не мог долго стоять около какого-нибудь дома. — Прикрепить мину к дверной ручке? Это для школьников! Британцам такое давно уже надоело. Никого на это не поймашь, я уж не говорю о воздействии на боевой дух неприятеля. На стене в комнате висела картина, висела криво. Томми плевать, как она висит, — заявил Карл, — но британскому офицеру не плевать. Он подойдет к ней и поправит. Но это станет его последним действием на земле. Поэтому крепим проводок к картине, а взрывчатку прячем в стене на уровне груди.

Через несколько дней после разговора между Роммелем и офицерами-саперами в штабе 433-го полка командующий инженерно-саперными войсками в Африке издал приказ о поста-

новке «Дьявольских садов». На участке 164-й дивизии задача состояла в следующем: поставить четыре огромных минных поля для защиты северного фронта. Основание каждого блока должно составлять от трех до пяти километров в длину, а стороны — от четырех до шести километров. Каждый блок естественным образом открыт в сторону неприятельского фронта, чтобы атакующие попадали в западню.

Первый «Дьявольский сад», блок «Н», соорудили на прибрежном участке, обороняемом 125-м саарландским гренадерским полком. Тут лейтенант Дрексель из 3-й роты 220-го инженерно-саперного батальона дал полную волю своей фантазии. Второй и третий блоки — «I» и «L» — находились на участке 382-го гренадерского полка. Лейтенант Лауренц и его 2-я рота подготовили эти смертельные ловушки. Четвертый блок — «K» — построили силами 1-й роты на участке 433-го гренадерского полка. Оперативную группу возглавлял лейтенант Пфанцагель, который позднее принял под командование 2-ю роту и построил блок «L». Роммель сдержал обещание предоставить материалы. Все опоры и заграждения из колючей проволоки, находившиеся на египетско-ливийской границе, были разобраны и отвезены на фронт. Просто поразительно, сколько стальных расчалок, мотков колючей проволоки и тому подобных вещей оказалось там. Проволока и шесты служили для того, чтобы обносить заграждениями огромные U-образные блоки, то есть делать изгороди для «Дьявольских садов». И вот наконец прибыли мины — целые грузовики французских и египетских противотанковых мин. Их укладывали в форме подковы в десяти метрах от проволочной изгороди. Но не они были главными. Основная начинка «Дьявольских садов» состояла вот из чего. Первыми шли простые «Т-мины» (противотанковые). Саперы ставили их ярусами по два и по три. Если противоминные отряды проложат себе путь через поле и удалят верхний слой, останется второй, если же очистка будет производиться очень тщательно, останется еще третий.

Специальные минные ловушки делались за счет прикрепления итальянских ручных гранат к «Т-минам». В качестве особого блюда добавлялись 50-фунтовые и 250-фунтовые авиабомбы. Они укладывались в шахматном порядке, покрывались искореженными обломками машин и обвязывались проводами. Провода выглядели как паутина паука. Хватало легкого прикосновения, чтобы бомба сдетонировала.

Естественно, такие бомбы изначально не активировались. Роммель скрывал момент, когда предстоит «оживить» «Дьяволь-

ские сады». Это было очень важно, потому что вначале главная линия фронта пролегла перед этими блоками. Отвести за них войска предстояло только после окончания подготовки «Дьявольских садов».

Пехотинцы, разведчики и танкисты диву давались, когда видели, что вытворяют саперы, трудившиеся в постоянной близости от смерти. Связки ручных гранат и трофейных артиллерийских боеприпасов снабжались детонаторами, как на заводе точных инструментов, и скреплялись вместе с небольшим зарядом взрывчатого вещества. Невинные деревянные шесты соединялись с огромными зарядами взрывчатки, так что вражеский танк, свалив на своем пути такой шест, приводил в действие адскую машину, способную поднять его в небо. Все эти работы производились в ужасную жару африканского лета. Саперы поставили полмиллиона мин в песке перед Эль-Аламейном. Они трудились не только днем, что было бы еще полбеды, но и ночью. Все приходилось прорабатывать до мельчайших деталей, чтобы свести несчастные случаи к минимуму.

Саперы травили телефонный провод от полкового штаба к передовой роте на линии фронта. Сзади с черепашьей скоростью шла машина. Прикрывал их пулеметный взвод, следовавший впереди. Работа начиналась. Один взвод подносил мины из грузовика. Другой приготавливал их к постановке, третий — закладывал. И, наконец, еще один взвод закапывал и маскировал. В итоге оставалось только записать размеры поля и нанести его на карту.

Заложить тысячу мин за одну ночную смену не считалось чем-то необычным. Тысячу мин? Саперы флиртовали со смертью, проявляя уверенность верхолазов. Но порой их фамильярность с минами кончалась трагически. Был один унтер-офицер во 2-й роте, который любил пугать пехоту, устанавливая французские противотанковые мины. В отличие от немецких мин, они взрывались только под давлением груза не менее трехсот килограммов. Как-то унтер-офицер вторично пошел через поле с установленными на нем французскими минами, однако он забыл о том, что вперемешку с ними лежат чувствительные немецкие выпрыгивающие мины-«лягушки». Его похоронили возле Белой Мечети.

Роммель возлагал особую надежду на минную войну. Он утверждал, что сам способен обнаружить мину с расстояния десяти метров. Для специалиста это было нетрудно — при внимательном взгляде становилось видно, что вокруг нее проседал песок. Фельдмаршал ежедневно наблюдал за тем, как продвигается работа над «Дьявольскими садами». Когда полковник Гекер рассказывал об

устройстве той или иной хитрой ловушки, Роммелю это особенно нравилось. Его уверенность в том, что эти минные поля станут непреодолимой преградой на пути 8-й армии, все крепла.

После битвы за Алам-Хайфу двери Аламейнского фронта были в конечном итоге заперты на замки и засовы саперами. Солдаты с передовой отошли за «Дьявольские сады». «Конские подковы» превратились в участки ничейной земли. Естественно, такие блоки предстояло прикрывать огнем пехоте. Без этого минное поле — вещь бесполезная. Противник расчистит путь. Защитники приобретают ложное чувство защищенности. Таким образом, роты или взводы оставались на старых позициях — там, где раньше стояли батальоны. На армейском жаргоне таких самоубийц называли «пушечной наживкой».

Пространства между «Дьявольскими садами» тоже прикрывались барьерами из «Т-мин» и выпрыгивающих мин. Небольшие коридоры, известные только посвященным, оставались для осуществления контакта с передовыми ротами. Тут применялись особые фокусы. Фридрих Пфанцагель вспоминает: «Мы закапывали в проходах железные пруты. При появлении британского сапера его миноискатель обнаружит железку, и противник решит, что там мина. Как-то ночью мы наблюдали, как томми проделывают в минном поясе проходы для разведывательного дозора. Мы не стали им мешать. Как только британская команда ушла, мы вернулись и поставили мины. А маркеры их, естественно, не тронули. Разведчиков ждал неприятный сюрприз!»

Особую потеху придумали ребята лейтенанта Гунтца из 200-го инженерно-саперного батальона. Они проползали на британские минные поля, удаляли детонаторы и ставили на место безобидные «яйца». Если британцы проверяли свое минное поле миноискателями, то все было в порядке. Но представьте себе ужас противника, когда внезапно немецкий разведывательный дозор совершал вылазку и немецкие солдаты атаквали через минное поле без всякого вреда для себя!

Марсель

Дорога от Триполи к Эль-Аламейну проходит мимо многих мечетей. Почти все они имеют высокий, устремленный свечой в небо белый минарет и такой же белый купол. Все они белые, но толь-

ко одну из них все — от солдата до генерала — называли «Белой Мечетью». Любой солдат, который воевал в Африке, поймет, о чем речь, — о маленькой мечети селения Сиди-Абд-эль-Рахман перед самым Эль-Аламейном. Желтоватый пригорок, квадратное здание и полумесяц над белым куполом. Все использовали его как ориентир на протяжении пяти месяцев в период боев под Эль-Аламейном. «Наша часть в двадцати восьми километрах к югу от Белой Мечети». Этого достаточно — все уже понятно.

В то время мечеть пустовала — она получила серьезные повреждения. Никто не читал суры в прохладе внутри строения. Муэдзин не призывал к молитве с минарета. Коран какое-то время лежал у ступеней алтаря. Потом он исчез, как исчезло многое из этого молчаливого, полуразрушенного дома молитв.

Сегодня сверху, с минарета, снова раздастся крик: «Алла иль Алла. Алла ху акбар!» На песке больше нет воронок или следов танковых гусениц. Но память остается. Память о многом и о многих, и среди них о самом популярном в Германии летчике-истребителе, нашедшем тут свою смерть. Ему было 22, но о нем знали во всем мире — Ханс Йоахим Марсель. В газетных статьях его называли «Африканским орлом». Молодые девушки писали письма, на которых против отметки «кому» ставили: «Звезде пустыни», и письма всегда доходили до адресата.

Многое написано о Марселе — смесь правды и вымысла. Но величайший пилот не нуждается в легендах и будет оставаться одной из наиболее поразительных фигур в истории Второй мировой войны.

В канун Рождества 1940 г. Марсель фенрихом поступил в 3-й авиаотряд 27-й истребительной эскадры в Берлине-Дёберитце. 13 декабря он отмечал свой 21-й день рождения. Во время боев над Ла-Маншем он показал удачу и храбрость, записав на свой счет восемь бомбардировщиков. Но эти достижения еще не говорили о его величайшем мастерстве.

Берлин не мог предложить ничего стоящего Марселю, потому что в те дни, в начале 1941 г., в небе над столицей рейха еще не находилось много «дичи». Время проходило в учебных полетах, игре в карты и питье кофе. Эскадрилья радовалась, когда в конце апреля 1941 г. ее передислоцировали в Африку после короткого периода пребывания в Югославии. Командиром 3-го авиаотряда в то время был обер-лейтенант Гомут. (Рассказ о собаке Гомута, Китти, довольно увлекателен. Он привез ее из Франции, и она стала талисманом 3-го авиаотряда. Лететь над Средиземным морем предстояло на высоте 5000 м, но, поскольку никто не знал, сможет ли собака

выдержать такую высоту, Гомут попросил своего командира эскадры, Нойманна, снизить планку до 4000 м. «У меня нет кислородной маски для Китти», — объяснил Гомут. Просьба его была удовлетворена, и Китти долетела прекрасно.)

Когда 21-летний пилот обер-фенрих Марсель приземлился в Африке, он являлся всего лишь одним из многих молодых людей, ищущих возможности поднабраться опыта и показать себя в бою, ну и, конечно, внести свой вклад в победоносное завершение войны. Успехи Марселя на первых порах не давали повода для оптимизма. Рассерженный командир сделал запись в личном деле: «Недостаток дисциплинированности в воздухе» — так это называлось в Люфтваффе. Сбивший над Ла-Маншем свой восьмой бомбардировщик, он и сам примерно столько же раз прыгал с парашютом. Среднего роста и веса молодой человек с точеным профилем носил длинные светлые волосы и напоминал Манфреда фон Рихтгофена, немецкого аса Первой мировой войны. Оба очень любили летать. Марселю понадобилось всего шесть месяцев, чтобы превратить полет в высокое искусство.

Во время летнего наступления Роммеля в 1941 г. имя Марселя уже звучало среди тех, кто отправлялся на задание по уничтожению вражеских самолетов. Но встречались и лучшие, чем он, пилоты-истребители, даже в Африке. В оборонительных боях в ходе британского наступления зимой 1941/42 г. Йохен стал одним из асов эскадрильи. Он получил право пользоваться некоторыми привилегиями и всегда летал на «Желтом-14». Истребительная эскадра состояла из трех групп по три отряда, а каждая эскадрилья — из трех звеньев. Номера на самолетах наносились по следующему принципу: первое звено каждой эскадрильи имело белые номера; второе — красные, а третье — желтые. Если вдруг случайно звеньев оказывалось четыре, то цифры на фюзеляжах рисовались синей краской. На штабном самолете имелись специальные отличительные знаки: двойные или одинарные, прерывистые или сплошные черные линии. Истребительный отряд обычно состоял из двенадцати-шестнадцати машин, а группы — из сорока-шестидесяти, численность эскадры достигала примерно ста пятидесяти самолетов-истребителей.

«Желтый 14» скоро стал синонимом храбрости и смертоносного мастерства. Весной 1942 г. художник эскадрильи, Штёндлер из Мюнхена, разрисовал стену в квартире капитана Гомута в духе хобби командира эскадрильи. Каждого пилота эскадрильи он изобразил как сидящего за инструментом органиста. Каждый сбитый са-

молет служил одной трубой органа. Многие с несчастными лицами сидели за органами без единой трубы. Но у виртуоза Марселя, нажимавшего на все педали инструмента, волосы развевались по ветру. В его органе было немало труб.

Техника ведения боя Марселя, достигшего столь больших успехов за сравнительно короткое время, стала образцом для летчиков-истребителей. Он служил примером для подражания, но никто не мог приблизиться к нему. От трех до шести вражеских машин сбивал он за один воздушный бой¹. 1 декабря в боевом журнале учета за ним по итогам трех боевых вылетов записано семнадцать побед, шестнадцать из которых официально подтверждено. Утром того особенного дня он за двенадцать минут сбил девять вражеских самолетов. Капитан Францискет, сам обладатель Рыцарского креста, вылез из своей машины и пожал ему руку.

— Я забыл о бое, когда увидел, как Марсель разделяется с противником.

Унтер-офицер Райнер Рёттген, который в течение месяцев летал с Марселем ведомым, в деталях описал мне, как трудно было держать строй с его ведущим, прикрывать его и еще считать сбитые им самолеты. Марсель использовал замешательство, которое вызывало у вражеских самолетов его внезапное нападение, с крутого разворота атаковал отбившуюся от строя машину. Глаза его ни на миг не выпускали из поля зрения вражеский самолет, когда он нажимал на гашетку пушек и пулеметов. Он проделывал все это почти механически. Рёттген утверждал, что Марсель, выполняя крутой разворот, сбрасывал газ почти до минимума. Таким образом радиус виража всегда оказывался наименьшим, что позволяло асу зайти и ударить в «брюхо» самолету противника. Его техника прицеливания была особым искусством. Ко всему прочему он удивительно быстро оценивал ситуацию и принимал верное решение.

После самых трудных воздушных поединков и наибольшего числа побед у Марселя был самый низкий показатель по расходу боеприпасов. Однажды он израсходовал только десяток 20-мм снарядов и сто восемьдесят пулеметных патронов, сбив при этом шесть самолетов.

¹ Надо заметить, что Vf109F (Me-109) и по скорости, и по маневренности значительно превосходил «Харрикейн» и, хотя и не превосходил (или незначительно превосходил) по скорости американский P-40 «Киттихок», был более вертким, чем он; кроме того, многие из сбитых самолетов были тихоходными бомбардировщиками. — *Прим. пер.*

Трудно сейчас проанализировать технические и тактические возможности Марселя. Можно только назвать их превосходными и сказать, что он обладал природным даром в сочетании с опытом, инстинктом и решительностью, сделавшими его виртуозом. Он летал легко и просто, так, как будто делал какое-то повседневное дело, которое как нечто само собой разумеющееся делают тысячи людей, он летал так, словно это не у самолета, а у него были крылья.

Когда немецкая бронетехника достигла египетского пограничья и вышла к Эль-Аламейну, Марсель стал после самого Роммеля самым знаменитым человеком в Африке. Он получил наиболее высокие немецкие и итальянские награды — Рыцарский крест с Дубовыми листьями и Мечами и очень редко присуждаемую итальянскую Золотую медаль за храбрость, Роммелю и Нерингу приходилось довольствоваться только серебряными.

Марсель представляет собой тип людей, которые вскоре могут стать редкостью, — рыцарственный воин и романтик, в совершенстве освоивший особое техническое искусство. Но прошло немного времени, и черты юноши, ведущего постоянную схватку со смертью, поглубели. Выбираясь из самолета после каждого задания, он казался все более бледным и утомленным. Его первым желанием было закурить сигарету, которую он держал в дрожащих пальцах. Любой, кто видел Марселя в такие моменты, поневоле думал о том, каких колоссальных затрат сил и энергии требует от этого молодого человека война под жарким африканским солнцем. Но молодость и здоровье не позволяли ему превратиться в невротика. Он стряхивал с себя печальный опыт, как собака, отряхивающаяся от воды. Генералы и высокопоставленные офицеры штабов войск стран «оси» чуть ли не ежедневно навещали его там, где он квартировал. Входя в его палатку среди африканских дюн, человек словно бы попал в божественное кафе где-нибудь в Риме или Париже. С одного бока палатки находился небольшой бар, за которым стоял южноафриканский чернокожий, Маттиас. Стулья были сделаны из оперений британских бомб. Старые бухты телеграфного провода служили в качестве столов; софу и кресло смастерили из мешков с песком и противомоскитной сетки. Патефон не умолкал до поздней ночи. Звучали аргентинские румбы, итальянские песни и каждый вечер неизменная «Лили Марлен». Здесь Марсель со своими товарищами пилотами сидел за выпивкой, забывая о войне.

Ханс Йоахим Марсель записал на свой счет 158 побед. После 125-й он к своему двадцатидвухлетию получил бриллианты к своему Рыцарскому кресту. Ганс Рудольф Марсель, его брат, сказал мне,

что в действительности Йохен не получал этой самой высокой из немецких наград, которую сделали по специальному эскизу в соответствии с личными указаниями Гитлера. Не получила ее и семья после смерти аса.

Ханса Йоахима Марселя победил не вражеский летчик. Причиной гибели стала техническая неполадка. Райнер Рётген, который находился рядом с ним на том последнем задании, так описал мне трагедию: «Было утро 30 сентября 1942 г. Мой высотомер показывал 1500 метров. Мы возвращались в составе 3-го авиаотряда из рейда в район Каира без боевого соприкосновения с неприятелем. Мой «Мессершмитт» летел крыло к крылу с «Желтым-14» капитана, как бывало уже сотни раз. Часы на приборной доске показывали 11.35. Мы ни о чем не беспокоились. Что могло случиться? Я вспоминал об отчаянной схватке Ханса Йоахима тремя днями раньше, 27 сентября. На высоте двух тысяч метров он встретился с британским асом, который имел тридцать пять побед и считался рекордсменом на Североафриканском ТВД. Марселю понадобилось двенадцать минут, чтобы сбить его. На земле он сказал: «Такого противника я еще не встречал. — И добавил с восхищением: — Его выражи были просто великолепны».

Голос Марселя в наушниках шлемофона оторвал меня от раздумий: «У меня в кабине дым». Я посмотрел и через несколько метров, что разделяли нас, увидел под сиявшим на солнце фонарем кабины лицо капитана — белое как снег. Левой рукой он открыл заслонку, и из кабины повалил дым. Я посмотрел на карту. До немецких позиций под Эль-Аламейном оставалось три минуты лёта.

Наземная станция приняла от Марселя первый сигнал SOS. В эфире послышалось: «Что у вас происходит, Эльба-1? Прием». — «Я почти ничего не вижу», — то и дело повторял Йохен. Наше звено сомкнулось. Мы взяли его в центр и вели по радиии. Наши возгласы «Право на борт! Влево!» то и дело прерывались его: «Я ничего не вижу». Я крикнул ему: «Только две минуты до Эль-Аламейна!»

С земли дали приказ: «Прыгайте!», но Марсель не желал покидать самолет над вражеской территорией. Он не видел себя в роли военнопленного.

Секундная стрелка часов на приборной доске сделала ровно три круга: 11.38».

Внизу, у «Дьявольского сада «L», у одного из орудий 707-й механизированной батареи, стрелок, унтер-офицер Бауэр, приставил к глазам бинокль, глядя на немецкие истребители, и крикнул товарищам:

— Один из них горит!

Из самолета валил черный густой дым.

Но в воздухе на высоте полутора тысяч метров Рёттген посмотрел на «Желтый-14» и потом вперед. Там находилась Белая Мечеть — немецкие рубежи. Дотянет ли? Кабину заволакивал дым. Что? Что сказал Ханс Йоахим? Дыхание ему перехватывало.

— Все... я... я больше не... не могу... — И снова: — Я должен... должен выбраться. Делаю широкий разворот влево.

Когда Рёттген рассказывал мне об этом, на его лбу выступил пот, точно товарищ аса переживал все случившееся вновь. «Марсель перевернул машину на спину, фонарь кабины сорвало, словно от удара некоего огромного невидимого кулака. Теперь он должен был прыгать. «Ханс Йоахим прыгнул», — сказал я по рации.

Но что случилось? Дьявольщина, его машина шла в пологом планировании. Он оставался в ней. Когда он наконец прыгнул, его ударило о хвостовое оперение.

Он падал! Падал вниз камнем. Но где же белый цветок парашюта?

Через четверть часа мы приземлились среди дюн. Одного из нас с нами не было. Одного из 12-го звена...

Капитан Францискет привез тело. Он нашел его в семи километрах к югу от Белой Мечети.

Пилоты звена сидели за столом молча. Маттиас, чернокожий из Трансвааля, денщик Марселя, исчез. С кухни, где он обычно трудился, не доносилось ни звука. Из пустыни он вернулся только вечером. Маттиас принес ожерелье из ракушек и протянул его Рёттгену.

— Что это, Маттиас?

— Пятьдесят семь раковин, господин. Пятьдесят семь побед с тех пор, как я пришел служить капитану в конце августа. Я их специально подбирал. Иногда долго не мог найти подходящей, но потом находил ту, что надо, белую и красивую.

Маттиас гордился ожерельем, но слезы текли по его черным щекам.

— Положите это в могилу, — сказал он, повернулся и вышел из палатки.

Через три года Маттиаса уже во Франции поймали и расстреляли маки. Его ожерелье из раковин положили в гроб Марселя. Когда его хоронили, ожерелье лежало на груди аса и сияло ярче, чем лубые бриллианты, — знак любви от чернокожего человека.

Монтгомери атакует

Осень 1942 г. Роммель уже восемнадцать месяцев находился во главе армии. Полтора года в пустыне без отпуска.

Профессор Гальстер, его врач, проявлял тревогу уже во время битвы за Алам-Хайфу. Каждый день он проверял вздувшуюся печень генерала и осматривал постоянно воспаленное горло.

В Мауэрвальд, что недалеко от Растенбурга, ставки Гитлера, пришли известия о пошатнувшемся здоровье Роммеля. 19 сентября Гитлер послал генерала Штумме в Африку в заместители Роммелю. Фельдмаршал отправился в заслуженный отпуск.

Под заголовком 22 сентября 1942 г. в полетном журнале оберлейтенанта Гизена, пилота Роммеля, написано: «Перелет в Дерну». На следующий день они вылетели в Рим. 24 сентября Роммель прервал путешествие, чтобы заскочить в Форли и нанести визит дуче в его летней резиденции.

Когда после беседы с дуче Роммель прощался с маршалом Кавальеро, последний сказал:

— Может ли Италия рассчитывать на ваше немедленное возвращение в случае атаки Монтгомери?

Роммель обратился к летчику:

— Гизен, сколько времени понадобится, чтобы долететь до Африки, если томми атакуют?

— Восемь часов прямым курсом. Десять через Рим, господин фельдмаршал.

— Это вас устраивает? — спросил Роммель.

Кавальеро кивнул, пожал его руку обеими руками и сказал:

— Спасибо.

Прежде чем Роммель вернулся в Земмеринг к югу от Вены, 25 сентября Гитлер вручил ему фельдмаршальский жезл в своей ставке. Усталый и подавленный, Роммель прибыл в Берлин, где Геббельс пригласил на встречу с ним своих и иностранных журналистов в театр Министерства пропаганды. Старый Лис пустыни попался на пропагандистскую удочку, о чем позднее очень сожалел. Действуя в соответствии с инструкциями, входя в зал, фельдмаршал остановился, держась за ручку двери. Наступившую тишину нарушил его голос:

— Моя рука лежит на ручке двери Александрии.

Четыре недели спустя эта ручка была вырвана из его пальцев...

— Завтра полнолуние, — сказал полковник Маркерт. Он хотел добавить: «Монти, похоже, не готов. Это самое благоприятное время для наступления».

Последней фразы Маркерт произнести не успел. Могучий рокот, грозовой гром разорвал тишину освещенной лунным светом ночной пустыни. Раскаты его прокатились над крышами блиндажей, служивших КП и квартирами для командования 164-й легкой дивизии «Африка». Офицеры штаба выпивали с дивизионным командиром, генералом Лунгерсхаузенем. Казалось, незримый великан забарабанил по столу кулаком. Полковник Маркерт, начальник оперативного отдела штаба дивизии, побежал по ступенькам блиндажа в командирский автомобиль. Начальник второго отдела штаба¹, майор Эльтерих, успел поймать бутылку. Сифон с содовой скатился со стола. Генерал Лунгерсхаузен смотрел в смотровую щель в направлении фронта и видел одну-единственную полосу огненных вспышек — огневой вал, который противник обрушил на участок дивизии.

— Монти начал наступление, — произнес генерал и посмотрел на циферблат ручных часов. Было 20.45 23 октября 1942 г.

Пятью днями ранее полковник Лисс прибыл из ставки фюрера в Африку с сообщением, что, по сведениям разведки, Монтгомери не может начать наступление в октябре.

Монтгомери удалось ввести в заблуждение лидеров стран «оси». Он очень хитроумно развернул отвлекающую атаку на юге Аламейнского фронта, подготавливая тем временем бросок на севере. Британский генерал научился этому у Роммеля. Он даже создал на южном фронте специальный отдел разведки, донесения которого предназначались исключительно для немецких пунктов прослушивания. Более того, строительство трубопровода, заправочных станций и подготовка полевых складов бензина шли так медленно, что немецкая разведка пришла к убеждению: пройдет по меньшей мере еще четыре недели, прежде чем оно завершится. Он, точно лиса, перехитрил Германский генштаб, причем так лихо, что даже прибытие двух новых дивизий с двумястами сорока орудиями и ста пятьюдесятью танками осталось совершенно незамеченным его противником.

Козырной трюк Монтгомери заключался в том, чтобы атаковать на Аламейнском фронте неприятеля в его самой сильной, а не в слабой точке. По всем правилам стратегии ему следовало бы пред-

¹ По личному составу. — *Прим. пер.*

принять главный штурм на юге. Но он атаковал на севере — именно там, где саперы 164-й легкой дивизии на протяжении недель соорудили по приказу Роммеля «Дьявольские сады». Разве такое наступление не было обречено на провал?

Так бы и произошло, если бы Монти атаковал силами танковых частей и через минные поля, но британский генерал выработал новый тактический прием.

Ортодоксальный принцип гласил: сначала уничтожить вражескую бронетехнику танковыми ударами, а затем опрокинуть противника нетанковыми войсками. Монтгомери все повернул ровно наоборот.

Как сказал Монтгомери своему штабу, он решил попать традиции. В огромной войне моторов он собирался уничтожить пехоту стран «оси» на ее оборонительных позициях. Ему предстояло разрушить по камешку возведенную Роммелем крепостную стену и один за другим вырвать зубы его фронта. После этого он пустит на прорыв танки, чтобы уничтожить танковые силы противника.

Таков был рецепт Монтгомери, и он мог себе позволить испробовать его на практике.

Битва началась с пятичасовой сосредоточенной артиллерийской подготовки. Тысяча британских орудий обрушила грады снарядов на участок фронта шириной около десяти километров между Бир-эль-Аташ и Бир-абу-Сифи, где располагались 164-я легкая дивизия и итальянская пехота. Тысяча орудий на участок протяженностью меньше десяти тысяч метров, что означало: одно орудие обстреливало десять метров немецкого фронта. Солдаты стран «оси» оказались в адской преисподней, среди рвущихся всюду снарядов, огня, дыма и пыли. Все коммуникации были разрушены.

В 22.00 британские орудия перенесли огонь на «Дьявольские сады». Результат не может себе представить никто — никто, если он не побывал там сам. Разрыв каждого снаряда сопровождался взрывами от детонации авиабомб и подрывных зарядов. «Дьявольские яйца», которыми полковник Гекер со своими саперами так старательно готовился встретить неприятеля, взлетали в небо. Они создавались с расчетом на уничтожение атакующих британских танков и пехоты. Но минные поля Роммеля были перепаханы. Монтгомери располагал достаточным количеством сделанных американцами снарядов, чтобы с их помощью расчищать коридоры в минных полях. Такого поворота событий Роммель не предусмотрел.

Когда британские пехотные дивизии 30-го корпуса пошли в атаку, они не верили, что хоть одно живое существо сможет уцелеть после такого ада перед немецкими минными полями и на них. Но они ошиблись. В «Дьявольском саду «Н» остались солдаты батальонов и рот 125-го моторизованного гренадерского полка. Они лежали, сидели и стояли в развороченных окопах, в воронках среди обрывков проволоки и перепаханных минных полей и стреляли — стреляли из противотанковых орудий, стреляли из пулеметов. На какое-то время им удалось приостановить атаку британской пехоты. 2-й батальон капитана Венделя нес на себе основной груз обороны.

Но к югу от 125-го, впереди и позади блоков «J» и «L», положение стало серьезным. На участке 382-го моторизованного гренадерского полка приданные ему итальянские батальоны (три батальона 62-го пехотного полка 102-й итальянской моторизованной дивизии) бросили свои позиции. 382-й продолжал отчаянно оборонять свой участок под натиском штурмующих 9-й австралийской и 51-й дивизии шотландских горцев.

Капитан Крупфганц со своим батальоном вел рукопашную схватку с австралийцами и солдатами 51-й дивизии шотландских горцев. Британские танки оказывали атакующим томми поддержку огнем пушек и пулеметов. Но когда британская пехота атаковала с примкнутыми штыками, немецкий батальон встретил ее ручными гранатами и пулями пистолетов-пулеметов. Затем вперед покатились британские танки. Батальоны были смяты. Раненый батальонный командир и горстка раненых солдат попали в плен.

Не лучше оборачивались дела для 1-го батальона капитана Пипера.

Британцы прорвались. Но за главной линией фронта батальон 433-го полка вместе с подразделениями дивизионной артиллерии сумел блокировать атаку.

Немного южнее, между «Дьявольскими садами «L» и «K», новозеландская и южноафриканская дивизии прокладывали себе путь через минное поле. В «Дьявольском саду «K» британская бронетехника понесла тяжелые потери от взрывов авиабомб. Что проку от всего этого? Противник преодолел огромный минный пояс.

На южном участке Аламейнского фронта дивизии 13-го корпуса тоже старательно осуществляли прорыв. Здесь артиллерия и бомбардировщики Королевских Воздушных Сил обрабатывали германо-итальянские позиции, стирая с лица земли аванпосты и опорные пункты, прикрывающие проходы в минных полях. Но

зубы обороны Роммеля держались. Сэру Брайэну Хорроксу не удалось добиться на этой стадии ощутимых успехов.

Боевая группа Кили отражала все вражеские атаки. Батальоны 104-го моторизованного гренадерского полка и артиллерийские части 21-й танковой дивизии дрались до изнеможения. 10-я рота лейтенанта Ринглера в течение двадцати четырех часов сдерживала натиск целого батальона 44-й дивизии между минными поясами. Солдаты стояли там двадцать четыре часа без воды и продовольствия под непрерывным шквалом огня. Колесо противотанковой пушки отлетело от прямого попадания. Двое бойцов легли под ось, чтобы орудие продолжало стрелять. Так им удалось подбить два тяжелых танка. 132-я бронетанковая дивизия «Ариете», батальон берсальеров и части дивизий — 27-й пехотной «Брешиа» и 185-й парашютной «Фольгоре» — сражались просто великолепно. 13-му корпусу Монтгомери удалось достигнуть лишь минимальных успехов — незначительно вклиниться на восточное минное поле, но не выйти к главной линии обороны.

С другой стороны, на севере положение начало становиться угрожающим. К рассвету 24 октября британцы проделали две бреши. В тылу у трех пехотных дивизий на острие наступления британский командующий двинул в бой 1-ю и 10-ю танковые дивизии — семь сотен танков устремились на запад. Так что же, настал конец танковой армии «Африка»? Рухнет или нет фронт стран «оси»?

Но Монтгомери никогда не ставил все на одну карту. Немцы получили шанс оправиться от удара. Руководство их, однако, находилось в тот день словно бы под несчастливой звездой. Генерал Георг Штумме, временно исполнявший обязанности командующего танковой армией, весьма и весьма храбрый человек, находившийся в Африке совсем недолго, полагал вполне справедливым для себя следовать традиции Роммеля находиться на передовой. Сопровождаемый офицером разведки, полковником Бюхтингом, он направлялся по «угрожаемой дороге» на фронт. Он ехал прямо в зону кризиса — на позиции около высоты № 28. Британские пулеметы и противотанковые пушки открыли по нему огонь.

Полковник Бюхтинг получил смертельное ранение в голову. Водитель попытался вывести машину из-под обстрела. Штумме, который выпрыгнул на дорогу, продолжал двигаться за быстро ехавшей машиной. Он упал, но водитель ничего не заметил и поехал дальше. Разведчики из 1-го батальона 125-го бросились на помощь генералу. Фельдфебель Гольцшуг и обер-ефрейтор Киль из 2-й роты обнаружи-

ли его мертвым. Командование танковой армией принял на себя генерал Риттер фон Тома.

Вечером 24 октября Германское верховное командование потребовало от Вестфала в течение часа дать ответ, является ли вспышка активности противника крупной разведкой боем или же полномасштабным наступлением. Вестфаль сообщил: «Вне сомнения, это давно ожидаемое полномасштабное наступление. Возвращение Роммеля жизненно необходимо».

Пехота Монтгомери продолжала атаковать все новыми волнами. Артиллерия грохотала почти без умолку, а самолеты бомбили фронт дено и ношно.

Лейтенант Бернард Орт прижал бинокль к глазам. Он со своей 1-й батареей 31-го полка механизированной артиллерии находился километрах в восьми от передовой. Батарея была придана боевой группе «Юг» 15-й танковой дивизии, которой командовал генерал-лейтенант фон Вёрст, а начальником оперативного отдела был ветеран кампании Генрих Мюллер. Командир 8-го танкового полка, полковник Тееге, руководил действиями боевой группы. Когда солнце раннего утра 24 октября пробилось сквозь пороховой дым, лейтенант Орт из бронемашины увидел, к своему ужасу, бегущую итальянскую пехоту.

— Фронт капут! Фронт капут! — вопили они и бежали на запад. Позади показались первые вражеские танки — новенькие американские «Шерманы» и «Гранты».

— Наступление вражеской бронетехники! — поступило сообщение по рации. Настал час для артиллерии, которая со своими орудиями, минометами и полевыми гаубицами представляла собой ядро танковой дивизии. Артиллеристы хорошо знали свое дело. Первые танки были подбиты и загорелись. Бронированное острие наступления удалось остановить. Пришел момент контратаковать для 1-го батальона (8-го танкового полка) капитана Штифельмайера. Могучий удар бронетехники отбросил британские танки обратно в «Дьявольский сад «L». Это оказалось губительным для британцев. Хотя многие мины сдетонировали во время артподготовки, оказалось, что немало «дьявольских яиц» уцелело. Один столб огня за другим вздымался в небо. Рвались авиабомбы, вызывавшие панику у вражеских танкистов. Тридцать пять машин остались в «Дьявольском саду «L». Остальные отошли. Прорыв Монтгомери на самом северном крае удалось остановить.

Но для танковой армии «Африка», однако, ее война оставалась «войной бедного человека». Монтгомери же не испытывал недо-

статка в военных материалах¹. Сверх прочего, он на полную катушку задействовал авиацию. Королевские Воздушные Силы господствовали в воздухе Африканского ТВД. Немецкие сухопутные силы постоянно подвергались ударам самолетов противника. Обычно британцы пускали восемнадцать бомбардировщиков под эскортом четырнадцати истребителей. Немецкие солдаты хорошо знали этот «свиноголовый строй восемнадцати». Они никогда не уклонялись от курса и методично бомбили квадрат за квадратом. Их всегда прилетало восемнадцать.

На рассвете 25 октября, после артиллерийской подготовки и массированных налетов авиации, Монтгомери дал старт новой атаке. Пиком битвы стала высота № 28. Тут томми намеревались прорваться.

В тот момент, когда снаряды рвались на жалком холме среди песчаных дюн, Эрвин Роммель находился в Винер-Нойштадте возле He-111 с буквами DH YA на фюзеляже. Было 07.50. Его пилот, оберлейтенант Гизер; все еще спорил с «лягушкой — предсказательницей погоды» из-за разрешения на взлет. Радист, штаб-фельдфебель Гане, доложил о готовности машины к полету и сказал о споре.

— Мы взлетаем, — сказал Роммель.

Он настаивал, несмотря на то что Гизен вернулся и доложил:

— Нам не дали разрешения на вылет из-за опасности обледенения на высоте шесть тысяч метров.

Гизен и Гане обменялись взглядами. «Баци» Вольф, бортинженер, и Задрих, штурман, уже находились в машине. Они вылетели в Рим, а оттуда после короткой остановки взяли курс на Крит и сели в Гераклионе. Путь в Африку продолжался на Do-217². Роммель приземлился в Эль-Дабе в 17.20. Там он немедленно пересел на «Шторх» и отправился на фронт. Еще до наступления темноты

¹ Численность живой силы: 230 000 чел. у британцев против 80 000 чел. в германо-итальянских войсках; 1500 самолетов против 350 Люфтваффе и Реджиа Аэронавтика (ВВС Италии) и 1230 танков (из них 165 «Грантов» и 250 «Шерманов») у Монтгомери против 210 (из них 74 единицы PzKpfw III Ausf J и 27 единиц PzKpfw IV Ausf F2 с длинноствольными 50-мм и 75-мм пушками) у Роммеля; правда, не стоит забывать, что с этими превосходящими силами британцам приходилось взламывать очень мощную оборону в лоб. — *Прим. пер.*

² Двухмоторный бомбардировщик одного класса с He-111, несколько более тяжелый и обладающий немного большей грузоподъемностью. — *Прим. пер.*

фельдмаршал находился в тактическом штабе, слушая доклад об обстановке из уст Вестфала.

На следующее утро рапортовал генерал Риттер фон Тома — худой аскетичный педант. Он закончил следующими словами:

— Господин фельдмаршал, положение значительно ухудшилось. Превосходящими силами артиллерии противник уничтожил наши «Дьявольские сады». Нам удалось остановить вражеское продвижение, но не отразить его. Положение с горючим все то же. Артиллерийский огонь и постоянные бомбовые удары ведут к огромным потерям. В Пятнадцатой танковой дивизии осталась только тридцать одна боеспособная машина.

Доклад не внушал никакого оптимизма. Роммель с мрачным видом уставился на карту, держа руку за подбородок.

Он немедленно приказал всем имевшимся в распоряжении мобильным частям на северном участке фронта перейти в контратаку. Но никак не мог решиться перебросить 21-ю танковую дивизию с резервных позиций на южном участке фронта. Он не был уверен, что наступление британцев на севере не будет дополнено атакой и на этом участке. Уловка Монтгомери сработала.

Тем временем британский командующий передислоцировал пехотные бригады и бронетехнику с юга на север и бросил их в бой. 27 октября Роммель решил снять 21-ю танковую дивизию и половину артиллерии с южного участка. Он рисковал, но что еще ему оставалось делать? Необходимо было заделать брешь на северном фронте, или германо-итальянские войска ждало неминуемое поражение.

Двадцать первая танковая дивизия атаковала через удерживавшие позиции части 15-й. Генерал фон Рандов со своим начальником оперативного отдела, майором фон Гойдуком — оба они погибли два месяца спустя в канун Рождества, подорвавшись на mine, заложенной Группой дальнего действия в пустыне, — вел дивизию в брешь сквозь дым и пыль, клубившиеся над полем боя. Командир 8-го танкового полка, полковник Тееге, принял участие в этой атаке со своими оставшимися танками. Бросок был встречен мощным артиллерийским огнем. Немцы схватились в битве с новыми британскими танками, которые превосходили своих предшественников мощью и дальностью огня. Британская пехота часто появлялась позади сражающихся подразделений перед позициями тяжелой артиллерии. Тут могло что-то дать только стрелковое оружие. Артиллеристы становились пехотинцами, как пришлось расчетам 105-мм орудий 408-го артиллерийского дивизиона. Дважды они от-

брасывали томми от своих позиций в рукопашной, но противник был слишком силен.

Для танковой армии эта битва являлась безнадежной в самом прямом смысле этого слова. Самый успешный из военных командиров Германии имел дело с превосходящими силами западных супердержав, перед которыми оказывалась бессильна любая храбрость.

— Даже самого храброго солдата может убить бомба, — с ноткой отрешенности в голосе проговорил Роммель.

В ночь на 31 октября Монтгомери дал старт операции «Суперчардж» — прорыву на севере. После нескольких часов артподготовки австралийцы устремились во фронтальную и фланговую атаки на 115-й моторизованный гренадерский полк. Британская бронетехника смяла итальянскую артиллерию. Утром 31 октября британские тяжелые танки стояли на прибрежной дороге. Роммель бросил в бой 33-й разведывательный батальон с целью предотвратить закрытие северного выступа. В сражение вступили последние «Штуки». 90-я легкая и 21-я танковые дивизии устремились в контратаку. Им удалось залатать брешь на северном фланге, но они не смогли решительно изменить положение.

Затем Монтгомери нанес главный удар. Все танки, оставшиеся от изначально имевшейся у него восьмисотенной армады, были собраны воедино и вступили в сражение. Четырем сотням британских танков противостояли от восьмидесяти до ста немецких и итальянских бронированных боевых машин.

Приказ фюрера: «Победа или смерть»

Когда ночь с 1 на 2 ноября 1942 г. спустилась на североафриканскую пустыню, битва при Эль-Аламейне вступила в свой девятый день. Минные поля Роммеля — знаменитые «Дьявольские сады» — почти полностью находились в руках противника. На северном участке немцы были отброшены, фронт — прорван в нескольких местах. Остатки частей закреплялись на новом рубеже: небольшое количество орудий, совсем немного бронетехники — поредевшие, измотанные дивизии. 125, 104, 382 и 433-й гренадерские полки вели боевые действия без передышки в течение девяти дней.

Монтгомери развивал ночные атаки с хорошо подготовленных позиций. В течение трех часов снаряды из четырехсот или даже пятисот британских орудий утюжили основные передовые позиции

Роммеля. Ковровые бомбардировки авиации истощали силы немцев. Затем в дело при поддержке танков вступила британская пехота. Результат был вполне предсказуемым: фронт на юго-запад от знаменитой высоты № 28 оказался прорван. Около четырехсот бронированных боевых машин противника устремились на запад. Монтгомери имел еще четыре сотни танков в резерве к востоку от минных полей.

— Приготовиться к контратаке, — приказал Роммель. Сгруппировались остатки немецкой бронетехники, гренадерские полки, зенитчики, полевая артиллерия, боевые группы, состоявшие из саперов, штабы и резервные части. Началась танковая битва под Тель-эль-Аккакиром — одно из самых ожесточенных сражений с участием бронетехники в истории Африканской войны. Авиация атаковала без перерыва, британская артиллерия без усталости расходовала неистощимые запасы боеприпасов. Со своей стороны, передовые батареи немецкой артиллерии часто испытывали нехватку снарядов. И не потому, что их не осталось на складах в Африке — боеприпасы лежали в Тобруке или других местах далеко от передовой, — а из-за нехватки транспорта и бензина, необходимого, чтобы доставить их на фронт. Даже персонал полевых кухонь по распоряжению генерала Краузе задействовали для подвоза боеприпасов на передовую. 2-я батарея 11-го артиллерийского полка привозила снаряды для своих 210-мм мортир на грузовиках снабжения из Тобрука. Трехтонная машина могла взять на борт десять снарядов, поездка длилась три дня. Немцы поистине вели «войну бедных людей».

Несмотря ни на что, немецким войскам на какое-то время удалось залатать пробитую британцами брешь шириной свыше четырех километров. Тогда Монтгомери бросил в бой резервные танки. Африканский корпус располагал всего тридцатью пятью боееспособными боевыми бронированными машинами.

Орудия 33-го полка механизированной артиллерии расстреливали атакующую британскую бронетехнику как на маневрах. Неприятель смял 2-ю батарею, и только присутствие духа и смекалка обер-лейтенанта Орта спасли 1-ю батарею. Он отвел ее на расстояние, недоступное для средней и легкой британской артиллерии и расположил на более благоприятных позициях. Только благодаря огневой поддержке этой батареи и одной восьмидесятивосьмимиллиметровки удалось выручить три орудия 2-й батареи из-под града металла, которым осыпал ее противник, и задействовать для противотанковой обороны. Численность гордого 33-го полка механизиро-

ванной артиллерии, который под началом своего первого командира, подполковника Краземанна, принимал участие во всех удачных и неудачных боях из тех, что вела немецкая бронетехника в Африке, сократилась теперь до семи орудий. Знаменитый 8-й танковый полк был буквально стерт с лица земли. Его командир, полковник Тееге, пал одним из последних. Гренадерские полки, батальоны «впереди идущих»¹, части зенитчиков и связистов, разведывательные взводы и прочие подразделения состояли лишь из вымотанных солдат, раненых, утомленных из-за отсутствия воды людей, зарывающихся в «лисьи норы». Такова была обстановка на 3 ноября 1942 г. Лейтенант Ральф Ринглер, командовавший 10-й ротой 104-го моторизованного гренадерского полка, написал в своем дневнике:

«3 ноября 1942 г. Мы на телеграфной дороге — пустынной дороге из Сиди-Абд-эль-Рахмана. Снова утро. Хочется есть, и очень холодно. Обер-ефрейтора Франкена разорвало на куски. Светает. Солнечные лучи пробиваются через дым. Холод уходит, но голод остается. А теперь еще вдобавок ко всему и жажда. Нас тут несколько гренадеров в окопах для индивидуальной защиты. Через каждые двадцать метров, а местами и через пятьдесят залегло по небольшой группе. Есть две противотанковые пушки. И все. 9-я рота должна быть где-то левее нас. Дальше, километрах в двенадцати, море, а позади нас никого! И к югу тоже никого! А на нас идет танковая армада. Они приходили и вчера. Два... четыре... восемь... десять — они атаковали. Тревога! По местам!

В считанные секунды орудийная прислуга заняла боевые позиции. Но первый уже совсем рядом. Наш единственный шанс. Пятьдесят метров. Есть! Один готов! Первый горит. Mk VI. Экипаж выскочил и бросился ко второму танку. Прямое попадание. Прицеливание. Выстрел. Прицеливание. Затвор заело. Но все же удалось выбросить снаряд. Еще раз прицеливание. Спокойно, Гебхарт, возьми третьего. Выстрел. И еще выстрел. Еще один. Огонь! И вновь прямое попадание. За три минуты одиннадцатью снарядами три танка. Остальные развернулись и удирают. Господи, если бы они знали, что нас тут только горстка.

Но вот и расплата.

На мои позиции идут четыре танка.

¹ Солдат пешего спецподразделения, выступающего впереди армии или полка для строительства дорог и создания необходимых условий для успешного продвижения войск. — *Прим. пер.*

Почему не стреляют противотанковые пушки? В перископ вижу, что солдаты что-то лихорадочно пытаются сделать с затвором.

Четыре танка уже прямо на нас. В Африке не практикуется такая вещь, как ближний бой с бронетехникой. У нас не было подрывных зарядов. Вот первый танк достиг пулеметной точки. Он наехал на нее и остановился с лязгом гусениц. Стал вращаться и похоронил пулеметчиков заживо. Уничтожив точки, Mk II поехал на меня. Я в ужасе забился в угол. Когда-нибудь прекратится этот гусеничный скрежет над моей лисьей норой? Когда водитель остановится и начнет вертеться? Раздавит меня? Когда он проехал, я вскочил. Третий танк приближался справа. Командир был так уверен в себе, что высовывался из люка. Я достал из-за пояса ручную гранату, вырвал чеку и бросил. Она ударилась о башню и взорвалась без малейшего эффекта. Командир танка посмотрел на меня с усмешкой. Он только чуть пригнулся, а теперь помахал мне рукой, точно мы были на учениях: «Не попал» — и поехал дальше. Слева от меня пять человек побежали с поднятыми руками на британский танк и стали карабкаться на него. Фельдфебель с Русского фронта и четверо его солдат. Он только-только прибыл. Ночью у них не выдержали нервы. Это конец. Переживу ли я этот день, или и мне наступит конец?»

Подобное происходило 3 ноября 1942 г. повсеместно на северном участке Эль-Аламейнского фронта. Британцы продвигались повсюду. Роммель принял правильное решение: сдать позиции под Эль-Аламейном и отводить войска.

В рапорте о стратегической обстановке 2 ноября фельдмаршал уже предупредил ставку фюрера о такой возможности. По той причине, что в Растенбурге до сих пор предоставляли ему право действовать на свое усмотрение, он полагал, что и на сей раз не встретит противодействия. Тем не менее у него возникло неприятное чувство, поскольку он знал Гитлера и Муссолини и понимал, что оба они рассматривают отступление как позор. Но теперь в намерения Роммеля входил не просто отвод войск на ставшую притчей во языцех линию Фуки, на старые позиции Мерса-эль-Бреги или даже к Триполи. Он смотрел куда дальше. Вопрос теперь стоял в том, можно ли вообще удержать Африку. Смогут ли они там, в Восточной Пруссии, в «Вольфшанце», за 3500 км от Африки, осознать это?

Роммель решил послать в ставку фюрера своего адъютанта, капитана резерва Ингмара Берндта, сотрудника Министерства пропаганды, пользующегося особым расположением Гитлера.

— Объясните фюреру наше положение четко и ясно и скажите, что, вероятнее всего, мы проиграли войну на Африканском ТВД. Постарайтесь сделать все возможное для наших танковых дивизий, — сказал Роммель, а затем отправился в восточном направлении по прибрежной дороге на передовую.

Из миссии Берндта постоянно делают настоящую трагедию. В действительности же она являлась лишь эпизодом. Тот факт, что Роммель задействовал для выполнения важного задания офицера-политика, а не офицера генштаба, показывает, что швабский лис знал, насколько не доверяет последним Гитлер. Когда полковник Вестфаль предложил слетать в Растенбург, Роммель совершенно справедливо заметил:

— Он не станет прислушиваться к вашим доводам.

Примерно в 13.00 полковник Вестфаль обедал в штабе среди телефонных донесений, карт и канистр с бензином. Внезапно в помещение влетел адъютант, капитан фон Гелльдорф, с листом бумаги в руке и заявил:

— Приказ фюрера, господин полковник.

— И что там, Гелльдорф?

— Смертный приговор для армии, господин полковник.

— Что? — Вестфаль, мгновенно помрачнев, схватил документ.

Прочитав, он бросил бумагу на стол. — Они там окончательно спятили.

В этот момент на своем командирском танке приехал Роммель. Фельдмаршал вошел, и Вестфаль, вручив ему телеграмму, коротко произнес:

— Приказ фюрера.

Роммель обратил на него вопросительный взгляд, но Вестфаль не сказал больше ни слова. Роммель прочитал текст. Грохот канонады с передовой только подчеркивал тишину, которая воцарилась вокруг фельдмаршала. Офицеры смотрели на него и видели, как, когда он читал, подрагивали мускулы его лица. Затем Роммель положил телеграмму на стол, развернулся и устался в окно. Теперь они могли прочитать все сами.

«Я, ваш фюрер, и немецкий народ полностью уверены в вас как в командире и в храбрости немецких и итальянских войск, которые ведут героическую оборонительную битву под вашим командованием в Египте. В той ситуации, в которой вы находитесь, невозможно думать ни о чем другом, как только о том, что мы должны держаться со всей твердостью, бросив в бой все вооружение и всех способных сражаться солдат. Несмотря на численное превосход-

ство, противник растратит свои силы. Случится так, как случилось в истории не раз, и более сильная воля восторжествует над мощными батальонами врага. Для ваших войск нет иного пути — только победа или смерть. Адольф Гитлер».

Должны ли они были огласить войскам приказ или игнорировать его? Следовало ли послать в ответ телеграмму: «Мы подчинимся, но нужно отметить, что...»? Или же просто телеграфировать: «Отступление уже осуществляется»? Этот вопрос и обсуждали на протяжении четырех следующих часов Роммель и Вестфаль. Хладнокровный аналитик Вестфаль полагал, что патетическая телеграмма, по всей видимости, стала причиной недопонимания рапорта о стратегической обстановке от 2 ноября.

— Все это ободряющие разговоры для поддержания духа, — сказал Вестфаль. — Кто знает, сколько дней назад сочинили этот текст?

Однако для того, чтобы отвести аргумент Вестфалья, достаточно было посмотреть на дату отправки телеграммы из главного командования. Совершенно очевидно, послали ее после рапорта Роммеля от 2 ноября. Несмотря ни на что, полковник старался уговорить фельдмаршала проигнорировать приказ фюрера. Но Роммель как военный, привыкший подчиняться требованиям дисциплины, восставал против такого решения. Для командующего армией проблема стояла куда глубже, чем для штабного офицера.

— До сих пор я всегда настаивал на безусловном подчинении моих людей... Даже если они не понимают моих приказов или считают их неправильными. Лично я не могу отойти от данных принципов и должен подчиниться, — сказал он Вестфалю.

— Это означает конец армии, — произнес полковник.

— Я — солдат, — только и сказал в ответ Роммель.

Спор продолжался в таком же духе еще какое-то время. Фельдмаршал не мог не признать, что Гитлер отдал приказ «победа или смерть», не зная обстановки на фронте под Эль-Аламейном. Он не мог предположить, что за трагикомическая ошибка стоит за приказом Гитлера.

Роммель рискнул послать ответ в ставку Вермахта. Но какие еще аргументы мог он привести, кроме тех, которые излагались в его докладе об обстановке от 2 ноября? Капитан Берндт был призван еще раз объяснить положение Гитлеру лично. Но давайте посмотрим, что тем временем происходило вокруг.

Поздно ночью 4 ноября Роммель решил остановить отступление и отдал приказ: «Сражаться до последнего патрона».

В каком отчаянном положении отдавалось это распоряжение, показывает тот факт, что Роммель приказал выдать личному составу штаба армии ручные гранаты и пистолеты-пулеметы для ведения ближнего боя с неприятелем. События развивались быстро.

Утром 4 ноября сложилась следующая ситуация. Остатки Африканского корпуса и 90-й легкой дивизии удерживали тонкий фронт по обеим сторонам пятиметровой песчаной дюны. Тель-эль-Мампсра. Южнее стоял потрепанный итальянский танковый корпус — те, кто уцелел из 132-й бронетанковой дивизии «Ариете», 133-й «Литторио» и 101-й моторизованной «Триесте». Южный участок передовой занимала 102-я итальянская моторизованная дивизия «Тренто», парашютная бригада Рамке и 10-й итальянский корпус. В 08.00 после часовой артиллерийской подготовки Монгомери атаковал. Остатки дивизий Африканского корпуса, сражаясь под началом генерала фон Тома, отчаянно оборонялись, отражая натиск британцев, атаковавших двумя сотнями танков.

Когда полковник Байерляйн уезжал от генерала фон Тома утром, чтобы оборудовать штаб где-нибудь южнее за Эль-Дабой, он увидел, что на генерале надеты все ордена — вещь в Африке беспрецедентная.

— Байерляйн, — сказал Тома, — приказ фюрера есть безумие. Он — смертный приговор всей армии. Как я могу объяснить это своим солдатам? — Фон Тома внимательно посмотрел на полковника. — Поезжайте в Эль-Дабу. Я должен остаться тут, чтобы лично руководить обороной Тель-эль-Мампсры. — С обреченностью, а не с иронией он добавил: — Как приказывает ставка.

Байерляйна поразила подавленность генерала, и, отправляясь к Эль-Дабе, он подумал, что это не предвещает ничего хорошего. «Генерал ищет смерти».

Основной вес британской атаки изначально нацеливался на Тель-эль-Мампсру. Ад воцарился среди песчаных дюн на этом участке. Ритгер фон Тома находился на передовой во главе своих войск.

В 11.00 лейтенант Хартдеген, адъютант генерала фон Тома, прибыл в штаб Байерляйна и доложил:

— Генерал отослал меня сюда с радиопередатчиком. Он сказал, что я ему больше не нужен. Наши танки, противотанковые орудия и зенитки под Тель-эль-Мампсрой стерты с лица земли. Что с генералом, я не знаю.

Взволнованный Байерляйн вскочил в маленькую бронемашину разведки и поехал в восточном направлении. Внезапно на его ав-

томобиль обрушился град снарядов. В полуденной дымке он увидел множество черных танковых силуэтов. Он выскочил из машины и под палящим солнцем побежал к гребню дюны. То, что он увидел там, было самой настоящей бойней. Сгоревшие танки, разбитые зенитки, искореженные противотанковые орудия и трупы — трупы повсюду. Только несколько тяжелораненых были еще живы. Байерляйн бросился в воронку в песке и осмотрелся. В двухстах метрах впереди горел танк. Рядом с ним под градом огня стоял генерал Риттер фон Тома. Высокий, измученный человек был похож на призрак, силуэт которого вырисовывался на фоне неба.

Риттер фон Тома, получивший за две войны двадцать ранений, — живое воплощение храбрости и мужества. Его доблесть принесла ему во время Первой мировой войны высшую награду, баварскую Медаль за храбрость, орден Макса Йозефа. Он сражался в легионе «Кондор» во время гражданской войны в Испании и наступал в своем танке через заснеженные просторы России. И вот теперь, один из самых блистательных танковых командиров в Африке, он стоял подле подбитой боевой машины один посреди догорающей битвы. Британские танки «Шерман» двигались к нему полукругом. Огневой вал, которым они прошлись по дюнам, был настолько плотным, что Байерляйн и не думал, что генералу удастся остаться живым.

Вдруг стрельба прекратилась. Британские танки разъехались. Фон Тома стоял словно окаменевшая статуя с маленьким брезентовым ранцем с провизией, какие имелись у всех генералов. Он смотрел на отходившие танки англичан. Подъехал джип в сопровождении двух «Шерманов». В руках капитан Грант Сингер из 10-го гусарского держал пистолет-пулемет. Он позвал генерала. Тот взглянул на офицера, подошел к джипу и поднялся в него. Байерляйн выскочил из воронки и помчался в западном направлении. У него ушло много времени на то, чтобы добраться до штаба в Эль-Дабе, найти Роммеля и рассказать ему о том, что он видел. Огромные клубы пыли к югу и юго-востоку от Эль-Дабы служили своего рода вещественным подтверждением рассказа Байерляйна. Там разыгрывалась другая трагедия — полыхала битва между не обладавшими мощной броней итальянскими танками из 20-го корпуса и примерно сотней британских боевых машин. Они обошли итальянцев с фланга, но те все равно не сдавались. Они защищались, как приказал им Роммель, и корпус остался там весь до последнего танка. Вместе с этим печальным донесением офицер разведки принес перехваченное сообщение. Оно было послано Монтгомери от-

крытым текстом из 10-го гусарского. В нем говорилось: «Мы взяли в плен немецкого генерала. Его зовут Риттер фон Тома. Подпись: капитан Грант Сингер».

Утром того полного трагизма дня 4 ноября в штаб танковой армии из Италии прибыл фельдмаршал Кессельринг. Оба фельдмаршала поприветствовали друг друга очень холодно — Роммель опасался, что ставка Гитлера прислала Кессельринга в качестве некоего надзирателя. Роммель был крайне поражен, когда Кессельринг в присутствии Вестфалья заявил, что, ввиду сложившейся обстановки, он считает нецелесообразным выполнение приказа фюрера.

Роммель решил связаться по рации с Гитлером и попробовать убедить его отменить приказ. Кессельринг поддержал запрос Роммеля в собственном донесении в ставку фюрера.

Таким образом, было сделано все, что мог сделать генерал в данной ситуации. Но Роммель продемонстрировал, что способен на кое-что большее, чем просто выполнение приказов.

Принимая во внимание события последних нескольких часов, он пришел к выводу, что никакие доводы морального или военного характера не могут оправдывать подчинения приказу Гитлера. Можно приказать умереть солдату, можно приказать армии пожертвовать собой. Но можно ли приказывать солдату идти на бесцельную смерть, а армии — жертвовать собой без всякой причины?

Ответ Роммеля был «нет!».

Фельдмаршал поехал в штаб Африканского корпуса. Отозвав в сторону Байерляйна, он сказал ему:

— Наш фронт прорван, враг валом хлынул в наш тыл. Приказ фюрера стал бессмысленным. Мы отойдем на позиции Фуки и спасем то, что еще можно спасти. — Затем он добавил: — Полковник Байерляйн, я вручаю вам командование Африканским корпусом. Даже если нам придется предстать перед военным трибуналом за неподчинение, мы должны сохранить верность принятому решению. Делайте ваше дело как подобает. Все свои приказы войскам вы будете отдавать от моего имени. Скажите это высшим офицерам, если возникнут трудности.

На короткое время наступила тишина. Роммель решился не подчиниться приказу верховного главнокомандующего. По своему собственному почину, зная о возможных последствиях, фельдмаршал Гитлера предпринял такой шаг.

— Я сделаю все, что смогу, господин фельдмаршал, — отозвался Байерляйн. Роммель сел в машину и поехал обратно в штаб своей разбитой армии, где Вестфаль ожидал его с планами

отступления. Поздно ночью из ставки Гитлера пришла телеграмма: «В ответ на ваше донесение № 135/42, совершенно секретно, от 4.11. Я ознакомил дуче с моим мнением. Ввиду сложившейся обстановки, я согласен с вашим решением. Необходимые приказы изданы дуче через главное командование».

Как следовало понимать эту депешу? Что произошло в ставке фюрера? Я старался найти подлинный ответ на сей животрепещущий вопрос.

— Почему этот рапорт я вижу только сейчас? — Гитлер вздрогнул на генерала Йодля, когда 3 ноября 1942 г. начальник оперативного штаба Вермахта вручил ему донесение Роммеля от 2 ноября. Йодль мог бы ответить: «Потому что вы слишком долго спали, мой фюрер», но генерал, естественно, воздержался от подобной реплики.

В рапорте Роммеля о стратегической ситуации от 2 ноября показывалось катастрофическое положение, сложившееся под Эль-Аламейном, где британцы прорвали фронт, и в целях спасения бронетехники Африканского корпуса предлагалось отойти на линию Фуки в ста километрах от Эль-Аламейна. Документ в ставку Гитлера прибыл ночью 3 ноября. Дежурным офицером в «Вольф-шанце» был некий майор резерва, в гражданской жизни управляющий крупным промышленным концерном. В те недели, когда шли ожесточенные бои за Сталинград, он уже привык к тревожным новостям и не видел никакой веской причины будить Гитлера или Йодля из-за донесения, прибывшего из Северной Африки. Когда документ расшифровали, оба только что отправились спать. В обычае Гитлера было проводить половину ночи в беседах и планировании или в изучении карт. Пока он не спал, генералы, адъютанты, секретари и офицеры связи с наиболее важными министерствами должны были быть готовыми явиться по первому требованию. Таким образом, все они находились на дежурстве. Но как только становилось известно, что он отошел ко сну, все охранники и полицейские шпикеры с облегчением могли размять затекшие члены и улечься на походные кровати в своих норах. По примеру Гитлера его ближайшее окружение тоже спало до позднего утра.

В то утро Йодль и Кейтель встали в девять часов. Около десяти часов Йодль прочитал рапорт Роммеля и забеспокоился. «Что там с приказом фюрера? Его уже отправили? А Роммель? Выполнил ли он его?» Приказ лежал на столе у Гитлера несколько дней. В прошлую ночь перед отходом ко сну фюрер поставил на документе свою подпись, а Йодль передал его для зашифровки и отправки. Призыв фю-

рера, как верно предположил Вестфаль, являлся не чем иным, как типичной попыткой поднять моральный дух. Писалось все это исходя из того, что обстановка под Эль-Аламейном была хотя и сложная, но ни в коем случае не катастрофическая.

Йодль снял трубку телефона и связался с соответствующим подразделением.

— Да, — ответили там ему, — приказ фюрера ушел ночью.

Йодль поспешил в бункер фюрера, чтобы поставить Гитлера в известность до ежедневной планерки по вопросам военного положения. Но у дверей ему пришлось остудить свой пыл и подождать приема до полудня. Гитлер встал в 11.15.

— Случилось что-то плохое? — подозрительно глядя на Йодля, спросил Гитлер.

— Плохие новости от Роммеля, — ответил Йодль, вручая ему вчерашнее донесение. Гитлер прочитал, и лицо его покраснело.

— Это важнее всего остального, — пробормотал он. Глаза его, как всегда в подобных моментах, смотрели в пустоту. Опасный признак. — Роммелю послали мой специальный приказ?

— Да, мой фюрер, его отправили ночью.

— Почему я только сейчас получил донесение Роммеля об обстановке? Почему мне не дали его ночью? Почему меня не разбудили? Почему? — Голос его стал срываться на крик.

Йодль ответил, что документ пришел поздно ночью.

— Дежурный майор подумал... — Закончить Йодлю не пришлось.

— Майор подумал... — точно эхом повторил Гитлер. — Кто он? Он что, не видел, что посланный мной приказ не соответствует обстановке на Африканском фронте? — Поскольку Йодль молчал, Гитлер закричал: — Очередной пример тупости и индифферентности! Я примерно накажу его! Майора под трибунал!

Всюду в бункере слышали яростные вопли Гитлера. Офицеры и секретари вжимали головы в плечи.

Через три часа майор предстал перед трибуналом. Приговор был вынесен уже вечером: разжаловать в рядовые и отправить в строительный батальон. Козла отпущения нашли и высекли, но приказа никто не отменял.

Гитлер целый день негодовал по поводу некомпетентности своих подчиненных, но не в его натуре было отменять собственные приказы. Телеграммы от Кессельринга и Роммеля позволили ему сделать это, не потеряв лица. Если бы Роммель продолжал ждать,

все закончилось бы полной катастрофой. Его своевременный приказ спас немецкую бронетехнику от уничтожения.

«У победы много отцов, это только поражение — сирота», — написал как-то в своем дневнике итальянский министр иностранных дел, граф Галиаццо Чиано (зять дуче). В применении к войне в Северной Африке это значит: если победы под Мерса-эль-Брегой и «Белой Мечетью» у Абд-эль-Рахмана являлись победами Роммеля, то поражение под Эль-Аламейном — его поражением. Но в то же время совершенно очевидно, что с теми силами, которыми располагал Роммель осенью 1942 г., одержать победу над 8-й армией Монтгомери не смог бы ни один военачальник. Слишком неравными были ресурсы. То, что при такой расстановке сил удалось совершить войскам Роммеля за двенадцать дней битвы при Эль-Аламейне, просто невероятно. Победа Монтгомери под Эль-Аламейном была неизбежна. Но что есть победа в пустыне? На протяжении девятнадцати месяцев обе стороны выиграли и проиграли много сражений. Катастрофическими последствиями поражение Роммеля под Эль-Аламейном обязано приказу Гитлера. Невозможность начать своевременный отвод войск при подавляющем численном превосходстве бронетехники армии Монтгомери привела к тяжелым потерям в германо-итальянских частях. Танковая армия лишилась многих орудий, которые тоже в противном случае удалось бы спасти в ходе своевременного отхода и задействовать против британских танков.

Масштабы поражения Роммеля и размеры ущерба до сих пор остаются пищей для споров. Все теории спорны. Со стороны итальянцев, так же как и с немецкой стороны, потери неизменно занижались, а фельдмаршал подвергался упрекам за несвоевременный отвод войск и переход к упорному арьергардному противодействию. Но все донесения от окружения Роммеля твердо сходятся на одном — на невозможности восстановить положение до 6 ноября. Целесообразным было как можно быстрее отходить. Отступление проходило сумасшедшими темпами мимо полей сражений прошлых побед в западном направлении. Главной задачей дня стало выйти из зоны досягаемости КВВС.

Другие критики Роммеля убеждены, что он считал войну проигранной и видел единственный выход в отступлении до Триполи и затем эвакуации войск из Северной Африки. Поэтому он не хотел больше рисковать, пытаться ослабить британцев упорным сопротивлением, а вместо того позволял им быстро продвигаться, следуя за ним по пятам. Этот упрек получает особенно трагический акцент

в свете того факта, что 8 ноября Экспедиционные войска союзников генерала Эйзенхауэра высадились в Марокко и Алжире с целью последующей атаки на Тунис. Не дать Эйзенхауэру и Монтгомери соединить силы — вот что стало главной стратегической задачей командования войск стран «оси». Вполне понятно, что Рим, Растенбург и командующий немецкими войсками на юге Кессельринг настаивали, чтобы Роммель дал бой 8-й армии Монтгомери между Фукой и Тунисом. Возможно ли было это в сложившихся условиях? Мог ли Роммель в такой обстановке начать таскать каштаны из огня? Данный вопрос все еще остается без ответа.

Последний начальник службы снабжения танковой армии, подполковник доктор Мюллер, сумел сохранить часть документов, в которых содержатся точные данные о потерях под Эль-Аламейном. Доктор Мюллер любезно предоставил мне эти документы. В них как на ладони видны важнейшие аспекты современной войны, которая ведется чернилами, а не кровью, расчетами мастерских и служб тыла. Победы и поражение принимают форму таблиц и графиков. Здесь PzKpfw III не оружие в руках смелого или осторожного командира, а машина, которой на сто километров пробега требуется триста пятьдесят литров бензина. Триста пятьдесят литров! Военнослужащие корпуса снабжения просчитывали все до мельчайших деталей. В документах доктора Мюллера мы можем почерпнуть подлинный расклад по состоянию вооружения немецких танковых войск до и после сражения под Эль-Аламейном.

23 октября, когда началось британское наступление, Роммель, согласно этим данным, располагал следующим количеством бронетехники: 285 танками, 8 командирскими танками и одним самоходным орудием. К 18.00 2 декабря поступили сведения о суммарных потерях, выразившихся такими цифрами: 221 танк, 8 командирских танков и одно самоходное орудие. Таким образом, оставалось всего 64 танка, 11 из которых находились в ремонтных мастерских, а 53 были готовы к бою. В рапорте Мюллера на имя главного квартирмейстера и Роммеля мы читаем: «Тяжелые потери, понесенные по состоянию на 4 ноября, результат приказа Гитлера удерживать позиции под Эль-Аламейном. Вследствие этого приказа ремонтные мастерские оказались завалены работой. 40 поврежденных танков 5-го танкового полка пришлось уничтожить, чтобы не допустить их попадания в руки противника».

Спасение хотя бы остатков бронетехники Роммеля в значительной мере заслуга ремонтников и резервных танковых колонн.

Уинстон Черчилль отзывался о технических службах Роммеля как о столпе всех немецких побед в Африке. Он был прав.

Тактической эмблемой ремонтных служб служила голова негра с серьгой в виде зуба в левом ухе. Любой солдат в Африке, заведя ее, знал, что это ремонтники.

Но к чему все мастерство специалистов, если невозможно удерживать фронт, если поврежденные танки попадают в руки неприятеля, если оборудование мастерских приходится взрывать, потому что отступление превращается в бегство?

Проклятый Эль-Аламейн! Отчаяние охватывало солдат и офицеров, потому что небо чернело от бомбардировщиков, а пустыня кишела британскими танками!

Перед ужасами этого наступления бледнел даже испепеляющий жар солнца вместе со всеми роями мух, дизентерией и желтухой. Эль-Аламейн стал кошмаром, Эль-Аламейн стоял на пути победоносной армии в Каир. Теперь Эль-Аламейн был потерян. Он остался далеко в тылу, и солдаты больше не видели «Белой Мечети». Бесчисленное количество могил осталось там без присмотра. Как, бывало, говорили: «Вперед через могилы»? Теперь они отступали через них.

Обреченная армия

Отступления после поражения особенно тягостны. Страх и ощущение состояния «спасайся, кто может» расшатывают дисциплину, а нет ничего страшнее для армии, чем потеря дисциплины — без нее войско не войско, а толпа.

Когда наступило 5 ноября, остатки танковой армии отступали по пустыне и вдоль побережья. Целью их служили позиции Фуки в ста километрах к западу от Эль-Аламейна. Но то, в чем видели спасение, стало лишь короткой передышкой. Монтгомери атаковал разбитые германо-итальянские войска двумя сотнями танков. Роммель оказался вынужден отступать дальше, если он не хотел, чтобы армия не осталась под Фукой, чтобы там не случилось того, чего с таким трудом удалось избежать под Эль-Аламейном.

Королевские Воздушные Силы установили местонахождение штаба Роммеля путем радиоперехвата. Ковровые бомбардировки. Роммелю с Вестфалем пришлось искать убежища в «лисей норе».

Дальше и дальше... под вой бомб, по запруженным дорогам, через минные поля, у которых скапливалась техника.

Дальше и дальше! Солдаты Роммеля вскоре вновь ступили на ливийскую землю, прощаясь с египетскими прибрежными равнинами, по которым четыре месяца назад они мчались в восточном направлении к дельте Нила в трофейных английских грузовиках, заправленных британским горючим, закусывая трофейными продуктами и покуривая трофейные сигареты. Тобрук остался позади. Саперы вновь шли в арьергарде танковой армии. Они взорвали дорогу в районе Дерны, заложили мины в итальянских колониальных зданиях, сделав путь через Киренаику практически непроходимым. Солдаты отрядов подрывников суетились у дороги, остальные спешили дальше, ворча себе под нос, — ветераны Тобрука, Сиди-Резега и Эль-Аламейна. «Фольксвагены», мотоциклы, самоходные орудия, горстка танков и совсем мало восьмидесятивосьмимиллиметровок. Можно перекурить... Проходили колонны, за ними шли другие.

— Кто за вами?

— Никого, только томми.

— Тогда пошли, — приказал саперный офицер. Вместе с арабскими дорожными рабочими под командой итальянского сержанта саперы взрывали дороги. Затем делались обычные дела: смерть укладывалась в шахматном порядке. Но саперы Роммеля изобретали новые трюки. Несколько дней ими командовал генерал Буловиус — прежний командующий инженерно-саперными войсками армии, полковник Гекер, свалился с желтухой и дизентерией.

В новых ловушках проявлялась адская изобретательность. Первый пояс выглядел обычно — обыкновенные мины, закопанные на дороге. Хорошо видимые углубления, расставленные в шахматном порядке. И то же самое в пяти метрах впереди, и снова дальше в пяти метрах. Но в углублении лежали только кучи жестянок или немецкая «Т-мина» без взрывателя.

Подъезжала английская передовая часть, и экипаж головной машины разведки замечал углубления. Остановка. Миноискатели! Британские саперы с похожими на метлы наинovelейшими миноискателями принимались за работу. Они обшаривали дорогу, и сигнал предупреждал их о присутствии металла. Осторожно специалисты проходили лунку за лункой, не находя в них ничего, кроме жестянок. После четвертого ряда траление начинало казаться пустой тратой времени. Британцы влезали в свои машины и еха-

ли дальше. Через двадцать метров они нарывались на настоящие мины. Взрывы, крики, потери.

После этого колонна останавливалась уже перед каждой ямкой на своем пути. Вновь начинали проверять и снова, находя лишь муляжи, останавливали казавшуюся ненужной работу. Опять то же самое — настоящие мины и смерть. Каирское радио сообщало: «На своем пути 8-я армия почти не встречает сопротивления, но сталкивается с огромными трудностями, вызванными действиями немецких саперов».

Любой, под кем во время отступления оказывалось сиденье, мог считать себя счастливым. Пехоте, конечно, не везло больше всех. Приходилось топтать пешком. Недостаток транспорта у танковой армии сыграл пагубную роль в процессе отхода германо-итальянских войск от Эль-Аламейна. Для Роммеля вопрос стоял так: должен ли он предоставить пехоту ее судьбе или спасти за счет перегрузки техники моторизованных частей, что сделает их неспособными вести маневренные боевые действия? Поскольку не представлялось возможным увезти всех итальянских пехотинцев, Роммель, естественно, не мог посадить на машины немецкие пехотные части — даже ударные войска, такие, как парашютная бригада Рамке. Более того, даже для такой части особого назначения не хватило бы транспорта.

— Нам придется списать парней Рамке, — сказал Роммель, получив донесение о том, что итальянский 10-й корпус на юге Аламейнского фронта разгромлен и солдаты его взяты в плен. Случившееся застало командующего врасплох.

Все еще не утихают споры о том, должен ли был Роммель выделить транспорт парашютистам и спасти важную часть особого назначения. Генерал Рамке придерживался именно такого мнения и позднее сетовал Герингу на то, что это не было сделано. Можно лишь сожалеть о поспешности принятия Роммелем такого решения, но отчеты подполковника доктора Мюллера свидетельствуют о том, что в распоряжении Рамке находился значительный колесный парк и по меньшей мере часть своих людей он мог снабдить транспортом. Во всеобщем хаосе грузовики уезжали, не дожидаясь солдат с передовой. Батальонные и ротные командиры тоже покидали позиции, но парашютисты продолжали бороться. На немногих «Фольксвагенах» и мотоциклах они 3 ноября пустились в путь. Артиллерийский дивизион майора Фенски прикрывал их отход и отбил атаку британской бронетехники. Рация бригады вышла из строя. Колонна водовозов не прибыла, а полевые кухни из-за не-

хватки тягачей пришлось взорвать. У каждого военнослужащего осталось по четверти литра воды на сто километров пути к Фуке.

Старый головорез, майор Буркхардт, возглавлял арьергардный батальон. Он взял под свое крыло подразделение итальянской артиллерии и так беспрепятственно отвел своих людей на запад. Он был везучим командиром, ветераном, но везение — штука непостоянная. Он попал в плен. Несколько его солдат, однако, просочились через британские позиции, починили старый немецкий «Цундопп» и, продвигаясь ночью и прячась днем, на тринадцатый день пути добрались до оазиса Сива. Тут и их одиссея подошла к концу. Самое обидное и досадное, что в итоге Гейнца Фридриха и двух его товарищей захватила египетская полиция. Впереди их ждали пять с половиной лет неволи — судьба многих.

Майора Фенски с его артиллеристами она настигла раньше, чем группу Буркхардта. В ходе сражения с британской бронетехникой, во время которого они защищали свои позиции до последнего снаряда, британцы взяли их в кольцо. Такая же участь досталась лейтенанту Газендеру из противотанковой роты парашютной бригады, но большая часть парней Рамке прорвалась. Более того, ночью в районе Фуки они засекли британскую транспортную колонну и подползли к противнику с автоматами и пистолетами.

Прежде чем сопровождавшая колонну британская бронетехника успела что-либо предпринять, дело было сделано. Противотанковая пушка держала бронетехнику на расстоянии, а «зеленые дьяволы» дали деру в британских грузовиках. Они нашли прекрасную добычу, не говоря о грузовиках. В кузовах находился бензин, вода и консервы — от тушенки до ананасов. И сигареты... ребята Рамке угнали колонну снабжения целой танковой части.

— Кто это там едет? — спросил примерно в десять часов в тот день Роммель, находившийся в своем тактическом штабе на прибрежной дороге за Мерса-Матрухом. Вестфаль приставил бинокль к глазам и стал разглядывать тучу пыли в пустыне. Появился легковой автомобиль. Обросший бородой, покрытый грязью и пылью генерал Рамке доложил о прибытии своей бригады.

Роммель, забыв о всех своих неприятностях, приветствовал шесть сотен парашютистов. Они с боями прошли триста километров по пустыне. Боевое ядро из решительных людей вписало еще одну яркую страничку в истории войны.

Но было много солдат, отбившихся от своих частей.

Обер-ефрейтор врач Отто Бухингер бросился за маленькую песчаную дюну, увидев эскадрилью «Харрикейнов», которая пром-

чалась над ним на бреющем полете. Секунду спустя он услышал грохот взрывающихся бомб и треск авиационных пушек — штурмовики обрабатывали аэродром. В последнее время подобные налеты повторялись по нескольку раз в день. Палатка Бухингера стояла отдельно в низине. Вокруг — никого. Унтер-офицер Отто Боддин увез последних раненых на санитарной машине. Обер-ефрейтор Кёниг уехал на зенитную батарею на мотоцикле.

— Постарайся достать вездеход или легкий грузовик, — напутствовал его Бухингер, — чтобы вывезти медикаменты и палатку.

Ему не хотелось попасться в руки к наступавшим томми. Монтгомери продвигался с огромной скоростью, преследуя войска Роммеля на пути к Фуке. Его армия следовала по пятам за немцами, не давая им времени перегруппироваться и закрепиться для обороны — даже в Фуке. Похоже, британское Главное командование полностью представляло себе, в сколь плачевном положении находится Роммель. Можно было предположить, что пленные офицеры, утратив твердость духа после поражения, на допросах выложили британцам подробную информацию о крушении танковой армии. На основании данных воздушной разведки Монтгомери тоже, конечно же, знал о том, насколько ограничена ударная мощь противника. В любом случае стремительность британского продвижения не могла не пугать и заставляла Роммеля, который вынашивал надежды на быстрый выход на позиции в районе Фуки, проследовать мимо нее. Монтгомери не отставал. 580-й разведывательный батальон, оставшийся в Фуке под командованием капитана Фосса, оказался в сложном положении.

Врач Бухингер, находившийся в дюнах за аэродромом Фуки, естественно, ничего о решении Роммеля не знал. Как не знал и о том, что последних мотоциклистов, с которыми он мог бы уехать, настигли истребители-бомбардировщики, и они лежали теперь на дороге в Мерса-Матрух. Все, что знал Бухингер, это то, что британцы должны быть где-то совсем рядом.

Штаб-фельдфебель Кроль с зенитной батареей, прикрывавшей аэродром, приехал сегодня утром на мотоцикле и сказал:

— Доктор, — они все называли Бухингера доктором, — мы без вас не уедем. Мы пришем за вами автомашину.

Затем Кроль укатил обратно на аэродром. Вскоре прилетели британцы, и Бухингер слышал только выстрелы легких зениток.

«Это интересно», — подумал он, но напрасно беспокоиться не стал, а просто сидел и ждал. Он не слышал и не видел, как разбомбили 4-ю зенитную батарею лейтенанта Шмидта, как Кроль, кусая

губы, отдавал поспешный приказ об отступлении, не видел, как сгорел тяжелый грузовик со всем грузом, как в итоге Кроль с остатками 4-й батареи бежал, забыв обо всем, в том числе и о Бухингере.

Когда врач поднялся на дюну и, приставив ладонь козырьком к глазам, посмотрел вдаль, он увидел смотревший в небо ствол 88-мм пушки. Он находился слишком далеко и не мог понять, что она выведена из строя и брошена. В пустыне воцарилась тишина.

Флаг с красным крестом лениво колыхался от дуновений бриза, обычно всегда в это время дувшего с моря. «В Бад-Пирмонте сейчас осень, холодно и сыро», — подумалось Бухингеру. Пирмонт... здание пользующегося приличной репутацией санатория Бухингера, основанного отцом Отто. Но что толку в хорошей репутации в немецкой провинции, если местный гауляйтер усмотрел идеологическую неблагонадежность в семейных документах? В результате в армейских бумагах врача Отто Бухингера-младшего, несмотря на положительные характеристики, опыт планериста и прекрасный послужной список, стояла запись: «Не годен к производству в офицеры». Вот почему врач Отто Бухингер, сын участвовавшего в Первой мировой войне генерала медицинской службы, сделался сначала водителем автомашины, потом, после нескольких смелых боевых рейдов, водителем санитарной машины и ефрейтором и, в конце концов, обер-ефрейтором. Но — и именно затем я рассказываю тут эту историю так подробно — у Роммеля в Африке люди обращали мало внимания на идеологию и заявления гауляйтеров в фатерлянде. Изменить приказ было нельзя, но его можно было не выполнить или обойти. Таким образом, врач Бухингер, награжденный за храбрость Железными крестами 1-го и 2-го класса, носил погоны лишь обер-ефрейтора. Но командир 6-го зенитного полка и дивизионное медицинское начальство из 19-й дивизии ПВО сделали его врачом особой полевой службы. При виде Бухингера каждый офицер или солдат, включая командиров 90-й легкой дивизии и 19-й дивизии ПВО, приветствовал врача в погонах обер-ефрейтора с особенной теплотой.

В своей палатке за аэродромом Фуки доктор Отто Бухингер взялся за полевую телефон, чтобы связаться с зенитчиками. Аппарат молчал. Так и не дождавшись ответа, доктор вышел и увидел в дюнах машины разведки, двигавшиеся к прибрежной дороге, и танки с круглыми башнями.

— Британцы! Надо пошевелиться, — сказал сам себе Бухингер. Он быстро собрал все медицинское снаряжение, вынес из палатки, положил поверх британскую влагонепроницаемую просты-

ню и облил все бензином. Прежде чем покинуть место, он бросил горящую спичку в лужицы бензина. На протяжении целого часа, оглядываясь назад, врач видел столб черного дыма, поднимавшийся из дюн около Фуки.

Он шел параллельно прибрежной дороге, озираясь, не видно ли неприятеля. Ночью доктор находил пристанище в маленьких вади. Китель служил ему и матрасом и одеялом. На западе в ярком лунном свете он видел вспышки артиллерийских выстрелов и «новогодние елки», сбрасываемые бомбардировщиками. Сражение догоняло доктора. Он шел, хотя мог и не делать этого. Но у немецких экспедиционных войск имелся свой образ жизни и свои понятия о товариществе. Не стоит забывать, что у Роммеля в Африке не было четырех вещей: СС, расстрелов заложников, политических промывок мозгов и борделей на передовой. На других фронтах действовали другие правила. Кроме того, в Африке существовала самая строгая форма того, что мы обычно понимаем под избитым словом «долг». Врач в звании обер-ефрейтора, несмотря на все унижения, которые ему пришлось перенести дома из-за неуместного рвения партийных лидеров, выполнял свой долг, потому что танковая армия «Африка» являлась для него не режимом, а лучшей частью Германии. Поэтому он шел к своим товарищам, спал в пещерах или в песке и через четыре дня, перед Мерса-Матрухом, в конце концов повстречал немецкую машину разведки. Счастливая встреча. Большой глоток кофе из фляжки и совет не идти в город по дороге, поскольку на тех, кто передвигался по ней, время от времени нападали британские истребители. Приятное путешествие. Когда на обочине дороги около Мерса-Матруха доктор стал махать немецким пехотинцам, они в ответ принялись что-то показывать ему жестами. Поравнявшись с ними, он узнал, в чем дело. Ему повезло — он прошел через минное поле, только что поставленное немецкими саперами. Добрый ангел, должно быть, направлял стопы доктора. Он оказался в составе 90-й легкой дивизии и принимал участие в арьергардных боях. Дорога лежала все дальше и дальше на запад.

Прибытие Эйзенхауэра

«Иногда высокая репутация военного становится не преимуществом, а недостатком. Человек обычно знает свой потолок, тогда как остальные ждут чудес и приписывают любое поражение зло-

намеренности». В этих написанных Роммелем словах чувствуется огромная усталость и обреченность. Он знал, что разгром под Эль-Аламейном не есть следствие невезения или его собственной некомпетентности, а результат того, что в Риме и Растенбурге неизменно игнорировали его просьбы, требования и предостережения. Монтгомери прорвал немецкий фронт потому, что 8-я армия обладала численным превосходством и лучшим снаряжением, а сверх того, авиация ее господствовала в воздухе в районе боев. Становилось очевидным, что никакая храбрость и отвага наземных войск не изменит положения, когда самолеты противника неизбежно висят над головой. На ум приходят два примера: Эль-Аламейн в 1942 г., наступление в Арденнах в 1944 г. В обоих случаях жизненно важные танковые войска уничтожались и их действия парализовались господствовавшей в небе авиацией врага.

В Африке Роммель потерпел не одну неудачу, но всякий раз поднимался и обращал поражение в победу. Однако он понимал, что разгром под Эль-Аламейном есть нечто больше, чем просто проигранная битва. Он осознал, что проиграл кампанию в Северной Африке. Он еще глубже укрепился в этом мнении, когда 8 ноября узнал о высадке американцев в Марокко и Алжире.

Теперь восемьдесят тысяч американцев и двадцать пять тысяч томми вознамерились расколоть ослабевшую армию Роммеля клиньями гигантских «клещей» — поставить на колени немецких солдат танковой армии «Африка». Преодолев незначительное противодействие французов, американский главнокомандующий генерал Эйзенхауэр осуществил высадку войск и выгрузку орудий и самолетов на северо-западном и северном побережьях Африки. Путь оттуда в Тунис, Триполи или Тобрук был долгим, но это являлось лишь вопросом времени. Кто мог остановить американцев? На протяжении полутора лет Берлин и Рим не давали Роммелю достаточно войск, техники и предметов снабжения, чтобы он мог разгромить одну британскую армию. Теперь же в Африке действовали две вражеские армии.

В ночь с 8 на 9 ноября 1942 г. Роммель сидел в бронемашине генерала Лунгерсхаузена, командира 164-й легкой дивизии. Находившаяся рядом передвижная рация передавала традиционную речь Адольфа Гитлера из пивной в Мюнхене. Фюрер говорил о победе. Тем временем в Капуццо солдаты 90-й и 164-й легких дивизий и Африканского корпуса в изнеможении лежали на песке в пустыне. Когда появилась 2-я рота 220-го инженерно-саперного батальона, фельдфебель Олер доложил:

— Рота в составе двадцати восьми человек прибыла в ваше распоряжение.

Полгода назад она, полностью укомплектованная и снаряженная, поступила с Крита.

Фюрер в Мюнхене не замечал подобных вещей, но их не мог не замечать Роммель. С огромной горечью говорил он в ту ночь Лунгесхаузену о своих опасениях и страхах:

— Кампания в Африке проиграна. Если в Риме и Растенбурге не поймут этого и не примут мер к спасению моих солдат, тогда одна из храбрейших немецких армий отправится в длинный путь в лагерь военнопленных. Кто тогда защитит Италию от вторжения?

Данный вопрос более всего беспокоил Роммеля, в голове которого уже начал складываться смелый план африканского Дюнкерка. Весь морской транспорт и все суда, которые итальянский ВМФ мог выделить для обеспечения сопровождения, нужно задействовать для спасения солдат. Командующий обсуждал это с полковником Вестфалем, а также с Байерляйном и совершенно ясно изложил свои соображения адъютанту Берндту — фанатичному нацисту. Он рассуждал вот в каком ключе:

— Какое значение имеет снаряжение, которое нам придется бросить? В основном оно состоит из трофейных британских военных материалов. Остальное — металлолом. Но сто пятьдесят тысяч солдат и офицеров, семьдесят тысяч из которых закаленные ветераны, могли бы выигрывать сражения в Сицилии или на юге Франции и спасти нас от разгрома.

Роммель не боялся заявлять перед своими офицерами, что британская эвакуация из Дюнкерка в 1940 г. являлась не просто сама по себе великолепной акцией с точки зрения организации, но и была смелым и дальновидным решением, хотя в Германии Геббельс назвал ее «позорным бегством». Что случилось бы с Великобританией, если бы она не вывезла своих солдат, сержантов и офицеров из Дюнкерка для того, чтобы создать потом новую армию для новых сражений?

Но у Германского верховного командования всегда не хватало храбрости отважиться на стратегическое отступление, что, несомненно, повлияло бы на исход войны. Такое заявление может показаться парадоксальным, но оно верное. И расплата за ошибки была горькой.

6 и 7 ноября 21-я танковая дивизия понесла серьезный урон от действий вражеской бронетехники в районе Фуки, после чего у нее осталось только четыре из тридцати танков, уцелевших после битвы при Эль-Аламейне.

Вторым дивизионом перегруппированного 2-го артиллерийского полка «Африка» под Эль-Аламейном под командованием капитана Дювала де Наварра было пожертвовано как арьергардной частью под Триг-Капуццо. Уцелело сто человек.

Закаленную в боях 3-ю батарею 606-го зенитного дивизиона, оказывавшую стойкое сопротивление под Фукой, противник смял и уничтожил. Дивизион практически перестал существовать — гибели или плена избежала только транспортная группа, возглавляемая лейтенантом Дани.

Неутомимые ударные войска, такие как штабная боевая группа командующего, состояли теперь только из вымотанных и полумертвых людей. И все же они продолжали пробиваться из окружения.

В те последние ноябрьские дни 90-я легкая дивизия генерала графа Теодора Шпонек блестяще сдерживала атаки численно подавляюще превосходящего противника, прикрывая отступление германо-итальянских войск.

Только благодаря мастерству своего командира 90-я легкая смогла избежать разгрома на перевале Хальфайа. Когда итальянский батальон сложил оружие, на перевал получила возможность прорваться целая британская танковая бригада. Но граф Шпонек, отправившийся на разведку, своевременно засек неприятельскую бронетехнику, поднял по тревоге дивизию и успешно развернул ее против наступавшего противника.

Однако перевал Хальфайа, трижды переходивший из рук в руки, теперь был безвозвратно потерян.

Осталась позади Газала, где шли бои в 1941 и 1942 гг. Они отступали тропами мимо Эль-Мехили, миновали Бенгази — Киренаика была потеряна. К 13 ноября головные части разбитой армии Роммеля прошли уже больше тысячи километров. Передовые войска вышли на позиции Мерса-эль-Брега. Теперь Роммель находился в старой отправной точке своих наступлений — на исходной позиции, с которой его солдаты дважды стартовали в марафонах к берегам Нила. Станут ли вновь Эль-Агейла и Мерса-эль-Брега поворотным пунктом? Теперь все было по-другому. Две даты и два места оставили свой след в тех африканских событиях: 24 ноября — Арко-дей-Филени и 28 ноября — Растенбург.

24 ноября в Арко-дей-Филени, у своего рода ворот, разделяющих Киренаику и Триполитанию, состоялось совещание между Роммелем, Кессельрингом и итальянскими маршалами Бастико и Кавальеро.

— Нужно удержать позиции в районе Мерса-эль-Бреги. Необходимо провести немедленные приготовления для нового наступления против Восьмой армии.

Этого требовал Муссолини. Но Роммель не соглашался. Он разъяснил итальянским маршалам обстановку и потребовал немедленной эвакуации из Триполитании. Кессельринг тщетно пытался выступить в роли посредника. Роммель больше не питал надежд на победу в Африке. Он видел, с каким громадным трудом удалось ему привести войска на позиции Мерса-эль-Бреги. Не раз полковнику Байерляйну, руководившему в те недели действиями Африканского корпуса, приходилось принимать нелегкие решения. Нужно или можно ли удерживать ту или иную точку или, может быть, пора уже уносить ноги, чтобы не оказаться зажатым в британские клещи? Монтгомери в своих мемуарах выражает восхищение тем, как войскам Роммеля снова и снова удавалось в последний момент выскочить из «горлышка бутылки». Сколь высока была ответственность и трудна задача, видно из того факта, что Байерляйну, одному из наиболее доверенных людей и соратников Роммеля, когда тот однажды поступил вразрез с приказом фельдмаршала, он даже угрожал судом трибунала.

Роммель считал разумным лишь одно решение: со всей возможной скоростью отступить в Триполи или в Тунис, чтобы спасти армию путем эвакуации на Европейский континент.

27 ноября пилоты Роммеля получили приказ: «Транспортная машина и самолет сопровождения должны быть готовы к взлету из Арко-дей-Филени ночью 28 ноября». Из журнала радиста, штабфельдфебеля Рихарда Гане, следует, что Гизен приземлился в Арко-дей-Филени после того, как британские бомбардировщики сбросили последние зажигательные бомбы. Роммель прибыл на летное поле спустя пятнадцать минут. В 02.50 они взлетели и отправились в ставку Гитлера, «Волчье логово» под Растенбургом. Роммель хотел посетить фюрера без предупреждения и добиться от него разрешения на эвакуацию войск из Африки. Прежде чем решиться на этот полет, он имел продолжительный разговор с Вестфалем, в котором они взвешивали все «за» и «против». Роммель предполагал спасти значительную часть армии для продолжения боев на континенте.

— Я никого не хочу видеть, Гизен, — коротко бросил Роммель, перед тем как они сели в Гроттгалье около Таранто. Штабфельдфебель Гане закрыл шторы иллюминаторов. Пока они совершали дозаправку, Роммель оставался на месте, сидя с закрытыми

глазами. Он или спал, или прокручивал в мозгу доводы, с помощью которых будет отстаивать свою точку зрения у Гитлера. Адъютант Роммеля, Берндт, внимательно изучал старые номера «Оазиса» — газеты танковой армии.

В 08.15 они приземлились в Винер-Нойштадте, где Роммель ненадолго заглянул домой повидаться с женой, и четыре часа спустя вновь находился в самолете. В 15.15 машина села на аэродроме возле ставки фюрера. Штабной автомобиль отвез Роммеля через дубовый лес в «Волчье логово» Гитлера. Охранник у вторых ворот отдал честь, поднял шлагбаум, машина поехала по главной дороге, свернула влево и остановилась у бункера, где размещался фельдмаршал Кейтель. В беседе, длившейся около часа, Роммель обрисовал обстановку в Северной Африке и высказал свое предложение о выводе оттуда войск. Кейтель, Йодль и главный адъютант Гитлера генерал-майор Шмундт слушали молча и с интересом. Казалось, они готовы согласиться с точкой зрения Роммеля. Отправляясь на встречу с Гитлером, фельдмаршал был полон оптимизма. На совещание к фюреру его вызвали в 18.00.

Гитлер ждал Роммеля не один. При нем находился Геринг.

— Как дела в Африке? — спросил Гитлер.

Роммель изложил причины, которые позволили британцам прорвать фронт при Эль-Аламейне:

— Они располагали лучшими военными материалами, более мощной артиллерией, имели превосходство в танках, и их ВВС господствовали в воздухе. — Роммель продолжал, объясняя, почему после британского прорыва он не может предпринять наступления. — У нас нет горючего, — так звучал главный аргумент Роммеля.

— Но ваши грузовики и бронемшины с бегущими солдатами сотнями проезжали по прибрежной дороге. На это у них горючего хватало! — воскликнул Геринг.

Гитлер посмотрел на Роммеля, но не сказал ни слова.

Роммель:

— У нас нет также и боеприпасов.

Геринг:

— И тем не менее вы оставили десять тысяч артиллерийских снарядов в Тобруке и Бенгази.

На щеках Роммеля выступил румянец. Что было делать? Спросить Жирнягу: «А на чем мне было их везти? Как доставить их к орудиям?» Гитлер продолжал молчать. Он что, нарочно устроили весь этот фарс, поменявшись ролями с Герингом?

— Кроме того, у нас недостаточно оружия, — твердо произнес Роммель.

— А что случилось с оружием? — поинтересовался Геринг. Он сделал небольшую паузу в театральной манере и продолжал, возвысив голос: — Оружие было брошено во время бегства.

Тут, точно они срепетировали роли заранее, в разговор вступил Гитлер:

— А любой, кто бросит оружие, заслуживает того, чтобы сгнить.

Роммель, красный как рак, вскочил со стула.

— Мой фюрер... — начал он, но Гитлер стукнул кулаком по столу и повторил:

— Любой, кто бросит оружие и у кого больше нет оружия для того, чтобы защищаться, должен быть брошен и должен гнить.

Призрак Сталинграда незримо присутствовал в помещении. Сталинграда, который противник окружил десять дней назад, 19 ноября. Сталинграда, который Гитлер, вопреки всему здравому смыслу, пытался удержать. И вот теперь кто-то говорит об отступлении из Африки?

— Никогда! — закричал Гитлер, поворачиваясь к Кейтелю. — Какое вооружение есть у нас в Неаполе?

— Шесть тысяч винтовок, готовых к транспортировке, мой фюрер.

— Отправьте их немедленно.

Но Роммель приехал в Растенбург не за шестью тысячами винтовок.

— Для чего они нужны, мой фюрер? — Затем, несмотря на угрозу в тоне Гитлера, он начал развивать свою теорию о том, что после высадки союзников в Марокко и Алжире удержать Северную Африку будет невозможно. — Позвольте мне передислоцировать танковую армию в Италию, где бы она могла защищать континент от предполагаемого вторжения войск Эйзенхауэра, — взмолился Роммель.

Но Гитлер холодно проговорил:

— Я больше не желаю слышать этот вздор из ваших уст. Мы будем защищать Северную Африку так же, как и Сталинград. Армию вторжения Эйзенхауэра надо разгромить у парадного входа в Италию, а не в сицилийском вестибюле.

Звучало это хорошо. Героически. Кроме того, было совершенно правильно, при условии, что в Африку будут посланы войска, бронетехника и самолеты в достаточном для выполнения за-

дачи количестве. Однако того, что за истекшие двадцать месяцев было туда отправлено, не хватило для разгрома одной вражеской армии, тогда как теперь их там действовало уже две. Все эти почти два года в Растенбурге рассматривали кампанию в Северной Африке как какую-то колониальную экспедицию, а не как ТВД, на котором могут предприниматься действия, способные оказать влияние на судьбу Европы.

Роммель попытался продолжить, но Гитлер велел ему умолкнуть.

— Мы будем оборонять Северную Африку и не станем эвакуировать отсюда войска. Это приказ, господин фельдмаршал!

«Это приказ, господин фельдмаршал!»

Да, Адольф Гитлер знал магическое воздействие этих слов. Он умел руководить своими маршалами.

Это приказ...

По традиции прусских военных Роммель принял данный догмат, против которого не существует доводов. Он подчинился неохотно и с тяжелым сердцем.

Начиная с того момента, его вера в фюрера померкла, а вместе с этим Роммеля покинула и военная удача. Выжатый, безразличный ко всему, он без надежды трясся в специальном поезде вместе с Герингом по дороге в Рим. Рейхсмаршал хотел взяться за дело лично — встретиться с Муссолини, Кессельрингом и итальянским главнокомандованием.

— Чтобы, — сказал он, расплываясь в улыбке, — обеспечить дальнейшую оборону Африки.

После многих пустопорожних разговоров, во время которых щедро раздавались пустые обещания, Роммель вылетел к армии, находившейся в районе Мерса-эль-Бреги. Здесь, у километрового столба перед Эль-Агейлой, двадцать месяцев назад началась для Африканского корпуса война. Здесь одерживалась первая победа. Здесь они остановились после поражения в ноябре 1941 г. И отсюда вновь стартовали верные дивизии в январе 1942 г., чтобы проложить себе путь к воротам Александрии. А теперь их опять отбросили к судьбоносной точке на границе с Киренаикой. Суждено ли будет знаменитому километровому столбу у Эль-Агейлы в третий раз сделаться исходной вехой для нового победоносного наступления на Египет? Войска Роммеля надеялись на это. Но в то время как солдаты боевой группы Гайде на восточной оконечности Ливийской пустыни сражались против острия наступления 8-й армии

Монтгомери и удерживали передовую на позициях Бреги, с другой стороны, в Тунисе, уже началась вторая Североафриканская война.

Ранним утром 8 ноября генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр — имя, которое многие из немцев услышали тогда впервые, — с большим флотом вторжения появился в виду Касабланки, Орана и Алжира, после чего благополучно осуществил высадку своих штурмовых частей. Дивизии его прибыли частично с территории Англии и частично из США. Рузвельт и Черчилль окрестили эту смелую акцию операцией «Торч». Я сказал смелую? Следовало бы назвать ее рискованной, поскольку Марокко, Алжир и Тунис принадлежали французам, а Франция подписала с Германией перемирие и не считала себя находившейся в состоянии войны с ней. Маршал Петэн, глава французского государства, и его премьер-министр Лаваль встали на путь франко-немецкого сотрудничества. За свое «сотрудничество» они получили от Гитлера заверения в том, что им будут в неприкосновенности оставлены их Североафриканские территории. Гарнизоны на этих территориях состояли из французских солдат.

Британские и американские тайные агенты провели хорошую подготовку к высадке. Они склонили на сторону союзников французского командующего в Алжире, генерала Жюэна, которого выпустили из немецкого плена как надежного сторонника Петэна. Генерал был готов нарушить приказы главы государства и перейти на сторону войск Эйзенхауэра. Но поскольку самые блестящие планы иногда проваливаются, совпадение сорвало и замыслы Жюэна. В день высадки адмирал французского флота Дарлан оказался в Алжире, где навещал заболевшего полиомиелитом сына. Его личная драма послужила началом политической трагедии со зловещими последствиями.

Неожиданное присутствие Дарлана выразалось в том, что временно командующим вместо Жюэна оказался он. Лондон и Вашингтон пришли в ужас. Дарлан был настроен в пользу немцев и ненавидел как британцев, так и американцев. Случилось самое худшее, чего боялись в Лондоне и в Вашингтоне. Дарлан приказал оказать вооруженное противодействие вторжению. Напрасно генерал Жюэн пытался привлечь на свою сторону офицеров — лишь горстка их последовала за ним. Подавляющее большинство французских войск встретили солдат Эйзенхауэра огнем. Вместо теплой встречи, на которую рассчитывали американцы, взявшие с собой полковой оркестр, два британских эсминца отправились на дно в гавани Алжира. В г. Оране один из штурмовых батальонов 1-й американской танковой дивизии понес огромные потери от действий

французской морской пехоты, и еще два эсминца были потоплены вместе со своими командами. После двадцати четырех часов американцы, однако, сломили сопротивление французов.

В Касабланке дела Эйзенхауэра пошли еще хуже. Здесь британская разведка тоже сумела заручиться расположением французского командира Бетуара. Но опять все пошло не так, как замышлялось. Постоянный представитель, генерал Ногэ, сохранил верность Петэну, арестовал Бетуара и приказал отразить вторжение. Американским судам пришлось пустить на дно семь французских кораблей, прежде чем удалось высадить десант. Тысяча французов погибла на берегу и в море, но генерал Ногэ продолжал сражаться¹. Пессимисты в Лондоне предсказывали катастрофу. Они опасались, что смерти в Касабланке, Оране и Алжире могут послужить основой для франко-немецкого военного альянса. Все висело на ниточке. Прекрасно проведенный дипломатический удар положил конец кризису. Опасный Дарлан, смешавший карты Рузвельта и Черчилля, сделался безвредным — и даже более того — «обратился».

Черчилль всегда сознавал опасность этого антибритански настроенного адмирала. Незадолго до вторжения британский премьер сказал Эйзенхауэру, что было бы очень полезно склонить Дарлана на сторону союзников. Черчиллю долго ждать не пришлось.

Адмирал Дарлан всю вторую половину дня и половину ночи 8 ноября провел за совещательным столом. Затем он навестил больного сына. Усталый, он прилег на диван, когда раздался телефонный звонок. Офицер попросил адмирала немедленно связаться с генералом Жюэном. Нечто очень и очень срочное — дело государственной важности.

Дарлан, измученный и ни о чем не подозревавший, отправился на встречу с Жюэном. У бывшего генерального консула Соединенных Штатов Роберта Мерфи зародился блестящий замысел заманить адмирала к генералу Жюэну и там арестовать. План удался.

¹ Вишисты, войска которых дислоцировались в Марокко, потеряли около 3000 человек, а американцы — 700 убитыми и ранеными; эти данные из мемуаров генерала Паттона, который командовал оперативно-тактической группой в Марокко; у него все выглядит не так, как у данного автора, который представляет сопротивление вишистов как некую катастрофу для союзников. Совершенно очевидно, что французы, не располагавшие ни авиацией, ни бронетехникой, были бы в короткий срок полностью разгромлены, что становится понятным из сравнения данных по потерям. Касабланка капитулировала в последний момент, когда бомбардировщики уже висели в воздухе, а судовая артиллерия наводила на город орудия главного калибра. — *Прим. пер.*

Что именно произошло той ночью, никогда официально не записывалось. В мемуарах Черчилля можно прочитать, что Дарлан, осознав, что попал в западню, повернул к Мерфи красное лицо и бросил: «Я давно знал, что британцы глупы, но всегда думал, что американцы умнее».

Как ни странно, но в ту же самую ночь стали поступать приказы за подписью адмирала Дарлана о прекращении французского противодействия. Об этих приказах услышал Гитлер. Поскольку он ничего не знал о западне, в которую попал адмирал, он приписал все предательству Дарлана. Подозрения фюрера пали на престарелого маршала Петэна. В ярости Гитлер приказал занять прежде остававшуюся не оккупированной зону Виши. Это было какое-то короткое замыкание: теперь маршал Петэн в глазах всего мира становился главой марионеточного государства, который больше не управляет свободной территорией, старым дураком, военнопленным, действующим под угрозой немецких штыков.

К несчастью, Гитлер также вынудил Петэна вынести смертный приговор «предателю Дарлану». Теперь уже пришедшему в замешательство адмиралу волей-неволей приходилось поддерживать союзников.

Обсудив вопрос с Мерфи, Эйзенхауэр собственной персоной отправился на встречу со «злым негодяем», как охарактеризовал Черчилль адмирала Дарлана несколько недель назад, и, предоставив великодушные заверения, склонил адмирала на сторону западных держав. Таким образом, официальный главнокомандующий французскими войсками сделался союзником Эйзенхауэра. Великолепный «бросок в корзину» со стороны англосаксонской дипломатии. Человек, которого британцы и американцы несколько дней назад называли предателем, фашистом и гнусным бандитом, стоил для Эйзенхауэра больше, чем армия.

Адмирал честно играл трагическую роль, но в канун Рождества был убит при загадочных обстоятельствах. Через сорок восемь часов его убийца предстал перед судом трибунала и был расстрелян. Уинстон Черчилль пишет в своих мемуарах: «Убийство Дарлана, хотя и являлось преступлением, освободило союзников от неприятной обязанности сотрудничать с ним и вместе с тем оставило им все преимущества, которые это сотрудничество дало в жизненно важные часы высадки союзнических войск».

Итак, невероятное стало реальностью — англо-американская армия находилась в тылу у Роммеля.

В отличие от Муссолини, Гитлер не ожидал высадки в Северной Африке и не предпринял шагов к ее предотвращению. Утром 8 ноября Геринг все еще пребывал в убеждении, что целью обнаруженного флота вторжения союзников является Южная Франция.

— Пусть приходят, — сказал он.

Они пришли, но не туда, где их ожидали. Телефонные провода между Берлином и Растенбургом и между ставкой фюрера и Кессельрингом в Риме накалились добела.

— Какие сухопутные силы вы можете послать в Тунис, Кессельринг? — спросил Гитлер главнокомандующего немецкими войсками на юге.

— Горстку парашютистов и свою штабную роту, — ответил Кессельринг.

— Пошлите все, что можете, — взмолился фюрер.

Соревнование за Тунис

11 ноября на итальянских аэродромах Неаполя и Трапани отмечалась необычная активность, которой тут не наблюдали уже давно. Сорок Ju-52 поднялись в воздух с ценным грузом на борту. Кессельринг приказал отправить в Тунис 5-й парашютный полк под началом подполковника Коха. Фельдмаршал предполагал создать плацдарм и предотвратить захват союзниками города с 220 000 жителями.

Горстка молодых храбрецов отправлялась в Африку на древних «Юнкерсах». Никому из них не перевалило за двадцать, а самым опытным унтер-офицерам исполнилось не больше двадцати одного. Все офицеры имели опыт участия в боевых действиях, поскольку полк Коха был сформирован из штурмового планерно-десантного полка Мэйнля. За спиной у них остались Льеж и Крит. После переформирования в Гроссборне полк передислоцировали во Францию для подготовки к вторжению на Мальту. Но операция так и не стартовала.

В Тунисе самолеты приземлились один за другим так, точно прилетели на аэродром Темпельгоф. Парашютисты могли обойтись без своих «зонтиков», поскольку Кессельринг и два проворных дипломата с Вильгельмштрассе — посол Рудольф Ран и генеральный консул Фридрих Мёльгаузен — отомстили американскому коллеге Мерфи за трюк с Дарланом. Рана в Северную Африку направило из Берлина Министерство иностранных дел как «политического

представителя» в Тунисе. Будучи экспертом по части французских проблем, он должен был послужить своего рода политическим пожарным. Рану удалось уговорить французского постоянного представителя, адмирала Эстева, сохранить нейтралитет.

По приказу командующего ВВС Туниса полковника Гарлингсгаузена 9 ноября немцы заняли аэродром Эль-Ауина. Утром Гарлингсгаузен приземлился там в He-111 под эскортом двух Me-109. Несколько секунд спустя взлетно-посадочной полосы коснулись шасси трех «Фокке-Вульфов Кондор», а в 10.55 несколько «Юнкерсов» доставили туда техперсонал 53-й истребительной эскадры. За ними последовали первые части пикировщиков «Штука» и самолеты 53-й истребительной эскадры вместе с транспортными Ju-52 с запасами бензина, масла, легкими зенитными орудиями и их расчетами. Среди прибывших находились и ветераны транспортной части KG 105, которую передислоцировали из России. Ран отправился на встречу с постоянным представителем.

Французы находились в окопах вокруг аэродрома, но не стреляли. После часовой беседы с Раном адмирал Эстева уже около полуночи распорядился, чтобы его подчиненные не рассматривали немецкие войска как врагов. Поэтому французский дивизионный командир, генерал Барре, отвел своих солдат с аэродрома. Таким образом, двадцать четыре часа спустя парашютисты Коха могли высадиться на аэродроме Эль-Ауина, точно на маневрах, и маршировать в колонне по четыре в Тунисе в знаменитые казармы маршала Фоша. Немцы прибыли. Один-единственный полк — один полк для охраны города с 220 000 жителями. Но это был прекрасный полк, как мы скоро увидим.

Первая британская армия генерала Кеннета Андерсона приближалась с запада. Боевое командование «В» 1-й американской танковой дивизии генерала Робинетта наступала на Тунис. Генерал Эйзенхауэр считал захват города вопросом нескольких дней.

Но американцам не повезло. Зарядили дожди, и дороги превратились в болота. К 15 ноября, однако, хотя еще ни одна немецкая часть не занимала Тунис, Германское верховное командование направило туда генерала Вальтера Неринга. Предполагалось, что этот опытный специалист по пустыне, еще не совсем оправившийся от раны, создаст оборонительный рубеж у Мерса-эль-Бреги, но его послали в Тунис. Он принял там командование как командир 90-го корпуса. 90-й корпус! Там не набиралось и дивизии. Кроме полка Коха Неринг получил парашютный инженерно-саперный батальон

майора Витцига, который со всей поспешностью был переброшен в Бизерту.

И, наконец, к войскам Неринга надо прибавить роту танковой разведки лейтенанта Геммерлейна и в качестве крепкого орешка батарею 88-мм зениток из состава 20-й дивизии ПВО.

Никакой медицинской службы — ни одного врача. Никакой техники, не считая нескольких тунисских такси. Штаб замечательного 90-го состоял из генерала и адъютанта. Начштаба должен был стать деятельный полковник Помтов, но он все еще продолжал служить в 3-й танковой дивизии на Кавказе в качестве начальника оперативного отдела. Метель помешала его самолету отправиться в путь. У Германского верховного командования, совершенно очевидно, не было другого кандидата в начштаба 90-го корпуса. Несмотря ни на что, это призрачное формирование совершило ряд замечательных военных подвигов. Они показали блестящие примеры храбрости, отваги и мастерства импровизации.

Первая высадка немецких войск в Бизерте также походила на блеф. 16-й пехотный, который предполагалось перебросить из Лайбаха через Афины Роммелю, в спешном порядке передислоцировали в Рим. Там командующий немецкими войсками на юге перестроил его в 1-й полевой тунисский батальон. Обер-лейтенант Вернер Вольф с 1-й ротой, усиленной парашютным саперным взводом Арендта, высадился на аэродроме Бизерты 11 ноября. К удивлению Вольфа, «Юнкерс» с грузом снабжения уже находился на летном поле. Вольф отделился от строя и с двумя парашютными отделениями взвода Арендта захватил аэродром Бизерты.

После войны американские и английские комментаторы часто сетовали на то, что союзники не предприняли высадки также и в Бизерте. Но совершенно непонятно, смогли ли бы войска вторжения Эйзенхауэра высадиться так, как сделали немцы, без тяжелых боев. Жизненно важную со стратегической точки зрения гавань третьего по размерам города Туниса занимал сильный гарнизон адмирала Дерьена — четырнадцать тысяч солдат и офицеров. Дерьен, однако, был лояльным вишистом. 330-мм пушки батарей крепости наверняка сказали бы свое слово при попытке высадки англо-американских войск. Эйзенхауэр поэтому был вовсе не так уж не прав, отказавшись от намерения овладеть Бизертой с моря. Он собирался захватить ее с суши. Но — и тут-то и кроется просчет — ему следовало бы чуть-чуть поспешить. Командующий 1-й британской армией генерал Андерсон получил приказ занять город сила-

ми войск, высадившихся в г. Алжир. Но генерал Неринг расстроил этот план, бросив туда парашютистов. Адмирал Деръен подчинялся приказам вишистского правительства не оказывать сопротивления немецким войскам. Воздушно-десантный батальон саперов майора Витцига немедленно дислоцировался на оборонительных позициях вдоль дороги Матёр—Абиод. Они храбро устремились на запад, вышли в район к востоку от Абиода и блокировали путь острию наступления сильной британской 78-й пехотной дивизии. Томми очень удивились, встретив там «зеленых дьяволов» с Крита. Два итальянских орудия, которыми располагал Витциг, били по противнику безостановочно, пока британские машины разведки не обратились в бегство.

Но генерал Андерсон хотел узнать, в чем тут дело, и продолжил наступление силами бронетехники. Витциг великолепно провел арьергардные бои, остановился в туннеле Джефна и отражал все атаки противника. До января 1943 г. британцы не могли продвинуться тут ни на метр. Сражение за туннель Джефна стало тунисским Верденом в миниатюре. Солдаты тунисского батальона, которые сменили парашютистов на этих позициях, заслужили много Железных крестов.

На рассвете 17 ноября 1942 г. унтер-офицер Рудольф Бон с солдатами усиленной колонны велосипедистов трясся от холода на промоченном дождем аэродроме г. Туниса. Парашютисты имели все снаряжение и оружие для действий в тылу у неприятеля. Они также взяли с собой свои велосипеды. Естественно, точно никто ничего не знал, все питались слухами. После инструктажа, который провел лейтенант Кемпа, стало ясно, что их цель — аэродром Габеса. Его предстояло взять внезапной атакой воздушно-десантных войск.

Габес являлся стратегически важным пунктом, выбранным в качестве точки соединения Тунисского плацдарма с армией Роммеля. Если томми или американцы из района г. Алжир—Бужи успеют туда первыми, весь тунисский выступ окажется отрезанным. Используя французские фортификационные сооружения линии Марет, они смогут блокировать путь танковой армии Роммеля, которая находилась почти в полутора тысячах километров. Тем временем основные войска союзников сумели бы завоевать Тунис и приготовить плацдарм для прыжка на Сицилию.

Чтобы предотвратить возможность подобного развития событий, немцам надлежало занять Габес. В тот момент его удерживали французские части генерала Барре. Никто не знал, на чьей он сто-

роне. То там то тут они перекрывали путь немецким разведчикам, брали их в плен и, разоружив, отсылали в тыл. Может быть, этот генерал уже сотрудничал с Эйзенхауэром?

На двенадцати «Юнкерсах» пятьдесят десантников лейтенанта Кемпа вместе с 3-й ротой охраны командующего немецкими войсками на юге (Кессельринга) полетели к Габесу — «Белому Городу». Ведущее звено повернуло к городу. Вспышки выстрелов и трассеры... Что это? Огонь велся из танковых пулеметов. Французы стреляли по немецким самолетам из бронемашин разведки, оборонявших аэродром. Пара «Юнкерсов» получила пробоины. Командир роты охраны лейтенант Зальг, находившийся в третьей машине, на длинных волнах передал приказ не приземляться. Самолеты набрали высоту, развернулись и улетели в г. Тунис. Но в результате стрельбы и того, что маневр захода на посадку был прерван, строй распался. Быстро собрались только шесть «Юнкерсов», в которых сидели парашютисты Кемпа и капитан Грунд, летевший принять командование в Габесе. К ним присоединился седьмой, находившийся на пути в Триполи с баллонами кислорода. Примерно в сотню километров к западу от дороги Сфакс—Габес летчик заметил подходящий аэродром. Лейтенант Кемпа сообщил об этом по радиации в другие машины и приказал садиться. Все прошло гладко, если не считать того, что один из «Юнкерсов» сломал при приземлении шасси.

Что было делать? На велосипедах атаковать танки в Габесе? Лейтенант Кемпа принял в сложившихся обстоятельствах правильное решение. Он послал отряд для разведки и наконец отдал приказ:

— Аэродром в Габесе будет взят рейдом. Воздушно-десантные части, которые прилетят завтра, вести к месту посадки двумя зелеными и белой ракетами.

Разведчики отправились на задание. Около города они напоролась на французские машины разведки. С большим трудом, под прикрытием каравана верблюдов, парашютистам удалось отбиться и не попасть в плен. Без велосипедов и в скверном настроении они сделали привал в низине.

Утром 18 ноября, примерно в 10.00, над ними пролетели «Юнкерсы» с воздушным десантом для взятия Габеса. Товарищи снизу попытались привлечь их внимание знаками, но те приняли это за обычное приветствие и просто помахали в ответ крыльями. Все ждали беды, но произошло нечто странное. Из пальмовой рощицы у Габеса взлетела белая, зеленая и еще одна белая ракета, и «Юнкерсы» стали заходить на посадку.

Со всей поспешностью шесть разведчиков помчались в ближайшее арабское селение, реквизировали две запряженные ослами повозки и поехали в Габес. На аэродроме все находились в приподнятом настроении. Героем дня стал, безусловно, обер-ефрейтор Бедер.

Так что же случилось? Его величество Случай вновь вмешался в битву. Когда первый отряд разведчиков не вернулся, лейтенант Кемпа, в соответствии с военной практикой, отправил второй дозор. Но эти семеро под началом обер-ефрейтора Бедера не сумели скрыться, подобно своим товарищам, и попали прямо в руки французского патруля. Их взяли в плен и отвезли в Габес.

Там их допросил французский командир:

— Что вам тут надо?

Обер-ефрейтор Бедер избрал верный подход. Он сказал, что должен сообщить, что, если аэродром не будет передан немцам, завтра утром он подвергнется налету пикировщиков «Штука».

Француз пришел в ярость.

— Замечательно, — сказал он, — посмотрим. Если завтра утром самолетов не будет, я вас расстреляю.

Он запер семерых немцев в строении из гофрированного железа и приставил снаружи часового. Бедер с товарищами провел малоприятную ночь.

Наутро француз велел привести разведчиков, очевидно, с намерением еще раз допросить их. Но в тот момент под прикрытием истребителей появились «Юнкерсы». Французский майор быстро собрал свои войска и бежал, бросив Бедера и шестерых его товарищей. Обер-ефрейтор мог дать условный сигнал, означавший, что противника на аэродроме нет. Ключевой пункт линии коммуникаций с армией Роммеля находился в руках немцев.

И вовремя, потому что не прошло и трех дней, как перед Габесом появились первые американские танки. В штабе Эйзенхауэра тоже понимали важность этой точки. Но они опоздали. Немецкие парашютисты встретили американцев беглым пулеметным огнем и стрельбой из легких орудий, создавая у противника иллюзию, что ему противостоит целый полк. Американцев удалось задержать настолько, чтобы успеть в пожарном порядке подтянуть два батальона 1-й пехотной итальянской дивизии «Суперга». Они сменили парашютистов Коха и удержали Габес.

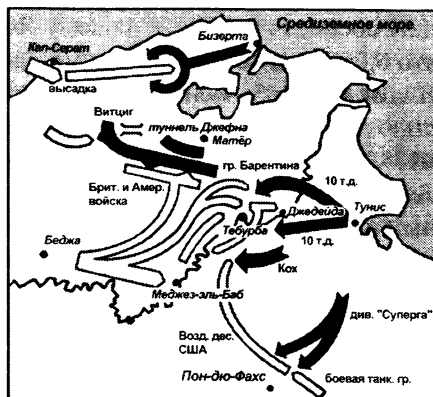
Любой из немцев, кому довелось служить в Тунисе, помнит имя Барентина. В первые недели ноября его парашютный полк являл собой третий столп импровизированной обороны. Полк Ба-

рентина, называвшийся по фамилии его командира, полковника и командующего инженерно-саперными частями корпуса Вальтера Барентина, наскоро сколотили для отправки в Тунис из различных частей парашютного корпуса. Он располагал транспортными средствами и имел на вооружении 50-мм противотанковые орудия и зенитные пулеметы. 20 ноября в Бизерту прибыли первые солдаты и штаб, колонна мотоциклов, саперов, разведка и подразделение медицинского корпуса. Штаб 3-го батальона немедленно выступил в район Матёра. Здесь, в каком-то смысле у черного хода крепости морских пехотинцев, полковник Барентин принял командование Матёрской боевой группой. Точка эта для Туниса стала вскоре столь же важной, как и небольшой городок Тебурба, расположенный южнее.

Оборону в Матёре не слишком лихорадило. В маленьком населенном пункте стояли два батальона итальянской пехоты и батарея итальянской артиллерии. Но от них не было особого толку. Барентин тотчас же приказал создать рубеж обороны на высотах за городом. Батальон Витцига обеспечивал правый фланг. Мотопехотинцы и саперы прикрывали левый фланг и выступали в качестве связных частей с полком Коха. Таким образом, вокруг Бизерты и Туниса образовался тонкий фронт по линии Джефна—Матёр—Тебурба—Массико. Когда дошло дело до стрельбы, германо-итальянские войска уже чувствовали себя на позициях вполне уверенно.

26 ноября их атаковала 36-я британская бригада. Она смяла итальянцев, которые подняли руки вверх. Барентин, однако, показал противнику класс стрельбы из противотанковых пушек. Британцы стали осторожнее.

Но что будет, когда они развернут полномасштабный штурм? Один батальон не сможет сдержать натиск целой бригады. Если томми атакуют, Бизерта будет потеряна. Случится ли это прежде, чем Барентин сумеет подтянуть остальные части полка? Томми не пришли. Полковник Барентин рассказал мне о тех событиях: «Двад-



*Немецкие войска останавливают наступление союзников к Тунису.
Конец 1942 г.*

цать восьмого ноября, к нашему большому удивлению, мы увидели, что британцы сооружают брустверы, причем совершенно открыто. В этот момент в мой штаб явился каид¹ Матёра. С большой гордостью он заявил мне, что британцы атаковать не будут. «Это почему же?» — спросил я. Каид ответил, что послал к британцам одного из своих шейхов сказать им, что под Матёром окопался очень сильный и агрессивный парашютный полк с Крита с тяжелым оружием. Данный аргумент подействовал на британцев».

Барентин, естественно, не чувствовал угрызений совести по поводу жульнического трюка арабов в отношении британцев. Барентин по распоряжению своего командующего установил особенно дружественные отношения с местным населением. В результате скоро у него в каждой роте служило по дюжине арабских добровольцев, выполнявших обязанности солдат, связных, мастеров на все руки и отправлявшихся на особые задания во вражеский тыл. Они приносили большую пользу и помогали устанавливать контакты с арабскими вождями. Политика Барентина, как мы видим, приносила свои плоды. Она давала дивиденды по всему Тунисскому фронту, поскольку на протяжении всей кампании не отмечалось ни одной диверсии, совершенной арабами против немцев. Весьма примечательное достижение.

Когда 29 ноября генерал Андерсон возобновил атаки на позиции Барентина, туда уже подтянулись 1-й и 2-й батальоны. Целый полк «зеленых дьяволов» собрался вместе — они отразили натиск британской бригады.

Хотя в Матёре все обернулось удачно, на левом фланге полка Барентина, в районе Меджез-эль-Баба, дела складывались не столь благоприятным образом. Парашютисты Коха продвинулись далеко за Тебурбу к Меджез-эль-Бабу. Здесь они встретили французские войска генерала Барре, которые не пожелали подпустить немцев к проходу. Немецкие разведчики понесли потери убитыми и ранеными; некоторые попали в плен. Кессельринг приказал вести с французами переговоры о том, чтобы они освободили дорогу на запад.

Не добившись результатов, немцы послали в бой против острия наступления французской дивизии пикировщики «Штука». Но время было упущено — прибыла гвардейская бригада с частями американской 1-й танковой дивизии и 20 ноября атаковала Меджез-эль-Баб. Американские войска под командованием генерала Робинетта сражались прекрасно, и «зеленые дьяволы Коха»

¹ Вождь. — *Прим. пер.*

озверели. Железнодорожная станция Меджез-эль-Баб переходила из рук в руки дважды, но противник шаг за шагом теснил полк. Это была горькая пилюля, потому что теперь важная дорога к северу от реки Меджерда на Тебурбу оказалась открытой для неприятеля. А беда никогда не приходит одна. Американские танковые части, состоявшие из шестидесяти танков и машин разведки, неожиданно появились к северу от Тебурбы. Пройдя перевалом Шути, переправились через реку Тин и двинулись в направлении численно ослабленной танковой разведывательной роты Фреда Геммерлейна. Рота была рассеяна, и «Гранты» 2-го танкового батальона США прокатились мимо Тебурбы. Рота боевой группы Барентина в спешном порядке выступила к Джежейде. Легкие немецкие зенитки, оборонявшие взлетно-посадочную полосу Джежейды, внезапно оказались перед сильным контингентом вражеской бронетехники и были смяты ею. Четырнадцать «Мессершмиттов» и двадцать четыре «Юнкерса», находившиеся на поле, не могли взлететь из-за раскисшей земли. Бронебойные снаряды разносили их на части. Американцы продолжили продвижение к Тунису. Стало совершенно очевидным, что они собираются захватить город и порт с наскока.

Американские танкисты уже видели минареты Туниса. До расположенного на равнине города оставалось всего десять километров.

Но генерал Неринг в подобных ситуациях никогда не терял головы. Он установил два 88-мм орудия из 20-й дивизии ПВО на въезде в город. Вся его надежда была на эти две зенитки. Они встретили атакующих шквалом огня и обломали острие американского наступления. Неопытные G.I. (Джи Ай, или «янки») растерялись. Вражеский контингент остановился и быстро отошел к Джежейде. Тунис был спасен, но кризис ни в коем случае не преодолен.

Восьмидесятывосьмимиллиметровки помогли также предотвратить опасную ситуацию в районе Тебурбы. Штаб-фельдфебель Вильгельм Фойгт из 8-й батареи 52-го зенитного полка придумал, как вписать в историю войны оливковую рошу возле Тебурбы. Обширная оливковая роша в поисках удобной позиции для батареи вместе с ее командиром, капитаном Вельте, Фойгт заметил сосредоточение тяжелых американских танков, продвигавшихся через поля к Тебурбе.

— Самое подходящее место, — сказал Вельте и побежал на позиции, чтобы вывести в рошу орудие Фойгта. Тем временем два унтер-офицера соорудили из веток и сучков маскировочную изго-

родь между двумя оливами. Тягач отбуксировал туда восьмидесятивосьмимиллиметровку.

Они не успели еще подготовить орудие к стрельбе, как на поляне появились два американских танка «Гранд». Их 75-мм и 37-мм пушки вместе с пятью пулеметами смотрели в другом направлении. Если бы американцы заметили, что затевается у них за спиной, они проявили бы больше осторожности. Когда же они осознали происходящее, было уже поздно. Первый же выстрел — это был вообще первый снаряд, выпущенный пушкой Фойгта на африканской земле, — вывел головной танк из строя. Взрыв, столб пламени и дыма — водитель второго танка обратился в бегство на полном ходу. Раздался незабываемый и неподражаемый звук — выстрел восьмидесятивосьмимиллиметровки. Второй столб пламени взметнулся в воздух. Двое выскочили из башни, сбрасывая горящие куртки, и побежали в поисках укрытия за пригорок.

Данный эпизод в оливковой роще стал прелюдией двухдневной дуэли, которую вела батарея с тяжелыми танками за Тебурбу. Было подбито двадцать танков. На двенадцать из них претендует лейтенант Гаппах. Вильгельм Фойгт записал на свой счет четыре. Но это сражение стало не единственным — генерал Неринг сумел привести к провалу первую крупномасштабную попытку Эйзенхауэра прорвать оборону Тунисского плацдарма и лишить Роммеля базы снабжения и позиций для отступления.

Не успела миновать одна беда, как стали проклевываться два новых кризиса. 28 ноября арабы доложили о высадке двухтысячного десанта союзников на мысе Серра(т). По всей видимости, в их намерения входило окружение боевой группы Витцига и обезвреживание обороны Бизерты.

Вторую тревожную весть тоже принесли арабы. Тысяча американских парашютистов высадилась к северу от Загуана, что означало: Эйзенхауэр намерен ударить по наиболее слабым точкам оборонительного рубежа Туниса самыми отборными войсками.

Неринг бросил пехоту против высадившегося на мысе Серра противника. Операция прошла успешно. Противник частично попал в плен, частично отброшен и ушел в море на десантных судах. Американцев было не две тысячи, а всего 500 человек.

Чтобы предотвратить угрозу, создавшуюся вследствие высадки американских парашютистов в районе Загуана, Неринг вновь задействовал роту танковой разведки Геммерлейна — «пожарную команду» плацдарма. К счастью, и тут арабы преувеличили реальную численность противника. Пятьсот человек десантировались око-

ло Дединна к северу от Пон-дю-Фа. Из-за тяжелого вооружения и снаряжения они не были особенно подвижными. Рота Геммерлейна и итальянские части из 1-й пехотной дивизии «Суперга» окружили и взяли в плен большинство «ами». Примерно сотне их посчастливилось вырваться из перделки. К несчастью, мы еще встретимся с ними.

Целыми неделями Неринг вел «войну бедняка» со скудными силами и средствами, имевшимися в его распоряжении. Наконец 29 ноября в Бизерту и Тунис прибыли сильные части 10-й танковой дивизии генерал-майора Фишера. В то же время появились три чуда инженерной мысли — три танка «Тигр». Эти стальные чудовища весом от 55 т, вооруженные 88-мм пушкой, обладали невиданной по толщине броней¹. Однако расход горючего у них составлял девятьсот литров на сто километров пробега², к тому же зимой Тунис с его разлившимися реками, раскисшими дорогами и труднопроходимыми горными перевалами вовсе не являлся идеальным полигоном для их испытания.

Вообще же «Тигры» строились для России, чтобы дать отпор сталинским Т-34. Когда они вступили в боевые действия в Тунисе, выяснилось, что машины страдают от множества «детских болезней». У некоторых из них после всего двухсот пятидесяти километров пробега выходили из строя двигатели. Постоянно возникали неполадки в рациях, а трансмиссия служила неизбывным источником неприятностей.

Вместе с тем «Тигры» сыграли решающую роль в битве за Тебурбу. Эти мощные и красивые машины поднимали боевой дух пехоты. Они прибыли из Фаллингбостеля из Нижней Саксонии, где майор Людер сформировал 501-й батальон тяжелых танков. Людер лично привел своих «подопечных» в Тунис. 1-й ротой командовал блестящий танковый командир капитан фон Нольде.

Нольде, подобно парашютистам Барентину, Коху и Витцигу, а также командиру роты танковой разведки, являлся прекрасным вожаком. Из таких людей состояла «старая гвардия» Тунисского фронта.

Тем временем части 10-й танковой дивизии сосредотачивались в районе Бизерты и самого Туниса, готовые выдвинуться в любом направлении.

¹ Первые «Тигры» весили 55 т. — *Прим. пер.*

² Это по пересеченной местности. — *Прим. пер.*

1 декабря Неринг отдал приказ атаковать передовые британско-американские войска в районе Тебурбы.

Полковник фон Бройх командовал северным участком к западу от Бизерты. В центре действовала 10-я дивизия генерал-майора Фишера. Итальянские войска обороняли фронт южнее Туни-са. Все и всё, что могло передвигаться на ногах или четырех колесах, было брошено в битву: 7-й танковый полк, 86-й моторизованный гренадерский полк, 10-й разведывательный батальон, 90-й истребительно-противотанковый, части 90-го (батальона) связи, рота «Тигров», батарея восьмидесятывосьмимиллиметровок и пехота. Порт охраняло только тридцать военнослужащих, оставшихся в Тунисе с 220 000 населения. Въезд в город прикрывали два 88-мм орудия.

Целью своей генерал Неринг ставил окружение передовых войск противника в районе Тебурбы. Тем временем в окружении в Тебурбе оставалась рота парашютистов Барентина и его саперы. Все попытки гвардейской бригады и американской боевой группы «В» удалить эту занозу неизменно кончались неудачей. «Зеленые дьяволы» стойко оборонялись с 25 ноября, они заняли круговую оборону в тылу неприятеля. Подполковник Кох, полк которого подходил с юго-запада для атаки Тебурбы, бросил в бой взвод саперов под командованием фельдфебеля Арендта. Он проложил себе путь через британские части обеспечения и соединился с саперами Барентина в Тебурбе. Соединившись, парашютисты-саперы перекрыли союзникам жизненно важную дорогу между Тебурбой и Меджез-эль-Бабом. Первый этап задачи по окружению Тебурбы был завершен.

Фельдфебель Арендт поставил по два пулемета с каждой стороны моста через реку Меджерда в трех километрах западнее Эль-Батана. В отсутствие динамита он заминировал единственный мост через реку Меджерда обычным артиллерийским порохом. Появился первый британский легкий грузовик. Раздался мощный взрыв, и грузовик, опрокинувшись, перекрыл мост как естественная баррикада. Любой, кто пытался расчистить путь, попадал под губительный пулеметный огонь. В течение трех дней и двух ночей, пока шло сражение за Тебурбу, Арендт удерживал ключевую позицию, не позволяя ядру британской бригады и частям 1-й американской танковой дивизии ни доставить снабжение, ни совершить отход. Тем временем в бой вступила 10-я танковая дивизия генерала Фишера. Казалось, смелый рейд вот-вот увенчается успехом, но, как часто случается в истории войны, в события вмешался «генерал Случай».

Американские парашютисты, сумевшие 28 ноября унести ноги из-под Понт-дю-Фа, проложили себе путь на северо-восток. Они вышли к Меджез-эль-Бабу, когда части полка Коха осуществили бросок на юго-запад для закрытия крышки котла за окруженными под Тебурбой вражескими войсками. Батальон Коха не знал, что это за неожиданно появившаяся на дороге часть. Он занял огневые позиции и начал стрелять. Американцы, со своей стороны, и понятия не имели, в какую операцию неожиданно вмешались, но сражались как дьяволы, поскольку на кону стояли их жизни. Эта неожиданная стычка отняла время и замедлила движение немецкого охватного клина, что дало союзникам шанс выскочить из кольца и отступить в район Тебурба—Сиди-Нсир и Меджез-эль-Баб. Произошло это исключительно из-за блуждавших в тылу у немцев парашютистов.

Битва при Тебурбе, продолжавшаяся четыре дня, закончилась полной победой немцев. Первый раунд в гонке за Тунис остался за ними. В боях закаленные и бывалые немецкие солдаты, несмотря на численное превосходство противника и его оснащение, победили британско-американский контингент — новичков войны в Африке. 11-я британская бригада и американское боевое командование «В» потеряли все свое снаряжение. 18-й пехотный моторизованный полк из состава 1-й американской танковой дивизии понес тяжелые потери. Один британский батальон был полностью стерт с лица земли. Тысячу сто военнопленных пригнали немцы в Тунис. Сто тридцать четыре сгоревших танка остались на полях сражения. В небе над ними было сбито сорок семь вражеских самолетов. Победителям досталось сорок орудий. Армия вторжения генерала Эйзенхауэра потерпела тяжелое поражение.

Но и потери немецкой стороны оказались значительными. Среди павших был и всеми любимый командир роты «Тигров» — капитан фон Нольде. Он погиб, когда выпрыгнул из своей бронемашины в упорно оспариваемой сражающимися оливковой роше к северо-западу от Джежейды, чтобы отдать приказ капитану Дайхманну в его «Тигре». Разрывом снаряда ему оторвало обе ноги. Дайхманн уничтожил два американских танка, ставших причиной смерти Нольде. Но, когда капитан открыл люк «Тигра», чтобы сориентироваться, его сразила пуля засевшего в роше британского снайпера.

Фельдфебель Арендт тоже погиб. Специальным приказом фюрера его наградили Рыцарским крестом, который не пришлось положить даже в его гроб. В арьергардных боях против рассеянных

войск противника пуля пробила Арендту голову. Саперы положили его в стог сена, который вспыхнул в ходе перестрелки. Труп фельдфебеля сгорел.

Многие из солдат его уровня оказались в списках погибших, но победа казалась заслуживающей таких жертв. Тебурба стала синонимом одной из самых кровопролитных битв в Африке, но спасла немецкий плацдарм в Тунисе. Кампания смелого импровизатора генерала Неринга подошла к успешному завершению. Вотчете американского генштаба о Североафриканской войне, опубликованном в 1944 г., честно говорится: «Немцы выиграли соревнования за Тунис».

Совещание в ставке фюрера: рождение 5-й танковой армии

Немцы выиграли соревнование за Тунис — сумели удержать плацдарм. На тот момент черный ход для отступавшей армии Роммеля оставался открытым. Но прибывавшие из США к Эйзенхауэру подкрепления шли из Касабланки, Орана и Алжира. Любому немецкому солдату в Тунисе был очевиден замысел главнокомандующего союзников. И не нужны были никакие протоколы встречи Рузвельта и Черчилля в Касабланке. Цель союзников заключалась в том, чтобы захватить Тунисский плацдарм, продвинуться на юге к Тунисскому побережью, преградить Роммелю путь к плацдарму и осуществить соединение между армией вторжения Эйзенхауэра и 8-й армией Монтгомери.

Азбучная истина стратегии. Но к началу декабря Эйзенхауэру не удалось воплотить азбучную истину на практике. Немцы сдерживали его бронетехнику, парашютистов и пехоту до 12 ноября на мысе Бон, до 15-го под Тебессой, на севере, и до 25-го под Меджезэль-Бабом. 28 ноября американцы в конечном итоге заняли район Сбейтлы, Гафсы и Кассеринского перевала. Здесь продвижение остановилось. Неринг с горсткой солдат преградил им путь. Правда, мы не должны забывать о неожиданном союзнике немцев — погоде. Непривычно трудная для американских войск местность тоже значительно затрудняла продвижение и расстраивала планы союзников. В своих мемуарах Эйзенхауэр постоянно жалуется на то, что мотоциклы застревали в грязи, а танки садились в нее по самое днище. Немецкие солдаты, познавшие в России, что такое грязь, были

лучше приспособлены для преодоления проблем, чем американцы и томми. Полковник Барентин не раз на наглядных примерах показывал, как опыт побеждает новичков. Так, в ходе сражения за Тебурбу истребители танков Барентина к югу от моста через реку Тин двумя взводами отразили натиск сорока британских танков. Фокус Барентина заключался в том, чтобы как можно быстрее произвести четыре выстрела из восьмидесятивосьмимиллиметровки, дабы создать у противника ощущение, что он имеет дело с целой батареей. Он вел огонь то по атакующим танкам, которым приходилось идти по дороге, то по знаменитой ферме привидений — французскому владению на ничейной земле. Первыми четырьмя выстрелами он подбил танк и вывел из строя склад боеприпасов около фермы. Такой «сложносоставной» огонь артиллерии озадачил томми. После десяти залпов танки отошли. Барентин смог наконец уничтожить вражеский блокпост на важной боковой дороге Шуиги—Тебурба.

Возьмем ли мы приведенный выше эпизод или хитроумный ход батальона Витцига в туннеле Джефна, смелые и неожиданные атаки рот парашютистов лейтенанта Бёргера на господствующие высоты Сиди-Нсира или разоружение двенадцати тысяч французов 8 декабря с их тяжелой береговой артиллерией в Бизерте — все это замечательные подвиги, совершенные с достойной восхищения храбростью и при блестящем руководстве. Но любой офицер генштаба не мог не понимать, что рано или поздно подобная война фокусов и блефа закончится. Вновь и вновь генерал Неринг старался привлечь внимание на данный факт командующего немецкими войсками на юге. В своих донесениях об обстановке он не скрывал ничего. Неринг видел, что шансов мало. Но чего хотел Гитлер? Чего желало Германское верховное командование? Создавали ли они Тунисский плацдарм для эвакуации армии Роммеля с территории Африки? Или Гитлер намеревался вновь вернуться там к наступательным действиям?

3 декабря 1942 г. в Растенбурге состоялся разговор, проливающий свет на данные вопросы. Гитлер отозвал с Восточного фронта генерал-полковника фон Арнима и генерал-лейтенанта Циглера. Циглера, прибывшего немного раньше фон Арнима, Гитлер принял незамедлительно. Фюрер сообщил ему, что в Тунисе создается 5-я танковая армия, командование которой будет вверено генерал-полковнику фон Арниму. Циглер назначается его постоянным заместителем. Интересно отметить, что Гитлер учредил новую должность «постоянного заместителя со всей полнотой власти». По мнению Гитлера, нельзя было допускать ситуаций, вроде той, что сложилась

с фельдмаршалом Роммелем, когда все зависело от личности одного лидера. Командующий армией должен иметь возможность обсудить положение с офицером, равным или близким ему по рангу. Кроме всего прочего, новый пост обеспечит положение, когда во время поездок командующего на передовую — что в Африке ввиду огромных дистанций и подвижной линии фронта выливалось в затяжные отлучки — заместитель с предоставленной ему полной властью мог бы решать вопросы немедленно. Таким образом, главное командование в Тунисе всегда сможет действовать своевременно.

Генерал Циглер был способным офицером и холодным реалистом. Он тут же поинтересовался, какие части получит его новая танковая армия. Кейтель, принимавший участие в заседании, ответил:

— Три танковые дивизии и три дивизии мотопехоты будут отправлены в г. Тунис в марте, включая и ударную дивизию Люфтваффе «Герман Геринг».

Генерал Циглер спросил, удастся ли беспрепятственно передислоцировать все эти формирования в Африку через Средиземное море.

— Естественно, — ответил Гитлер.

— При таких условиях, — сказал генерал Циглер, — будет возможным возобновить наступление в Северной Африке.

Генерал изложил планы подобного наступления: продвижение из района Бизерта—Тунис на запад и скорейший выход в горные районы на алжиро-туниССкой границе. Захват мыса Бон и Филиппивия с уничтожением портов, а затем овладение гаванью Алжира, расположенной дальше к западу. Генерал Циглер рассчитывал на восстание арабов и их выступление на стороне немцев. При поддержке арабского движения сопротивления, как полагал он, можно будет продвинуться до самого Орана. Тогда в его руках окажется последний и наиболее важный порт в Северной Африке. Армия Эйзенхауэра окажется перед выбором — плен или бегство по морю. Жизненно важным условием для подобного развития событий, по мнению Циглера, являлись гарантированные поставки снабженческих грузов и захват острова Мальта. Овладение им было, как мы уже доказали, альфой и омегой беспрепятственного транссредиземноморского снабжения. Смелые слова и далеко идущие планы.

После беседы с Циглером Гитлер принял только что прибывшего генерал-полковника фон Арнима. Он приехал из-под Ржева, где командовал 39-м танковым корпусом. Арним задал те же вопросы. Сколько дивизий будут в моей новой танковой армии? Будет ли

обеспечено снабжение? Получив заверения от Гитлера, фон Арним вышел с теми же тактическими предложениями, что и генерал Циглер. На этом Гитлер одобрил планы обоих генералов, и те, полные самых радужных надежд, отбыли в Тунис.

9 декабря Неринг в приказе попрощался с солдатами своего бывшего 90-го корпуса. «Наше положение, — написал он, — было в истории войны уникальным». Эти слова совершенно справедливы.

В тот же день генерал-полковник фон Арним принял командование новой 5-й танковой армией.

Новый главный квартирмейстер Туниса, полковник Гайгль, и опытный начштаба, полковник Помтов с Восточного фронта, принялись — как делали многие офицеры Роммеля — осаждать немецкое и итальянское главнокомандование ежедневными просьбами о присылке снабжения. Но тщетно. Как танки, так и снабжение почти не поступали, не прибывали и новые дивизии.

Основные тяготы ведения войны против армии вторжения Эйзенхауэра продолжали лежать на плечах полков парашютистов, 10-й танковой дивизии и частей 334-й пехотной дивизии, которая прибыла в Тунис с генералом Вебером. 756-й горнострелковый полк особенно отличился в декабрьских боях, в первые недели января на перевале Шуиги, на печально знаменитой Джебель-Лансерин и на оспариваемой сторонами в жарких стычках Рождественской высоте. Американцы прозвали эту тактически важную высоту Лонгстоп-хилл (Гора Передышки). Солдаты боевой группы подполковника Буркера из 10-й танковой дивизии никогда не забудут того сочельника 1942 г. Празднества состояли в том, чтобы в кровавой стычке с британской бригадой отбить у нее высоту. Противника удалось сбросить с высоты, взяв триста военнопленных, но в Рождество гвардейская бригада контратаковала, вновь вытеснив немецкую боевую группу с вершины холма. 1-й батальон 69-го моторизованного гренадерского полка — бывшего 69-го вандсбекерского — вновь пошел на штурм при поддержке 5-й и 8-й батарей 90-го полка механизированной артиллерии и 2-го дивизиона 50-го артиллерийского полка. Они отбросили гвардейцев в рукопашном бою и взяли высоту, которая обеспечивала Тунисский плацдарм с запада.

В последующих схватках за Лонгстоп-хилл особенно отличились 86-й моторизованный гренадерский полк и 754-й пехотный полк. Для союзников название Лонгстоп-хилл (Гора Передышки) стало вполне актуальным, поскольку взять ее они не могли до самого конца Тунисской кампании.

Бранденбуржцы в боевых действиях за линией фронта

Еще рвались ручные гранаты рождественской битвы за Лонгстопхилл, когда на позициях Буэрата в двухстах километрах от Триполи молодой капитан стоял с полковником Байерляйном, поглощенный изучением района Южного Туниса. Три точки были помечены синими крестиками — три точки в тылу противника — три моста через реки и вадии на железнодорожной ветке Оран—Алжир в районе Тебессы, Гафсы и Тозера. Железная дорога могла стать для союзников важной артерией снабжения. Вдоль путей также пролегли линии телефона и телеграфа. Все это надлежало вывести из строя.

В общих донесениях о боевых действиях, которые вел 90-й армейский корпус в Тунисе, генерал Неринг упоминал различные оперативно-тактические акции. «Дополнительные меры: боевые группы диверсантов отправлены на запад. К сожалению, сообщений об успехах их действий по уничтожению железнодорожных мостов и полевых складов снабжения пока нет».

Нет новостей. Вот и хорошо. Союзники вели долгие розыски в конце войны, чтобы посадить под замок смелых командос.

Теперь наконец-то можно рассказать о некоторых деталях их деятельности.

Капитан Фриц фон Кёнен был сыном фермера из Юго-Западной Африки и говорил по-английски как на родном языке. Он командовал 13-й ротой Бранденбургского полка. Первая половина роты прибыла вместе с Кёненом в Тунис в одно и то же время с первыми парашютистами. Вторая половина вылетела из Неаполя 5 декабря. Они дислоцировались в Хаммамете — идиллическом месте у моря, на вилле, среди лимонных и апельсиновых рощ. Но возможности расслабиться и отдохнуть у них не было. Когда в первые недели Тунисской кампании на фронте то и дело становилось жарко, парней из особого командования Кёнена можно было встретить на передовой, хотя, как правило, на фронтовые позиции бранденбуржцев не отправляли. Им ставились совершенно иные задачи. Бранденбуржцев посылали за линию фронта, где они действовали как наблюдатели для своей артиллерии. Они перерезали линии коммуникаций, меняли дорожные указатели, делали непроходимыми тропы и дороги и выполняли еще многие и многие задания.

Примерно в полночь первого понедельника после Рождества 1942 г.¹ бранденбуржцы вновь отправились в путь. С аэродрома Бизерты поднялись три Ju-52, каждый с планером на буксире.

Путешествие в буксируемом планере — вещь не из приятных. Пассажиры сидят один за другим на скамье с ручками, чтобы держаться, упираясь ногами в деревянную банку.

Время от времени капитан фон Кёнен, сидевший позади пилота планера, оглядывался на своих подчиненных. Среди них был сапер унтер-офицер Ганс Нойманн, побывавший во многих переделках. За ним — переводчик, Реджинальд Дэйлт. Затем унтер-офицер Слока и еще пятеро. Больше планер вместить не мог. Все летели молча. Каждый знал план и свою особую роль в нем. Под ними находились ящики, полные оружия, инструментов, и сто пятьдесят килограммов взрывчатки.

Буксировочный конец поблескивал в свете луны; далеко внизу расстилалась гладь Средиземного моря. Заложив широкий вираж, три самолета на высоте двух с половиной тысяч метров повернули к земле. Было договорено отстыковать планеры в семидесяти километрах от цели. Головной самолет подал световой сигнал. Пилоты отпустили тросы. Звук двигателей растаял в темноте, и планеры Кёнена беззвучно продолжали свой путь по небу. Внизу в лунном свете виднелось железнодорожное полотно и широкая дуга моста через Вали-эль-Кебир.

Пилот какое-то время шел по прямой, затем опустил нос летательного аппарата. Засвистел ветер, и они понеслись к земле с головокружительной скоростью. Все думали об одном: «Будем надеяться, пронесет». Они не могли забыть о том, что сидят на ста пятидесяти килограммах взрывчатки. Пилот вовремя выровнял и посадил планер. Захрустели посадочные салазки. Открыв плексигласовую кабину, они увидели, что салазки запутались в колючей проволоке, послужившей своего рода дополнительным тормозом.

Неподалеку благополучно сел второй планер. Третьего нигде не было видно. Только вернувшись с задания, они узнали, что «Юнкерс», буксировавший планер, по ошибке прибил к другому строю. Летчик слишком поздно разобрался, что к чему.

Капитан фон Кёнен, унтер-офицер Нойманн и связист короткими перебежками устремились к мосту трехсотметровой длины.

— Прекрасная инженерная работа, — прошептал Кёнен. Они осторожно подползли поближе. Опасались часового, но францу-

¹ В немецком тексте: 26 декабря 1942 г. — *Прим. пер.*

зы сидели на противоположном конце моста в маленьком здании станции, попивая алжирское вино. Может статься, они уже спали. Кёнен до боли в глазах всматривался в окуляры бинокля ночного видения. Он даже прочитал черные буквы на вывеске — название станции: Сиди-бу-Бакер. — Берег чист.

Связной поспешил назад. Явился унтер-офицер Слока с остальными, все они тяжело дышали. Они тащили взрывчатку. Кёнен снял предохранительные механизмы.

Нойманн распределил заряды. Два по три килограмма на верхнюю часть моста. По одному килограмму с каждой стороны пути. Два больших заряда по семьдесят килограммов по бокам широкой центральной опоры. Одновременно солдат забрался на телеграфный столб, чтобы перерезать провода. Поскольку кусачек у него не было, он разрубил провода киркомотыгой. Медь загудела, и с последним оборванным проводом столб завалился на сторону, чуть не похоронив под собой человека. Теперь взрыватели!

— А где взрыватели?

Они остались в третьем планере, который куда-то исчез. Но у Нойманна оказались при себе запасные. Недостаток этих адских машинок заключался в том, что шнур горел всего шестьдесят секунд. Времени поэтому оставалось мало. Делать все нужно с большой осторожностью. Нойманн свистнул, подавая сигнал, чтобы протянули шнуры к обоим главным зарядам.

Луна сияла ярко. Прозвучал свисток, трое солдат на верхней части моста подсоединили шнуры и отбежали. Нойманн прислушался. Номер один горит. Второй шипит. Отлично. Двадцать секунд прошло. Теперь надо пошевеливаться. Тут нога зацепилась за телеграфные провода. Он упал. Унтер-офицер Слока спрыгнул с четырехметровой высоты на помощь Нойманну и подвернул ногу. К счастью, Нойманн успел подняться и выручить своего спасателя. Он подхватил Слоку и потащил его к краю вади. Оба бросились на землю. В тот момент первый заряд на мосту взорвался. Но что с остальными? Все они должны были сработать одновременно. Нойманн встал и посмотрел на мост. Тут новый столб пламени поднялся в небо. Земля под ногами заходила ходуном, и могучая сила вырвала почву из-под ног солдата. Обломки свистели над головой, но солдаты не чувствовали страха — они ликовали. Им удалось.

Когда осели облака пыли и дыма, мост стоял в лунном свете исковерканный и полуразрушенный.

Изначально местом сбора после операции служила маленькая впадина на юге. Но оказалось, что она слишком близко к зданию

станции, из которого французы теперь как бешеные били из пулеметов. Кёнен приказал собираться у планеров.

— Все здесь?

— Нет.

Двоих не хватало. Унтер-офицер Слока вызвался пойти и поискать их. Остальные отправились к холмам. Подрывные заряды были заложены под планеры заранее. Не успели диверсанты покинуть место, как взрывы разнесли летательные аппараты на части.

С рассветом арабские проводники нашли маленькую вади в Джебель-бу-Рамли. Люди повалились на землю, чтобы поспать. Передвигаться они могли лишь ночью.

Около полудня они поднялись по тревоге. В маленькую вади вошли арабы. Выслали вперед переводчика. Было видно, как он объясняется с ними, жестикулируя. Потом они все побежали. Один сбросил бурнус. Бергер — один из двух пропавших. Будучи немцем из Палестины, он сумел объясниться с арабами в ближайшем селении, которые, ведомые безошибочным инстинктом, привели его в самое удобное укрытие. Гордые собой, они пустились в длинные разговоры с Реджинальдом Даде, переводчиком группы Кёнена, предложив отвести диверсантов подальше от опасной зоны. Когда стемнело, они разбили лагерь. Арабы повели немцев через Джебель дальним путем длиной шестьдесят пять километров за город Гафса, а потом пастушьей тропой через Джебель-Орбата. На шестой день после выполнения задания Кёнен вошел в Макнасси. Через двенадцать часов арабский солдат привел второго пропавшего члена группы — баварца Ганнеса Фельдманна. Он, вполне довольный жизнью, ехал на осле. Следует помнить, что арабы рисковали жизнью, помогая немцам.

Унтер-офицер Слока не вернулся. Агенты сообщили, что французские дозорные нашли и расстреляли его.

Ночью капитан фон Кёнен с двадцатью солдатами вылетел в Вади-эль-Кебир. Еще десять человек из его роты под командованием лейтенанта Гагенауэра и саперного унтер-офицера Польди на планере отправились взрывать мост под Кассерином. Но экспедиции не повезло. Они потерпели аварию при посадке. В итоге почти всю группу захватил французский дозор танковой разведки. Только двое, обер-ефрейтор Франц Водьерек и унтер-офицер Вилли Клорманн, сумели избежать плена и после одиннадцати дней пути вышли к немецким позициям. Все, что у них было при себе, — шестьдесят семь сигарет, бутылка кока-колы и два пистолета с семью патронами каждый. Им тоже помогли тунисские крестьяне.

Двумя неделями позже, 10 января, еще одна диверсионная группа отправилась взрывать мост в районе Тозера на юге Туниса — третий синий крестик на карте. Возглавлявший группу капитан Биспинг и фельдфебель Клима решили подобраться к цели на грузовике со стороны Кебили, так как их объект находился к северу от соляных копей Шотт-эль-Джерид, где на Джебель-Морра находился передовой итальянский укрепленный пункт. Но при приближении группу засекли французы. С большим трудом бранденбуржцам удалось спастись бегством. Следующей ночью они предприняли вторую попытку, которая удалась.

Фельдфебель Клима спокойно прикрепил взрывчатку к главной опоре. Один заряд положили между фермами, а оставшийся между рельсами. Клима поставил взрыватель на десять минут, и группа на полной скорости помчалась на грузовике прочь от моста. Через десять минут они остановились на краю Джебель. Достали бинокли ночного видения! В свете луны мост выглядел величественно. Прошло пятнадцать минут.

Клима начал нервничать. Двадцать минут.

— Что-то не так. Я должен пойти и проверить.

Капитан Биспинг остановил его. Тут они услышали шум приближавшегося издалека поезда. На подходе к мосту машинист дал гудок. Они напряженно ждали. И вот случилось. Прогремел взрыв. Они запрыгнули в грузовик и поехали на предельной скорости.

На фотографиях, сделанных с воздуха на следующий вечер, были видны паровоз и искореженные вагоны, валявшиеся среди развалин моста.

Британцы предприняли ответную акцию. Британская подлодка высадила командос в Хаммамете с целью взорвать штаб Кёнена. Но вторая половина роты Кёнена была начеку. Герман Мюллер, несший стражу на берегу, услышал звуки лодки, а затем хруст перерезаемой кусачками колючей проволоки и дал три белые ракеты. В их свете немцы увидели быстро передвигавшиеся тени. Началась дикая гонка. Командос скрылись, но через сорок восемь часов восемь человек из тех, кто высадился с подлодки, включая британского капитана, были выслежены и пойманы солдатами вновь сформированного полковником фон Гиппелем арабского легиона. Лейтенанта из Группы дальнего действия в пустыне, пытавшегося добраться до подлодки вплавь, волны вынесли на берег мертвым.

Томми вообще не везло в заливе Хаммамет с их подлодками. Так, в конце декабря британскую субмарину, охотившуюся возле берега на грузовое итальянское судно, сосредоточенным огнем с

дистанции восемьсот метров обстреляли из 75-мм и 20-мм пушек солдаты роты танковой разведки под командованием лейтенанта Хорста Гейне. Вот такие курьезы последней войны.

Танковая атака на перевал Фаид

1 февраля 1943 г. капитулировали в Сталинграде последние части немецкой 6-й армии.

Четырьмя днями позже в Тунисе машина генерал-лейтенанта Фишера, командира 10-й танковой дивизии, наехала на итальянскую мину. Итальянские «дьявольские яйца» часто не взрывались, но уж если взрывались, то ущерб был огромен. Генералу оторвало обе ноги и левую руку. Собрав в кулак всю волю, он попросил блокнот и начал писать жене. Он успел исписать полторы страницы, но смерть не дала ему закончить. Последние слова его были: «Скоро все кончится».

Из тех, кто находился с генералом Фишером на рекогносцировке в его машине, начальник оперативного отдела дивизии, подполковник Г. Бюрклин, получил серьезное ранение; адъютант и водитель погибли.

В результате этой трагедии на авансцену событий Североафриканского ТВД вышел человек, имя которого будет на устах у всех полтора года спустя: подполковник граф Штауффенберг. Он сделался начальником оперативного отдела 10-й танковой дивизии, пост командира которой занял генерал-майор фон Бройх. Смелый и выдающийся организатор, Штауффенберг активно действовал в Северной Африке до тех пор, пока не получил тяжелое ранение и не отправился домой. История приберегла для него иную роль. Человек этот, так страстно сражавшийся за немецкую победу в Африке, подложил в Растенбурге бомбу с целью убить Гитлера.

В начале февраля 1943 г. генерал Эйзенхауэр все еще находился далеко от цели — уничтожения немецкого плацдарма в Тунисе. Парашютисты, гранадеры, пехотинцы и артиллеристы фон Арнима не только удерживали позиции в горах Туниса, но и фактически расширяли плацдарм. В середине января штурмовые части Вебера — в основном подразделения 334-й пехотной дивизии — в ходе операции «Специальный посланник 1» отбросили французский Иностранский легион на юго-западе от плацдарма. Так удалось предотвратить крушение итальянского фланга, хотя 12 января французы

смяли дивизию «Суперга» на ее позициях в горах. Операцией «Специальный посланник 1» войска фон Арнима нанесли серьезный удар по французскому корпусу, взяв в плен четыре тысячи военнослужащих. Господствующие высоты и проходы между Пон-дю-Фа и Пишоном находились в руках немцев.

«Специальный посланник 2» — продолжение операции с целью овладения Пишоном и разгрома французского фронта — провалился.

31 января прибыли штурмовые части Вебера. Они беспрепятственно продвинулись по дороге Пон-дю-Фа—Ребаа—Уссельтиа на расстояние до десяти километров. Но скоро стало ясно, что французский корпус усилен американскими частями, оснащен последними противотанковыми орудиями и тяжелой артиллерией. 501-й батальон «Тигров» понес потери.

Тяжелые бои развернулись к юго-западу от Джебель-Шириш. Джебель-Мансур, отбитая у немцев гвардейцами, была вновь взята 334-й пехотной дивизией, которая удержала позиции. Но дальше продвинуться не удалось. 47-й пехотный полк штурмовал Пишон, но под натиском многочисленных войск неприятеля Веберу пришлось отвести свои части на высоты к востоку от города. Поставленной цели — разгрома французских войск в районе Пишона — достигнуть не удалось. Штурмовые подразделения фон Арнима были слишком слабы и страдали от нехватки боеприпасов.

Все то же самое — старая беда, о которую все время спотыкался Роммель.

Тем временем, начиная с середины января, на южном участке 5-я танковая армия получила шанс по меньшей мере избавиться от постоянной угрозы, дамокловым мечом висевшей над немецким плацдармом. С декабря союзники сидели на стратегически важном перевале Фаид. В любой момент американские танки могли выйти из Сфакса, пройти перевалом, перекрыть артерию снабжения танковой армии Роммеля и безвозвратно расколоть обе немецкие армии.

Но как собирался фон Арним отвлечь непоправимое? До конца января силами для этого он не располагал.

Потом его ждал выигрыш в лотерею — 21-я дивизия из состава Африканского корпуса поступила под его командование. Колонны Роммеля отступали с Буэратского фронта на линию Марет, и 21-я дивизия первой пересекла ливийско-тунисскую границу. Ее сняли с фронта и отправили на отдых, сделав резервной. Но поскольку обстановка на перевале Фаид становилась все более серьез-

ной, фон Арним решил задействовать там эту закаленную в боях дивизию.

30 января дивизия, взаимодействуя с итальянским 30-м корпусом, приблизилась к перевалу. На следующий день он был захвачен, все контратаки противника отражены.

— Мой кошмар закончился, — сказал фон Арним своему начальнику оперативного отдела.

В проходах около Макнасси германо-итальянская боевая группа под началом итальянского генерала Имперали храбро сражалась в боях местного значения. Проходы оставались в руках войск стран «оси», а Эйзенхауэр упустил возможность проложить путь к морю. 31 января к американцам в район Макнасси прибыли подкрепления, и немецкие войска отошли. Но 9 февраля американцы были выброшены из Гафсы, и немцы вновь перешли в наступление. Из всего этого легко сделать вывод, сколь неподготовленными были войска Эйзенхауэра.

Противник тем временем становился сильнее и опаснее. Приходилось что-то делать, что-то придумывать. Оба — и фон Арним, и Роммель — вынашивали далеко идущие планы.

Хотя на многое они смотрели по-разному, в одном два командующих полностью сходились: серьезнейшая угроза исходила с южного участка Тунисского фронта союзников. Надо было что-то предпринять. Эйзенхауэра следовало сбросить с его позиции, прежде чем наступающий из пустыни Монтгомери начнет представлять опасность.

С начала февраля в штабе 5-й армии постоянно получали сведения о сосредоточении американских войск в районе Тебесса—Сбейтла—Сиди-Бу-Зид. Арабы тоже сообщали о передвижениях американских войск в данном районе. На основании изучения неприятельской диспозиции в 5-й армии пришли к заключению, что в течение ближайших недель будет предпринято крупномасштабное наступление. Целью, несомненно, будет одно — выход к морю и отсечение германо-итальянской бронетехники от 5-й танковой армии.

22 января Роммель со своей бронетехникой оставил Триполи и к 12 февраля вышел на линию Марет. В Риме все — как фашисты, так и монархисты — затаили дыхание. Триполитания — жемчужина их колониальной империи — досталась врагу. Роммелю не простили этого. Фельдмаршал так никогда и не получил Золотую медаль за храбрость, наградить которой его собирался Муссолини. Однако германо-итальянская танковая армия и 5-я танковая армия были

близки к соединению. Они не могли позволить себе упустить эту возможность.

Генерал-полковник фон Арним, генерал Циглер и штаб армии, возглавляемый способным начальником, полковником фон Квастом, и опытным начальником оперативного отдела, полковником Помтовым, разработали план, как силами двух дивизий нанести серьезный удар по Тунисскому фронту Эйзенхауэра. Полковник Помтов снабдил меня документами, которые позволяют увидеть точную картину операции «Весенний ветер».

Замысел состоял в следующем. 10-й и 21-й танковым дивизиям надлежало внезапно атаковать сосредоточение американских войск к западу от перевала Фаид. Если концентрированным натиском удастся сокрушить американскую бронетехнику, тогда соединенные силы двух дивизий станут наступать в северном направлении с целью смять фронт Эйзенхауэра на подступах к Тунису. Немецкое командование не ставило себе сверхграндиозных задач положить конец армии Эйзенхауэра, а стремилось грамотно спланированной атакой значительно облегчить собственное положение. Острием наступления предстояло служить 1-й роте 501-го батальона «Тигров», приданной 10-й танковой дивизии. Эти огромные танки, вооруженные 88-мм пушками, должны были внезапно ударить по скоплениям неприятеля на перевале Фаид. Ответственность за операцию «Весенний ветер» возлагалась на генерал-лейтенанта Циглера; руководил штурмом полковник Помтов со штабом 5-й армии.

Пока Циглер и Помтов завершали подготовку в тактическом штабе в Ля-Фоконерй, к ним присоединился фельдмаршал Роммель. Его войска уже достигли линии Марет. Поскольку фельдмаршал в тот момент не рассчитывал на атаку со стороны 8-й армии, он предложил Арниму поддержать его наступление на юге силами Африканского корпуса с линии Марет. Разумеется, Лис пустыни задумал и кое-что еще. Фельдмаршал не разделял осторожного подхода фон Арнима. Его идеи простирались куда дальше: выйти в глубокий тыл противнику, ударить по центру снабжения и транспортному узлу, Тебессе, со всей возможной скоростью наступать оттуда к Средиземноморскому побережью, чтобы отрезать армию вторжения Эйзенхауэра от алжирских гаваней и привести к крушению фронта союзников. Вот каков был дерзкий замысел Роммеля — в духе его старой стратегии пустыни. Подобные идеи лежали в основе его стремительных рейдов на Газалу, Тобрук и Соллум. Фон Арним и его штаб не приходили в восторг от таких операций. Главным их контраргументом было то, что в распоряжении у них слишком мало

войск и последствия рискованной акции могут оказаться слишком тяжелыми. Фон Арним сказал мне, что и по сей день придерживается такого же мнения — и у него есть немало сторонников среди профессиональных стратегов, — что подобное продвижение, в результате которого они оказались бы в труднопроходимых горах Туниса и Алжира, потребовало бы бесперебойного функционирования системы снабжения, рассчитывать на которое они не могли. Более того, Тебессу прикрывали три расположенных последовательно один за другим горных хребта. То, что происходит в данном районе теперь, во время франко-алжирской войны, когда повстанцам удается сдерживать натиск регулярной французской армии численностью в сто тысяч человек, выступает доводом в пользу теории Арнима. Так или иначе, фон Арним тогда настаивал на «близких целях» для своей операции «Весенний ветер», а поскольку Германское верховное командование не могло еще решиться освободить Роммеля от командования в Африке, между руководствами обеих армий произошел раскол и, как следствие, расхождение планов.

14 февраля в 04.00 10-я и 21-я танковые дивизии вышли на позиции. Два боевыми формированиями 10-я пересекла перевал Фаид. 21-я развернулась, нанося удар с юга. Песок бил солдатам в глаза. Было холодно, и дорогу покрывала грязь. Но танковая атака успешно развивалась. К 15.00 бронетехника 2-го корпуса США в районе Сиди-Бу-Зида оказалась в окружении. 10-я танковая дивизия развернулась на юг и захватила населенный пункт. Шла настоящая танковая битва. Немецкая бронетехника врубилась в развернутые танковые формирования противника с фланга и с тыла. Командиры выглядывали из люков. Свистели снаряды, в бурлящую танковую массу вплетались причудливым узором ленты трассеров. Грозно грохотали 88-мм пушки «Тигров». Американцы упорно оборонялись. Даже экипажи потерявших ход машин продолжали оказывать отчаянное противодействие. Было подбито шестьдесят восемь американских танков. Американское боевое командование «А» попыталось контратакой выручить окруженные части 168-го полка для того лишь, чтобы тоже оказаться в кольце.

На следующий день, 15 февраля, Циглер продвигался в направлении Сбейтлы. 1-я американская танковая дивизия попыталась контратаковать, но была отражена с тяжелыми потерями. К вечеру сто шестьдесят пять американских танков и бронемашин осталось гореть на поле боя, две тысячи военнопленных отправились в Тунис. Ударные американские боевые командования «А» и «С» были разгромлены. Уцелело одно лишь боевое командование «В».

В Пентагоне в Вашингтоне пришли в ужас, в Белом доме Рузвельт подвергал перекрестному допросу своих военных советников, желая знать, что происходит.

В соответствии с планом фон Арнима 10-я танковая дивизия теперь развернулась на север к Пишону. Предстояло в течение ночи неожиданным штурмом овладеть данным укрепленным пунктом и разбить французскую боевую группу и таким образом привести к крушению фронт союзников. Но прорыв не увенчался успехом. Поэтому генерал Циглер получил подкрепление в виде 47-го пехотного полка полковника Бюзе, уроженца Люнеберга, которого генерал-полковник фон Арним все еще называет «туниским пожарным». Полк получил приказ развернуть фронтальную атаку на Пишон. Но в ночь с 16 на 17 февраля операция «Весенний ветер» себя исчерпала. Штурмовая группа Циглера получила приказ прекратить наступление. 10-я и 21-я танковые дивизии перешли под командование Роммеля. Штаб боевой группы возвратился в Тунис в распоряжение командования 5-й танковой армии.

Что же произошло в действительности? Это один из наиболее противоречивых и наиболее волнующих вопросов во всей истории войны.

Как следует из записей заместителя командира Африканского корпуса барона фон Либенштейна, 5 февраля Роммель предложил главному командованию продвинуться с линии Марет к Гафсе, чтобы обеспечить фланг от угрозы со стороны противника. Но план его был отвергнут. Итальянское главное командование не хотело менять заранее определенные оперативные участки обеих армий. Демаркационная линия проходила по 34-му градусу. Поистине абсурд в современной войне. Причина происходящего, как каждый может видеть, в отсутствии объединенного командования в Африке. Естественно, Роммель пришел в ярость от того, что его предложение не прошло. 8 февраля он приказал фон Либенштейну приготовиться к наступлению силами частей 164-й, 15-й танковой дивизий и тяжелой артиллерии Африканского корпуса как единым формированием. Между тем в ночь с 14 на 15 февраля американцы — в результате операции «Весенний ветер» и катастрофических потерь в битве за Сиди-Бу-Зид — оставили Гафсу без боя. Роммель немедленно атаковал и занял Гафсу панцергренадерским полком «Африка» — знаменитым 288-м особым подразделением полковника Ментона. Одновременно он отправил разведку к Фериане. Части Африканского корпуса захватили этот ключевой пункт на дороге из Гафсы в Тибессу 17 февраля. Таким образом, немцы вышли глубоко во фланг

американской бронетехнике, оборонявшейся в Сбейтле от наседавших дивизий фон Арнима.

Роммель был склонен считать подобное развитие событий знаменем богов. Его смелый план овладения Тебессой и продвижения на север к жизненно важным центрам снабжения союзников в глубоком тылу американцев становился теперь более привлекательным.

В ставке фюрера тоже ухватились за представившийся шанс реализовать смелый замысел Роммеля, казавшийся им прежде слишком рискованным. Йодль уступил настояниям Роммеля. В ночь с 16 на 17 февраля Германское главное командование передало боевую группу Циглера под командование Роммеля и санкционировало продолжение наступления в направлении Тебессы.

Вот почему боевую группу Циглера освободили (от предыдущей задачи).

Поначалу все пошло в соответствии с планом Роммеля. 21-я дивизия взяла Сбейтлу, а 10-я танковая дивизия двинулась к Кассеринскому перевалу. Южнее германо-итальянские силы овладели Тозером. 18 февраля части Африканского корпуса и 15-я дивизия лишили американцев важного аэродрома в Тлепте. На следующий день разведчики Роммеля нащупали путь к Кассеринскому перевалу. Тем временем другие отряды и части текли по главной дороге с аэродрома Тлепте к Тебессе. Теперь Роммель приказал штурмовать подступы к Тебессе — Кассеринский перевал, ворота в Тунисские горы. В ночь с 19 на 20 февраля части 3-го разведывательного батальона с боями проложили себе путь на вершину перевала, чтобы вырвать дорогу из рук противника. Но попытка провалилась. Роммель бросил закаленный в боях моторизованный гренадерский полк «Африка» под командованием Ментона. Но и его остановил огонь американской артиллерии.

Утром 20 февраля 21-я и 10-я танковые дивизии, части 15-й танковой дивизии и дивизии «Ариете» скопились перед перевалом на фронте десять километров в длину и пять в ширину. Стреляющие дымовыми снарядами батареи 71-го минометного полка¹ обстреливали вражеские позиции. Снаряды взрывались с оглушительным грохотом, поднимая в небо фонтаны земли и разнося в куски скалы. В 17.00 майор Штоттен контролировал перевал танковым батальоном. 8-й танковый полк промчался по дороге через перевал, создал

¹ Реактивные установки. — *Прим. пер.*

плацдарм и предотвратил американский контрудар. Затем стартовала массированная атака через перевал.

В американских публикациях встречаются сообщения о хаосе, вызванном среди американских войск и штабов потерей Кассеринского перевала. Никто, включая самого Эйзенхауэра, не предвидел возможности немецкой атаки на эти позиции. Оборона была совершенно не подготовлена.

21 февраля Роммель отрядил 21-ю танковую дивизию в обход гор, а 10-ю на север на Талу, пытаясь таким путем преодолеть плотное кольцо гор на подступах к Тебессе. Поскольку 21-я столкнулась с сильным неприятельским противодействием, запланированное соединение ее с 10-й не состоялось. Но тем не менее был достигнут значительный успех. В плен попало три тысячи военнослужащих противника; сто шестьдесят танков, девяносто пять бронемашин, тридцать шесть самоходных орудий и шестьдесят прочих орудий оказалось либо уничтожено, либо захвачено. Но Эйзенхауэр не вел «войну бедняка». В его распоряжении имелось много войск и снаряжения. 10-я танковая дивизия все же сумела овладеть Талой, но противодействие возрастало. Немецкое наступление натолкнулось на мощные резервные позиции 6-й британской танковой дивизии и гвардейской бригады. Сама по себе танковая дивизия не располагала достаточными для борьбы с ними силами. Талу пришлось оставить. Боевые группы Африканского корпуса под началом генерала Буловиуса, сменившего раненого генерала барона фон Либенштейна, попытались пробиться на запад и взять Тебессу, обороняемую американским боевым командованием «В». Последнее сражалось с дьявольским упорством, не сдавая ни метра земли. В схватку вступили британские самолеты штурмовой авиации и американские бомбардировщики. Противник оправился от паники и начинал теснить немцев. Он обладал достаточным количеством военных материалов, чтобы делать это. Под командованием у Эйзенхауэра находились силы более крупные, чем одна армия. Он располагал истребителями, бомбардировщиками и артиллерией. Фон Арним по просьбе Роммеля попытался постоянными атаками приковать к месту вражеские войска на фронте 5-й армии. Усиленный 47-й пехотный полк под началом опытного командира, полковника Бюзе, упорно атакуя в западном направлении, овладел Пишоном и продвинулся на двадцать километров за него, но потом был вынужден остановиться. 22 февраля американское боевое командование «В» остановило наступление Африканского корпуса. Враг вновь оказался слишком силен — слишком силен

повсюду. Немцы понесли тяжелые потери. Сам Роммель угодил под сильный артоналет и бегал по зарослям кактусов. Под грохот рвущихся над головой снарядов полковник Байерляйн, имевший большой опыт подобных заварушек, сумел вывести командующего из западни. Штаб тоже выбрался из опасной ситуации с небольшими потерями.

22 февраля Роммелю пришлось признать, что он не может продвинуться ни в направлении Тала—Ле-Кеф, как предполагали итальянцы, ни к Тебессе, как планировал он сам. Ему не хватало войск. Горная местность была слишком трудной для проведения быстрых операций, и, как всегда, опаздывало снабжение. Оказалось, что для задуманной операции — особенно в направлении Тебессы с последующим поворотом на север — необходимо больше времени, чем предполагалось вначале. Тем временем угроза со стороны 8-й армии, готовой штурмовать линию Марет, все возрастала.

В результате сложившейся ситуации Роммель, после военного совета на Кассеринском перевале, на котором также присутствовал Кессельринг, отменил сражение.

Группа армий «Африка»

23 февраля, на следующий день после окончания наступления, Германское верховное командование наконец приняло решение об объединении командования в Северной Африке. Фельдмаршал Роммель получил под свое начало вновь созданную группу армий «Африка» — соединенные 5-ю танковую и германо-итальянскую танковую армии. Было понятно, что Роммелю предстоит временно вверить командование генерал-полковнику фон Арниму, с тем чтобы отправиться в давно заслуженный отпуск для поправки здоровья.

Бессмысленно обсуждать, могла бы или не могла Тебесская операция оказаться успешной, если бы Роммель с самого начала обладал полномочиями главнокомандующего в Тунисе и имел бы возможность беспрепятственно претворять в жизнь свои планы. Сам Роммель полагал позднее, что решительные действия и полномасштабная атака на Тебессу вызвала бы крушение американского фронта. Существует немало свидетельств с американской стороны в отношении реакции на атаку «сырых» американских войск

и штабов, которые подтверждают теорию Роммеля. С другой стороны, далеко в тылу у британцев стояло по меньшей мере три новые дивизии, предназначенные для вторжения на Сицилию, и нет никакого основания сомневаться в том, что германо-итальянская система снабжения доказала свою несостоятельность. Только при громадном везении и путем невероятного блефа Роммель еще мог рассчитывать добиться столь желаемого успеха.

Мог. Но как развивалась бы в долгосрочной перспективе ситуация в Африке в свете положения со снабжением? Очевидно, что на данный вопрос должны отвечать историки, а не генералы. Роммель являлся одним из лучших и выдающихся военачальников. Храбрым предводителем солдат, никогда не сдававшимся даже после тяжких поражений. Он доказывал это не однажды.

После продолжительного разговора с полковником Помтовом, начальником оперативного отдела 5-й танковой армии, состоявшегося в вадии около Сбейтлы, Роммель согласился с планами Арнима продолжать сражение силами 5-й танковой армии с целью завоевать более выгодные исходные позиции и упредить ожидаемую весной атаку Эйзенхауэра. Наступление получило кодовое название «Бычья голова».

Роммель совершенно ясно высказывался, что, по его мнению, сопротивление стран «оси» не продержится далее середины мая. Он считал необходимым, чтобы группа армий «Африка» ограничилась обороной небольшого плацдарма. Рубеж этого плацдарма западнее Туниса должен был проходить приблизительно по линии настоящих немецких позиций. И в любом случае им надлежало улучшить свое положение, развернувшись к югу от Туниса до самого Анфидавиля.

«Бычья голова» стала последней немецкой наступательной операцией в Тунисе. Главной целью ее являлось занять важные высоты, чтобы перекрыть Эйзенхауэру артерию снабжения из Беджи к печально знаменитому Меджез-эль-Бабу и завоевать подходящую для действий бронетехники территорию к северу около Абиода. Но даже и для столь ограниченных целей фон Арним не располагал достаточными силами. 10-ю танковую дивизию вывели из состава 5-й танковой армии, и она подчинялась теперь напрямую приказам Роммеля. Оставшиеся войска, включая части дивизии «Герман Геринг» под командованием генерал-майора «Беппо» Шмидта, были вымотаны и не способны принимать участия в боях. С тем чтобы, по меньшей мере, получить закаленную боевую группу, пришлось

вывести из района Пишона 47-й пехотный полк и дислоцировать его между сводной «дивизией Мантойфеля» и 334-й пехотной дивизией, где уже образовалась опасная брешь.

Фон Арним получил дополнительную дивизию или, по крайней мере, часть дивизии — из Берлина к нему направили 999-ю пехотную дивизию (исправительная штрафная), состоявшую из солдат, наказанных за слушание вражеских радиопередач, за аферы на черном рынке и еще бог знает за что. Среди личного состава попадались разжалованные офицеры и унтер-офицеры, а также амнистированные заключенные из концентрационных лагерей. У них не было особой нужды защищать фатерлянд и гитлеровский режим. Должен сразу оговориться, что дивизия, которой командовал генерал Томас, сражалась неожиданно храбро; особенно отличился артиллерийский полк подполковника Вольфа. Всего менее десяти процентов личного состава перебежало на сторону врага. Другие бойцы храбростью стремились искупить свое криминальное прошлое. И все равно вместо ударной дивизии в последней битве за Африку — «штрафное соединение»! Вот и вся степень «материализации» обещаний ставки фюрера.

Каково было положение 5-й танковой армии в том, что касается численности ее боевого личного состава, лучше всего демонстрирует диспозиция соединения. На севере дислоцировалась «дивизия Мантойфеля» — 10-й итальянский берсальерский полк, парашютный инженерно-саперный батальон Витцига, полк Барентина, 1-й батальон 4-го полка «Бранденбург» капитана фон Кёнена и вновь сформированный полк из двух тунисских батальонов. Сюда можно прибавить четыре или пять артиллерийских батарей. Термин «дивизия» использовался в целях введения неприятеля в заблуждение.

В центре и на юге размещалась корпусная группа Вебера. Состояла она из бригады Ланга, 47-го пехотного полка, 501-го батальона тяжелых танков численностью тридцать «Тигров» и ядра 534-й пехотной дивизии. Вдобавок к тому из дивизии «Герман Геринг» и нескольких тунисских батальонов. Четыре дивизиона 334-го артиллерийского полка в составе двенадцати батарей, включая шесть горных гаубиц — стоятимиллиметровок на гужевой тяге, — представляли собой артиллерийское вооружение целой группы. И это все!

В таком составе 26 февраля немцы начали атаку на армию вторжения Эйзенхауэра. Как ни странно, вначале им сопутствовал некоторый успех. На северном фланге дивизии Мантойфеля удалось

застать неприятеля врасплох и во взаимодействии с небольшой группой десантников, высаженных с немецких торпедных катеров, взять мыс Серра. Но потом небо расплакалось — с него потекли неиссякаемые потоки воды второго сезона дождей, который начинается в Тунисе в середине февраля. Дороги превратились в месиво грязи, а вади в стремительные реки. Вся местность стала одним огромным болотом. «Тиграм» приходилось держаться дорог, где они становились хорошими мишенями для противотанковых батарей. Стрелки Бёрсера из полка Барентина совершенно справедливо ворчали, что их опыт более чем сотни разведывательных дозоров на высоты Сиди-Нсира пропадает зря, а то, чего в штабе собирались достигнуть за счет применения танков «Тигр», куда лучше сделало бы хорошо подготовленное пехотное подразделение. Но в итоге стрелкам пришлось «таскать каштаны из огня» на высотах Сиди-Нсира и на перекрестке Джебель-Зеблы.

Южная группа также сумела прорваться в районе Губелла. Но и там тоже зарядили дожди, которые вкупе с нехваткой артиллерии ограничили возможности войск в операции.

В центре бригаде Ланга удалось достигнуть цели — перекрыть дорогу в Меджез-эль-Баб. Гренадеры 47-го пехотного полка окопались на высотах и простреливали дорогу. Ночью саперы поставили мины, так что противнику пришлось прекратить передвижение в направлении Меджез-эль-Баба. Но и тут тоже от солдат требовали слишком многого. Им не удалось захватить все высоты.

На южном фланге операция полностью провалилась.

Чрезвычайно труднодоступная местность и упорное противодействие, несмотря ни на какие усилия дивизии «Герман Геринг», не позволили ей сколько-нибудь заметно продвинуться. 3-й батальон егерского полка «Герман Геринг» штурмом ворвался на вражеские позиции, но после трехдневных боев отступил. Отмена операции «Бычья голова» стала единственным возможным решением. Последнее немецкое наступление в Тунис подошло к своему завершению.

Медининское предательство

Любой, кто изучал стратегические и тактические приемы Роммеля, знает, что его традиционной манерой было атаковать скопления противника и наносить ему поражения. Как часто он проделывал

вал это на протяжении двадцати пяти месяцев Африканской войны! Роммель хотел применить свою старую тактику после провала Тебесского наступления и окончания операции «Бычья голова» в отношении армии Эйзенхауэра, а затем повернуть навстречу старому врагу, Монтгомери. Вновь ему предстояло задействовать все свои силы, хитрость и храбрость против чувствующей запах победы 8-й армии, чтобы впервые за долгое время попытаться остановить ее продвижение и разгромить значительную часть ее войск.

После назначения Роммеля командующим группой армий «Африка» германо-итальянская танковая армия перешла под начало итальянского генерала армии Мессе. Будучи командиром итальянского корпуса на юге Восточного фронта, генерал удостоился Рыцарского креста. Начштаба его был очень способный ясно мыслящий итальянский генерал Манцинелли. В качестве немецкого начштаба у Мессе остался Фриц Байерляйн, получивший к тому времени звание генерал-майора.

Образовалась следующая диспозиция. 90-я дивизия «сидела» по обеим сторонам дороги Меденин—Габес. Слева от нее вплоть до моря дислоцировалась стойкая 136-я итальянская пехотная дивизия молодых фашистов — часть ветеранов войны в Северной Африке, которая храбро сражалась во всех битвах, в которых ей доводилось участвовать. Справа до гор Матмата стояли 101-я моторизованная дивизия «Триесте» и 16-я пехотная дивизия «Пистойя». 164-я легкая дивизия на широком фронте обеспечивала перевалы в горном районе Марет. Итальянские контингенты и части армейской фронтовой разведки прикрывали глубокий фланг с запада от горы Эль-Кебили. Также в распоряжении танковой армии стран «оси» находились усиленные армейской артиллерией 15, 21 и 10-я танковые дивизии. Тыл к северу от солевых копей — все еще контролируемый 5-й танковой армией — обеспечивала 131-я бронетанковая дивизия «Чентауро» под командованием графа Кальви, и в Сенедэ — части бригады Имперали.

Местность имела, безусловно, значительные преимущества для обороняющихся в виде глубоких вадн Куэд-эль-Зеусс и вздымавшихся ввысь высот горного района Марет к западу от равнины, перейти которые можно было лишь в определенных местах. Проходы эти контролировались французскими укрепленными пунктами, которые демонтировали после подписания франко-немецкого перемирия. Подходящую артиллерийскую позицию враг мог оборудовать только на Метамёре — высоком хребте на равнине к северо-северо-западу. Недостаток оборонительного рубежа, од-

нако, состоял в том, что неприятель имел возможность обойти его через открытую пустыню к западу от гор Матмата. Как показывает опыт, пустыня в большинстве случаев не становится препятствием для механизированных колонн. В дополнение ко всему существовала опасность окружения силами Свободной Франции из Сахары.

При всех этих обстоятельствах становилось понятно, что длительное противодействие полномасштабному штурму 8-й армии на линии Марет оказывается не представляется возможным. Поэтому Роммель решил атаковать Монтгомери, пока тот еще находится на марше. Генерал Циглер, временно командовавший Африканским корпусом, получил от Роммеля приказ разработать план атаки и представить его на рассмотрение командующего.

В ходе приготовлений возникало немало споров относительно того, как правильно построить операцию. Споры не стихают и теперь, вызывая неизменный вопрос: что произошло бы, если бы?..

Циглер предполагал действовать с запада от Меденина против войск к югу от линии Марет. Продолжительный марш бронетехники, предусматривавшийся таким вариантом, перед лицом господства противника в воздухе явно представлял собой слабое место плана. Генерал Циглер написал мне по данному вопросу следующее: «В решающем обсуждении, которое происходило в частном доме на дороге Габес—Марет, фельдмаршал Роммель, присутствовавший там вместе с генерал-майором Гаузе, принял предложение проводить атаку с запада с осью в направлении Меденина с большой неохотой и опасением. Было нелегко убедить фельдмаршала в невозможности с тактической точки зрения предполагаемого удара с севера. Вновь и вновь мы обсуждали условия и едва не отказались от затеи. Мнения расходились даже в отношении атаки на сам Меденин. Роммель видел опасность в том, что, если центральной точкой атаки будет место к югу от Меденина, задействованные там силы могут оказаться быстро отрезанными или по крайней мере связанными боем вражескими резервами, выдвинувшимися с юго-востока. Он ни в коем случае не хотел идти на такой риск. В дальнейшем он распорядился разработать план с учетом того, что центральная точка танкового крыла будет располагаться к северу от Меденина и направлена против вероятной артиллерийской позиции противника в горных районах к северу от Метамёра. 10-ю дивизию также предполагалось перебросить на север от Меденина в направлении Метамёра. Новую встречу назначили на 2 марта. Из-за длинного и трудного пути, который предстояло покрыть 10-й танковой дивизии на подходе к цели, приходилось, к сожалению, еще

отложить атаку. Изначально она была запланирована на 4 марта, а теперь отложена на два дня. Отсрочка не сулила ничего хорошего».

Ранним утром 6 марта 15, 21 и 10-я танковые дивизии вышли на исходные позиции. Поддержку им оказывали армейская артиллерия генерал-майора Краузе, 90-я и 160-я легкие дивизии и 131-я танковая дивизия «Ариете». Генерал Крамер, в прошлом командир 8-го танкового полка, принял командование Африканским корпусом за день до сражения.

Стояло утро прекрасного солнечного дня — часом «Ч» для старта атаки было выбрано 06.00. Сражение началось с мощного обстрела батарей Африканского корпуса. 170-мм полевые орудия и 210-мм минометные батареи¹ обрушивали залпы на противника в районе Меденин—Метамёр. Затем вступила в действие бронетехника. Из штаба на Джебель-Тебарга командир Африканского корпуса видел маневры своих танков далеко внизу: слева сорок танков бывшего его 8-го танкового полка, ведомые в бой полковником Иркенсом, в центре широким фронтом 5-й танковый полк под началом полковника Герхарда Мюллера и на самом правом крае 7-й танковый полк (10-й танковой дивизии) полковника Герхарда — полк из состава бывшей 4-й танковой бригады. За танками Герхарда следовал 86-й моторизованный гренадерский полк в сопровождении 90-го полка механизированной артиллерии, который вступил в боевые действия прямо с марша.

Шанса застать противника врасплох немцы тут не имели. Их атаковали истребители-бомбардировщики, что на открытой местности было наиболее опасным для наступающих. Артиллеристы и grenадеры бросались на землю, но танковое сражение развивалось. Нагруженные под завязку патронными коробками grenадеры сдвигали каски на затылок. У многих в уголках рта торчали сигареты. Все, казалось, происходило так же, как перед линией Мажино, на берегу Буга, на Днепре или на подступах к Сталинграду.

Когда генерал Крамер посетил тактический штаб 21-й танковой дивизии, ее командир, генерал-майор Гильдебрандт, находившийся с танковым резервом под огнем, выглядел очень хмурым.

— Мы совсем не продвигаемся, — сказал он. Но Крамер и сам видел, сколь силен заградительный огонь противника. Британские батареи вели ураганный огонь по наступавшей бронетехнике. Осколки снарядов и обломки скальных пород дождем летели в grenадеров и артиллеристов, кося их направо и налево. Солдаты майо-

¹ Батареи реактивных минометов. — *Прим. пер.*

ра Шлике из 326-го дивизиона артиллерийско-инструментальной разведки (АИР) лежали со своими приборами впереди, пытаясь по звуку и вспышкам выстрелов вычислить местоположение артиллерийских позиций неприятеля.

Генералу фон Бройху и его 10-й танковой дивизии приходилось несладко. Его моторизованные гренадеры находились под сосредоточенным огнем британской артиллерии и несли тяжелые потери. Батареи его артиллерийских полков тоже понесли сильный урон от действовавших на бреющем полете самолетов штурмовой авиации. Далеко впереди на его участке передовой тоже находились бойцы подразделений наблюдателей — «артиллерийские гномы». Они лихорадочно старались как можно точнее наводить огонь своей артиллерии и выявлять места дислокации вражеских батарей. То, что удалось установить этим наблюдателям, не могло не тревожить. Первая задача немецкой атаки — нанести удар сильным группам неприятельской артиллерии во фланг и в тыл. Однако получалось, что немцы ведут фронтальную атаку. Как выяснилось позднее, орудия находились на позициях всего два дня. Все было совершенно ясно: Монтомгери узнал план атаки Роммеля и соответственным образом расположил свою артиллерию. Тут явно поработал предатель. Доказательство предательства скоро обнаружилось в кармане французского военнопленного сержанта — бумага с точными подробностями начального плана наступления Роммеля и направления атаки. Там стояла дата старта операции — 4 марта, иными словами, изначальные данные. Два дня отсрочки предоставили командующему британской армией время для подготовки. Все расчеты Роммеля строились на внезапности, теперь же о ней не могло идти и речи, а значит, сражение было проиграно еще до того, как началось. Но, как и всегда, знание этого становится достоянием общественности гораздо позднее происходящих событий.

В тактическом штабе 10-й танковой дивизии склонялся над донесениями начальник оперативного отдела подполковник Штауффенберг.

— Шестиствольные минометы, — постоянно требовал он, — шестиствольные минометы. Только они могли пробить бреши в стройных рядах вражеской артиллерии.

Штауффенберг сам указывал места для расположения этого эффективного оружия — новичка на африканской земле и предвестника современных ракет. Но тут они не сумели показать себя. Три батареи реактивной артиллерии 71-го полка были уничтожены истребителями-бомбардировщиками, и танки остались под гу-

бительным огнем британских артиллеристов. К полудню пятьдесят пять сгоревших немецких танков остались на поле боя перед Метамёром. План атаки пал жертвой предательства. Никто в штабе больше не сомневался в этом.

Точность, с которой сработал предатель, отражалась в поведении британских войск и их противодействии фронтальной атаке 90-й легкой дивизии. Она была послана на юг в качестве отвлекающего маневра с целью связать британские войска. Монтгомери, однако, отвел войска с фронта наступления 90-й легкой, так что замысел немцев не удался. Британский командующий, совершенно очевидно, не беспокоился относительно серьезности намерений неприятеля на данном участке. Кто же предал? Во многих кругах после войны циркулировали слухи о том, что источником предательства стало Итальянское главнокомандование — один из его офицеров. Я не собираюсь развивать здесь эту малоприятную тему...

Во второй половине дня 6 марта, примерно в 16.00, Роммелю и его командирам стало ясно, что выиграть сражение в районе Меденин—Метамёр более невозможно. Генерал Крамер предложил прекратить атаку, и Роммель согласился. Последняя полномасштабная наступательная операция танковой армии стран «оси» завершилась. Теперь на горизонте забрезжил зловещий призрак финала Африканской кампании.

Через три дня после этого сражения, 9 марта 1943 г., фельдмаршал Роммель покинул Африку. Он вылетел в Рим, а затем в ставку фюрера в последней попытке организовать эвакуацию обеих армий группы армий «Африка». Но Гитлер оставался глух к его доводам. Роммелю приказали покинуть сцену и «пойти подлечиться».

Конец Африканского корпуса

Задача встретить печальный конец Тунисской армии и лисов пустыни легла на генерал-полковника фон Арнима как на командующего группой армий. Генерал Гаузе оставался на посту начштаба, а неутомимый полковник Помтов — начальника оперативного отдела. 5-ю танковую армию принял под свое начало генерал фон Вёрст, в прошлом командир прославленной 15-й танковой дивизии. Начштаба у него был генерал фон Кваст.

Прусский аристократ фон Арним, «один из последних рыцарей старой школы», как написал мне в письме Помтов, выполнял воз-

ложенные на него задачи рассудительно, храбро и человечно, о чем никогда не забудут ни его солдаты, ни его противник.

Вот хотя бы один пример, который заслуживает того, чтобы занести его в анналы Африканской войны. В виду города Туниса, на рейде Ла-Гулет, в первые дни мая стоял итальянский корабль снабжения «Беллуно» с семью сотнями британских и американских военнопленных на борту. Бомбардировщики Королевских Воздушных Сил атаковали судно. Итальянская команда покинула его. Комендант порта Келлер позвонил в штаб группы армий с просьбой прислать истребительное прикрытие для «Беллуно». Но откуда было взять истребители для защиты военнопленных солдат союзников от их же бомбардировщиков, если самолетов не хватало для обеспечения поддержки и прикрытия своих войск? Капитан Келлер очень просил полковника Помтова сделать что-нибудь, и офицер штаба объяснил ситуацию фон Арниму.

— Пошлите сообщение Александеру, чтобы перестал бомбить своих людей, — ответил фон Арним и дал приказ начальнику своего разведотдела майору Моллю. Из группы армий «Африка» в адрес британского командующего в Тунисе, заместителя Эйзенхауэра генерала Александера, открытым текстом пошло сообщение: «Прекратите налет на гавань города Туниса. На корабле семьсот военнопленных». Александер отреагировал немедленно и распорядился отозвать британские бомбардировщики.

Позднее, когда фон Арним сам стал пленным и был принят Александером — генерал Эйзенхауэр отказался встречаться с командованием немецкой армии, — британский командующий спросил:

— Есть ли у вас какие-нибудь пожелания, генерал?

Арним ответил:

— Я бы попросил *quid pro quo*¹. За тех семь сотен томми я хочу получить разрешение отправить семьсот тяжело раненных немецких солдат в госпиталь в Италии.

Александер на какое-то мгновение заколебался, а потом кивнул.

— Я сделаю, как вы просите, — сказал он.

Желание генерала было выполнено.

Но Меденинское сражение и плен разделяют два месяца. Те два месяца стали драматической и трагической главой на заключительном этапе Североафриканской войны. Храбрость и отвага солдат

¹ Услуга за услугу (*лат.*).

и офицеров в те месяцы тем более восхитительны, что они воевали без надежды на победу, а лишь с горечью и болью вели к завершению ставшую уже бессмысленной кампанию. После Меденина штабы и войска фон Арнима прекрасно осознали, что это начало конца. Противник имел перед армиями стран «оси» такое превосходство в живой силе и технике, что мог стоять лишь один вопрос: когда завершится противостояние на африканской земле? Союзники безраздельно господствовали в воздухе.

Группе армий приходилось обороняться на фронте протяженностью около восьмисот километров, имея в своем составе две армии общей численностью около трехсот тысяч человек, треть из которых были немцы. Если из этого количества вычесть численность личного состава частей снабжения, довольно значительных у итальянцев, то получим примерно сто пятьдесят тысяч военнослужащих в боевых частях. С таким количеством солдат защищать восьмисоткилометровый фронт было бы невозможно даже в благоприятных для этой местности условиях. Оборона целых участков могла обеспечиваться лишь за счет изолированных укрепленных пунктов. Насколько тонким оказывался порой этот рубеж, наглядно иллюстрирует история, которую поведал мне сам генерал фон Арним.

Полковник Гайгль, специалист в области экономических вопросов в штабе Арнима, заявил вдруг о том, что цены на черном рынке полезли вверх. Причина состояла в крупномасштабных закупках арабскими крестьянами различных товаров, которые увозились из города Туниса на длинных караванах осликов. Как ни странно, но расплачивались арабы долларами или английскими фунтами. Для немецких войск такое положение означало не только рост цен на продукты сельского хозяйства, такие как вино, овощи, фрукты и зерновые, но и нехватку всего этого. Ввиду плачевного положения со снабжением ситуация выглядела очень серьезной. Нет ничего удивительного, что Гайгль решил присмотреться к арабским караванам. Можно представить себе его удивление, когда под бурнусом араба, ведшего под уздцы осла, полковник увидел британские военные ботинки. При проверке выяснилось, что мнимый араб являлся не кем иным, как британским сержантом. Ответ был прост: специальные группы британских коммандос скупали товары на рынках Туниса и караванами увозили на британско-американский фронт. Поистине, Африка была очень странным ТВД.

К недостатку войск добавлялась и беда с поставками всего необходимого. Еды, боеприпасов и горючего всегда не хватало. Рас-

тенбург и Рим оказывались более не в состоянии снабжать группу армий даже тем минимумом, без которого под вопросом оказывалось само ее выживание. В порт Туниса прибывали только малотоннажные суда — водоизмещением до трех тысяч тонн. Были введены в действие паромы Зибея, но эти посудины могли перевозить только по двадцать тонн груза — капля в море по сравнению с месячной потребностью в семьдесят пять тысяч тонн. Не могли улучшить ситуацию и поставки по воздуху. Кессельрингу понадобился бы мощный флот «Юнкерсов» и гигантские транспорты, которыми он не располагал. Те самолеты, которые он отправлял, сбивали союзники над Средиземным морем. Фон Арним признался мне с военной прямоотой: «Даже и без наступления союзников мне пришлось бы капитулировать самое позднее первого июня, поскольку нам было бы уже нечего есть».

18 марта немецкая воздушная разведка сообщила о продвижении через пустыню мощного контингента из трех тысяч единиц британской техники. Происходило то, чего боялись все командиры в течение многих недель — противник начал окружение линии Марет. Монтгомери послал на север новозеландскую дивизию, армейскую танковую бригаду и 1-ю британскую танковую дивизию и атаковал линию Марет в лоб и с фланга.

Атаку гвардейской бригады 16 марта отразил 361-й пехотный полк совместно с батальоном 47-го. 20 марта гвардейцы вновь безуспешно штурмовали высоту № 151. Однако в центре фронта 50-я британская пехотная дивизия прорвалась через оборонительные позиции в Зигзагу-Вади, преодолев рвы глубиной два и шириной четыре метра. Прежде чем томми успели подтянуть свое противотанковое оружие, они были контратакованы 15-й танковой дивизией. В ожесточенной рукопашной британцы были отброшены. Сотни вражеских солдат остались лежать мертвыми в Зигзагу-Вади.

22 марта британская окружающая армия атаковала итальянский фланг за горами. 21-я танковая дивизия продолжала удерживать фронт. Но теперь, дальше на севере, американцы ударили из Гафсы на проходы Эль-Геттара, где держали оборону дивизия «Чентауро» и бригада Имперали. Противник ударил одновременно по фронту, во фланги и с тыла. Перед лицом сложившегося положения фон Арним отдал приказ об оставлении линии Марет. Армия Мессе с боями прокладывала себе путь назад.

Новые позиции находились на линии Шотт, или Акарит, — в проходе между соляными копиями и заливом Габес. Началась полная

драматизма гонка. 26 марта, во время песчаной бури, новозеландцы прорвали внешний фланг Мессе до самых позиций артиллерии. Высоко в небе висела луна. Новозеландцы развивали наступление в направлении Эль-Хаммы. Если бы они прорвались, вся армия Мессе была бы отрезана и уничтожена. У группы армий не осталось резервов, чтобы предотвратить катастрофу. В критический момент генерал Боровитц, невзирая на малочисленность, бросил 15-ю танковую дивизию на южный фланг новозеландцев. Застигнутым враг-сплох маори пришлось отражать натиск неожиданного противника. Таким образом, 164-я легкая и 21-я танковая дивизии сумели образовать кольцо вокруг Эль-Хаммы и сдерживали британские атаки до тех пор, пока пехота Мессе не заняла позиции в районе Вадиль-эль-Акарит.

Но удар следовал за ударом.

Американский 2-й армейский корпус¹ из Гафсы атаковал итальянскую оборону в тылу у новых позиций Мессе. Возникла угроза прорыва к морю. Отчаянную контратаку 10-й танковой дивизии противник остановил огнем артиллерии. В то же самое время войска Эйзенхауэра с запада нанесли удар по ущельям в районе Макнасси. Они тоже стремились к морю. Появилось несколько «Тигров». Полковнику Лангу пришлось в спешке наскребать солдат и бросать на север подразделение, сколоченное из батальонов 69-го и 86-го полков и немногочисленных батарей восьмидесятывосьмимиллиметровок. В течение нескольких часов под Макнасси несколько батальонов противостояли дивизиям.

В Вадиль-эль-Лебен майор Фридрих Вильгельм Фосс со своей разведывательной частью сдерживал 1-ю американскую танковую дивизию. Трагедия на перевале Макнасси продолжалась.

Подобно спартанцам царя Леонида на Фермопилах, бывшие личные телохранители Роммеля под командованием майора Медикуса удерживали перевал свыше недели, отбивая атаки половины американской дивизии. Восемьдесят человек, половина колонны саперов и персонал штаба, сражались под началом лейтенанта Бреннерта, подобно сподвижникам Андреаса Гофера². Они скаты-

¹ Этим корпусом командовал американский генерал Дж. С. Паттон, который в кратчайшие сроки сумел вернуть потрепанному соединению утраченную боеспособность. — *Прим. пер.*

² Андреас Гофер — тирольский партизан, который вел в горах войну с войсками Наполеона и баварцев на стороне австрийцев в 1809–1810 гг. В 1810 г. А. Гофер был схвачен и казнен по приказу Наполеона. — *Прим. пер.*

вали с вершин валуны на наступающие танки и бросали камни в пехоту.

26 марта у 21-й танковой дивизии оставалось двадцать пять танков. У 15-й — еще три. Они соединили силы с остатками дивизии «Чентауро» в Геттаре, чтобы отражать решительный натиск союзников.

На севере британцы взяли мыс Серра. Все рушилось, и никакого снабжения не поступало. Части особого назначения гнали топливо из тунисского вина. Это было банкротство.

Удержать позиции в районе Шотт оказалось невозможно. Как тут было обороняться? Ни стен, ни крыш, чтобы найти убежище от круглосуточных налетов авиации союзников.

Монти продолжал атаковать. Его 51-я шотландская горная дивизия овладела пропитанной кровью Джебель-Румана и высотой № 175. Вновь 361-й и 200-й пехотные полки отбросили неприятеля вспять. Но затем рухнул итальянский фронт. 6 апреля зазвучала труба отступления. Войска откатывались к позициям Анфидавия и дальше к северу залива Хаммаммет.

Ирония идеологической войны заключалась в том, что 1-й полк из 999-й «испытательной» дивизии, входивший в боевую группу полковника Фуллериде, удерживал проходы в районе Пишон—Фондук на протяжении шести дней под ударами двух дивизий. Они уничтожили шестьдесят американских танков и прикрывали отступление армии на новые позиции, на которые она вышла 13 апреля.

Следующий эпизод дает пример того, сколь причудливыми могут оказаться повороты человеческой судьбы. Подполковник граф Штауффенберг ехал в бронемашине. Спикировал британский истребитель-бомбардировщик. Зарокотали пулеметы, и тяжелораненый Штауффенберг упал. К счастью, поблизости находилась санитарная машина, и подполковника удалось вывезти в тыл. Солдаты 90-го полка механизированной артиллерии, ставшие свидетелями этого события, и не подозревали, что британского пилота с его пулеметами направляла сама рука Судьбы, поскольку графу Штауффенбергу пришлось покинуть Африку. Для него было бы лучше оказаться в плену.

В истории войны так же много удачных отступлений, как и смелых наступлений. Отход группы армий «Африка» на позиции Анфидавия являл собой шедевр военного искусства и пример того, что могут храбрые и закаленные в боях войска. Когда в середине апреля началась заключительная битва за Тунис, Эйзенхауэр располагал пятнадцатью британскими и пятью полностью укомплектованны-

ми снаряжением американскими дивизиями. В дополнение к этому он имел французский армейский корпус, воздушный флот и части особого назначения для осуществления разведдеятельности, обеспечения снабжения и прочее.

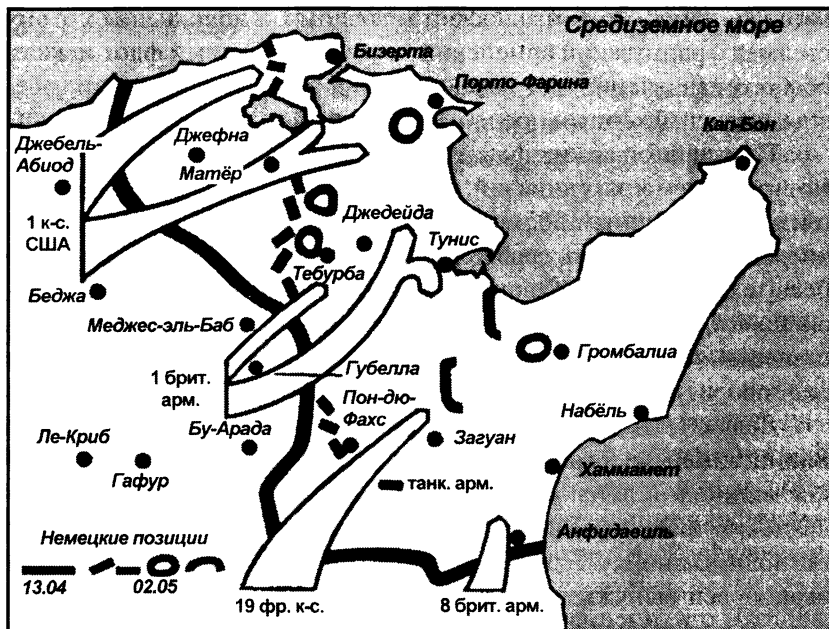
Против этой армии фон Арним мог выставить всего девять измотанных немецких дивизий, большинство из которых были укомплектованы личным составом на две пятых от своей нормальной численности. Шесть итальянских дивизий имели очень невысокую боевую ценность. Вдобавок ко всему части особого назначения, носившие гордые названия бригад, полков или боевых групп, в действительности являлись не более чем батальонами. Соотношение сил говорит нам все.

Дела с подкреплениями обстояли прескверно. Унтер-офицер Вайнцгеймер из бывшего 15-го мотоциклетного батальона в те последние дни летел с солдатами пехотной роты в Тунис на итальянских транспортных машинах. Самолеты разбились. Летчики погибли. Вайнцгеймер, оставшийся с горсткой своих людей у совершившей вынужденную посадку машины, оказался в плену. За несколько недель до того комплектный резервный батальон подполковника (104-го танкового полка) Райнольда Мая, сражавшегося в 1941 и 1942 гг. в районе Сиди-Резег, на трех итальянских миноносцах шел к Тунису. Миноносцы отправились на дно. Спаслось только шесть человек.

Для решающего штурма Туниса генерал Александер перегруппировал свои войска, сосредоточил сильные подразделения на центральном участке фронта и сформировал из британских частей наступательную группу численностью в шесть пехотных и две танковые дивизии. Маршрут продвижения лежал через долину Меджерды и по дороге через Массико. На юге, в районе Пон-дю-Фа, изготовились к наступлению французы, поддерживаемые тремя британскими дивизиями.

В период между 20 апреля и 5 мая Александер хлестал своими атаками тонкую линию фронта войск стран «оси». На севере полк Барентина, который после ранения командира принял майор Байер, шаг за шагом отступал на позиции Джефны. 1 мая опасность прорыва вынудила немцев отступить дальше на запад от Матёра.

В то же самое время 334-я пехотная дивизия и 47-й пехотный полк сражались со 2-м американским корпусом за высоту № 609, которую оставили 1 мая. В районе Матёра остатки дивизии и 47-го вновь образовали фронт.



*Победоносное наступление союзных войск в Тунисе.
Апрель—май 1943 г.*

На не раз переходившей в прошлых схватках из рук в руки Лонгстоп-хилл 78-я британская дивизия атаковала батальон из состава 334-й. Проклятая высота была перепажана снарядами. С Рождества она находилась в руках немцев. 24 апреля ею окончательно овладел противник. На этом участке линия обороны вокруг Туниса оказалась взломанной.

Шестая британская танковая дивизия вела схватку за позиции на Верблюжьей горе с дивизией «Герман Геринг» и одолела ее. Гренадеры из 10-й танковой дивизии отбили у противника высоту, но лишь затем, чтобы потерять вновь.

Период между 28 апреля и 1 мая стал временем постоянных атак и контратак. На дороге к Массико, в районе французской фермы, пылала ожесточенная схватка. Здесь дрались гренадеры 15-й танковой дивизии. Полковник Иркенс прорывался с оставшимися танками на поддержку к своим на угрожаемых позициях. Уцелевшие 88-мм орудия из 20-й дивизии ПВО вели бой с возобновившей натиск британской бронетехникой. 8-я батарея 52-го зенитного полка давала прощальный бал со своими верными вось-

мидесятивосьмимиллиметровками. Севернее Матёра два орудия батареи лейтенанта Гаппаха подбили тринадцать американских танков из состава танковой бригады. Это фельдфебель Фойгт салютовал в честь восьмидесятивосьмимиллиметровок. Второй дивизион 190-го артиллерийского полка, сократившийся теперь до единственной батареи под командованием капитан Зайдля, вел последнюю дуэль с американской бронетехникой 5 мая. Здесь тоже все дело было скорее в упрямстве, чем в попытке достигнуть каких-то практических целей.

В ночь с 5 на 6 мая артиллерийский огонь противника по интенсивности стал походить на артподготовку перед наступлением. Авиация союзников непрерывно бомбила немецкие позиции. На пятикилометровой ширины фронте две британские пехотные дивизии, при поддержке бронетехники, атаковали два слабых полка 334-й пехотной дивизии и остатки дивизии «Герман Геринг». Они стойко держались, встречая атакующих огнем пулеметов и противотанковых орудий. Они показали, на что способны, но все было бессмысленно. Фронт рушился. Союзники медленно прогрызались на восток и на закате вышли к предместьям Массико.

Храбрость, выказанная полковником Иркенсом с его горсткой танков 15-й танковой дивизии, оказалась ни к чему. Как не нужна была храбрость парашютной роты Кляйншмида на высоте № 530, к югу от Матёра. Несмотря на всю их доблесть и отвагу, изменить что-либо уже не представлялось возможным.

Рано утром 7 мая, сменив части пехоты на передовой, британцы возобновили штурм. В ярости и отчаянии полковник Иркенс послал в битву последние танки. Но тщетно. К полудню 11-й гусарский из армии Монтгомери стоял у ворот Туниса. В тот же самый момент американцы заняли оставленную немцами Бизерту. Группа армий «Африка» была полностью разгромлена. 5-я танковая армия состояла теперь из горстки боеспособных частей. Ее командир, генерал фон Вёрст, прорвался с последними двумя танками и несколькими сотнями пехотинцев к берегу в районе Порто-Фарина. На Джебель-Ашкель, к северу от Матёра, все еще держались небольшие боевые подразделения. Уцелевшие военнослужащие из дивизии «Герман Геринг» и полка Коха продолжали биться на реке Милиана. Тут занял оборону генерал Франц остатками 19-й дивизии ПВО, батальонами бывшей парашютной бригады Рамке и несколькими 88-мм пушками. Они вновь отразили 4-ю индийскую дивизию.

Судьбу армии решил приказ из Растенбурга: «В группу армий «Африка»: Немецкий народ ждет, что вы будете сражаться до последнего патрона».

Генерал-полковник фон Арним не принадлежал к числу людей, которые легко нарушают приказы. Но имел ли хоть какой-то смысл данный приказ? У всех в памяти жил Сталинград. Суждено ли Тунису стать африканским Сталинградом? Генерал обратился к своему штабу:

— Что означает последний патрон в современной войне?

Все сошлись во мнении, и фон Арним сообщил солдатам, что «последний патрон» применительно к танковой атаке означает последний снаряд. Затем дивизии надлежало уничтожить оружие и сдаться противнику.

Десятая танковая дивизия вкопала в землю свои последние семь танков, поскольку у них кончился бензин. Американская атака при поддержке танков была отбита в полдень 11 мая последними снарядами.

Мрачные сидели солдаты подле своих орудий. Раз, а потом еще, но теперь уже в последний раз. Спокойной ночи! Танки и орудия взлетели на воздух. Дивизия доложила: «Боеприпасы закончились, оружие и снаряжение уничтожены».

На Джебель-Загуан в ночь с 11 на 12 мая в попытке прорыва атаковала Свободная Франция. Части прикрытия дивизии «Герман Геринг» были стерты с лица земли. Никто не скажет, почему вдруг произошла эта последняя вспышка белой как раскаленная сталь ярости, но на Джебель-Загуан состоялась последняя рукопашная с пистолетами, ножами, гранатами и штыками — последняя кровавая стычка в Африке.

В полдень 12 мая генерал-полковник фон Арним капитулировал от имени двух штабов группы армий «Африка» и Африканского корпуса. Генерал Крамер, последний командир Африканского корпуса, послал последнее донесение: «Германскому верховному командованию: Боеприпасы закончились, оружие и военное снаряжение уничтожены. Африканский корпус сражался до конца, как было приказано. Немецкий Африканский корпус должен возродиться. Крамер».

На юге тоже наступил конец германо-итальянской танковой армии генерал-полковника Мессе — конец лисов пустыни, старых дивизий армии Роммеля. 10 мая 6-я британская танковая дивизия прорвалась через Хаммам-Лиф и окружила армию Мессе. Дивизия молодых фашистов и 90-я легкая вместе сражались с наступаю-

шей британской бронетехникой. Они продержались два дня. 12 мая «плотина» рухнула. Орудия южной армии дали последние залпы по 8-й армии и 6-й британской танковой дивизии. Наступила тишина. Война в Африке завершилась.

12 мая в 18.00 90-я легкая дивизия капитулировала.

13 мая в 11.00 сложили оружие последние боевые части 164-й легкой дивизии «Африка».

Сто тридцать тысяч¹ солдат отправились в лагеря для военнопленных; 18 594 остались в Африке. Они навечно легли в землю Египта, Ливии и Туниса. Более 3400 пропали без вести.

Никто не может подсчитать количество немецких солдат, которые пошли на дно в ходе морских и воздушных перебросок через Средиземное море.

Количество погибших итальянцев на Североафриканском ТВД официально оценивается в 13 745. В дополнение к тому еще 8821 человек считаются пропавшими без вести.

Британская комиссия по военным захоронениям в конце апреля 1958 г. объявила, что войска стран Британского Содружества в Северной Африке потеряли погибшими 35 476 человек.

Американская комиссия по военным захоронениям приводит такую общую цифру по американцам, погибшим в Северной Африке: 16 500 человек.

Если включить сюда и французские потери, по которым нет точных данных, то счет, предъявленный смертью в Северной Африке, превысит 100 000 человек.

Среди эвакуированных в Сицилию с последним морским судном солдат особой группы Бранденбургской дивизии, секретного снаряжения, специалистов, офицеров генштаба и командиров, которым после падения Туниса предстояло ехать на Восточный фронт, сидел никому не известный араб — Ахмет эль-Бедуи. Он служил денщиком лейтенанта доктора Вагнера, недавно погибшего командира бранденбургских береговых стрелков. Ахмед был одним из тех, кто возлагал надежды на Германию. Он не желал возвращаться в Африку и отправился с новым командиром, капитаном Кульманном, на бушующий Европейский континент. Вместе со

¹ В оригинальном тексте 130 000 человек. По официальным данным союзников, в Тунисе было взято в плен 250 000 военнослужащих стран «оси», 125 000 из которых — немцы. В мемуарах Д. Эйзенхауэра — 240 000 военнопленных, 125 000 из них немцы. — *Прим. пер.*

своими немецкими товарищами ему предстояло проделать длинный путь через Палермо, Неаполь, Рим и Афины. Ахмет воевал на побережье Эгейского моря, на Корфу и на островах Додеканес. Он удостоился наград: немецкой пехотной медали и Железного креста. Вместе с другими бойцами он в итоге попал в плен. Он сумел написать своему командиру в госпиталь письмо, которое начиналось словами: «Mon Pere, mon commandant»¹. Позднее Ахмет предстал перед французским трибуналом по военным преступлениям, который приговорил его к смерти через повешение как французского гражданина. В конце последней записки, написанной за несколько часов до приведения приговора в исполнение, он поставил: «Ton fils»². Его имя не выгравировано ни на одной мемориальной доске. Ни одно отечество не вспоминает о нем с благодарностью за службу. Какой еще пример нужно привести для доказательства бессмысленности любой войны?

¹ Мой отец, мой командир. — *Прим. пер.*

² Твой сын. — *Прим. пер.*

ОНИ ИДУТ!

**НЕМЕЦКИЙ ОТЧЕТ
О ВТОРЖЕНИИ И 80-ДНЕВНОЙ БИТВЕ ЗА ФРАНЦИЮ**



Техническое превосходство американцев поражаало воображение. Десантные суда выгружали огромное количество танков и грузовиков.

Высаживались массы прекрасно экипированных солдат.

Бульдозеры прокладывали, расчищали и ровняли дороги, которые покрывались специальной металлической сеткой. Перед такой организацией рано или поздно должна была рухнуть любая оборона.

Июнь 1944 г. Участок высадки «Юта»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Быть хроникером побед — занятие благодарное. Но сообщать о сражении, завершившемся катастрофой, решившей исход войны, дело тяжкое. Очень велик соблазн либо отмежеваться от проигранных боев, либо направить свой пыл на поиск виновных.

Этого автор не желает. Он хочет рассказать о том, как все было в действительности. По возможности точно. На основе воспоминаний и документов составить отчет для широкого круга заинтересованных читателей.

Это стало возможным благодаря помощи нескольких сотен добровольных помощников — от простых солдат до генералов, сыгравших определенную роль в этой безжалостной драме. Всем им автор благодарен за предоставленные в его распоряжение сообщения, записки и военно-исторические работы, за оперативные планы, сохраненные вопреки всем неурядицам, рассказы о боях, подлинные приказы. При этом стали известны многие факты, полезные также и для военной истории. Некоторые спорные проблемы были разрешены.

Тем не менее мнения очевидцев о событиях подчас расходились, но в одном автор, сотрудники и советники были едины: излагать ход боев так, как в действительности все было, и размышлять над тем, почему так происходило.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Дорогой читатель!

В твоих руках книга о Второй мировой войне. Ой, боже мой, воскликнешь ты, что же тут нового. А я как переводчик скажу тебе без ложной скромности: почти все. Почти — это значит, что автор книги позволяет читателю взглянуть на военные события, а именно высадку союзников в Нормандии, глазами немца-патриота. Он страдает за смерть каждого своего солдата, за каждую оперативную ошибку командования. Союзникам совсем не легко давалась победа: они за нее заплатили дорого — солдатскими жизнями. Автор книги часто упоминает о Восточном фронте без нажима, с большим тактом. Русский читатель всегда будет думать о том, а как же воевали советские солдаты, не имея порой и винтовки, против немецких захватчиков, вооруженных до зубов. Кем бы ты ни был, дорогой читатель, патриотом или космополитом, прочитав эту книгу, ты не станешь другим, но кое-что поймешь.

І. Опасением и страхом

Плохая погода

Суббота, 3 июня 1944-го. Артиллерист Гюнтер Витте лежит в траве на дюне атлантического побережья Нормандии и в бинокль обшаривает небо. Полуденное солнце заволкло тучами, но, несмотря на это, тепло, как это бывает на полуострове Котантен в начале июня. Прощай, хорошие солнечные дни.

Шумят волны Атлантики. Слышны удары молота — одна из батарей 1262-го берегового артиллерийского полка перед Розелем устанавливает французское трофейное орудие.

— Эй, Витте, ну как охота? — кричит лейтенант Вольшлегер Гюнтеру.

— Не везет сегодня, — отвечает тот и бросает свой бинокль на пилотку, лежащую рядом. Мгновенно переворачивается на живот, прицеливается. Двустволка медленно поворачивается справа налево. «Бах!» и еще раз «бах!». Белый ком, кувыркаясь, падает на землю. Витте бросает ружье и бежит за добычей.

— Поймал? — кричат ему.

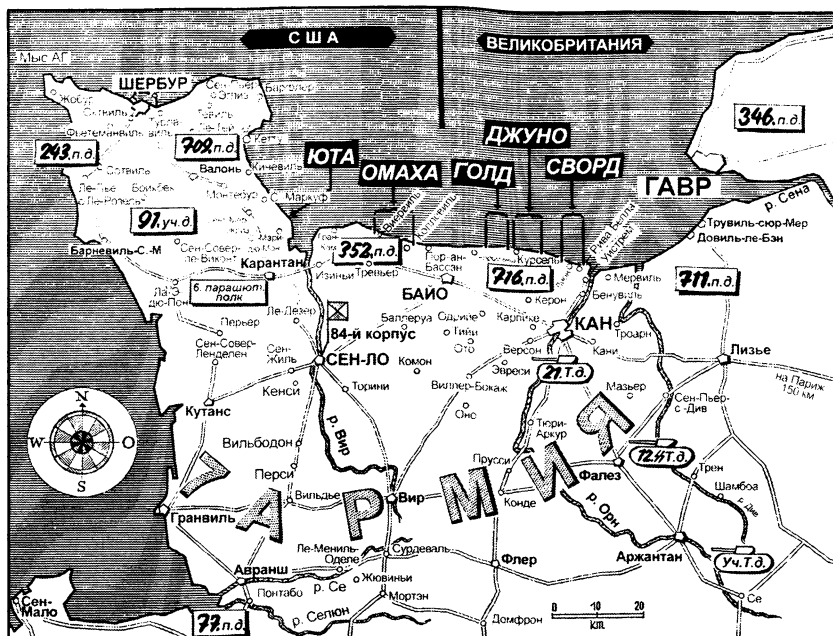
— Вот, — смеясь отвечает Гюнтер. — Вот, — и показывает убитого голубя.

— Он с грузом? — спрашивает Вольшлегер.

— Конечно, господин лейтенант, вот, пожалуйста. — Витте протягивает металлический цилиндрок, который он нашупал в перьях птицы. Там оказалась записка на папиросной бумаге: одни цифры, буквы и в конце — крошечный рисунок лисы.

— Прошлый раз была ворона или сорока или что-то в этом роде, — пробормотал Витте. У него был опыт в этом деле.

— Отнесите эту штуку в замок, — приказывает лейтенант. — Поторопитесь. — И Витте на реквизированном велосипеде помчался по дороге Ле-Пи в Шербур, чтобы отдать депешу разведслужбы



Начало операции «Оверлорд»

Франции английской контрразведке, в которой указаны огневые позиции и доты немцев на побережье и в тылу, войсковые части, расквартированные по деревням.

На северном французском побережье это стало своеобразным видом спорта — сбивать почтовых голубей. Правда, большинство их счастливо достигало британских голубятен южного побережья Англии. Тот, что был сбит сегодня, был исключительно важен. Однако его гибель стоила жизни многим американским солдатам. Мы об этом еще услышим. Но сегодня рано утром, в понедельник 5 июня, начальник разведки 84-го армейского корпуса в Сен-Ло майор Фридрих Хайн зарегистрировал донесение 709-й дивизии о подстреленном голубе с агентурной почтой. Он отложил алюминиевый цилиндр с шифрованным текстом — надо показать его командиру корпуса генералу Марксу и утром, 6 июня, с курьером отправить шифровку в Париж в центральное отделение Абвера. Он еще не знал, что «завтра» ему предстант дела поважнее.

Майор бросил взгляд через большое окно на собор с его величественными башнями, взглянул на небо, предвещавшее плохую

погоду, и углубился в оперативные карты, сведения о противнике. Бумаги, бумаги.

Как и майор Хайн из штаба 84-го армейского корпуса, штабные офицеры изучали в замках вокруг Парижа, в Бретани, Северной Нормандии, там, в Бельгии, у пролива Па-де-Кале, в Голландии и Южной Франции информацию о налетах авиации противника, о положении на побережье и о ходе работ по строительству укреплений. Но больше всего внимания они уделяли сводкам погоды. От нее зависело все.

Погода была альфой и омегой.

От погоды зависело: придут они или нет? И все штабы, генералы и 58 дивизий, расположенные восточнее Рейна, тоже ждали. Всех мучил вопрос: когда они придут?

Стоило какому-нибудь генералу спросить: «Может ли противник сегодня высадиться?» — как его штабные офицеры бросали взгляд на карту погоды. Ибо противник должен был приплыть на кораблях. И здесь были свои законы. При силе ветра в 4 балла и видимости ниже 3 миль, например, морской десант был невозможен, да и дождь с низко нависающими тучами, конечно же, исключает прикрытие с воздуха. Они не придут и среди бела дня, а ждать надо, конечно же, перед рассветом, когда под покровом темноты можно ближе подплыть к берегу. Перед рассветом будет либо отлив, либо прилив. К какой тактике решил прибегнуть генерал Эйзенхауэр — высадиться во время отлива или прилива? Этого не знал никто. Немецкие штабы, во всяком случае, придерживались мнения, что он высадится во время прибывающей воды. Это стало одним из многих заблуждений.

Какая же была погода 5 июня 1944 г. на нормандском побережье? Сила ветра от 5 до 6 баллов. Волнение моря от 4 до 5 баллов. Моросящий дождь. Во всех штабах от Парижа до Бреста рассчитывали на спокойную ночь: с бутылкой «Шабли», а то и с двумя.

На здоровье. «A votre santee», — говорят французы.

У часовых артиллерийских расчетов, опорных пунктов и дотов длинного нормандского побережья не было «Шабли», разве что «Кальвадос», яблочное вино. Часовые смотрели на ночное, затянутое туманом море и несли службу.

В дотах, расположенных в устье Сены, солдаты лежат на нарах. Жарко, сыро и затхло. Солдаты переговариваются. Кто-то, тоскуя по дому, поет шлягер, «Лили Марлен». В 120 километрах от устья Сены, на восточном побережье полуострова Котантен, в окопах опорного пункта номер 5 лежит взвод 3-й роты 919-го гренадерско-

го¹ полка. Лейтенант Артур Янке идет по окопу на вершине дюны. Часовой стоит у стереотрубы.

— Что-нибудь новое? — интересуется Янке.

— Ничего, господин лейтенант.

Янке смотрит поверх берега в море. Ночь темна. Дождевые тучи закрывают луну. Изредка она, прорываясь сквозь них, освещает берега с яблоневыми садами и ивами. Луна отражается несколько секунд в воде затопленных речных долин и вновь исчезает.

— При такой погоде они не придут, — говорит часовой. Лейтенант кивает. При такой погоде они не придут! Он три раза стучит по деревянной обшивке наблюдательного пункта и направляется в каменный дом опорного пункта № 5. «При такой погоде они не придут» — таково заключение метеорологов.

Морской комендант Нормандии контр-адмирал Хеннеке 5 июня в Шербуре подробно расспрашивал своего метеоролога с мыса Аг о погоде. Адмирал беспокоился: первая неделя июня по состоянию отлива и прилива, фазе луны и долгосрочным предсказаниям погоды была благоприятной для высадки. Кроме того, офицер штурманской службы обер-лейтенант Веземанн докладывал о том, что в прошедшую ночь на экране радара было отмечено сильное движение.

— Можно предположить, что это большое скопление судов, — рапортовал он. — Дальнейшее слежение было нарушено, очевидно, из-за помех!

Однако адмирал Хеннеке получал успокаивающие объяснения от своих метеорологов:

— Море штормит, видимость плохая; сила ветра от пяти до шести баллов, дождь усилится. Вероятно, даже воздушные налеты ослабеют.

Погода плохая, сообщила разведка, даже направленный в Брест конвой не прошел из-за погоды.

— А завтра, что будет завтра? — спросил адмирал.

— В ближайшие дни вряд ли можно рассчитывать на улучшение, — отвечали метеорологи.

Хеннеке обрадовался.

— Это значит, — размышлял он, — что ближайшим временем, когда все данные о приливах и отливах, луне и долгосрочных про-

¹ С 15.10.42 приказом ОКХ (Главного командования сухопутных войск) пехотные полки (Infanterie Regiments) переименованы в гренадерские. — *Прим. ред.*

гнозах погоды для высадки у нас здесь, в Северной Нормандии, опять совпадут, вероятно, если придут, то только во второй половине июня!

В Ле-Мане, штабе 7-й армии, генерал-полковник Дольманн спрашивал своего начальника штаба:

— Может ли сегодня что-нибудь случиться?

— Генерал-майор Макс Пемзель навел справки в штабе военно-морских сил в Париже. Изменения погоды не предвидется, но все же не стоит надеяться на этих метеорологов!

Но командующему, по-видимому, очень нравились слова: «Они не придут!» Ему так хотелось выиграть время, необходимое, чтобы построить береговые укрепления, доты и подтянуть береговую артиллерию. Многое еще можно сделать для того, чтобы укрепить 900-километровые французские береговые ворота в Европу.

— Тогда завтра мы проведем совещание командного состава с военной игрой в конце. — Генерал Дольманн повернулся к своему адъютанту: — Подготовьте все. Каждый командир дивизии должен привести с собой двух полковых командиров. Я буду ждать господ в десять часов утра в Рене.

Начальник штаба 7-й армии был недоверчивым и предусмотрительным штабным офицером. Ему, вопреки прогнозам погоды, становилось как-то не по себе при одной только мысли, что весь фронт 7-й армии на два дня лишится основных командиров. Поэтому он послал телеграммы с предписанием: «В Рен не выезжать, ибо если все же высадка начнется, то она начнется ранним утром. И до рассвета все прояснится». Естественно, что этим советом не могли воспользоваться командиры дивизий, расположенных далеко от Ле-Мана: невозможно при разбитых бомбами дорогах прибыть на место к 10 часам утра. От КП 709-й дивизии генерала фон Шлибена у Валони было, например, 190 километров. Генерал Фаллей из 91-й посадочно-десантной дивизии из Шоте-А находился не ближе. Шлибен с разрешения командования 84-го корпуса отправился в дорогу уже к вечеру 5 июня, а генерал Фаллей — с наступлением темноты.

— При такой скверной погоде нечего бояться, — сказал он своему заместителю.

Фельдмаршал Эрвин Роммель, командующий группой армий «В», отвечающий за оборону северофранцузского берегового фронта, также поддался уверениям о плохой погоде и, желая совместить приятное с полезным, отправился утром 5 июня из своей штаб-квартиры — тысячелетнего замка герцогов Рошфоров — Ла-Рош-

Гюйон в Германию. Он хотел захватить в Герлинген к жене — 6 июня был день ее рождения, — а затем поехать дальше в Берхтесгаден, чтобы сделать доклад Гитлеру. Очень важный доклад. Цель: усиление берегового фронта. Роммель хотел добиться у фюрера двух танковых дивизий и одной бригады реактивных шестиствольных минометов (Werfer) для Нормандии. В его дневнике есть запись: «Самая насущная проблема в том, чтобы в личной беседе убедить фюрера...»

Роммеля беспокоило положение на побережье. Если не поступит подкрепление, то шансы отбросить в море высадившегося врага будут ничтожны. Роммелю нужно было много хороших дивизий. Ему нужны имеющие боевой опыт воинские части. Как могут дивизии из старых резервистов, из восточных батальонов бывших русских военнопленных¹, батальонов, сформированных из желудочников и ушных больных, береговой батареи, прислуга которой большей частью состоит из старых солдат, устоять против хорошо организованной высадки с применением корабельной артиллерии, воздушной бомбардировки и, наконец, рукопашного боя?

Средний возраст солдат 709-й дивизии, например, 36 лет. Американским солдатам штурмовых дивизий, размещенных на той стороне в Англии и готовых к прыжку, в среднем 25. Средний возраст в морской батарее его берегового фронта 45 лет. За пушками стояли мужчины 56 лет и даже старше. Но разве этот изъян не компенсировался непреодолимым Атлантическим валом? Щитом из бетона, стали, пушек и мин? Разве берег не ошетинился крепостями с бетонными дотами и мощными корабельными пушками? Разве от Бреста до Остенде берег не был нашпигован коварными, смертельными препятствиями?

К сожалению, нет. Атлантический вал к лету 1944 г. существовал только на участке Па-де-Кале. А на остальном побережье это была цепь растянутых, лишь полуготовых опорных пунктов.

Только малая часть тяжелых батарей была хорошо укрыта и укомплектована, большая же часть состояла из трофейных пушек без приборов наведения, что делало их непригодными для обстрела подплывающих кораблей.

Больше всего тревожило Роммеля Люфтваффе. Он знал по опыту войны в Африке и сражениям в Италии за плацдармы Са-

¹ Из 67 батальонов Ost-truppen (Восточных войск), находящихся на Западе, большая часть была в подчинении у Роммеля. Почти все гренадерские полки 7-й армии были усилены одним батальоном Восточных войск. — *Прим. ред.*

лерно и Анцио, что означает господство в воздухе. Он знал по Эль-Аламейну, как истребители-бомбардировщики приковывали к земле целые танковые дивизии. Ни генерал-фельдмаршал Рундштедт, главнокомандующий войсками на Западе, ни генерал Гайер фон Швеппенбург, командующий танковой группой «Запад» со штаб-квартирой в Париже, не имели по этой части опыта.

Роммель этот опыт имел, и на его основе родился оборонительный план, после того как в ноябре 1943 г. его назначили командующим войсками группы армий «В», отвечающей за оборону северофранцузского побережья.

Основная идея проста: берег является линией главного сражения. Бои с высадившимися силами противника навязываются на берегу, у плацдармов.

«Для противника самый слабый момент — высадка, — говорил Роммель. — Солдаты еще в растерянности, некоторые страдают от морской болезни. Местность незнакома. Тяжелое вооружение не используется в полную силу. В этот момент я должен их бить».

Отсюда и требование: все имеющееся в наличии оружие и бойцы в этот момент должны быть задействованы. Противника надо бить, как только он шагнет на берег или еще находится в море. Вместо глубоко эшелонированной обороны в традиционном смысле Роммель требовал линейную оборону на берегу. Тяжелое вооружение, артиллерия, тактические резервы — все должно быть введено в бой на берегу. Более того, Роммель требовал вывести на передний край танковые дивизии.

Это была активная оборона. Для пассивной обороны им были изобретены береговые препятствия. Это была его старая идея времен Африканской войны. Перед Эль-Аламейном он построил «чертовы сады» — большие зоны заграждений с адскими препятствиями: в три яруса заложенными минами, гранатами с проволочными взрывателями, с кажущимися безобидными кольями с огромными зарядами. То же самое, правда более изощренное, больших размеров, должно было обезопасить побережье Франции от десанта.

Для передовых позиций, находящихся во время прилива под водой, он придумал насакакивающие козлы с минами и стальными пилами, на которые должны были наткнуться десантные лодки. Из старых чешских резервов он приказал доставить и разбросать по берегу сотни тысяч так называемых «чешских ежей» — заграждения из железных балок.

Он изобрел изощреннейшие конструкции мин: на опутанные проволокой кольца надевались «мины-шелкунчики», которые долж-

ны были взрывать от столкновения корабля с колом, «катящегося козла» с гранатным детонатором.

Он приказал в тылу, на лугах, перелесках и полях, вкопать высокие колья, на конце которых были закреплены мины против воздушных десантников. Они получили название «спаржа Роммеля».

Он был неутомимым изобретателем. И чтобы сломить сопротивление старых командиров, не очень-то восторгавшихся этими новомодными штучками, он приказал:

— Я запрещаю всяческие курсы по повышению квалификации и требую, чтобы каждая минута использовалась для работ по укреплению берега, здесь будет решающая битва, и именно в первые двадцать четыре часа.

Фельдмаршал фон Рундштедт и генерал барон Гайер фон Швеппенбург имели прямо противоположное мнение. Они хотели дать бой далеко от берега, сосредоточив танковые соединения и имеющиеся резервы во французском тылу: классический прием — заманить противника, захватить его в клещи и уничтожить. «В страну не пропускать» — тезис Роммеля. Девиз Рундштедта и Гайера: «Пусть приходят».

Гитлер из этого противостояния сделал свой вывод: план генерала Гайера отверг, но и просьбу Роммеля полностью не выполнил. Танковые дивизии расположились не так глубоко в тылу, как хотели того Рундштедт и Гайер; но и не столь близко к побережью, как это считал целесообразным Роммель.

Думая обо всем этом, фельдмаршал утром 5 июня ехал в Герлинген, в надежде склонить Гитлера к корректировке оборонительной стратегии и прежде всего убедить его укрепить дивизии в Северной Франции, даже в крайнем случае за счет оккупационных сил в Норвегии, Южной Франции или островов в Ла-Манше.

Роммель знал, что стратегию «берег есть главная оборонительная линия» не осуществить, если одной дивизии, например 709-й генерала Шлибена, придется оборонять участок фронта длиной в 65 километров. Если между оборонительными пунктами на 3—5 километров тянется ничейная земля, то невозможно помешать высадке противника и тем более нельзя отбросить его в море. Испытанное правило кулака гласит, что для одной дивизии участок в 10 километров оптимален. Конечно же, Роммель знал это правило. Он видел только один выход: где-то должна быть оголена линия фронта. Старый принцип Фридриха Великого не потерял своей актуальности по сегодняшний день: «Кто хочет защитить все, ничего не защищает!»

Все это Роммель хотел доложить Гитлеру 6 июня. Часы уже отсчитывали время. И никто об этом и не подозревал. На первых порах, во всяком случае.

Строки Поля Верлена

Целая армия офицеров службы безопасности союзников по другую сторону пролива ожидала часа X, Decision-Day, решающего дня, коротко D-Day, а целая армия агентов немецкого Абвера пыталась разгадать эту тайну.

И удалось!

Самолеты в день «Д» еще только стартовали в Англии для бомбардировки побережья Нормандии, а немецкое высшее командование во Франции уже знало, что вторжение началось. Доказательства лежали на столе в полном смысле этого слова. Но это не спасло.

Это не легенда и не кинобоевик. Отчет об этой сенсации записан в американской истории войны о вторжении; доказательство зафиксировано в военном дневнике 15-й немецкой армии. Важнейший секрет был раскрыт путем предательства и шпионского искусства Абвера. Ни для одного немецкого штабного офицера, ни для одного коменданта опорного пункта и ни для одного солдата нападение 6 июня могло бы и не быть ошеломляющим событием. Но как это все-таки произошло, дикая история. Вот она.

Высшее командование союзников создало во Франции разветвленную сеть тайной агентуры. Опытные агенты руководили различными секциями, среди которых, например, была секция «альянс животных», которая, кстати, считалась самой дееспособной шпионской организацией. Ее члены имели клички животных. Полученная информация передавалась по радио или же почтовыми голубями. Рядом со шпионами стояли саботажники. Их организации частично были связаны друг с другом, а частично, в целях безопасности, строго автономны. Организации саботажников были рассеяны по всей Франции и разделены на региональные, окружные и местные организации с шефами во главе и тысячами рядовых членов. Им предписывалось не только постоянно предпринимать действия, мешающие строительству немецких оборонительных сооружений, но и быть наготове для участия в решающем ударе в день вторжения.

Десять граммов сахара, всего три кусочка, брошенные в воду бетономешалки, и 100 килограммов бетона лишились вязкости,

ибо если основной материал (кальций) соединится с сахаром, а не с угольной кислотой, то получится хорошо гасимый кальциумсахарат. Если исполнительный рабочий французского Сопротивления занимает рабочее место у бетономешалки, то сравнительно небольшой дозы сахара, которую он смешивает с цементом, будет достаточно, чтобы бетон при попадании снаряда рассыпался как песчаник. Для дня X у союзников SOE (Управление специальных операций — УСО) в Лондоне, штабе саботажных организаций, был особый план, «Plan Grun». Его цель: за несколько часов до вторжения 571 французская железнодорожная станция и стрелка должны быть разрушены, что сделает 30 главных участков железных дорог непригодными для движения поездов. «План черепаха» предусматривал порчу телефонных кабелей, взрывы дорожных перекрестков, мостов и виадуков.

Ясно, что главной проблемой для этого вида работ была передача приказа о выполнении. Конечно, нельзя было известить заранее многочисленных руководителей секций в разных округах Франции о секретном дне вторжения, учитывая то, что это время в последнюю минуту могло быть изменено, — как это и случилось.

Так возникла идея передавать приказы по радио. Руководителей саботажных организаций обязали 1, 2, 15 и 16-го числа каждого месяца внимательно слушать французскую передачу Би-би-си, обращая внимание на кодовое слово, а именно первую строку стихотворения Поля Верлена об осени. Если стих зачитывали среди других сообщений, то это означало, что вторжение скоро начнется. С этого момента нужно было постоянно слушать все сообщения радио, чтобы услышать вторую половину стиха, так называемое «В»-известие. Если и оно зачитывалось, то это означало: вторжение начнется в ближайшие 48 часов. Все руководители саботажных организаций с этого часа должны были подготовиться для действия в рамках планов «зеленый» и «черепаха», а сигнал для начала действий также будет передан по радио шифровкой.

Хорошо придумано. Тонко выполнено. Но немецкий Абвер разгадал эту тайну. У организации было слишком много осведомителей, один из них работал на немцев. Он отправил адмиралу Канарису¹, шефу немецкого Абвера, стихотворение, самое военное произведение в истории литературы.

¹ Руководитель Абвера, адмирал Фридрих Вильгельм Канарис, снят с должности в феврале 1944 г. — *Прим. ред.*

Канарис обращался с ним как с бесценной реликвией. Вскоре он выучил наизусть начало:

Les sanglots longs	Плача тянется
des violons	скрипичная песня
de l'automne	осени,
Blessent mon coeur	Слабая и израненная
d'une langueur	от боли и мук,
monotone	как и я.

Это было тяжелое судьбоносное стихотворение, которое Канарис передал своим руководителям подслушивающих станций как самую сокровенную тайну.

Так внимательно слушали сообщения Би-би-си, ожидая стихов Верлена об осени, не только шефы районов, руководители команд и другие активные саботажники SOE, но и специалисты разведывательного отдела штаба 15-й армии генерал-полковника Ханса фон Зальмута со штаб-квартирой в Туркуэне. Их не могли ввести в заблуждение бесчисленные маскировочные сообщения. Они знали правильный текст и ждали. И их ожидания были не напрасны.

Военный дневник 15-й армии, расположившейся между Сеной и Маасом, имеет пять записей, сделанных 5 июня. Первая гласит, что отдел информации слушал первую часть стиха Верлена «Les sanglots longs des violons de l'automne» (Плача тянется скрипичная песня осени) 1, 2 и 3 июня. Вторая запись произведена в 21.15: «Вторая часть стиха: Blessent mon coeur d'une langueur monotone» (Слабая и израненная от боли и мук, как и я).

По третьей, четвертой и пятой записям в 21.20, 22.00 и 22.15 можно проследить драматическое возбуждение писавшего. Они говорят и о том, что сенсационная секретная информация была передана командующему 15-й армии, в штаб главнокомандующему «Запад», штабу корпуса, 16-й зенитной дивизии командующим в Бельгии и Франции, а также группе армий «В» и высшему командованию Вермахта в Растенбург. Самое позднее в 22.15 5 июня немецкое Верховное командование ОКВ, фельдмаршал фон Рундштедт, военно-морской штаб в Париже и командующий группой армий «В» Роммель узнали, что вторжение скоро начнется.

Еще не прозвучало ни одного выстрела. С английских аэродромов только что стартовали бомбардировщики; транспортники с десантниками подруливали к взлетным полосам. Пилоты и

парашютисты верили в секретность. Но секрет был уже известен неприятелю.

Однако не стоит беспокоиться — вреда от этого не было. Хотя генерал-полковник фон Зальмут и объявил тревогу в своей 15-й армии, которая не находилась непосредственно на переднем крае событий. Больше ничего не произошло. Совсем ничего: группа армий «В» не подняла по тревоге свою 7-ю армию и спустя несколько часов, ничего не подозревая, сделала ее жертвой самого мощного в военной истории наступления. 84-й корпус, против дивизий которого направлялись первые воздушные и морские десанты, был застигнут врасплох. Адмирал Хеннеке, командующий морскими силами в Нормандии и его мощная морская береговая батарея, радарные станции не были оповещены. Роммеля не вызвали из Герлингена. Его группа армий «В» оставалась 14 часов без руководителя. Начальник штаба, генерал Шпейдель, мог надеяться только на себя.

Генерал-полковнику Альфреду Йодлю из ставки фюрера можно поверить, что он думал, будто фельдмаршал фон Рундштедт поднимет тревогу. Но тот этого не сделал. Не сделал потому, что не поверил в эту информацию, цитирую слова, сказанные в его штабе: «Не станет же генерал Эйзенхауэр объявлять о наступлении в передачах Би-би-си».

Просто не поверили информации. Отрывок из стихотворения Верлена — смешно!

Почему же и штаб группы армий «В» руководствовался этим высоким презрением к психологическому ведению войны, а не по собственной инициативе поднял по тревоге дивизии, остается загадкой.

Таким образом, работа немецкого Абвера казалась бесполезной. Ночь с 5 на 6 июня прошла в обычных работах, беспечности и иногда веселом настроении.

Приближение мощных эскадрилий бомбардировщиков

В Шербуре, как и в обычную ночь, немецкие радисты и офицеры сидели в боевых штольнях военного коменданта. Время от времени сюда из маленькой виллы адмирала Хеннеке, расположенной над штольнями, бункерами спускался офицер для поручений, лейтенант Гуннар Блуме, и спрашивал:

— Что-нибудь новенькое?

Но в Шербуре новенького ничего не было. Блуме, успокоенный, мог идти наверх. А там, в большом зале, сидел адмирал Хеннеке с офицерами своего штаба, из окон зала днем можно было смотреть на море. Сейчас окна были затянуты тяжелыми шторами. Столы были накрыты для ужина. У адмирала были гости. После концерта для солдат адмирал пригласил эту бригаду артистов и своих офицеров к себе.

Присутствовали и две молодые женщины: штабная помощница (штабс-хельферик) Урзула Брейтигам, которая вела военный дневник у Блуме, и жена капитана 3-го ранга фрау Вист, которая в качестве пианистки входила в бригаду артистов.

Госпожа Вист увидела рояль и ударила по клавишам. Рояль был хорошо настроен. Она взяла несколько аккордов, а затем в зале вдруг зазвучали как сон прошедших дней «Papillons» Шумана. Казалось, что время остановилось.

Но оно не остановилось. Связной, протиснувшись к Блуме, подозвал его к телефону. По возвращении лейтенант наклонился к Хеннеке:

— Сильнейшая воздушная атака на города и дороги побережья, господин адмирал. Сообщается также о бомбардировках побережья Кальвадоса.

Хеннеке кивнул. Война предупреждала. Война не терпела шумановские «Papillons». Адмирал посмотрел на часы. 23.30. «Сильные налеты бомбардировщиков». Эти слова не выходили из головы.

Они летели, как и когда хотели. Кто бы им мог помешать.

Не далее как сегодня Хеннеке узнал, что 2-я группа 26-й истребительной эскадры, которой командовал удачливый Приллер, этот «математик воздуха», была командирована на юг Франции для восстановления сил. Группы 1-я и 3-я были направлены в Реймс и Метц. Таким образом, оборона возлагалась на 2-ю истребительную эскадру «Рихтхофен». Но фельдмаршал фон Рундштедт постоянно успокаивал генералов: «Самое позднее на третий день после вторжения вы можете рассчитывать на помощь тысячи самолетов».

Рундштедт ссылался на твердое обещание Адольфа Гитлера: «На третий день после дня X создам условия, ликвидирующие воздушное превосходство англоамериканцев».

Таким образом, генерал-фельдмаршал авиации Хуго Шперрле, хотя и командовал 3-м воздушным флотом, который по записям военного дневника от 5 июня насчитывал 496 самолетов, мог поднять в воздух только 319, что были в боевой

готовности: 88 бомбардировщиков, 172 истребителя и 59 разведчиков.

«Я не могу позволить, чтобы моя эскадра истребителей ждала во Франции нападения, — сказал Геринг. — Она нужна мне для защиты рейха». И поэтому он отозвал истребителей для отражения налетов бомбардировщиков на Германию. Таким образом, 2-й авиационный корпус самолетов на Западе не имел вообще.

Адмирал Хеннеке спустился в шахту, где находился бункер. В правой штольне размещался лазарет, в левой — складское помещение и командный пункт. С каждой батареей на побережье прямая телефонная связь. Даже с главной ставкой фюрера в Растенбурге в Восточной Пруссии.

Дежурный офицер протянул адмиралу сообщения наблюдательных пунктов морских батарей в районе боевых действий от бухты Сены до Нормандской группы островов.

- Сильный гул моторов эскадрилий бомбардировщиков.
- Налет легких разведывательных самолетов по всему фронту.
- Пробные выстрелы за линией фронта.

Небольшой наблюдательный пункт у маяка в Кеттейе сообщил о налете разведывательных и транспортных самолетов.

«Это же день большого сражения», — пробурчал Хеннеке. И его охватило неприятное чувство.

— Блуме, извинитесь от моего имени перед фрау Вист; но я думаю, что мы сейчас будем слушать другую музыку.

Праздник закончился. Гости поехали на свои квартиры. Ночь с 5 на 6 июня прошла в напряженном ожидании.

Не только фельдмаршал Роммель поехал на именины. Но и в учебной танковой дивизии генерал-лейтенанта Фрица Байерляйна, которая как резерв ОКВ располагалась в Ножан-ле-Ротру между Туром и Ле-Маном, два офицера 902-го мотопехотного полка на своей квартире в Вибре отмечали день рождения. Один родился 5-го, другой — 6 июня. Это была блестящая возможность, чтобы рано начать и поздно закончить. Бургундское хорошо пошло. Было весело.

Дивизия Байерляйна была превосходно вооруженным соединением: единственная танковая дивизия Вермахта, укомплектованная на 100 процентов. Она насчитывала 260 танков и 800 гусеничных транспортеров. Младший комсостав — отборные и хорошо обученные офицеры. Средний возраст 21,5 года. «С одной этой дивизией, — сказал генерал-полковник Гудериан, генеральный ин-

спектор танковых войск, Байерляйну во время разбора военной игры, — с одной этой дивизией вы англоамериканцев отбросите в море. В море, — специально подчеркнул Гудериан, — так как ваша цель не берег, а море».

Когда оба именинника из 902-го полка развеселились с товарищами от принятого бургундского, включили солдатскую радиостанцию «Кале» — волну английской пропаганды для немецких солдат. Здесь всегда звучала веселая музыка. Но сейчас лейтенант Бомбах искал напрасно: у диктора не было времени для веселья. Стали ловить Би-би-си. Но и здесь голоса изрекали кодовые фразы, которые, вероятно, передавались для французского движения Сопротивления. Непонятные речевые обороты передавались замаскированным цветистым языком: «Иоганн любит Марию», «Не бойтесь красок», «Жребий брошен», «Красная свекла очищена». Затем следовали советы гражданскому населению о том, как вести себя во время бомбардировок: покидать города, где размещены немецкие войска, их штабы, и искать убежища на открытых местах.

На мгновение веселье омрачила досада. Назойливая болтовня действовала на нервы.

— Слушайте, может, что-то случилось?

Звонки в полк и дивизию успокоили — все спокойно. Радио выключили и стали открывать бутылки шампанского.

У радиста из 22-го танкового полка Клауса Люка 6 июня был день рождения. Его полк в составе 21-й танковой дивизии элитных африканских войск, оставшихся после боев в Тунисе, ближе всех расположен к берегу. Дивизия еще не была укомплектована: водители кляли французские танки, в которые еще нужно было встроить рации, солдаты из артиллерийского дивизиона тренировались на русских противотанковых пушках. Только что стали поступать танки IV, снабженные 75-мм короткими и длинноствольными пушками.

Правда, в мотопехотных полках было также удручающе плохо. Скромный транспортный парк, но по крайней мере фаустпатронов было достаточно. «Гренадеры» могли снова подтвердить честь происхождения своего названия: «гранатометчик»¹.

«Самым хорошим оружием являются старые ефрейторы, обер-ефрейторы и унтер-офицеры», — любимая шутка лейтенанта Хелле-

¹ Первоначальное назначение grenadiers, появившихся в европейских армиях в XVII в., было метание ручных гранат. — *Прим ред.*

ра, ветерана Северо-Африканской кампании, командира 8-й роты тяжелого оружия 192-го мотопехотного полка, расквартированного между Каном и побережьем, левее Орн.

Многие из Африканского корпуса Роммеля, пережившие разгром и в последнюю минуту избежавшие плена в Тунисе, теперь служили в 21-й танковой дивизии. Здесь же были бойцы, воевавшие в России, и стреляные зайцы из Крита. Командир дивизии, генерал-майор Фейхтингер, расположился сначала в Рене, потом перебрался в Сен-Пьер-сюр-Див — на почтительном расстоянии от поля боя, которым все же должен стать прибрежный район.

Штаб 22-го танкового полка, которым командовал полковник Оппельн-Брониковски, расположился в Фалезе. Оба танковых батальона были довольно далеко рассеяны по линии Тур—Ле-Ман. Роши и яблоневые сады не способствовали боевому духу: одни расслабились, другие, как, например, капитан Гоффман, из 4-й роты в Эпене, что в тридцати километрах южнее Кана, организовал большую патрульную службу.

Унтер-офицер Хейлиг, воевавший в легендарном 361-м пехотном полку¹ и дослужившийся до унтер-офицера, к службе относился проще: «Когда стреляют, всегда найдется время, чтобы умереть, а пока надо жить». И в ночь с 5-го на 6-е он и обер-ефрейтор Бритен поехали на велосипеде от Версона в Кан. Радиотехник Люк в 22.30 вошел в полковую радиорубку:

— Что-нибудь случилось?

— Ничего нового, господин радиотехник, только сообщили о налете эскадрилий бомбардировщиков!

Люк, пожелав всем спокойной ночи, пошел в свою комнату. Там ждала его яблочная водка — подарок жены ко дню рождения. Часы на церковной башне в Фалезе пробили полночь, Люк отпил от бутылки и с письмом жены улегся на старую софу:

«Дорогой Клаус...»

На Нормандию легла ночь. Из КП 84-го корпуса в Сен-Ло в маленький садик вышел майор Фридрих Хайн. Он готовил оперативные карты, которые командир корпуса генерал от артиллерии Эрих Маркс хотел взять с собой в Рен на назначенную там военную игру 7-й армии. Тема игры: «Воздушный десант». Командир 2-го

¹ 361-й пехотный, затем мотопехотный, полк сформирован из немцев, ранее в 20-е и 30-е гг. служивших во французском Иностранном легионе и после 1933 г. отсидевших за это в лагерях Третьего рейха. — *Прим. ред.*

парашютного корпуса генерал парашютно-десантных войск Ойгем Мейндль должен был ее вести.

Какая ирония: военная игра «Воздушный десант»! Рассчитанная на один час, когда уже настоящее кровавое десантирование началось, а все основные командиры будут отсутствовать на своих КП.

Взгляд Хайна скользнул по долине Вира, по лугам, по яблоневым садам. Начальник разведки 84-го корпуса думал об Анкламе. Там находилась его средняя школа, ректором которой он был. В это время низко над водой Вира пронесся четырехмоторный бомбардировщик. С башни гимназии открыла огонь 20-мм зенитка, трасирующие пули которой вонзились в середину корпуса бомбардировщика. Как раз над семинарием священников Эгну, над западным берегом, его прихватило — яркое пламя. Сбит! Словно реквием по сбитому самолету часы на соборе стали отбивать полночь.

Майор пошел в бункер. Начальник штаба, подполковник Фридрих фон Кригерн, и майор Хассо Фиби (начальник оперативного отдела) были уже на месте. Здесь же был именинник — командующий 84-м армейским корпусом генерал Маркс: 6 июня ему исполнилось 53. Праздник был коротким. Маркс, блестящий офицер старой школы, в ОКВ из-за дружбы с генералом фон Шлейхером был в опале, но за военные способности был оставлен на службе. Он был противником празднеств на службе. Его застолья придерживались педантично точно предписанных пайков. Как любимы были офицерами всего корпуса приглашения генерала фон Шлибена в штаб 709-й дивизии, слывшего гурманом, так мало было желающих посещать обеды в штабе корпуса. Но его популярности это не вредило.

Офицеры стоя выпили по бокалу «Шабли»; генерал, поскрипывая протезом (на русском фронте в июне 1941 г., командуя дивизией, генерал потерял ногу), подошел к оперативному столу.

Маркс также был приглашен командующим 7-й армии на военную игру в Рене. Он хотел хорошо подготовиться.

— Пожалуйста, карты, Хайн, — сказал он. Майор разложил оперативные карты — расположение врага. Специальные карты с расположением артиллерии, минными заграждениями и затопляемой местностью.

До обеда генерал размышлял над донесениями разведки об англо-американских воздушных силах. В течение последних 22 часов поступали сведения о массированных налетах бомбардировщиков, несмотря на плохую погоду. Что это означает? Этот вопрос

касаясь большой тайны. Тайны, ответ на которую давно лежал на столах в Сен-Жермен и Ла-Рош-Гюйон. Для командира корпуса это осталось тайной.

В то время как генерал Маркс в Сен-Ло размышлял над налетами бомбардировщиков, адмирал Хеннеке просматривал оперативные сводки, лейтенант Янке в оборонительном пункте номер 5 западнее Сент-Мер-Эглиз растянулся на нарах своего каменного дома, радист Люк из 22-го танкового полка в Фалезе пил свой «Кальвадос», офицеры из 902-го мотопехотного учебного полка с досадой выключили сообщения Би-би-си и в бункере, расположенном между устьями Сены, Орн и Вир, перекрывая жужжание мух, мурлыкали чувственную песенку «Сладкая маленькая проводница...», в головном самолете 82-й американской воздушно-десантной дивизии зажегся зеленый свет.

Командир 82-й американской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Джеймс Гэйвин взглянул вниз и прыгнул. Его парашют раскрылся одним рывком. Генерал знает, что сейчас, в данную минуту, раскрываются тысячи таких парашютов: рядом с ним, позади него, в середине Котантенского полуострова. А на той стороне, в 80 километрах восточнее Орн, прыгают английские парашютисты, и со свистом приземляются грузовые планеры. Из ночного неба в войну падает армия.

Они идут!

Подполковник Гоффман посмотрел на часы: 40 минут первого, 6 июня наступило. Над КП 3-го батальона 919-го пехотного полка восточнее Монтебура постоянно слышался гул самолетов.

Вот пошла другая волна. Гул становится громче.

Гоффман подошел к бункеру.

Шесть огромных птиц летели прямо на его КП. Месяц как раз выглянул из-за туч. «Они же прыгают». — Гоффман на мгновение подумал, что машина повреждена и экипажу приходится прыгать. Но затем он понял — это парашютный десант.

— Тревога!

Так быстро еще никогда штаб 3-го батальона не надевал штаны.

— Тревога!

— Тревога!

Послышались выстрелы — часовые стреляли по парашютистам. Но затем месяц вновь скрылся, и темнота поглотила спускающегося врага. В это время из темноты раздалась очередь американского автомата — битва за Нормандию началась.

В 80 километрах юго-восточнее КП 3-го батальона 919-го пехотного полка, на той стороне Орн, тоже стреляли. Немецкий часовой на восточной стороне моста через Канский канал у Беновиля в страхе присел, когда в 50 метрах от его бетонной будки как призрак, без шума моторов, к земле со свистом пролетел самолет. Раздался треск — и тишина.

Часовой сорвал с плеча карабин, взвел курок. Прицелился. Прислушался. «Упавший бомбардировщик», — промелькнуло у него в голове. Вот уже целый час как слышен грохот вражеских бомбардировщиков, летящих со стороны моря. Со стороны Кана слышны взрывы. Со стороны Троарна твюкает зенитка.

«Они наверняка пропали», — подумал стрелок Вильгельм Фуртнер. Перед его глазами сверкнула яркая молния. Взрыва фосфорной ручной гранаты он уже не слышал.

В блиндаже в начале моста бойцы подбежали к пулемету, на всякий случай выпустили очередь. Ничего не видно. Только голоса: «Able-Able». Немцы не знали, что это пароль роты-А — боевой группы 6-й английской воздушно-десантной дивизии, грузовой планер которой разбился у них только что во время посадки. Ефрейтор охраны потянулся к телефонной трубке, но две ручные гранаты поставили кровавую точку в его жизни.

Отлично сработано, и неудивительно — солдаты майора Джона Ховарда долго упражнялись, построив модель этого моста со всеми деталями, и по фотографиям, сделанным с воздуха, и описаниям агентов знали его прекрасно. Всю весну они отрабатывали штурм моста с секундомером в руках.

Все получилось, и прежде всего — внезапность.

Рота-А разрезала проволочное ограждение. Сейчас не имеет смысла делать все тихо. Взрывы ручных гранат, должно быть, насторожили охрану моста на противоположной стороне. С криками «Able-Able» томми побежали по мосту.

Они слышали приземление другого грузового планера и пароль роты-В «Baker». «Baker-Baker».

Вдруг раздался пароль роты-С «Charly-Charly», ударил немецкий пулемет — первые томми попадали. Но основные силы добрались до цели. Короткая схватка. Охрана моста уничтожена. Переход у Беновиля через Канский канал в руках англичан. Ефрейтору Веберу удалось вырваться, и теперь он мчался через деревню к местному коменданту: «Британские десантники захватили мост через канал». Он еще не знал, что и соседний мост, ведущий дальше через Орн у Ранвиля, захвачен десантниками 5-й британской десантной

бригады. 2-й батальон 192-го мотопехотного полка получил приказ: «Контратаковать вражеских десантников в районе моста в Беновиле».

У моста через Див, по дороге Варавиль—Грангу, стоит часовой. Охрану несет 2-й батальон 744-го пехотного полка. Небольшой взвод. Солдаты об этом мосте говорят плохо. Четыре недели назад 3-й батальон без предупреждения решил провести ночные учения и захватить мост. Охрана не знала, что выстрелы, вдруг раздавшиеся у подхода к мосту, ведутся холостыми патронами, подумала, что нападение настоящее, и дала огонь из пулемета. Были раненые и двое убитых. Все это мелькнуло в голове часового, когда он после полночи с 5-го на 6-е увидел трех человек с закрашенными лицами, выскакивающих из кустов. «Дурные собаки!» — презрительно крикнул он и вдруг испугался. Поздно. Он не может больше звать на помощь и кричать, беззвучно осев под ударом ножа десантника. После чего задача томми упростилась. Через пять минут мост был взорван.

Точно так же все произошло у моста через Див у Робомма: стратегический мост у Троарна, где проходит главная дорога от Кана до Руана и на Гавр, был взорван группой майора Розевара.

Было ровно 1 час 11 минут, когда в Сен-Ло, на КП 84-го корпуса, на столе командующего зазвенел полевой телефон. Маркс и офицеры штаба все еще сидели над картами. Генерал взял трубку. Докладывал начальник штаба 716-й дивизии. Его взволнованный голос доносился из трубки:

— Десантники противника высадились восточнее устья Орн, на территории Бревиль-Ранвиль и северной опушке леса в Бавенте. Вероятно, основная цель — мост через Див и переправа через Орн. Приняты ответные меры.

Сообщение прозвучало как гром среди ясного неба. Что это? Вторжение? Или подкрепление для французского Сопrotивления? После небольшого раздумья майор Хайн покачал головой:

— Десант высадился слишком близко от передовой линии, на такое бойцы Сопrotивления никогда не решатся.

— Это вторжение. — Генерал Маркс кивнул: — Подождем.

Звонок исполняющего обязанности командующего 709-й дивизией, полковника Хамана прервал их ожидание:

— Вражеские десантники южнее Сен-Жермен-де-Варревиля и у Сент-Мари-дю-Мон. Вторая группа — у главной дороги Карантан—Валонь на двух берегах Мердере и у дороги Сент-Мер-Эглиз. В штабе Третьего батальона Девятьсот девятнадцатого пе-

хотного полка есть пленные Сто первой американской десантной дивизии.

Было 1.45. Пятью минутами позже, в 1.50, в Париже, в большом многоэтажном доме на Bois de Boulogne (Булонский лес), раздались телефонные звонки. Начальник оперативного отдела штаба группы ВМС «Запад» капитан 1-го ранга Вегенер вызвал офицеров к себе.

— Я думаю, вторжение началось, — сказал он спокойно.

Адмирал Гоффман, начальник штаба, одеваясь на ходу, бежит в оперативную комнату. Сообщения радарных станций, которыми руководит обер-лейтенант фон Виллисен, однозначны: «Слишком много зигзагов на экране».

Сначала техники считали, что это всего лишь помехи — столько кораблей вообще не существует. Но затем поняли — это надвигается армада.

— Это может быть только флот вторжения, — заключил Гоффман. — Итак: донесение верховному командующему на Западе. Донесение ставке фюрера: «Вторжение началось».

Но в Париже и в Растенбурге настроение скептическое. «При такой погоде? Не могли ваши техники ошибиться?» Начальник штаба Верховного командующего на Западе даже изволил съязвить:

— Может быть, они засекли чайк? — Но морское ведомство категорично. Оно объявляет тревогу в военно-морских силах, расположенных в гаванях: «Вторжение началось!»

И в штабе 84-го корпуса уже никто не сомневается.

— Дайте тревогу по берегу, — приказал генерал Маркс начальнику 1 «а» (оперативный отдел) майору Фибигу. И теперь все пошло как по маслу: тревога из корпуса передавалась по служебным телефонам. Гражданская телефонная сеть отключалась. Штабные офицеры устремились к картам.

«Тревога! Они идут!»

В полковых штабах поднималась заспанная охрана.

«Тревога!» Рации передавали тревогу дальше батальонам и артиллерийским дивизионам, а оттуда и батареям, и взводам, на передний край, на берег, опорным пунктам.

«Цепные псы» полевой жандармерии прочесывали пивные в Кане:

— Дело пошло!

Унтер-офицер и его друг, ефрейтор Бритен из 22-го танкового полка, которые еще до бомбежки выбрались из Кана, мчались в Верзон на велосипедах по проселочным дорогам мимо оврагов и садов. Они успели — 1-я рота строилась у церкви.

Четвертая рота в Эпани выкатывала танки из укрытий. Унтер-офицер Венц, которого капитан Гоффман с пятью солдатами послал в ночной патруль, вернулся в тот момент, когда его танк подтянулся к улице у выезда из города. Капитан фон Готтберг, командир 1-го батальона 22-го танкового полка, сняв трубку полевого телефона, услышал крик командира дивизии генерала Фейхтингера: «Тревога по корпусу!» Готтберг сразу же вскочил и поднял свой батальон на ноги. Таким образом, 1-й батальон 22-го танкового полка был в полной боевой готовности и ждал.

Майор Фирциг, командир 1-го батальона, уже был готов к маршу для учений, которые были назначены на 6 июня; без боевых снарядов, разумеется. Через связного-мотоциклиста Фирциг получил приказ тревоги. Он отправил роты на базу, за боевыми снарядами.

Весь 22-й танковый полк, со 120 танками, стоял в боевой готовности, ожидая приказа, а томми тем временем приземлялись, взрывали один мост за другим, занимали позиции и оккупировали дорожные узлы.

«Лейтенант, покажите-ка ваши руки»

Лейтенант Артур Янке из 5-го опорного пункта 709-й дивизии не мог уснуть. Его беспокоил нескончаемый гул самолетов. Он вышел из дома и взглянул на затянутое небо. Вдалеке слышались взрывы бомб и выстрелы зениток; а над тучами стоял несмолкаемый гул. Янке позвонил на опорный пункт W 2. Лейтенант Риттер сразу же взял трубку. Он тоже не мог сомкнуть глаз.

— Я чувствую, что что-то происходит, — сказал он.

— Вряд ли это касается нас, — ответил Янке.

— Твоими бы устами, да мед пить. — В голосе Риттера слышалась тревога.

— Я завтра забегу за стопочкой, в знак того, что был прав, — весело проговорил Янке и повесил трубку. «Я выпью», — подумал он, улыбаясь и не подозревая, что именно здесь, на этой дюне, где расположился его взвод 3-й роты 919-го пехотного полка, через несколько часов впервые в битве за Европу американцы ступят на французскую землю. Янке еще раз прислушался к шуму моря. «Отлив, — сказал он. — При отливе они не придут». На это у него было твердое указание — лично от Роммеля.

Когда 11 мая фельдмаршал прибыл на 5-й опорный пункт, лицо его омрачилось. Ему показалось, что позиции дивизии плохо укреплены: не хватает плавающих «козлов» и заграждений из кольев, забитых на берегу; мало чешских «ежей», кольев на полях, так называемых спаржей Роммеля. Плохое настроение фельдмаршала передалось командиру дивизии фон Шлибену, командиру 919-го полка, подполковнику Кейле, и даже командиру роты, обер-лейтенанту Маце: от его шуток, искусства вдохновлять и поднимать дух солдат и офицеров не осталось и следа. Он даже не раздавал сигареты. Только Янке, награжденный за русскую кампанию Рыцарским крестом, сохранил присутствие духа. Как ни в чем не бывало он доложил об окопных работах, о том, что каждый прилив выносит на берег чешские «ежи» и заминированные плавающие «козлы».

— Как только мы получим проволоку, будут установлены и заграждения, — сказал Янке и показал ему заграждения, разложенные с учетом опыта войны в России. Но у фельдмаршала злость в душе засела слишком глубоко.

— Покажите-ка мне ваши руки, лейтенант, — неожиданно произнес фельдмаршал. Лейтенант с удивлением посмотрел на командующего. Но приказ есть приказ. Он снял перчатки из серой замши и протянул руки Роммелю. Его руки были в кровавых порезах и ссадинах: лейтенант учился в России тому, что офицер точно так же тянет проволоку, так же как и его солдаты. Здесь, на Западе, он делал то же самое, и очень демонстративно, поскольку длительная оккупация Франции немецкими частями у многих не возбуждала желания заниматься окопными работами.

При виде рук лейтенанта лицо у Роммеля смягчилось.

— Верно, лейтенант, кровь на руках офицера от работ в окопах стоит столько же, сколько и пролитая в сражении.

«Кровь на руках офицера...» Лейтенант с Рыцарским крестом, недавно прибывший с Восточного фронта, согласно уставу ответил «Так точно», но с досадой подумал: «Старые офицеры-резервисты, с опытом Первой мировой войны, роют окопы по образцу тысяча девятьсот семнадцатого года». Янке злился не только по этому поводу. Чего, например, стоило разрешение французским рыбакам ходить через его опорный пункт на рыбалку! Янке это запретил. Местный комендант лишь покачал головой: новенький воспринимает все так серьезно. Хорошие люди, почему бы им не рыбачить! Но когда Янке ночью стал испытывать пушки, весь полк зароптал.

— Этот Иван, — говорили они, — совсем сошел с ума. Не может дожидаться, когда все начнется!

Янке только усмехался и продолжал учебные стрельбы и рытье окопов, хотя и задумывался над тем, что будет с этими укреплениями, окопами и проволочными заграждениями, если они подвергнутся ковровой бомбардировке противника. На 1-й батарее 1261-го берегового артиллерийского полка обер-лейтенанта Эрбена у Сен-Мартин-де-Варевилля камня на камне не осталось. Позиция вместе с пушками была разбита вдребезги.

Солдаты, конечно, не верят в плохой исход. Все вселяло надежду: 88-мм пушки, доты с 50-мм пушками по флангам, 75-мм противотанковые пушки и пулеметные гнезда, огнеметы и «Голиафы», даже FK-16, полевая пушка Первой мировой войны, — все это источник силы и мощь.

— Они же не пойдут прямо на дула пушек, — говорили солдаты. «Наверно, нет», — думал и Янке. Он уходит в свое убежище в каменном доме, бросается на полевую постель и закуривает. Вспоминает Россию. Радует, что лежит здесь, во Франции. У него есть даже душ, хотя это всего лишь лейка, хитроумно подвешенная к потолку.

Телефон. Янке берет трубку и вскакивает. Батальон передает тревогу.

— Высадка вражеского парашютного десанта, вероятно, и за вашей позицией.

— Тревога!

— Все на боевые позиции! Усиленная охрана на границах опорного пункта, разведгруппа, на выход!

«Наверно, акция Сопротивления», — думает фельдфебель Хейн. Хотя он еще никогда не видел вооруженного «маки»; но болтают много об их тайной армии.

Янке такого же мнения.

И это верно. «Если они придут, то при приливе, — сказал ему Роммель. — Во время прилива суда могут подойти к самому подножию дюн, к колючей проволоке. Во время отлива каждому нападающему надо пройти восемьсот метров ровного как доска берега». Восемьсот метров! Грудью на пулеметы, противотанковые пушки и гранатометы. Немыслимо!

Нет. Они придут во время прилива. Сейчас прилив спадает. «Скорее всего, небольшая высадка!» — думает Янке и ждет.

Через полчаса на затопленных лугах раздались выстрелы винтовок и автоматные очереди. Разведывательная группа наткнулась на две дюжины американских десантников. Несчастные парни по пояс стоят в воде. Когда раздались пулеметные очереди и первые

из них начали падать, другие подняли руки. С 19 пленными немцы возвращаются на опорный пункт.

— Руки за голову. Лицом к стене!

Обер-ефрейтор ставит американцев к стене каменного барака. Их обыскивают. Раненых отправляют в санитарное отделение.

Янке звонит на командный пункт батальона:

— Взяли девятнадцать пленным из Второго батальона Пятьсот шестого американского десантного полка.

— Сто первой воздушно-десантной дивизии, — хочет добавить он, но не успевает.

Подземный кабель, который проложили французы под наблюдением немецких саперов, перерезан. С этого момента опорный пункт W 5 имеет связь только с правым и левым опорными пунктами.

В это время санитар, унтер-офицер Гоффман, перевязывает желораненого негра. У бедного парня сильные боли. Его ранило в подбородок. Гоффман успокаивает:

— Обойдется.

В глазах негра страх. Санитар поворачивается к ящику с медикаментами и встречается взглядом с легко раненым американским лейтенантом. Тот улыбается, на довольно хорошем немецком произносит:

— Вы санитар, а носите пистолет? Это запрещено!

Гоффман, как и Янке, старый вояка, а на русском фронте каждый санитар носил пистолет. Это защищало лучше, чем повязка с красным крестом, но американский офицер прав. Гоффман с досадой бурчит: «Может быть, и запрещено, но я вас перевязываю, не смотря на пистолет». В этот момент в бункер входит Янке, он слышит последние слова.

— Что-нибудь случилось, Гоффман?

— Он выражает недовольство тем, что я ношу пистолет.

— Он прав, — отвечает он. — Снимите пушку, Гоффман!

Тот отстегивает пистолет.

— Надеюсь, и бомбы будут знать, что я санитар, — усмехается он. К сожалению, они этого не знали. Гоффман вскоре погиб.

Янке приказал освободить одну казарму-бункер и запер там пленным, у дверей — часовой.

Около 2 часов 45 минут Гоффман пришел к Янке:

— Раненые возбуждены. Они хотят знать, который час, и спрашивают, не увезут ли их. Часовой докладывает, что оба офицера требуют, чтобы их убрали оттуда.

— Почему они так спешат? — спросил Янке.

— У нас им, вероятно, не нравится, — усмехается часовой, — или что-то здесь не так, господин лейтенант.

Полк закрепляется в болоте

Стало ясно, что воздушный десант не блеф. Из донесений следует: на флангах корпуса высадились целые дивизии. Справа от Орн и Дива, в расположении 716-й и 711-й дивизий обнаружена 6-я британская десантная дивизия; слева, в расположении 709-й дивизии, установлены 82-я и 101-я американские воздушные дивизии с четырьмя полками.

Десант пытается завладеть мостами и дорогами, связывающими через затопляемую территорию войска с тылом, лишить берег подкрепления и тактического резерва. Кое-где это удалось. Шутки в сторону. Это была суровая реальность; она совершенно ясно обнаруживала смелую тактическую операцию по укреплению флангов предстоящей морской высадки между устьями Орн и Вир.

Итак, день X наступил. Самая большая в истории высадка началась самой авантюрной, смелой и самой кровавой воздушной операцией.

Девять тысяч двести десять самолетов, кроме бомбардировщиков и разведсамолетов, стартовали в Англии в ночь с 5 на 6 июня 1944 г.

Берег кипел под разрывами бомб. На Кан обрушился ад. Мосты и дороги, аэродромы во французском тылу подвергались непрерывной бомбардировке. Огромные флотилии грузовых планеров летели к Франции. Все было отработано, продумано. Многие удалось. Но не все расчеты оправдались.

Американцы сбросили с воздуха в тыл немецкой береговой обороны Котантенского полуострова две дивизии. 17 000 десантников элитных войск с полевой артиллерией и противотанковым оружием. Задание — в тылу немецкой береговой обороны 709-й дивизии создать широкий опорный пояс, взять под контроль переходы через искусственно затопляемую местность и изолировать немецкую 91-ю посадочно-десантную дивизию. Кроме этого — разрушить коммуникации и связь, взорвать дороги и мосты, лишить тем самым немцев любого подкрепления. Но эта атака воздушного десанта оказалась неудачной.

Плотная и низкая облачность не позволила пилотам передовых частей точно выполнить полет. Звенья грузовых планеров разрывались. Место приземления — мосты и плотины в затопляемых территориях Мердеретского пруда вдоль дороги Сент-Мер-Эглиз—Пон л'Аббе. Небольшая ошибка — прыжок на полминуты раньше или позднее, — и люди попадали либо в болото, либо в воду. Так, весь 507-й полк приземлился в затопляемой местности. Густая трава создавала видимость поверхности дуга. Но тот, кто спускался на парашюте с 32-килограммовым снаряжением, попадал в воду и тонул. Тяжелое снаряжение тянуло ко дну. Только единицам удалось выбраться. Вооружение полка погибло полностью.

Тридцатишестилетний командир 82-й воздушно-десантной дивизии Джеймс Бэйвин прыгнул в ночь. Вместе с ним должны были прыгнуть 7000 человек. При полете над островами по ним начали бить зенитки, а затем низко нависшие тучи надвинулись как молочный суп между самолетом и землей.

В последнюю минуту из самолета Бэйвина стало хорошо видно. Под собой генерал увидел блестящую водную поверхность.

Появился зеленый сигнал к прыжку. Глубоко вздохнул. И вниз. Вслед за ним 507-й полк прыгнул в воду Мердеретского пруда.

Одних засосала грязь, другие блуждали вдоль берега реки в поисках моста, который они должны были захватить.

Несмотря на потери, солдаты Бэйвина захватили городок Сент-Мер-Эглиз. Немцы, обслуживавшие зенитку, на рыночной площади после короткого боя с несколькими взводами 505-го парашютного полка, спустившихся в центре города, отступили, оставив важную позицию у национального шоссе № 13, соединяющего Шербур через Карантан с Парижем. Так американцы достигли первого успеха в своей воздушной операции.

Не лучше шли дела и у генерала Тейлора из 101-й воздушно-десантной дивизии. Она во время высадки потеряла 30 процентов личного состава и 70 процентов снаряжения. Спаржа Роммеля, те самые вбитые в землю колья, вспарывали фюзеляжи планеров, они разламывались на куски. Оставшиеся в живых десантники небольшими группами пытались пробиться в районы боя или к берегу, сражаясь с немецкими патрулями, захватывая деревни, штабквартиры, пленных; иногда они сами становились пленниками.

Главным пунктом немецкой обороны на восточном побережье Котентенского полуострова была тяжелая батарея Маркуф, задуманная как основной пункт защиты Атлантического вала от нападения с моря. С ее четырьмя 210-мм длинноствольными орудиями,

шестью 75-мм зенитными пушками и одним 150-мм орудием. К сожалению, она к 6 июня еще не была готова. И все же 400 морских артиллеристов с их пушками представляли собой реальную оборонительную силу.

Первая пушка бункера была испытана 19 апреля, и сразу же начались бесперывные бомбардировки.

Они обустроивали свои позиции вопреки бомбежкам. Закапывали спаржу Роммеля. Протягивали колючую проволоку. Строили доты. Раскладывали рядами мины в дюнах, а поверху сеяли траву.

«Пошел, пошел!» — кричал фельдфебель. «Пошел, пошел!» Но от этого крика бетона не прибавлялось. Пушек не присылали, снарядов, стальных рам для дотов и смотровых щелей огневых гнезд тоже. Не было вращающихся бронированных стальных куполов и не было современных приборов управления огнем. «Я надеюсь, они подождут, пока мы закончим», — любил повторять длинный, как жердь, обер-ефрейтор Герман Ниссен. Он не знал, что на той стороне, на английском берегу, ждали только одного: подходящей фазы луны и удобного времени отлива и прилива.

Но вот это время наступило.

Вечером 5 июня 1944 г. солнце село, и впервые за несколько недель не было бомбардировщиков.

Батарейный взвод облегченно вздыхает и отправляется в убежища городка Маркуф и деревни Крисбек: так было заведено с 19 апреля, так как доты на позициях могут укрыть обслуживающий персонал двух пушек и зенитных установок.

Карл Зеллов с наслаждением затянулся сигаретой. 23 часа. Еще час, потом придет замена. Но что это за гул с запада?

«Воздушная тревога!» Гул превращается в вой. Это будет самая тяжелая ночь в истории Маркуфа. Более ста самолетов начали бомбить. Из военных дневников союзников известно, что на батарею было сброшено 600 тонн бомб. Тридцать пять минут непрерывной бомбежки. Все 6 зениток были уничтожены. Участок весь перепахан.

После полуночи на КП Омзена пробился связной из замка Сен-Маркуф.

— Господин обер-лейтенант, прямое попадание в замок. Убежища разрушены, людей засыпало. Развалины горят. У нас есть убитые и раненые.

— Обер-лейтенант Григ, — Омзен действовал четко, — соберите солдат. Возьмите совковые и штыковые лопаты. И торопитесь, мы не можем позволить себе еще и потери.

Слома голову солдаты бросились с лопатами в ночь. Но вскоре снова возвратились.

— Что случилось?

— Господин обер-лейтенант, — Григ подбежал к Омзену, — нас обстреляли. Я думаю, это вражеские десантники.

— Десантники? — усомнился Омзен. — Разведгруппе выяснить обстановку! Командир разведгруппы — обер-лейтенант Григ. Два унтер-офицера и двадцать солдат. Вооружение: автоматы и ручные гранаты.

Тишина. Только иногда слышно кваканье лягушки. «Интересно, — думает обер-лейтенант Григ, — никогда еще здесь не было столько лягушек».

Разведгруппа развертывается в цепь. В этот миг на правом фланге раздались крики.

— Стоять! — кричал замыкающий. Затем послышалась возня. Стон. Григ прыгнул в темноту.

— Что случилось? — приглушенно спросил он. И тут же увидел лежащего человека. В руках у Мюллера трещотка — он отнял ее у задержанного. Он квакал трещоткой как лягушка, это, наверное, опознавательный сигнал для его товарищей. Когда он услышал немецкую речь, то хотел улизнуть; Мюллер ударил его автоматом по стальному шлему. Он сейчас стоит на коленях рядом с ним. Держит в руках жестяную трещотку. Нажимает на нее. «Ква!» Мюллер снова нажимает. «Ква!» Из болота послышался ответ. И они смекнули. Они нажимают на трещотку и подкрадываются к отвечающим лягушкам и вытаскивают из болота одного американца за другим.

Больше здесь лягушки не квакали

Около 1 часа 30 минут разведгруппа вернулась. Каждый солдат привел с собой лягушку: 20 пленных. Хороший улов. «Ква, ква», — смеется обер-лейтенант Григ. Потом они заперли 20 американских солдат в пустом бункере.

Это были солдаты из пяти рот 502-го парашютно-десантного полка; с ними был и командир роты. Остальные сто человек, пробившиеся через болота до Маркуфа или приземлившиеся в центре деревни, пытались собраться для нападения на батарею.

Они показали, что штурмовая группа получила задание захватить артиллерийскую позицию 1/1261 обер-лейтенанта Эрбена у



Азевиль и Маркуф стали ареной первых боев на полуострове Котентен

на курточках. Новый Завет на тонкой бумаге. И шелковые шарфы с напечатанными картами. Карты привлекли самое пристальное внимание: даже спаржа Роммеля, всего лишь дня два назад установленная на лугах в тылу, была здесь обозначена. Но самое удивительное: Омзен смонтировал свои пулеметные гнезда не по координатам и размерам, американцы же на основании аэрофотосъемок точно замеры и нарисовали все это на шелковых картах. Омзену и его солдатам стало не по себе при мысли, что их может ожидать.

В соседнем опорном пункте в Азевиле, в четырех километрах от Омзена, на 9-й батарее 945-го берегового артиллерийского полка с четырьмя 122-мм трофейными советскими пушками, оберлейтенант Каттниг, артиллерийский офицер и командир опорного пункта, как раз писал письмо, когда часовой у зенитки подал сигнал воздушной тревоги. Офицер вылетел из бункера и был поражен: соединения транспортных самолетов сбрасывали десантников.

— Огонь из всех орудий! — Каттниг бежит к командному пункту. И тут, в буквальном смысле этого слова, на него с неба свалился солдат. Каттниг выхватил пистолет и наступил на стопы. Солдат в растерянности поднял вверх руки: американский офицер.

Сен-Мартен-де-Варревиль, в семи километрах за опорным пунктом W 5. Либо по ошибке, либо из удобства они предпочли напасть на Маркуф, и вот результат. Адьютант 2-го батальона 919-го пехотного полка заставил американцев вместе с экстренно сформированной разведгруппой из восьми солдат уйти из Маркуфа и сойти с шоссе в бездорожное болото.

У Омзена и его офицеров от удивления округлились глаза, когда они увидели оснащение, отобранное у пленных: маленькие радио- и телефонные аппараты величиной с карманный фонарик. Компасы в виде пуговиц

Он упрямо молчит, и его запирают в солдатском бункере. Началась стрельба перед колючей проволокой опорного пункта.

Связаться с дивизией Каттниг не может: он должен докладывать из опорного пункта В, в батарее Маркуфа.

Между тем появился обер-лейтенант Ханс Йорг Хабель из соседней батареи с горсткой солдат. Батарея была установлена в поле, и десант приземлялся прямо на их палаточный лагерь. Прислуга батареи была убита.

— Сюда они не сунутся, — мрачно сказал старшина батареи Луис Шюргер.

Мервиль — дорогостоящее заблуждение

И у британцев был свой Маркуф. Его называли Мервилем. Когда в начале декабря 1943 г. подполковника Теренса Отвея пригласили к командиру 6-й воздушно-десантной дивизии генералу Ричарду Гэйлу, он еще никогда не слышал название местности Мервиль. Это позднее ему будет казаться, что он всю свою жизнь провел в нем.

В Мервиле, восточнее Орн, в двух с половиной километрах от берега, расположилась батарея 1716-го артиллерийского полка численностью в 130 человек. Разведка союзников на основании разведанных пришла к выводу, что батарея нашпигована 150-мм пушками и поэтому представляет серьезную угрозу при морской высадке 3-й британской дивизии в районе Уистреам-Лион. «Батарея должна быть уничтожена до высадки», — гласил приказ. Были задействованы большие силы, чтобы заставить молчать Мервиль до высадки. Подполковник Отвей со своим 9-м парашютным батальоном 6-й британской парашютно-десантной дивизии. Эта была особая битва. С большими затратами, с огромными жертвами. В сущности, ненужная, но часто упоминаемая в военной истории и по сегодняшний день в новейших английских и американских публикациях. Поэтому стоит о ней рассказать подробнее.

Общий план выглядел так: усиленный батальон Отвея численностью в 750 человек должен был незадолго до часа ночи приземлиться между Мервилем и Гонневилем, собраться в назначенном месте и в условленное время захватить опорный пункт. Проведение операции было тщательно отрепетировано, как современное сражение охотников и индейцев. Кульминация — внезапное призем-

ление грузовых планеров с 60 десантниками на борту прямо на территорию батареи, в то самое время, когда начнется штурм.

Воздушная разведка выяснила, что опорный пункт огражден полосой из колючей проволоки в пять метров шириной и в полтора метра высотой. А перед ней минное поле, за ним препятствия из колючей проволоки. Но это еще не все: за этим ограждением еще одно минное поле в 100 метров шириной, огражденное колючей проволокой. Со стороны моря защиты от танков нет.

Опорный пункт состоит из одиночных дотов, соединенных в одну оборонительную систему. Из четырех стрелковых бункеров только один, номер 4-восточный, приспособлен к защите на близком расстоянии. Автоматическое оружие гарантирует безопасность батареи. Одна автоматическая 20-мм пушка на крыше опорного пункта, в середине батареи, предназначена для воздушной и наземной обороны.

Эта позиция по плану союзников должна была быть ликвидирована еще до высадки морского десанта. Подполковник Отвей получил приказ: до 5 часов 15 минут во что бы то ни стало захватить батарею. Иначе ее накроет огонь корабельной артиллерии.

Расположенная на перекрестке, в открытом поле, батарея не могла быть хорошо замаскирована. Мощный противотанковый ров маркировал опорный пункт для разведывательной авиации союзников. Путем многократной съемки было установлено прохождение работ. Когда аэрофотосъемка в конце марта показала, что два боевых бункера готовы, а два еще строились, началась ковровая бомбардировка. Небезынтересно рассмотреть точные результаты: из 1000 сброшенных бомб только 50 легли на территорию батареи, две попали в цель, которую и нужно было поразить, — орудийную позицию. Никому не удалось попасть в одно место два раза! Блестящая иллюстрация ковровой бомбардировки.

Подполковнику Отвею было 29 лет. Его батальон с 35 офицерами и 600 солдатами считался элитной частью. Он был усилен ротой отборных канадских десантников и теперь насчитывал 750 человек.

Солдаты Отвея в поте лица два месяца тренировали нападение. Они построили макет, даже коровы были обозначены, и каждая полевая дорога была добросовестно проложена бульдозером. Они упражнялись. Днем и ночью. Каждый знал свои действия и свой путь: разведгруппа, саперы с миноискателями должны были маркировать дорогу через минные поля и проволочные заграждения. Инженерная группа — прокладывать дороги через препятствия. Диверсионная должна была во время штурма на трех планерах при-

землиться на территории опорного пункта, чтобы вывести из строя орудия. Еще две разведгруппы с говорящими по-немецки сержантами должны были внести путаницу, выкрикивая ложные приказы.

Как и планирование, так и исполнение было затратным. Применялись все достижения военной техники: огнеметы, противотанковые пушки, радиоуправляемые джипы, штурмовые лестницы, связки ручных гранат, специальные взрывные заряды, автомобиль-лазарет, микрофоны, громкоговорители и т.д.

Чтобы ослабить оборону и уничтожить препятствия еще до штурма и в первую очередь обезвредить минные поля, было задействовано 109 бомбардировщиков «Ланкастер». Они должны были отбомбиться в течение 10 минут: с 0.30 до 0.40. 382 тонны бомб должны были сровнять укрепление с землей. Под прикрытием бомбежки — высадка десантников. В то время как батальон будет собираться, так называемые специальные группы вместе с саперами должны проложить три дороги через минное поле и маркировать их. Командиру разведгруппы было поручено по радио ориентировать командира батальона о положении на площадке приземления. Знаком штурма был звук трубы. Штурмовая группа имела знак отличия — фосфоресцирующий череп со скрещенными костями.

Вот как выглядел тщательным образом расписанный воздушный временной график штурмовой группы: в 3 часа 24 минуты на высоте 2000 метров над расположением немецкой батареи буксирный самолет отцепляет грузовой планер с десантниками и дает световой сигнал. С 3 часов 25 минут до 3 часов 30 минут: по сигналу трубы «Reveille» (Подъем — *фр.*) гранатомет пускает сигнальные ракеты над батареей, чтобы облегчить приземление.

В 3 часа 28 минут по сигналу «приступить» прекращается всякий огонь, один лишь гранатомет пускает сигнальные ракеты.

В 3 часа 30 минут по сигналу «отбой» прекращается стрельба сигнальными ракетами. Приземляется первый планер. Заряды в препятствиях взрываются. Штурм. Так было все запланировано.

А вот как все проходило: незадолго до полуночи десантные и разведывательные группы покинули Англию. Бомбардировщики «Ланкастер» сбрасывают бомбы. Бомбы, предназначенные для батареи, не попали в цель. Бомбы, предназначенные для минных полей, вдребезги разнесли деревню Гонневиль. Разведгруппа прыгнула во время бомбежки и чудом избежала гибели.

Подполковник Отвей и главные силы еще ничего не знали о случившемся. У всех еще была уверенность, что после ничего не

может произойти. Но потом вдруг поняли, что не учли непредвиденного решающего фактора — немцы тоже будут стрелять! И они стреляли! Из зенитки 88-мм. Многим пилотам пришлось резко маневрировать. Тяжело нагруженные десантники падали друг на друга. В транспортных самолетах все перемешалось. С большим трудом солдаты выбирались из самолетов. Некоторые слишком далеко улетели на восток, многие перепутали свою зону приземления. Планер с тяжелым специальным грузом еще над проливом оторвался и упал. Десантники приземлились далеко друг от друга. Последние оказались в 50 километрах от цели!

Подполковник Отвей, хотя и приземлился благополучно, напрасно поджидал свой батальон. Прошло полтора часа, прежде чем собралось 150 солдат. 150 из 750! Несмотря на это, Отвей приказал начать операцию. Очень смело! Весь план нужно было менять. Из имевшейся в наличии команды было создано две группы по 15 человек, которые должны были проложить дорогу; задача четырех штурмовых групп по 12 человек — бой с защитниками батареи.

Они находились в яме на краю ржаного поля, в 500 метрах от опорного пункта батареи.

Было 3 часа 30 минут. В командный пункт батареи уже давно поступил сигнал тревоги. Командир батареи удвоил охрану. Вскоре было обнаружено движение на территории. Сигнал тревоги передали по позициям. Пулеметы батареи открыли огонь.

В этот миг на батарею начали спускаться грузовые планеры с десантниками. Один из них на высоте в 30 метров пролетел над батареей. Ударная 20-мм зенитка, размещенная на крыше солдатского бункера. Попадание в брюхо планера. Он сделал поворот и упал далеко за пределами батареи. Показался и второй. У Отвея не было сигнальных ракет, пилот посчитал, что горящая деревня Мервиль и есть место посадки, и пролетел на семь километров дальше цели. Третий планер совершил вынужденную посадку еще в Англии.

Быстрой победы не получилось. Отвей все же отдал приказ о штурме. Полетели взрывпакеты. Штурмовая группа огнем прокладывала путь к опорному пункту.

Длительное ожидание притупило бдительность немцев в Мервиле. Главный вход на батарею был едва забаррикадирован. Поэтому небольшой отряд томми легко проник на территорию батареи. В этот момент у входа в опорный пункт появился унтер-офицер Виндгассен с небольшим отрядом разведчиков зенитного отделения. 20-мм зенитная батарея была на марше из Франсевиля в Кан и

угодила прямо в руки английских десантников. Командир батареи принял решение ехать в Мервиль. Виндгассен вместе с пятью солдатами пошел в разведку. У шлагбаума они неожиданно оказались перед томми и подняли руки.

Из бункера, где Виндгассен и его солдаты находились вместе с ранеными янки, они слышали звуки боя: их товарищи между тем дрались с британскими десантниками.

У орудий опорного пункта в кровавой рукопашной схватке сошлись артиллеристы. Два бункера томми забросали связками гранат.

Через 30 минут все было кончено. Из 150 солдат Отвея 66 погибли. У немцев сто человек пали в бою, 22 ранено и сдались в плен.

И тут выяснилось: на батарее Мервиля вообще не было 150-мм пушек, только 75-мм, что не представляло серьезной угрозы для английской высадки. Для обстрела морских целей они не были приспособлены. Запланированный англичанами береговой участок для батареи был недосыгаем, с их дальностью действия в семь километров можно было обстреливать прямой наводкой только лишь восточную часть берега. Таким образом, эта операция была всего лишь ошибкой — это часто бывает на войне.

В сторону суши пушки вообще не могли стрелять, разве что их сняли бы с фундаментов и вытащили из бункеров. Все это сооружение было смонтировано для отражения нападения танков со стороны моря.

И еще одну ошибку допустили англичане. Захватив батарею, подполковник Отвей дал условный сигнал. Не получив подтверждения о том, что сигнал понят самолетом-разведчиком, он покинул оборонительный пункт, чтобы не стать жертвой своей же корабельной артиллерии. В контратаке немецкая боевая группа 736-го пехотного полка снова заняла Мервиль.

Выяснилось, что томми были так возбуждены, что лишь слегка повредили пушки. Вскоре их отремонтировали.

Немецкие пехотинцы защищали батарею и на следующий день, 7 июня, от британского отряда, у которого было задание очистить местность. Немцы сражались мужественно, однако удача была на стороне томми. И вот контрудар с применением штурмовой артиллерии опрокинул англичан, и опорный пункт снова у немцев. Еще пару раз до начала июля батарея переходила из рук в руки. Горячие схватки. Пропитанная кровью земля.

W 5 открывает огонь

Забрезжил рассвет, стали видны изгороди Котантена и фруктовые сады Кальвадоса.

Десантники лежат в своих укрытиях и играют в «робких кроликов». Патрули немецкого резервного батальона охраняют места приземления десантников в ржаных полях и у перекрестков в районах Сент-Мер-Эглиз или Ранвиля восточнее реки Орн.

— Поезжайте быстрее, — сказал генерал-лейтенант Вильгельм Фаллей своему водителю. — Уже светает.

— Успеем, господин генерал, — успокоил майор Бартузат. Они возвращались по шоссе Кутанс—Перье—Этенвиль.

Генерал Фаллей и его начальник штаба из КП 91-й посадочно-десантной дивизии¹ в Пикавиле выехали в Рен шесть часов назад, чтобы успеть к военным играм 7-й армии. Бесперывные налеты бомбардировщиков беспокоили генерала. Военный преподаватель и фронтовой офицер, он ничего хорошего не ждал, когда низко над ним летели в тыл самолеты.

— Это не обычный налет, Бартузат, — сказал он своему начальнику штаба, прислушиваясь к реву бомбардировщиков.

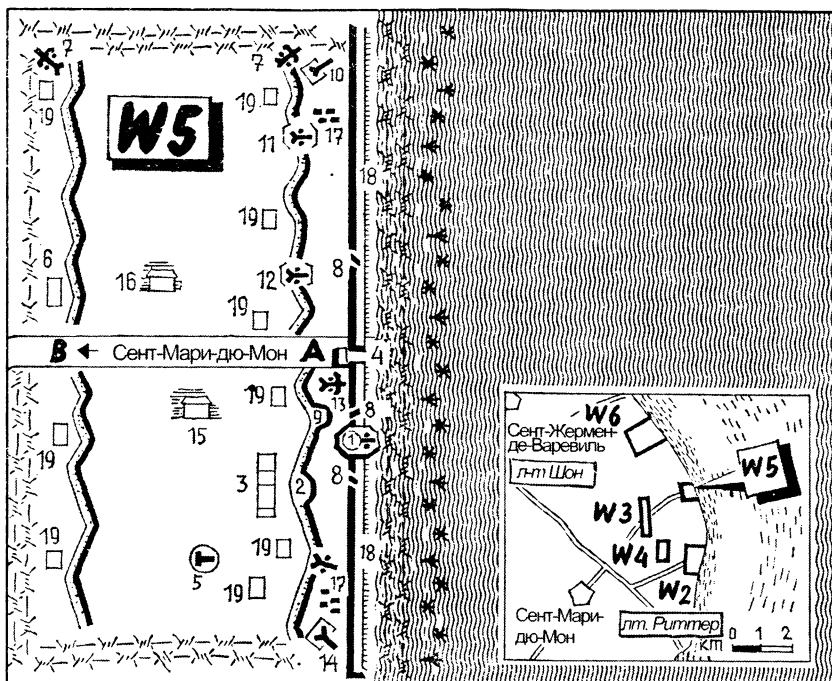
Фаллей еще не знал, что 8-я воздушная армия США надвигается из Англии с тремя дивизиями стратегических бомбардировщиков численностью в 1083 самолета В-17 и В-24, несущих 3000 тонн смертоносного груза в сопровождении 1347 истребителей. Он этого не знал, но чувствовал, что надвигается нечто ужасное и этому противостоят только 320 самолетов.

Комок подкатил к горлу при мысли о нескольких десятках немецких истребителей.

— Назад, к командному пункту! — приказал он водителю.

Машина мчалась по шоссе департамента Иль-эт-Вилан и Манха к Шоте-Ат, что севернее Пикавиля. Впереди они слышали шум боя, а над собой рев самолетов. Позади в районе Карантан-Байе-Кан и на побережье, вероятно, идет страшная бомбежка. Горизонт закрыт дымом и взрывами.

¹ 91-я посадочно-десантная дивизия была не парашютным соединением, а отдельной пехотной дивизией, подготовленной для переброски на транспортных самолетах Ju -52 в случае масштабной десантной операции ВДВ Германии. — *Прим. ред.*



План оборонительной позиции W 5 на побережье у Эббе

Машина сворачивает с главной трассы. По ту сторону находится замок. Разве это не огонь из автомата? Разве это не пулеметные очереди? Фаллей, выхватывая пистолет, выпрыгивает из машины.

— Осторожно! — кричит майор Бартузат. Поздно!

— Hands up!

Генерал успел выстрелить два раза. Застрочил пулемет. Фаллей и Бартузат рухнули. Так во Франции на рассвете 6 июня погиб первый генерал, не успев отдать ни одного приказа.

Лейтенант Янке в опорном пункте W 5 прислушивается к рокоту бомбардировщиков. Его боевая позиция — обшитая досками и замаскированная сухой травой песчаная яма. Отсюда видно серое море, покрытое дымкой.

— У меня плохое предчувствие, господин лейтенант. — Фельдфебель Хейн идет вдоль окопа. — Если начнется вторжение, они сначала будут бомбить. Солдат следует держать в укрытии.

— И пусть выдают спецпитание! — приказал Янке. — Продовольствия на складе, самое малое, на неделю.

В безупречном строю со стороны моря шла новая волна двухмоторных бомбардировщиков.

«Пролетают севернее опорного пункта», — подумал Янке, и его охватил страх: первая волна развернулась и пошла вдоль берега, прямо на его пункт.

Янке зажался в своем укрытии, следя в бинокль за огромными птицами. Вот!

Бомбовые люки распахнулись, и, кувыряясь, полетели бомбы. Свист. Бинокль в сторону, а голову в песок.

Грохочущий ад. Молнии. Дым. Вонь.

«Это по ту сторону асфальтированной дороги», — думает Янке. В это время накатила следующая волна. Грохочущие взрывы.

И когда следующая машина сбросила бомбы по эту сторону, свист стал приближаться к яме лейтенанта. Все громче.словно гигантская рука схватила Янке и бросила к стене ямы, пригвоздила его к земле. Ему показалось, что на него обрушилась телега песка.

«Нет!» — думает он и начинает разрывать песок. Плечо горит как огонь. Левая рука онемела. Надвигается следующая бомбовая волна. Янке прыгает через песчаную дюну, скатывается в совсем мелкую воронку. «Они бросают бомбы, которые взрываются низко над землей и имеют большой радиус действия. Прочь из этой воронки, она не защитит», — говорит себе Янке. Он бежит к бетонному блоку, который перегораживает асфальтированную дорогу. Теперь его тело прикрыто как козырьком. К взрывам бомб добавляются хлопки фейерверка.

«Склады с боеприпасами», — пронеслось в голове Янке.

И вдруг наступила тишина. Янке выбирается из своей песочной борозды и бежит по территории опорного пункта.

Все, что неделями строилось с таким трудом, сейчас разрыто, как на детской площадке. 75-мм противотанковая пушка превращена в металлолом. 88-мм пушка повреждена. Два склада с боеприпасами взлетели в воздух. Окопы засыпаны.

Людские потери, к счастью, невелики — солдаты отсиделись в своих дотах.

Подбежал санитар, унтер-офицер, пожилой мужчина.

— Все пропало, господин лейтенант. Лагерь горит. Все пропало! — кричит он. И добавляет: — Мы должны капитулировать, господин лейтенант.

Янке всего 23 года, но он закаленный командир взвода с опытом войны в России. Он понимает — еще чуть-чуть, и начнется

паника, а она самый страшный враг солдата. Паника уничтожила больше, чем оружие. Он знает это по России.

— Солдат, — Янке старается говорить спокойно, — солдат, вы не в себе. Если бы мы в России в таких ситуациях капитулировали, то русские были бы уже здесь. — И громко приказывает: — Всем рыть окопы!

Растерянные солдаты, большинство из которых впервые ощутили смертельную опасность войны. Старые резервисты, сунутые в прибрежную дивизию, бледны, и в их глазах страх, но они роют.

Янке звонит в опорный пункт W 2, лейтенанту Риттеру.

— Дружище, что у вас? — спросил Янке.

— У меня почти ничего. Они, наверное, нацелились на вас.

— Да, они нацелились на W 5.

— Воздушная тревога! — раздалось во время этой беседы.

— В укрытия!

Низкий грохот новой волной накатывался со стороны моря.

— Самолеты летят в нескольких метрах над водой.

У берега самолеты взмыли вверх. Раздался адский свист: ракеты. Попадают прямо в амбразуры. Левый дот взлетает на воздух — прямое попадание через амбразуру в боеприпасы. Правый дот объят пламенем. Боевые расчеты либо погибли, либо тяжело ранены.

На часах четыре часа утра.

Это была битва мощного западного военного потенциала Второй мировой войны. В общей сложности союзная авиация сделала 6 июня 10 743 налета и сбросила 11 912 тонн бомб. За несколько часов на немецкие оборонительные сооружения в Нормандии было сброшено столько же тонн бомбового груза, как за весь военный 1943 г. на Гамбург, который в Германии чаще всего подвергался налетам. Жители Гамбурга, пережившие ночи смерти в Хаммербруке, Хамме или Ротенбурге, дрожавшие в бомбоубежищах и видевшие 40 000 мертвых, поймут, что пережили немецкие солдаты в своих пулеметных гнездах, окопах и дотах на побережье Нормандии утром 6 июня 1944 г.

Бомбежка должна была освободить дорогу высаживающемуся корпусу союзников. Бомбы взрывались низко над землей, сила взрыва была направлена во все стороны, все сметала, не оставляя глубоких воронок. Это облегчало войскам продвижение с тяжелым оружием. В тылы, где, по мнению высшего командования союзников, находился немецкий резерв и штабные центры, применялся тот же метод. Цель одна — увеличить потери, разрушить дома, сделав дороги непроходимыми. Этого удалось достичь в Сен-Ло, Перье.

в особенности же в Кане, старинном городе, окруженном засеянными полями, где разрушения были чрезвычайно значительны. Ни один немецкий обоз не мог добраться через город до берега. Майор Хайн в инспекционной поездке на фронт увидел этот погибающий город. Предместье Вусель с его мостами через Орн и его обводные каналы представляли собой горящий хаос. Немецкие солдаты прыгали через пламя и горящие балки. Сквозь дым были видны башни монастырских церквей Сен-Стефан и Триединства, монастыри, которые построил еще в XI в. Вильгельм Завоеватель. В Сен-Стефане он и похоронен, о чем напоминает скромная каменная плита. В 1066 г. он отправился из Нормандии на своих знаменитых 619 лодках с драконами на носу на завоевание Англии. Вильгельм, тогда еще герцог Нормандии, этот бастард (незаконнорожденный), перевез к английским берегам 60 000 норманнов, французов, бретонцев, фламандцев и даже немцев. 14 октября 1066 г. у Гастингса он разбил английского короля Гарольда и его братьев в исторической битве, которая длилась с раннего утра до самой ночи и стоила им жизни. Вильгельм стал королем Англии, получив прозвище Завоеватель. Спустя 878 лет на его могилу пришли англичане и их американские родственники. Бомбы падали, стены и башни Сен-Стефана содрогались. Город Вильгельма лежал в развалинах — расплата за битву при Гастингсе.

Бомбовый удар союзников, как асфальтоукладчик, прокладывал путь 5000 кораблей и судов союзного десанта. Камня на камне не должно остаться от немецкой обороны, ни один дот, ни одна пушка не должны стрелять. Проволочные заграждения должны быть уничтожены, и ни один солдат из роммелевских оборонительных дивизий не должен выйти живым из этого ада. Ничто не должно оказывать сопротивления высаживающимся солдатам союзников.

«Safety first». «Безопасность превыше всего», — говорил Эйзенхауэр. Это была тактика избытка, которая огромными затратами сеюшего смерть материала работала против врага, дабы защитить жизнь собственных солдат. «Safety first» — это был лозунг битвы XX в., знаковый для всей битвы за Нормандию.

Когда рассеялся дым бомбового удара и в аду наступило затишье, они пришли: 6 линкоров, 23 крейсера, 122 эскадренных миноносца, 360 торпедных катеров и несколько сот фрегатов, шлюпов (малый противолодочный корабль) и патрульных катеров. Под прикрытием этой армады боевых судов к берегу приближалось огромное скопление кораблей: 6480 транспортных кораблей, десантных кораблей, специальных катеров. Защищники береговой линии уви-

дели то, что им на занятиях показывали изображенным на бумаге: штурмовые катера, зенитные катера, крейсера и десантные корабли. Над десантными кораблями начали стрелять корабельные пушки. Это был непроницаемый огневой шквал, который блокировал береговой фронт, не подпуская к нему ни подвоза, ни подкрепления. Показалось невероятным, чтобы в этом аду между Виrom и Орн была еще человеческая рука, готовая дать автоматную очередь, выстрелить из пушки, бросить гранату! Побережье сделалось похожим на лунный пейзаж, испещренный кратерами.

Четыре часа 15 минут.

— Приближается боевой корабль противника. — Подбегает фельдфебель Хейн: — Даете разрешение на огонь из пушки FK-16, господин лейтенант? — Янке кивает.

— Огонь!

— Бах! — заговорила полевая пушка.

Недолет.

— Бах!

Еще недолет.

Эсминец разворачивается. Виден его борт. И с этой бортовой стороны три раза раздается лай пушки. Первый снаряд ложится далеко за батареей в дюнах. Второй — попадание в воду. Но третий залп прямо в цель, полевая пушка разлетается на части. Боевой расчет уничтожен.

Остается только поврежденная 88-мм зенитка, вокруг которой лихорадочно крутятся зенитчики.

Как бы желая посмотреть на поле битвы с высоты, летчик-наблюдатель пролетел над опорным пунктом. Развернулся и исчез за горизонтом.

И вскоре — обстрел из тяжелых корабельных пушек. Начинается кошмар. Огромные снаряды один за другим ложатся на территорию опорного пункта, уничтожая окопы. Колючая проволока превращается в клочья. Минные поля взрываются. Доты засыпает мелким песком. От каменного барака с телефонным узлом не остается и следа. Точное попадание уничтожает командный пункт огнемета. Многие солдаты не выдерживают, затыкают уши. Кричат. Ругаются.

Или в полной прострации лежат в песчаных воронках.

Часовые больше не меняются.

Кто-то кричит:

— Корабли!

Янке прильнул к стереотрубе. То, что он увидел, было не постижимо. Десантный флот. Большие и маленькие корабли. Несть им числа. Сбылось. Сомнений нет. Они пришли и по морю. Они пришли, несмотря на плохую погоду. Пришли при отливе. Железные чешские «ежи», опутанные проволокой «козлы» Роммеля с минами, колья с минами и прочие коварные подводные препятствия, которые с таким старанием строились, стоят на суше. Образовался ровный берег в 800 метров шириной.

«Расчеты Роммеля не оправдались!» — подумал Янке. Они пришли во время отлива; должны пройти 800 метров по ровной площади обстрела. Но что толку от площади обстрела, если нет оружия для стрельбы! Лейтенанту Артуру Янке хотелось выть.

Нужен заградительный огонь! Посылают связного на велосипеде к обер-лейтенанту Шёну, который со своей 13-й ротой полковых орудий и батарей из 122-мм пушек 1261-го артиллерийского полка расположился у Сан-Мартен-де-Варевилля, в трех километрах от W 5. Шён по световому сигналу при двойном выстреле зелеными ракетами должен вдоль берега создать заградительный огонь из всех стволов.

А напротив опорного пункта уже отделяются десантные корабли. В бинокль их хорошо видно.

Янке стреляет из двух стволов ракетницы зелеными ракетами. Время идет, а заградительного огня нет.

Они никогда уже не узнают, что связной не доехал до Шёна.

Пять часов 20 минут.

Широкие морские баржи с ракетными установками начинают стрелять по опорному пункту, им вторит корабельная артиллерия.

Первые десантные суда достигают отмели. Десантники выпрыгивают, сбрасывают спасательные жилеты. Это саперы. Они устраняют стоящие на отмели заграждения, чтобы обеспечить путь судам, которые придут сюда во время прилива.

Янке думает: «Расстояние пятьсот метров — их нужно подпустить ближе, до ста метров. Тогда у нападающего не будет шанса». Но суда все прибывают — ждать нечего.

— Огонь! — кричит он.

— Огонь! — повторяется по окопам и огневым точкам.

Под куполом вкопанного старого трофейного танка «Рено» сидит со своим пулеметом обер-ефрейтор Фридрих. Стекла в его очках толщиной с увеличительные, но каждый знает: Фридрих не промахнется. Он бьет короткими очередями. На правом фланге заговорил тяжелый пулемет. Обстрел заставляет саперов лечь на пе-

сок. Пулеметные очереди достают группу из второй волны, наступая прямо у судна.

Гранатомет выплевывает 81-мм мины.

Но что это? Из воды выползают чудовища. Плавающие танки. Мощный резиновый надувной мешок превращает их в прозрачные чудовища. Они подкатывают к противотанковому рву.

— Огонь!

Для защитников W 5 ни с чем не сравнимый звук 88-мм пушки, царицы пушек последней войны, звучит как музыка. Подкативший танк подоспел под выстрел. Его отнесло в сторону, перевернуло, и он присмирел.

Хорошо, так держать! Еще! Стреляйте! Огонь!

Но пушка молчит — первый же выстрел вывел ее из строя.

Вторая танковая волна выкатилась на сушу. Танки стреляют сосредоточенным огнем по разведанной позиции. Правый пулемет разнесло прямым попаданием. 81-мм миномет захлебнулся. Только Фридрих в своем трофейном танке «Рено» пулеметным огнем прижимает высаживающихся пехотинцев к воде.

Но и его очередь подходит. В танк попадает снаряд. Раздался звон, как будто лопнул церковный колокол. Осколки разорвали ефрейтору ногу. Несмотря на это, он, один из немногих, останется в живых.

— Разве мы покинуты Богом и миром? — в отчаянии спрашивает Янке стоящего рядом связного. — Где наши летчики? Где артиллерия? Может быть, заснул наблюдатель Девятьсот первого артиллерийского полка на церковной башне в Сент-Мари-дю-Мон?

Нет. Он не спал, истребители давно уже сбили его оттуда, а батарея, огнем которой он должен управлять, уничтожена ковровой бомбежкой.

— Остается последнее средство, — говорит Янке фельдфебелю Хейну. — Это «Голиафы».

«Карманное чудо-оружие», — говорили солдаты об управляемых на расстоянии миниатюрных танках. Радиус действия этих маленьких самоходных «адских машин» с 90 кг динамита составлял 600 метров, взрывались они на расстоянии. Коварное оружие против мостов и войск, препятствий. На пересеченной местности они были почти незаметны. Приближались к объекту, словно черепахи, переваливаясь с боку на бок. Для артиллерийского обстрела они представляли незаметную цель. К сожалению, их система управления слишком уязвима.

Янке отдает приказ к применению «Голиафов». Танки-карлики попрыгали по кочкам. Солдаты пытались направить их на танки противника, но от сотрясений при бомбежке и артиллерийском обстреле чувствительные реле повредились. Они так и остались стоять на берегу возле опорного пункта.

Корабельная артиллерия била. Земля метр за метром перепачивается. Солдаты лежат, прижавшись к земле, и ждут конца. Они чувствуют себя покинутыми и людьми и богом. Один на один со страхом, а в действительности один на один с войной, будь она тысячу раз проклята. Но это знает лишь тот, кто уткнулся лицом в дерьмо, кто видел над собой апокалиптического всадника и ощущал смерть, которая не оставляет времени на молитву.

Знак судьбы Сент-Мер-Эглиз

Тот, кто наблюдает за таким адом издалека, с исторической или пространственной дистанции, тот видит лишь панораму боя.

Вот и подполковник Фридрих фон дер Хейдте, командир 6-го парашютно-десантного полка, видел в девять часов утра 6 июня 1944 г. только панораму. Ранним утром он выехал со своего командного пункта в Сен-Ком-дю-Мон, городка, расположенного в 15 километрах от опорного пункта W 5. Оттуда доносился гром боя. Фон дер Хейдте поднялся на церковную башню. Приставил к глазам бинокль и подумал, что это сон: перед побережьем «Юта» стоял необозримый, состоящий из сотен судов десантный флот, защищенный аэростатами. Подполковник увидел мощнейшие линкоры, крейсера и миноносцы, вспышки выстрелов, бесчисленное количество лодок, сновавших между большими кораблями и берегом. «Как на Ваннзее в хороший летний день», — промелькнуло у него в голове.

Небольшой участок берега закрыт облаками дыма и пара. Фонтаны пыли поднимались высоко в небо. Ничего нельзя было разглядеть, но за этой занавесью совершалось американское вторжение. Если бы у подполковника было волшебное стекло Синдбада-морехода, то он увидел бы в дюнах на территории W 5 лейтенанта Артура Янке в полузасыпанной яме, и ефрейтора Фридриха в бронированном куполе, и фельдфебеля Хейна рядом с минометом, и других солдат 3-й роты 919-го пехотного полка, которые приняли на себя всю мощь целого флота и целой армии. История стучала в

ворота смертью и гибелью, открывая новую главу: поражение Германии, победа Америки.

Конечно же всего этого подполковник фон дер Хейдте не видел с церковной башни городка Сен-Ком-дю-Мон, но он знал, что там, где висело дымное облако, тот самый пункт на побережье, на который нацелен могучий флот.

Он приказал перенести командный пункт в Сен-Ком-дю-Мон и повел свой полк вперед.

Немецкие парашютисты-десантники 6-го полка¹ занимали самую узкую часть полуострова Котантен, что в районе Лесе-Мон, Кастре-Карантан, блокируя двери полуострова, открывающие путь на Юг. Это был район в 20 километров шириной и 15 километров глубиной.

После полуночи самая удаленная на северо-восток боевая группа заметила вражеских парашютистов-десантников. Разведгруппы батальона проникли в район приземления. Прослушивались незашифрованные переговоры американцев, требовавших тяжелое оружие, боеприпасы и подкрепление. Еще до рассвета немцы привели первых пленных. Фон дер Хейдте поехал в Карантан, чтобы их допросить.

В 6 часов он был на месте. Пленные были из 501-го полка 101-й дивизии. Странные это были парни. Одни нарисовали на своей униформе пароли: «До встречи в Париже», у других на спинах красовались «Pinup-Girls» (сексуальные девочки) во весь рост. Во время допроса большинство из них держались самоуверенно. В их карманах были соблазнительные и странные вещи, на которые немецкие солдаты смотрели с удивлением. Шоколад в больших количествах, леденцы, пахучие американские сигареты, укрепляющие средства, таблетки для обеззараживания воды, растворимый кофе, чай в таблетках, презервативы, бульонные кубики и туалетная бумага. И нередко — соблазнительные фотографии Парижа.

Все они проинструктированы, как вести себя в плену. Они называли лишь свое имя, возраст, воинское звание, часть. Все. Однако и по столь скудной информации можно было составить общую картину.

¹ 6-й парашютно-десантный полк входил в состав 2-й парашютной дивизии генерал-лейтенанта Бернхарда Рамке, но временно был подчинен 91-й посадочно-десантной дивизии генерал-лейтенанта Фаллея, погибшего 6.06.44. — *Прим. ред.*



Первые немецкие контратаки в районе высадки «Юта»

— Это — вторжение, — сказал Хейдте начальнику оперативно-го отдела 84-го корпуса майору Фибигу.

— Это — вторжение, — сообщил по телефону генерал Маркс 7-й армии.

Но в высоких штабах были уверены: вторжение произойдет в самом узком месте пролива, в Па-де-Кале.

Так как каждая боевая группа состояла из парашютно-десантного батальона, и была снабжена 75-мм противотанковыми пушками и одной батареей 88-мм зениток, и находилась далеко друг от друга, и к тому же постоянно обстреливалась вражескими самолетами, то подходили они в район Сен-Ком-дю-Мон с интервалом в целый час и вступали в бой. Первый батальон — в направлении Сент-Мари-дю-Мон—Ла-Мадлен, в район опорного пункта W 5; второй батальон — по направлению к Турквилью, где находился опорный пункт 795-го грузинского батальона Вермахта. Третий батальон остался для защиты флангов.

Наступления сначала шли успешно. Потом из Сент-Мер-Эглиз и Сент-Мари-дю-Мона открыли сильный огонь.

Между тем с севера у Сент-Мер-Эглиз был введен в бой 1058-й гренадерский полк и штурмовой батальон 7-й армии майора Мессершмита, а с запада переброшен 1057-й гренадерский полк для отражения десантников у реки Мердере.

Сейчас трудно установить, кто отдал приказ о вступлении в бой: либо 84-й корпус, либо 91-я посадочно-десантная дивизия, либо 709-я дивизия. Как бы там ни было, их ввели слишком поздно и без артиллерийской, истребительно-противотанковой и зенитной поддержки. Грубейшая ошибка. А все потому, что обе немецкие дивизии оказались в районе американского десанта в решающий час без командиров: Фаллей был убит, Шлибен возвращался домой с этой проклятой военной игры, которая должна была состояться в Рене.

Немецкие части не могли устоять против минометов и современного оружия американских десантников. Атака немецких частей захлебнулась.

Когда Шлибен к обеду появился на своем командном пункте, он тотчас понял опасность и попытался исправить ситуацию, введя два дивизиона тяжелой артиллерии и противотанковый дивизион.

Смогут ли они спасти опорный пункт W 5?

Бедный Янке ждал напрасно. Из обрушенных окопов до обеда 6 июня еще иногда слышались одиночные винтовочные выстрелы. Бессмысленные выстрелы в танки. Как на учебном полигоне, танки обстреливают опорный пункт. Американские пехотинцы вплотную подошли к бронированной стене.

Штурмовая группа из 15–20 солдат залегла вблизи одного «Голиафа». Они подшучивают над чудо-оружием. Один сорвал предохранитель с ручной гранаты. Бросил. Мимо. Все смеются. Бросает другой. Опять мимо. Тогда один подполз к танку-карлику, отрыл клапан и сунул в отверстие гранату, сорвал предохранитель и прыгнул к группе. Но они ничего не знали о 90 килограммах взрывчатки. Секунда — и от группы остались фрагменты тел, разбросанные по всему берегу. Танки ожесточенно начали стрелять по опорному пункту.

«Вот так наступает конец», — промелькнуло в голове лейтенанта Янке. Потом у него появилось ощущение, как будто кто-то медленно накрывает его черным покрывалом. В своей полузасыпанной яме он не слышал выстрела. Видел только вспышку разрыва, почувствовал удар в спину. Сколько времени пролежал под песком, он не знает. К нему вернулось сознание, когда его кто-то потянул за ногу.

Спасение. Он пытается шевельнуться, его тянут, вздохнул, увидел свет. Выплевывает грязь и видит стальной шлем американца. Янке реагирует мгновенно, а так как его инстинкт сформирован еще на войне в России, то срабатывает реакция: прочь, только не плен!

Он видит лежащий невдалеке автомат, приподнимается, но кто-то пнул его в спину, а голос спокойно произнес:

— Take it easy, German! (Спокойно, немец!) — Лейтенант Янке, 23 года, у которого была тройка по английскому языку, рассмеялся.

«Им хорошо», — думает Янке, отряхивая со своей формы грязь. Затем, как и положено, поднимает руки над головой и спокойно подставляет карманы для обыска:

— Go on! (Пошел!)

На берегу он сталкивается с остатками своей команды. Жалкая маленькая горстка пленных лежит по другую сторону бронированной стены. Он хочет пойти к своим, но сержант из «Ledernacken» (кожаных затылков), знаменитых морских пехотинцев, берет его за руку и отводит на 50 метров от группы своих солдат, мрачно посмотрев на его Рыцарский крест. Бант порван, крест болтается на воротнике, держась лишь на шнурке, которым Янке его закрепил под воротником, как это делают все офицеры.

Он воспринимает все как во сне. Огромные бульдозеры на специальных лодках подплывают к берегу. Подходят танки с прикрепленными впереди мощными конструкциями, с которых свисают цепи с железными шарами на конце — танки сами прокладывают себе дорогу через минные поля. Он видит бронированные машины с огромными барабанами, на которых скатаны грубо сплетенные маты из сизаля. Ими устилают песчаные заносы, и танк может ехать по своей собственной дороге. Как у Мюнхгаузена, который сам себя вытянул из болота за косичку.

С грохотом эти страшилища поднимаются вверх, вероятно, для уничтожения северных опорных пунктов, или катятся через ямы, оставшиеся после взрыва бронированной стены, на асфальтированную дорогу по направлению в тыл, туда, где их должен задержать обер-лейтенант Шён с 13-й ротой. Вероятно, ему их не удержать, как и обер-лейтенанту Мацу с 3-й резервной ротой, который убит, как и большинство его солдат, во время контратаки при грабительском огне корабельной артиллерии.

Янке присел у бронированной стены. Теперь сигарету! Но тут же вскочил.

— Heu, come here! (Эй, подойдите сюда!) — Американский офицер отводит его за танк для допроса.

— Сколько тяжелого оружия у вас было? Сколько солдат?

Лейтенант качает головой. И тут капитан достает из кармана шелковый платок и держит его против света:

— Вот, видите, все тут, что было в W 5! — говорит он. И действительно: от 88-мм пушки до бронированного купола «Рено» — все было начерчено.

Над рисунком слово УТАН.

— Юта, это же штат в США, — сказал Янке офицеру. — Вы отсюда?

— Но, — смеется американец, — по. — Янке догадывается: Юта — это зашифрованное название района высадки. Он первый немец, который это слово прочитал и догадался. УТАН.

— Вы не хотите говорить? — Американец внимательно смотрит на Янке.

— Я скажу столь же мало, как и ваши солдаты, которых я сегодня ночью взял в плен, и надеюсь, что вы отнесетесь ко мне с таким же уважением, как и я к ним.

Янке давно уже заметил офицеров, своих бывших пленных. Они ему помахали, но часовой их к нему не подпустил. Янке видел, как они разговаривали с сержантом. Тот пожал плечами: я не могу!

Янке немного взбодрился: у него есть живые свидетели.

— Итак, вы не хотите говорить, — сердито пробурчал офицер.

— Нет, — произнес Янке.

— Go to hell! (Иди к черту!) — Сержант берет его за руку и отводит к бронированной стене, а сам садится в окоп. В этот момент раздается взрыв, летят комья: немецкая артиллерия стреляет по берегу. Это 10-я батарея 1261-го войскового берегового артиллерийского полка. Батарея — это не бог весть что в сравнении с собранной воедино артиллерией. Но и здесь одеяло слишком коротко, и нечеткие команды довершают дело. У морского коменданта береговая артиллерия для борьбы с корабельными целями, а у сухопутных войск — для наземных целей. Отсюда целый крысиный хвост недоразумений.

Со своего командного пункта на гистерской высоте полковник Трипель, командир 1261-го полка, в стереотрубу наблюдал высадку у W 5. Он приказал своей 10-й батарее с ее 170-мм пушками открыть огонь по месту высадки.

— Траектория полета снарядов выше командного пункта полка. Мы были удалены от цели от шестнадцати до восемнадцати ки-

лометров. Паника при каждом попадании была хорошо видна, — докладывал Трипель. Волнения нельзя было не заметить.

Действительно, американцы бросаются под танки, пытаются укрыться в песчаных воронках. Командиры что-то кричат, солдаты мечутся под неожиданным огнем. Граната за гранатой попадает в стоящую кругом технику и людей. С ужасом видит Янке, что гранаты попадают и в его солдат: еще и здесь мертвые и раненые! Янке тоже задело. Осколок гранаты разорвал ему бок. Китель набух кровью. Его охватил страх: ранение в живот! Если в течение шести часов не сделают операцию, то зачем он пережил американскую бомбежку и корабельный обстрел? Погибнуть от паршивого немецкого гранатного осколка!

Янке просунул руку под китель. Теплая кровь. Осторожно вздохнул. Еще глубже. Больно. Но живот, слава богу, не задет. Он накладывает перевязочный пакет на рану. Американский часовой выползает из ямы, ложится рядом, протягивает свой марлевый бинт и отползает. Зажигает сигарету и бросает ее Янке. Тот втягивает тяжелый ароматный дым «Честерфильда». Приятная тяжесть охватила его. Только крик часового «Hey, German! (Эй, немец!)» вернул его к действительности.

Сержант выскочил из ямы и стал навтыяжку. Янке тоже поднялся и увидел генерала. Видимо, это был бригадный генерал, заместитель командира 1-й пехотной дивизии Теодор Рузвельт¹.

Один из офицеров указывает генералу на немецкого лейтенанта. Тот взглянул в его сторону. Янке приложил руку ко лбу. Генерал поднял руку, но, очевидно, передумал и опустил. Видно, что он отдает приказ. Один из офицеров бежит к телефонному узлу. Через полчаса Янке узнает, что генерал приказал: «Немцев убрать!»

— Прибыло две лодки, чтобы вас забрать, — говорит сержант.

Пехотинец не любит, когда его ноги мокрые. И Артур Янке снимает ботинки и носки.

— Abtransport. POW-Camp. War finished! (Направление в лагерь военнопленных. Война закончилась!) — усмехается сержант.

«Конец войне», — размышляет Янке. Он видит своих солдат, бредущих ко второму парому, — в плену офицера отделяют от команды.

Они плывут к эскадренному миноносцу. Янке взбирается по забортному трапу, ботинки и носки все еще в руках. Он их хочет надеть, чтобы не выглядеть потерпевшим кораблекрушение, но матро-

¹ Сын Теодора Рузвельта, президента США 1901–1909 гг. — *Прим. ред.*

сы не разделяют его офицерских чувств. Один из них дал ему пинка под зад. Янке упал. Их смех прервал крик офицера. Янке помогли встать на ноги. Он быстро нагнулся и взял ботинки и босиком, с кровоточащей раной, предстает перед офицерами американского эсминца. Они приветствуют его, без сомнения, его Рыцарский крест вызвал у них интерес. Движением руки старший лейтенант приглашает его в кают-компанию, и Артур Янке после проведенных 24 страшных часов, завершивших его военную карьеру, получает первый горячий душистый зерновой кофе. Они плывут на север. Берег с кодовым названием «Юта» и то, что когда-то было W 5, пропадает в дымке.

В голове Янке снова и снова звучит, как это могло произойти? Почему мы верили, что при такой погоде вторжения не будет, а эти парни пришли! Он не знал — и никто на немецкой стороне тогда не знал, — какая драматическая борьба велась в главном штабе союзников. Как все висело на волоске. Вот доказательства.

Первоначально союзники предполагали высадку в начале мая 1944 г. Когда Эйзенхауэр и Монтгомери приняли командование на себя, они установили, что отрезок суши слишком узок, а численность войск слишком мала. Эйзенхауэр потребовал больше кораблей, и их собирали со всего света, но флот все же оказался ему мал. Он добился, чтобы срок вторжения был перенесен на месяц, дабы флот мог пополниться новыми десантными кораблями. Срок передвинули, хотя Черчилль яростно выступал против. Английский премьер боялся политических осложнений с Москвой, потому что твердо обещал Сталину открыть второй фронт в начале мая.

День высадки нужно было определить на основе соотношений приливов и отливов. Но вопрос: высаживаться при отливе или приливе?

Многочисленные фотографии воздушной разведки показали, что с весны 1944 г. на французском берегу усиленно велись работы по созданию артиллерийских позиций и береговых укреплений. Было ясно, что если десантный флот пойдет во время прилива, когда эти заграждения невидимы под водой, то большое количество десантных катеров, транспортных паромов, кораблей с артиллерией и ракетами на борту, танков-амфибий, плотов столкнутся с этими коварными препятствиями, напорются на ерши и разорвут себе киль или подорвутся на минах или на гранатах. Это грозит катастрофой всей операции. Эйзенхауэр и Монтгомери решились провести операцию при отливе. Открытый берег пехота пройдет при поддержке танков. Кроме этого, перед высадкой бомбардировки

и корабельный артиллерийский огонь разобьют пункты обороны немцев. После высадки все заграждения должны быть убраны, чтобы во время прилива продолжить высадку войск.

Теперь о времени высадки десанта. Флот должен под покровом ночи приблизиться к берегу, но, с другой стороны, нужен час дневного света для подготовки бомбардировки и маневра высадки. Воздушно-десантным войскам, которым первым предстояло десантироваться на ключевые пункты в тылу, чтобы захватывать мосты и перекрывать дороги, нужен был лунный свет. На основании всех этих расчетов подсчитали, что 5 июня — самый подходящий срок. Это был день, когда желаемые соотношения отлива, прилива и Луны совпадали.

Британская и американская разведки пытались направить по ложному следу немецкий радиоперехват.

Целая армия призраков с бараками-макетами и кораблями-макетами после высадки в графстве Кент создавала видимость того, что именно здесь сосредоточены огромные соединения для нанесения удара. Немецкая авиаразведка обнаружила эту армию-призрак, и это сыграло роковую роль при обсуждении вопроса о предполагаемой высадке.

Таким образом, все было продумано до мелочей. Техническая мощь союзников была результатом работавшей без помех американской экономики. Как бы то ни было, до 5 июня все шло как по маслу одно лишь подводило — погода.

Казалось, небесная канцелярия состоит на службе у немцев. Весь май стояла замечательная погода. Начальник метеорологической службы главного штаба союзников капитан Стагг и на первую неделю июня давал хороший прогноз. Эйзенхауэр радировал в субботу 3 июня начальнику американского генерального штаба генералу Маршаллу: «У нас настоящий шанс при хороших обстоятельствах».

Но вдруг погода резко изменилась. Метеорологи на 5, 6 и 7 июня предсказывали сильные ветры, сплошную облачность, дождь и плохую видимость. Но это были единственные дни, когда отлив наступал в требуемый час.

Третьего июня к 21 часу 30 минутам десантные суда, шедшие из отдаленных портов, были уже в пути. Десятки тысяч солдат сидели на транспортниках в больших портах Южной Англии.

Выступать? Или же отложить высадку на 24 часа? Вопрос решающий, за которым стояли не только военная необходимость, но и взаимоотношения со Сталиным, который требовал вторжения и пре-

зирал союзников за их нерешительность, желание растянуть войну, с тем чтобы силы России истощились.

Четвертого июня в 4 часа 30 минут Эйзенхауэр все еще не мог принять решения. Операция «Оверлорд», таков был код высадки, повисла в буквальном смысле в воздухе. Высшее командование заседало. Прогнозы погоды не улучшались. Генерал Монтгомери был за нанесение удара. Главнокомандующий флотом, адмирал Рамсей, опасался того, что его небольшие корабли целыми и невредимыми пройдут пролив, а маршал авиации Ли-Мэллори объяснил, что военно-воздушные силы вряд ли в полном объеме смогут выполнить поставленную перед ними задачу. В запасе было еще два часа. И тогда — либо главные военные силы выйдут в море, либо 5 июня будет для высадки упущено.

Наконец Эйзенхауэр дал приказ отложить высадку на 24 часа.

Кораблям, которые были в пути, было приказано вернуться. Эскадры, плывшие южным курсом через Ирландское море, развернулись и пошли на Север. Одна флотилия минных тральщиков была всего лишь в 35 морских милях от Нормандии, когда она получила приказ о возвращении. Караван кораблей сопровождения не получил приказа на возвращение и, как ни в чем не бывало, двигался навстречу опасной авантюре. Эскадренные миноносцы были посланы вдогонку, но каравана не нашли. Наконец самолеты его догнали и остановили тогда, когда он находился недалеко от Нормандских берегов.

Что же дальше? Задержка вторжения проблему не решила, а лишь усугубила ее. В воскресенье 4 июня в 20 часов 30 минут (немецкое время) Эйзенхауэр принял решение, как гласит легенда, исходя не из личных героических побуждений, а на основании сводки метеорологов, которые установили, что между областями низкого давления, идущими с запада, есть небольшая область высокого давления, которая в понедельник и вторник, то есть 5 и 6 июня, принесет улучшение погоды. Эйзенхауэр отдал приказ: «Время «Ч» начинается в 6 часов утра по Гринвичу». Вот почему началось вторжение, в то время как немцы были убеждены в том, что оно невозможно из-за плохой погоды в понедельник.

В то время как американский эсминец с лейтенантом Янке на борту рассекал волны Атлантики, направляясь к берегам Англии, на той стороне, на исчезающем поле боя Нормандии, к командиру 6-го полка парашютистов-десантников фон дер Хейлте подошел связной-мотоциклист: 1-й батальон достиг Сент-Мари-дю-Мон. Это означало, что по асфальтированной дороге до опорного пункта

W 5 осталось еще 6 километров. Еще 6 километров до берега. Стоило 2-му батальону фон дер Хейдте повернуть у Турквилья и пробиться через плотину, как место высадки американского десанта под названием «Юта» было бы блокировано. Так близок был успех.

Но 2-й батальон повернуть не смог. Его левый фланг оказался под ураганным огнем из Сент-Мер-Эглиз. Здесь собрались и укрепились американские десантники 507-го полка. Городок, поспешно сданный подразделением немецких зенитчиков, превращался в арену первой битвы.

Капитан Магер должен был устранить угрозу, нависшую над флангом, и он пошел на Сент-Мер-Эглиз, чтобы его захватить. Однако батальон не смог пройти по незащищенной равнине южнее города. Наступила ночь. Батальон Магера вынужден был окопаться, а 1-й батальон без защищенного фланга не мог пройти через Сент-Мари-дю-Мон.

Проклятый городок Сент-Мер-Эглиз! Здесь застрял 6-й парашютно-десантный полк, и батальоны 91-й воздушно-десантной дивизии и 709-й дивизии терпели поражение у этого ключевого пункта.

— Завтра утром мы его возьмем, — сказали десантники Хейдте.

— Рано утром мы его одолеем, — сказал полковник Бейганг из 1058-го гренадерского полка генералу Шлибену, когда тот дал ему два тяжелых моторизованных артиллерийских дивизиона — 456-й и 457-й подполковника Зейделя.

— Завтра рано утром мы его займем, — сказал майор Мессершмит, командир штурмового батальона 7-й армии, когда услышал, что капитан Хюммерих с истребительно-противотанковым дивизионом на пути к нему.

Рано утром!

II. Гитлер верит в ложное нападение

Миноносцы выходят в море

В 25 километрах восточнее американского плацдарма «Юта», за каждую пядь которого ожесточенно дрался 7-й американский корпус, расположился участок 5-го американского корпуса под кодовым названием «Омаха». Он находился между двумя прибрежными городами — Вьервилем и Коллевилем.

Около 2 часов флагманский корабль адмирала Хэлла «Анкон» с главным штабом десантных войск бросил якорь. Транспортники встали на свои места. Эсминцы окружили транспорты, как собаки отару овец. Заградительные аэростаты поднялись в небо.

«Приготовиться к высадке». Солдаты, спотыкаясь, бегут по палубе. Смотрят на небо: нет ли немецких самолетов? На волнах качается огромное количество судов. Немецким летчикам нужно всего лишь бросать бомбы. Все равно попадут!

Но самолеты Люфтваффе не прилетели — на Западе не было немецкой авиации в достаточном количестве. В день вторжения у авиации Эйзенхауэра была воздушная монополия: 3467 тяжелых бомбардировщиков, 1645 средних, легких и торпедоносцев, 5409 истребителей и 2316 транспортных самолетов. Эти соединения совершили 6 июня 14 674 вылета. 14 674! Потери — 113 самолетов.

Что противостояло им с немецкой стороны? Все просьбы командующего 2-м истребительным авиационным корпусом Юнка, прислать ему хотя бы две эскадры истребителей остались без внимания. У командования Люфтваффе ничего не было: им нужен был каждый истребитель для защиты гидролизных заводов от начавшихся в мае налетов союзников, чтобы не допустить дальнейшего падения производства бензина.

Поэтому десантные корабли Эйзенхауэра могли спокойно качиваться на волнах у берегов Нормандии, танки-амфибии спо-

койно плыть к берегу, десантные корабли спокойно высаживать пехотинцев.

Фельдмаршал Шперле 6 июня подготовил к вылету целых 319 самолетов, из них 100 истребителей. Было совершено 12 вылетов: слышите — двенадцать немецких вылетов истребителей-бомбардировщиков в район высадки союзников. Десять истребителей сразу же ввязались в бой и должны были сбросить свои бомбы досрочно.

Слабые немецкие военно-воздушные силы были не в состоянии пробить мощный воздушный зонтик союзников, прикрывавший эйзенхауэровскую десантную операцию. Соотношение было 1:50. Важнейшее средство борьбы Второй мировой войны было выбито из рук германского командования. Немецкая авиация вышла из строя от перенапряжения. Она увязла в тяжелых оборонительных боях на Западе и на Востоке, была вынуждена образовывать направления главного удара над рейхом и вступать в воздушные бои, неся большие потери, ночью сражаться с бомбардировщиками Королевских Воздушных Сил, днем отражать налеты бомбардировщиков и истребителей 8-й и 15-й воздушных армий США из Италии и из Англии. Союзники завоевали воздушное пространство, в воздухе решался исход вторжения.

То, что ежедневно по несколько раз стартовавшим немецким летчикам удавалось сбивать вражеские самолеты, говорит об их мужестве и высоком летном мастерстве, но ничего не могло изменить: в немецкой обороне в Нормандии не хватало двух составных частей — Люфтваффе и Кригсмарине.

Одна операция немецкого флота, совсем ничтожная кампания, показывает, что подстерегало бы союзников, несмотря на их несомненное превосходство.

Сигнал тревоги для военно-морских сил, размещенных на французских базах, поступил из парижской штаб-квартиры военно-морской группы «Запад» в 1 час 50 минут. Этот сигнал настиг и капитана 3-го ранга Генриха Гоффмана, командира 5-й флотилии миноносцев в Гавре. После первого сообщения о приближении военно-морских сил противника поступил приказ: «Выйти в море для разведки!»

С тремя миноносцами Т-28, «Ягуаром» и «Чайкой» в 3 часа 30 минут Гоффман вышел в море. Корабли промчались через пролив, в 4 часа 30 минут натолкнулись на искусственную дымовую завесу. Проплыв через нее, они увидели эйзенхауэровскую армаду

вторжения. Это она окутала себя туманом, защищаясь от немецкой береговой артиллерии.

Гоффман и два других командира были поражены: насколько мог видеть глаз — всюду несметное число кораблей.

— Столько кораблей вообще не бывает, — пораженно произнес боцман «Ягуара» Генрих Фремке. Корабли охраняли 6 линкоров, вокруг которых кружилось две дюжины миноносцев. Гоффман как зачарованный не сводил глаз с вражеских кораблей, однако атаковал их по всем правилам морской науки.

Английские линкоры, «Уорспайт» и «Рамильи», обнаружив немецкие миноносцы, открыли огонь.

Немецкая флотилия зигзагами пыталась уйти, огрызаясь торпедами, 18 торпед вышли, неся смерть из торпедных аппаратов миноносцев. На кораблях вовремя заметили опасность, но, несмотря на блестящее маневрирование, один норвежский эсминец взлетел в воздух, а Гоффман со своими миноносцами скрылся в тумане.

Из шербурской гавани вышли быстроходные катера 5-й и 9-й флотилий. Но эти смелые и быстрые охотники, снабженные тремя дизельными моторами «Даймлер—Бенц», развивавшими скорость 80 километров в час, имевшие по два торпедных аппарата, нацелированные зенитками и пулеметами, ничего не смогли сделать против плавающих крепостей, охранявших десантный флот. Обе флотилии, хотя позднее и прорвались в Гавр, были уничтожены бомбардировщиками союзников. Капитан-лейтенант Йохансен, командир 5-й флотилии, погибший под бомбами, за час до гибели был награжден Рыцарским крестом.

Ефрейтор Хейн Северло, крестьянин из Мецингена, что под Целле, стоял в бомбоубежище опорного пункта № 62 и в бинокль рассматривал туманное море перед дюнами у Коллевиля.

Вахмистр Кроне сидел у входа в бункер, где был размещен наблюдательный пункт 1-й батареи 352-го артиллерийского полка.

— Что ты видишь, Хейн? — спросил Кроне.

— Большой корабль... подплывает еще много кораблей. Наша артиллерия в Порт-ан-Бесен подает световой сигнал: два красных, два зеленых. Они хотят узнать принадлежность кораблей, но те не отвечают.

Через открытую дверь бункера Кроне передает обер-лейтенанту Фреркингу слова Хейна Северло. Обер-лейтенант сидит у телефона и ждет, когда он сможет передать координаты цели и команду «огонь» расчетам четырех 105-мм гаубиц 1-й батареи, расположенной на позиции за Хоттевилем.

— Они не торопятся, — говорит лейтенант Грасс.

— Может быть, мы у них на карте не значимся? — смеется командир батареи. С 1 часа 30 минут он был со своими солдатами в пункте В. В Карахе они оказались после объявления тревоги командиром 1-го дивизиона майором Плускатом. Опорный пункт с его командиром фельдфебелем Пихом с 19 солдатами из 726-го гренадерского полка был уже в полной готовности.

— Бомбардировщики за тучами! — кричит вахтмистр Кроне. Они прислушиваются. Да, над ними дрожит воздух, и вот уже началась адская пляска взрывов. Им повезло: только две бомбы упали на позиции опорного пункта. Они глядят друг на друга, глубоко вздыхают.

Феркинг вызывает огневую позицию. Ему отвечает обервахтмейстер Мейер, Эрнст Людвиг Мейер.

— Ни одного попадания на всю батарею, — докладывает Мейер. Феркинг смотрит на Грасса.

— Ни одной царапины на орудиях; вся благодать прошла мимо, как и у нас здесь.

— Может быть, они действительно от нас ничего не хотят! — Грасс сияет.

Если бы он знал, что произошло, то был бы менее оптимистичен. Им просто повезло.

Триста двадцать девять бомбардировщиков В-24 получили задание разбомбить побережье длиной в 6 километров под кодовым названием «Омаха» со всеми находящимися там опорными пунктами, огневыми точками, сбросив на них 13 000 тяжелых бомб. Низко нависшие тучи вынудили летчиков бросать бомбы вслепую, ориентируясь по показаниям приборов. Время полета и бомбометания было рассчитано. В последнюю минуту штаб 8-й воздушной армии США, опасаясь, что бомбы могут упасть на линию высадки десанта, приказал задержать бомбометание на пару секунд. Из-за пары секунд 13 000 бомб упали мимо. Эти секунды обошлись дорого. Генерал Эйзенхауэр оплатил их жизнями многих американских солдат.

Хейн Северло и Кроне закурили.

— Не будет ли завтрака? — кричит Феркинг через открытую дверь бункера. Северло достал из провиантской корзины буханку черного хлеба. Нарезал тонкие ломтики и намазал на них толстый слой масла. Царила тревожная тишина. Дымовая завеса над морем рассеялась. Феркинг вышел из бункера и посмотрел в бинокль.

— Смотрите, — закричал он, — смотрите, вот они!

То, что увидел он, в эту минуту видели все офицеры и солдаты опорных пунктов участка побережья под названием «Омаха». И у всех вырвался крик удивления и страха:

— Флот!

— Этого не может быть, этого не может быть. — Обер-лейтенант стоял как парализованный. Корабли большие и маленькие, с башнями, надстройками, трубами, антеннами и гротескными аэростатами. Как таинственный город на заре, залитый восходящим солнцем, нереальный, золотой, скользящий город. Северло закричал:

— Большой корабль плывет к берегу. Десантные корабли слева от нас, высота Вьервиля, курс на берег!

В этот момент воздух стал сотрясаться от нового звука: тяжелая корабельная артиллерия открыла заградительный огонь впереди десанта.

Первые снаряды легли за позициями 62-го опорного пункта. Очевидно, целью послужил свежавынутый грунт под фундамент нового бункера.

— Все туда, все туда, — бурчал Северло.

Подбежал фельдфебель Пих, командир взвода опорного пункта, запыхавшись, зажимая рукой рану на шее.

— Маленький осколок, ничего опасного. — Он махнул рукой. — Вам все ясно?

Северло усмехнулся:

— Пока да.

Пих взглянул на ту сторону, где стоял большой транспортный корабль как раз перед их опорным пунктом.

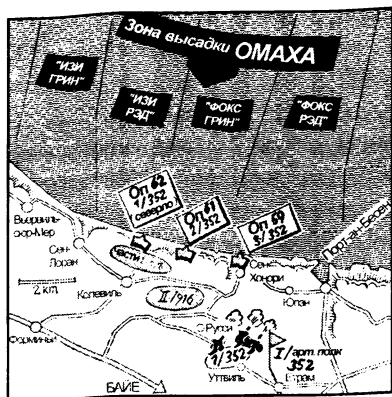
— Сейчас они войдут в воду! — закричал он и побежал к своему командному пункту.

Северло спокойно докладывал бункеру В: «Десантники спускаются с борта большого транспортного корабля».

Пришел Кроне, посмотрел туда.

— Они что, сошли с ума? Они хотят сюда плыть? Прямо под наши пули?

Действительно, они плыли 200 метров по беспокойному морю, держась за канат, потом пошли, находясь по плечи в воде. Из 62-го опорного пункта не прозвучало ни одного выстрела. Полковник Гот и полковник Корфес, командиры 916-го и 726-го гренадерских полков, расположенных на береговом участке 352-й дивизии между устьем Вири и Порт-ан-Бесеном, сразу же по окончании бомбежки и артиллерийского обстрела моря позвонили командирам опорных пунктов и приказали:



Зона высадки «Омаха»

— Стрелять только тогда, когда враг приблизится к берегу.

Солдаты у пушек и пулеметов выполняли приказ, 352-я пехотная дивизия на береговом участке «Омаха» выжидала.

Северло выжидал у своего пулемета MG-42 на позиции В 62-го опорного пункта. В бункере у телефона Фреркинг.

— Цель Дора, второй заряд, ударный взрыватель, основное направление двадцать, сорок восемь дробь сто и пятьдесят, —

передал он офицеру батареи на огневой позиции у Хоттевиля и спокойно добавил: — Ждать команду «Огонь»! — Северло принял к пулемету. Слева у спуска видны доты с тремя пулеметами, за которыми солдаты опорного пункта, перед ними позиция гранатомета. Перед дюной пехотинцы. За позицией В, недалеко от дота, еще два пулемета. И вот началось. Американцы бредут уже по колено в воде. Расстояние 400 метров.

— Цель «Дора», огонь! — кричит в телефонную трубку Фреркинг.

Хейн Северло, 21 года от роду, не солдат по призванию. Он крестьянин. Никогда не стремился к героическим поступкам. Отличился в заготовке масла, яиц, яблочного вина «Кальвадос». Теперь он пулеметчик, и он стреляет. Пули ложатся в воду. Захватывают первые ряды американцев. Слева лают пулеметы опорного пункта. Началось тьякване миномета. Свистя, пролетают снаряды 1-й батареи из Хоттевиля, создавая на берегу заградительный огонь.

Кровавая Омаха (Bloody OMAHA)

«Fox green» (зеленая лисица) — так значился этот участок берега перед 62-м опорным пунктом на американском плане высадки. Две штурмовые роты 16-го американского пехотного полка 1-й пехотной дивизии должны были с ходу утвердиться. Они прыгали с кораблей в воду в уверенности, что на берегу нет ни одной целой немецкой пушки, что ни один пулемет не будет стрелять. После того

как Северло скосил первую группу. истекла кровью надежда на быстрый успех на этом участке.

Отлив прекратился. Вода больше не спадает, но и прилив еще не начался, поэтому убитые лежат в мелкой воде, а раненые, ища укрытия от пулеметных очередей, прячутся за ними. Тот, кто сумел доползти до сухого песка, укрывается в песчаных ямах или прячется за вагонетками полевой железной дороги. Именно на них старший лейтенант Фреркинг, сидящий в бункере В, направляет заградительный огонь 105-мм гаубиц из Хоттевиля. 8 часов, а еще ни один американский пехотинец не добрался до подножия дюны перед 62-м опорным пунктом. То же самое происходило западнее Коллевиля, в районе Вьервиля, на участке, который на американских картах обозначен как «Dog green». Штурмовые батальоны 116-го пехотного полка 29-й пехотной дивизии, поддерживаемые танками-амфибиями, должны были захватить берег. Но амфибии не приспособлены к суровому морю, а плавучие базы выгрузили их слишком далеко от берега. Один за другим они уходили на дно. Только два танка достигли берега, и то лишь для того, чтобы быть расстрелянными артиллерией.

Так рухнул план, по которому пехота при поддержке танков должна была проложить дорогу по каменистому берегу и крутым дюнам.

Пехота была в пути. Замерзшие солдаты, прижавшись друг к другу, на узких десантных лодках плыли к берегу. Над ними грохотала корабельная артиллерия. Американцам не везло — их огонь ложился слишком далеко за передними позициями немцев. Но еще хуже было у специальных барж со смонтированными на них ракетными установками. Огонь немецкой береговой артиллерии не подпускал их к берегу, поэтому установки выпускали свои залпы с большого расстояния, и снаряды, имея большой радиус поражения, ложась в воду и сея кругом смерть, создавали «заградительный огонь» для своей же пехоты.

Большие десантные корабли первого эшелона, взбивая пену, мчались к берегу. Шесть штук. Два из них попали под обстрел немецкой артиллерии и затонули. Четыре достигли песчаной отмели, наскочили на нее, спустили сходни. Десантники спрыгивали и под огнем немецких пулеметов шли по плечи в воде к берегу.

Кто может об этом рассказать лучше, чем сами американские пехотинцы, попавшие в этот ад и пережившие его. В хронике 1-го батальона 116-го пехотного полка записано: «Враг поджидал удобного

момента. Все наши лодки попали под перекрестный огонь немецких пулеметов. Солдаты, выпрыгивавшие из лодок, оседали и тонули. Было невозможно соблюдать порядок. У каждого было лишь одно желание — добраться до берега, и все думали, что спастись можно лишь в том случае, если они бросятся в воду и отплывут подальше от лодок, на которые обрушивался шквал огня. Но снаряжение было слишком тяжелым, большинство боролось с тем, чтобы удержаться над водой. Только немногие достигали берега невредимыми. Но когда они обнаружили, что и на берегу нет спасения, то залегли в мелкой воде так, что только высывались головы. С приливом ползли к берегу, укрывались за прибрежными препятствиями и медленно пробирались на сухой песок.

Рота А за 10 минут выдохлась. Все ее офицеры и сержанты либо убиты, либо ранены. После 20 минут от береговой роты А осталась без всякой поддержки только маленькая группа, мечтавшая лишь о том, чтобы выжить».

Точно так было и здесь, на участке Вьервиль—Сан-Ларен под названием «Dog green» и на участках «Fox green» и «Easy red». Все роты, последовавшие за штурмовыми ротами, ожидала та же участь. Их десантные лодки взлетали в воздух. Танки-амфибии взрывались под массированным огнем противотанковых пушек. Тот, кому удалось добраться до берега, садился в быстро вырытую в песке яму либо искал убежища за телом убитого товарища, растерянный, почти сошедший с ума от страха. «Санитар, санитар!» — слышалось сквозь дым и грохот пулеметных очередей, но санитары сами лежали ранеными либо мертвыми в воде.

Даже если танку удавалось пробраться через береговые заграждения, то он останавливался между водой и заминированной гравийной отмелью, так как саперы не смогли проложить под оборонительным огнем немецких позиций дороги среди минных полей.

Таким образом, штурмовые полки 1-й американской дивизии и части саперной бригады залегли на прибрежной полосе шириной в 30 метров. Ни шагу дальше. 352-я дивизия под командованием генерала Крейза не давала им совершить решающий прыжок.

Но план был запущен, и он требовал, чтобы на участке берега «Омаха» один эшелон высадки следовал за другим.

Штурмовая группа из батальона «рейнджеров» попыталась захватить огневые позиции на крутых склонах западной части участка «Омаха». Солдаты с помощью специальных мортир выстреливали на скалы и откосы дюн канаты с якорями и веревочными лестницами. Они захватили с собой раздвижные лестницы лондонских по-

жарных, что делало штурм похожим на захват средневековой крепости. Немцы перерезали веревки, сбрасывали штурмовые лестницы, катили на штурмующих каменные глыбы, стреляли из пулеметов и бросали в них ручные гранаты. Было ужасно.

Участок берега «Омаха» всего 6 километров длиной. Уже через четыре часа на этом берегу лежало 3000 мертвых и тяжело раненных. Каждые два метра — убитый или тяжело раненный, шесть километров страшной цепи мертвых тел. В 8 часов 30 минут (по германскому времени) военная сводка 5-го американского корпуса дала удручающий обзор положения: «Штурмовые части находятся на стадии ликвидации. Тяжелые потери. Вражеский огонь не позволяет совершить прыжок через береговую линию. Скученность высадившихся частей на узком пространстве. Саперы не могут прокладывать дороги через минные поля и взрывать береговые препятствия. Танки и транспортные средства стоят на берегу. Рядом с частями 716-й пехотной дивизии находятся также части из 352-й». Вывод: Атлантический вал не прорван.

Командующий 1-й американской армией генерал Омар Брэдли, прочитав отчет, смутился. Как можно было ошибиться в оценке силы сопротивления немецкого оборонительного рубежа? Как получилось, что штурмовая группа 116-го полка уничтожила опорный пункт, в котором были обнаружены солдаты 352-й пехотной дивизии? При этом верили, что участок побережья между Орн и устьем Виры занят всего лишь одной дивизией, 716-й? Каким образом разведка союзников так ошиблась? Сбитый почтовый голубь был причиной этого просчета.

В мае фельдмаршал Роммель добился того, что моторизованная 352-я дивизия из района Сен-Ло, расположенная далеко от побережья, была передислоцирована на левый участок 716-й пехотной дивизии генерала Рихтера, которая до этого одна занимала весь длинный фронт между Орн и Виром. Генерал Рихтер должен был оставить на старых оборонительных рубежах 1-й и 3-й гренадерские батальоны 726-го гренадерского полка. Они под командованием полкового командира полковника Корфеса были подчинены 352-й дивизии. За ними Роммель расположил батальоны 916-го гренадерского полка и усилил левый фланг частями 914-го гренадерского полка под командованием подполковника Хейна. Именно так главный агент союзников, отвечающий за этот участок побережья Колевиль—Вьервиль, был введен в заблуждение относительно усиления этого участка побережья. Лишь в конце мая он обнаружил свою ошибку, поняв, что части нового соединения расположились

восточнее дельты Вира, со штабом у Литри. Срочно он отправил важную информацию с почтовым голубем, вдогонку отправил второго. Но теперь господин Случай был на немецкой стороне: неизвестный солдат 716-й пехотной дивизии сбил голубей. Этим самым чуть не выиграв сражение.

Конечно, генерал Омар Брэдли всего этого не знал, 6 июня в 9 часов находясь на флагманском корабле «Августа». Он знал лишь, что его дела на побережье плохи, и, когда он носился, думая остановить кровавое наступление, полдюжины других ошибок решили исход боя на залитом кровью участке побережья «Омаха».

Ошибка и случай во всех войнах являются самыми могучими генералами. Так было и у персов, греков, римлян, Валленштейна и Густава Адольфа.

В верховной ставке фюрера утром 6 июня царило мнение, что битвы на побережье Нормандии — всего лишь отвлекающий маневр, настоящее вторжение еще предстоит в районе Кале, и поэтому не следует трогать резервы на «мнимую атаку». Верховный главнокомандующий войсками на Западе, генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, придерживался такого же мнения, хотя опытные командующие фронтами и командиры, в том числе начальники 1 «С» — разведотделов дивизий 84-го корпуса, — убежденно говорили: десант на берег Нормандии является вторжением, но командиры дивизий напрасно зывали о помощи, заклинали, кланчили, ругались. Все зря.

— Стыд и срам, — возмущался обычно сдержанный генерал Маркс, когда ему не дали 21-ю танковую дивизию. Но человек, с потрясающим чутьем лисы пустыни предугадывавший события и имевший в ставке огромный авторитет, не находился на фронте. Ошибка в предсказании состояния погоды держала вдалеке от драмы человека, у которого были смелость, авторитет и командная власть в таком количестве, чтобы сломить сопротивление ставки фюрера. Он сидел за именинным столом своей жены в вюртембергском Херлингене, а затем хотел поехать на доклад к Гитлеру. С опозданием в 12 часов он прибыл на фронт и не сыграл решающей роли в решающей фазе вторжения.

Генерал «заблуждение» за первые часы вторжения поставил фельдмаршалу Роммелю мат. Он же открыл двери успеху генерала Брэдли: в то время как на участке побережья «Омаха» кризис подходил к высшей точке, Брэдли поступила пара неточных, приукрашивающих положение докладов от морских наблюдателей. Да еще разговор по радио с командиром 1-й американской дивизии, ге-

нералом Хюбнером. Полковник Галлей, заместитель начальника штаба 5-го корпуса, радировал:

«Десантные корабли мечутся у берега как стадо скота, охваченное паникой, и не решаются пристать. Танки и машины, добравшиеся до берега, не в состоянии двинуться, пока немецкая артиллерия не будет выведена из строя. Она должна быть подавлена любой ценой, иначе мы не сможем идти вперед».

Брэдли приказал флоту открыть огонь по берегу, несмотря на то что собственные войска уже высадились на берег. Это было тяжелое решение, но оно было продиктовано обстоятельствами. Теперь опорные пункты и артиллерия противника стали целями беспощадного обстрела 380-мм и 406-мм корабельными снарядами.

В командном бункере 916-пехотного полка молча сидел среди офицеров своего штаба полковник Гот. Вокруг бункера с оглушительным грохотом рвались снаряды. Полковник посмотрел на светящийся циферблат наручных часов: 9.20. Все молчали. Молниями сверкали разрывы в амбразурах. Все погружалось в призрачный свет. Потом наступала темнота.

— Теперь они нас доконают, — бесстрастно сказал Гот. — Есть ли еще телефонная связь с командным пунктом дивизии?

Младший офицер связи поднял трубку клапанного коммутатора:

— Связь есть, господин полковник.

Гот доложил генералу Крейзу:

— Корабельная артиллерия бьет по нашим опорным пунктам. Снаряды на исходе. Нам срочно нужно подкрепление, господин генерал.

Вместо ответа послышалось «Крррк». Связь была нарушена.

На огневой позиции 1-й батареи 352-го артиллерийского полка у 1-й пушки невозмутимо стоял унтер-офицер Пезель.

«Экономить снаряды!» — пришел приказ из отделения.

— Как будто мы сами этого не знаем, — пробормотал Пезель. «Проклятые идиоты, почему вы увезли от нас гранаты?» — ругался он про себя.

За две недели до вторжения из всех батарей в тыл была вывезена половина снарядов. В безопасные склады!

Теперь запасы тают на глазах. Полковник Окер, командир 352-го артиллерийского полка, обещал 1-й батарее грузовик со снарядами:

— Он уже в пути.

Да, он уехал, подошел уже к позиции, но в него угодила снаряд 406-мм пушки, грузовик взорвался вместе с грузом.

Когда обер-лейтенант Фреркинг из 62-го опорного пункта попросил огня по подплывающим десантным кораблям, офицер батареи должен был ему сообщить: «Приказ командира дивизиона: из-за дефицита снарядов делать только одиночные выстрелы, господин обер-лейтенант». Но кто скажет, как сражаться с высаживающейся пехотой одиночными выстрелами? Обнаруживается еще одна крупная ошибка немцев: недостаточное применение артиллерии!

Хейн Северло до обеда выстрелил из своего пулемета 12 000 раз. Внизу на берегу лежат мертвые. Белая цифра «1» на их шлемах, знак 1-й дивизии, видна Хейну. В опорном пункте немцев все разгромлено. Корабельная артиллерия разбила миномет, засыпала окопы, пехотинцев стало значительно меньше. Сейчас американцы подплывают на больших паромах, на которых автомашины с пулеметами и танки. Первый джип с пулеметной установкой выехал на берег. Лейтенант Грас кричит фельдфебелю Пиху: «Ружейную гранату сюда!» Пих приносит лейтенанту специальный ствол для винтовки, из которого можно стрелять гранатой. Грас знает в этом толк. В начале войны он был унтер-офицером, и это оружие ему знакомо.

Выстрел. Граната попадает в джип.

Выстрел. Танк остановился. Можно добить его из пулемета, но на берег выкатил второй танк. Его снаряд точно ложится на амбразуру наблюдательного пункта. В лицо Северло ударили осколки, прицел пулемета разбит. Ничего. У Северло осталась лишь одна лента патронов, предназначенных для ночной стрельбы, каждая пятая пуля — трассирующая. Это компенсирует прицел, но пуля обнаруживает его позицию. Миноносец начинает вести прицельный огонь по окопу Хейна Северло.

На берегу разъезжаются танки. Западные опорные пункты 61-й и 59-й с пушками 2-й и 3-й батарей больше не стреляют. Налево у W 62 обзора нет, но и там, кажется, царит тишина. В опорном пункте еще не знают, что американцы с двух сторон залегли в дюнах. Обер-лейтенант Фреркинг отдает последний приказ по радио своей батарее:

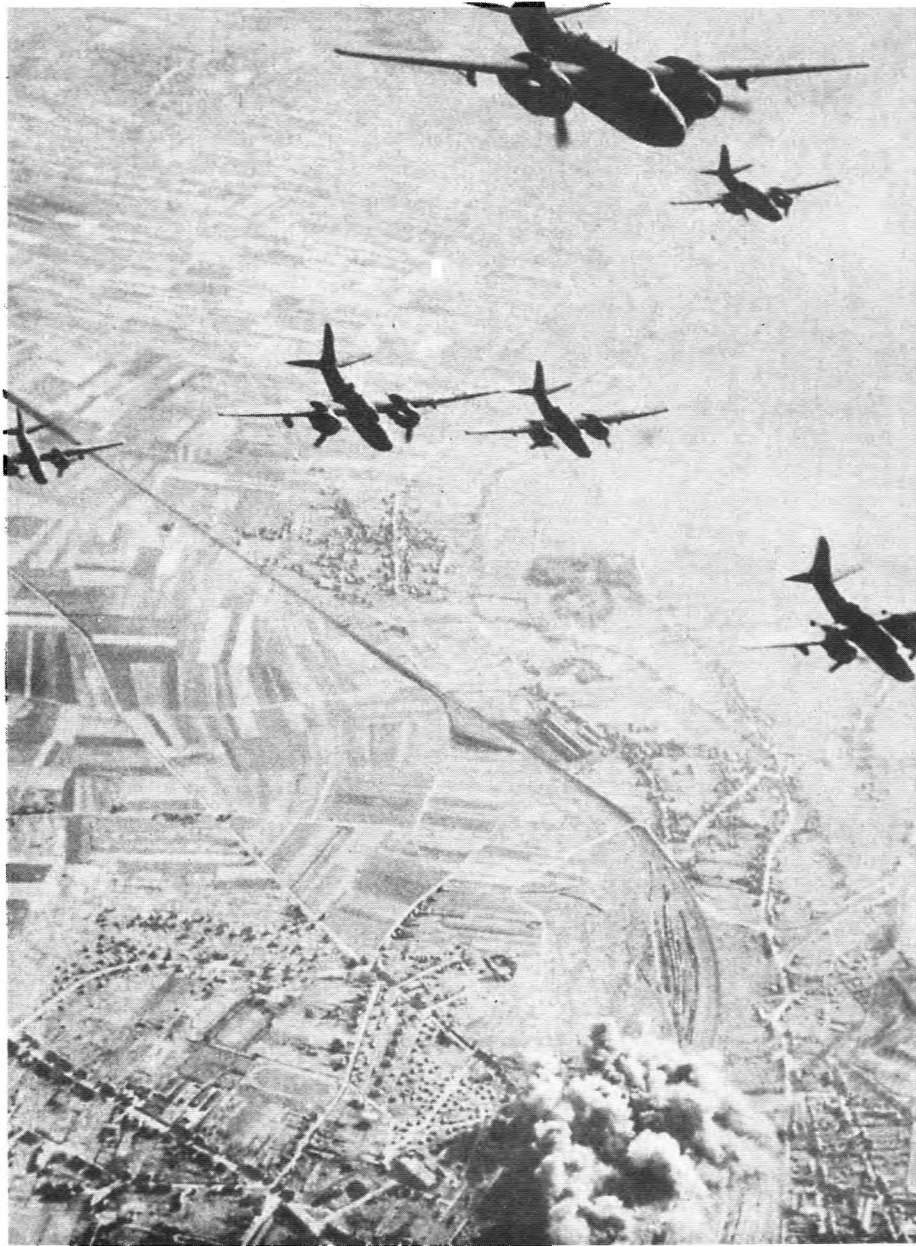
— Заградительный огонь по берегу, каждый выстрел — попадание. Мы сворачиваемся. Позади, на огневой позиции, снарядов уже нет. Лишь у унтер-офицеров Пезеля и Альпена еще осталось по паре снарядов. — Последним снарядом Пезель сбивает с сосны



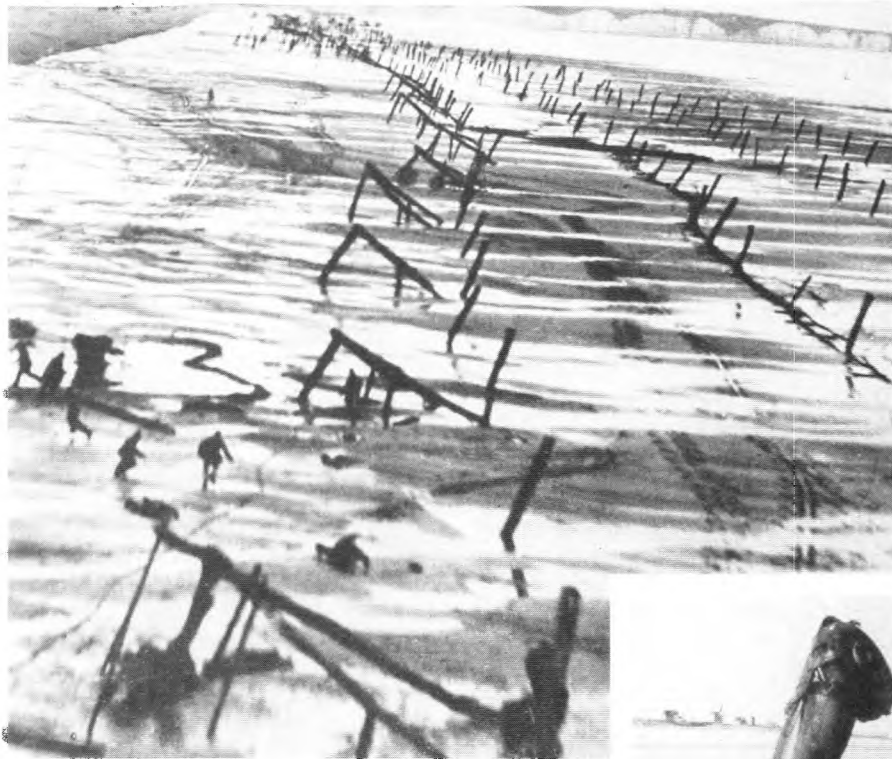
В самом узком месте пролива Ла-Манш у Кале тяжелые немецкие орудия ждали вторжения.
Но тщетно! Эйзенхауэр выбрал Нормандию

На пункте управления противовоздушной обороной. Приближаются бомбардировщики,
нужно вычислить скорость самолетов и передать данные на зенитные батареи





Грозные эскадрильи союзных бомбардировщиков днем и ночью бомбили перекрестки дорог, вокзалы, мосты и фабрики по всей Франции. Так шла подготовка вторжения



Заграждения Ромеля на побережье. *На снимке:* участок с надолбами и минами. Мины во время прилива скрывались под водой. Авиация союзников фотографировала участки обороны побережья на бреющем полете. В кадр попала группа немецких саперов



Надолб с установленной на нем миной



Одна из многочисленных инспекционных поездок Ромеля на побережье. Конец 1943 г. на батарее «Бромми» в Шербуре. *Слева направо:* капитан Гергес, фельдмаршал Ромель, адмирал Хеннеке



Американский десантный катер попал под немецкий пулеметный огонь в районе высадки «Омаха». Ящики с ручными гранатами взорвались. Горящий катер спешит к берегу, 6 июня 1944 г.

Этот большой десантный корабль попал под сильный артиллерийский огонь. Снаряды угодили в палубу. Экипаж и солдаты готовятся покинуть корабль, который опрокинется через несколько минут





Так американские солдаты тренировались на английском побережье

А вот так было в действительности — участок высадки «Омаха»



Орудие калибра 105 мм. 1-е орудие
1-й батареи обер-лейтенанта
Феркинга у Отвиля вело огонь
по побережью перед опорным
пунктом № 62



Лейтенант Артур Янке оборонял опорный пункт W 5 на участке «Юта». В качестве последнего средства он применил мину с дистанционным управлением «Голиаф»



Каземат береговой батареи у городка Маркуф. Орудия калибром 210 мм, толщина стен каземата 4 м





Первая волна американского десанта приближается к берегу на участке высадки «Омаха»



Колонна американских самоходных 155-мм гаубиц после захвата побережья на участке «Омаха» движется в глубь страны

Англичане в отличие от американцев высадили тяжелые танки «Черчилль» в первой волне и заплатились за это. Значительное число этих танков было подбито немецкой артиллерией прямо на побережье у кромки моря





Оказание срочной медицинской помощи раненому американскому солдату на побережье Нормандии



Слева направо: фельдмаршал Роммель хотел разгромить противника прямо на берегу. Генерал Гейр фон Швеппенбург был другого мнения: его рецепт заключался в том, чтобы дать противнику высадиться, а затем разбить его в классическом танковом сражении. Генерал фон Шлибен вынужден был со своей 709-й пехотной дивизией, имевшей крайне малое количество автомобилей и перемещавшейся преимущественно на конной тяге, противостоять полностью механизированным американским войскам на участке «Юта». Генерал Маркс, командир 84-го корпуса, тщетно пытался исправить безнадежное положение

Эффективным немецким оружием была тяжелая шестиствольная реактивная установка





Главнокомандующий войсками союзников Эйзенхауэр (*справа*) и командующий 2-й британской армией Демпси



Командующий 21-й группой армий фельдмаршал Монтгомери (*справа*), командующий 1-й армией США Брэдли (*в центре*), командующий 3-й армией США Паттон (*слева*)

Более ста крупных десантных кораблей утром 6 июня 1944 г. подошли к берегу в районе высадки «Омаха». Непрерывный поток танков, пушек, грузовиков и пехотинцев хлынул на берег



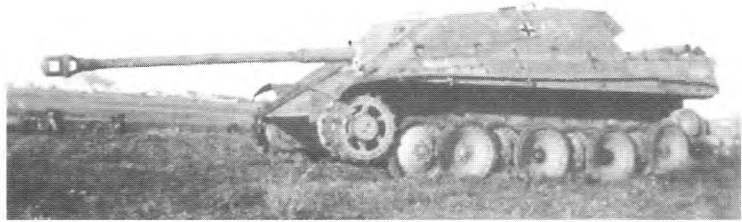


Новейшие машины войны, обеспечивавшие наступление пехоты: *справа* – танк с минным «тралом», *слева* – самоходный мост для преодоления проволочных заграждений и ручьев

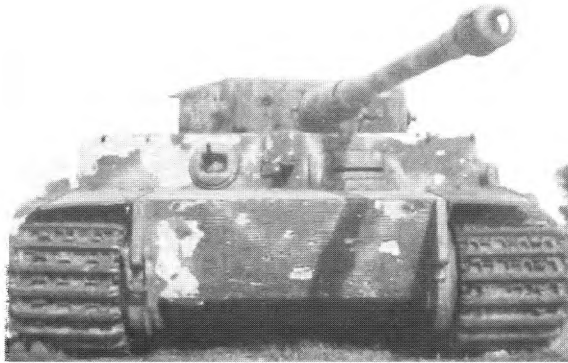
Бронированный путеукладчик. Эта машина укладывала временную «дорогу», чтобы сделать проходимой для танков, джипов и грузовиков песчаную и болотистую местность



«Ягдпантер»



«Тигр»
с 88-мм
пушкой



Гауптштурмфюрер Михель
Виттман в составе отряда
из пяти «Тигров» успешно
противостоял атаке британской
танковой бригады



Немецкая мотопехота прикрывает отступление из Кана.
План союзников предусматривал взятие этого города
7 июня, однако упорная оборона немцев задержала их
здесь на шесть недель





За главный город департамента Котентен Сен-Ло разгорелись такие же ожесточенные бои, как и за Кан



Зепп Дитрих, командир 1-го танкового корпуса СС (*второй слева*) на командном пункте генерала Фрица Байерляйна. *Справа* от Дитриха капитан Хартдеген, *слева* – майор Кауфман, начальник оперативного отдела штаба учебной танковой дивизии

Немецкие гренадеры в бою в районе Кана





Главным при обороне для немцев была маскировка. Авиация союзников безраздельно господствовала в воздухе. Противотанковая пушка на позиции должна казаться летчику обычным кустом



Майор Фириг, командир 2-го батальона 22-го танкового полка, вспоминал: «От маскировки часто зависели жизнь и смерть»

Большую роль в борьбе с танками союзников играли штурмовые орудия





Неприятным сюрпризом для немецкого командования стали временные плавучие порты союзников. Они сделали возможной выгрузку тяжелого вооружения и военных материалов до занятия портовых городов Франции, упорная оборона которых должна была сорвать снабжение союзных войск и высадку подкреплений

Временный кризис в снабжении союзных войск наступил после 19 июня, когда ураган разрушил несколько плавучих портов





Местность Нормандии, поросшая густыми кустами, сильно затрудняла передвижение танков, которые легко могли двигаться только по шоссе. Однако они были незаменимым средством поддержки пехоты. Упорно прорывавшиеся вперед «Шерманы» непрерывно наседали на немецкую пехоту, которая часто напрасно ждала прибытия «Тигров» и «Пантер»



Взятие морской крепости Шербур завершило первый этап операции «Оверлорд». *На снимке вверху:* неприступный французский форт Роль, расположенный на скале у южного входа в Шербур. После падения этого форта начались ожесточенные уличные бои. 26 июня капитулировал генерал Шлибен, но в западной и восточной частях города бои продолжались. Майор Кюппер (*фото слева*) удерживал опорный пункт «Остек» до 29 июня





Тщательно замаскированные немецкие бронетранспортеры перевозили гренадеров с одной позиции на другую, постоянно подвергаясь опасности быть атакованными истребителями. В то же время союзники без опаски в дневное время передвигались по дорогам Нормандии. Господство американцев и англичан в воздухе стало одним из решающих факторов поражения немцев





Вот во что превратились города Нормандии после многодневных бомбардировок с воздуха и огня корабельных орудий.
Английский авангард в городке Лизьё восточнее Кана



Немецкое наступление у Мортена должно было предотвратить прорыв американцев у Авранша. Однако немецкие танковые части были уже слишком ослаблены потерями, а авиация союзников не прекращала своих атак. Дороги под Мартемом стали для немцев дорогами смерти



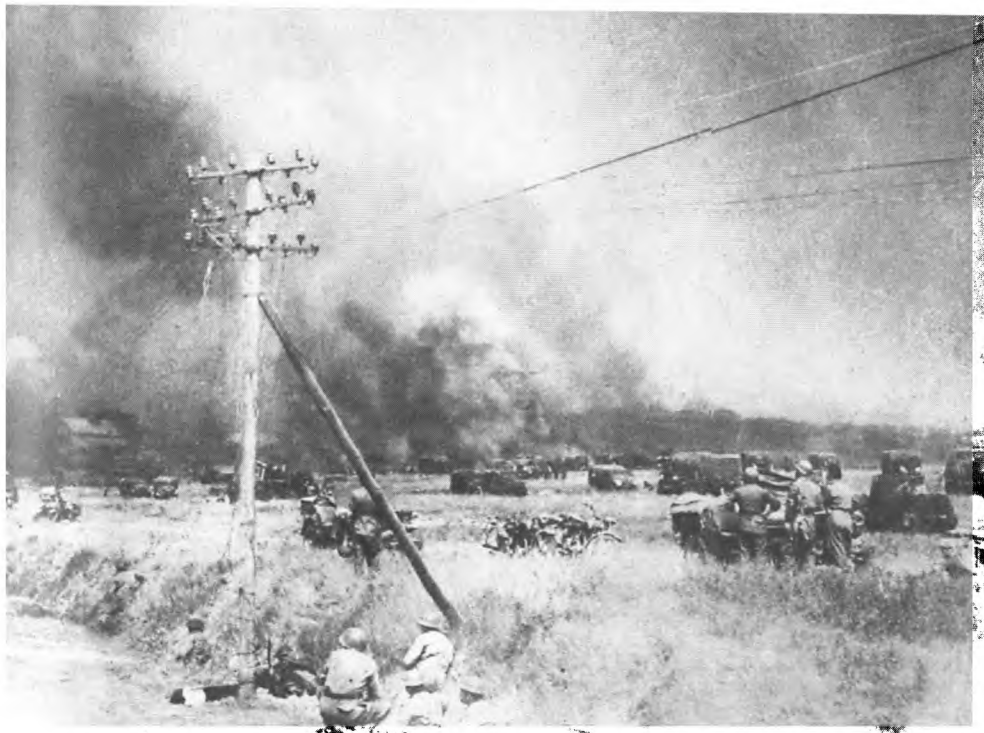
Фельдмаршал Ганс фон Клюге был одним из самых талантливых немецких полководцев. Но и ему не удалось переломить ход борьбы в Нормандии. В наказание он был смещен Гитлером и 19 августа покончил жизнь самоубийством



Немецкие парашютисты готовятся встретить врага в районе Авранша



Сокрушительное действие своей собственной авиации испытали на себе 1-я польская и 4-я канадская танковые дивизии — их по ошибке атаковали бомбардировщики союзников и нанесли им большие потери





В ночь с 15 на 16 июня ракеты «Фау-1» нанесли первые удары по Лондону. Началась ракетная эра

Майор Фридрих Хайн, начальник разведки 84-го корпуса.
Его задача – сбор и оценка разведывательных данных о противнике



Немецкие пехотинцы на разрушенной улице французского городка. *Справа* – подбитый танк «Шерман»

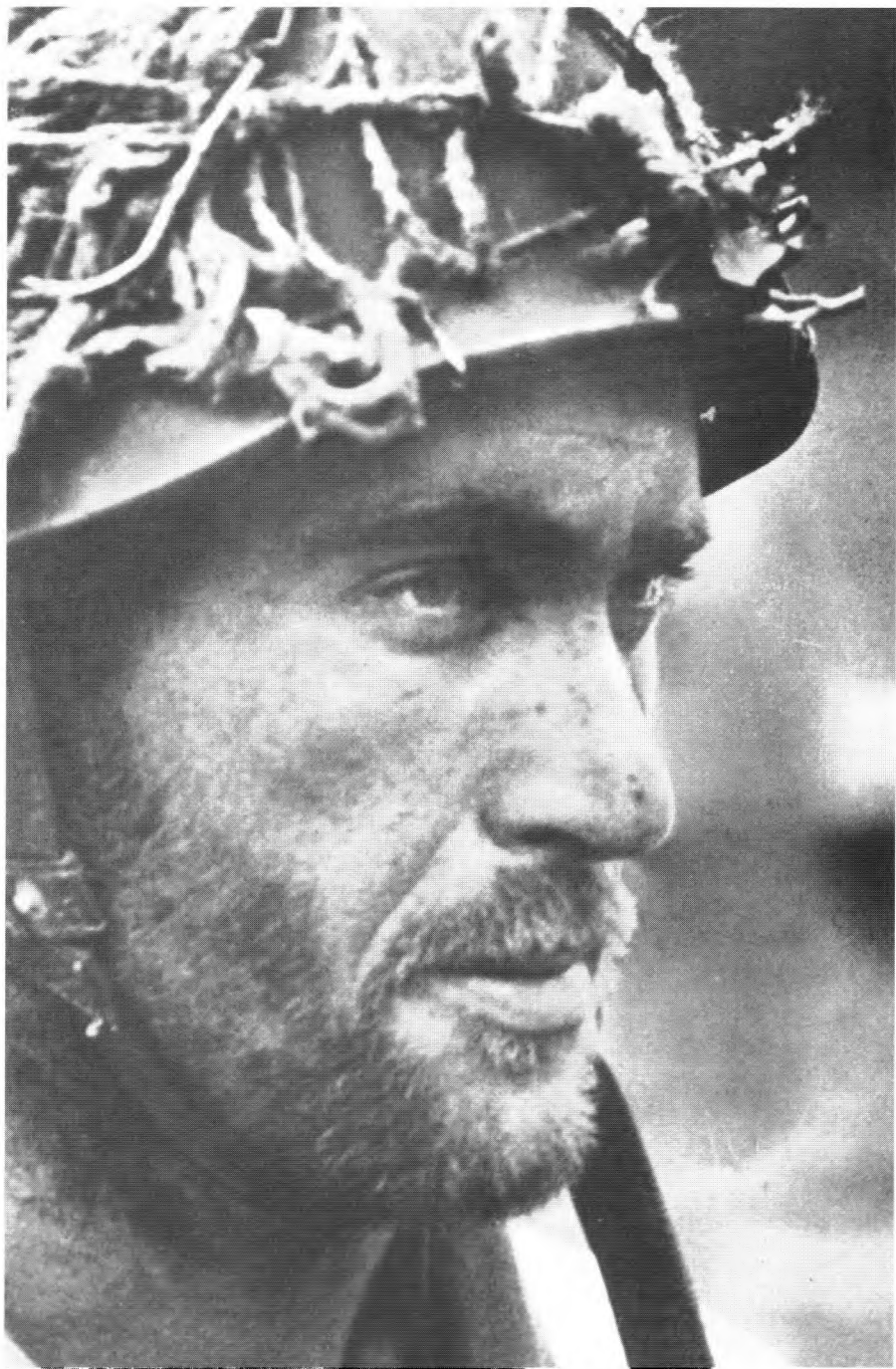




Картины боев у Кана и Сен-Ло: гренадеру накладывают повязку под прикрытием танка

Группы раненых немцев отходят в тыл





На лице немецкого парашютиста видна усталость от 80-дневной упорной, но безнадёжной борьбы. Битва за Францию проиграна

американского наблюдателя, после чего они взорвали свои пушки и на передках, запряженных лошадьми, сбежали.

Впереди, на берегу, Фреркинг отдает приказ к отходу перебежками. Для большинства отступление под огнем вражеских танков и корабельной артиллерии окажется смертельным. Погибнут Фреркинг, Грас и Пих.

Северло и радисту повезло — они выбрались за пределы опорного пункта, прошли по полевым дорогам, переползли через заборы. Наконец добрались до командного пункта 1-го батальона 726-го пехотного полка, что между Коллевилом и берегом. Здесь их раны перевязали. После доклада командир батальона сказал:

— Мы ожидаем танки и контрударом сбросим американцев в море.

Танки из моря

Когда Эрвин Роммель и его танковая армия «Африка» летом 1942 г. стояли у последних высот Эль-Аламейна, устремляясь к Нилу, ни один человек не давал и ломаного гроша за власть англичан в Каире. В британских штабах жгли бумаги. Поезда на Палестину и Иорданию шли переполненными. Британский главнокомандующий генерал Клод Окинлек планировал отступление своей армии за Нил и на юг. Роммель был уверен в победе, так уверен, что во время краткосрочного пребывания в Берлине, на встрече с иностранными журналистами, остановился в дверях зала приемов, взялся за ручку двери и сказал, смеясь:

— Точно так я держу дверную ручку в Александрию.

Но на Ниле в это время произошли кардинальные изменения: судьба призвала на сцену военной истории Бернарда Монтгомери. Надо сказать, что Черчилль его не хотел, но вмешалось провидение в прямом смысле — внезапно умер преемник Окинлека генерал Гот. Вставший во главе британской армии в Африке Монтгомери был полон решимости встретить избалованного богиней победы Роммеля и его армию технической мощью нескольких тысяч пушек, самолетов и сотнями тысяч снарядов. Эта стальная стена остановила немецкий штурм у Алам-Хальфы и разбила Африканский корпус у Эль-Аламейна. Эта победа британцев была закономерным следствием их технического превосходства.

Как только генерал Бернард Монтгомери узнал, что Эрвин Роммель командует оборонительным фронтом, ему стало ясно, что победить его можно только превосходством в силе.

«Во главе передовых частей вторжения должны идти танки и тяжелая артиллерия» — его тезис.

Транспортные корабли с артиллерией и со специальными танками могли подорваться на подводных заграждениях Роммеля, поэтому Монтгомери отверг план Эйзенхауэра высаживаться во время прилива.

Немецкие оборонительные сооружения были рассчитаны на высадку во время прилива. Никто не верил, что противник начнет высаживаться при отливе — тогда придется 800 метров бежать и ехать по абсолютно ровному полигону. Поэтому орудия береговой линии были нацелены на передний край. Монтгомери пошел на тяжелые потери на широкой линии отлива ради победы.

Вторая британская армия под командованием генерала Демпси должна была высадиться на западной части побережья Кальвадос, севернее Кана на прибрежной полосе в 30 километров длиной, пробить немецкую оборону танковой колонной и восточнее Орн соединиться с воздушно-десантными частями, захватить стратегически важные города Кан и Байо и к вечеру первого дня углубиться на 36 километров в прибрежный район. Самым южным ключевым пунктом был маленький городок Виллер-Бокаж. Это название еще часто будет нам встречаться.

Начало светать, осела пыль после ночной бомбардировки городов за береговой линией, 2-я британская армия на участках «Гоулд», «Джуно» и «Суорд» начала высадку.

За 40 минут до рассвета прилетели штурмовики, а затем и истребители, бомбардировщики, самолеты-торпедоносцы. Затем стали высаживаться янки. Сначала на участке «Гоулд». Впереди шла 8-я британская танковая бригада. Она столкнулись с 716-й пехотной дивизией генерала Рихтера, которая удерживала участок берега в 34 километра длиной.

— Огонь! — прохрипел обер-ефрейтор Берендзен пулеметчику. — Огонь! — Позиция пулемета была наполовину засыпана. Берендзен ранен. Нет связи между ротами, батальонами и полками 716-й дивизии. — Огонь! — И пулемет забил, взметая песок. — Возьми немного выше.

Очередь скосила группу томми, которые шли рядом с танком. По берегу начала бить и немецкая 75-мм полевая пушка. Снаряд разорвался в воде. Десантный корабль угодил под второй снаряд.

Взрыв. Пламя. Дым. Корабль перевернулся. Горящие солдаты падали на песок и катались по нему, пытаюсь сбить пламя.

Но эти проклятые танки, выползавшие из глубокого моря, невозможно было удержать. У некоторых спереди были смонтированы большие рулоны, у некоторых — конструкции с цепями и железными шарами.

— Проклятый мистер, — ворчал Берендзен. Было 6 часов 30 минут. Первые танки уже катились по твердому берегу.

Так было у берега «Суорд», и так же было в центре, у «Джуно», и слева на участке высадки «Гоулд».

Уцелевшие немецкие опорные пункты еще оборонялись, но 716-я дивизия была уничтожена бомбами и огнем корабельных пушек. Более всего пострадали 736-й гренадерский полк и 2-й батальон 726-го полка.

Минные поля от бомбардировки взорвались, береговые заграждения пришли в негодность. Корабельные снаряды калибра 380-мм и 405-мм перемололи даже хорошо забетонированные бункеры.

Береговая линия обороны была прорвана в двух местах. Опорные пункты 441-го восточного батальона вышли из строя — солдаты из бывших советских военнопленных разбежались, и только немецкие офицеры и унтер-офицеры с небольшим количеством балтийцев защищали позиции. Как прав был генерал Шлибен, когда написал в отчете: «Нельзя требовать от русских, чтобы они воевали во Франции против американцев».

Через эти бреши, подальше от моря, через главную немецкую линию обороны, где уже не было защитников, продвигались вверх по берегу к дюнам танки 8-й и 27-й танковых бригад и пехотинцы 3-й канадской и 3-й британской дивизий, оставляя справа и слева еще сражающиеся немецкие опорные пункты. «Только вперед», — гласил приказ. Вперед к соединительным магистралям: в Байо и Кан.

Но во многих местах защитникам удавались смелые и быстрые контратаки по флангам. Уничтожались британские танки, перекрывались дороги, по которым шла пехота.

Майор Леман стоял на господствующей высоте Сан-Кру со 2-м батальоном 726-го гренадерского полка словно скала. Удар канадских танков опрокинул опорный пункт. Майор убит. Адъютант с горсткой солдат защищал бункер до самой ночи, а затем они пробились и ушли к своим.

Второй батальон 736-го гренадерского полка оборонял Тайльвиль и пытался остановить прорвавшуюся 3-ю британскую дивизию.

зию. Штаб батальона был обстрелян. В 15 часов 48 минут в дивизию пришло последнее сообщение. Драма в нескольких словах: «В командном пункте рукопашный бой» — и тишина. У Рива-Бела, крайней точки британской высадки. 3-й батальон 736-го гренадерского полка, поддерживаемый 150-мм гаубицами 10-й батареи 1716-го артиллерийского полка, пошел в контратаку, дошел до Лиона, сражался за деревенскую церковь, но был отрезан, стал отступать, истек кровью.

Командир дивизии генерал Рихтер находился в своем командном пункте и не знал, какие опорные пункты еще сражаются: сведения не поступали, связных не было.

Внезапно зазвонил телефон. Это был полковник Круг, командир 736-го гренадерского полка.

— Господин генерал, — сказал он, — враг окружил мой бункер. Вызывает на переговоры. У меня нет средств, чтобы сражаться, нет связи с собственным полком. Что делать?

Генерал Вильгельм Рихтер едва не заплакал. Рядом с ним стояли: командир 21-й танковой дивизии Фейхтингер, командир 25-го мотопехотного полка СС штандартенфюрер СС Курт Майер, адъютанты; все они смотрели на командира, и тогда он сказал подчеркнуто спокойно, почти торжественно:

— Господин полковник, я не могу вам больше приказывать, действуйте по своему усмотрению. — А затем тихо добавил: — До свидания, — и положил трубку.

Плотина прорвана

В 13 часов майор Хайн принес генералу Марксу в головной командный пункт в Сен-Ло донесения, поступившие с трех участков побережья. Командующий составлял доклад для группы войск. Он осознавал всю серьезность положения на американском участке высадки в Сент-Мер-Эглиз, британскую высадку у Байо он назвал очень опасной, а характеризуя средний участок, «Омаха», продиктовал:

— Высадка у Вьервиля, можно сказать, отбита.

Так оптимистично выглядело сообщение об «Омахе».

Два часа спустя за передовой линией немцев появились небольшие отряды американских пехотинцев. Они выглядели очень уставшими. Часть сдалась в плен, но другие прорвались вглубь на три-четыре километра и вышли на стратегически важные дороги.

Триста пятьдесят вторая дивизия еще держалась! Как эти американцы попали в тыл?

Было несколько причин поражения немцев.

Во-первых, непрерывный огонь тяжелого американского оружия. Множество танков и противотанковых пушек янки уничтожили на берегу солдаты 914-го, 916-го гренадерских полков и двух батальонов 726-го гренадерского полка, сражавшихся в районе 352-й дивизии, — но подходили новые. Во-вторых, неиссякаемый поток живой силы. Вслед за первыми ротами, которые были уничтожены, шли новые роты. Генерал Брэдли хотел победить и посылал в огонь один эшелон за другим. Он использовал метод фронтальной атаки, зная, что живой силы у него достаточно. Десятки тысяч солдат и офицеров ждали своей очереди на кораблях. Им противостоял один-единственный немецкий полк. Немецкая оборона на береговом участке «Омаха» находилась под непрерывным воздействием этих двух факторов. Этот полк погибал: если был разбит дот, новый не вырастал; если выходил из строя пулемет, замены ему не было.

Время и мощь американцев должны были измотать немецкую оборону. И хотя американцы часами лежали под градом пуль, не в силах двинуться ни вперед, ни назад, отчаявшись и смирившись, момент для нанесения ответного удара немцы прозевали: вдруг на участке «Easy red» вскочил американский лейтенант и сказал своим солдатам:

— Вы хотите здесь лежать, чтобы немцы вас расстреляли? Мне одному идти в атаку? — и со связкой гранат бросился к проволочному заграждению. Взрыв образовал в заграждениях проем.

— Вперед! — И солдаты побежали, забрались на вершину дюны, перебежали от одной воронки к другой, штурмуя немецкие оборонительные сооружения с тыла. Обошли немецкий дот, обезвредили мины и проложили дорожки, прошли через минные поля в тыл главной линии обороны. Только в одной роте погибло 47 человек. Раненых тоже оставляли. Через них перешагивали. Лишь бы не сбиться с проложенной дороги! Вот так ползли, шли, еле держась на ногах, солдаты 1-й дивизии, выбирались из капкана смерти — участка «Омаха». Их всего-то было 300 человек, но эти 300 человек стали краеугольным камнем американской победы.

На английском участке дела также обстояли серьезно, и на участке «Юта» танки уже прорвались, и, несмотря на это, все еще висело на волоске.

Но где же был контрудар немцев?

С самого раннего утра генерал Маркс из командного пункта 84-го корпуса непрерывно звонил в 7-ю армию, в состав группы армий «В» и генералу Йодлю в ставку фюрера:

— Мне необходимы все имеющиеся в наличии танковые части для контрнаступления!

Он имел в виду 21-ю танковую дивизию, испытанное в Северной Африке воинское соединение Роммеля. Как наступательный резерв ставки Верховного командования это соединение было ближе всех к фронту, а непосредственно за ним стояла 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» под командованием бригаадфюрера СС Фридриха Витта и далеко за ними очень хорошо оснащенная учебная танковая дивизия Байерляйна. Итак, три танковые дивизии. Соединенные воедино и введенные в бой под лозунгом Гудериана: «Ударить, так ударить!» — это была та военная сила, которая могла бы сбросить высадившегося врага.

Но Верховное главнокомандование не решалось выделить наступательные резервы. В Берхтесгадене — как, впрочем, и в штабе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта в Париже — не были уверены в том, что высадка у берега Нормандии и есть самое большое вторжение. Думали, что это всего лишь демонстрация, и губительным образом так думали еще долго.

При этом общая картина убеждала: это настоящее вторжение. Когда в 84-м корпусе обсуждали вечерние сводки за 6 июня, майор Хайн доложил:

— Несомненно, три воздушно-десантные дивизии находятся здесь. Это три четверти всех парашютно-десантных соединений, размещенных в Англии. Сюда следует добавить элитные части 4-й и 1-й американских пехотных дивизий. Исключено, что на той стороне они пожертвуют ради демонстрации своими лучшими силами. Прочтите донесение майора Вигманна из района Кана. Из него явствует: 3-я британская и 3-я канадская дивизии были обнаружены сегодня, в данный момент мы уже знаем, что и 50-я лондонская и 7-я танковые дивизии тоже здесь. Пока отсутствуют 51-я шотландская и 1-я танковые дивизии, иначе у нас висела бы на шее вся 8-я североафриканская армия Монтгомери! Если это не вторжение, то что же это? — Вопрос был по существу и убедил всех штабных офицеров. Начальник разведотдела (1 «С») 7-й армии, подполковник Форверк, был согласен. «Я полностью разделяю ваше мнение», — присоединился начальник разведотдела главного командования войск на Западе фон Рундштедта подполковник Мейер-Детринг.

Но сам Рундштедт и прежде всего ставка и Гитлер были настроены скептически.

Почему же не пошла в наступление 21-я танковая дивизия? Она была дислоцирована в районе битвы и, хотя находилась в подчинении ставки, все равно подчинялась военному закону: что нужно сражаться с врагом, вторгшимся в район военных действий. Здесь не нужно было специальных запросов.

Когда 21-я танковая дивизия (которую поднял по тревоге в час ночи ее командир генерал Фейхтингер) получила приказ о наступлении — до сих пор неясно. И это неудивительно, так как Верховное командование управляло фронтовыми соединениями из ставки фюрера. К этому можно добавить, что смысл приказов был катастрофичным. Ни краткости, ни однозначности. К этим приказам высшего командования Вермахта подключались еще многочисленные приказные инстанции: главнокомандующий «Запад», группа армий «В», танковая группа «Запад».

Если бы в прифронтовом районе Кан командующий танковыми войсками был наделен четкими и неограниченными командными полномочиями над всеми танковыми соединениями, тогда бы, без сомнения, появился настоящий шанс ликвидировать американский плацдарм «Омаха». Этот командующий танковыми войсками мог бы расположить свой командный пункт близко к фронту и принимать оперативные решения, подобно Роммелю в Африке, который в многочисленных, казалось бы, безвыходных положениях находил выход: во главе танковой колонны вклинивался во врага, пробивал, пробивал и бил противника, где только возможно. Этот прием Роммеля в Нормандии не был применен. Вводились в бой отдельные небольшие танковые подразделения, которые управлялись из далеко расположенных командных центров и должны были сражаться по теориям «зеленого стола». Человек, который в этом деле разбирался лучше, Роммель, был поставлен во главе группы армий — бюрократического руководящего аппарата, который не допускал реализации способностей этого полководца. Сила Роммеля была в том, чтобы во главе танковых соединений действовать смело, молниеносно, не считаясь с консервативными правилами военной стратегии. Эта храбрость и быстрота роммелевской танковой тактики были бы теперь к месту. Рецепт напрашивался сам собой: напасть на противника в разгар операции в слабом месте и вывести его из равновесия. Если бы, если бы...

Двадцать первая танковая дивизия, резерв ставки, на случай нападения была подчинена 716-й пехотной дивизии, на плечах ко-

торой лежала оборона участка побережья, где высаживались англичане. Генерал Фейхтингер действительно находился в незавидном положении — был слугой двух господ. И что же из этого вышло?

В 1 час 30 минут, в ночь на 6 июня, Рихтер — как явствует из его записей — по телефону отдал приказ командиру 21-й танковой дивизии разбить приземлившиеся десантные части врага танковыми частями, расположенными вблизи.

В 2 часа Рихтер уточнил свой приказ Фейхтингеру: всей танковой дивизией атаковать приземлившегося врага восточнее Орн и очистить район от неприятеля.

Но Фейхтингер, находясь в резерве ставки, не имел права предпринимать никаких действий без приказа ставки, а приказа не поступило. Драгоценное время прошло впустую. Батальоны 716-й дивизии на побережье истекали кровью. То, что осталось от рейнско-вестфальских пехотинцев 736-го гренадерского полка после бомбежки, было уничтожено британско-канадскими штурмовыми орудиями, огнеметами и пехотинцами. Артиллерийский полк дивизии и саперный батальон были уничтожены корабельными пушками, но зато 21-я танковая дивизия стояла как вкопанная на своей исходной позиции в полной боевой готовности. Наконец, около 6 часов 30 минут утра, после длительного давления и горячих переговоров, генерал Фейхтингер решился, под свою ответственность, вступить в бой. Командиру 22-го танкового полка полковнику Оппельн-Брониковскому был отдан приказ: со своими танками совершить марш-бросок. Связные бросились в деревушки вокруг Фалеза и Кан, где роты часами стояли на рыночных площадях и деревенских улицах, хорошо замаскированные, с разогретыми танковыми моторами, чтобы передать приказ: к маршу!

Танкисты бросились в танки. Командиры заняли свои места.

— Интервал тридцать метров! Вперед!

Двадцать второй танковый полк на марше!

Читая сегодня первые приказы командира 716-й пехотной дивизии, видишь, как хорошо он осознавал в эти утренние часы 6 июня угрозу от приземлившихся восточнее Орн английских частей. Генерал Рихтер полагал своей главной задачей устранить эту опасность всеми имеющимися в его подчинении силами. Это отвлек-

ло от побережья немецкие резервы, это помогло 6-й британской воздушно-десантной дивизии в первые часы вторжения. Вскоре после 2 часов генерал Рихтер бросил 2-й батальон 192-го мотопехотного полка на мост Беновиля. Пехотинцы вместе с 1-й ротой дивизиона ПТО 716-й дивизии и одной батареей тяжелых орудий 989-го артиллерийского дивизиона должны были отбить мост у английских воздушных десантников и, перейдя на другой берег Орн, вклиниться в район, осажденный вражескими воздушными десанниками.

Выступление прошло быстро. Подполковник Раух держал свой 192-й в руках. 2-й батальон под командованием майора Зиппе был уже в две минуты второго на марше. Тяжелая 8-я рота под командованием обер-лейтенанта Братса выкатила со своими тремя 75-мм самоходными пушками, со взводом 20-мм зенитных установок на бронированных машинах и минометным взводом из Карона по направлению Беновиля. Связной Аттенедер установил рекорд, поднимая по тревоге тяжелый противотанковый взвод 8-й роты.

— На полминуты меньше, чем в прошлый раз, — докладывал он командиру взвода лейтенанту Хеллеру.

Несмотря на это, они опоздали.

Около 3 часов 30 минут они наткнулись на передовые части англичан, которые перешли мост у Беновиля и продвинулись на запад. Англичане потеснили их в местечко Беновиль и заблокировали западный подъезд к мосту. Но для контрудара не хватало танков. Вместо того чтобы наступать, истребители танков, пехотинцы и саперы попрятались среди деревьев молодого леса и в парке у моста и оборонялись от смело нападавших англичан, которые не хотели отдавать мост. Англичане постоянно получали подкрепления, у них также были тяжелые противотанковые пушки, противопехотное оружие. Даже танки появились на мосту. Фельдфебель Гизе из своей самоходной 75-миллиметровки подбил один английский танк. Но второй прорвался к лесу и прикрывал английских пехотинцев от немецких гренадеров. До обеда немецкие силы были в центре Беновиля.

— С двадцатью танками мы бы смогли выбить англичан, — ругался обер-фельдфебель Таннер.

Когда, наконец, генерал Фейхтингер после долгих переговоров с командирами 716-й дивизии и 84-го корпуса и по их настоянию решил ввести свой танковый полк, хребет наступления, был уже лень. И прежде чем растянутые роты получили приказы, прошли часы. Потом объявили радиомолчание. Все приказы должны были

передаваться связными. Теоретически верное, а практически гибельное мероприятие.

Около 8 часов утра 1-й батальон 22-го танкового полка под командованием капитана Готтберга 80 танками покатил по дорогам на северо-восток. Окутанный дымом и пылью. Кан остался левее. 4-я рота капитана Гоффмана столкнулась с первыми англичанами. Унтер-офицер Кортенгауз получает приказ:

— Рота входит в подчинение штурмовой группе подполковника фон Лука, которая вместе с частями 125-го мотопехотного полка и саперным батальоном 716-й дивизии нападает с юга и уничтожает вражеских парашютистов-десантников.

И 2-й батальон 22-го танкового полка майора Фирцига с 40 танками мчится на северо-восток. В то время как на берег эшелон за эшелон выкатывают штурмовые войска Монтгомери, самый боеспособный немецкий резерв сражается с мнимым врагом. 2-й батальон майора Фирцига в ночь на 6 июня был отправлен на дивизионные учения.

— Я был в первом часу со своим батальоном в предусмотренном месте, в десяти километрах восточнее Фалеза, — сообщает командир батальона, сегодня доктор медицины в крупном западно-германском городе. — Над Каном и побережьем пылало зарево. Мы слышали рокот бомбардировщиков союзников, но это нас не удивляло. Такие налеты бывали часто. Особого сигнала тревоги вечером пятого июня не давали, в то время как почти ежедневно с часа до трех часов ночи объявляли тревогу. Около двух часов двадцати минут из моей штаб-квартиры прибыл связной-мотоциклист. Приказ по полку: Второй батальон немедленно возвращается в расположение части и в полной боевой готовности ожидает приказа.

С 4 часов 2-й батальон майора Фирцига стоит готовый к маршу и бою. Но ничего не происходит. Телефон отключен. Около 6 часов приезжает связной офицер с сообщением, что союзники высаживаются. Наконец к 9 часам 2-й батальон майора Фирцига получил письменный приказ выступить. Направление — северо-восток. Вражеские воздушные десантники восточнее Орн подлежат уничтожению. Роты информировались связными, и длинная марш-колонна пришла в движение.

Мы ехали из-за угрозы налетов с воздуха с дистанцией в сто метров — машина от машины. На марше нам сопутствовала удача. Мы без потерь подошли к месту приземления вражеского десанта.

Семидесятипятимиллиметровые пушки танков IV из 22-го танкового полка еще не сделали ни одного выстрела в сторону бри-

танских парашютистов-десантников восточнее Орн, как поступил приказ: «Поворачивать!»

Между тем 84-й корпус получил из ставки право распоряжаться 21-й танковой дивизией, а генерал Маркс, не считая нужным применять танки против английского десанта, приказал атаковать побережье, место высадки войск Монтгомери. Только 4-я танковая рота сражалась восточнее Орн.

Все остальные развернулись в направлении Кан; радиомолчание до встречи с врагом.

Головные танки теперь оказались в хвосте, а те, что были в хвосте, оказались впереди, таким образом, командир отделения оказался в хвосте огромной колонны. Впереди следовала 5-я рота капитана Херра.

Как черт мчался 2-й батальон майора Фирцига через заборы, сады и овраги.

Командир полка полковник фон Оппельн со своим штабом передвигался с 1-м батальоном и все время подгонял солдат:

— Быстрее! — Они с трудом пробирались через разбитый город.

Ехали с большим отрывом друг от друга, спасаясь от истребителей. Потеряли связь со 2-м батальоном. Наконец они вышли на исходную позицию севернее Кана. Был полдень, 6 июня, наконец должна состояться атака немецких танков на британский плацдарм. Восемь часов спустя после высадки, по крайней мере, с шестичасовым опозданием!

С высоты городка Лебизи майор Фирциг видит 1-е отделение и три роты, прибывшие для атаки. Он без промедления ставит свои танки рядом слева. Еще ни одного выстрела не раздалось, и, согласно приказу, нельзя переговариваться по радио. Пешком Фирциг отправляется на поиск командного пункта Готтберга. Находит его, и оба командира вместе идут к ближайшему холму, куда приехал штаб полкового командира.

— Настоящий холм полководца! — восклицает Фирциг, когда они увидели и командира 84-го корпуса генерала Маркса со своим ординарцем.

Командир 84-го корпуса прибыл из Сен-Ло сюда на передовую. Когда он около 14 часов 30 минут увидел оба батальона 22-го танкового полка готовыми к бою, он подошел к командиру полка полковнику Оппельн-Брониковскому:

— Оппельн, если вам не удастся сбросить англичан в море, мы войну проиграли.

Полковника охватило злое предчувствие: от 98 танков зависит победа или поражение. Всего от 98 танков!

— Я атакую, — салютовал он.

Генерал Маркс поехал к 1-му батальону 192-го пехотного полка и сел в первый броневладелец. Задача батальона — прорыв к берегу. Генерал Маркс пошел по стопам Эрвина Роммеля, фортуна, казалось, вцепилась в пятку знаменитого полководца. Удар пришелся как раз в промежуток между английскими плацдармами «Джуно» и «Суорд», которые еще не успели соединиться. Точно между 3-й британской и 3-й канадской дивизиями, на стыке двух соединений, Марксу удалось взломать плацдарм. Части 1-го батальона пробились до самого берега. Деревни, где гренадеры стояли у моря 6 июня в 20 часов, назывались Лион и Люк. «Победа!» — кричали они со своих машин. «Победа!» Они нашли последние опорные пункты 716-й дивизии, которые еще держались. Они бросились к засыпанному окопам и полузасыпанному бункерам.

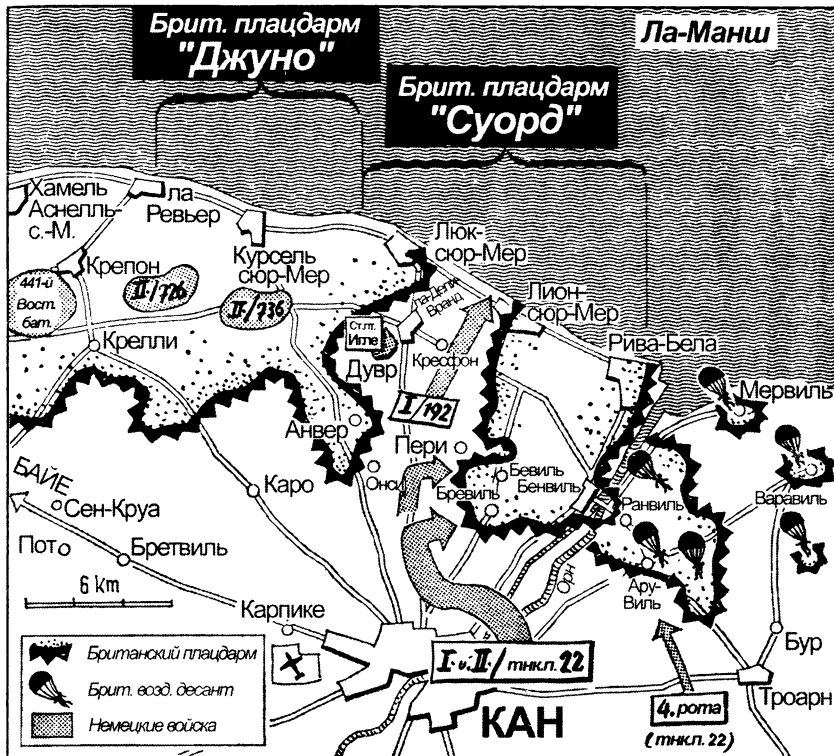
— Если сейчас к нам подспеют еще и наши танки, то никто нас отсюда не выбьет, — говорили они.

Но счастье танкам не сопутствовало. Роты Готтберга и Фирцига напоролась как раз на передний край оборонительного фронта плацдарма «Суорд». Головной танк штабного взвода полка разлетелся от первого прямого попадания. Противотанковые пушки канадцев стреляли как черти.

Стало очевидным, что танки с длинноствольными 75-мм пушками оказались в невыгодном положении: как бы хороша ни была пробиваемость пушки, но установленная на ней оптика доставала лишь на 2,5 километра. Этого было недостаточно, чтобы бить по позициям британской противотанковой обороны, размещенным на выгодном месте между Периром и Бевилем. Танки Оппельна должны были пробираться по крутому склону, который как-то давал им хоть какое-то укрытие. Наверху были размещены вражеские противотанковые пушки и артиллерия, которая била вниз, по танкам, и те один за другим выходили из строя. У Бенвиля в считанные минуты пять танков взлетело в воздух. Стало ясно, что прорыв не удастся.

Стоит взглянуть на карту этого первого танкового сражения, и станет очевидна трагичность момента: путь к берегу еще открыт. 1-й батальон 192-го мотопехотного полка пробился к самому берегу. И ждет. Ждет танки.

После обеда у Бенвиля на Орн все еще стоит 8-я рота 2-го батальона 192-го мотопехотного полка. Остальные роты и батальоны



Драматическая обстановка сложилась вечером 6 июня на британском участке высадки. Хотя англичане и канадцы отбили у немцев плацдармы «Суорд» и «Джуно», но не смогли их объединить. Таким образом, занять Кан 6–7 июня, как планировалось, не удалось

хотя и подтянулись в район Перира, чтобы поддержать танковую атаку, но 8-я рота со своим тяжелым вооружением не может тронуться с места и ждет танки.

В пункте противовоздушной обороны в Дувре, в двух с половиной километрах от берега, держатся под командованием хладнокровного обер-лейтенанта Игле 230 солдат противовоздушной обороны и пришедшие к ним пехотинцы с тремя противотанковыми пушками, тремя 50-мм пушками, дюжиной огнеметов и 20 пулеметами. Они отбивают все атаки, Дувр стоит. Десять дней Игле со своими солдатами держит оборону, десять дней они ждут немецкой контратаки.

Но 22-й танковый полк не может пробиться через фронт противотанковых пушек англичан и канадцев перед Периром и Бевилем.

Из-за отсутствия мотопехоты он не может напасть и в другом месте. Полку навязали оборону. Полковник Оппельн приказывает:

— Танки закопать, держать позицию. Только так можно отбить штурмовые атаки Двадцать седьмой британской бригады.

Монтгомери понял: если не устранить немецкий клин, расколотивший плацдарм, дела плохи. Если рукав, который проложил 1-й батальон 192-го мотопехотного полка от Кан до берега, превратится в трубопровод немецкого пополнения, быстро наполнится танками и артиллерией, то это может означать конец британского плацдарма.

Монтгомери не медлил ни секунды. Он пустил в ход грузовые планеры и сбрасывал, один за другим, полки английских парашютистов-десантников в немецкую полосу нападения.

Теперь проявились тяжелые последствия отсутствия Люфтваффе. Не было разведки, не было воздушного прикрытия наземных колонн. Случилось то, что и должно было случиться!

Сил одной-единственной танковой дивизии, вступившей в бой, было недостаточно, чтобы развить успех 192-го мотопехотного полка на берегу и у Беневия до решающей победы на британском плацдарме. Без подкрепления, без боеприпасов, под ужасным смерчем бомбовых ударов британских бомбардировщиков и огнем корабельной артиллерии гренадеры должны были опять отступить.

У Беневия наводчик, ефрейтор Влосек, со злостью в последний раз прицелился из своей 75-мм самоходной пушки. Бах! — и английский танк разлетелся на куски, затем последовал приказ об отступлении. Позицию и здесь нельзя было удержать. 8-ю роту отозвали на линию обороны 22-го танкового полка.

Осознано ли теперь немецкое руководство, что нужно сосредоточение всех танковых резервов, чтобы справиться с опасной ситуацией? Или оно будет рассматривать штурм между реками Орн и Вир как маневр и ждать «настоящее вторжение» у Кале?

III. Упущенные шансы

В 2 часа 30 минут в ночь на 6 июня на командном пункте командира дивизии в Ножан-ле-Ротру зазвонил телефон. Генерал Варлимонт от имени Йодля из ставки фюрера передал приказ:

— Учебная танковая дивизия должна по тревоге направиться по направлению Кан. В дальнейшем вы будете получать приказы из группы войск «В».

О том, что Верховное командование Вермахта понятия не имело о намерениях союзников, свидетельствует тот факт, что за несколько часов до этого ставка приказала учебной танковой дивизии отправить на Восточный фронт лучший батальон с новыми «Пантерами» и «Тиграми». Байерляйн на свой страх и риск задержал отправку. Еще не погруженные части были возвращены, а тем, что уже следовали по железной дороге, было приказано вернуться. Но прошло пять дней, прежде чем эти части появились на фронте. Пять драгоценных дней!

Байерляйн едет в штаб 7-й армии в Ле-Ман. Там его ожидает сюрприз. Ставка заставила дивизию всю ночь стоять на месте, а теперь генерал-полковник Дольман потребовал, чтобы дивизия к 17 часам вышла на марш. Байерляйн сопротивлялся. Опытный командир, начальник штаба Роммеля по африканским походам, во время своей поездки в штаб армии уже знал, где скрывается опасность: в небе полно истребителей-бомбардировщиков. Байерляйн предлагает подождать с отправкой до темноты. Дольман стоит на том, что дивизия должна быть утром 7 июня в районе южнее Кан. Напрасно Байерляйн спорит...

Скорость продвижения при угрозе с воздуха и по разбитым дорогам не более 8 километров в час. Танки находятся в 150 километрах южнее Кан. Когда же они придут на боевые позиции? Не раньше

8 июня. Но Дольман приказа не отменяет и к тому же предлагает изменить маршрут. На это Байерляйн не соглашается. Перегруппировка дивизии приведет к хаосу. Байерляйн возвращается и приказывает выступить.

— Смотрите внимательно вперед и по сторонам! Поезжайте быстрее и по возможности без потерь, — советует он командиру.

— Танки вперед! — Учебная танковая дивизия покатила в сторону западного фронта на помощь 21-й дивизии.

Еще и сегодня Байерляйн становится жестким и сердитым, когда ему приходится рассказывать о марше своей дивизии. О том марше, когда дивизия еще до вступления в бой понесла тяжелейшие потери.

Байерляйн рассказывает:

— Я ехал по трассе Алансон—Аржантан—Фалез с двумя легковыми машинами с двумя радиостанциями моего командного пункта. Уже у Бомон-сюр-Сарт первые налеты истребителей заставили нас искать укрытие. На этот раз все обошлось, но колонны растягивались все дальше и дальше друг от друга. Так как радиопереговоры были запрещены, связь осуществлялась только через связных. Как будто радио помогало истребителям и разведчикам, висящим в небе, быстрее нас обнаружить. Но зато руководству дивизии это затрудняло получение информации о состоянии дел в колоннах: продолжают ли они марш, образовались ли пробки и есть ли потери; где находятся передовые машины. Время от времени я должен был посылать офицеров или ехать к частям сам.

Все пять дорог заняты частями. Естественно, что продвижение колонн было замечено вражеской разведкой, и уже вскоре бомбардировщики повисли над дорогами, разбивая перекрестки, деревни и города, лежащие на пути, пикируя на танковые колонны. В двадцать три часа мы проезжаем местечко Се. Оно освещено как рождественская елка, и тяжелые бомбардировщики бросают бомбы на горящий городок.

Около двух часов ночи мы приблизились к городу Аржантан. Светло как днем — от взрывов и пожаров. Городок содрогается от града бомб — бомбардировки не прекращаются ни на минуту. Мы добрались до южного предместья, а дальше продвигаться стало невозможно. Аржантан горел. Мы были в дьявольском котле. За нами дорога заблокирована. Мы заперты в горящем городе. Искры падают на машины. Горящие балки и разрушенные дома преграждают путь. Самолеты кружат над городом. Их осветительные бомбы освещают горящий город мерцающим светом. Пыль затрудняет ды-

хание. Мы отправились пешком искать дорогу. Саперы работали у разрушенного моста через Орн. В три часа нам удалось вырваться из огненной западни, и через поля мы направились в сторону Флера. Бомбардировки к утру утикли. Дорога через Экуше—Бриуз—Флер удобная для езды. В четыре часа мы были уже во Флере, который тоже сильно пострадал. К пяти часам мы приехали в Конде-сюр-Нуаро. О танковых колоннах не слышно, их не видно. Они с большим трудом пробираются по разбитым дорогам. Подобно Аржантану были разрушены бомбежкой все узловые пункты за фронтом вторжения, союзники хотели помешать продвижению резерва к месту боя у Кана.

С Байерляйном ехал его бессменный офицер для поручений капитан Александр Хартдеген, также старый «африканец», который принимал участие в тяжелых боях рядом с генералом Риттером фон Тома. Лисы пустыни Роммеля, пережившие войну, знают этого мудрого капитана и ценят его. Он рассказал нам о втором дне этой смертельной поездки дивизионного штаба.

— После беспокойной ночи, — сообщает капитан Хартдеген, — генерал Байерляйн, водитель унтер-офицер Картейз и я ожидали у Конде-сюр-Нуаро, что пятьдесят километров южнее Кана, головной взвод Девятьсот первого мотопехотного полка. Но ничего не было видно. Я поехал обратно. Конде представлял собой груды дымящихся развалин, мост также был разрушен бомбежкой, а в пять часов утра истребители уже мелькали на голубом утреннем небе. Учебная танковая дивизия была подчинена Первому танковому корпусу СС. Командный пункт обергруппенфюрера СС и генерала полиции Йозефа «Зеппа» Дитриха, командира корпуса, мы искали всю ночь, чтобы узнать его намерения и получить приказы, но мы не нашли командного пункта корпуса; только к вечеру седьмого июня мы обнаружили его в лесочке севернее Тюри-Аркура. Дитрих отдал Байерляйну приказ: одиночными боевыми группами достичь к утру восьмого июня район Норри и Бру, на линии железной дороги Кан—Байо. Оттуда мы должны были вместе с Двенадцатой танковой дивизией СС «Гитлерюгенд», которая должна была подойти, готовиться к наступлению широким фронтом.

Под вечер мы нашли наконец у Тюри-Аркура головные части нашей дивизии. Это были гренадеры, прибывшие первыми; танки оставались далеко позади.

Генерал Байерляйн обсудил с полковыми командирами ситуацию, и около 22 часов мы поехали на наш командный пункт в

Прус. Поездка обнаружила ужасное положение полков, последствия дневных маршей. Десятки искореженных, еще дымящихся машин лежали на обочинах. Отрезок Комон—Виллер—Бокаж был настоящей дорогой смерти. Выгоревшие грузовики, разбомбленные полевые кухни и тягачи еще тлели, мертвые солдаты лежали кто где. Это была страшная картина. Унтер-офицер Картейз нажал педаль газа:

— Подальше от этого ада!

Внимание — штурмовик!

Летние ночи в Нормандии коротки. Мы были около высоты 238 — мчались по дороге, когда на рассветающем небе появились три истребителя. Они, очевидно, нас выследили, так как шли над дорогой на бреющем полете. Заскрипели тормоза, генерал Байерляйн выскочил из идущей машины в кювет. Я обнаружил бетонный тоннель — сток воды и в три прыжка влетел в темную трубу. Картейз успел выскочить из машины, как из бортовых пушек посыпались выстрелы. Наш БМВ охватило пламенем. Следующий истребитель летел точно над кюветом и выпустил свои очереди по нам. Перед моей бетонной трубой взорвался 20-мм снаряд. Унтер-офицер еще успел прокричать Байерляйну:

— Отползите подальше от машины, господин генерал.

Наступила тишина.

Тот, кто не пережил налеты истребителей, тот не знает, что такое битва во время вторжения. Лежишь беспомощный в кювете, в борозде или у изгороди, прижавшись к земле, лицом в грязь, а к тебе кто-то подлетает с нарастающим шумом, сейчас подлетит, упадет. Сейчас засвистят пули. Сейчас в тебя попадут.

Хочется зарыться в землю; потом истребитель улетает, но он вернется снова. Два раза, три раза. Лишь когда эти парни убедятся, что все уничтожены, они улетят. А лежать приходится долго. И если все миновало — то это всего лишь льготная отсрочка. Десять таких налетов — настоящее предвкушение ада!

Наш БМВ стоит на дороге и еще шипит и дымится. От него ничего не осталось. Унтер-офицер Картейз лежит в кювете мертвый. Генерал Байерляйн чудом отделался несколькими осколочными ранениями. Меня же спасла труба.

Капитан Хартдеген стоит на коленях перед унтер-офицером Картейзом.

— Тут ничем не поможешь, господин генерал, — говорит он Байерляйну. Тот кивает и вытирает со лба кровь.

— Мы должны его укрыть, — сказал Байерляйн.

— Да, — сказал Хартдеген, взглянув на лицо унтер-офицера. Но чем? Задумывается, снимает с себя хлопковый свитер и прикрывает им голову и грудь убитого. БМВ шипит и дымится.

В 50 метрах от мертвого Картейза они бросаются в кювет. Руки еще дрожат, колени обмякли.

— Как нам отсюда выбраться? — спросил Байерляйн. Хартдеген хотел отправиться в Кулван, где они оставили штаб 902-го мотопехотного полка. Но в этот момент подкатила открытая машина. Командир полка полковник Гутманн наблюдал налет самолетов на нашу машину на ровной как доска дороге и в тревоге за нас послал вездеход «Фольксваген-Кюдель». Командир дивизии оказался на машине.

Ночь опустилась. Благодатная ночь. Защита от истребителей. Теперь мы направились в Просси, где начальник штаба, майор Кауфманн, с волнением ожидал нас уже 24 часа.

Между тем батальоны и дивизионы учебной танковой дивизии пробивались по дорогам в район боя. Маршируя со своим 1-м батальоном 902-го мотопехотного полка под морозящим дождем к фронту вторжения, лейтенант Ганс Эверхард Бомбах вспомнил о двойном дне рождения — своем и своего друга Роллинга.

Около 17 часов 6 июня они вышли из Вибри. Они шли вечером, потом ночью, под обложным тучами небом, а пришли в ясный летний день. С рассветом прилетели истребители.

У батальона, не сделавшего ни одного выстрела, появились первые большие потери. Солдат расстреливали в открытых бронетранспортерах. Ничего другого не оставалось, как заехать в лес и дожидаться ночи. Прибыли как раз ночью, как и подсчитал Байерляйн.

Около полуночи в батальон прибыл связной-мотоциклист. Наконец поступила информация. Командный пункт 902-го мотопехотного полка с полковником Гутманном, сказал связной, находится севернее Виллер-Бокажа у восточной границы местечка Тийи.

Тийи! Лейтенант Бомбах стал искать это место на карте. Он не мог знать, что это название войдет в военную историю. Ага, между Каном и Байо.

Бомбах отправился в путь, чтобы получить приказ о вступлении батальона в бой. Он ехал мимо выгоревших грузовиков, полевых кухонь и легковых машин. Он не обратил внимания на остов БМВ, на котором еще был виден телескопический флагшток штабного флага машины Байерляйна. Месяц прорвался сквозь облачное небо, когда Бомбах подъехал к разбитому бомбами Виллер-Бокажу. Ему встретились маршировавшие в тыл измотанные в боях группы 716-й пехотной дивизии.

— Английские танки следуют за нами! — кричали они Бомбаху. Тревожные сообщения обычно распространялись отходящими с передовой частями. Бомбах это не касалось, и он поехал дальше в Тийи. Наступало утро. Бомбах посмотрел на карту: Ювини.

— Истребители! — закричал шофер. Сбросил скорость и свернул к заборам около дороги, и вот уже с ревом пронеслись низко над дорогой проклятые птицы. Забор спас Бомбаху и его шоферу жизнь. Они услышали, как взорвались бомбы на перекрестке, который они только что миновали. Они слышали, как летчики сделали вираж, развернулись, опять спикировали. Кто будет следующей жертвой, беспомощной жертвой? У гренадеров средств против истребителей не было. Когда старый обер-ефрейтор и командир первого бронетранспортера роты сопровождения штаба дивизии во время первой воздушной тревоги вывели свою машину в чистое поле, чтобы дать из двух пулеметов по летящему «Спитфайру», то с удивлением увидели, что ничего не произошло. Они снова дали очередь.

Матерь Божья — машина же пролетела через шквал огня, это же было видно, но, несмотря на это, повреждений не было. И неудивительно. Мотор и кабина пилота были бронированы!

Истребители — страшное оружие против пехоты. Тревога «Штурмовик!» была пугалом всех частей, находящихся на марше. Эти страшные птицы были всюду. Разве что во время дождя или ночью они не появлялись.

Когда наконец вблизи Байе лейтенант Бомбах прыгнул в полтораметровую яму, командный пункт своего командира полка, — то последнее, что он увидел в небе, был самолет. На этот раз — артиллерийский наблюдатель. И через минуту тяжелая корабельная артиллерия направила свой огонь в район Байо, где находился штаб и готовые к бою передовые части 902-го мотопехотного полка. Целый час на людей обрушивались смерть и разрушение.

В типичном командном пункте дивизии в Просси, в маленьком замке, окруженном парой крестьянских домов, севернее

Конде-сюр-Нуаро, Байерляйн знакомил своего начальника штаба, майора Кауфманна, с положением дел в дивизии и в отдельных подразделениях. Он огласил приказы, которые отдал для запланированного наступления на следующее утро, 8 июня: полковник Шольце должен со своим усиленным 901-м мотопехотным полком захватить район у Нори, а полковник Гутман с усиленным 902-м мотопехотным полком захватить район у Бро, чтобы затем присоединиться к наступающей 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» 21-й танковой дивизией — для большого наступления на побережье.

Большое наступление! На этот раз должно получиться удачнее, чем это было с 21-й танковой дивизией. Учебная танковая дивизия и «Гитлерюгенд» — эти дивизии должны были вытащить из грязи застрявший там воз обороны вторжения.

Запутанные приказы

Двенадцатая танковая дивизия «Гитлерюгенд» бригадефюрера СС Витта¹ была хорошо вооруженным соединением. Гренадеры были молоды, от 18 до 19 лет. Они верили в свое дело и в свое оружие. Они и понятия не имели о том, как тянуло жребий высшее руководство, но если бы им сказали об этом, они бы впали в бешенство.

Приказы о наступлении, которые получила 12-я танковая дивизия СС, красноречиво говорят о различных точках зрения в высших штабах немецкого руководства.

В апреле дивизия была переведена из Бельгии в Нормандию. Она должна была расположиться в Лизье, в 30 километрах от побережья. Эта была бы отличная исходная позиция. Но генерал фон Гейр, командующий танковой группой «Запад», добился того, что дивизию перевели на 50 километров южнее. Опять в этом решении прослеживается старый спор между Роммелем и Гейром: один хочет, чтобы резервы были рядом с побережьем, другой — значительно дальше, чтобы иметь пространство для маневров. Подавляющее

¹ 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» имела, как и другие танковые дивизии СС, большую численность и техническую оснащенность (20 тысяч человек, 170 танков), в том числе зенитный дивизион и даже дивизион шестиствольных реактивных минометов. — *Прим. пер.*

господство противника в воздухе Гейр в расчет не взял; это господство, во всяком случае, ошеломило всех бойцов в Нормандии.

Таким образом, дивизия Витта оказалась на 20 километров дальше от мест боев (которых было слишком много, и 6 июня дивизия не могла поспеть везде, где была необходима).

Утром в 3 часа от 711-й дивизии под командованием генерал-лейтенанта Рейхардта, расположенной направо от 716-й пехотной дивизии, между Орн и Сеной, генералу Витту пришло сообщение: «Вражеские воздушные десанты за нашим левым флангом». А затем поступило примечательное дополнение: «Противник сбрасывает одетые в форму куклы»¹. Это был обманный маневр Монтгомери, который был мастером всякого рода трюков. Дивизия Витта хотя и не получила приказа о наступлении, но командир сразу поднял все соединения. Ровно в четыре часа все были готовы к маршу. Танки ждали. Гренадеры ждали. Но ничего не случилось! 25-й мотопехотный полк СС пошел в разведку в сторону Кана.

В 7 часов пришел приказ от обергруппенфюрера СС Дитриха, командира 1-го танкового корпуса СС, — дивизия входит в подчинение 81-го корпуса в Руане и должна дислоцироваться в районе Лизье. Командиры качали головами. Почему в Лизье? Разведка же установила, что противник приземлился по обе стороны Орн и пробивается в Кан! Кроме того, выступление без подготовленных маршрутных планов чревато большими затратами времени. Но приказ есть приказ, а телефонной или радиосвязи с группой армий «В» не было.

Стали разрабатывать новые планы маршрутов и через связных офицеров отправлять их в части. Между 10 и 11 часами соединения выступили. Следует подчеркнуть, что сделано это было 6 июня, возможность успеха контратаки на побережье была реальной.

Это было то самое время, когда 22-й танковый полк 21-й танковой дивизии был брошен на западный берег Орн.

Приблизительно около 15 часов командиру дивизии из группы армий «В» пришел приказ — собраться не в Лизье, а западнее Кана. Цель: оказать поддержку 84-му корпусу при контратаке.

— Твою мать, — выругался Витт. — Полки уже на марше. Где их теперь догнать?

¹ Имеются в виду сброшенные в большом количестве куклы, имитирующие десантников. Эти куклы, названные «Рупертами», дезориентировали немцев и прикрывали сброс настоящих парашютистов. — *Прим. ред.*

Новый приказ дошел до усиленного 25-го мотопехотного полка СС в районе западнее Лизье около 16 часов. Остальные соединения получили приказы в разное время.

Двадцать пятому мотопехотному полку СС предстояло проехать еще 70 километров, чтобы попасть на свою позицию. Таким образом, 6 июня этот полк уже не мог принимать участия в боевых действиях. День был потерян.

К сожалению, дивизия снова была переведена под начало 1-го танкового корпуса СС и от него получила приказ 7 июня в 12 часов разместиться по левую сторону от 21-й танковой дивизии, начать наступление на север и сбросить высадившегося врага в море.

Этот приказ запоздал ровно на 24 часа, чтобы поддержать атаку 21-й танковой дивизии у Перира. Столько времени потребовалось для введения в бой готовой и сильной танковой дивизии! 24 часа, попусту потраченные! За эти часы шанс на успешное отражение воздушного и морского десанта был упущен.

Витт подготовил свою дивизию к выступлению уже к 4 часам утра. От Байерляйна мы знаем, что его поднял по тревоге генерал Вальтер Варлимонт из ставки.

Третьему зенитному корпусу генерала Пикерта было поручено, в случае высадки на побережье Нормандии, тотчас отправиться на плацдарм. Батареи корпуса были размещены по реке Сомме, а штаб находился южнее Амьена. В полной готовности были три полка и шесть дивизионов. Это была сильная огневая мощь, хребет для наступления и обороны.

Шестого июня до обеда у генерала Пикерта еще не было информации о высадке. Он отправился в инспекционную поездку. Только после обеда, когда он вернулся обратно, он получил первые сообщения, с оговоркой, что еще нет ясности в том, большое ли это вторжение. Еще нет ясности!

Пикерт поехал в Париж. Наконец после обеда 6 июня отправил свои дивизионы в район по обе стороны Кана. 8 и 9 июня батареи прибыли на фронт, сильно потрепанные — 200 убитых и раненых. Не выстрелив еще ни из одного ствола! Что бы случилось, если бы главные силы корпуса были бы на фронте 6 июня!

6 июня при быстро организованной контратаке этих соединений английский плацдарм можно было бы так сузить, что дальнейшие операции имели бы шанс на успех.

Монастырь Арденн

Бригадфюрер СС Витт и генерал Фейхтингер верили, что ударом блестяще оснащенной 12-й танковой дивизии СС возможно остановить вторжение. Приказ к наступлению 7 июня был ясен и оптимистичен. После изложения собственной и вражеской позиций в пункте 3 говорилось: дивизия совместно с 21-й танковой дивизией наступает на высадившегося врага и сбрасывает его в море. Исходные рубежи были тщательно и хорошо продуманы. Они касались двух мотопехотных полков — 25-го и 26-го, двух танковых батальонов 12-го танкового полка, дивизионов 12-го артиллерийского полка СС и разведывательного батальона, а также саперного батальона и зенитного дивизиона. Наступление было назначено на 7 июня, на 12 часов дня.

Витт и Фейхтингер перед наступлением еще раз встретились, чтобы согласовать свои действия. Фейхтингер привез с собой командира 22-го танкового полка, и полковник фон Оппельн доложил о своих соображениях. Было решено, что 22-й танковый полк подключится к наступлению Витта на север. Удар будет продолжен до тех пор, пока англичане не свалятся в море.

Первые части усиленного 25-го мотопехотного полка СС достигли западной границы Кана в ранние утренние часы. Город еще горел. Улицы были перегорожены развалинами. С восходом солнца начались непрерывные налеты истребителей на дороги с передвигающимися войсками. Пилоты точно отыскивали свои цели. В первую очередь они уничтожили бензовозы, и это означало, что танки выведены из строя. С наступлением дня командир 25-го мотопехотного полка штандартенфюрер Курт Майер, получивший известность как «Майер-танкист», снабжал свои части бензином только при помощи «Фольксвагенов». Эти маленькие, верткие машины могли передвигаться от укрытия к укрытию.

Полк соорудил командный пункт на западной окраине Кана. Майер отправился на передовой командный пункт в монастырь Арденн.

Он забрался на одну из башен, чтобы оглядеть окрестности. Когда он поднес бинокль к глазам, перед ним раскинулась изумительная картина. До самого моря простирались фруктовые сады и живые изгороди — как на лубочных картинках. На берегу толчея выгрузки. Огромные корабли мирно стоят на рейде. Несчетное ко-

личество аэростатов качаются в небе на канатах, они призваны защитить флот и берег от налетов немецких самолетов.

И еще кое-что видит Майер: танковые части противника выстраиваются на его участке боя. «Тут будет жарко», — подумал он и бросил взгляд назад, в тыл, туда, где должна маршировать его дивизия. Он увидел прямую как стрела дорогу Кан—Фалез. На ней не было воинских частей. Танки и бронетранспортеры находились в укрытиях.

Майер повернул бинокль к фронту и опешил: вражеский танк ползет по фруктовым садам, он находится приблизительно в 200 метрах от гренадеров 2-го батальона, которые хорошо замаскировались со своими противотанковыми пушками. Ни одного выстрела. Батальон придерживается жесткой дисциплины: не стрелять! Британские танки едут прямо вдоль фронта 2-го батальона Майера. Они подставляют незащищенный длинный фланг. Это мечта всех мотопехотинцев. Это идеальная цель для противотанковых пушек!

Майер отдает приказ батальонам, артиллерии и стоящему наготове 2-му батальону танкового полка:

— Открывать огонь только по моему приказу.

Внизу в монастырском саду находится оберштурмбаннфюрер СС и подполковник полиции Макс Вюнше, командир 12-го танкового полка, в своей командирской машине. То, о чем ему сообщает Майер с монастырской башни по полевому телефону, он передает через свой бортовой микрофон всем танкам. Одна рота стоит на территории монастыря, другая, хорошо замаскированная, на обратном скате недалеко от дороги, по которой марширует враг, ничего не подозревая.

Британцы беззаботны. У них перед глазами только одна цель — аэродром. Майер прильнул к биноклю и передает каждое движение вражеских частей. Напряжение так велико, что Вюнше сообщает информацию своим командирам тихим голосом, как будто есть опасность, что грохочущие на той стороне дороги чудовища могут его услышать.

Майер не хочет упустить шанс. Этот шанс называется: использовать удобную позицию и уничтожить наступающего врага, силы которого состоят из одного танкового полка и одной пехотной бригады, и затем перейти в контрнаступление. Хотя это нарушает боевой график дивизии, но здесь нужно действовать.

Связной информирует штаб 21-й танковой дивизии о его решении.

Вражеская колонна танков продвигается к дороге Кан—Байо. Майер хриплым голосом кричит в трубку полевого телефона:

— Атаковать!

Вюнше передает в микрофон:

— Внимание, танки вперед! — Это приказ к адскому танцу.

Противотанковые пушки открыли огонь.

Танки загремели, остановились, стреляют. Вражеский головной танк взлетает на воздух, второй горит. Экипаж выпрыгивает, ползет в придорожную канаву. Английские, канадские танки из 27-го танкового полка 2-й канадской танковой бригады смешались. Танк за танком выходят из строя. Сопровождающая пехота — горные шотландцы 9-й канадской бригады — пытается отступить и достичь района Аути и там закрепиться, но гранадеры 3-го батальона Майера опережают ее. Немецкая атака идет полным ходом. Первые канадские пленные идут с поднятыми руками по направлению к монастырю. Может быть, счастье будет на этот раз на стороне немцев?

Потери канадцев значительны. По их собственным, более поздним высказываниям, передовая рота «Нова Скотия» («Новая Шотландия») была полностью расстреляна. Другие роты также понесли большие потери. Танковый полк потерял 30 процентов своего состава и 28 танков «Шерман».

Но и гранадерские роты Майера попали под вражеский артиллерийский огонь. Во время разведывательной поездки на мотоцикле Майер с испугом установил, что правый фланг его передового 1-го батальона больше не прикрыт. Танки 21-й танковой дивизии застряли у Эпрона. К несчастью, танки противника ударили по открытому флангу и нанесли 1-му батальону страшный урон. Хотя противотанковые пушки и остановили танки противника, но о дальнейшем наступлении нельзя было и думать.

И на левом фланге появились соединения вражеских танков. Это части 7-й канадской бригады, которые атакуют западнее реки Мю дорогу Кан—Байо и угрожают вторжением в район дислокации 26-го мотопехотного полка СС, из которого прибыла только одна передовая рота, так как остальные батальоны были задержаны сильными воздушными налетами. Только незначительные разрозненные пехотные части разбитой 716-й дивизии защищают район, и ясно, что они не смогут отразить танковый удар. И Майер пытается остановить нападение.

Таким образом, этот шанс не был использован. В мемуарах канадской армии после признательных слов в адрес полка Майера сказано:

«Сильная атака немцев вывела нас из равновесия и вызвала большие потери, но немцы не смогли воспользоваться успехом, угроза нашему плацдарму была ликвидирована».

Так закончилось сражение 7 июня в районе Кана. Все надежды немецкого командования теперь направлены на 8 июня, третий день вторжения союзников, день, когда наконец все три танковые дивизии — 21-я, учебная танковая и 12-я танковая дивизия СС — должны нанести объединенный контрудар по британскому плацдарму в 10 километров глубиной.

Дуэль с флотом

В планах высадки американских штабов участок берега «Юта», тяжелая 210-мм батарея Маркуф и расположенная рядом с ней войсковая береговая артиллерия у Азевилля с четырьмя 122-мм пушками занимали серьезное место. Обе позиции должны были быть захвачены американскими штурмовыми отрядами в первый день высадки, но когда 6 июня уже подходило к концу, батарея Маркуф все еще стреляла. Стреляла по берегу, стреляла по острову Маркуф в резервы 4-й американской дивизии. Американцы ругались, а американские штабные офицеры были озабочены.

— Эту проклятую батарею надо убрать, — говорили они.

Эта «проклятая батарея» спутала американский план высадки.

Переночевав, черные от порохового дыма, артиллеристы береговой артиллерии сидят в дотах. Как во сне прошли последние 24 часа. Сначала нападение парашютистов-десантников, затем флота. Это же было только вчера рано утром, когда они впервые увидели эту армаду. Разве это не было вечностью?

Дежурный на батарее Маркуф, обер-фельдфебель Баумгартен, никогда не забудет, как обер-лейтенант Омзен около 5 часов взял телефонную трубку и по-деловому доложил морскому командиру в Шербуре адмиралу Хеннеке:

— В бухте Сены несколько сотен кораблей! Это наши транспортные? — После небольшой паузы послышался ответ:

— Нет. Корабли вражеские. Разрешаю открыть огонь! Боеприпасы экономить! Связь прекращаю.

Потом заговорили пушки.

Ровно в 5 часов видимость была хорошей. Видимость была важна потому, что у батареи не было ни радиолокационного прибора, ни средств современного управления огнем. Нужно было стрелять из пушки как в давние времена — для наведения на цель применялась стереотруба со шкалой, с применением самодельных измерительных часов для измерения времени от выстрела до удара. Это было большой роскошью. Вот с таким вооружением Маркуф противостоял самому большому в истории флота вторжению.

Омзен отдал приказ стрелять из всех трех орудий:

— Огонь!

Казалось, что на линкорах и крейсерах тоже дали приказ открыть огонь, так сильно прогремел залп противника, и снаряды легли на территорию батареи.

Американские корабли ждали, когда цель обнаружится. Их данные были точно просчитаны. Флотское командование не давало команды «огонь» до тех пор, пока не стало ясно, что цель засекали, и, как только сверкнул огонь из стволов батареи, на линкоре «Невада» и на дюжине крейсеров и миноносцев был отдан приказ «Огонь!».

Но Маркуф уже пристрелялся.

Снаряды следующего залпа попали между трубой и мостиком одного из крейсеров. Корабль начал дымить, остановился. Затем поднялись корма и нос, крейсер переломился. Предназначенные для спасения эсминцы поспешили на помощь. Они подоспели как раз под огонь пушек Маркуфа.

— Хорошо! — закричал Омзен. — Хорошо!

То был не крейсер, а эсминец, заблуждение можно отнести за счет большого расстояния.

Но там, на той стороне, тоже умеют целиться. Около 8 часов было разрушено первое орудие батареи после разрыва тяжелого снаряда перед дотом. Артиллеристы Омзена утешались:

— Американцы потеряли боевой корабль, а мы всего лишь пушку.

Это неплохой счет. Они продолжили стрельбу из двух пушек, цель — 8-й эсминец!

— Попал! — прокричали, торжествуя, с командного пункта. Подошел второй эсминец, хотел отбуксировать поврежденный корабль. Но и он был потоплен прицельным огнем соседней 4-й батареи 1261-го берегового артиллерийского полка, которую старший лейтенант Шульц разместил у Коневилля. Командир полка полков-

ник Трипель, наблюдая трагедию со своего командного пункта в Гинстере, сообщил: «Эсминец пытался уйти из-под обстрела зигзагообразным маневром». Но одно попадание следовало за другим. Один снаряд, вероятно, попал в рулевое управление. Корабль начал описывать круг, наконец накренился на левый борт, корма все больше уходила в воду.

Три эсминца американцы потеряли на море перед участком «Юта».

Адмирал Кинг, главнокомандующий американским флотом, писал в своем отчете: «Батарея Маркуф задала нам жару. Мы бросили против нее не только линкор «Невада», но и линкоры «Арканзас» и «Техас», которые мы перевели сюда с участка «Омаха».

Три линкора — «Невада», «Арканзас» и «Техас» — имели на вооружении мощные орудия от 125 мм до 356 мм. Это были монстры, несущие батарею Маркуф смерть и разрушение.

В 9 часов это произошло: «Невада» концентрированным огнем попала 356-мм снарядом в ствол 2-го орудия. Удар был ужасный. «Шлиц», который позволяет орудью совершать маневры, имеет размеры приблизительно 6 на 8 метров.

Бронированные створки для такого отверстия были посланы складом отдела снабжения из Бад-Зегеберга, но до места не дошли. Они лежали где-нибудь на разбитом бомбами железнодорожном вокзале, так же как и современный прибор управления огнем для батареи.

После того как оба дота были разбиты, Маркуф больше не мог стрелять по морским целям.

Адмирал Кинг пишет в своем отчете о вторжении: «С 11 часов враг держал берег под прицельным огнем. Наши потери были значительны».

— Который час? — спросил Омзен.

— Семь часов, господин обер-лейтенант, — ответил Баумгартен.

Зазвонил телефон.

У аппарата обер-лейтенант Каттинг из Азевилля:

— Мое третье орудие вышло из строя после прямого попадания в амбразуру. Потолочная плита в три с половиной метра обрушилась и придавила орудие и команду.

У Омзена не было времени долго рассказывать о своем собственном положении. По опорному пункту открыли пулеметный огонь.

— Тревога! Нападение со стороны Крисбека, — пришло сообщение. Было ровно 7 часов 7 минут.

Американцы штурмуют. Наступает первый батальон по дороге против Маркуфа, второй батальон наступает западнее в направлении Азевилья. Они вступают в местечко Маркуф. Омзен отремонтировал одну из зениток и ведет огонь по штурмующим пехотинцам. Американский батальон несет большие потери. Но эти американские штурмовые группы сколочены из крепких парней. По тополиной дороге они пробиваются из местечка Маркуф к батарее.

Проволочные заграждения и ходы сровнялись с землей от града бомб и корабельных снарядов. Пулеметы, установленные по флангам, разбиты. Батарея со стороны суши открыта и ничем не защищена. Короткими перебежками американцы подступают к батарее.

— Тревога! Занять круговую оборону! — приказывает Омзен. Это SOS батарее. Сейчас решается вопрос жизни и смерти. Нападающие проникают на территорию батарее. Немецкие артиллеристы в своих дотах окружены. У дороги на Крисбек противники лежат друг против друга на расстоянии броска гранаты.

Морские артиллеристы — пожилые резервисты — держатся как наступающая пехотная рота.

Все офицеры и унтер-офицеры ранены, и обер-лейтенанту Омзену неприятель-пехотинец пулеметной очередью перебил руку. Врача уже нет. Он убит по дороге — из соседней батарее в Маркуф. Два санитарных гостя — так во флоте называют санитаров — обслуживают раненых, и многие бойцы-маркуфцы обязаны им жизнью.

Между тем американцы подобрались к наблюдательному пункту азевильской батарее, которая находится на территории батарее Маркуф, потому что из Азевилья морского побережья не видно.

Из своего дота Омзен видит, как американская штурмовая группа залезает на командный пункт азевильцев. Он знает, чего хотят американцы: заложить в бойницы подрывные заряды, а затем превратить дот в духовку. Это со временем произойдет со всеми дотами, всеми его артиллеристами.

Перед лицом такого безысходного положения Омзен принимает такое же безысходное решение: в доте вместе с ним находится радист с рацией, он приказывает ему:

— Передайте батарее Азевиль: требую артиллерийского огня на мою позицию — Омзен.

Радист с испугом смотрит на обер-лейтенанта.

— Давайте, передавайте! — настаивает он и затем поясняет: — У нас будут потери, но это единственная возможность хоть что-то сделать для наших солдат.

Радист передает приказ.

Батарея в Азевиле также окружена врагом, но старший лейтенант Каттинг принимает приказ. Он понял, чего хочет Омзен.

— Шюргер, — говорит он своему испытанному старшине батареи, — Шюргер, сейчас мы им зададим перцу под хвост. — И спокойно, как во время учебной стрельбы, он отдает приказ открыть огонь по батарее Маркуф.

Эффект ошеломляющий. Американцы падают — снаряд, упавший рядом с наблюдательным пунктом азевильской батареи, сметает штурмовую группу. Откуда этот огонь? Первая мысль, промелькнувшая у американских пехотинцев: мы попали под огонь своей корабельной артиллерии. Эта мысль приводит их в бешенство. Никто не хочет умирать под своими пулями, и реакция понятна: бегом покидают американцы территорию батареи, они даже бросают оружие и снаряжение.

Эта перемена действует на прислугу батареи как чудо. Они быстро вооружаются трофейным оружием — среди трофеев маленькие 60-мм минометы. Как подарок неба появляется обер-лейтенант Гейслер с 6-й ротой 919-го пехотного полка. Он с боем пробился до территории батареи и увеличил военную мощь Омзена.

Пехотинцы и артиллеристы вместе бросаются вслед за американцами. Они хорошо знают территорию и атакуют врага с флангов. Командир полка американцев предчувствует угрозу — бросает резервную роту на свой левый фланг. Но это бесполезно. Американцы отступают все быстрее. Их отступление превращается в бегство. Американцев пристреливают. Солдаты Омзена и Гейслера взяли в плен 90 американцев. Оставшихся прогнали до Доданвиля, где резервные части 22-го американского полка остановили беглецов.

Солдаты Маркуфа саркастически смеются: «Мы показали кузькину мать!» Они не знают, как складываются дела на других участках фронта. Не знают, в каком безвыходном положении находятся у Сент-Мер-Эглиз и Азевилы батальоны гренадеров 1058-го и 922-го полков, так же как и 6-й парашютно-десантный полк и штурмовой батальон 7-й армии. Их пригвоздила американская корабельная артиллерия, а первые американские танки, пробивающиеся с побережья на сушу, загнали их в угол. Генерал фон Шлибен понял, что ликвидировать вражеский плацдарм путем контратак местными ре-

зервами уже не удастся. Он принял решение обороняться у дорог Монтебур—Сент-Мер-Эглиз и Фонтен—Равеновиль, он сколачивает штурмовые группы, чтобы сузить плацдарм, и он ждет танковые соединения, надеется на прибытие резервов для контрудара.

Ночь принесла немцам в Маркуфе и Азевиле надежду. Опустилась на раненых и мертвых, живые же, у которых еще работают руки, стоят у развалин и ремонтируют оружие.

Они отремонтировали пулемет, из отдельных деталей собрали 210-мм пушку. Она должна опять стрелять завтра, на третий день вторжения, когда подойдут немецкие танки. Они должны прийти!

Последнее сообщение из Байо

Восьмое июня, вторник. Католический мир празднует Вознесение Господне. Но на побережье Нормандии колокола молчат. Там война. День наполнен героизмом и далеко идущими решениями.

Ночью Тийи был разбит авиацией союзников. Враг хотел помешать продвижению резерва на север, а танки Монтгомери все упорнее пробивались к Байо, чтобы захватить важную дорогу национального значения Шербур—Кан.

Утром на командном пункте 84-го корпуса зазвонил телефон: телефонная станция корпуса вызывала начальника штаба.

— На проводе Байо — местная связь. — Это голос немецкой связистки. — Господин майор, английские танки проезжают мимо солдатской казармы. Они в центре города.

Майор Хайн лишился речи:

— Откуда вы знаете? Разве там нет ни одной нашей части?

— Все штабные офицеры сражаются. Британские танки провалились через береговую оборону и атакуют город. Я здесь последняя. — И затем добавила: — Сейчас англичане проезжают мимо дома. Послушайте сами, господин майор. — Хладнокровная девушка подносит телефонную трубку к окну. Начальник штаба прислушивается и слышит глухой грохот и гул вражеских танков. Это может быть только 50-я британская дивизия. — Теперь я должна прервать связь. — сказала девушка на другом конце провода. Майор забыл о всяких церемониях и кричит в трубку:

— Черт возьми, что же будет с вами?

— Ах, я исчезну через сады. Конеч.

Щелчок, и связь прекратилась.

Байо пал. Англичане взяли свой первый крупный город Нормандии; они перекрыли транспортную артерию побережья и теперь могут влиять на важнейший транспортный узел — город Кан.

Хайн собрался к начальнику штаба, подполковнику фон Кригеру, когда перед входом в убежище что-то загрохотало. Это санитарная машина с ранеными немцами и американцами была обстреляна истребителем. Кричали раненые, пытаюсь выбраться из машины. Двое американцев были убиты. Все получили ожоговые ранения. Вдруг в штаб-квартиру врывается офицер для поручений штаба 352-й пехотной дивизии в сопровождении немца-вахмистра и двух бывших советских солдат из 439-го восточного батальона:

— Где начальник штаба? Командир батальона майор Бекер посылает вам два мешка с американскими трофейными папками.

Откуда? Вахмистр рассказывает: в расположение батальона в устье Вира у Гефоса-Фонтаней утром на берег выбросило разбитую десантную лодку. С полдюжиной мертвых американских офицеров. Один из них «Бичмастер», так американцы называют командира участка высадки. Рядом с ним лежал чемодан, а в нем бумаги, очевидно секретные.

— Вот они, господин майор. — И он вывалил на стол гору мокрых папок. Хайну хватило одного взгляда, чтобы понять, что перед ним страницы с паролями, цифрами, графиками. Это был поистине богатый улов. Затребовали переводчиков. Не прошло и получаса, как в комнату вбежал зондерфюрер Йобель:

— Господин майор, у нас весь оперативный план Седьмого американского корпуса!

Начальник штаба не верил своим ушам. Еще не веря, он прочел первую страницу.

— Да, Йобель, — воскликнул он, — это невероятный, случайный случай!

Оперативный план, обнаруженный в лодке

Окончательный вариант плана со дня D (D = Decision = решение), с ежедневными целями по полуострову Котантен, лежит на столе 84-го корпуса. Немецкое руководство получило доступ к планам не только 7-го корпуса, но и соседнего 5-го американского и 30-го британского. Американцы должны были, согласно докумен-

там, объединить у Карантана свои плацдармы «Юта» и «Омаха». Затем соединиться с англичанами у Байо и таким образом завладеть сквозным участком побережья. Затем 7-й корпус должен был пробиться к западному берегу полуострова Котантен к Кутансу, образовать временный оборонительный фронт, а главные силы развернуть и направить на север для захвата Шербура.

Генерал Маркс и его начальник штаба, изучив, решают отправить выписки в дивизии.

— Начальник штаба, майор Фибиг с оригиналом отправляется к Роммелю и в Сан-Жермен к фельдмаршалу фон Рундштедту, — решает Маркс. И Фибиг спешит. Он должен доложить обстановку на фронте и потребовать поддержки авиацией.

Военное счастье, казалось, на стороне немецкого руководства, но что толку от бумаг, от знания замыслов противника, если их нельзя разрушить?

Надо сказать, что в дальнейшем оперативный план врага претерпел значительные изменения. На что отводился еще день, смогли выполнить только через недели, но это уже не могло помочь немцам одержать победу. Для этого не хватало всего ничего — авиации. Так находка казаков из 439-го восточного батальона и звездный час отдела штаба 84-го корпуса не смогли повлиять на события. Битва шла своим ходом, а штабы беспомощно наблюдали, как оперативный план американцев шаг за шагом претворялся в жизнь.

Уже 8 июня после обеда, когда Маркс, Роммель и Рундштедт из американских оперативных документов знали, что Карантану отводится такая важная роль, у парашютистов-десантников фон дер Хайде, сражающихся за Сент-Мер-Эглиз, кончались боеприпасы. Батальоны бились с американцами, которые наступали танковыми частями со стороны плацдарма «Юта», а за спиной у десантников были непроходимые болота. База обеспечения полка, полевые кухни и обоз, а также склады с боеприпасами находились за этими болотами.

Командир парашютистов-десантников должен был, оставив тяжелое вооружение и машины, с мобильными подразделениями полка перейти болото и подготовиться к обороне восточного и северного предместьев Карантана. Здесь парашютисты-десантники создавали замок на 13-й национальной дороге между двумя американскими плацдармами и одновременно перекрывали дорогу к английскому участку высадки.

Карантан, таким образом, стал местом самых ожесточенных боев на всем фронте вторжения. Захват плотины Сен-Ком-дю-Мон,

по которой военная дорога пересекает болота, никогда не забудут оставшиеся в живых парашютисты-десантники 502-го американского парашютно-десантного полка. Безостановочно американцы бросались на немецкие позиции. Артиллерийские обстрелы сменялись воздушными бомбардировками. Враг атаковал с севера, с плацдарма «Юта». Он одновременно атаковал немецкие позиции с востока, с плацдарма «Омаха». Парашютисты-десантники лежали в низине, и каждый вырытый окоп мгновенно наполнялся водой. Между предместьем и болотом завязалась ожесточенная схватка из-за крестьянского подворья юго-восточнее взорванных мостов. Двор располагался в большом фруктовом саду и был огорожен живой изгородью. В самом доме расположился командный пункт полка, а в саду шел рукопашный бой. На задворках у городской окраины, в старом винном погребе, доктор Росс и оба батальонных врача 2-го и 3-го батальонов разбили лазарет, где оперировали, перевязывали или просто склонялись к умирающим. Двое пленных американских врачей тоже помогали. За один лишь день через этот перевязочный пункт прошло более тысячи раненых американцев, немцев, грузин, а также простых французов. Ночью раненых увозили, а днем раненые лежали в подвале главного перевязочного пункта.

Так сражались парашютисты-десантники 6-го полка против врага, прорывавшегося на юг.

На север дорогу американцам и 8 июня все еще преграждали батарея Маркуф и опорный пункт Азевиль. Хотя позиции были окружены, артиллеристы Омзена и Каттнига, поддерживаемые пехотинцами Гейзлера и солдатами Ханса Йоргена Хабеля из штурмовой батареи, не сдавались. Каттниг, получив приказ полковника Трипеля, покинуть разбитую батарею, но после радиопереговоров с командиром дивизиона подполковником Кейлем, сообщившим, что пехота, саперы и солдаты с противотанковыми пушками придут на помощь, продолжал удерживать позицию, отбиваясь от 12-го американского полка. Из обещанного подкрепления смогло подойти всего несколько солдат, остальные пали в бою, но весь день 8 июня Азевиль и Маркуф держались.

В 13 часов 30 минут американцы пошли в атаку, продвигаясь шаг за шагом за огневым валом артиллерии. Им удалось наконец ворваться в опорный пункт. Штурмовая группа, вооруженная шестами со взрывными зарядами, слишком расточительно обращалась со своими чертовыми шестами, и, когда она достигла командного дота, взрывпакеты кончились. Личный состав сражался врукопашную.

Снова выручил Каттниг из Азевилья. По просьбе Омзена он ударил из 100-мм пушки по американской штурмовой ротe в Маркуфе. Гейзлер со своими пехотинцами контратаковал на левом фланге. Атака американцев захлебнулась, и штурмовавший батальон отошел в Доданвиль.

Американские отчеты об этих боях впечатляют. Штурмовой батальон 4-й американской дивизии потерял 50 процентов своего личного состава. Командир полка боялся массированной контратаки немцев и трагически оценивал положение своего плацдарма. Особенно беспокоило подкрепление Маркуфа пехотной ротой обер-лейтенанта Гейзлера. В этом они усматривали большой немецкий план, не зная и даже не предполагая, что у немцев нет резерва.

«Нам повезло, что американцы не знали нашего истинного положения, — сказал Омзен, ставший в 60-е гг. капитаном 3-го ранга Военно-морских сил ФРГ. — Американцы считали, что у нас есть хорошо вооруженные резервы, а в действительности на этом участке вообще не было никаких частей. Артиллерийский огонь по их обороне напугал их». Только 9 июня, в траурную среду, американцам удалось начать штурм батареи Азевиль. После артиллерийского обстрела 1500 снарядами они атаковали еще и огнеметами. На батарее не было боеприпасов. Напрасно вахмистр Шауер отремонтировал зенитку. Один выстрел — зенитка разбита. Сопротивление было сломлено.

Марш Омзена на высоту Гистер

Потери штурмовых соединений казались американскому командиру дивизии слишком большими, чтобы снова атаковать Маркуф. Корабельная и сухопутная артиллерия американцев попыталась «достать» батарею. Вечером 22-й пехотный полк был послан на штурм немецкого берегового опорного пункта в Квеневиле, минуя Маркуф. Специальные подразделения, состоящие из одной пехотной, саперной и противотанковой рот должны были обезвредить Маркуф. Но оперативный план не сработал. Подразделение ждало поддержки с воздуха, но не дождалось; и все закончилось легкой перестрелкой. Ночью американцы непрерывно обстреливали батарею 20-мм осветительными снарядами, так что о восстановлении оборонительных сооружений нельзя было и думать. Только стар-

шему оружейнику с большим трудом удалось из отдельных деталей собрать пушку. Обстреливая из нее американские транспортные колонны, он посеял панику среди наступающих.

Этот Маркуф словно заноза сидел в теле американского плацдарма, но у немецкой стороны не было сил эту занозу поддержать. Омзен и его солдаты стояли на потерянной позиции, просто они этого еще не знали.

11 июня в командном доте зазвонил телефон — телефонная связь в Маркуфе работала до последней минуты, кабельная связь на батарее выдержала.

Сегодня Омзен рассказывает, что он прокладывал кабель на глубине от 80 до 90 сантиметров, траншеи рылись очень узкими, их не засыпали землей, провода лежали свободно, этакой змейкой, их можно было легко ремонтировать. Как потом оказалось, их и не нужно было часто ремонтировать. Во время попадания бомбы провода подбрасывало, но рвались они не сразу. Связь шла по кабелю, проложенному глубоко в земле, через телефонные станции. Несмотря на расстояние в 30 километров, она работала даже тогда, когда американцы заняли территорию.

Когда обер-лейтенант Омзен снял телефонную трубку, солдаты напряженно посмотрели на командира. Звонил адмирал Хеннеке из Шербура:

— Послушайте, Омзен, сколько людей осталось на батарее?

— Семьдесят восемь, включая еще могущих передвигаться раненых, правда, некоторых из них нужно нести. У меня также есть и тяжелораненые, нетранспортабельные, господин адмирал!

— Омзен, — сказал Хеннеке настоятельно, — Омзен, вы верите в то, что можете вырваться?

И прежде чем Омзен ответил, адмирал продолжил:

— Омзен, попытайтесь. До наших линий приблизительно десять километров. Попробуйте еще сегодня ночью пробиться!

Омзен не колебался ни секунды.

— Так точно, господин адмирал! — ответил он и положил трубку. Времени на раздумье не оставалось. Омзен приказал выступить. Винтовки и автоматы раздали. Продовольствие разделили.

— Кто хочет, может сжечь свои личные вещи и секретные бумаги.

И горстка защитников Маркуфа выступила в ночь. Они брели по воде, высоко над головой несли раненых на сделанных из палок и одеял носилках.

— Дети, осторожно, — приговаривал Иоганн Брокман, санитар-ефрейтор. Раненым приходилось тяжело. Отряд шел на север, в Квеневильт, высота Гистер у Ла-Пернеля — их цель. Там командный пункт подполковника Кейля, командира 919-го гренадерского полка. Там же и командир 1261-го берегового артиллерийского полка, полковник Трипель, которому подчинена и артиллерия Маркуфа.

Это была долгая ночь, но она прошла, как и страх, и с рассветом они уже стояли у своей линии фронта. На следующее утро, 12 июня 1944 г., американское командование ввело в бой свежий полк 9-й дивизии.

Командир 7-го корпуса генерал-майор Коллинз должен раздавить немецкую оборону у Монтебура, захватить важный транспортный узел Монтебур и тем самым завладеть дорогой на Шербур, ибо морской порт — это стратегическая цель 7-го американского корпуса.

На командном пункте американского корпуса офицеры склонились над картами. Они слушают своего командира: с первого дня эти батареи мешали высадке. Из-за них высадка задержалась на несколько дней. Помимо этого, наступающие войска не будут чувствовать себя комфортно, имея за спиной немецкие пункты сопротивления!

Офицеры все поняли. За дело! Они готовы, но через два часа разведчасть доложила 9-й дивизии:

— Батарея Маркуф свободна!

На оставленной батарее американцы обнаружили 21 тяжело-раненого немецкого солдата, а с ними добровольно оставшегося санитарного офицера батареи. Американская военная сводка сообщила о взятии Маркуфа, но и словом не обмолвилась о шестидневной задержке.

«Парашютистам-десантникам нужны лишь ножи»

Карантан тоже пал. В тот час, когда защитники батареи Маркуф должны были уйти из опорного пункта и подполковник фон дер Хайлте почувствовал, что пора выводить свой батальон парашютистов-десантников из Карантана. В командных штабах 84-го корпуса и 7-й армии с возмущением встретили эту новость.

Ключевая позиция на национальной дороге под номером 13 между американским и английским плацдармами пала.

Как это могло произойти?

Как парашютисты-десантники могли сдать такую важную позицию?

И по сей день этот вопрос дискутируется во всех военно-исторических работах. При всем при этом на вопрос легко ответить словами фон дер Хайдте:

— Парашютисты-десантники только люди.

Ночью, с 9 на 10 июня, вышли 25 человек — это все, что осталось от 1-го батальона в 700 человек. Он был окружен в Сент-Марию-Мон, разбит на группы и в буквальном смысле раздавлен. Одни пали в бою, другие сгнули в болоте. Кто-то попал в плен, и почти все были ранены.

В обед 10 июня на позиции 2-го батальона севернее Карантана пришел парламентар и от имени генерала Максвелла Тейлора, командира 101-й американской воздушно-десантной дивизии, потребовал капитуляции. Фон дер Хайдте прочел письмо, написанное по-немецки, по-английски спросил:

— Вы бы сдались в подобной ситуации?

Полк был брошен на произвол судьбы. Он должен был сражаться без артиллерии, без танков и без поддержки с воздуха. Боеприпасов мало, в особенности для минометов и пистолетов-пулеметов. Артиллерийских снарядов много, но нет пушек, чтобы их использовать.

На обращение за помощью в 84-й корпус транспортная рота доставила французские боеприпасы для минометов. Но калибр не подходил. Смекалистые парашютисты-десантники смогли использовать эти мины, обернув гранату одеялом. На счастье, в Карантане оказался склад с одеялами, так что в этом, по крайней мере, дефицита не было.

В ночь на 11 июня десантники пережили чудо. По позициям прокатился крик радости:

— Самолеты! — Это были первые немецкие самолеты, которые они увидели с начала вторжения; Ju-52, транспортные самолеты, которые выпросил корпус. Они сбросили минометы и патроны для автоматов.

Утром 11 июня американцы прорвались слева, справа и в центре полка. Фон дер Хайдте часть своих солдат бросил на укрепление флангов, но этим он ослабил оборону. В обеденные часы противник добрался до восточной черты города Карантан и засел в разва-

линах домов, садах и заграждениях. Командиру полка пришлось на высотах юго-восточнее города искать подходящие позиции и прокладывать пути отступления. Остатки 795-го грузинского батальона были привлечены для обустройства этих позиций. На передовой грузины не смогли бы выдержать жестоких оборонительных боев.

В обед командир полка едет на эти позиции. На пути он встретил легковую машину: в ней командир 17-й мотопехотной дивизии СС «Гетц фон Берлихенген» бригадфюрер Остендорф и начальник штаба оберштурмбаннфюрер СС Конрад. Фон дер Хайдте докладывает. Узнает, что его полк поступил в подчинение дивизии Остендорфа, который планирует на 12 июня наступление на американский плацдарм. Остендорф в хорошем настроении.

— Это мы осилим, — говорит он с оптимизмом. Фон дер Хайдте просит в любом случае послать ему в Карантан часть дивизии на подмогу. Но Остендорф отказывает: он хочет сохранить свою дивизию для большого наступления, предполагая расколоть плацдарм. Напрасно фон дер Хайдте пытается предостеречь от столь оптимистичного оперативного суждения. Остендорф ссылается на русский опыт:

— Американцы не могут драться лучше, чем русские.

— Не лучше, — соглашается фон дер Хайдте, — но они лучше вооружены: со множеством танков и артиллерии.

Командир дивизии обрывает:

— Господин подполковник, ваши парашютисты-десантники как-нибудь продержатся до утра.

Но они не продержались!

Когда фон дер Хайдте вернулся на свой командный пункт, его ожидало сообщение, что и крестьянский дом, за который они отчаянно сражались и в котором находился его передовой командный пункт, взят американцами.

Наступил момент, когда нужно было действовать, если полк не хотел разделить участь 1-го батальона: окружение и уничтожение.

Командир полка отдал приказ в 17 часов 11 июня о выходе из города и отходе к обустроенным позициям юго-восточнее Карантана. В вечерних сумерках парашютисты-десантники вылезли из городских руин отчаянно защищаемого города на национальной дороге номер 13.

Битва за Карантан закончилась.

На следующий день 17-я мотопехотная дивизия СС тщетно пыталась снова взять город.

2-й парашютно-десантный батальон, который возглавлял командир полка, единственное подразделение, пробившееся в город, укрепился на вокзале, держался, но затем позицию сдал, после того как другие части дивизии Остендорфа пали в бою. Дорога между «Ютой» и «Омахой» была свободна.

«Приказано захватить Байо снова!»

Как же обстояли дела на английском участке побережья у Кана, когда мы 7 июня вечером покинули 25-й мотопехотный полк танковой дивизии СС «Гитлерюгенд»?

Гренадеры и танкисты еще 8 июня отчаянно сражались с мощно напавшими канадцами. Штурмовая группа совместно с танковой ротой 12-го танкового полка СС и разведротой 25-го мотопехотного полка захватили Бретвиль, уничтожили командный пункт полка «Стрелки Королевы» и мужественно держались всю ночь. Но на рассвете Майер свою штурмовую группу отвел — не было поддержки пехоты.

После обеда на командный пункт Майера прибыл командующий танковой группой «Запад» генерал фон Гайер. Майер доложил оперативную обстановку. Гайер пессимистически слушал, хотя и сказал, что решил контратаковать силами 21-й танковой дивизии на правом фланге, 12-й танковой дивизии СС в середине и учебной танковой дивизии Байерляйна на левом фланге, дабы прорваться к побережью широким фронтом.

«Ну наконец-то!» — подумал Майер.

На той стороне, у левого фланга на скорую руку сооруженной заградительной линии перед Каном, стягивались части учебной танковой дивизии Байерляйна. Генерал рассказывал о тех событиях 8—11 июня:

— На рассвете 8 июня полковник Шольце вышел к исходной позиции в районе Норри с частями 901-го мотопехотного полка. Штурмовая группа полковника Гутманна с частями 902-го полка должна была с боем пробиться в район Бро — это местечко заняли канадские танковые части. Тяжелые ночные бои, во время которых нельзя понять, где свои, а где чужие, прошли с большими потерями. Артиллерия еще не вышла на свои позиции. Молодеватый командир полка, полковник Люксенбургер, потерявший в Первую мировую войну руку, и командир дивизиона, подполковник Цейз-

лер, поехали со своими штабами на разведку. До обеда обе штурмовые группы находились в полной боевой готовности, но приказа к наступлению не последовало. Наступил вечер. Фельдмаршал Роммель появился на командном пункте в Ле-Месниль-Патри. И вскоре стало ясно — нужно менять все диспозиции. Роммель с горечью сказал Байерляйну, что 50-я британская дивизия заняла Байо.

— Пятидесятая, британская, Байерляйн, наши лучшие друзья по Африке! — воскликнул он.

Фельдмаршал потребовал от генерала, чтобы его дивизия в ночь на 9 июня перебросила две штурмовые группы из района Норри-Бро в район у Тийи. Цель: атаковать Байо утром 9 июня, город нужно взять.

Нужно взять! Четкий, оптимистичный приказ. Он как-то не согласовывался с пессимизмом Роммеля.

— Мы оказались в такой же ситуации, как и в Африке, Байерляйн, — сказал он с досадой. — Вместо Средиземного моря здесь будет Рейн, и ничего не останется.

Итак, снова перегруппировываться! Байерляйн удрученно покачал головой: разве это маневры?

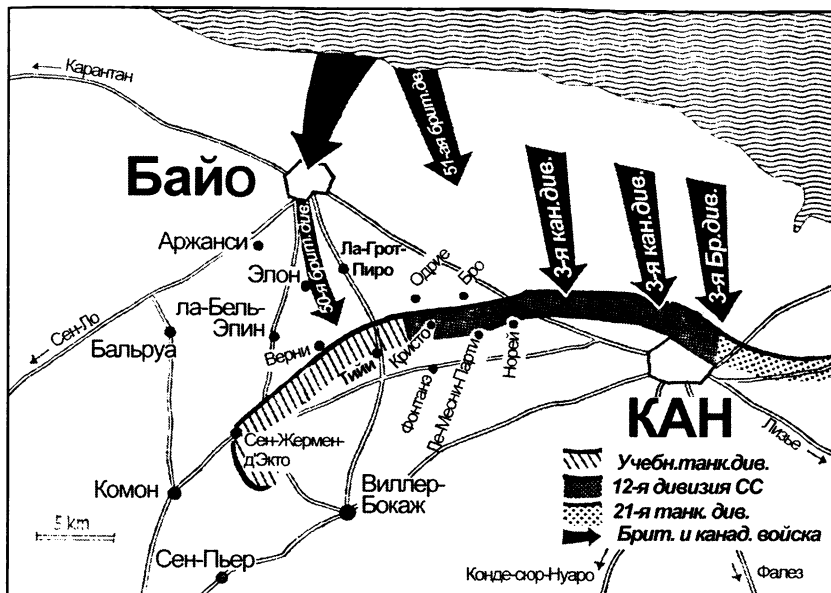
С началом темноты началось движение. Незамеченное канадцами, но — увы! — обнаруженное Люфтваффе, и немецкие летчики стали бомбить свои же части, находящиеся на марше. Слава богу, большой беды не случилось. Утром 9 июня перегруппировка была закончена. Наступление на Байо было подготовлено, но по дороге Тийи—Байо уже мчались на юг британские разведчасти и танковые подразделения. И чтобы не растрачивать силы на мелкие столкновения, наступление нужно было начинать западнее дороги.

Второй батальон учебного танкового полка майора князя Шенбург-Вальденбурга вместе с 1-й ротой принял участие в наступлении, а о 1-м батальоне, который Байерляйн вернул с маршрута на Восточный фронт, не было ни слуху ни духу. Наступление шло хорошо. К обеду подошли к Эллону в долине Авра, а танковые разведгруппы даже продвинулись до Арганси, это пять километров южнее Байо.

Пять километров от Байо! В Байерляйне проснулся азарт охотника. Он хотел показать 50-й британской, как тогда, на позиции Газала в Африке у Гот-эль-Улеба!

— Давай, ребята, — подбадривал он своих штабных офицеров. Капитан Хартдеген усмехнулся:

— Пошло, господин генерал, пошло. Кажется, мы точно угодили в яму между английским и американским сектором; может быть,



*Изгиб линии фронта между Каном и Тийи
на британском участке после перехода к обороне вечером 9 июня*

на этот раз небо будет к нам благосклонно и мы подойдем к морю, разделим англичан и американцев, помешав их объединению.

Но как будто кто-то сглазил — пришел приказ:

— Наступление отменить. Дивизию вернуть к Тийи!

Никогда еще в учебной танковой дивизии так не матерились.

Что случилось?

На стыке между 12-й танковой дивизией СС и учебной танковой дивизией в районе Тийи—Адри—Кристот сложилась критическая ситуация из-за быстрого продвижения канадских танковых частей. 2-й танковый батальон учебной танковой дивизии должен был срочно контратаковать.

Опять эта нехватка резервов. И нужно прервать сулящую успех операцию, для того чтобы залатать дыру, снова вместо операции — импровизация!

8-я рота учебного танкового полка отлично замаскировалась во фруктовом саду в ночь на 9 июня во время подготовки к наступлению. Беглый огонь дальнобойной артиллерии не причинил особого вреда, но когда рассвело, американцы стали стрелять тщательней. Капитан Рехе с посеревшим лицом сидел в машине на месте ради-

ста, он уже несколько дней был болен. Экипаж сидел около танка, пытался с помощью паяльной лампы приготовить теплую пищу. При каждом выстреле с той стороны все автоматически бежали в укрытие. Вопреки всему удалось приготовить картошку в мундире. Ее, как и яйца, сваренные вкрутую, раздали. Унтер-офицер Вестфаль перебрасывал в ладонях картошку и тихо ругался:

— Может быть, это трапеза висельника.

Восьмая рота учебного танкового полка была испытанной командой: все стреляные зайцы. Когда они, бывало, сидели за бутылкой кальвадоса и, пропустив уже десятую рюмку, Вестфаль кричал: «Ефрейтор Хеммерле, пулемет заело!», Хеммерле тут же выпаливал: «Башня двенадцать часов».

То есть надо развернуть башню танка так, чтобы в нее попал свет, а затем устранить неполадки в пулемете. Или водитель танка кричал товарищам:

— Снять с предохранителя! — Сразу же левая рука взлетала над головой — левой рукой приводился в действие предохранитель, расположенный справа, чтобы при отдаче не травмировать руку. Это нужно было делать автоматически даже во сне. Вот так они и тренировали во сне или после 10-й рюмки «Кальвадоса» свои профессиональные движения: танкисты!

Около 14 часов капитан Рехе принес от командира батальона майора князя Шенбурга-Вальденбурга приказ о приведении в боевую готовность частей в районе Фонтаней.

— Батальон, подготовиться к наступлению! Цель: опрокинуть прорвавшегося врага и пробиться к берегу. Восьмая рота прикрывает левый фланг.

Который раз приказано пробиваться к «берегу»!

С грохотом танки вышли на позицию. 8-я рота без своего командира — врач отправил его в госпиталь. Командование принял лейтенант Вальтер — учитель из Пирмазен.

Подготовка к атаке происходила на удобной местности, поросшей соснами. Отсюда хорошо была видна передовая позиция врага: справа деревня Одрие, слева Шуан. В полутора километрах равнина, поросшая соснами, переходила в густой лесок. Для прохода оставалось всего от 200 до 300 метров. И через него предстояло пройти отделению.

— Танки вперед!

Танк № 801 шел на левом фланге. Башня поставлена на 10 часов. Механик-водитель унтер-офицер Вестфаль смотрит на лесную просеку. «Хоть бы проскочить!»

Широким фронтом шло стальное соединение, по мрачной, не-вспаханной местности. Наконец-то нет заборов и живых изгородей.

— Жми сильнее!

Они минуют хорошо замаскированные, свежеврытые английские позиции. Англичане их бросили, завидев надвигающиеся танки. Первые взводы заехали в узкую просеку. Следующие за ними роты замедлили ход.

— Дружище, дружище!

И тут началось: массированный артиллерийский огонь. Первые залпы легли в середину батальона; задние танки подъехали слишком близко, и передние не могут сдать назад. На лесной просеке образовалась пробка. Командир батальона как раз достиг высоты 103, и здесь залаяла противотанковая пушка. Снаряд пробил башню. Замертво упал майор князь Шенбург-Вальденбург. Весь экипаж ранен, танкисты пытаются выбраться из машины.

Капитан Ритген принимает командование на себя. Он командовал батальоном до конца войны и в 60-е гг. в чине подполковника командовал учебным танковым полком бундесвера в Мюнстере.

Артиллерийский огонь мощным занавесом ложится перед просекой. Кто в него попадает, тому конец.

В танке № 801, которым обычно управляет капитан Рехе, теперь наводчик принял команду. Глядя в стереотрубу, он обнаружил у деревни Шуан стоящие танки.

— Поворот башни одиннадцать часов.

— Тысяча двести метров.

— Противотанковый снаряд.

— Огонь!

Попал.

Тотчас же на № 801 посыпались снаряды 20-мм пушки.

Черт возьми! Что там вылезает из сосняка? Оттуда видны вспышки выстрелов. К счастью, снаряды пробили только внешний балласт.

— Башня девять часов!

— Фугасный снаряд!

— Огонь!

И пулемет бьет по соснам, с английских позиций больше не стреляют.

Между тем новый командир батальона приказал отступить.

Машина № 801 берет под защиту отставшие, поврежденные танки, которые под обстрелом пытаются ремонтировать экипажи.

Когда опустилась ночь, 801-й отступил во фруктовый сад, в укрытие.

На той стороне догорает подбитый танк. С прорывом к берегу опять ничего не получилось.

— Разве там, наверху, не понимают, что здесь стоит сильный противник, которого не так-то просто спихнуть в воду? — в сердцах воскликнул командир экипажа.

Он высказал мысли всех.

Вечером 9 июня, когда стало ясно, что не следует и думать о «прорыве к берегу» с имеющимися силами отдельных дивизий, командир 1-го танкового корпуса СС обергруппенфюрер Йозеф «Зепп» Дитрих, которому была подчинена учебная танковая дивизия, приказал Байерляйну, находящемуся в Лингевре, подготовиться к обороне района Тийи. Линию Крестот—Тийи—Веррир—Лабель-Эпин в качестве главного рубежа нужно удержать во что бы то ни стало.

Приказ, несомненно, был правильный; стало ясно, что основной удар британцев направлен в район Тийи, после того как Монтгомери, несмотря на большие потери, не удалось фронтальным ударом захватить важный стратегический город Кан.

Монтгомери сделал вывод: если фронтальный удар не привел к цели, то нужно попробовать с флангов. Это означало, что необходимо из района Байо пробиться к Тийи, занять высоты Виллер-Бокаж и оттуда повернуть на Кан. Началась новая глава в битве. Тийи было ее название.

IV. Битва за Тийи

В засаде

Девятого июня учебную танковую дивизию бросили в оборонительный бой за Тийи, поставив перед этим современным боевым соединением, которое было подготовлено для маневренного танкового боя, неожиданные задачи. Поле боя — местность с живыми изгородями Бокажа, небольшими холмами, заросшими кустарником, яблоневыми садами и пастбищами. Для защиты — место подходящее. Высокие земляные валы с кустарником или рядами деревьев делили район на сотни маленьких прямоугольников. Они защищали и укрывали, но одновременно затрудняли наблюдение. Пехота могла хорошо укрыться в этих ячейках, но при этом между рядами защиты не было контакта. Все проблемы мог решить танк. Он и стал центром обороны. Боевое средство, по сути своей машина нападения, штурма и атаки, становится оружием защиты, такой бронированной противотанковой пушкой или бронированным пулеметом. Это повлекло за собой не только новый способ ведения боя и новый тип бойца, как это было во время сражений в котлах на Востоке, битвах под Москвой, на Дону, на Волге.

В Нормандии танк стал основной поддержкой пехоты. Пехотный взвод, рота, боевая группа формируются вокруг танка. Без танка невозможно захватить позицию, без танка невозможно ее удержать. Локальные контратаки ведутся исключительно танками.

Учебная танковая дивизия, которая, как предполагал Гудериан, одна должна была сбросить в море англоамериканцев, вынуждена была освоить новый способ сражения. Ее 750 бронированных и отлично вооруженных бронетранспортеров в 100 километрах от передовой линии поставлены на запасный путь. 750 бронирован-

ных транспортных средств! Держать танковые дивизии в застывшей обороне — это печальная военная глава. Вот типичный эпизод.

— Выехать на позицию!

Четыре танка с грохотом тронулись с места.

Приказ:

— Расположиться у этой дороги. Хорошо замаскироваться. Создать хорошую площадь обстрела. Соблюдать дистанцию!

— Постарайтесь попасть на позиции, прежде чем вас заметят и расстреляют истребители.

И пошло. В танке сидят пять человек. Пехотинцы гроздьями висят на башне. Танк начинает движение!

— Поворачивай направо, чтобы изгородь нас прикрывала.

Никто и не подозревает, что прогулка продлится 14 суток. 14 дней и ночей в укрытии. В районе Ла-Белль-Эпине.

Это очень серьезная игра в индейцев. Что только не придумывают танкисты, стоящие в засаде, чтобы обмануть летчиков-истребителей. Если их обнаружили — это конец: самолеты будут летать до тех пор, пока бомба или артиллерийский залп не прикончит танкистов.

С превосходством врага борется смекалка.

Командир танка, унтер-офицер Вестфаль, осматривает местность. Он ползает вдоль изгородей. Присматривается.

— Он что, хочет построить здесь дом? — усмехается радист ефрейтор Гоффман.

— Площадку под дом — это хорошо, — говорит Хеммерле, стрелок, — даже очень хорошо.

— Во всяком случае, лучше, чем могила, — добавляет Бретшнейдер, наводчик.

Вестфаль наконец нашел нужное место и приказывает:

— Произвести разведку справа и слева.

Один танкист идет направо, другой — налево. Они обнаруживают на хорошо замаскированных позициях танки. Танком слева командует унтер-офицер Шульц. Справа — унтер-офицер Пауш. Фланговым танком командует капитан Фельмер. Танки замаскированы в изгородях, садах и сеновалах. Пехотинцы лежат вокруг них в кустах, в овсяном поле, прикрытые ветвями деревьев.

Между танками довольно большие расстояния.

В случае нападения они должны остановить головные танки врага. Двумя километрами дальше находятся резервные танки.

Если заградительная линия будет прорвана, то они должны контраковать.

Танкисты заняты маскировкой: прутья и ветки тщательно вырезаются, а затем ими убирают танк, и он как бы исчезает. Снова и снова ходят наблюдатели и смотрят, хорошо ли сработана шапканевидимка. Иногда говорят, что еще видна часть башни или кусок гусеницы сверкает на солнце. И вот уже слышится:

— Все в порядке.

И гусеничные следы нужно ликвидировать — в противном случае летчики-истребители обнаружат танки. С большим трудом восстанавливаются примятые стебли и колосья.

Первые два дня прошли спокойно. Никто не жалуется на отсутствие воды для мытья и горячей пищи. Царит мирная атмосфера, смеясь, вылезают через люки днища и ползают под танком, когда нужно заменить сухие ветки маскировки или ночью просто подышать свежим воздухом.

Два члена экипажа постоянно сидят или стоят в танке и в бинокль осматривают местность.

— Какое расстояние до той ели там, позади?

Спорят, доказывают, соглашаются. А до того куста в изгороди? До конца овсяного поля?

Мысленно измеряют всю территорию. Определяют расстояние до окружающих предметов, и в случае чего не нужно будет долго высчитывать.

Уже пошло 14 часов третьих суток.

— Внимание, англичане!

Все встрепнулись словно от электрического удара. Механик-водитель, ефрейтор Росс, прильнул к биноклю:

— Расчет из десяти англичан с одним противотанковым орудием. Идут по лугу, занимают позицию.

— Теперь два солдата ташат ящики с боеприпасами.

— Осколочный снаряд, — спокойно приказывает командир. —

Четыреста метров.

— Огонь!

У противотанковой пушки разорвался 75-мм снаряд. Трое англичан бросились к яблоне, пытаясь укрыться под ее низко опущенными ветками.

— Башня одиннадцать часов.

— Осколочный снаряд.

— Четыреста двадцать метров.

- Огонь! — Крона дерева разлетелась на куски.
- Огонь! — Ствол яблони расщепляется.
- Огонь! — Осталась только куча веток.
- Прекратить огонь!

Танкисты вылезли через люки днища, приводят в порядок маскировку, лица у всех серьезные. Они знают: скоро начнется.

Через час появился британский самолет — артиллерийский корректировщик.

После этого началось.

Сначала пристрелка, так сказать «рабочие выстрелы», а затем стрельба всем подразделением. Ад. Но не так-то легко попасть в танк с большого расстояния. Овсяное поле перепахано. Живая изгородь превращается в мусор. Снаряды ложатся рядом с танками. Смерть стучится в дверь.

Перед рассветом огонь превращается в смерч. Защитные бронированные плиты по бокам танков превращены в решето.

— Дымовая завеса! — кричит Хеммерле.

Стало темно, в десяти метрах ничего не видно.

Сейчас они придут.

Они их не видят, но они знают.

— Огонь!

Четыре стальные крепости, часть главной линии борьбы перед Тийи, больше не маскируются. Сейчас нужно сражаться. Башни вращаются. Пушки плюются снарядами. Пулеметы строчат.

— Открыть люк. Смотреть в бинокль. Огненный вал пошел назад! — кричит Вестфаль.

Теперь жди пехоту.

— Огонь!

Содрогается земля. Летнее солнце Нормандии исчезло в тучах дыма и пара. Искусственный туман рассеялся, а где же враг? Он не идет.

Четыре расчета по пять танкистов и несколько десятков пехотинцев вздыхают с облегчением, а затем снова ползут в замаскированные укрытия.

На восьмую ночь командир экипажа с наводчиком поменялись местами, чтобы немного вздремнуть. Вестфаль прислонил голову к оптике и тотчас заснул.

— Подай-ка мне гильзу, — говорит заряжающий Россу. Затем открывает люк и выливает содержимое ночной военной вазы, попросту — горшка, на землю. В это самое мгновение снаружи раздалось: бум!

Они сжались. И снова: бум!

Это — танковые снаряды. Один снаряд взорвался рядом с танком.

— Запустить мотор. Задний ход. Полный назад! Быстрее.

Стоп. Они остановились под раскидистым дубом. Снаряды бьют по кроне. Падают ветви. Соседний танк стреляет один, два, три раза. Потом тишина. Режим радиомолчания исключает вопросы.

День 13-й ползет над позицией.

Тринадцать дней нет возможности вытянуться, нет воды. 13 дней танкисты прижаты друг к другу в стальном гробу. Только постоянная готовность к бою.

Командир в бинокль осматривает местность. Сейчас его взгляд остановился на маленьком изгибе.

Его вчера не было. И ветка выделяется. Он наводит резкость оптики до предела:

— Ты смотри — англичанин.

Только на мгновение можно было разглядеть каску за маскировочной веткой.

— Где один, там еще несколько.

Наводчик засек.

— Цель. Прицел установлен?

Карл Бретшнейдер кивает.

Осколочный снаряд. Выстрел.

— Недолет тридцать метров.

Тут и ствол противотанковой пушки англичан показался из-за изгороди. Сейчас кто кого.

Танк готовится к выстрелу.

— На десять метров левее, видишь дуло?

Англичанин выстрелил. Снаряд пролетел недалеко от башни! Теперь кто быстрее! В этот раз танк Вестфаля оказался проворнее. Утром следующего дня их заменили.

Кто не сидел 14 дней и 14 ночей в обороне в вонючем танке, тот не знает, какое это счастье только при мысли, что ты едешь на опорный пункт, где можно выкопать широкую яму, закатить на нее танк, затащить туда одеяла, завернуться в них и спать. Вдали гремит артиллерия, бомбардировщики воют. Ничего, нормально, пока не прозвучит:

— По местам, контратака!

Танки в перестрелке

В ночь на 10 июня оборона в районе Тийи была организована исключительно частями учебной танковой дивизии. Оборонительная линия была одновременно и «главной оборонительной линией». Она проходила от Кристота — вдоль дороги Кан—Байо через Тийи на север, включая замки Веррир и Берни, через Ла-Бель-Эпин и Тортеваль до Сент-Жермен-д'Актот и Анктовилля. Нужно было охранять и защищать линию протяженностью не менее 17 километров. Всего лишь одной дивизией!

Командный пункт дивизии располагался в крестьянском доме в Зерментоте. Угроза налета истребителей требовала серьезных мер защиты. Радиостанция была сооружена в нескольких километрах от КП, чтобы враг не мог запеленговать штаб. Ни одна машина не должна была приближаться к штабу ближе чем на 500 метров. Колеса от колес тщательно ликвидировались. Только так можно было уберечь командный пункт.

Еще на памяти у всех был страшный пример: 8 июня генерал фон Гайер по настоянию Роммеля был назначен командующим фронтовым участком восточнее Дива до Тийи, дабы создать ударную танковую группу. С тремя танковыми дивизиями (21-й, 12-й СС и учебной танковой) он должен был организовать прорыв к побережью. «Наконец-то», — сказали фронтовые командиры, но 9 июня его главный штаб в замке Ла-Кан, что в шести километрах северо-восточнее Тур-Харкурта, подвергся налету самолетов и в результате ковровой бомбардировки уничтожен. Радиопереговоры штаба были запеленгованы противником. Начальник штаба генерал Риттер унд Эдлер фон Даванс и двенадцать штабных офицеров погибли. К счастью, генерал фон Гайер и генерал Пемзель, начальник штаба 7-й армии и командир корпуса бундесвера в 60-е гг., чудом остались живы. Запланированное наступление было отсрочено. Штаб был восстановлен и смог приступить к работе лишь к концу июня.

Местность у Тийи плохо приспособлена для пехоты. Мотопехотинцы 1-й и 2-й рот 1-го батальона 902-го полка, например, вышли на позицию на возвышенности. Лейтенант Бомбах вместе с командиром батальона незадолго до рассвета осматривали позицию: она была неподходящая. Почва каменистая, и гренадеры не могли окопаться и лежали в мелких, с трудом выдолбленных ямках, положив несколько камней у головы.

Около 5 часов начался артиллерийский обстрел. 45 минут длился огненный шквал. Беззащитные солдаты лежали под градом осколков. Не все могли это выдержать. Некоторые вскакивали и бежали назад, увлекая за собой других. Позиция была под угрозой сдачи. Обер-лейтенант Риттер переломил ситуацию, он собрал вокруг себя бойцов и повел их вперед. К счастью, за огненным шквалом атаки не последовало.

К полудню около крестьянского дома, в котором был штаб батальона, появились пять танков. Они были похожи на немецкие «Пантеры», но вот один встал, поднялась крышка люка. Командир посмотрел на тактический знак, говоривший о том, что на подворье размещен штаб батальона. Ствол танка направился на него: бум!

Союзники! Казалось, гибель неминуема, но в последнюю минуту пришла помощь.

Лейтенант Вернер со своей истребительно-противотанковой ротой стоял невдалеке от крестьянского дома. Он получил несколько дней назад самоходные артиллерийские установки и сейчас производил генеральную проверку. За 15 минут он расстрелял из засады три английских танка из пяти. Два танка крепко засели. Экипажи, покинув машины, напрасно пытались отступить, отстреливаясь из пистолетов и автоматов.

В конце концов англичане подняли руки. На аккуратном школьном немецком языке один из лейтенантов, раненный в лицо, обратился к Бомбаху:

— Я сдаюсь!

В то время когда лейтенант Вернер расстреливал танки шотландского полка, генерал Байерляйн обнаружил севернее Тийи британскую танковую группу, которая стояла на бивуаке, словно в мирное время.

— Хартдеген, позовите сюда кого-нибудь.

Офицер по особым поручениям мобилизовал четыре «Пантеры», две 88-мм пушки, старое чудо-оружие, которое еще в Африке способствовало многим победам. Байерляйн почувствовал себя в своей стихии. Он выстроил свои замаскированные вооруженные силы в удобной позиции, скомандовал:

— Огонь!

Британская танковая группа превратилась в муравейник. Танки бились друг о друга, а «Пантеры» били из своих скорострельных пушек, и стреляли 88-мм пушки.

Но англичане пришли в себя и открыли по Байерляйну мощный артиллерийский огонь. Снарядами большего калибра, причем из корабельных пушек.

Танкам «Пантера» и 88-мм пушкам нужно было срочно уходить.

Так было всегда: смекалка, отвага и даже самопожертвование всегда отступали перед сверхсилой.

Вечером на командный пункт Байерляйна прибыл пропавший накануне подполковник Цейзлер, командир дивизиона артиллерийского полка. Его и полковника Люксенбургера вместе с унтер-офицерами и солдатами во время командирской разведки 8 июня взяло в плен канадское танковое подразделение.

Канадские танкисты из полка «Inns of Court» вели себя свирепо, но, как известно, жестокость и фанатизм боев приводят к промахам с той и другой стороны, и доказательством тому этот случай. Во время избиения немецких пленных Цейзлеру удалось спрятаться в кустарнике и затем пробиться к немецким позициям. Все, о чем он рассказывал, к сожалению, подтвердилось.

Однорукого полковника Люксенбургера, тяжело раненного, нашли привязанным к башне танка. Спустя три дня он умер в немецком полевом лазарете.

«Вишня» — «Лимону»: Приходи немедленно!

Давно ожидаемое наступление англичан началось 11 июня мощным танковым наступлением на Тийи. Капитан Филиппс, в настоящее время священник в Гладбеке, частями 901-го мотопехотного полка отбил атаку англичан. Вторая атака была нацелена на линию Веррир—Лингевр. Веррир был потерян. Английские разведчики уже выехали из большого лесного массива севернее города на проселочную дорогу и стали просачиваться через луга, поля и яблоневые сады.

Резервы учебной танковой дивизии были введены для контратаки. Стальные колоссы — «Пантеры» и «Тигры» — с грохотом продвигались по улочкам Лингевра. Поворачивали у разбитой церкви на дорогу, съезжали на полевую дорогу и мчались к лесу, который находился в 300 метрах.

— Готовность к бою.

— Закрывать люки!

Теперь через щелочку «киноглаза» видна была только небольшая часть изгородей, ям, лугов и опушки леса.

— Оружие в боеготовности и заряжено! — доложил заряжающий по бортовому радио. Пулемет и 75-мм пушка были в боевой готовности для настильной стрельбы.

Лейтенант Тео был командиром взвода 6-й роты и командиром третьего танка, позывной «Лимон». Перед ним шли три танка роты кильватерной колонной по узкой проселочной дороге. Повернули налево. Поехали вдоль опушки леса, мимо зарослей высотой с человеческий рост и диких яблонь. Лейтенант Тео в хвосте. Три передних танка поехали через открытый луг в лес. И в этот момент началось.

— Внимание! Вражеские танки!

— Башня одиннадцать часов.

— Огонь, — услышал лейтенант Тео.

Это был приказ командиров передних танков. Тео выехал на луг и увидел: на лесной дороге стоял дымящийся танк «Кромвель», которого подбил танк «Вишня». Быстро поднимающееся дымовое облако свидетельствовало о том, что другие «Кромвели» — новые быстрые и верткие английские танки — под покровом дымовой завесы отступают. Вдруг справа из зарослей выскочил «Шерман», но тут же юркнул обратно. Тео выстрелил. По его танку ударили слева. Выстрелил в танк за изгородью. Попал.

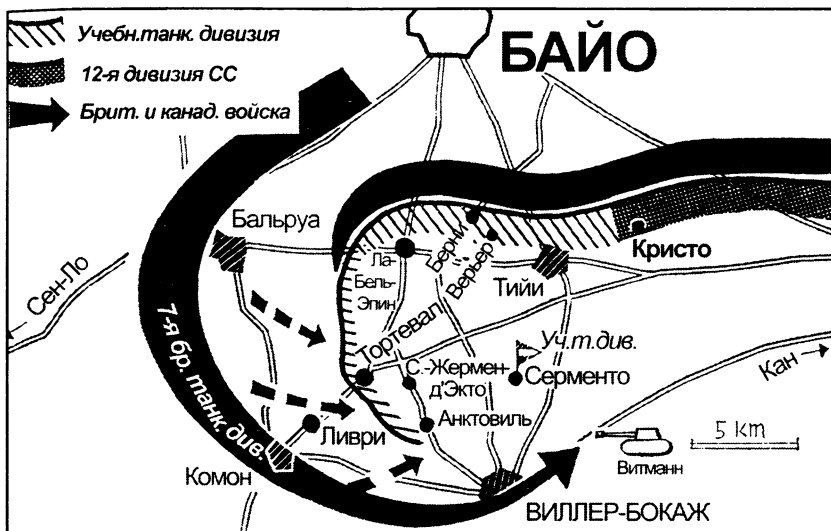
«Пантеры» и «Тигры» преследовали врагов в лесных зарослях, но сопротивление англичан становилось сильнее. Они вводили в бой резервные танки и противотанковые пушки.

Бой длился целый день, и в какой-то момент показалось, что британцы отстали.

Танк «Лимон» лейтенанта Тео встал на отдых в одном из крестьянских подворий. Унтер-офицер Мартенс обнаружил на кухне огромную сковородку с яичницей из 15 яиц. И тут начался артиллерийский обстрел деревни. И в тот же миг по радиации «Лимона» раздался сигнал о помощи.

— «Вишня» — «Лимону». Окружены вражеской пехотой. Сами двинуться не можем. «Лимон» на помощь! «Лимон» на помощь!

Крестьянский завтрак полетел в ящик. Одежда, хлебные мешки — в танк. Запустили мотор, выехали из укрытия, на ходу определяя координаты.



Обстановка 13 июня. Монтгомери с помощью 7-й танковой дивизии охватил немецкую учебную танковую дивизию и нанес удар через Виллер-Бокаж. Здесь в бой вступает гауптштурмфюрер Витманн с ротой «Тигров» и разбивает британский авангард

У полевой дороги обнаружили танк «Вишню», а вокруг него — англичане. Пулеметная очередь из «Лимона», еще одна. Англичане рванули в лес, откуда начали стрелять из противотанковых орудий. Несмотря на это, солдаты Тео вылезли из танка. Под огнем они прикрепили к «Вишне» стальной трос. В это время из деревни подошел второй танк взвода и принял огонь на себя. В него попал снаряд, но он продолжал стрельбу.

Трос прицепили.

Пошел!

Медленно.

Трос лопнул!

Со стороны леса интенсивно стрелял противник. И все время в изгородь.

— Почему они не берут выше? — шептал радист потерпевшего аварию танка, перетаскивая вместе с Тео через изгородь стальные троса.

— Пошел! — Тео шел перед танком по узкой проселочной дороге через противотанковые заграждения у въезда в деревню.

Бой за Лингевр становился все ожесточеннее. Англичане впервые тогда применили снаряды, начиненные фосфором, помимо

взрывного эффекта они метровым выбросом пламени вызывали страшные ожоги.

В контратаке танк «Вишню» доби́ли. И «Лимон» получил повреждение. Два других танка роты были подожжены фосфорными снарядами. Экипажи выбрались, катались в грязи, чтобы сбить пламя с одежды. Под разрывами артиллерийских снарядов раненых погрузили на последний, еще пока целый танк, здесь уже сидели раненые гренадеры и танкисты. У большинства были сильные ожоги. Они кричали от боли возле раскаленных выхлопных труб танка. Их крики прекратились лишь тогда, когда на главном перевязочном пункте им сделали успокаивающий укол.

Когда генерал Байерляйн 12 июня прибыл на фланговый командный пункт в Сент-Жермен-д'Экто, то командир роты сопровождения штаба дивизии обер-лейтенант Тис подвел к нему трех пленных. Байерляйн был очень удивлен, когда выяснилось, что англичане служат в 7-й британской бронетанковой дивизии. На рукавах у них был изображен красный зверек, этот же знак был нарисован и на трофейной машине. Знак, который Байерляйн так хорошо знал по африканским боям. Итак, выносливые, хитрые бойцы, «Крысы» Монтгомери были здесь в Нормандии. Не хватает лишь 51-й дивизии «Хайлендеров» — горных шотландцев, элитных частей Монти. А высшее командование все еще сомневается в том, что на Нормандию направлен главный удар союзников!

Байерляйн взял пленных к себе в вездеход «Кюбель-Фольксваген», с тем чтобы отвезти в свой штаб, где их будут допрашивать. Вдруг он услышал, как на заднем сиденье рассмеялся его офицер для поручений.

— Что вас так рассмешило, Хартдеген?

— Господин генерал, вы знаете, кто это? — Тот указал на англичанина с лошадиным лицом и ухмыльнулся.

— Откуда мне знать? — пробурчал Байерляйн.

— Это, — с пафосом произнес Хартдеген, — шеф могильщиков лондонского Южного кладбища Кензал-Грин.

— Сожалею, — сказал генерал. — У нас есть более неотложные дела. Я бы с ним охотно побеседовал.

«Побеседовали» штабные офицеры. Могильщик был разговорчив. Выяснилось, что «Крысы» глубоко вклинились в левый фланг учебной танковой дивизии и продвигаются по все еще не занятому коридору между американским и английским плацдармами.

— Если это правда, — сказал начальник штаба, — то наши дела чертовски плохи. Если «Крысы» ударят нам в спину, то могут сломать фронт.

Уже на следующий день, 13 июня, эти предположения подтвердились. В то время как Монтгомери танками 50-й дивизии все еще атаковал Тилли и Лингевр и сковывал танковые резервы Байерляйна, одна штурмовая группа 7-й танковой дивизии незаметно проскочила мимо фланга Байерляйна в сторону Виллер-Бокажа.

Наступление британских танков заметил оберштурмфюрер Михель Виттман, он находился в танке «Тигр» из 2-й роты 501-го тяжелого танкового батальона. Виттман был командиром роты и опытным танкистом. На русском фронте он подбил 119 танков. Его наградили Рыцарским крестом с Дубовыми листьями.

Сильное подразделение «Тигров» было переброшено 7 июня из района Бове через Париж на линию вторжения. 2-я рота утром 8 июня попала у Версаля под сильную бомбардировку. С тех пор они передвигались только ночью и прибыли в район Виллер-Бокаж лишь 12 июня. Утром 13 июня нужно было провести техосмотр: устранить повреждения от бомбовых ударов, привести в порядок ходовую часть, которая очень пострадала на марше.

Оберштурмфюрер Виттман все же поехал со своим старым наводчиком, обершарфюрером Воллем, на осмотр территории. Когда он выехал из лесочка, то на противоположной стороне дороги по направлению к высоте 213, севернее Виллер-Бокажа, увидел движение вражеских танков. Виттман осторожно прижался к опушке леса. Стал наблюдать и считать. Это не был разведотряд, это была штурмовая группа, и она двигалась в тыл учебной танковой дивизии.

Но что мог сделать один-единственный танк «Тигр», что могли сделать еще четыре танка роты, которые Виттман послал в бой после длительного марша и тяжелой бомбардировки?

Михель Виттман был решительным человеком. Не нужно считать, нужно действовать.

Один «Тигр» против целой бригады

Британская танковая колонна следует через Виллер-Бокаж. Это то, чего Виттман еще не знает: головной отряд 7-й британской танковой дивизии, а именно 22-я танковая бригада и части 1-й стрелко-

вой бригады. Здесь и знаменитый 8-й гусарский полк, 1-й танковый полк и 5-й артиллерийский дивизион. Виттман видит в бинокль, что в Виллер-Бокаже англичанам никто больше не оказывает сопротивления. Резервные части, располагавшиеся в городке, были разбиты еще вчера.

Британцы едут по главной дороге к высоте 213, в сторону Кан. Погода пасмурная, истребители и разведчики не летают, несмотря на это, англичане удивительно беззаботны. Пехотная моторизованная рота остановилась у дороги на привал. Это рота «А» 1-й стрелковой бригады.

— Они думают, что войну уже выиграли, — ворчит наводчик Виттмана. Obersturmführer кивает:

— Они ошибаются. — Он спокойно отдает приказ. И как гром среди ясного неба 88-мм пушка «Тигра» начинает грохотать.

Первый британский танк, до него всего 80 метров, сразу же загорелся. Как чудовище «Тигр» вываливается из леса и бросается к дороге. На полной скорости он устремляется к колонне.

Останавливается. Стреляет. Едет.

Останавливается. Стреляет. Едет.

Виттман мчится вдоль танковой бригады англичан и расстреливает их танки.

Танки, грузовики, бронетранспортеры англичан — в пробке, так как дорогу заграждают горящие и разбитые танки. А в конце колонны стоят прижатые друг к другу вездеходы, и Виттман расстреливает их из пушки и пулемета.

Все полугусеничные машины, дюжина танков штаба полка и разведроты превращены в металлолом. Один танк «Кромвель» разворачивает башню. 75-мм снаряд бьет по танку Виттмана и попадает в бронированную переборку, но не наносит вреда. 88-мм пушка «Тигра» разбивает «Кромвель».

Теперь слышны выстрелы на высоте 213. Это оставшиеся позади танки Виттмана расстреливают разведтанки прикрытия 8-го гусарского полка.

Между тем бой 1-й роты «Тигров» вызвал тревогу. Гауптштурмфюрер Мебиус с восемью танками помчался на подмогу. Вместе с танками Виттмана он врывается в городок Виллер-Бокаж и уничтожает оставшиеся танки «Кромвель». Напрасно майор Френч со своим дивизионом противотанковых пушек пытается противостоять. Одна из его пушек стреляет из тесной боковой улочки. «Тигр» поворачивает на эту улочку, таранит угловой домик, он заваливается. Обломки хоронят пушку. «Тигр» стряхивает с себя камни и балки и

задним ходом выходит на большую дорогу. Только одна из пушек майора Френча выстрелила удачно. От удара снаряда на танке Витмана разлетелась гусеница, громадина не может двигаться. Витман приказывает:

— Высаживаться! — Во главе своего экипажа он пробивается к своей роте.

Танки Мебиуса сражаются с британской пехотой в городе. Бой идет в узких улочках. Англичане воюют самоотверженно. Из погребов, из дверных проемов они стреляют из противотанковых гранатометов — оружие, подобное немецким фаустпатронам. «Тигры» унтерштурмфюрера Штамма и оберштурмфюрера Эрнста Крига от прямого попадания догорают. Экипажи выбраться не смогли. Остальные «Тигры» яростно мечутся по улицам.

Это сражение в Виллер-Бокаже 13 июня — один из самых авантюрных боев вторжения: дюжина «Тигров» против целой бригады, против элиты знаменитых «Крыс» Монтгомери. В военной истории англичан эта битва отмечается как «Сражение за Виллер-Бокаж», и британские хроникеры рекламируют 7 расстрелянных танков «Тигр». Они, очевидно, приняли несколько подбитых старых танков «IV», брошенных в Виллер-Бокаже, за «Тигры». Это вполне понятно, так как во время поражений и отступлений считают неправильно и сообщают неверные сведения.

Число потерь «больше — меньше» не так уж и важно. Во всяком случае, бронированный удар Монтгомери в спину фронта в Тийи был остановлен «Тиграми» Михеля Витмана. Дюжина «Тигров» выиграла сражение.

Англичане еще находились в шоке после нападения танков, когда ранним утром немецкая пехота начала атаковать Виллер-Бокаж со всех сторон.

Это были передовые части находящейся на марше 2-й танковой дивизии генерала фон Люттвитца, которая была брошена для усиления учебной танковой дивизии в район между британским и американским секторами фронтов вторжения. Мотопехотинцы Люттвитца вторглись в город с юга. С севера ударила группа учебной танковой дивизии с двумя 88-мм пушками и тремя полевыми орудиями.

Подполковник Кауфман, энергичный начальник штаба Байерляйна, почувствовал опасность британского флангового удара, собрал все бывшие под рукой части и лично повел их в атаку против британцев.

Уличные бои в Виллер-Бокаже продолжались до вечера 13 июня. Англичане, покинув поле боя и остатки разбитых частей, отошли в Ливри. Много машин уже невозможно было вытащить. Весь штаб и рота «А» с 27 танками и все машины на гусеничном и колесном ходу были разбиты. Бригадный генерал, 15 офицеров и 176 солдат погибли. 1-я стрелковая бригада на поле боя оставила 4 офицера и 60 солдат.

Но план Монтгомери не ограничивался атакой 7-й бронетанковой дивизии. Фланговый удар по Кану был связан с фронтальной атакой на Тийи. Он должен был сковать силы дивизии Байерляйна и отвлечь от обходного маневра 7-й бронетанковой дивизии, а она должна была нанести удар в спину учебной танковой дивизии и вызвать крушение немецкого фронта. После того как предприятие у Виллер-Бокажа провалилось, Монтгомери должен был прорываться с боем.

После сильного артиллерийского обстрела и авиационной бомбардировки 15 июня 50-я британская дивизия, усиленная новыми танковыми частями, перешла в большое наступление.

Главный удар пришлось отражать капитану Филиппсу, защитнику Тийи. Он отразил все атаки на город частями 901-го мотопехотного полка. Дело доходило до ожесточенных поединков. Фаустпатроны, новое оружие гренадеров, пулеметы, ручные гранаты определили судьбу боя. Тийи держался, но Лингевр был потерян.

Ла-Белл-Эпин, который яростно оборонялся танковым разведбатальоном майора фон Фаллойса, был сдан на следующий день. Битва затихла. Бойцы учебной танковой дивизии с правого фланга слышали сильный шум боя. В районе Путот-Бро, где стояла 12-я танковая дивизия СС, также наступали англичане. Здесь дралась 49-я британская дивизия.

16 июня британцы широким фронтом ударили по шоссе Тийи—Бальруа. Сильные части заняли Хоттот на шоссе Кан—Комон. Становилось опасно.

Генерал Байерляйн как раз находился на командном пункте 902-го полка, на участке которого был вражеский прорыв, майор Марковски командовал 1-м батальоном учебного танкового полка.

— Марковски должен вернуть Хоттот, — приказал Байерляйн. Майор поднял батальон по тревоге:

— Приготовиться к контратаке!

После короткой артподготовки 15 «Пантер» с гренадерами на броне пошли в контрнаступление во главе с Марковски. Гневно режут длинноствольные танки. Тарахтят пулеметы. Тявкают противотанковые пушки. К вечеру Марковски одолел англичан и вернул Хоттот. Сам он был тяжело ранен. Большие потери имелись и среди гренадеров.

Наступили сумерки. Как призраки стояли на закате солнца 16 июня руины Тийи. 50-я и 49-я дивизии англичан, не останавливаясь, штурмуют фланги фронта.

«Фау-1» проносится над фронтом

В то же самое время, когда англичане захватывают Тийи и Крестот, немцы дотягиваются до Лондона.

В метрополии Великобритании начинается столпотворение.

Беспрерывно воют сирены воздушной тревоги. Таинственные беспилотные летательные аппараты со скоростью 600 километров в час вылетают из района Кале—Дюнкерк и взрываются в городе или в его пригородах.

«Фау-1» существует.

Век ракет начинается.

Незадолго до полуночи с 15 на 16 июня Гитлер спустил с цепи своего адского пса. Эти ревушие чудовища имели длину 7 метров 33 сантиметра, с двумя крыльями размахом в 4,9 метра; простые и приземистые аппараты, начиненные 1000 килограммов взрывчатки. В первый раз англичане пережили в своей столице артиллерийский налет с материка.

Нападение не было для них неожиданностью. Британская разведка была очень хорошо информирована о немецких работах над ракетой дальнего действия «Фау-1». 17 августа 1943 г. англичане нанесли мощный удар, 597 бомбардировщиков бомбили центр производства «Фау-1», Пенемюнде. Последствия были ужасными. 735 убитых, среди них ведущие специалисты, лежали на разрушенной территории завода после отлета бомбардировщиков.

Производство было перенесено в Гарц, частично в подземные, недоступные для бомбардировок заводы. Но разведка Черчилля (Secret Service) получала информацию и оттуда и была в курсе немецких планов.

В декабре 1943 г. должен был состояться запуск «Фау-1», но британская разведка выследила стартовые площадки и разбила 35 из них, сбросив 3000 тонн бомбового груза. Следующая дата запуска была назначена немцами на 15 февраля 1944 г. И снова стартовые площадки были разбиты бомбовыми ударами. Наконец генерал-лейтенант Эрнст Хейнеман установил дату нападения «Фау-1» в ночь с 12 на 13 июня. Полковник Вахтель, командир 135-го зенитного полка, которому предстоял запуск «Фау-1», сомневался в успехе. Он хотел провести еще пару испытаний систем управления полетом, но Хейнеман настаивал на своем. Можно ли говорить о строжайшей секретности, если вспомнить, что за сутки до запланированного пуска, 11 июня, в Лондоне об этом уже знали. Утром 12 июня заместитель начальника британской авиаразведки предупредил все штабы Королевских Воздушных Сил, что предстоит применение «Фау-1».

Между тем стартовые расчеты полковника Вахтеля лихорадочно работали. Без 20 минут в полночь должен был произойти запуск, но его вынуждены были отложить на 3 часа 30 минут. Около 4 часов прогремели старты первых 10 ракет «Фау-1». Но их преследовала неудача. Пять из них взорвались сразу же после старта. Остальные пролив перелетели.

Генерал Хейнеман остановил запуски и перенес нападение на ночь с 15 на 16 июня. На этот раз все получилось. С 55 стартовых площадок устремились ревушие чудовища. До рассвета в районе британского южного побережья взорвалось 73 ракеты «Фау-1». Когда британский министр внутренних дел доложил в палату общин о нападении «коварных роботов», лица депутатов сделались мрачными и озабоченными. Немецкое командование все свои надежды связало с «оружием возмездия 1», которое в конструкторских документах проходит как Fi-103, или «вишневое зернышко».

Бесперывными бомбардировками британской столицы Гитлер хотел сломить боевой дух англичан. Он верил, что сможет вынудить британское руководство к капитуляции. Поэтому он не захотел применить «Фау» в середине июня для поражения британского флота вторжения перед побережьем Нормандии или против портов погрузки на южных берегах Англии.

Там новое оружие имело бы военное значение, могло бы помешать снабжению союзников и вообще его уничтожить. Можно было хотя бы заставить военные корабли отойти и тем самым ис-

ключить убийственный огонь корабельной артиллерии из 640 стволов по немецким опорным пунктам на побережье. Стрельба этими ракетами по плацдармам потрепала бы фронт союзников, по крайней мере психологически. Чувствительность войск союзников к артиллерии и бомбам была очевидна. Но нет — нужно было запугать Лондон!

Это был роковая иллюзия, которой предался Гитлер. Подтверждением немецкого бездействия в отношении вражеского флота перед побережьем высадки служит обстрел британской корабельной артиллерией — именно 16 июня, в день старта «Фау-1», — командного пункта 12-й танковой дивизии СС, в 27 километрах юго-западнее Кана.

Ганс Матыска, водитель при штабе командира дивизии, как раз пригнал отремонтированную штабную машину бригадефюрера СС Фридриха Витта во двор замка, в тот момент когда самолет-корректировщик артиллерии на большой высоте кружил над командным пунктом.

— Послушай, мне это совсем не нравится, — сказал комендант Матыске. Оба взяли свои столовые приборы и пошли на полевую кухню, чтобы побыстрее пообедать. Осторожность — прежде всего! Но радиоаппарат английского артиллерийского наблюдателя был быстрее. Как гроза, пронесся первый снаряд тяжелой корабельной артиллерии. Снаряд разорвался в 200 метрах за замком. Поднялась стена огня и грязи высотой с дом. Тишина. Последовал второй залп. Фронтон замка с треском развалился. Офицеры и солдаты спотыкаясь выскочили и прыгнули в окоп, который проходил наискось через двор замка. Командир дивизии, бригадефюрер СС Витт, стоял у окопа. Он еще раз осмотрел двор, чтобы убедиться, не лежит ли кто из его людей раненый, увидел Матыску, прижавшегося к стене дома, закричал:

— Матыска, в окоп! — Матыска побежал, как спринтер. Приближался третий снаряд. Матыска споткнулся и упал плашмя в окоп. Витт последовал за ним. Все погрузилось в грохот, огонь и дым.

Когда Матыска выкарабкался из завала, он увидел убитого командира. Нельзя описать то, что наделал взрыв 406-мм снаряда. Матыска шагал по мертвым телам. Сделал несколько шагов и потерял сознание.

Этот несчастный случай показывает, какую коварную угрозу для фронта и штабов представляла тяжелая корабельная артиллерия со-

юзников. Но Гитлер так и не смог решиться на применение «Фау-1» против флота. Он продолжал отдавать предпочтение политическому влиянию, нежели решать назревшие военные вопросы.

Естественно, обстрел Лондона ракетами «Фау-1» действовал на нервы его жителей. В 84-й корпус попадали трофейные письма, которые давали богатую информацию о жизни на той стороне. Одна продавщица универсама писала своему возлюбленному о том, что происходило в первые дни. «Почти бесшумно, — писала она, — подобно небольшим самолетам, подлетают они. Взрываются то там, то здесь — по всему городу и вырывают большие воронки. Дома разваливаются. Просто ужасно». Из этого письма видно, что люди начинают испытывать страх. Из многих районов английской столицы жители эвакуируются. Одна женщина сообщила свой новый адрес: городок Тайн у границы с Шотландией. Ответственность требовала захвата территорий, с которых производятся обстрелы. Критические замечания посыпались в адрес английских войск. Спокойные англичане ругаются очень темпераментно.

Но Гитлер не замечал, что количество применяемых «Фау-1» — с учетом малой точности попадания в отдельные важные цели — было явно недостаточным, чтобы заставить жесткое политическое руководство Англии сесть за стол переговоров. Еще 17 июня, когда он в первый и последний раз посетил фронт вторжения, он верил в то, что бомбардировка Лондона ракетами «Фау-1» окажет влияние на исход войны. Он снова отклонил бомбардировку южных английских портов этими ракетами. Непостижимо: Роммель предупреждал, Рундштедт призывал, но Гитлер смотрел на создавшееся положение оптимистично. «Нам нужно сохранять выдержку», — поучал он. Положение на Восточном фронте он считал не вызывающим особых опасений. «На Востоке сдерживать, на Западе бить, — был девиз Гитлера. — Если мы отразим вторжение, то Англия под давлением «Фау-1» пойдет на мир».

Когда Гитлер пытался ободрить своих фельдмаршалов этим девизом, в России партизанские отряды начали летнее наступление в центре Восточного фронта взрывами дорог, мостов, железнодорожных путей, складов с боеприпасами. Русские войска предприняли наступление по обе стороны шоссе Смоленск—Минск на немецкую группу армий «Центр» и через четыре дня добились победы.

Где же наши летчики?

Рано утром 18 июня солдаты на фронте у города Тийи были подняты шквальным артиллерийским огнем. Земля дрожала. Затем появились две британские дивизии 8-го британского корпуса, усиленные новой, только что высадившейся танковой бригадой. Под защитой огненного шквала корабельной артиллерии и авиации англичане начали наступление. У руин города Тийи первая атака захлебнулась. Целый день шел бой за разбитый город. К вечеру руины были потеряны немцами. Город Крестот тоже был взят, но прорыва еще не было. Проходящая через руины этих городов главная передовая линия еще держится.

Повторяются кровавые рукопашные бои за каждый метр земли. Повторяются артиллерийские обстрелы и бомбардировки истребителей. Увеличиваются потери. Можно предвидеть день уничтожения учебной танковой и 12-й танковой дивизий СС. Бесперывный артиллерийский огонь и повторяющиеся воздушные налеты будут их медленно, но верно истреблять. Когда штурмовики низко пролетают над позициями, а эскадрильи бомбардировщиков спокойно бомбят, солдаты начинают ругаться или стонать и со страхом говорить:

— Где же наши летчики, где же проклятое Люфтваффе Германия?

Еще сегодня у солдат — участников боев за Нормандию просыпается старая злоба, когда они вспоминают те дни. Они чувствовали себя покинутыми на произвол судьбы немецкими военно-воздушными силами, они чувствовали себя преданными. Было настоящей редкостью увидеть над полем боя немецкий истребитель или штурмовик.

Но на чем же было летать немецким летчикам? Вот пример, который все прояснит: мы читаем — в оригинале — секретный материал о боях вторжения, который был вручен начальнику генерального штаба Люфтваффе:

«Вторая эскадра истребителей, 30 самолетов готовы к вылету. Были боевые дни, когда из всей эскадры только 8 самолетов были готовы к вылету, хотя большую часть самолетов, не пригодных к вылету, можно было бы отремонтировать в течение 48 часов, если бы были необходимые запасные части. Но они были изъяты у эскадры Западной Франции и переданы запасным эскадрам истребителей в Германии».

Читаем дальше: «Командующий 3-м воздушным флотом, фельд-маршал авиации Хуго Шперрле докладывает: планомерная бомбардировка наземных служб, в особенности всех стоянок истребителей.

Начальник штаба 3-го воздушного флота докладывает: полностью разрушены кабельные средства коммуникаций.

Начальник штаба 3-го воздушного флота докладывает: вражеские налеты 4-моторных бомбардировщиков для коврового бомбометания совершаются сначала только днем, а сейчас и ночью, в первую очередь по транспортным средствам. Соотношения воздушных сил в общем 1:20. Во время крупных боев — приблизительно 1:40.

Второй истребительный авиационный корпус докладывает: применение истребителей — только при особых обстоятельствах. Разведка и применение истребителей в районе вторжения — полностью отпадают. 30 аэродромов построено и эксплуатируются на англо-американском плацдарме».

Эта была капитуляция в воздухе. Немецкое Люфтваффе на Западе: разбитый инструмент. Здесь корень немецкого поражения на фронте вторжения. Можно ли оправдать и снять ответственность с немецкого руководства ВВС?

Перед нами лежит другой отчет руководства военно-воздушных сил, составленный по важным военным дневникам, докладным запискам и статьям. Там в основном говорится об упущенной возможности широкомасштабной постановки в водах Ла-Манша авиационных мин.

«Как показал опыт двух мировых войн, частые минные заграждения в открытом море ограничивают и вгоняют в определенные рамки операции военно-морских сил и движение пароходов. Во Второй мировой войне заграждения воздушными минами портов и бухт еще сильнее затрудняло использование больших территорий. Поэтому с полным правом можно утверждать, что стратегические, полномасштабные и тактически частые постановки воздушных мин создали бы для высаживающегося противника серьезное препятствие. Как раз наши слабые военно-воздушные силы могли бы оказать таким способом нашей обороне в момент высадки существенную помощь. Минные заграждения были бы стратегическим мероприятием. Минные поля можно было бы расставить там, где ожидали бы противника или береговые укрепления были бы слабыми и количество войск недостаточно. Ча-

стые минные заграждения оказали бы существенное влияние на движение транспорта и военных кораблей. Меткая стрельба линкоров союзников не смогла бы так существенно повлиять на немецкие наземные войска в битвах за Кан, и легче было бы организовать подготовку к контратаке...»

В заключение в отчете указывается, что разминирование плотного минного заграждения флотом союзников было бы связано с большими затратами и было бы важным доказательством того, где следует ожидать высадку.

Немецкое руководство военно-воздушных сил такую задачу не ставило.

V. Битва за Шербур

«План Генрих»

Старый свинарник, в котором майор Фридрих Вильгельм Кюпперс, командир артиллерийской группы Монтебур, разместил свой командный пункт, хорошо замаскирован. В боевом журнале сделана запись от 19 июня. Кюпперс сидит в своей палатке, на коленях у него доска с картой и план стрельбы.

Американцы выступили четырьмя дивизиями для того, чтобы со своего плацдарма «Юта» осуществить прорыв на север и на запад. Кюпперс поднял голову, когда полог его штабной палатки отодвинулся в сторону. У входа стоит бледный от бессонной ночи, измазанный кровью и грязью обер-лейтенант Штааке из 5-й батареи 1262-го войскового берегового артиллерийского полка. Он прибыл из опорного пункта «В» высоты 117. Кюпперс почувствовал недоброе.

— Что случилось, Штааке, дружище, как вы выглядите?

Обер-лейтенант Штааке четко рапортует, несмотря на свое ранение:

— Вражеская танковая атака у железнодорожного переезда захлебнулась под нашим артиллерийским огнем, но обходным путем штурмовая группа неожиданно достигла лесочка у Монтебура. Танковые части прорвались с двух сторон от городского центра. Следовавшая за танковыми частями пехота ввязалась в тяжелые бои с гренадерами из боевой группы Берга, защищающей городской центр, и частями боевой группы Хоффмана. Положение тяжелое. — И добавляет: — Если нам повезет, то мы прорыв блокируем, если нет, то мы окажемся в мышеловке. Тогда нам нужно отсюда убираться, господин майор, иначе нас американцы прихлопнут.

Майор Кюпперс взглянул на своего обер-лейтенанта.

«Он прав», — подумал он. Но Киневиль — Монтебур — высота Гистер, это последние ключевые позиции перед Шербуром, у которого нет настоящего сухопутного фронта, и если этот запор сломается, то положение Шербура станет безнадежным. Поэтому в каждом приказе вот уже несколько дней подряд говорится: «Если падет Монтебур, то дорога на Шербур будет свободной. Монтебур нужно удержать».

Кюпперсу вспоминаются последние восемь дней.

12 июня он принял на себя командование вновь сформированной артиллерийской группой, которая была составлена из пяти батарей различных артиллерийских дивизионов, всего 19 орудий, из них четыре 122-мм, два 105-мм и одно самоходное 150-мм и вместе с зенитной группой под командой Кёнига и с батареей майора Расснерса 100-го полка реактивных шестиствольных минометов была значительной огневой силой. Она должна была укрепить тылы 919-го гренадерского полка, который дрался с 6 июня и был оттеснен к городской черте Монтебура, и боевых групп Хоффмана и Мюллера из 243-й пехотной дивизии.

Таким образом, битва за Шербур уже началась: ибо военный порт или крепость должны защищаться на подступах. Этому учит опыт современных операций по высадке от Северной Африки до Сицилии и Италии; и еще раньше этому учил опыт Сингапура. Но напрасно командиры артиллерийских подразделений ждали, что с запада и севера Котантенского полуострова будет переброшена на восточное побережье так недостающая артиллерия, чтобы концентрированным огнем разбить американский плацдарм. И с артиллерией поступили вопреки рецепту Гудериана: вместо концентрированного огня стали наносить небольшие удары. Отбивались. Вторжение союзников через Па-де-Кале стало навязчивой идеей высших штабов и приводило к половинчатым мероприятиям. Сюда — батарею, туда — две пушки для борьбы с танками.

Но с Монтебуром все будет иначе. Части блокирующего фронта, вступившие в тяжелые бои вокруг плацдарма «Юта», должны были иметь крепкий артиллерийский тыл. Эта роль была возложена на группу Кюпперса. Правда, батареи стреляли что есть силы: и в Монтебуре, у Гюстер-ла-Пернель, у Квиневиле американцы ударились головой в стенку. Кюпперс вел целыми днями коварный огонь, это значит концентрированный, временами ограниченный огонь, чтобы сбить с толку воздушную, звуковую, огневую разведки. По ночам стреляли по принципу пожарного гидранта, это значит вели беспокоящий огонь, при котором все пушки одновремен-

но стреляли по различным целям. Это оказывало и материальное, и психологическое воздействие. Американцы нервно прощупывали район огнем своей сухопутной и корабельной артиллерии. Самолеты наблюдения постоянно кружили над фронтом боевых соединений и тылом. И не дай бог, если они обнаруживали что-то, напоминающее батарею, тогда на это место обрушивался ад.

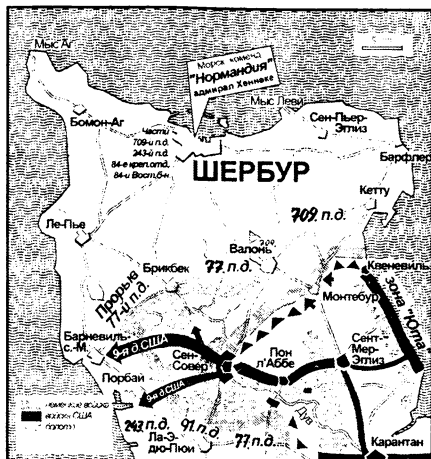
Правда, артиллеристы научились маскироваться. Батареи умеют приспособливаться к местности. Артиллеристу в тысячу раз дороже подвижная артиллерийская установка, чем стоящий намертво дот. Эти бетонные ловушки сужают угол обстрела, их нельзя спрятать, они — цель на блюдце, их все равно не спасти от бомб и артиллерийских снарядов.

Артиллеристы полевых батарей лежали в индивидуальных окопах, точно так же, как впереди на главной боевой линии солдаты боевых групп Мюллера, Кайля, Берга и Хоффмана. Таким способом можно было спастись и во время тяжелых артиллерийских обстрелов. Лишь прямое попадание убивало наповал, а это случалось очень редко. Индивидуальный окоп был очень мал, но хорош тем, что воздушной разведке не виден. Днем все было в укрытии. Снабжение, запасные части, боеприпасы, обслуживание — все делалось ночью. Солдаты становились лунатиками.

Взаимодействие массированной, современно применяемой артиллерии с пехотными штурмовыми группами хорошо себя оправдало под Монтебуром. Хотя враг наступал тремя дивизиями, фронт держался и закрывал прибрежные дороги на север и северо-запад.

Но то, что в Монтебуре удавалось, дальше к югу провалилось. Майор Кюпперс вспомнил свои телефонные разговоры 16 и 17 июня со своим командиром полка полковником Рейтером, в штабе которого лейтенант Вальтер Хальштейн — в 60-е гг. профессор, президент ЭЭС — был адъютантом. «Американцы со своего плацдарма пробились на запад», — сообщил ему Рейтер. Эта информация была достоверной. Генерал-майор Коллинз с двумя дивизиями пробился на запад, пересек красивую долину Дува, переправился через реку и захватил разрушенный городок Сен-Совер-ле-Виконт. Таким образом, был создан плацдарм, имеющий решающее значение.

Но получилось еще хуже: боевой группе генерала Хельмиха с вновь переброшенной из Бретани 77-й пехотной дивизией не удалось остановить прорыва американцев. 9-я американская пехотная дивизия и части 82-й американской воздушно-десантной дивизии прорывались к западному берегу, с тем чтобы перерезать посередине полуостров Котантен, расчленив на две части немецкие воору-



Для обороны западной части полуострова Котантен командир 243-й пехотной дивизии генералу Хельмиху была придана подошедшая из Бретани 77-я пехотная дивизия.

Но 77-й дивизии не удалось предотвратить прорыв американцев в западном направлении. После этого дивизия получила спорный приказ прорываться на юг

женные силы и таким образом лишить Шербур связи с материком.

Маневр генерала Коллинза удался. Американцы достигли западного побережья у Барневилля. В полосе обеспечения Шербура таким образом возник американский коридор, который проходил поперек полуострова и разделил вооруженные силы немецкого 84-го корпуса на северный и южный оборонительные фронты.

На фоне полного разгрома немецкого западного оборонительного фронта выделяется авантюристический прорыв 77-й немецкой пехотной дивизии на юг через американскую фронтную линию.

Генерал Штегман должен был частями своей дивизии прикрывать правый

фланг шербурского фронта фон Шлибена, но командование 84-го корпуса увидело главную опасность на юге. Шлибен только что, 17 июня после обеда, подробно обсуждал с Штегманом детали операции, как неожиданно пришел приказ: «Двигаться на юг». Штегман по поводу приказа не расстроился: он не верил в возможность удержать сухопутный фронт у Шербура измотанными полками. Он не строил также иллюзий относительно отступления в Шербур, в крепость, которую, по его мнению, все равно со временем придется сдать.

Генерал Штегман попытался, разбив свою дивизию на боевые группы, как можно быстрее вывести ее на юг, через вражеский фронт. Но ранним утром 18 июня у деревни Брикбек истребители напали на конные обозы дивизии. Возникла страшная неразбериха. Штегман поехал вдоль дороги и попытался навести порядок. Но налетел истребитель, и автомобиль генерала попал под обстрел. Очередь 20-мм снарядов посыпалась на машину. Генерал был убит — это был уже четвертый погибший генерал на фронте вторжения.

Днем раньше таким же образом погиб генерал Хельмих, командир 243-й пехотной дивизии, в него также попал 20-мм снаряд и убил на месте.

На фронте это называлось: смерть от истребителя-бомбардировщика. Смерть от истребителя принял и генерал от артиллерии Маркс, уважаемый всеми и примерный командир 84-го корпуса, он истек кровью 12 июня в придорожной канаве западнее Сен-Ло.

Командование 77-й пехотной дивизией принял на себя старший командир полка полковник Бахерер, командир 1049-го пехотного полка. Он пригласил на совещание командиров частей.

— Что делать? — спросил он.

— Сдаваться, — говорили одни.

— На север, отойти в крепость Шербур, — таков был совет других.

Бахерер спросил:

— Должны ли тысяча пятьсот или две тысячи человек сдаться в плен, тогда как на юге нужна каждая винтовка при создании новой оборонительной линии?

В ночь на 19 июня маршевые колонны выступили. Направление юг. Начальник разведотдела штаба дивизии (1 «С») капитан доктор Шрейхаге так описал этот марш призраков 77-й дивизии через американский фронт: «Небольшое количество бывших на ходу машин тихо переправляли через вражеские линии, а когда забрезжил рассвет, колонны маршировали через занятые врагом деревни. Американские часовые пугались при виде молча марширующих частей, их обезоруживали и брали в плен. Разведчасти сматывали телефонные провода американских сетей, с тем чтобы повредить телефонную связь и чтобы иметь кабель. Низкие тучи и моросящий дождь спасали от истребителей».

К 11 часам войска остановились на привал на обходной дороге. Когда стали осматриваться, то разведрота обнаружила в 500 метрах полевой лагерь американцев.

Но солдаты не в силах были идти дальше. Пришлось смириться.

— Ни звука, — поступил приказ. — Всем спать!

И они попадали, где стояли. У дороги лежали часовые с биноклями. Американцы ничего не заметили.

К вечеру пошли дальше. Полковник Бахерер отправил радиogramму частям 243-й дивизии, стоящим на юге по ту сторону американского коридора: «Пробиваемся к Вилоту. Откройте коридор для прорыва. Можете ли нам помочь контрнаступлением?» Несколько штурмовых орудий 243-й дивизии после этого стали освобождать

дорогу в Вилот. Но у речки Оланд вдруг показалось, что все усилия напрасны. Сильное подразделение американцев охраняло речную переправу.

Бахерер не хотел сдаваться на подходе к цели. Предстояло сражение. 1-й батальон 1050-го пехотного полка пошел в штыковую атаку на вражескую позицию под огневым прикрытием пулеметов. Батальон взял мост, разбил 2-й батальон 47-го американского пехотного полка и взял в плен большое количество солдат. Со всеми ранеными и 250 пленными и 12 захваченными джипами роты вышли на немецкие передовые линии.

Всех этих подробностей майор-артиллерист Фридрих Вильгельм Кюпперс рано утром 19 июня в своем «свинарнике» севернее Монтебура еще не знал.

Но он хорошо знал, что участок фронта Монтебур висит на волоске и что участок фронта — это не только кусок земли, но и гренадеры штурмовых групп Хоффмана, Кеяля, Мюллера в окопах на передовой линии, это 19 орудий его пяти батарей и зенитные орудия 30-го зенитного полка, шестиствольные ракетные минометы майора Расснера и противотанковые взводы 709-го противотанкового дивизиона капитана Хюммериха. Вся эта боевая сила висит на волоске, потому что у нее нет защиты по флангам и она за считанные часы может стать добычей врага. Обер-лейтенант Штааке стоит перед ним и говорит:

— Мы должны убираться отсюда, господин майор, мы в западне!

Кюпперс зовет своего водителя Йогана Коха, штабного ефрейтора:

— Есть у нас еще водка для обер-лейтенанта? Он ее заслужил.

Кох приносит бутылку. В бутылке немного водки. Вместо рюмки — кружка.

— Спасибо, господин майор, — ухмыляется Штааке и выпивает часть водки, но в бутылке еще остается. — «План Генрих» еще не осуществлен, господин майор? — спрашивает он.

— Нет, нам отдан приказ: держаться!

«План Генрих» — это зашифрованная команда к отступлению в район крепости Шербур.

После прорыва американцев у Сен-Совера и их удара по направлению к западному берегу Котантенского полуострова правый фланг Шлибена оставался открытым. 7-я армия, исходя из этого, планировала перебросить силы на шербурский фронт. Если нет — то американцы с западного берега развернутся на север, отрежут

стоящие у Монтебура части группы Шлибена. Чтобы этому помешать и оставить инициативу за немецкими войсками, отступление должно происходить последовательно, участок за участком. Но когда об этом плане узнали в ставке, Гитлер взбесился и запретил любое отступление. «Удерживать теперешние позиции любой ценой», — гласил приказ.

Однако обстоятельства были сильнее. На западе фронт Шлибена разорван. Там держать уже нечего. Роммель выразил по телефону протест Рундштелту, а он, в свою очередь, доложил Гитлеру о серьезности положения на полуострове. После этого решение ставки было изменено: «Крепость Шербур удержать при любых обстоятельствах. Южной группировке развернуться и вести бои с американцами с целью задержки их продвижения. Запрещен отход даже мелкими подразделениями». Командирам рот разъяснили приказ. Ответственность была переложена на их плечи, ибо на фронтовом языке приказ означал: «Держаться до тех пор, пока есть силы, и только в крайнем случае, под сильнейшим натиском врага, отступить, чтобы не попасть в плен!»

Когда же наступит крайний случай? Как его можно распознать без знания обстановки на соседних участках?

Новый структурный порядок должен соответствовать новому положению и создать новые условия командования. 709-я дивизия и 922-й гренадерский полк 243-й дивизии преобразуются в боевую группу «Шербур» и выходят из подчинения 84-го корпуса. Ответственность за район Шербур ложится целиком на генерала фон Шлибена. Вот приблизительное содержание радиограммы: «Группа Шлибена должна держаться и только под сильным давлением врага отступить, не дать врагу обойти себя, обманывать врага многочисленными ложными маневрами, со временем достигнуть фронта на континенте». «При всем при этом у меня полностью разбитая, без автотранспорта, с обозами и артиллерией на конной тяге дивизия, а враг во много раз лучше моторизован, даже по сравнению с нашими танковыми соединениями в начале похода на Россию. Он обладает военно-воздушными силами, которые пресекают любое передвижение днем. Другой приказ гласил, — сообщал далее Шлибен, — что, согласно последнему приказу Верховного главнокомандования Вермахта, следовало удержать при любых обстоятельствах линию фронта Сен-Ва-ла-Уг—Ле-Теи — сухопутный фронт Шербур—Вовиль. На деле это означало: построить войсковое заграждение через северную часть полуострова.

В другой радиограмме говорилось, что следует держать не только сухопутный фронт, но и полуостров Жобур в северо-западном уголке Котантенского полуострова, равно как и высоту Брикс. У меня сложилось впечатление, что наверху не умеют работать с циркулем и читать карты. Дороги на Котантене были отлично построены, и моторизованная подвижная часть могла бы без труда объехать местное сопротивление. Мне дали свободу действий, но на бумаге в действительности же один приказ противоречил другому».

Таким образом, согласно этому приказу, гренадеры и артиллеристы 19 июня все еще лежали в своих ямах в районе Монтебура, в то время как в западной части полуострова американцы уже двигались на Шербур.

Но вернемся к майору Кюпперсу, в его «свинарник» севернее Монтебура. Кюпперс снимает трубку и говорит с боевыми группами и опорными пунктами.

— Сначала нужно блокировать прорыв, — говорят они, — иначе все пропало.

— Концентрированный огонь по прорванным пунктам, — приказывает Кюпперс. Батареи открыли огонь. Шестиствольные минометы Расснера воют. И вот чудо. Американцы остановились. Они думают, что натолкнулись на более сильное сопротивление, на мощную группировку, и не рискуют прорываться дальше. Но сколько может длиться это заблуждение?

Перед обедом вдруг заработала телефонная связь с дивизией. Во время ремонта кабеля случайно наткнулись на жилу командного пункта генерала Шлибена. Начальник штаба 709-й дивизии майор Ферстер удивился:

— Вы еще здесь? Мы думали, что вы еще прошлой ночью сдались.

На этом связь оборвалась. Не прошло и получаса, как Кюпперс узнал неприятные новости: противотанковый дивизион капитана Хюммериха потерял пушки и правый фланг нечем защитить.

Обер-лейтенант Кениг, офицер связи с 30-м зенитным полком, доложил, что на зенитной батарее слышат приближающийся шум боя и находятся под обстрелом минометов и танков.

Обер-лейтенант Шторц, командир 1-й батареи 1709-го артиллерийского полка, сообщает со своего наблюдательного пункта на церковной башне в Хубервиле:

— Американские танковые соединения для наступления группируются по обе стороны Монтебура.

Четвертая американская дивизия бьет по открытому правому флангу, 79-я дивизия — по Монтебуру, через городской центр прорывается к дороге, которая ведет на Валонь.

Майор Кюпперс снова звонит командирам боевых групп. Подполковник Хоффман, майор Расснер и обер-лейтенант Шмидт находятся рядом с ним — их выбили из их командных пунктов севернее дороги Монтебур—Валонь.

Вопрос: что делать? Дать себя обойти и разбить? Капитулировать? Отходить? Но это значит подставить себя под расстрел истребителей.

Небо смиловилось. Налетевший штормовой ветер нагоняет низко плывущие тучи. Начинает моросить. Это как раз та погода, которая нужна войскам. Это шанс выбраться из капкана.

Еще один оружейный залп, завывают реактивные минометы, избавляясь от боеприпасов, которые нельзя взять с собой, они стреляют по местам прорыва, имитируя контратаку, надеясь с помощью этой уловки незаметно отойти. Обман удастся. Даже гранатодеры смогли выбраться из городского центра незамеченными.

Приказано «не делать отступательного движения одним рывком в крепость, а создать промежуточный фронт в районе Ле-Мон». В 18 часов 30 минут штурмовые группы на своих позициях, а артиллерия готова к бою. Лишь тот, кто был в таком переплете, может понять, что пережили солдаты в этом непрекращающемся бою, какое мужество, дисциплина и отвага кроются за обычными словами: «Снова на позициях!»

На следующий день боевые группы Монтебура заняли фронт у Шербура.

Начинается последний акт.

Приказ фюрера: «Стоять до последнего патрона»

Некоторые отошедшие батальоны, прибывшие в опорные пункты передовой линии фронта Шербура, насчитывали от 90 до 180 солдат и офицеров. Ах, если бы тяжелые зенитки, которые отлично себя проявили во время боя с танками, были бы здесь! Но орудия, а среди них много 88-мм, остались на старых позициях. Взводы зенитных тягачей были сосредоточены в районе приземления американских парашютистов-десантников Сент-Мер-Эглиз, офицер-зенитчик бросил их и сбежал. Последствия были катастрофическими. Все-

го лишь четыре боевые группы в опорных пунктах, обустроенных по-походному, противостояли на протяжении 50 километров шести наступающим дивизиям.

На полуострове Жобур с укрепленным фортом «Вестек» закрепился 922-й гренадерский полк, рядом с опорным пунктом 463 дислоцировалась группа Кейля с 919-м гренадерским полком и 17-м пулеметным батальоном. Центр защищал 739-й гренадерский полк под командованием подполковника Кена; и восточный участок, от опорного пункта 463 до мыса Леви, обороняла группа Рорбах с 729-м гренадерским полком. Штаб располагался в подземном командном пункте в предместье Шербура Октевиль. Здесь же находился морской комендант «Нормандии», адмирал Хеннеке.

Генералу фон Шлибену было ясно, что выдержать длительную оборону против современной моторизованной армии нельзя. Нужно выиграть время для того, чтобы взорвать порт, сделав его непригодным. Выиграть время для того, чтобы на юге построить оборонительный фронт, а силы противника здесь, у Шербура, сковать.

Шлибен говорил своим командирам:

— Вцепиться, держаться. Солдаты делали все, что было в их силах.

В переходах подземного командного штаба яблоку негде было упасть. Около тысячи человек находились в штольнях, они сидели и стояли на мешках, ящиках из-под боеприпасов. Спали, дремали или ругались морские артиллеристы, команды морской охраны, пехотинцы, строители организации «Тодт», солдаты противовоздушной обороны. Трудно дышать — пахнет порохом, гнильем, выхлопными газами, потом; вентиляция не работает.

Внизу, в переходах штольни, слышны разрывы артиллерийских снарядов. Мигает электрический свет, затем следует взрыв.

Обер-ефрейтор, чудом уцелевший в этой мясорубке, хорошо знает: американцы там, на холме, над штольнями, они бурят ямы и закладывают в них взрывчатку.

— Если мы не сдадимся, они сотрут нас в порошок, — говорит он.

Лейтенант Блуме, офицер связи при адмирале Хеннеке, пытается в этом человеческом месиве пройти в оперативную комнату. Солдаты с большой неохотой убирают ноги, чтобы его пропустить. Они устали, измотаны, деморализованы и злы. Блуме не обращает на это внимания. Он пришел из командного пункта генерала. Начальник штаба рассказал ему многое. Здесь ждать уже нечего.

В оперативной его ждет обер-лейтенант Ширхорн, адъютант адмирала.

— Как дела? — спрашивает он.

Блуме отмахивается:

— Форт Роль пал два часа тому назад; американцы завладели высотой у южного выезда из города, с которой просматривается каждый уголок крепости.

В испуге Ширхорн спрашивает:

— Как же это случилось? Как мог пасть такой сильный форт? Это скальное гнездо со стапятидесятимиллиметровыми пушками считалось недоступным.

Блуме пожал плечами:

— Американцы поставили свою батарею в лазарете. Комендант форта ничего не мог сделать с орудиями, неподвижно встроенными в скалу и нацеленными на порт. Его орудия с близкого расстояния были уничтожены.

Ширхорн подошел к карте:

— Сколько мы еще здесь продержимся?

Блуме ответил без промедления:

— Наш холм с дотами и штольнями простреливается. Американцы взрывают южный выход и сверху бурят шурфы. Они бросают взрывные заряды в вентиляционные шахты. Если им не удастся выгнать нас взрывами, то это сделают газы.

Лейтенант молчит. Адъютант молчит. Слышны раскаты артиллерийских взрывов. Блуме достал из ящика письменного стола коньяк и два стакана.

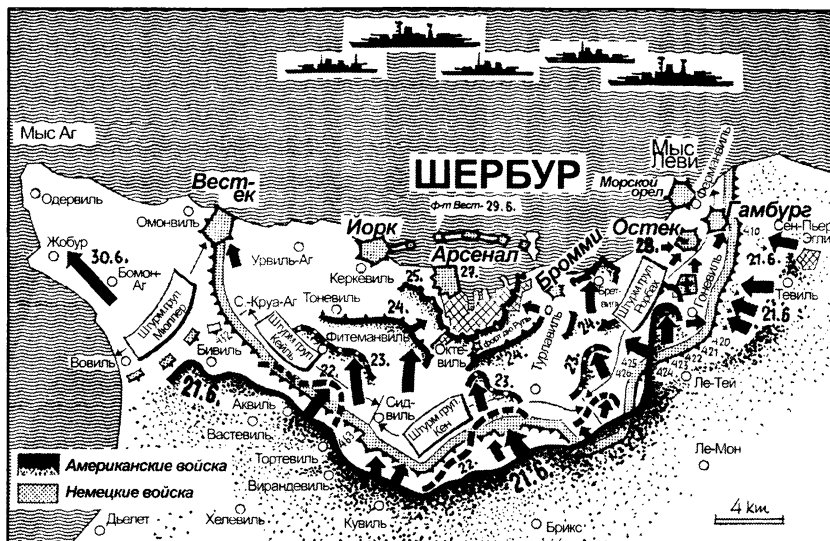
— Последний, — говорит он и наливает.

Лишь несколько метров скал и земли отделяют оперативную комнату Блуме от соседней штольни. Там у оперативной карты стоит генерал-лейтенант фон Шлибен, командир 709-й дивизии и комендант крепости Шербур.

Воскресенье, 25 июня, 15 часов 52 минуты. Стучат. Входит начальник штаба майор Ферстер. В его руках бумага:

— Ответ из группы армий на нашу радиограмму, господин генерал.

Шлибен поворачивается. Он пытается угадать по лицу Ферстера, какое решение приняла группа войск в ответ на его радиограмму, которую он сегодня отправил утром: «Вражеское техническое превосходство и воздушное господство подавляющее. Большинство наших батарей разбито. Войска потрепаны и прижаты к морю на очень узком пространстве. Порт и все важнейшие объекты раз-



Ход боев в районе Шербура с 21 по 30 июня

биты. Потеря города неизбежна, враг уже вторгся в его пригороды, 2000 раненых невозможно вывезти. Эффективное оружие отсутствует. Ввиду создавшегося общего положения нужно ли ждать окончательного разгрома остатков войск? Срочно жду указаний».

Шлибен помнил каждое слово. Особенно последний вопрос. Он с Ферстером все хорошо сформулировали. Они должны дать ему свободу действий!

— Каков ответ?— спросил он.

Ферстер читает:

— «Согласно приказу фюрера, вам надлежит драться до последнего патрона. Роммель, генерал-фельдмаршал».

— Это все?

— Да, все, господин генерал.

Генерал смотрит на оперативную карту. Уже сотню раз видел он эти линии и стрелы. Знал, что крепость Шербур стоит лицом к морю. Туда направлены все морские, войсковые и крепостные орудия. Оттуда ждали врага. Что он придет с тыла, с суши, вопреки многим предупреждениям, никто в немецких штабах даже и слушать не хотел. Сейчас расплачиваемся. То, что произошло с англичанами в их самой укрепленной в мире морской крепости Сингапур в 1942 г., грозит теперь немцам в Шербуре: пролом в заднюю дверь.

Майор Ферстер и начальник штаба отмечают на оперативной карте красными стрелами новые данные о вражеских атаках. Эти стрелы пронизывают голубую линию и кружки немецких укрепленных пунктов. Каждая такая красная стрела означает трагедию. Опорные пункты и доты большей частью не имеют телефонной связи со штабом, они не видят друг друга. Внутренние форты вокруг городского центра устарели, только два внешних форта «Вестек» и «Остек» — современные оборонительные сооружения, но и они недостаточно приспособлены для отражения врага, наступающего со стороны суши. Это сухопутный фронт, который можно удержать элитными частями, но не утомленными остатками двух пехотных дивизий и непригодными для ведения боя частями, составленными из аэродромного персонала, расчетов зенитных орудий, саперов, старых матросов, писарей и связанных 583-й полевой комендатуры и пожилых казначеев из постоянного персонала крепости, рабочих и грузинских батальонов!

1 мая 1944 г., ровно за пять недель до вторжения, генерал Маркс учебным нападением штурмового батальона майора Мессершмита доказал, что крепость легко захватить со стороны суши. Настоящий прорыв произошел именно в том месте, где штурмовой батальон 7-й армии ворвался в крепость — на стыке между опорными пунктами, 422-м и 426-м.

Фронт расчлениют

То, что не смогли сделать ни массированный артиллерийский огонь, ни бомбежки, быстро сделали атаки пехоты, поддерживаемые танками. Немецкие солдаты сдавали позиции и искали укрытие в бетонных бункерах города. Некоторые опорные пункты защищались фанатично, так, например, 18-летние рабочие трудовой службы с ожесточением бились за свой опорный пункт перед Конневилем, несмотря на то что у артиллерии был плохой обзор и она с трудом отражала танковые атаки. Но парни стояли, как закаленные в войне гренадеры, и лопатами выбрасывали из окопов американских пехотинцев. Но что они могли сделать против танков? Израсходовать фаустпатроны и поднять руки.

Даже опытные боевые группы были бессильны против американцев. Солдаты Кейля, гессенско-тюрингский 919-й гренадерский полк и 17-й пулеметный батальон, 922-й гренадерский полк

Мюллера; 739-й гренадерский полк подполковника Кёна, как и 729-й Рорбаха, ничего не могли сделать. Американские штурмовые полки просто распиливали фронт.

Подполковник Кейл сообщает: атаки янки против каждого опорного пункта проходили по одному и тому же сценарию. Сначала бомбежка 50 самолетами. Затем обстрел. Затем атака штурмовой группы. Американцы носили с собой маленькие рации и сразу же докладывали начальству о своем успехе или провале. Пока немецкий командир роты через связного узнает, что в соседнем опорном пункте сидит враг, американская штурмовая группа получает подкрепление. Они окапывались и ждали контрнаступления немцев. Отбивались. Преследовали. У немцев же проходили часы, прежде чем полк узнавал о событиях и мог что-то предпринять.

Так немецкий фронт был раздавлен, разорван на кусочки.

Генерал Шлибен вспомнил о своем назначении комендантом крепости 23 июня. Фюрер послал ему телеграмму: «Если случится самое худшее, то Шербур должен попасть в руки врага только в виде груды развалин».

Шлибен взглянул на карту; она точно отражала все события битвы.

20 июня в 14 часов артиллерийская группа «Юг» доложила:

— Головная группа врага на дороге Валонь—Шербур достигла южной отметки пристрелянного огня. Разрешите открыть огонь.

К вечеру, около 17 часов 45 минут, американцы уже были у деревни Ле-Теи. Они прошупывали. Отошли, когда залпы 5-й и 8-й батарей из 1709-го артиллерийского полка посыпались на головные танки.

Утром 21 июня начался первый акт драмы: воздушные налеты силами до 1000 самолетов несколько раз обрушивались на линию фронта. Затем артиллерийские обстрелы и нападения штурмовиков и, наконец, танки. Со стороны Сен-Пьер-Эглиза танковое соединение пошло на аэродром у Гонневиля в район опорных пунктов с 410-го по 420-й.

Капитан Здралек, командир 9-й батареи, сидел в качестве корректировщика в 416-м опорном пункте и направлял огонь. Попадание! Танки развернулись. Снова пришли. Хотели совершить прорыв, но им не удалось объехать заградительный противотанковый огонь. Американцы отступили.

Но в другом месте прорыв получился.

— Тревога! — кричали часовые в опорных пунктах 425 и 426, но танки уже были здесь. Рота парашютистов-десантников из молодых неопытных солдат учебного батальона с шестинедельной подготовкой была раздавлена. Враг оказался в центре главной линии фронта.

Лейтенант Кадау из 729-го гренадерского полка хотя и удерживал со своей ротой опорные пункты с 421-го по 424-й, но что толку? Американские танки просачивались через участок 425-го опорного пункта.

В 16 часов 15 минут американцы стояли перед 5-й батареей лейтенанта Олмейера 1261-го артиллерийского полка. Штабная батарея 1709-го артиллерийского полка под командой обер-лейтенанта Бауэра была разбита, Бауэр и большая часть артиллеристов погибли. Огневая позиция 11-й батареи под командой обер-лейтенанта Швальбе вела рукопашный бой. Раненый обер-лейтенант Швальбе прибыл в крепость «Остек» и доложил об обстановке.

Артиллерийские разведгруппы 8, 10 и 11-й батарей отправились в опасный район. Они сообщили: «Головные отряды врага, поддерживаемые танками, подошли к большому шоссе Шербур — Тевиль, западнее аэродрома. Лейтенант Кадау все еще держится на своем командном пункте. За исключением прорыва на участке 425-го опорного пункта вся передовая линия в порядке. 8-я батарея 1709-го артиллерийского полка капитана Вальтера окружена врагом, заняла круговую оборону».

Это был час артиллерии. Контратаки пехоты поддерживались концентрированным огнем.

Чудом сохранилась кабельная телефонная сеть, которая шла через клапанный коммутатор, расположенный на позиции разбитой штабной батареи к окруженной 8-й батарее.

«Держаться!» — все время слышала 8-я батарея. И она держалась. Обер-лейтенант Фрей с батальоном 729-го гренадерского полка, атакуя, пробился до позиции. Ефрейтор Руль фаустпатронами уничтожил два вражеских танка. Американцы стреляли фосфорными снарядами, но окруженная с трех сторон 8-я батарея держалась. Напрасно Фрей пытался блокировать потерянные опорные пункты с 423-го по 425-й. Это не удалось и капитану Хальману, который с ротой парашютистов-десантников был послан для поддержки. Угроза осталась.

Восьмая батарея держалась еще три дня, потом позицию сдали. Орудия были взорваны. В строю осталось всего 22 человека.

Все это отражалось на оперативной карте в командном пункте генерала Шлибена, в прямых и кривых стрелах, пунктирных и сплошных линиях, условных обозначениях батарей, полков, рот, командных пунктов и подразделений всех видов. Большая битва стала абстрактной стеной картиной. Но для того, кто умеет ее читать, для того каждый штрих — это чья-то жизнь или смерть.

22 июня американцы сделали два глубоких прорыва, в западной и южной частях фронта.

23 июня четыре ударных клина из штурмовых полков 7-го корпуса генерал-майора Коллинза прорвали немецкое оборонительное кольцо. Главная линия фронта была разбита. Танки пробились к артиллерийским позициям, которые должны были держать круговую оборону.

24 июня враг стоял в предместьях Турлавила и Остевила, а также у форта Ду-Рол. Подземные бункеры Шлибена, адмирала Хеннеке и командующего артиллерией Рейтера оказались в зоне боевых действий.

Капитан идет по позициям

25 июня около 10 часов утра американская военная эскадра, как бы совершая маневр, подошла к крепости. Линкоры, крейсера, миноносцы. Нужно ли Шербур расстреливать с моря?

В радиорубке форта Хомат у амбразур дота, который был похож на боевую рубку крейсера, находился комендант порта, капитан 1-го ранга Витт. Он смотрел в бинокль.

— С решетчатыми мачтами, — сказал он. То есть линкоры старого американского образца. Сейчас флот откроет огонь. Из сплошной стены дыма и пара загрохотали залпы. Со времени битвы при Скагерраке Витт никогда не видел стреляющей эскадры. Словно зачарованный он смотрел на огненный спектакль. Он ничего не мог предпринять. Флот держался вне зоны досягаемости его 150-мм батареи.

Снаряды перепахали территорию. Попадания в форте Фламан. Взрыв боеприпасов. Пожар.

Флот беспрестанно маневрировал — восточнее порта подошел немного ближе. «Теперь с «Гамбурга», наверное, их можно достать», — промелькнуло в голове Витта. И тут же раздались залпы: тяжелые береговые батареи «Йорк», «Бромни» и «Гамбург» стре-

ляли по американским кораблям. Батарея «Йорка» поразила линкор «Техас», легкий крейсер и миноносец. Батарея «Гамбург» обер-лейтенанта Гельбхара попала в два крейсера класса «кумберлэнд». Надо сказать, британская сторона оспаривает потопление крейсера, но свидетелей тяжелого попадания очень много, среди них и офицеры войсковой береговой артиллерии, которых нельзя заподозрить в симпатиях к морской артиллерии. По данным американского адмиралтейства за 4 марта 1945 г., немецкими батареями были подбиты корабли «Глазго», «Техас», «Брайн», «Бардон» и «Лаффи».

Около 12 часов союзный флот отошел за пределы досягаемости немецкой береговой батареи. И тут же налетело множество легких бомбардировщиков. Началась обработка немецких батарей.

При заградительной стрельбе морской крепостной артиллерией и зенитками удалось сбить 80 бомбардировщиков.

Часом позже штаб Шлибена внес существенную правку в оперативную карту: форт Роль пал.

Стало ясно, что дороги, ведущие с юга, ничем не прикрыты. Город и порт лежали открытыми у американских ног. Тяжелой артиллерией они стали обстреливать городской квартал Октевиль, под которым находились бункеры немецкого командования.

Американские саперы пытались взорвать штольни и парализовать мозг немецкой обороны. Это было мгновение, когда Шлибен послал свою предупреждающую радиограмму и направил запрос немецкому командованию о том, кому нужно уничтожение остатков войск в Шербуре. Мы уже знаем ответ Роммеля, поступивший в 15 часов 48 минут, и в 15 часов 52 минуты был подан Шлибену: «Вы должны, согласно приказу фюрера, драться до последнего патрона».

Последующие часы полны драматизма.

Вверху, на холме, раздался взрыв, который должен был завалить южную штольню.

— Мы должны сбить американцев с холма, господин адмирал. — Хеннеке с сомнением смотрит на обер-лейтенанта Омзена. Тот поясняет: — Я с успехом это делал в Маркуфе. Это было единственным спасением. Я приказал соседней батарее в Азевиле направить огонь на мои доты, на которых уже сидели вражеские штурмовые отряды.

Хеннеке раздумывает.

— Есть ли у нас связь с батареями на мысе Аг. Блуме?

— Да, господин адмирал!

— Передайте, чтобы они обстреляли наш холм двухсотпятидесятимиллиметровыми длинноствольными или двеститрехмиллиметровыми крейсерскими орудиями. И введите в курс генерала фон Шлибена.

Но на этот раз план Омзена не сработал. Батареи на мысе Аг были повреждены корабельной артиллерией и бомбардировщиками, прицелы сбиты. Командир боится попасть в собственный фронт. Американцам никто не помешал во время буровых работ на холме Октевиля.

Две тысячи раненых размещены в больницах города. Легкораненый пленный американский капитан через главного врача попросил связать его с фон Шлибеном. Он предлагает пройти по линиям и доложить американскому командиру о положении в больницах и доставить медикаменты.

Шлибен разрешает. Может, капитан хочет выбраться из этого ада, но, может, это принесет какую-нибудь пользу. И действительно, около 17 часов капитан прибыл с грузом болеутоляющих медикаментов и письмом от американского генерала: он призывает Шлибена капитулировать. «Вы и Ваши войска стойко и героически оборонялись; но Вы в безнадежном положении. Предлагаю Вам капитулировать — ответьте по радио на волне 1520 килогерц и вывесите белый флаг или выстрелите белыми сигнальными ракетами с морского госпиталя или пастеровской больницы. Потом пошлите штабного офицера с белым флагом к крестьянскому дому по дороге в форт Роль для получения условий капитуляции».

Шлибен передал капитану, что ему ответить на письмо нечего. Выиграть время — вот его цель. Время для последних разрушительных взрывов в порту, что на длительное время не позволило бы выгрузку транспортных кораблей.

Ровно в 19 часов крепость содрогнулась: капитан 1-го ранга Витт, комендант порта, выполняя приказ, взорвал морской вокзал. 35 тонн взрывчатки разнесли набережную, маяк, символ Шербура. Шлибен долго колебался, взрывать ли маяк. Наконец победила военная логика: обломки должны в будущем затруднить использование портового бассейна. Знаменитый силуэт Шербура исчез.

19 часов 10 минут: штурмовые группы американских саперных подразделений, огнеметчиков и подрывников уже находятся в 100 метрах от северных выходов штолен с главным штабом. Генерал приказал уничтожить секретные документы. Его офицер по поручениям обер-лейтенант Круспе в 19 часов 32 минуты послал по-

следнюю радиограмму: «Разгорелся последний бой. Генерал воюет вместе с солдатами».

Седьмая армия патетически отвечает: «Мы вместе с вами». Читая текст, Шлибен саркастически улыбался.

Октевиль капитулирует

Штольни битком набиты солдатами, которые спаслись в бункерах. Они ко всему готовы и ждут конца. Только унтер-офицеры и фельдфебели протискиваются через штольни и тащат боеприпасы к выходам, где их офицеры и командиры сражаются с карабинами, автоматами и пулеметами в руках. Согласно приказу: «До последнего патрона!»

Когда лейтенант Блуме открыл железную дверь лазарета, в лицо ему ударила такая вонь, что он чуть не задохнулся. Урсула Брейтигам, его надежная помощница, упала к нему на грудь. Она помогает раненым, а ночами заполняет военный дневник.

— Как дела, Урсула? — спросил Блуме.

Она лишь отмахнулась:

— Триста человек здесь в штольне прижаты друг к другу, но самое страшное началось вчера — они стали умирать как мухи.

— Почему? — хочет знать Блуме. Урсула пожимает плечами:

— Спросите главного врача.

Младший врач проходит с прибором для переливания крови.

— Вы знаете, где главный врач? — обращается к нему Блуме.

— Он вот уже пять часов на операции.

— Почему умирают люди?

— Потому что у нас нет вентиляции; раненые умирают от недостатка кислорода и газов от взрывов и паров пороха.

— Что можно сделать?

— Ничего, — говорит младший врач, — даже противогаз здесь не поможет.

Когда Блуме снова добрался до выхода правой северной штольни, где стоят за укрытием Шлибен и Хеннеке со своими карабинами, американцы выстрелили из гранатомета.

Лейтенант доложил о положении в лазарете.

Командиры отступили в глубь штольни. Слышится слово «приказ», и слышны слова Шлибена:

— Если мое начальство сделало меня генералом, то пусть оно смирится с тем, что я действую так, как мне подсказывает обстановка и моя совесть.

Это уже не первый раз, когда Карл Вильгельм фон Шлибен действует таким образом. В июле 1943 г. в России он, будучи командиром 18-й танковой дивизии, вывел своих солдат из окружения, нарушив приказ. Сегодня он хочет спасти своим солдатам жизнь.

Затем звучит слово «парламентер». Молнией по штольням проносится новость:

— Старик посылает парламентаря. Он сдастся.

Это был глубокий вздох облегчения.

Как только белая простыня, привязанная к винтовке, поднялась вверх, огонь прекратился. Это страшная тишина, которая вдруг накрыла измученный город. Два офицера выходят с белым флагом. 14 часов, 26 июня.

Бой за крепость Шербур окончен. Нескончаемой вереницей выходят солдаты, матросы, офицеры, служащие.

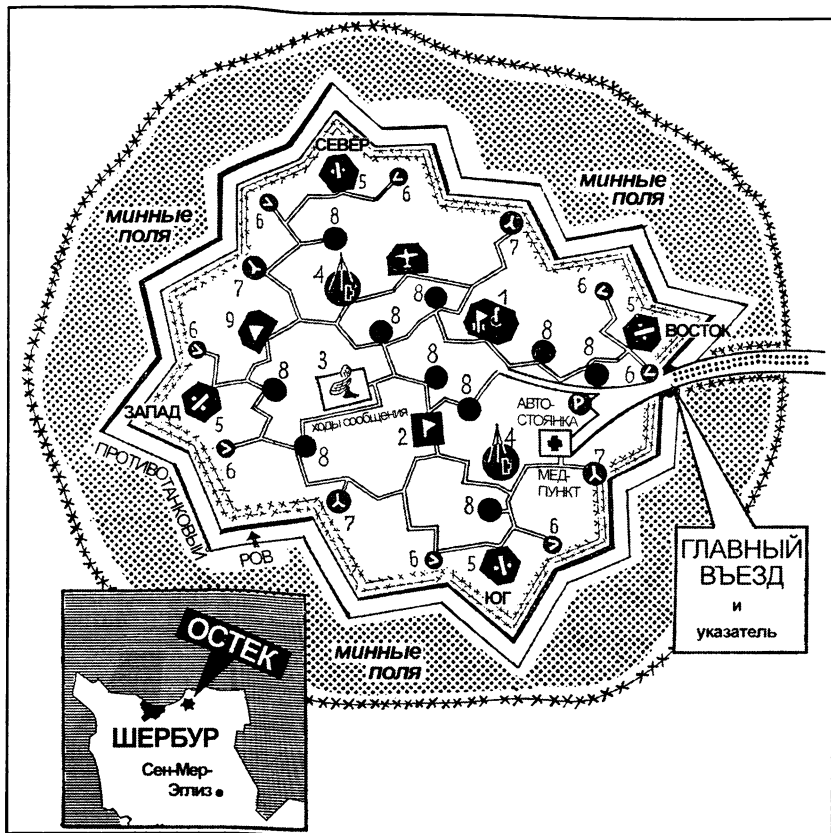
Шлибена и Хеннеке у входа в штольню встретили американские офицеры и доставили к генералу Эдди, командиру 9-й американской дивизии, которая стоит наверху, на холме Октевиль. Эдди везет немцев к генералу Коллинзу в штаб корпуса, в 30 километрах от Шербура. Фотографы стоят наготове. И вскоре фотографии уже разбрасываются над сражающимися немецкими позициями — это также неотъемлемая часть современной войны.

Между тем в штабе союзников идет интересный спор. Некоторые офицеры полагают, что командующий 1-й армией генерал Брэдли должен пригласить Шлибена на ужин. Другие категорически против. Наконец Брэдли принимает чисто американское решение:

— Если бы этот ублюдок капитулировал четырьмя днями раньше, то я бы его пригласил, но после того, как мы по его вине потеряли столько солдат, — нет!

Старому Брэдли еще и другие «ублюдки» доставят много огорчений, очень много огорчений.

Урсулу Брейтигам, священника и фрау Вист — ту самую фрау Вист, которая принимала участие в концерте в зале казино в Шербуре 5 июня, в программе которого вторжение не было предусмотрено, вывезли на машине, а позже обменяли на английских медсестер, находившихся в немецком плену.



*Пункт обороны «Остек» — мощное подземное сооружение.
«Артиллерийская группа Ост» под командованием майора Кюннера
продержалась до 28 июня*

Лейтенанта Блуме, обер-лейтенанта Круспе и обер-ефрейтора Крене из Касселя посадили в джип и отправили в Йето в американскую ставку к Шлибену и Хеннеке.

Поехали под усиленной охраной, как опасные преступники. В углу сидит сержант с автоматом, палец на спусковом крючке.

— Куда же они едут? — с ужасом спросил Круспе. Блуме все понял и обратился на хорошем английском к офицеру сопровождения, сидящему рядом с шофером:

— Вы едете по заминированной дороге.

— Shut up, son of a bitch! (Закрой рот, сукин сын!) — пробурчал американец. И тут же взрыв: мина!

От толчка сержант нажал на спусковой крючок автомата. Очередью убило двух американцев и немецкого обер-ефрейтора. Самому сержанту осколком разорвало живот. Только Круспе и Блуме остались живы, хотя и тяжело ранены. Блуме с автоматной пулей в голове.

Со сдачей Октевиля битва за город еще не закончилась. Шлибен капитулировал только со своим штабом. В кварталах города, особенно в сильно укрепленном арсенале, командиры должны были решить этот вопрос самостоятельно. И они знали: время решает все.

То, что нельзя и думать о длительном сопротивлении, — понимали все. Способность к дальнейшей борьбе на большинстве позиций была нулевой. Хотя за валами морского арсенала и стояли еще боеспособные части под командованием коменданта города генерал-майора Затлера, но, в отличие от коменданта порта капитана 1-го ранга Витта, Затлер не был сторонником продолжения сражения. Он капитулировал рано утром 27 июня с 400 солдатами.

Капитан 1-го ранга Витт еще не сдавался. Он приказал группе блокировать вал вдоль бассейна дока, обеспечил последние взрывы и поплыл при начавшемся отливе с 8 офицерами и 30 солдатами на парусной яхте и двумя гребными шлюпками к укрепленным дотам наружного мола. Здесь, в форте «Вест», находился пульт управления минными полями большого западного въезда, находящегося в хорошем рабочем состоянии. Тот, в чей руке была кнопка, мог загородить въезд в порт.

Штаб группы ВМС «Запад» в Париже был очень удивлен, когда 27 июня пришла радиограмма: «Командный пункт коменданта порта на форте «Вест». Пульт взрывов готов».

С удивлением Париж ответил: «Как вы попали на форт «Вест»?»

Хитрый Витт ответил лаконично: «На яхте и двух гребных шлюпках в утреннем тумане!»

Капитан и не подозревал, что эта информация станет героической историей на радио в Берлине. Она звучала очень хорошо, но у нее был недостаток: ее также слушали американцы.

Генерал Коллинз, из-за блиц-побед, одержанных его 25-й дивизией на Гаудалканале над японцами, имевший лестное прозвище Молниеносный Джо¹, уже нервничал из-за задержек в походе

¹ На нашивке 25-й пехотной дивизии изображена золотая молния на красном фоне. Неофициальное название дивизии «Тропикал лайтнинг» — тропическая молния. — *Прим. ред.*

на Шербур. Его имидж был подпорчен. И ему не нужны были героические эпизоды немецких дотов. Борьба с Виттом для него стала делом чести.

И все же три дня потребовалось американцам для того, чтобы обработать артиллерией и бомбардировщиками внешние форты. После того как пульт управления минными полями в форте «Вест» был разбит бетонобойными снарядами, сдался в плен и раненый Витт.

В западной части шербурского фронта, так называемом полуострове информации, продолжаются бои. Название этот район получил из-за многочисленных радио- и телефонных установок военно-морского флота и авиации для слежения за южным побережьем Англии.

Здесь сражались группа Кейля вместе со штабом полка и 2-й батальон 919-го гренадерского полка, штурмовой батальон майора Мессершмита и 17-й пулеметный батальон. Артиллерийская группа «Вест» под командованием майора Квитната и легкий 932-й зенитный дивизион оказывают обороне артиллерийскую поддержку. Немного западнее совместно с частями 922-го гренадерского полка и двумя батареями 243-го артиллерийского полка держится группа Мюллера.

Они ничего не дарят — ожесточенно сражаются за каждый дот. Лишь 30 июня капитулировали остатки дотов на западном побережье Жобура.

На другом конце фронта, в 12 километрах от городского центра, битва продолжалась до 28 июня. Там мощный внешний форт «Остек» господствует над аэродромом и берегом.

Артиллеристы против танков

Словно капитан подводной лодки, майор Кюпперс прильнул к перископу в своем доте в центре хорошо замаскированного сооружения, состоящего из подземных бункеров, ходов сообщения, танковых заграждений и минных полей.

Вражеские танки идут ощупью: здесь есть мины. Эта крепость, с коварными капканами, с автоматическими минометами и огнеметами, радарными и радиоустановками, преграждает 7-му американскому корпусу путь к северному побережью Котантенского полуострова.

Штабс-ефрейтор Иоган Кох как раз находился в бункере связи, когда 26 июня из командного бункера генерала Шлибена поступила последняя радиограмма. Командующий артиллерией Шербура радирует командиру группы «Ост»: «Мы сдаемся, не можем больше, всего хорошего, командующий артиллерией Рейтер».

— Бегом к командиру, — приказал дежурный обер-вахмистр Виттвер Коху, — и отнесите ему радиограмму.

— Радиограмма от командующего артиллерией Шербура, господин майор, — выпалил Кох, вбегая в дот с перископом.

— Что? — Кюпперс напряженно смотрит в окуляр перископа.

— Радиограмма от полковника Рейтера, — повторяет штабс-ефрейтор.

Ровно 14 часов 26 июня. Кюпперс вполголоса читает текст. Офицеры и унтер-офицеры чувствуют, что и им, «Остеку», левому флангу крепости Шербур с крупнокалиберной батареей «Гамбург», опорным пунктом «Зееадлер» и зенитной батареей «Риттер» приходит конец.

Кюпперс надевает наушники, вызывает бункер и спрашивает, ведутся ли радиопередачи между командующим артиллерией и корпусом или армией.

— Нет, — звучит ответ. — Бункер командующего Октевиль молчит.

Как же ему радировать! У входов штолен Сен-Завур уже стоят американцы и обыскивают немецких солдат.

— Постарайтесь связаться с каким-нибудь штабом, — просит Кюпперс связистов.

Наконец связь есть: с 319-й пехотной дивизией на острове Гернси и с военно-морским штабом в Гавре. По обоим каналам штурмовая группа «Остек» еще ночью передала шифровки о создавшемся положении для передачи в 84-й корпус и в 7-ю армию. Кто эти доклады читал, тот знает, что, несмотря на массивный артобстрел, который вела крепость «Остек» Шербура, продержаться она долго не могла.

Кюпперс докладывал: 9-я и 10-я батареи 1709-го артиллерийского полка и 7-я батарея 1261-го берегового артиллерийского полка у Турлавиля и Бретевиля раздавлены вражескими танками.

— Раздавлены Седьмая, Девятая и Десятая батареи, — продолжает он. Номера, но за ними судьбы нескольких сотен человек.

Далее Кюпперс сообщает, что 5-я батарея 1709-го полка и зенитная батарея «Гамбург» готовы к бою. Фланговая 240-мм пушка

Гельбхара из морской батареи «Гамбург» после взрыва бетонного потолка пригодна для стрельбы по сухопутным целям.

Солдаты и офицеры, уцелевшие в боях, из расформированных батарей 1261-го и 1262-го береговых артиллерийских полков в «Остек» становятся пехотинцами. Среди них есть и артиллеристы 11-й батареи 1709-го полка и 5-й батареи 1262-го полка. Обервахтмейстер Шнейдер и лейтенант Швульст привели их в «Оstek». Что стало с гренадерами батальона Катцмана, который стоял на смерть на позиции перед Конневилем и у аэродрома, пока неизвестно.

В ранние утренние часы 17 июня в перископ командного пункта видно, как американские пехотинцы под прикрытием танков прыгают через преграды, направляясь к зенитной установке Риттера, которая блокировала дорогу от аэродрома. Зенитная батарея Риттера стреляет что есть мочи.

Подбит первый танк. Второй загорелся, но подошли еще три, четыре. И вот они уже добрались до батареи. Вахмистр Градерт со своими солдатами из 11-й батареи вступил в бой. Они находились в засаде. Они перебегают от укрытия к укрытию с фаустпатронами в руках, приближаясь к американским «Шерманам».

20 метров.

Спокойствие.

Осталось лишь 10 метров. С шипением вылетела граната, ударилась в башню.

Молния.

Гром.

«Шерман» горит как факел.

Экипаж пытается выпрыгнуть, но пулеметная очередь скосила всех.

Унтер-офицер Кюнаст навел гранатомет на головной танк.

Попадание под башню, вероятно, в боеприпасы, так он взорвался. Два танка развернулись и исчезли. Сопровождающая их пехота отступает, теряя боевых товарищей под пулеметным огнем.

— Вражеская атака на восточный участок фронта! — полчаса спустя кричит лейтенант Чихон, несущий вахту у перископа.

Майор Кюпперс прижался к окуляру. Верно. Американцы изменили другую тактику. Они пытаются захватить восточную часть фронта с тыла, где еще держатся опорные пункты с 410-го по 418-й, и затем взять батарею «Гамбург».

В минах нет взрывателей

В перископ все хорошо видно. Можно аккуратно вести артиллерийский и зенитный огонь, не подвергая своих бойцов опасности. Двухсотсорокамиллиметровая фланговая пушка на батарее «Гамбург» обстреливает обоз союзников. Истребители пытаются обнаружить пушки и уничтожить. Корабельная артиллерия бьет по позиции, но Гельбхару пока везет.

Зенитки и полевые пушки заградительным огнем пытаются помешать продвижению американских танков. Когда загорелся третий танк, наступление захлебнулось, сопровождавшая танки пехота повернула назад.

Теперь американское командование начинает новую атаку с другой стороны, снова танки атакуют с высот Мапертус вдоль прибрежной улицы, но и эта атака захлебнулась под хорошо организованной стрельбой.

Корабельная артиллерия американцев обстреливает «Остек» и батарею «Гамбург».

С северо-востока надвигается вражеская колонна. Атакует неграмотно: бронемашины прижаты друг к другу.словно огромным кулаком бьют по этому скоплению 5-я батарея Кюпперса и зенитки «Гамбурга». Удачно, но новая танковая часть подкатывает с юга. Американская армия словно неиссякаема. Как современная техническая гидра: там, где отрубашешь одну танковую голову, там вырастают две, три, полдюжины.

Прямое попадание в шестиамбразурную башню «Юг». Оба миномета выведены из строя. Неожиданно танки ворвались на территорию крепости.

— Белый флаг на шестиамбразурной башне «Юг», — сообщает наблюдатель у перископа. Гарнизон башни выбросил белый флаг — знак капитуляции. Лейтенант Зербан, комендант башни, приглашенный к майору Кюпперсу, пожимает плечами:

— Что можно ожидать от старых, не закаленных войной резервистов? — Кюпперс зло на него посмотрел, прижался к перископу. подумал: «Ублюдки» — и приказал:

— Огонь по шестиамбразурной башне «Юг!» — Кюпперс руководит обстрелом до тех пор, пока белый флаг не исчез.

Обер-лейтенант Швальбе получает приказ: с противотанковым отрядом очистить южный противотанковый ров. Штаке направляется в юго-западную часть, к шестиамбразурной башне.

— Почему вражеские танки проходят через минные поля? — удивляется Кюпперс. Лейтенант Зербан поясняет: у мин нет взрывателей. Их просто не хватало на все мины. Теперь понятно, почему танки проходят без потерь к крепости.

— Хорошенькое дело! — бурчит вахмистр Планер. — Того, кто за это отвечает, послать бы в противотанковый ров.

Кто несет ответственность за это и многое другое на Котантенском полуострове? Кто? Живые спрашивают, а бесконечные могилы вдоль дорог от Карантана через Сент-Мер-Эглиз—Монтебур—Валонь—Тевиль—«Остек» молчат.

На шестиамбразурную башню «Восток» наступают танки, прицельным огнем выводя ее из строя.

— Весь гарнизон по дотам для ближней обороны!

Обер-лейтенант Швальбе со своей командой обороняет противотанковый дот у восточного входа, а обер-лейтенант Штаакс с расчетами 5-й батареи — территорию вокруг бункера с радарной установкой. Но что толку? Между тем на юго-западе роты американских пехотинцев проникли через незаминированный пояс и противотанковый ров. Основная команда минометных установок уже сдалась. Теперь Кюпперс корректирует огонь 5-й батареи 1709-го полка и батарею «Гамбург» по испытанному рецепту, на свои позиции. Американская пехота попадает под огонь у дотов и на дотах.

На крыше дота с перископом американцы соорудили наблюдательный пункт, откуда они корректируют огонь по батарее «Гамбург». Американцы еще не обнаружили замаскированный перископ, но Кюпперс обнаружил. Он подозревал обер-лейтенанта Грубера, командира 5-й батареи, и приказал пальнуть три раза по крыше дота. Прямое попадание. Наблюдательный пункт американцев сметен.

Джип с белым флагом

Около 21 часа американские саперы стоят у дота с перископом и пытаются взорвать входы.

— Мы должны пробиться, господин майор, — говорит вахмистр Планер. Кюпперс кивает:

— Соберите штурмовую группу.

Кюпперс сам возглавляет группу. Как черти из табакерки выскакивают они из штолен. Обер-ефрейтор Паншютц прокладывает путь пулеметным огнем. Планер и обер-ефрейтор Кох и Нотерманс приканчивают американцев. Кюпперс с тремя бойцами прогнали

целую штурмовую группу. С фланга стали стрелять из карабинов. Паншютц упал. Его пулемет замолчал. Назад, в штольню!

Американцы стали осторожнее. С наступлением ночи они стали отступать под прикрытием своей артиллерии. Последние снаряды были выпущены около 21 часа 45 минут, осталось лишь 20 дымовых снарядов.

После этого началась война нервов. Американцы звонят из занятого дота на командный пункт и требуют капитуляции.

— Завтра мы все разбомбим. Тогда уже никакой капитуляции не будет, — говорит американец на ломаном немецком языке. У дотов громкоговорители ревут. Они сообщают о сдаче Шербура.

Кюпперс знает, что его оборона не может долго продолжаться. Он советуется со своими офицерами. «Мыждемся утра» — таково решение.

Около 3 часов утра 28 июня к доту подъехал американский джип с белым флагом. У главного входа встретили американского лейтенанта-парламентера. Он требует «безоговорочной капитуляции».

— Для этого нам парламентар не нужен, — ответил Кюпперс. — Скажите это вашему командиру. Скажите ему также, что я готов вести с ним переговоры о честной сдаче. Должен быть решен вопрос и об уходе за ранеными и передаче американских пленных.

Американский лейтенант умчался.

Около 8 часов лейтенант Чихон, наблюдавший в перископ, закричал:

— Несколько джипов с белыми флагами въезжают в крепость «Остек»!

На этот раз это командир 4-й американской дивизии, генерал-майор Бартон.

Он прибыл с несколькими офицерами своего штаба, чтобы предложить майору Кюпперсу капитуляцию.

Генерал во время Первой мировой войны был комендантом крепости Эренбрейтштейн. Очевидно, поэтому, когда он услышал, что Кюпперс уроженец Висбадена, у них завязалась доверительная беседа.

— Time is running, — сказал в конце беседы один из штабных офицеров генералу, — время прижимает. — Бартон кивнул, попросил дать ему карту генерального штаба и разложил ее перед Кюпперсом. Как раз на 28 июня было запланировано большое наступление.

— Я скажу вам откровенно, что произойдет, если наши переговоры провалятся. Речь идет об усиленном Двадцать втором пехот-

ном полке, Пятом батальоне рейнджеров, Двадцать четвертом танковом батальоне, а также о дивизионной и корпусной артиллерии.

— То, что связано с небом и морем, на карте не указано; но я думаю, вы можете себе это представить. К чему сопротивление? Боевой дух ваших солдат меня восхищает, искусство стрельбы вашей артиллерии, с которой я сражаюсь с самого Монтебура, меня удивляет.

— Можно взглянуть на карту? — спросил Кюпперс.

— Пожалуйста, — улыбнулся Бартон.

То, что увидел Кюпперс, объясняет, почему генерал может позволить себе улыбаться. Вся немецкая система обороны была с точностью обозначена на карте, даже точнее, чем на немецких картах. Более того, были отражены точные данные об оснащенности и количестве боеприпасов опорных пунктов и дотов, фамилии командиров опорных пунктов, батальонных командиров, а также командиров дивизионов и полков. В приложении был нанесен старый оборонительный участок «Ост» автономно от крепостной системы в районе Сен-Пьер-Эглиза.

К своему великому удивлению, Кюпперс видит детали немецких позиций. Даже штатное расписание дотов указано правильно. Оперативные пункты носят имена командиров. 11-я батарея 1709-го артиллерийского полка еще носит имя обер-лейтенанта Ральфа Несте, погибшего 5 мая 1944 г. Правда, это единственная ошибка.

Генерал Бартон заметил удивление Кюпперса.

— Мы не оставили места случайности, — сказал он спокойно. — Прежде чем начать вторжение, наша информация предоставила нам во всех подробностях немецкую береговую оборону вместе с планом расположения и проводимыми мероприятиями.

В доте царит тишина. Снаружи также тихо. Ни единого выстрела. Никто не зовет санитаров. Кюпперса мучает вопрос: как враг мог все это узнать?

Ответ на вопрос не так уж труден: целая армия агентов в оккупированной Франции собирала эту информацию — у болтунов, легкомысленных людей и предателей. Французские борцы Сопротивления позаботились об остальном — то, что они узнали, подслушали и увидели как хозяева квартир и как добровольные помощники. Бесчисленное количество почтовых голубей переносило эту информацию через пролив в голубятни союзной контрразведки на берегу Южной Англии. Историю этой гигантской шпионской работы еще предстоит написать. Это история «Альянса животных», самой значительной информационной организации союзников во Франции; история «Пантеры» французского полковника Аламишеля, кото-

рый создал эту организацию, полковника Фае, по прозвищу Лев и Мари-Мадлен Мерри, молодого, красивого и смелого организатора, которого почему-то прозвали «cherisson» — «ежиком».

«Альянс» держал во Франции 2000 оплачиваемых сотрудников: главных агентов, агентов, радистов, курьеров. У них, в свою очередь, была сеть информаторов по всей Франции. Они сидели в государственных, городских, коммунальных и жилищных комитетах, работали уборщицами в квартирах и штабах немецкой оккупационной армии, улыбались в качестве официантов в столовых и солдатских общежитиях, были переводчиками, а также добровольные или вынужденные шпионы среди немцев. У руководителя «Альянса» в Париже было три штаб-квартиры для штаба офицеров и для английского шеф-радиста «Магри» — волшебной сороки. Одна из квартир была предназначена для приема курьеров, вторая служила убежищем в экстренных случаях, и третья, главная квартира на улице Шарля Лафитта, руководилась «Одеттой». Сюда стекалась информация, здесь ее сортировали и снимали на микрофильмы. Неотложную информацию шифровали и передавали в Лондон. Доставку в Лондон обеспечивали самолеты или быстроходные корабли, которые были связаны с моторными яхтами и рыбацкими судами. «Альянс животных» — это трогательная глава тайной войны во Франции: хитрой, жестокой, жертвенной, смелой и грязной одновременно.

Карты генерала Бартона были результатом этой войны, одним из многих. Обсуждение, которое Кюпперс провел со своими офицерами, было коротким. Каждый знал: продолжать сражаться в этих условиях бессмысленно. Здравый смысл подсказывает — нужно заканчивать.

В 13 часов 30 минут генерал Бартон протягивает руку майору Кюпперсу: 28 июня. В наружной крепости «Остек» и на батареях война закончилась. Солдаты возвращаются по дороге, по которой они пришли с плацдарма «Юта». Те, что погибли первыми, и те, что погибли сейчас, — снова вместе.

Когда служба пропаганды Вермахта сообщила о падении морской крепости, то офицеры и солдаты в штабах Гавра или на островах пролива только качали головами. Они, словно зрители в ложе, видели, как слишком слабые немецкие силы сгорали в вихре битвы. Они не могут понять, почему высшее немецкое руководство считает, что лучшие дивизии должны стоять у пролива «ружье к ноге», вместо того чтобы драться за плацдармы.

Это кажется непостижимым.

Расплата за заблуждение

Шербур пал, а между Сенной и Шильдой бездействовало на своих квартирах больше немецких дивизий, чем было задействовано на фронте вторжения. Почему? Потому что в ставке фюрера и в Верховном командовании господствовала идефикс: высадка в Нормандии — отвлекающий маневр, главный удар следует ожидать в узком месте пролива, на Па-де-Кале.

С первого дня высадки союзников немцы действовали, исходя из этого заблуждения.

Одна группа армий «В», состоящая из 7-й и 15-й армий с 24 пехотными и воздушно-полевыми дивизиями, а также танковой группой с 6 танковыми дивизиями, располагалась в начале июня в северной части Франции, Бельгии и в Нидерландах. Но через 48 часов после высадки штурмовых частей союзников на трех береговых участках Нормандии ответные немецкие мероприятия ограничивались силами полков, батальонов и штурмовых групп. Если дивизии и принимали участие в боях, то лишь частями. Эти части дрались превосходно; но наступающий враг благодаря своему умению создавать направления главного удара был всегда в выигрыше. В первые два дня немецкое командование сплошь и рядом нарушало заповедь Гудериана: «Бить так бить!» Немецкие опорные пункты, мелкие наступательные резервы, боевые группы были перетерты, несмотря на успешную оборону, подчас приводившую врага на грань поражения.

Но немецкое руководство не использовало шансы. Макеты кораблей в британских портах и специально для немецкой разведки построенные из папье-маше военные лагеря в графстве Кент укрепили эту идефикс Верховного немецкого командования. Операция по масштабному десантированию была чужда немецким генералам. Заставляли стоять «ружье к ноге» дивизии на западном берегу Франции, боясь, что именно здесь произойдет высадка. Это привело к тому, что в конце июня одни только американцы на своем участке фронта высадили 4 корпуса с 14 дивизиями, которым противостояли 3 боеспособные немецкие дивизии, остатки 3 разбитых дивизий и 5 полков. А целые армии с отчаянием наблюдали из своих квартир на южном и западном побережье Франции, на курортах Бельгии и Голландии эту трагедию. Пригвожденные приказами, которые исходили из ложного понимания ситуации.

Один из лучших военных хроникеров союзников, австралиец Честер Вильмот, пишет по этому поводу: «Во время падения Шербура на плацдарме находилось 25 британских и американских дивизий. В Объединенном Королевстве 15 дивизий ожидали переброску в Нормандию и 6 дивизий находились на стадии формирования в качестве резерва для подкрепления британской армии на всех фронтах. Немецкая же разведка информировала свое руководство: «Враг имеет на своем плацдарме 27—31 дивизию, и большое число войсковых единиц разного рода введено в бой. В Англии стоят наготове еще 67 больших соединений, из них по крайней мере 57 могут быть использованы при большом мероприятии». Несуществующие 42 дивизии, которые немецкая разведка присоединила к резервам Эйзенхауэра, были плодом британской военной хитрости и немецкой несообразительности. Агентом союзников несложно было собирать объективные данные о численности, в то время как немецким агентам до смешного легко можно было внушить преувеличенное количество военного контингента. Эти несуществующие дивизии затуманили мозги Верховному командованию и послужили поводом для искажения стратегии».

Шербур был первым плодом этой «искаженной» немецкой стратегии. И этот плод был не последним.

VI. Между Каном и Сен-Ло

Высота 112

Между Орн и национальным шоссе 175, которое идет от Авранша на Кан, течет Одон, впадающая в Орн южнее Кана. Кто о ней знал до 1944 г.? Но сегодня эту чертову речку вспоминают десятки тысяч бывших немецких и английских солдат. Бывали дни, когда речка была забита телами убитых.

Бывали также дни, когда мосты и ее течение ругали сильнее, чем пропитанную кровью высоту 112, поворотный пункт наступления Монтгомери на Одон.

Седьмой корпус Эйзенхауэра с победой возвращался из Шербура, англичане страстно желали победить там, где они неделями ничего не могли сделать: у Кана, захват которого в оперативном плане Монтгомери был намечен на второй день вторжения, D+1. Между тем прошло уже 16 дней, а Кан стоял.

22 июня, после невиданного ураганного огня, британско-канадские соединения пошли в наступление. Их задача — пробиться через речку Одон к Орн, захватить господствующие горные хребты со стратегически важной высотой 112 и взять город двусторонним наступлением.

Но британцев встретила 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд». Завязался бой, может быть, один из самых ужасных во Второй мировой войне. Батальоны были смяты. Роты разбиты. Танки 11-й британской бронетанковой дивизии в ярости на скакивают на противотанковые доты. Они прорвались. Теперь цель — прорваться через долину Одона, и тогда Кан потерян, а немецкий фронт в Нормандии прорван.

Противостоят дивизиям Монтгомери всего лишь остатки немецких соединений, небольшие группы, разрозненные гранатеры, лежащие в ложбинах, в руках фаустпатроны, но вот появились

«Шерманы». Один, два, три, четыре. Это мгновение, когда современной технике противостоит один человек — может быть, последний в истории воин.

Его зовут Эмиль Дюрр, 20 лет. Он выскакивает из кустов с фаустпатроном и поджигает танк, связку гранат бросает в прикрывающий танк, но промахивается и снова бросается на танк; на этот раз удача — танк подбит, но сам храбрец погибает. Третий «Шерман» остановлен снарядом противотанковой пушки. Четвертый танк подбит фаустпатроном. Но что значат четыре танка! На той стороне подошли новые танки. Они уничтожают последнюю немецкую противотанковую пушку, поворачивают на окопы и перепахивают их вместе с солдатами. Британская пехота стреляет с танков, отбивая атаку немцев с фаустпатронами. Командир 12-й танковой дивизии СС Курт Майер сам стоит с фаустпатроном впереди своей дивизионной роты. Вдруг раздался мощный грохот, заглушивший взрывы снарядов. Идет немецкий «Тигр» — танковое чудо Второй мировой войны. Один-единственный. Но его 88-мм орудие заставляет «Шерманов» повернуть назад. Становится легче. Но надолго ли?

Севернее города, где с 6 июня лежат гренадеры и стоят танки 21-й танковой дивизии, становится жарко.

В ночь на 23 июня после мощной артподготовки британская штурмовая группа прорвала у дороги Дувр—Кан оборонительные позиции 5-й роты 192-го мотопехотного полка — дорога на Кан свободна.

Печальная новость застала майора Фирцига в замке Шоте-де-ла-Лонде.

— Контратаковать! — приказывает он.

Майер с частями штабной роты 2-го танкового батальона выбивает англичан из немецких позиций. Но тут англичане прорвались северо-западнее Шоте-де-ла-Лонде. Гренадеры отступили до самого замка. Дорога свободна. Англичане могут опрокинуть защитную линию 2-го танкового батальона.

Фирциг позвал своего офицера связи, лейтенанта Лотце, ему 22 года:

— Вы должны навести порядок, Лотце, но больше десяти человек я вам выделить не смогу.

Рано утром началось. Слева прикрывает фельдфебель Дитч со своим пистолетом-пулеметом; справа — ефрейтор Моллер с пулеметом. Они добираются до окопов англичан. Лотце хочет приме-

нить старый метод пехотинцев: вскочить, кричать, стрелять и прыгнуть в окопы, затем пустишь в ход пулемет.

Он хорошо подготовил своих солдат, разъяснив, что это единственный шанс одержать победу, хотя вражеских солдат в три раза больше. Пошли. Лотце бросается в окопы первым.

Кричит.

И другие кричат и стреляют, кажется, будто атакует целый батальон.

Английский часовой стреляет. Моллер ранен в ногу, но все же прыгает в окоп и строчит из пулемета.

Лотце стреляет из пистолета. В окопе разрываются ручные гранаты. Англичане начинают поднимать руки.

— Прекратить огонь! — кричит Лотце. — Hands up! (Руки вверх!)

Лотце и Дитч поднимаются на ноги и в шоке замирают: здесь не 20 и не 30 солдат; здесь целая рота. Полдюжины мертвых или раненых лежит на земле, другие сдались.

Лотце спрашивает английского лейтенанта:

— How many men (Сколько у вас человек)?

— Eighty four (Восемьдесят четыре), — ответил офицер.

«Если среди них окажется два сумасшедших парня, то наша песня спета», — промелькнуло в голове Лотце. Он подходит к английскому лейтенанту: «Если что, тебе крышка!» Тот кивает. Расставляет своих солдат, и колонна отправляется назад к командному пункту. У майора Фирцига округлились глаза, когда он увидел приближающийся взвод.

В докладе танкового батальона дивизии от 23 июня, который сохранился в оригинале, правда, он немного урезан, говорится:

«Враг потерял в результате этой операции почти роту. Речь идет о роте «В» 1-го батальона Южно-Ланкаширского полка 3-й английской пехотной дивизии. В 7 часов оборонительная позиция 5-й роты 192-полка снова была в наших руках».

— Да, — говорит Оскар Лотце, сегодня инженер в Южной Германии, — мы тогда были немного сумасшедшими. Когда английский лейтенант протянул мне на командном пункте руку, я не понял, чего он хочет. В двадцать два года у нас не было и мысли, что после сражения можно пожать друг другу руки, как после футбольного матча. Я надеюсь дожить до того дня, когда смогу пожать обе руки этому человеку.

В послеобеденные часы 27 июня, когда там, наверху, в Шербуре, битва подошла к концу, у Кана англичанам удалось при помощи

11-й бронетанковой дивизии создать плацдарм на речке Одон. Отдельные танки пробивались к командному пункту дивизии Майера в Верзоне. Персонал штаба сидит в окопах с фаустпатронами в руках. И дальше на юге англичанам удалось взять один мост через Одон. Медленно они пробиваются по направлению к высоте 112, ключевой позиции района.

«Высоту сто двенадцать — удержать!» — гласит приказ корпуса. Танковый полк Макса Вюншеса должен ее занять и помешать прорыву врага к мосту через Орн.

Вечером 28 июня наконец подоспело подкрепление для контратаки: три танковые дивизии СС! Это звучит многообещающе. Но только звучит, ибо в то время как в Голландии и в Южной Франции танковые дивизии стоят без дела, чтобы встретить придуманный «второй удар вторжения», ставка вытащила 9-ю и 10-ю танковые дивизии СС из тяжелых оборонительных боев на Восточном фронте для применения в Нормандии. Сильно потрепанную 1-ю танковую дивизию СС перебросили из России в Бельгию для пополнения.

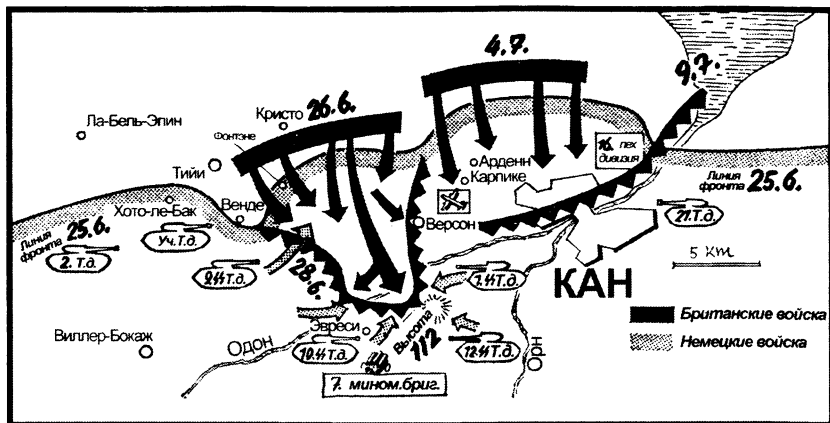
С этими обесиленными соединениями командир 2-го танкового корпуса СС обергруппенфюрер Хауссер должен был 29 июня сразиться с сильными штурмовыми дивизиями Монтомгери и добиться перелома в пользу британцев. Несмотря на это, надежда Гитлера и ставки связана с дивизиями СС, закаленными в Восточной войне.

29 июня начинается с грохота тяжелых английских корабельных орудий. Снаряды летят в Кан. «Сегодня будет жарко», — говорят гренадеры, глядя на небо. Там уже истребители. Если заметят внизу что-то, тут же налетают. Британская артиллерия пристреливается к высоте 112. Сначала медленно, а затем массированно. «Проклятие!» — говорят гренадеры, предчувствуя беду.

Истребители кружат — как коршуны на ясном небе. Корабельная артиллерия стреляет без передышки, так что не слышно своих собственных слов.

— Хорошо начинается! — кричат на позициях друг другу солдаты.

Утро 29 июня. В Версоне находится штаб 12-й танковой дивизии СС оберфюрера Майера. Бронемашина мчится по узким улочкам. Как коршун, на добычу спускается истребитель. Бортовая пушка стреляет, взрывая булыжник, и достигает цели. Боеприпасы в машине взорвались. Санитарная машина также обстреливается, сгорает свечкой. Не удастся спасти раненых.



Бой за высоту 112 и прорыв британцев в северную и западную части города Кан 26 июня — 9 июля

— Черт возьми, — кричит санитар, — черт возьми! — И бьет обгорелыми руками лицо. Он плачет.

Высота 112 находится под массированным артиллерийским огнем. «Если бы англичане наступали и их наступление напоролось бы на боевую позицию», — думали немецкие солдаты. И вот уже карабкаются танки 2-й английской бронетанковой дивизии по склонам долины. Двигаются по направлению к высоте 112. Вершину теперь не узнать. Тяжелые снаряды взрывают метр за метром плодородную нормандскую землю.

Теперь ясно: британцы опередили контрудар Хауссера. Беспереывный артиллерийский огонь и воздушная бомбардировка обрабатывают немецкие соединения, стоящие на исходных позициях. Нет ничего хуже этого.

На позиции 6-й батареи 83-го полка шестиствольных реактивных минометов, расположенной в 800 метрах от высоты 112, зазвонил полевой телефон. 9 часов. Вахмистр Доорн снимает трубку. Слушает. Кладет трубку на место и бежит к капитану Генглю, который находится на батарее.

— Господин капитан, звонок с позиции «В» на высоте сто двенадцать. Артиллерист Кушов докладывает, что вражеские танки появились на высоте. В пяти метрах от его окопа стоит «Шерман». Он просит ему не звонить, хочет попытаться пробиться. Что случилось с обер-лейтенантом Вернике, лейтенантом Ничманом и другими солдатами на позиции «В», он не знает. Очевидно, разгромили.

— Дружище Доорн, это неприятность, — ворчит Генгль и приказывает: — Батарейный взвод по шесть человек, приготовиться к пехотному бою. Сформировать две противотанковые группы.

Артиллеристы подходят к высоте 112 на расстояние 100 метров. Противотанковый отряд вахмистра Доорна пробирается еще ближе, но тут по ржаному полю, по которому ползут артиллеристы, начинают бить пулеметы англичан. Ранены обер-ефрейтор Траутц и артиллерист Краутц. Доорн и ефрейтор Люббе с большим трудом уволокли своих товарищей от линии огня. Другие тоже должны были вернуться. Англичане обосновались на высоте несколькими танками, противотанковыми пушками и частями пулеметного батальона.

Высота 112 потеряна. И вот теперь англичане завладели ключом для дальнейших операций против плацдарма Орн. Перед ними вся территория. Ни одно движение на немецкой стороне не останется незамеченным. Это может закончиться крахом.

Дивизион 150-мм тяжелых гаубиц 12-го артиллерийского полка СС и батареи шестиствольных минометов полковника Чёкеля из 7-й минометной бригады взяли под обстрел высоту англичан. Англичане попали под мощный артналет, но поможет ли это?

Командир танковой дивизии Майер собирает остатки своей дивизии, чтобы организовать круговую оборону Кана. Он попытается, по крайней мере, удержать город.

Но новый командир 2-го танкового корпуса группенфюрер Биттрих приказывает снова овладеть высотой.

На рассвете 30 июня объединенная немецкая артиллерия начинает молотить высоту, особенно отличаются реактивные минометные батареи. Макс Вюнше подводит свои танки, укрытые туманом, совсем близко к высоте. Осторожно! Они останавливаются! Наклоняются, как могут. Ждут, пока закончится артиллерийский обстрел. После этого они выключают скорость, их испытанная практика гласит: мчаться без оглядки и стрелять фугасными снарядами.

Британская артиллерия наступление проспала. Она пытается остановить атаку и палит что есть мочи, но танки Вюнше быстрее. Выскакивают на высоту, сминают противотанковые пушки. Моторизованная пулеметная рота пришла в смятение от минометного огня, и ее уничтожают. Оставшиеся в живых англичане сдаются в плен. Подобно факелам пылают горящие танки, краска кипит на раскаленной стали. Пороховой пар тянется над измученной зем-

лей, на которой валяются мертвые, а раненые зовут на помощь. От артиллериста Кушова нет и следа. Нет метра земли, который бы не был перепахан снарядами. Но Кан спасен.

Особое участие в ликвидации английского прорыва принимала 7-я бригада реактивных минометов полковника Чёкеля — 83-й и 84-й полки. Бригада располагалась по обе стороны 112-й высоты для обороны. Дивизионы обоих полков обстреливали высоту из 300 стволов.

Минометчики войск химзащиты воевали на всех фронтах. Их снаряды разрывались на Ладожском озере, на Кавказе и под Сталинградом. И в битве за Нормандию минометные бригады химзащиты находились на самых тяжелых участках фронта. Только одна 7-я бригада в районе Кан расстреляла 8000 тонн снарядов. Но достижения этого превосходного оружия еще недостаточно оценены.

Название «химические войска» овеяно легендами и заблуждениями. Это маскировочное название возникло еще во времена рейхсвера. Тогда по Версальскому договору были запрещены танки и противотанковые орудия, но не ядовитые дымовые завесы. Под этим названием было создано скорострельное оружие для стрельбы снарядами большого калибра, начиненными химическим веществом. Вскоре химические войска стали развиваться в другом направлении и превратились в ракетные войска.

Во Второй мировой войне «химических» частей было очень мало, они стали первым ракетным оружием немецкого Вермахта. Его конструктор, генерал Дорнбергер, работает сегодня в США. Им были созданы пяти-, шести- и десятиствольные установки, называемые также До-установками. Сотрудниками Дорнбергера были генерал-майор Цанссен и Вернер фон Браун, его разработки привели к созданию «Фау-2». «Химическое оружие», по-немецки «Небелверфер» (разбрасывающий туман), прижилось и употребляется для маскировки. И утверждение, что название связано с инженером Рудольфом Небелем, заблуждение.

Первый минометный полк имел номер 51. Весной 1941 г. было создано еще два минометных полка — 52-й и 53-й.

Когда начался поход на Восток, было всего три гранатометных полка. В конце войны на фронтах было 20 бригад по два полка в каждой, то есть 40 полков. Калибр установок — 150, 210 и 300 мм. Из них 210-мм калибр имел самый сильный реактивный заряд и мог стрелять на 10 километров. Пробивная сила снарядов была вна-

чале слабее, чем артиллерийских, но осколочное действие значительно больше.

Установки прятались в замаскированных окопах, и запуск осуществлялся электрической запальной машиной. Мощный огненный шлейф поднимал большое облако пыли, и нужно было часто менять позиции, чтобы спрятаться от вражеских наблюдателей. Грохот был страшный: когда замаскированная минометная батарея открывала огонь, то все живое в ужасе пряталось в укрытия.

Это действенное оружие использовалось во многих вариантах. «Метательная установка 40», например, была всего лишь каркасом из деревянных жердей и стальных труб, который служил одновременно для хранения 83,6-килограммовых гранат. «Мул» был бронированным гусеничным транспортером с 10-трубной пусковой установкой.

Это метательное оружие, на Восточном фронте называемое солдатами «немецкий сталинский орган», было самым большим помощником пехоты. Эти части всегда применялись на самых трудных участках боя, близко к передовой линии, так как дальность полета снарядов была значительно меньше, чем у артиллерии: от 1900 до 10 000 метров. Личный состав подразделений реактивных минометов нес потери, сравнимые с потерями пехоты.

Учебную танковую дивизию перебрасывают в Сен-Лю

Танкисты Макса Вюнше 30 июня снова отбили у англичан высоту 112. Битва за Кан продолжалась. Фронт держался. Он держался и на соседнем западном участке у Тийи. Там сражалась учебная танковая дивизия Байерляйна с тремя элитными дивизиями Монтомери. Как и у Кана, гранадеры лежали в своих земляных ямах у противотанковых пушек или сидели в танках и не отступали. Держались у Хотота и Вендеса. Снова и снова отбивали танковые атаки и наступление пехоты 49-й и 50-й пехотных и 2-й бронетанковой дивизий Монтомери.

В пасмурный день 2 июля хоронили генерал-полковника Дольмана, командующего 7-й армией. Он скончался от сердечного приступа. Но утверждали, что от потрясений после допросов, которым он подвергался в связи с удачной высадкой союзников. О том, что

Гитлер требовал его отставки, он уже не узнал. Его преемником стал обергруппенфюрер СС и генерал полиции Пауль Хауссер, человек, пришедший из старого рейхсвера, он тогда уже был генерал-лейтенантом и вот теперь первым из генералов СС командовал армией.

И для фельдмаршала фон Рундштедта 2 июля пришло голубое письмо. Его преемник, генерал-фельдмаршал фон Клюге, был уже в пути.

Командующего танковой группой «Запад» генерала Гайера фон Швейпенбурга ставка отозвала 2 июля. Полный драматизма день, день козлов отпущения!

Этот день приготовил и для генерала Байерляйна судьбоносный приказ. Он гласил: срочно передать позиции в районе Тийи пехотной дивизии. Оставить там треть танков, истребителей танков и артиллерии, а остальная часть дивизии должна быть переброшена на американский фронт, в район Сен-Ло.

Байерляйн не мог понять: чем руководствовалось Верховное командование на Западе, приказав расчленить боеспособную дивизию? Были ли так плохи дела в Сен-Ло? А если так — то не было ли другого решения?

В военном дневнике Роммеля можно почувствовать озабоченность, которую высказывало руководство группы армий. Кан был поворотным моментом на английском участке, Сен-Ло — в американском секторе.

Главный город департамента Котантен был тактически важным дорожным узлом. В городе пересекались четыре дороги национального значения и несколько второстепенных дорог. Все они спускались с холмов в глубокую долину русла Вира через единственный мост вблизи железнодорожного вокзала. Только через этот мост можно было перебрасывать силы с одного берега на другой, из района Тийи—Байо в район Карантан—Перье. Несмотря на многократную бомбардировку, эта стратегически важная дорога в ложбине была почти не повреждена. Все вокруг лежало в развалинах: вокзал, отель «Нормандия». Держался только мост! Дело принимало серьезный оборот!

Сен-Ло! Кто из солдат, побывавших на полуострове, не знал его? До 6 июня каждый солдат Вермахта ходил в увольнение в город во время знаменитой «нормандской паузы» на баранье жаркое и телячье филе. И несколько стаканчиков кальвадоса.

На все это торжественно взирал собор. Каркасные дома излучали мир и покой. Но в начале июня с миром было покончено. И теперь здесь небо превратилось в ад.

На прощание с фронтом у Тийи англичане приготовили учебной танковой дивизии особый сюрприз: командный пункт Байерляйна, размещенный в небольшом крестьянском доме, который 20 дней оставался нетронутым, в 22 часа был накрыт внезапным мощным артиллерийским обстрелом. Один обстрел за другим.

Снаряды попадали в машины, готовые к отъезду. Два грузовика вспыхнули.

— Всем в укрытие! — Штабные офицеры, связные, водители, радисты попрыгали в окопы. Более двух часов продолжался обстрел. Связь с частями дивизии была нарушена. Наконец наступило затишье, и штаб тронулся с места.

Утром 3 июля Байерляйн снова собрал свой штаб. Новый командный пункт находился у Виллер-Бокажа, там, где в первые дни вторжения погиб унтер-офицер Картейс во время налета истребителей на штабную машину Байерляйна. После этого прошло четыре недели, и вот дивизия снова здесь. Как на карусели, кровавой карусели.

Солдаты задавали вопрос иначе: «Зачем ушли мы из ада в Тийи, если нас ввергли в другой?» Адъютант штаба дивизии майор Вреде услышал этот вопрос. «Я боюсь, что мы попали из огня да в полымя», — говорил он. И был прав.

С наступлением темноты танки покинули свои укрытия. «Осторожно, осторожно, чтобы не привлечь внимание англичан», — говорили все. Солдаты про себя ругались. Каждое расставание с привычным солдатами проклинают. Танкисты присматривались к «новичкам» из пехотной дивизии, которые со смешанными чувствами наблюдали за приготовлениями. Потом тронулись в путь. Проехав несколько километров от старой линии, свернули на запад.

Темно. Трудный марш, часто им приходится ехать со скоростью пешехода. Командиры танков идут пешком впереди своих машин. Выстрелы артиллерии воспринимаются как вспышки молнии.

— Рождественский фейерверк, — ворчит унтер-офицер Вестфаль во втором танке из 8-й роты.

— Хорошенькое Рождество, — смеется обер-ефрейтор Линке.

— С Новым годом! — кричит водитель Кардас в наушники.

Никто не знает, куда ехать. Никто не может сказать в течение ночи, какой путь пройден. Едут, стоят, едут дальше.

Никакого света: ни огонька сигареты, ни карманного фонарика. Только с трудом можно разглядеть опознавательные огоньки задних маскировочных фар. Чтобы водитель не заснул, Вестфаль достал губную гармошку. Стучит два раза по руке, чтобы выпали все хлебные крошки, и начинает любимую песню 8-й роты: «Под зонтиком вечером...» Тихо звучит песня в наушниках команды.

После ночи, проведенной в пути, наступает прохладное туманное утро. Когда уже контуры танков отчетливо видны, раздается команда: выставить посты по наблюдению за самолетами. Затем поступил сигнал: всем остановиться. Приказ:

— При любых обстоятельствах движение продолжать, даже при воздушных налетах. Выбывшие из строя машины не буксировать, потому что это замедлит скорость продвижения. Во время воздушных налетов открывать огонь из всех орудий! Даже из танковых пушек стрелять по истребителям. Трогай!

По небу низко плывут тучи. Уставшие наблюдатели сидят на машинах. Унтер-офицер Вестфаль передает команду своему наводчику и ложится на «рюкзак» — металлический ящик для имущества, прикрученный за башней. Он укрывается шинелью. Около 11 часов он вскочил. Истребитель над танком. Ниже 20 метров. Он нападает на первую машину. Вестфаль вскочил спросонья. Потерял равновесие и упал с танка. Но его мысли злы: «Тучи ползут чуть ли не по земле, а эти собаки все равно прилетели!» Ругаясь, он залез на свой танк:

— Закрывать люк. Подготовить пулемет для стрельбы по самолетам! — Впереди уже посыпались снаряды, но танку 812 повезло. Снаряды, выпущенные истребителем, вспахали кювет. Англичанин свернул. — Огонь! — Пулеметная очередь ему вдогонку.

Он снова прилетит! И притащит помощников.

— Поехали!

Фортуна к ним благосклонна: тучи, начавшийся дождь, словно шапка-невидимка, а когда прояснилось, заезжают во фруктовые сады, маскируются ветками. К вечеру без потерь добрались до Сен-Ло.

Кан пал

Байерляйн отошел из фронта Тийи, его части еще не подошли к Сен-Ло, как на участок фронта Тийи—Комон, а также на позиции 16-й авиаполевой дивизии и 12-й танковой дивизии СС обру-

шились англичане. Бой не прекращался ни на секунду. Авиаполевая дивизия, непригодная для пехотного боя, потерявшая во время первой бомбежки большую часть своих зениток, много офицеров и 800 солдат, была разбита. Ожесточенно сражались роты в своих опорных пунктах, не имея связи с дивизией. Командир дивизии, генерал Зиверс, пытался найти свои полки у северо-восточной части Кана.

9 июля англичане вторглись в северные предместья Кана. Западнее города фронт дрогнул, хотя части СС сражались ожесточенно, и союзники позже говорили, что с начала вторжения не встречали такого сопротивления.

В руинах старой нормандской деревни, построенной из тесаного камня, у аэродрома засели 50 гренадеров, остатки роты 1-го батальона 26-го мотопехотного полка СС.

Первая зенитная батарея СС 12-го зенитного дивизиона стояла насмерть. Англичанам в рукопашном бою пришлось брать орудие за орудием. Хауптштурмфюрер Ричель стоял у последнего 88-мм орудия — подбил еще три танка «Шерман». В своем последнем бою он вместе с шестью солдатами отбивался лопатами и прикладами и пал, сраженный автоматной очередью. Погибли и его солдаты.

Бессмысленно?

«Нет», — говорится в донесении командира дивизии: прикрывающий огонь батареи позволил увезти всех раненых из монастыря Арденна.

Напрасно 84-й корпус отказался подчиняться командиру дивизии СС Майеру, приказавшему отступить, — превосходящие силы Монтгомери остановить невозможно.

— Мы должны были умереть в Кане, но было невыносимо видеть, как молодые парни жертвуют своей жизнью ради бессмысленного приказа фюрера, — говорит он сегодня.

В 3 часа утра корпус наконец отступил из северных и западных кварталов города. Доты были взорваны. Измотанные части переправились через Орн. В послеобеденные часы британские разведчасти стали осторожно просачиваться в город. Монтгомери вошел в Кан, в город, который он должен был взять еще 7 июня. Для того чтобы преодолеть эти двенадцать километров, был отведен один день после высадки, а потребовался целый месяц! Но как бы там ни было — Кан пал. Но прорыва и удара через Орн не получилось, плацдарм для танкового сражения не был создан. Немецкий фронт стабилизировался. Роммель в спешке строил глубоко эшелонированную оборону.

Мон-Кастре и Сен-Жан-дэ-Дай

Восточное и западное крылья фронта Эйзенхауэра сковали немецкие резервы у Кана для того, чтобы дать возможность действовать американской 1-й армии на правом фланге Котантенского полуострова. Стратегия союзников заключалась в поочередном наступлении. Таким образом, немецкое командование было вынуждено постоянно перебрасывать свои танковые резервы, истощить их. Танков всегда не хватало. Если немецкие танки сражались под Каном, американцам в районе Сен-Ло было легче. Если их концентрировали в районе Сен-Ло, то фронт у Кана был ослаблен.

Во время этих кризисных дней в начале июля Роммель доносил в ставку:

— Вы не можете ожидать от меня, что я удержусь с одной четвертью дивизии против трех американских дивизий!

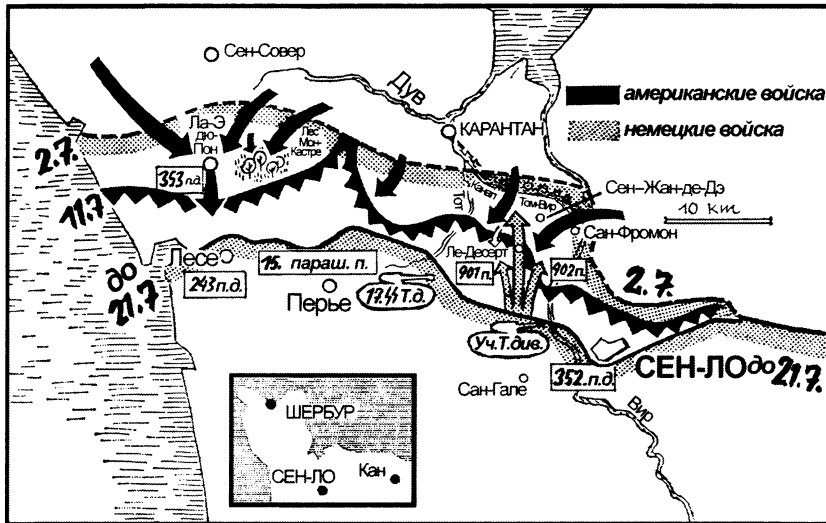
Лес Мон-Каст-Десер стал восклицательным знаком в конце роммелевского предупреждения. В истории 353-й пехотной дивизии и 15-го парашютно-десантного полка этот лес занимает особое место.

Американцы смяли слабые немецкие позиции. На помощь туда был брошен 15-й парашютно-десантный полк под командованием полковника Грешке. Молодые, закончившие краткосрочные курсы призывники, они держались и блокировали прорыв.

Главный удар наступления пришелся на 353-ю дивизию генерал-лейтенанта Малмана. Фронт по обе стороны Ла-Э-дю-Пон был 15 километров шириной. Эти 15 километров должны были защищать четыре пехотных батальона и два артиллерийских дивизиона. Сам город Ла-Э удерживал 353-й саперный батальон под командованием капитана Пильмана. Как волнолом, саперы стояли против десятикратной силы. Их оставалось только 40 человек, когда американцам удалось закрепиться в северной части города.

День 7 июля начался с туманного утра. Погода, которую любят солдаты, потому что есть какая-то надежда, что истребители не прилетят. Но случилось другое.

Штурмовые части 30-й и 9-й американских дивизий в 4 часа 30 минут неожиданно перешли канал Вир—Том по спешно восстановленному мосту, в другом месте янки переправились через канал на лодках. Город Сен-Жан-де-Дай был быстро взят. Удар докатил-



Американцы шаг за шагом упорно теснят немцев

ся до Ле-Дезерт. Стало ясно, чего добивается Эйзенхауэр: мощным клещеобразным движением этих двух дивизий выдавить немцев из Сен-Ло.

Вначале дела у американцев складывались удачно, поэтому Эйзенхауэр ввел туда еще и 3-ю американскую бронетанковую дивизию. Она катила прямо по хлебным полям северо-западнее Сен-Ло, но атака 2-й танковой дивизии СС 9 июля остановила продвижение американцев; следующая атака учебной танковой дивизии была запланирована на 11 июля. Она должна была отрезать американские силы, переправившиеся через Вир.

Вначале все шло по намеченному плану. Полковник Гутман нанес фронтальный удар 30-й американской дивизии 902-м мотопехотным полком и 20 танками. Слева полковник Шольце силами 901-го мотопехотного полка глубоко вклинился во фланг 9-й американской дивизии. 12 танков «Тигр» и противотанковая рота обеспечили его атаке пробивную силу.

— Наконец-то и нам улыбнулась удача! — кричали друг другу командиры танков по рации.

Это была действительно удача. Капитан Филиппс со своими танками уже в 6 часов 30 минут был в трех километрах за вражеской передовой линией, раздавил два батальонных командных пункта, окружил и взял в плен части одного пехотного полка 9-й американ-

ской дивизии. И, не останавливаясь, пошел дальше к каналу Вира. У Ле-Десерт гренандеры Байерляйна связали сильные американские силы, оказавшиеся в «мешке».

Если бы...

Здесь и там шел бой во фруктовых садах и лощинах. Зачастую танки стояли в 150 метрах, а иногда и в 100 метрах друг против друга. Опять — как уже много раз — оказалось, что для такого смелого плана были выделены ничтожные силы. Учебная танковая дивизия была лишь на бумаге настоящей дивизией. В действительности от нее осталась одна треть, две трети дивизия потеряла в изматывающих боях. И эта треть должна была устоять против трех американских дивизий.

Погода к обеду улучшилась, и появились истребители. Они с ревом пронеслись над полями и дорогами, вынуждая немецких солдат прятаться. Превосходящая дальность пушек немецких танков не имела значения. Гренандеры не поспевали. Атака зашла в тупик. Из 32 немецких танков к ночи 20 были уничтожены истребителями. Потери личного состава превышали 500 человек. Капитан Филиппс, опытный и испытанный командир 1-го батальона учебного танкового полка, попал в плен. Отчаявшиеся, покорные судьбе, гренандеры лежали в кустах, за выступами, в ложбинах и на полях.

«Неужели это все?» — спрашивали они себя. Да, это был конец.

Несмотря на это, они нанесли тяжелый удар по союзникам перед Сен-Ло и в лесу Мон-Кастре. Наступление американцев должно было обеспечить им прорыв из Котантенского полуострова. Не удалось, и, кроме этого, американские дивизии понесли тяжелые потери.

А как же складывались дела на фронте у Кана?

И там наступление союзников застопорилось. Дивизии Монгомери забуксовали. Они не могли перебраться через Орн на свободную равнину Фалеза, а должны были стоять в лесистой местности.

Все это сильно беспокоило командование союзников. В Вашингтоне и Лондоне заговорили о кризисе. Это сегодня думают,

что победа союзников в Нормандии ни секунды не ставилась под сомнение и ей нельзя было помешать.

Даже Эйзенхауэра мучил вопрос: если немцы подтянут пехоту из Южной Франции — а время для этого у них сейчас есть, — трудно представить, что будет. Тогда, возможно, до начала зимы силы союзников будут скованы и не будет речи о полномасштабных оперативных маневрах.

Злое понятие «застывание фронта» ходило по штабам. В американской прессе появились статьи, где нельзя было не заметить нетерпения и негодования.

Обо всем этом немецкие солдаты не знали — что и неудивительно, но удивляет, что и верховное командование ничего не знало. Да, немецкая агентура вновь оказалась несостоятельной.

С трудом верится, но от немецких высших штабов до командования войсками на Западе все еще верили, что второе вторжение произойдет в Па-де-Кале. Боеспособные дивизии, вместо того чтобы бросить их на помощь увязшему в тяжелых боях фронту, оставили в резерве. Парадокс!

Командование союзников пребывало и дальше в глубокой озабоченности от того, что вдруг могут появиться боеспособные немецкие танковые дивизии. Американский Гудериан — генерал Паттон, — дожидаясь этого часа, стоял наготове с вновь сформированной 3-й американской армией.

«Хорошие дрова»

Что делает враг? С этого вопроса начинается любая стратегия. Целые армии шпионов пытаются ответить на него, центр этих тайных операций называется Абвер. У союзников этот центр называется Intelligence. И собственно фронт нуждается в своем Абвере — разведке. Разведгруппы, воздушная разведка, радиопрослушивание, разведка боем для взятия пленных, изучение трофейных документов должны разрешить загадку: что задумал враг? Вся информация стекается в разведотдел. Разведчик — это офицер, который обрабатывает сведения, у которого все собирается и оценивается, все, что может вскрыть замыслы врага. Разведчик находится в некоей кухне алхимика. Найти в том материале, который ему поставляют, золото и мишуру и отделить их друг от друга — в этом его задача. Основные его качества — фантазия и недоверие.

Немецкое руководство не особенно заботилось об этой службе. Ее «специалисты» не пользовались высоким авторитетом. На уровне полка эту должность по совместительству исполнял офицер по поручениям. По-другому было на противоположной стороне. У американцев даже в батальоне был штатный офицер Intelligence. Шеф разведотдела при немецком Верховном командовании на Западе, подполковник Майер-Детринг, имел лишь 9 офицеров-помощников. Его коллега, Chief Intelligence Officer у американцев, имел сотрудников в десять раз больше. Вот пример.

В одной ложбине на американском участке фронта юго-восточнее Перье стоит немецкий штабной автомобиль, выкрашенный в типичные маскировочные цвета — зеленый и коричневый. Он принадлежит штабу 84-го корпуса.

Окна забрызганы грязью от разрывов снарядов союзной артиллерии, которая ощупывает местность, расточительно расходуя снаряды. Каждый разговор по радиации пеленгуется, колеи фотографируются, а затем в ход идут истребители и артиллерия. Сегодня 13 июля. Давно уже в небе кружат истребители. Майор Хайн, разведчик 84-го корпуса, пробирается, пригнувшись, со своим офицером по особым поручениям через яблоневые сады и высокую траву к авто, в котором работает начальник оперативного отдела штаба корпуса подполковник фон Кригерн со своей помощницей. Квартира Хайна находится в одном километре западнее в маленьком крестьянском доме.

Генерал Дитрих фон Хольтиц, который с 15 июня командует корпусом вместо генерала Вильгельма Фармбахера, встречает своего разведчика словами:

— Ну, Хайн, что неприятного вы опять принесли?

Майор положил на стол два наброска.

— Господин генерал, вот результаты вчерашнего дня, двенадцатого июля. — Его палец скользит по жирному штриху, который обозначает передовую линию фронта, и указывает на красный заштрихованный участок фронта американцев. — Во всем этом районе южнее Карантана объявлено радиомолчание. Это, как мы знаем, район 19-го и 7-го американских корпусов. Можно сделать вывод, что там идет перегруппировка. На севере, в районе дислокации 243-й и 353-й дивизий, обнаружены интенсивные радиопереговоры. Здесь, южнее от этого участка, по данным акустических измерений, пристреливаются новые вражеские батареи. На правом фланге 1-я американская дивизия уже несколько дней не обнаруживается, вероятно, ушла.

Генерал внимательно рассматривает набросок.

— А как насчет результатов на сегодня?

— Большие изменения, — отвечает майор. — По сообщениям агентов, сильное движение на юго-восток через плотины у затопляемого района Бопт. Многие вновь обнаруженные батареи пристреливаются в районе Сентини. У двух пленных были знаки 3-й американской бронетанковой дивизии. У одного убитого нашли письма со штемпелем АРО в кармане, то есть Army Post Office of the 1st Division (армейское почтовое отделение 1-й дивизии). Следовательно, соединение не расформировано, а переброшено в центр нашего фронта. Трофейные бумаги, найденные солдатами 17-й мотопехотной дивизии СС «Гетц фон Берлихенген», свидетельствуют, что участок фронта 7-го американского корпуса существенно уменьшился. Новая радиоволна КН2201. Наконец, бросаются в глаза многочисленные фотографии, сделанные вспышкой воздушными разведчиками в последнюю ночь между Перье и высотой сто сорок шесть. Наводит на размышление также сильный обстрел господствующих высот в центре расположения корпуса; очевидно, они хотят ликвидировать наши наблюдательные пункты. Даже отдельно стоящие подворья берутся под обстрел.

При этом разведчик думает о фермере Альфонсе Лелу, своем хозяине квартиры, которого вчера артиллерийский обстрел застал во фруктовом саду, и он вынужден был спрятаться в погребе.

Бывший иностранный легионер очень долго ругал войну и пушки освободителей.

— Как вы оцениваете положение? — спросил Хольтиц.

— Господин генерал, это — явная подготовка к наступлению. Главный удар Сентни по направлению к Кутансу — своеобразное маленькое решение Котантена. Это совпадает со сводкой оперативного положения штаба главкома войск на Западе, в которой еще на прошлой неделе говорилось, что после освобождения вражеских сил из-за падения Шербура самое позднее в середине июля следует ожидать повторения нападения на фронт 84-го корпуса.

Хольтиц согласно кивает. Идет к небольшому шкафу и достает бутылку коньяка. Наливает «Мартель».

— В своем вечернем докладе для армии сделайте предполагаемое вражеское нападение ощутимее; без рекламы дела не сделаешь, иначе в Ле-Мане подумают, что подкрепление и боеприпасы в другом месте нужны больше, чем у нас.

На улице начало темнеть. Майор и его офицер по поручениям исчезли среди яблонь. Издалека гремит фронт: знак затишья между битвами.

Прошло пять дней. Лейтенант Хеллер как раз собрался бриться, когда связист в саду прокричал:

— Воздушная тревога! — Помазок в сторону, вытер пену, прыгнул в самоходную установку с 20-мм пушкой. Взглянув на небо, увидел голубые светящиеся знаки: истребители и проводник-разведчик. «Это скверный признак», — мелькнуло в голове у Хеллера.

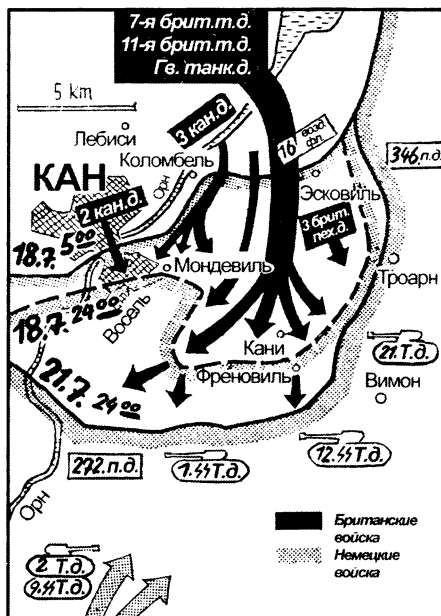
Всего лишь день тому назад, 17 июля, 8-я рота 192-го мотопехотного полка после боев за Кан была переброшена на правый берег Орн. Вблизи южной части города гренадеры Хеллера должны были отбивать неожиданные атаки англичан, исходящие со старого плацдарма у Орн 6-й британской воздушно-десантной дивизии. Севернее стояла 1-я рота 32-го егерского полка. 1-й батальон егерского полка был последним еще полностью боеспособным соединением 16-й авиаполевой дивизии.

Лейтенант Хеллер нашел свой расчет самоходного орудия в полном сборе. В глазах солдат был один вопрос: и здесь начнется? Да, началось!

Эйзенхауэр приказал Монтгомери наступать тремя танковыми дивизиями, двумя канадскими пехотными дивизиями и одной танковой бригадой. Они должны были прорвать канский фронт, навязать сражение основным силам немецкой танковой дивизии и уничтожить их и тем самым облегчить американцам решающий прорыв на фронте у Сен-Ло. План Монтгомери был прост. Это был стандартный рецепт технической битвы Второй мировой войны: громадная воздушная армада должна была бомбежкой создать люк, пехота 2-й канадской и 3-й британской дивизий атаковать с флангов люк-дыру, образованный бомбовым ударом, и создать коридор, через который затем на юг двинутся танки 7-й, 11-й гвардейских бронетанковых дивизий. И если возможно, то сразу до Парижа.

Ровно в 5 часов был совершен первый бомбовый ковровый удар. Три воздушные армии, две американские и одна английская в 2100 самолетов начали бомбить. Высоко в небе необозримыми соединениями они подплывали к цели, как во время маневра, и посылали смерть, а на прощанье выпускали дымовой шлейф, как маркировку для следующей волны: здесь мы выгрузились.

Четыре часа продолжалась эта экзекуция деревень, лесов и полей. На расстоянии нескольких километров воздух наполнился дымом и грязью. Больше не было дорог, садов — были одни только



Крупное наступление британцев в июле привело к прорыву немецкого фронта у Кана и открывало путь на Париж

кратеры! Одна 20-мм зенитная пушка была отброшена на 20 метров, хотя она была глубоко вкопана.

Пулеметные гнезда ушли в землю. Противотанковые позиции разбиты, окопы с солдатами засыпаны.

Последние 50 танков 22-го танкового полка, которые у Эмивиля стояли готовые к бою, были выброшены из своих маскировочных укрытий и частично разбиты, другая часть очутилась в глубоких воронках засыпанной. Танкисты лихорадочно откапывали свои машины.

Вдруг наступила тишина.

Сразу же пришли танки и пехота. Началось наступление двух армейских корпусов Монтгомери.

Наступление нахлынуло на немецкий фронт: на 272-ю пехотную дивизию, у которой нет ни одного танка и нет тяжелых противотанковых орудий, 21-ю танковую дивизию с остатками 16-й авиационной дивизии и частями 1-й танковой дивизии СС. В качестве резерва наготове стоят две боевые группы истекшей кровью 12-й танковой дивизии «Гитлерюгенд».

Пароль наступления звучит радостно и доверительно: «Гут Хольц» («Gut Holz» — Хорошие дрова — нем.). Как название игры в кегли со ставками.

Лейтенант Хеллер, который ведет тяжелую 8-ю роту, как и оберлейтенант Брац, командир роты, знает свои позиции на северном участке Кана вдоль и поперек. Они лежали здесь с 6 июня по 8 июля. Здесь произошел первый бой с приземлившимися британскими парашютистами-десантниками в день D. Здесь они похоронили своего командира батальона, майора Зиппе. Здесь покоится неутомимый связист, ефрейтор, как он записан в книге. Здесь лежат еще многие солдаты 1-го и 2-го батальонов 192-го мотопехотного полка,

за которым закрепилась слава: он в день D сумел пробиться к берегу через английский плацдарм. Но, к сожалению, один.

— Танки с трудом ползут по изрытому бомбами полю! — кричит обер-лейтенант Браас Хеллеру. И он смотрит в бинокль. Они оба лежат в конце цеха в Коломбелесе и наблюдают за предполем. Англичане сидят в воронках и ждут танковой поддержки.

Со стороны позиций 1-й роты 32-го егерского полка, которая лежит перед Коломбелесом, начинается пулеметный огонь. Солдаты обер-лейтенанта Кошвица еще обороняются. Назад! И рота поднимается по тревоге.

Все целые противотанковые орудия направляются на опознанную переднюю группу врага на перепаханном бомбами поле. Примечательно, что-то еще осталось целым после этого ада, падавшего с неба.

Хеллер устанавливает на позиции одно из своих 75-мм самоходных противотанковых орудий; теперь можно держать под прицелом дорогу, ведущую из Кана. Орудие начало стрелять. Передовые канадские танки застопорили моторы перед разрывающимися 75-мм снарядами.

— Хорошо, — ворчит Хеллер, — хорошо. — Но тут раздались взрывы в 80 метрах от орудия. Вражеская артиллерия пристреливается. По-видимому, в развалинах завода в Коломбелесе сидит артиллерийский наводчик. Может быть, даже на трубе. Следующий залп лег совсем близко от противотанковой пушки Хеллера. «Неужели они ничего не заметили?» — думает в растерянности лейтенант. — Связной!

— Господин лейтенант?

— Быстрее бегите к зениткам. Приказ. Смена позиций.

Ефрейтор помчался. Пробежал 100 метров. И тут раздался следующий залп.

— Ложись, ложись! — кричит Хеллер; но связист не слышит, не может слышать. Казалось, что он прыгнул прямо в разрывающийся снаряд. А следующий залп ложится в трех метрах от противотанковой пушки. Замолкли люди и пушки.

Медленно, очень медленно канадцы продвигаются вперед. Просачиваются через редкие немецкие линии. Атакуют из южной части Кана. Немецкие противопехотные орудия подавляются канадской артиллерией. Роту Хеллера и весь 2-й батальон прижали к Мондевилю.

И егерскую роту Кошвица так же разбили. Унтер-офицер Погенбрух, специалист по борьбе с танками, хотя и подбил «Шерман»,

все же должен снять заграждения с дороги на Мондевиль. Радист Шварценберг напрасно пытается наладить связь с батальоном. Ответа нет. Батальонный командный пункт давно уже раздавлен. Лейтенант Лангенберг из 2-й роты еще раз позвонил по телефону из старого замка Коломбелеса. Затем оборвалась и эта связь. К 14 часам у Кошвица осталось всего 19 человек. Он приказывает:

— Отступать. Место встречи — парк у Шато. — Но вот уже и здесь канадские танки. Солдаты бегут дальше через ложбины, ползут через кюветы и встречаются на сталеплавильном заводе Мондевиля лейтенанта Лангенберга с остатками 2-й роты. У железнодорожной насыпи они нашли командный пункт полка. Мондевиль окружен. Хейно Кениг, картограф, выводит остатки 31-го и 32-го егерских полков через туннель под железнодорожным полотном. Все собираются на одном из опорных пунктов 12-й танковой дивизии СС.

Командир 2-го батальона 192-го мотопехотного полка сначала и слышать ничего не хочет о прорыве под Мондевилем. Он посылает радиозапрос в дивизию: «2-й батальон окружен. Сражаемся до конца».

Но потом все же побеждает здравый смысл. Пользуются подходящим моментом. Батальон пробивается через канадские линии и почти без потерь выходит из окружения, а в 15 километрах занимает новую оборонительную позицию.

В глубине правого крыла 21-й танковой дивизии артиллерийские и зенитные батареи 16-й авиаполевой дивизии от бомбардировки пострадали не столь сильно, как в центре наступления. В большинство батарей, стоящих разрозненно, бомбы не попали. Прежде всего, зенитные батареи непревзойденных 88-мм орудий, которые после отхода из Кана освободились и были переброшены Роммелем для борьбы с танками на фронт, нанесли англичанам и канадцам значительный урон. Танки английской 29-й танковой бригады попадают под удар 88-мм пушек. Земля содрогается, дымящиеся танки останавливаются на хлебных полях. Горят. Разваливаются. Наткнувшись на сопротивление, очень робко пробираются вдоль железнодорожной линии Кан—Вимон. Только отдельные части пересекают железнодорожную насыпь. Но большая часть застревает в глубоко эшелонированной обороне 21-й танковой дивизии и 1-й танковой дивизии СС.

То, что не уничтожили 88-мм пушки, расстреливается танками «Тигр» 2-го танкового корпуса СС. И в конце концов на железной дороге Кагни—Френовиль вновь стоят боевые группы 12-й танковой дивизии СС.

Гренадеры Майера, вооруженные фаустпатронами и ручными гранатами, стали непреодолимым заграждением перед ослабленным ударом британских танковых дивизий. В вечерней темноте бригадфюрер Виш пускает в ход «Пантеры» своей 1-й танковой дивизии СС. Их непревзойденная огневая мощь наносит англичанам ужасный урон. 80 британских танков одиноко стоят на этом участке, догорая и дымя в хлебных полях или на лесных опушках. В общей сложности только знаменитая 11-я дивизия Монтгомери в этот день потеряла 126 танков, то есть половину своего состава.

Гвардейская танковая дивизия на дороге Кан—Вимон от обстрела 88-мм пушек потеряла 60 танков. Хребет британского наступления был сломан, оно остановилось. Попытка взорвать заграждение между Орн и Дивом опять потерпела неудачу. «Гут Хольц» было плохим предзнаменованием. Было слишком много стружек!

На высотах южнее Кана немецкие части укрепляли свои оборонительные позиции. Монтгомери разбитыми танковыми дивизиями отступил. Британский лев зализывал кровотокающие раны. Британская пресса негодовала.

Одну победу англичанам все же удалось одержать. Эта победа весила, пожалуй, больше, чем немецкие оборонительные успехи. Один британский истребитель выбрал себе жертву — человека, с которым были связаны все надежды группы армий.

После обеда 17 июля фельдмаршал Роммель поехал на фронт и посетил 1-й танковый корпус СС. Он разговаривал с обергруппенфюрером Зеппом Дитрихом о положении. Для доклада был приглашен командир 12-й танковой дивизии СС оберфюрер Майер.

Когда Роммель в 16 часов собрался ехать обратно в Ла-Рош-Гюйон, то Дитрих ему посоветовал поменять свою большую машину на более маневренную «Кюбель-Фольксваген» — из-за истребителей. Но Роммель, смеясь, отказался. Водитель Даниэль нажал на газ. И поехали. Небо прояснилось.

— Поезжайте быстрее, — приказал Роммель.

Возле Ливаро Даниэль свернул на боковую дорогу; в 5 километрах от Вимона он вынужден был снова ехать по главной дороге. И тут же фельдфебель Холке закричал:

— Штурмовик!

Два истребителя приближались сзади по дороге со стороны Ливаро на высоте 30 метров.

— Попытайся захватить в деревню! — закричал Роммель унтер-офицеру. Тот нажал на газ. Заехал в ямку. Но истребитель был бы-

стрее. Он вогнал в машину Роммеля 20-мм пулеметную очередь. Пули попали в мягкую обшивку и левую сторону машины.

Даниэлю задело левое плечо. Он упал на руль. Машина рванула направо и ударилась о дерево на правой стороне дороги. Развернулась налево и стала поперек.

Роммель головой ударился о ветровое стекло, был выброшен из машины, упал на дорогу. У него началось сильное кровотечение, была разбита голова.

Герой Африки, надежда Нормандии был выведен из строя британским истребителем! Капитан Ланг, майор Нихаус и фельдфебель Холке остались целыми и невредимыми. Роммеля затащили за живую изгородь. Когда истребители улетели, они доставили тяжело раненного фельдмаршала в ближайшую деревню. Она по иронии истории называлась Сен-Фу-де-Монтгомери.

Пост Роммеля никто не занял. Фельдмаршал Ганс фон Клюге, заменивший Рундштедта на посту главнокомандующего войсками на Западе, сам принял командование группой войск «В».

Когда «умный Ганс» — как называли одаренного, блестящего генерала-штабника — в начале июля прибыл в Нормандию с Восточного фронта, с тем чтобы сменить Рундштедта «и стабилизировать фронт», он поехал к Роммелю и в ходе беседы резко выразился: «И вы должны будете привыкнуть исполнять приказы». Клюге верил, что централизованной властью и сильной рукой можно выправить положение.

Потребовалось всего 14 дней, чтобы ему стало понятно: он бессилён изменить судьбу фронта вторжения. Сейчас уже ничего не зависело от руководства. Ничего! Эйзенхауэр выиграл стратегическое и силовое первенство. Для Клюге история уже приготовила роль трагического символа немецкого генералитета на поле битвы и неверных вмешательств ставки в свои собственные решения.

20 июля над Нормандией пронесся сильный ливень с грозой. Молнии освещали руины городов и сел. Дождь и град превратили страну в болото, ручейки — в мощные потоки, дороги — в непроходимые водостоки. И в центре разыгравшейся непогоды прозвучали слова: «Покушение на Гитлера». Различное действие оказывали известия из Парижа, Берлина и Растенбурга на штабы: возбуждающе, ошеломляюще или обнадеживающе, что эта бесперспективная война все-таки закончится. Сражающиеся соединения, солдаты и офицеры не имели времени для политических размышлений. Генерал Байерляйн выразил свою реакцию словами: «Мы больше смо-

трели за истребителями, чем следили за ставкой». Эти слова свидетельствуют о том, как истощены были фронтовые войска, как все внимание было направлено на один лишь пункт: выжить.

Прорыв у Сен-Ло

20 июля американцы сражались с остатками 30-й мобильной бригады¹ в городе Сен-Ло. Командир бригады полковник барон фон Ауфзес, один из храбрейших офицеров 84-го корпуса, был убит во время уличных боев в предместьях города. Это была кровавая драка. Официальная история 29-й американской дивизии дает нам картину этого сражения: только шаг за шагом, небольшими группами по 5 человек, под прикрытием танков американцы могли брать руины домов и улицы, заваленные обломками. Майор Томас Хови, командир 3-го батальона 116-го американского пехотного полка, был в числе убитых.

Пятью днями позднее, на командном пункте учебной танковой дивизии юго-западнее Сен-Ло.

— Когда, по-вашему, американцы здесь снова начнут наступать? — спросил генерал Байерляйн своего начальника штаба Кауфманна. На кухне закопченного старого крестьянского дома у Канизи жужжали мухи.

— В любой час, господин генерал. Они готовы, предвидеть час невозможно. Я считаю, что их сдерживала погода.

— Армия же считает, что главный удар будет нанесен не здесь, а на Кан, — возразил Байерляйн.

В это время зазвонил телефон. Сообщение с командного пункта 901-го мотопехотного полка:

— Тяжелая бомбардировка.

Байерляйн посмотрел на Кауфмана:

— Я думаю, началось.

Было утро 24 июля. Оповестили все части дивизии. Телефоны звонили. Связные приходили и уходили. Выжидали.

Снова зазвонил телефон. Снова сообщение с командного пункта 901-го мотопехотного полка:

¹ 30-я мобильная бригада (*Schnell-Brigade*) сформирована из самокатных разведывательных батальонов, изъятых из пехотных дивизий 7-й армии. — *Прим. ред.*

— Бомбы сбрасывают перед нашими линиями. Американская пехота отходит назад со своих позиций.

Неужели? Что случилось?

Проходит день. Наступления нет.

Ночь прошла тихо. Наступило 25 июля.

В 7 часов докладывает пробившаяся вперед рота 902-го мотопехотного полка:

— Американская пехота покидает позиции. Всюду отходит.

Вскоре такие сообщения поступят со всех участков дивизии.

— Они не хотят, — смеется Кауфман, — может быть, армия все-таки права.

Байерляйна информировали о том, что 2-я танковая дивизия снимается с этого участка фронта у Сен-Ло, чтобы занять позицию южнее Кана. Там высшее командование ожидает наступление врага. Смена произошла относительно тихо, 326-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Драбих-Ваехтера до сих пор стояла в Па-де-Кале.

Часом позже, в 9 часов 40 минут, в крестьянском доме у Канизи телефон начал звонить не смолкая:

— Массированные налеты бомбардировщиков, истребители атакуют мосты и артиллерийские позиции.

Больше сомнений не было: началось. Значит, здесь, на фронте у Сен-Ло. А 2-я танковая дивизия отходила к Кану, где ничего не происходило!

Зачем же отводили американскую пехоту? Тогда немецкая сторона считала это военной хитростью. Сегодня мы знаем, что за этим стояла тривиальная история. Генерал Брэдли думал начать наступление 24 июля. В последнюю минуту из-за плохой погоды он свой приказ отменил, боясь, что бомбардировщики будут бомбить неточно. Но до некоторых соединений бомбардировщиков приказ не дошел. Они поднялись и сбросили бомбы на свои позиции. Поднялась паника. Американские солдаты, спасаясь, покинули свои позиции. Это и было «отходом», о котором сообщал 901-й полк.

Когда же Брэдли назначил наступление на 25 июля, то некоторые его командиры полков, дабы не повторилось 24 июля, отводили свои части назад — ведь погода была не лучше, чем вчера. Это были те самые отступления, о которых 902-й полк докладывал Байерляйну.

К слову, командиры оказались правы: бомбы снова падали на свои рубежи. 47-й и 120-й американские пехотные полки понесли тяжелые потери. 12-й полевой артиллерийский полк был полностью разгромлен. Инспектор американских сухопутных войск ге-

нерал Макнейр, личный друг Эйзенхауэра, во время бомбежки был убит в своей машине. Несмотря на это, достаточно бомб упало на немецкий фронт.

Еще около часа штаб Байерляйна мог связаться с передовыми частями, но вскоре связь прервалась.

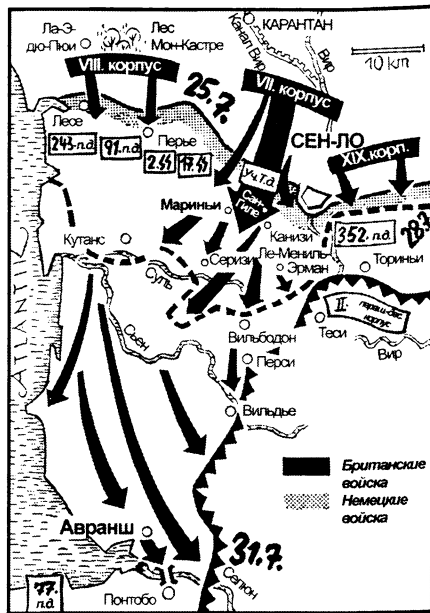
Но то, что в течение часа было нанесено на оперативную карту в командном пункте дивизии, говорит о многом: 2000 бомбардировщиков превратили фронтovou часть учебной танковой дивизии и примыкающие к ней 13-й и 15-й парашютно-десантные полки в коридор смерти шириной в 7 и глубиной в 5 километров. Все было перепахано. Окопы засыпаны. Зенитные позиции уничтожены. Бензохранилища, склады с боеприпасами и продуктами горели. 2000 бомбардировщиков — это значит, что, атакуя 7 километров, каждому из них приходилось вспахать всего 3,5 метра.

По крайней мере, половина дивизии — 2500 человек — была выведена из строя: убитые, раненые, засыпанные, лишившиеся рассудка. Танки и артиллерия на передовой линии были разбиты, дороги превращены в месиво.

Но генералу Брэдли этого мало: ровно в 10 часов он приказал поднять в воздух 400 истребителей и прочесать местность и все, что движется, обстрелять.

Но и это еще не все: в 10 часов 30 минут средние бомбардировщики получили задание бомбить дороги на Сан-Гилес и Мариньи.

И только после этого пошла в наступление пехота 7-го американского корпуса. Три пехотные дивизии были всего лишь передовыми частями, в задачу которых входила очистка разбомблен-



У Сен-Ло американскому 7-му корпусу удалось прорвать фронт. Эта операция была развита в мощное наступление с полуострова Котантен у Авранша, что привело к окружению немецкой 7-й армии

ного коридора, дабы обезопасить продвижение моторизованных частей.

Авиация хорошо поработала. Слишком хорошо. Пехотинцы со своим снаряжением медленно и с трудом передвигались по лунному ландшафту из кратеров, вырванных деревьев, проводов и камней. Танки вообще не могли двигаться. Саперы и бульдозеры с трудом прокладывали им дороги.

Байерляйн на мотоцикле поехал к командному пункту 901-го мотопехотного полка. В погребе одной каменной башни сидел полковник Хауссер.

Один лейтенант как раз забежал под своды погреба; он прибыл с передовой.

— Господин генерал, — обратился полковник к генералу. — Я не нашел ни одного опорного пункта в боевой готовности. Передовой линии нет, она исчезла. Где она проходила — там зона смерти.

К полудню американцы перешли дорогу Сен-Ло—Перье. На следующий день, 26 июля, у Мариньи американцы наткнулись на немецкое сопротивление. Бог знает, как отдельные позиции уцелели в этом аду. Во всяком случае, они сопротивлялись.

Брэдли приказал 400 средним бомбардировщикам обработать местность. 2-я американская танковая дивизия после этого прорвалась на правом участке дивизии прямо до Сен-Гилеса. Вечером она уже стояла в Канизи, там, где только что размещался дивизионный штаб Байерляйна.

День жаркий и душный. Байерляйн, уставший, голодный, грязный, сидит со своим начальником штаба и офицером по поручениям в штабе в 5 километрах юго-западнее Данжи.

Часовой докладывает о немецкой штабной машине. В машине офицер штаба главнокомандующего фельдмаршала Клюге, который ищет учебную танковую дивизию. Он очень обрадовался, увидев командира дивизии. Он принес помощь? Нет. Он привез приказ.

Подполковник в безупречной форме с малиновыми лампасами на брюках, стоит несколько смущенный перед генералом и его офицерами, которые уже несколько дней не брились, не ели горячей пищи. Он себе представляет, что пережили эти люди. Но что толку, у него приказ.

— Господин генерал, — начинает он, — господин генерал, фельдмаршал требует, чтобы линия Сен-Ло—Перье удерживалась.

Молчание. Кауфманн взглянул на Байерляйна. Майор Вреде уставился в окно.

— Линия Сен-Ло должна удерживаться, — повторяет Байерляйн. — Позвольте спросить чем?

— Это приказ, который я вам передаю, господин генерал, — невозмутимо ответил он. — Вы должны держаться, ни один человек не должен покинуть свою позицию. — И, как бы оправдываясь, добавил: — Один батальон танков «Пантера» СС придет к вам на помощь и нанесет удар по американскому флангу.

Ни один солдат не должен уходить с позиции!

Байерляйн устался на офицера. В комнате воцарилась зловещая тишина.

Хлопнула входная дверь.

Генерал чувствовал, как в висках у него стучит кровь.

Человек, который всегда держал себя в руках в изматывающих африканских битвах рядом с Роммелем у Эль-Аламейна, в предсмертные часы немецкого африканского корпуса у Тель-эль-Мамспра и в Тунисе, выдохся. Он облокотился на стол и тихо заговорил:

— Там, впереди, держится все, господин подполковник, все. Мои гренадеры и саперы, мои истребители танков, они держатся. Никто не покинет позицию, никто. Они лежат в своих ямах, спокойно и безмолвно, так как они мертвы. Мертвы, вы понимаете? — Байерляйн подошел к подполковнику. — Доложите фельдмаршалу — учебная танковая дивизия уничтожена. Держаться могут одни только мертвые, но я останусь здесь, если так приказано.

Офицеру генерального штаба нечего отвечать. Страшный грохот потряс дом. Земля задрожала. Огонь поднялся к небу. Двери летели с петель. Стекла в окнах вылетели. Большой склад с боеприпасами в Данжи уничтожен истребителями. Тысячи снарядов с огненными шлейфами разлетаются по местности. Несколько тысяч мин, ручных гранат, тонны патронов взрываются: погребальная музыка умирающей дивизии.

На следующий день в обед, 27 июля, Байерляйн со своим штабом переместился на командный пункт у речки Суль. У него осталось всего-навсего полдюжины офицеров и 14 унтер-офицеров, связной и радист. Они разместились в старом крестьянском доме и пытались собрать разбросанные остатки дивизии, но к вечеру к берегу речки подкатили американские танки и взяли домик под обстрел. К несчастью, окна домика, выходящие во двор, были обнесены решетками, а входная дверь выходила на улицу вдоль берега речки и хорошо была видна танкистам. Во время затишья из дверей по одному выскакивали офицеры. При-

гая, как зайцы под дробью охотничьих ружей, они искали укрытия за деревьями и в хлебном поле. Байерляйн оставался в горящем доме, прижатый к дверному косяку. Майор Вреде стоял в 15 метрах от дома, спрятавшись за дерево, но вот и генерал побежал. Бросился в картофельное поле. Подлетел снаряд, голову в грязь, миновало.

Вставай и вперед!

В вечерней мгле виднелся человек, одиноко идущий в сторону Перси. Командир знаменитой учебной танковой дивизии, о которой Гудериан еще три месяца назад говорил:

— С одной только этой дивизией вы сбросите англо-американцев в море.

И вот теперь он идет пешком. В ставке с большой оперативной карты сняли флажок.

Фронт разрывается

Когда наконец Фридрих Байерляйн наткнулся на немецкие части 2-го парашютно-десантного корпуса, на другой стороне, на командном пункте корпуса у Сен-Вига, в десяти километрах восточнее Перси, происходил драматичный разговор.

Командир 2-го парашютно-десантного корпуса генерал Мейндль принимал посланца фельдмаршала фон Клюге. Это был сын фельдмаршала, подполковник фон Клюге, которому Мейндль должен был доложить обстановку. И сын попал под горячую руку Мейндля, которого интересовало, зачем приехал посланец Клюге? Привез приказ держаться? Новые требования?

Мейндль сдерживал своим корпусом фланг американского удара на юг. Его 12-й парашютно-десантный разведывательный батальон капитана Гёче как раз в этот момент вел ближний бой на перекрестке дороги Ле-Мениль—Эрман и делал все, чтобы спасти дивизионный командный пункт 352-й пехотной дивизии генерала Крайса от наступающих американских танков, а его штаб — от плена. Гёче удалось закрепиться и 24 часа удерживать важную дорогу. Шесть дымящихся танков «Шерман» стояли у его позиции. Какой толк от этого героизма на перекрестке Ле-Мениль—Эрман? Огромная брешь, возникшая в результате гибели учебной танковой дивизии, не стала меньше.

Она не стала меньше и от того, что батальоны графа Шуленбурга 13-го парашютно-десантного полка закрепились в районе Мариньи. Батальон Мойта сократился с 800 до 100 человек. Нет, развалившемуся фронту нужна была помощь иного рода. Чтобы ее оказать, командующий 7-й армией, генерал-полковник войск СС оберстгруппенфюрер Хауссер, отдал приказ 2-й и 116-й танковым дивизиям из находящегося под угрозой фланга 2-го парашютно-десантного корпуса широким фронтом атаковать американцев, прорваться через их фронт и — если удастся — восстановить связь с западным берегом полуострова. Генерал граф Шверин командует 116-й танковой дивизией, а генерал фон Лютвиц ведет 2-ю. Танковый контрудар возглавил генерал барон фон Функ. Хауссер как раз информировал генерала Мейндля об этом плане.

Возвращаясь в свой командный пункт, Мейндль воочию убедился в том, кто господствует на поле битвы.

Ровно тридцать раз пришлось выпрыгивать ему из «Фольксвагена» на 15-километровом отрезке пути от штаб-квартиры 7-й армии до собственного командного пункта. Тридцать раз пришлось прыгать в ямы или прятаться за изгородью. Для облегчения этой процедуры у машины были сняты двери. Парашютисты-десантники называли машину генерала «убегающей от истребителя».

Дорога, которая в обычных условиях занимала 30 минут, теперь потребовала 4 часа. От этого можно было сойти с ума. И на этом участке завтра должно начаться танковое наступление широким фронтом! Неужели наверху ничему не научились?

В таком настроении генерал встретил молодого Клюге. Генерал Мейндль взорвался, как и 24 часа тому назад генерал Байерляйн взорвался перед ним.

— Пожалуйста, передайте своему господину отцу, — холодно ответил Мейндль, — передайте ему в точности то, что я вам скажу: наступил момент, когда Нормандию уже не удержать, так как войска выдохлись. Особая вина заключается в попытках удерживать бесперспективные опорные пункты, и даже теперь все время твердят: «держаться». Западнее нас противник прорвется и нас опередит. Что тогда? Сейчас ставка делается на пару танковых дивизий! Я могу вам сказать уже сегодня, что эти две танковые дивизии с их устаревшей тактикой боя не продвинулись ни на шаг вперед. Было бы намного эффективнее организовать этими танками активную танковую оборону. Если бы ваш отец знал, как надо воевать при фантастическом господстве противника в небе, тогда он бы знал, что чего-то можно достичь только во время ночных атак. Завтраш-

няя танковая атака провалится, потому что она слишком широка и начнется только на рассвете и будет вестись днем. Танки разобьют, а гренадеры смогут только жертвовать собой.

Мейндль был прав.

И случилось то, что должно было случиться. Хотя парашютно-десантный корпус и держал правый фланг фронта, но весь левый фланг 84-го армейского корпуса был отрезан. Американцы беспрепятственно шли на юг между двумя немецкими корпусами. И если они повернут к побережью, то весь 84-й корпус окажется окруженным. Если они качнутся на восток, то под угрозой окружения окажутся дивизии Мейндля. Если же они поедут дальше на юг и их никто не остановит, они выйдут на оперативный простор в глубь Франции и создадут угрозу для всей 7-й армии.

Генерал-полковник Хауссер приказал 84-му корпусу прорваться на юго-восток и соединиться со 2-м парашютно-десантным корпусом. У него не было ни времени, ни возможностей согласовать с Клюге этот план. Телефонный разговор после первых же слов оборвался.

Отвод 84-го корпуса оголил бы западное побережье Котантенского полуострова. Брешь открыла бы американцам Авранш и дала бы шанс на прорыв. Поэтому Холтиц воспротивился этому плану. Он лично пригласил Хауссера на переговоры по радиации. Армия же настаивала на отводе корпуса — она боялась потерять его весь.

Фельдмаршал фон Клюге отозвал свой приказ и потребовал немедленного отвода на юг. Бороться за западное побережье. Выиграть время. Держаться! Держаться! Но движение корпуса на юго-восток началось, и остановить его было уже невозможно.

Бросается в глаза, что фельдмаршал, умный стратег, в эти недели с рвением выполнял все приказы ставки. Почему? Может, он не возражал против предписаний ставки потому, что чувствовал недоверие Гитлера, который втайне подозревал его в близости к людям, участвовавшим в заговоре 20 июля.

Как бы там ни было, фронт начал сомневаться и в Клюге, от которого ожидали новых, неординарных решений, решений, которые соответствовали бы создавшемуся положению.

А вместо этого фронт видел, что дивизии и полки таяли как снег под лучами солнца.

Ранее боеспособная 353-я пехотная дивизия генерала Малмана, которую 28 июля 941-й гренадерский полк у Съена вывел из неминуемого окружения, к 30 июля состояла всего из 800 человек. Боевые группы, сформированные из остатков нескольких ди-

визий, как, например, боевая группа Хейнца, в конце боев имели в своем составе численность роты. Старый, закаленный в боях 6-й парашютно-десантный полк, который в нашей хронике упоминается с 6 июня, состоял всего из 40 человек. Таково было положение. И союзники не замедлили этим воспользоваться.

Вечером 28 июля американские танковые и моторизованные колонны по всем дорогам между Виром и Атлантическим побережьем потянулись на юг. Перед ними больше не было единого немецкого фронта.

А канский фронт? Разве нельзя было оттуда перебросить отдельные части? Нельзя. С началом американского наступления у Сен-Ло в районе Кана, на другой стороне западни, канадцы пошли в наступление и навязали танковой группе «Запад» тяжелые оборонительные бои, и переброска частей стала невозможной. Решающее значение канского фронта заключалось именно в том, чтобы сковать немецкие силы, связать их, перемалывая одну танковую дивизию за другой, в то время как на участке Сен-Ло подготавливался большой прорыв, который должен был завести в тупик соединения 7-й армии.

Это было хорошо сработано. Стратегия верховного командования союзников была целеустремленно направлена на использование технического превосходства. Удивительное организаторское достижение до и после вторжения. Достойный удивления вклад науки и техники создал это превосходство и укреплял его с каждым днем.

Эйзенхауэр поэтому мог позволить себе многое, что, в случае поражения, историей ставится в упрек полководцу. Он мог с помощью полностью моторизованных соединений быстро менять направления главного удара и мгновенно парировать немецкие контрудары. Он избавлял своих солдат от нагрузок, которые для немецкого солдата были повседневными: ночью совершать марши, а днем воевать, всегда подвергаться атакам истребителей, без передышек, без замены, без надежды. Офицеры и солдаты немецкой армии, которые прошли Первую мировую войну, здесь, в Нормандии, четко увидели: война стала другой. Техническое превосходство сводило на нет все усилия немецкой обороны.

VII. Большой котел

Мост Понтобо

Драматическое развитие военной истории всегда уходит корнями в решения военного руководителя. Революционная танковая тактика генерала Гудериана, с ее смелым пренебрежением традиционной защитой флангов, приводила к гигантским котлам в первой стадии войны с Россией. Фельдмаршал Роммель осуществил в Африке принцип морского боя в пустыне. Вводил в заблуждение, нападая из пустыни, считавшейся непроходимой, отрезал войска противника от баз снабжения и дорог. Так он одерживал победы над превосходящими его по силе, но сражающимися консервативно британскими армиями. Это продолжалось до тех пор, пока один генерал не противопоставил его тактике новый принцип. Монтгомери применил тактику изматывания, войну богатого человека.

В войне за Францию на сцене появился революционный полководец. Но не на нашей стороне, а под командованием Эйзенхауэра.

Настоящим победителем стал Джордж С. Паттон, командующий 3-й американской армией. Он был американским Гудерианом и Роммелем в одном лице. В июле 1944 г. он вдохнул жизнь в молниеносную танковую войну.

Паттон прогнал свой 8-й корпус по узкому коридору между немецкими фланговыми позициями и Атлантическим побережьем.

— Наступайте! — приказывал он командирам, а когда они говорили о защите флангов, он только ворчал: — Заботьтесь о своей цели, а не о флангах.

Такая тактика была рискованной, почти авантюрной.

Вечером 30 июля 4-я американская танковая дивизия подошла к Авраншу. На следующий день она заняла Понтобо и создала плацдарм у реки Селюн. Таким образом, Паттон открыл ворота на оперативный французский простор.

Наступил кульминационный момент битвы. Сумеет ли Паттон держать ворота открытыми? Все зависело от одной дороги и от одного моста, ибо только одна дорога и один мост вели из Авранша в Бретань. И чтобы изменить ситуацию и предотвратить катастрофу, в распоряжении фельдмаршала фон Клюге была одна потрепанная в боях дивизия. 77-я пехотная дивизия под командованием достойного полковника Бахерера, которая после тяжелых, с большими потерями, июльских боев была дислоцирована в районе Пантобо для пополнения.

На командном пункте Бахерера можно было бы услышать падение иголки, когда вечером 30 июля начальник штаба зачитывал радиограмму Клюге:

— Авранш нужно во что бы то ни стало взять и удерживать. Это главный пункт нашей обороны. С ним связано наше присутствие на Западе.

Присутствие на Западе зависело от одного моста, одной дороги и одной ослабленной дивизии!

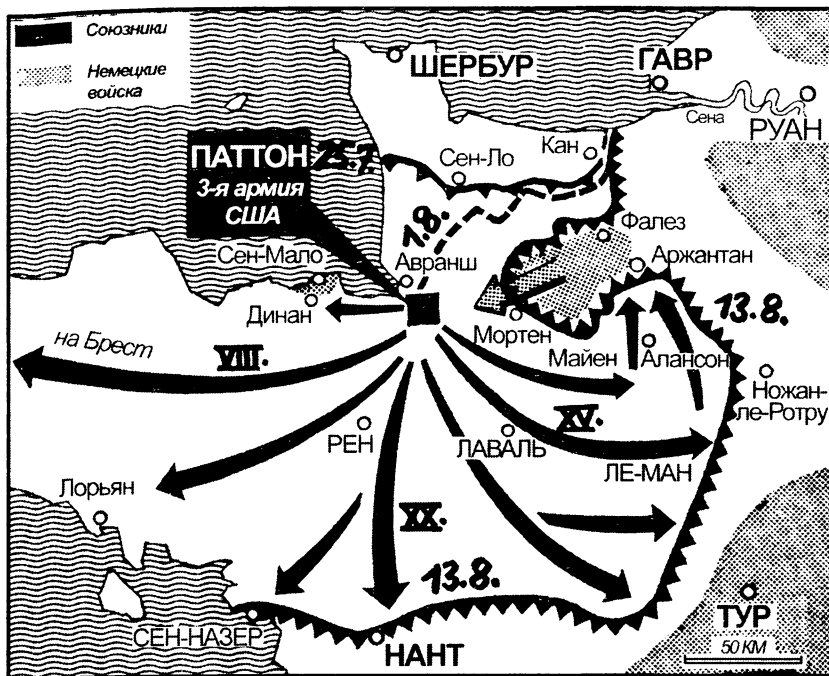
Бахерер был человеком дела. Он собрал все, что у него было: кроме своих собственных частей 77-й пехотной дивизии, еще 14 штурмовых орудий, части 5-й парашютно-десантной дивизии и все, что попадалось на сборном пункте.

С этой группой Бахерер напал утром 31 июня на Пантобо, захватил его и сразу же двинулся на Авранш. Гренадеры проникли в город. Дрались за каждый дом. Штурмовые орудия громили опорные пункты американцев и не подпускали батальон американских танков. Низко нависли тучи. Моросил дождь. На небе ни одного истребителя. Бой для штурмовой группы Бахерера шел неплохо.

Но к обеду небо прояснилось, и началась старая песня. Солдаты Альберта Альгаера из 1-го батальона 1050-го пехотного полка с опаской поглядывали на небо. И ждать пришлось недолго.

— Истребители! — прозвучал крик ужаса. Как коршуны, все новые и новые истребители пикировали на позиции. За какой-то час все 14 штурмовых орудий были разбиты. Американские танки без препятствий вышли на поле боя, разбросали гранадеров, оттеснили штурмовую группу на юг и запад.

— Группа взрывников — к мосту через Селюн! — приказывает Бахерер. Он хотел взорвать мост перед американцами, который как горлышко в бутылке выпускал противника в Бретань. Но проклятый мост был словно заколдован: первая группа взрывников была уничтожена. Другая попала в засаду и была взята в плен. Мост остался целым. Американские танки покатали через него и вечером



Переломный момент битвы. По одной дороге с единственным мостом генерал Паттон в результате блестяще проведенной операции вывел 3-ю армию США из «бутылочного горла» у Авранша на оперативный простор

31 июля приблизились к командному пункту Бахерера. В самый последний момент полковнику и его штабу удалось удрасть по ложбине. Генерал Паттон был у цели своего плана: американцы после шести недель непрерывных сражений оказались на выходе из узкого Котантенского полуострова. Никто не преграждал им путь.

Напрасно немецкие воздушные силы пытались разбомбить мост у Понтобо. С 3 по 7 августа они день и ночь бомбили, но если не считать одного незначительного попадания, то весь бомбовый груз пропал зазря и генерал Паттон пропускал через мост свои дивизии беспрепятственно. «Бутылочное горло», дорога от Авранша до Понтобо, стало трассой для танков и моторизованных соединений. Крепкие офицеры с «кольтом» в руках стояли у моста. «Go on! Go on!» (Вперед, вперед!) — командовали они, отправляя каждую часть в «горловину». Зенитки и истребители охраняли коридор. Внизу двигались танки, гусеничные и колесные машины. Марширующие солдаты в непрерывном потоке. Насмехаясь над всеми

оперативными планами и предписаниями мер безопасности. Паттон в 72 часа пропустил по этой дороге не менее семи дивизий. Это более 100 000 человек! Свыше 15 000 транспортных средств! Сумасшедшее достижение военного искусства.

Веерообразно американские войска вошли на французскую территорию. Паттон никогда не боялся показывать свои неприкрытые фланги. Он действовал по Гудериану: «Защита наших флангов — дело идущей за нами пехоты. Наша цель впереди».

4 августа пал Рен. 4-я танковая дивизия пронеслась поперек полуострова и вышла к городу Ван — южному берегу. Стратегической целью была крепость Брест, удаленная от Авранша на 300 километров! Паттон дал задание 6-й танковой дивизии. Но она задержалась у Динана из-за серьезного сопротивления Бахрера, южнее Сен-Моло.

Паттон пригласил к телефону командира дивизии.

— Идите вперед, только вперед, не обращайтесь внимания на свой фланги, пока не дойдете до Бреста! — кричал он. Но командир дивизии оказался чрезмерно осторожным. Были потеряны драгоценные 24 часа. Немецкие войска в Бресте и Сен-Моло имели время для подготовки. Теперь взять Брест с ходу было невозможно.

Операция «Люгтик»

В то время как 3-я армия Паттона мчалась по Бретани и на юг, 1-я американская армия генерала Ходжеса продолжала свою атаку на восток и юго-восток, чтобы расширить коридор у Авранша. 7-й корпус занял Мортен с его господствующими высотами, и тем самым был создан плацдарм для большого броска на Париж.

— Если не будет заперта дверь Авранша, то фронт во Франции не выдержит. — Это сказал генерал Хольтиц в начале августа командующему 7-й армией генерал-полковнику Хауссеру. И армия, и группа войск ясно видели масштабы катастрофы. Само собой напрашивалось: заткнуть дыру у Авранша и отрезать армию Паттона от тыловых соединений.

В ставке тоже осознали опасность открытых дверей у Авранша. Отметили с удивлением и невольным восторгом смелый маневр генерала Паттона.

Гитлер со злобой говорил:

— Сошедший с ума генерал-ковбой едет с целой армией на юг и в Бретань по единственной дороге через единственный мост. Нисколько не обращает внимания на риск и делает вид, что он единственный в мире. Это непостижимо!

Но это было постижимо!

Тот, кто думал когда-то о победах такой сильной немецкой армии, понять не мог, как сейчас этот американец играет с этой армией в кошки-мышки. «Как это случилось? Ведь во Франции еще стояли сильные танковые дивизии. И они не в состоянии закрыть эту горловину шириной от 25 до 30 километров? 25 километров — от них зависела судьба похода на Западе! Разве это не парадоксально? Разве не было это большим шансом? Разве здесь нельзя было нанести решительный удар? Нельзя было осуществить поворот? Ведь противник сделал ставку на авантюру и легкомыслие?» Так думал Гитлер. Так думал и начальник штаба ставки генерал-полковник Йодль.

2 августа генерал-лейтенант Вальтер Варлимонт, заместитель начальника штаба Вермахта, прибыл к фельдмаршалу фон Клюге. Он привез приказ Гитлера о проведении операции «Люттих» — удар из Мортена по Авраншу. Гитлер требовал, чтобы из девяти танковых дивизий, действующих в Нормандии, восемь были подготовлены для этой операции, немецкое Люфтваффе тоже должно было бросить в бой все резервы, среди них 1000 истребителей.

Сказано — сделано, но срок! Фельдмаршал фон Клюге требовал немедленного удара. Гитлер требовал начать наступление только тогда, когда каждый танк, каждая пушка и каждый самолет будут на месте.

Клюге позвонил Йодлю:

— Мы должны сейчас же нанести удар. С каждым днем наш противник становится сильнее. Он протащил целую армию через дверь у Авранша.

Йодль ответил, исходя из удивительно оптимистичной оценки создавшегося положения:

— Не беспокойтесь по поводу прорвавшихся американцев: чем больше их прорвется, тем больше будет отрезано. — Эту фразу можно вставить в хрестоматию. Она напоминает легендарный ответ спартанского царя Леонида у Фермопил, когда поступило сообщение, что тучи стрел и копий персов затмили солнце. Царь ответил: «Это очень хорошо, тогда мы сможем сражаться в тени».

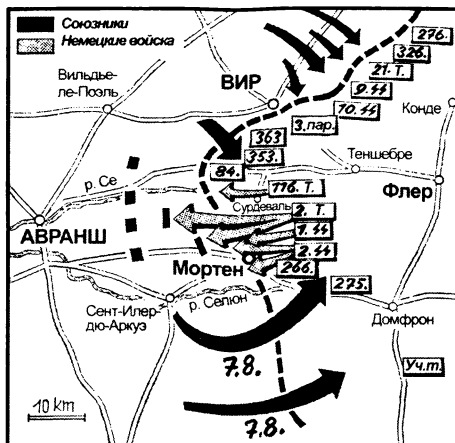
Фельдмаршал фон Клюге и генерал-полковник Хауссер оптимизма Йодля не разделяли. Они знали, что любое промедление означает для армии смертный приговор. Исходя из сказанного, они решили начать наступление в ночь с 6 на 7 августа. Все надежды западного фронта были связаны с предприятием «Люттих».

Четыре танковые дивизии: 2-я под командованием генерала фон Лютвитца, 116-я под командованием графа Шверина, части 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт» под командованием бригадфюрера Виша, 2-я танковая дивизия СС «Рейх» под командованием группенфюрера Ламмердинга, а также штурмовая группа 17-й мотопехотной дивизии СС «Гетц фон Берлихенген» и остатки учебной танковой дивизии, разбитой под Сен-Ло, образовали группу наступления. 47-й танковый корпус принял на себя общее руководство.

Барон фон Функ, командир корпуса, хотел использовать ночную темноту, начать большой танковый удар. Половину пути до Авранша он хотел пройти в темноте. 120 танков стояли готовыми, чтобы выступить по возвышенности между речками Се и Селюн, которые в определенной степени образовывали естественную защиту флангов от вражеских частей.

Вторая танковая дивизия выступила по приказу ночью. Но только правая группа оказалась на марше. Нелепая случайность приостановила наступление левого фланга: танки 1-й танковой дивизии СС не подошли. На пути к исходной позиции танковый полк заехал в двухкилометровый овраг. В довершение несчастья на передний танк упал сбитый истребитель и блокировал дорогу. Злое предзнаменование! Танки должны были вернуться. Потеря времени. Только на рассвете левая группа наступления могла начать свой путь.

Между тем правая группа с двумя танковыми батальонами, противотанковым дивизионом и 304-м мотопехотным полком вышли



Операция «Люттих».

Немецкое командование хотело окружить прорвавшуюся армию Паттона, но авиация союзников сорвала эти планы

далеко вперед. На танках сидели гранадеры и саперы. Общими усилиями атаковали американские противотанковые заграждения на дорогах, вели огонь. Вот гранадеры напали на американские передовые посты и двинулись дальше. Удача: американский опорный пункт разбит.

У Дува 1-й батальон танкового полка наехал на минное заграждение. Командир полка майор Шнейдер-Костальский убит минным осколком. Саперы устраняют заграждение. Двинулись дальше. Менсиль-Дув пал, но в церкви еще стоит противотанковая пушка, хорошо защищенная. Эта проклятая пушка задерживает все наступление. Наконец 75-мм снаряд разбивает эту пушку.

И снова вперед.

Менсиль-Адель. Группа находится в шести километрах от дневной цели. Пройдена половина пути до Авранша. Головные танки мчатся дальше на запад.

Наступил день.

Левая группа наступления 2-й танковой дивизии Лютвитца из-за опоздания 1-й танковой дивизии СС выступила в 2 часа ночи. Момент внезапности упущен. Скоро начнет светать, над землей стелется туман, он окутывает холмы, прячет перекрестки дорог. Но, и это главное, он не допускает к полю боя истребители.

Как призраки, из тумана выползают у американских позиций коренастые танки IV, стройные «Пантеры» и огромные «Тигры». 2-й мотопехотный полк штурмом берет ожесточенно защищающийся городок Сен-Бательми. Взято в плен 100 человек, но затем атака танков «Лейбштандарта» захлебнулась перед заграждением у большой дороги на Авранш. Сильные части 3-й американской танковой дивизии сдерживают натиск.

Между тем 2-я танковая дивизия СС добралась до Мортена и смяла противотанковые пушки 30-й американской дивизии. Начинается штурм высот перед городом.

С первой попытки их взять не удастся. Начинается ожесточенная борьба за каждый метр. На другом холме, на правом фланге наступления, 116-я танковая дивизия наткнулась на оборонительную позицию противотанковых пушек американцев, которые днем раньше захватили район Пери, и немцы не могут больше продвигаться ни на шаг вперед.

Когда рассеялся утренний туман, правая группа наступления Лютвитца глубоко зашла в коридор Мортен—Авранш. Еще один такой удар — и горловина будет перекрыта. Могут ли удержать слабые

силы эту горловину закрытой — это уже другой вопрос, но она была бы перекрыта, эта артерия питания армии Паттона. Мог бы произойти невероятный поворот хода сражения.

— Нам нужна плохая погода, господин генерал, тогда все получится, — сказал Лютвитцу его начальник штаба. Но желания здесь мало. Утренний туман быстро рассеялся. 7 августа приходит с ясным небом. И на этом небе уже появилось чудо-оружие Эйзенхауэра: истребители-бомбардировщики «Тандерболт». Они набрасываются на колонны 2-й танковой дивизии у Ле-Кодрей, на полпути к Авраншу. Несутся над дорогами и загоняют grenадеров, истребителей танков и саперов в укрытия. С невероятной точностью ракетные залпы истребителей «Тайфун» попадают в цель. Против этого оружия даже неуязвимые «Тигры» 1-й танковой дивизии СС беспомощны. В страхе пригибаются танкисты в своих стальных ящиках. Grenадеры неподвижно лежат на поле, дабы не стать мишенью. Редко где так сильно материли немецкое Люфтваффе, как здесь, на дорогах по направлению к Авраншу.

— Почему нет немецких самолетов? — спрашивали командиры частей. Солдаты выражались проще:

— Если они здесь не летают, то чего же нам еще ждать?

Почему же они не летали?

Конечно, 7-я армия знала, что наступление без прикрытия от вражеских истребителей обречено на провал. Генерал авиации Бюловиус обещал 300 самолетов-истребителей.

— Они будут, — сказал он Хауссеру, — они будут держать небо чистым над полем сражения.

Однако ни одного немецкого самолета не появилось. Бюловиус своего слова не нарушил. Эскадры истребителей стартовали со своих аэродромов вокруг Парижа, но британские и американские истребители перехватили их, и прямо над аэродромами завязались воздушные бои. Ни одно звено не появилось на линии фронта между Мортеном и Авраншем. Без помех летчики союзников могли продолжить охоту за танками, пушками и grenадерами наступающего 47-го танкового корпуса. Впервые в истории войн сильное и успешное сухопутное наступление было остановлено с воздуха.

Немецкие полки еще защищали захваченную территорию, бились за каждый клочок леса, за каждый двор, за каждую ложбину, а наступление было отбито, с воздуха разгромлено. Генерал Брэдли должен был бросить весь свой 8-й корпус против немецкой удар-

ной группы, чтобы устранить смертельную опасность, и это ему удалось. После 48 часов немецкие гренадеры снова вернулись на свои исходные позиции, которые они покинули 6 августа с такой надеждой.

Наступление 600 танков

Между тем британские танковые соединения не бездействовали. Для поддержания американских оборонительных боев в коридоре Авранш—Мортен Монтгомери ввел в действие 2-й канадский корпус.

Снова была пушена в ход старая тактика изматывания сил. Операция носила кодовое название «Тотализатор». Это указывает на то, что Монтгомери хотел нанести большой удар. Он нацеливался на прорыв и хотел провести его до Фалеза, чтобы затем ударить в тыл немецким танковым соединениям, оперирующим у Авранша.

7 августа, когда наступила темнота, южнее Кана канадские дивизии стали на исходную позицию, готовые для атаки. Шестью ударными клиньями танки и моторизованные пехотные соединения должны были блокировать большую дорогу Кан—Фалез с востока и запада, пробить немецкий фронт и после обеда взять Фалез.

В полночь начались первые бомбардировки передних немецких линий. После ураганного огня канадцы начали наступление на 1000 бронированных машинах. С воздуха их прикрывали 1000 летающих крепостей и еще раз утюжили позиции 272-й пехотной дивизии и только что переброшенной из Норвегии 89-й пехотной дивизии. Затем появились британские танки. Канадская пехота на бронетранспортерах мчалась по узким коридорам в тыл немецких позиций. Веерообразно заходила на территорию и атаковала немецкие позиции с тыла.

Для того чтобы прорвать 10 километров немецкой фронтовой дуги южнее Кана, Монтгомери бросил все, что у него было на земле и в воздухе. 500 тяжелых бомбардировщиков превратили землю на флангах дуги в огромные кратерные поля. Один кратер рядом с другим. Проверенный новый трюк, чтобы сделать невозможным проход танков 12-й танковой дивизии СС к флангам для оказания помощи основным силам.

Смрад и пыль висели над землей. В этом аду 700 американских самолетов фронтально летели на передовые немецкие опорные пункты. Они сбрасывали бомбы, взрывающиеся высоко над землей. Эскадрильи самолетов «Тайфун» летали над тылом, обстреливали любой транспорт, идущий к фронту, позиции противотанковых и 88-мм орудий. 89-я пехотная дивизия, прибывшая из норвежской идилии в этот ад, попала под главный удар. Сломалась. Некоторые части поддались панике. И все же некоторые участки фронта сдерживали атаки канадцев до полуночи. Положение становилось критическим. Британские и канадские штурмовые бригады пробились на пять километров в глубину немецкой оборонительной линии. 4-я канадская и 1-я польская танковые дивизии находились в резерве по обе стороны дороги Кан—Фалез. Им стоило только тронуться с места, и катастрофа была бы неминуема. В обороне стояли всего лишь две боевые группы 12-й танковой дивизии СС с 50 танками в резерве.

Оберфюрер СС Курт Майер собрал свои силы и поехал с штурмбанфюрером Вальдмюллером вперед, чтобы изучить обстановку. В бинокль он увидел тесные ряды танковых колонн у дороги Кан—Фалез.

— Ну, если они сейчас тронутся... — сказал Майер Вальдмюллеру. Оба не могут понять, почему же этого не делают.

А они этого не делают потому, что у их командиров еще нет опыта, и они не рискуют проехать мимо еще не уничтоженных немецких опорных пунктов.

Майеру ясно, что наступлению вражеских танковых сил нужно помешать, иначе фронт не рассыплется. Единственный выход: оборона по всему фронту с центральным пунктом Синто и собственная концентрированная танковая атака. Он приказывает:

— Наступление в двенадцать часов тридцать минут!

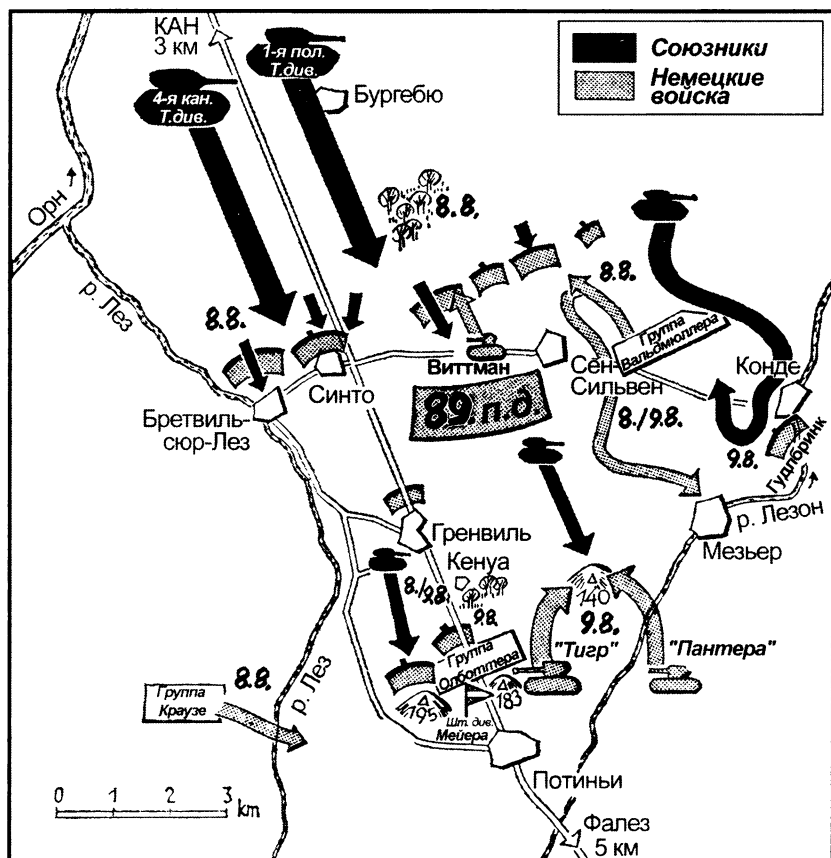
В это время в небе началось оживление вражеских разведчиков. Это опасно. Там, где эта братия, там начинаются воздушные налеты, и бомбовый налет на исходные позиции в окрестных деревнях — это самое последнее, что Майеру еще нужно. Это могло нарушить все его планы. Остается только одно: немедленное наступление. Пошел!

«Тигры» Михеля Виттмана снова катятся, полные надежд, на север. Гренадеры следуют за ними.

То, что предвидел Майер, случилось: 8-я американская воздушная армия приступила к новой бомбардировке с несколькими

сотнями бомбардировщиков и сравнивает с землей местность, где только что лежали гранадеры. Солдаты Майера злорадно улыбались. Весь этот танец огня их не касался. Они заняли Кинту и зацепились за руины. «Тигры» Витмана не только защищали фланги от танковых атак противника, но и сами атаковали канадские танковые роты. Неуверенные, разрозненные атаки канадцев снова и снова захлебывались, сталкиваясь с немецкой обороной. Напрасно пытался канадский командир 2-го корпуса генерал Симондс придать силу своему наступлению. Наступление его в 600 танков разбивалось об оборону Синто и о «Тигры» Витмана.

«Фронт держится», — говорили в штабах. Фронт! Сильно сказано! Это был не фронт. Это был разорванный, перепаханный, изры-



Неудачное наступление канадцев у Фалеза

тый кусок земли в 10 километров шириной. Последние гренадеры и пулеметчики лежали полусасыпанными в ямах. 1900 бомбардировщиков и 1800 истребителей сделали свое дело.

После обеда канадцы захватили Бретвиль-сюр-Лез, который отчаянно защищали остатки 89-й пехотной дивизии без противотанковых орудий. Все они героически пали в этом бою.

В Кинту бой бушевал до наступления темноты, но после падения Бретвиля фланг оголился. Штурмовая группа Вальдмюллера и танки Виттмана отошли к реке Лезон. Батальон «Тигров» был отведен в лес Квесни в тыл. Михеля Виттмана, на счету которого 130 подбитых танков, нет — он погиб.

Рискованным маневром канадский командир корпуса хотел спасти наступление «Тотализатор». Он послал смешанную штурмовую группу с 28-м танковым полком, чтобы в ночной атаке захватить лежащую далеко на юге важную тактическую высоту 195 и таким образом овладеть плацдармом между двумя реками Лезон и Лез. Это лишило немецкие оборонительные позиции флангов.

Но случилось непредвиденное. Британская штурмовая группа потеряла ориентир. Вместо высоты 195 она без боя взяла высоту 140, лежащую шестью километрами восточнее. Эта была оборонительная позиция, предназначенная для группы Вальдмюллера после ее отступления из Кинту.

Англичане обогнали Вальдмюллера и оттеснили его. Когда оберштурмфюрер Мейтцель в бронированной машине заехал на высоту, чтобы установить связь, его обстреляли танки, спрятавшиеся за деревьями. Ему еле удалось уйти. Курт Майер видел все это в бинокль с соседней высоты.

— Что за танки там стреляли? — Принял ли Вальдмюллер Мейтцеля за англичанина? Но тут пришло известие от Мейтцеля из танкового полка:

— На высоте сто сорок засели вражеские танки.

Майера бросило в холодный пот! Как они оказались на высоте 140? Где Вальдмюллер?

Мейтцеля снова посылают в разведку. Но он не вернется, он попадет в плен к канадцам.

Макс Вюнше посылает на высоту разведку боем. Разведчики доносят: высота занята вражескими частями. Их танковые пушки обстреливают низину реки Лезон. Эта низина, правда, предоставляет последнюю возможность обороне севернее Фалеза. Новое соединение, 85-я пехотная дивизия под командованием генерал-

лейтенанта Чили, уже находится на марше, чтобы занять позиции. Нужно выбить врага с высоты.

Для штурма Майер направляет с востока 15 «Пантер», а с запада несколько «Тигров». Артиллерия и минометы берут высоту под обстрел. «Тигры» под прикрытием леса пробираются к высоте. С громом падают их 88-мм снаряды в лес и роши. Огромные столбы дыма свидетельствуют о попаданиях: «Шерманы» один за другим взлетают в воздух. Теперь и с востока пошли первые «Пантеры», но тут на сцену вышел традиционный противник: истребители. Против них и «Тигры» и «Пантеры» беспомощны.

«Проклятие, — думает Майер, — проклятие, неужели мы и эту партию проиграем?» Но сегодня небесная артиллерия Монтгомери выступает в роли немецкого вспомогательного отряда. Истребители обстреливают не «Тигров» и «Пантер», а британские танки, стоящие на высоте. Молниеносно Вюнше посылает свои танки на высоту, где он находит один металлолом. Из-за обгоревших танков, из окопов отчаянно стреляют англичане. Две роты пехотинцев из 85-й пехотной дивизии, подъехавшие на машинах, окружают канадцев. Те сдаются.

Оберштурмфюрер Мейтцель пришел с 23 канадцами из 28-го танкового полка. Вначале он был их пленником, а теперь они его.

Так быстро война меняет роли. 47 британских танков дымятся на поле боя.

На высоте 195 танки и гранадеры боевой группы Олбёттера обороняют свои позиции от неистовых атак канадских шотландцев. На правом фланге подоспевшая тяжелая самоходно-противотанковая рота оберштурмфюрера Хурдельбринка со своими 75-мм противотанковыми пушками отбивает попытку 1-й польской танковой дивизии продвинуться через реку Лезон. Поляки вынуждены оставить 40 танков. С большими потерями дивизии Монтгомери отступают на север.

Фалез еще раз спасен, «Тотализатор» застопорен.

Измотанные, уставшие до предела бойцы 12-й танковой дивизии СС передают свои позиции только что прибывшей 85-й пехотной дивизии. Они еще не знают, что их грандиозный оборонительный успех обернется пирровой победой, которая подтолкнет высшее руководство к ошибочным решениям.

Опасность английского прорыва на Фалез, казалось, была устранена, и фельдмаршал фон Клюге уступил нажиму ставки и предпринял новое наступление на Авранш, чтобы перекрыть гор-

ловину. Опасная, смертельная игра. Ключе с большей частью группы армий «В» встал на опасную позицию, которую по оперативным соображениям давно уже нужно было оставить. Он закрывал глаза на тот факт, что армия Паттона пошла уже дальше Ле-Мана. Не хотел видеть того, что если сейчас немецкий фронт не отступит, то американцам представляется шанс окружить и уничтожить немецкие силы.

И что должно было случиться, случилось: 15-й американский корпус 10 августа повернул налево и начал наступление через Алансон на Аржантан в глубь фланга 7-й армии. С ударом канадцев до реки Лезон образовался большой мешок, в котором оказались дивизии Ключе численностью в 150 000 человек. Если они немедленно не прорвутся между Фалезом и Аржантаном на восток, пока еще держатся позиции противотанковых пушек на реке Лезон, им грозит катастрофа.

Гудерианова заповедь танковых армий гласит: «Целью танковых войск всегда является вражеская столица». Генерал Паттон действовал именно так. Он гнал свои дивизии на Париж. Одновременно он усиливал давление на среднюю Францию и штурмовал Тур и Орлеан.

Семьсот восьмая пехотная дивизия генерала Вилка, которая пыталась остановить наступление американских моторизованных дивизий, была смята.

Новые соединения, среди них боеспособная 9-я танковая дивизия, быстро перебрасывались из Южной Франции. Теперь, когда было уже поздно, их поодиночке отправляли в бой. Если бы в первую неделю вторжения они были бы введены во фронт высадки, то, возможно, совершили бы перелом.

Снова приказ ставки гласил: «Южный фронт нужно удерживать». Стратегическая мысль такова: на юге держаться, а на запад наступать. Ставка крепко держалась за этот план: еще раз ударить по Авраншу, перекрыть коридор и отрезать уже стоящие далеко на юге американские силы. Эту операцию должна была провести танковая группа генерала Эбербаха.

Но и этот отличный танковый полководец не мог совершить чуда.

Как же шли дела во фронтовых соединениях? В течение четырех недель все дивизии 7-й армии были задействованы. Это значит: днем — тяжелые бои, ночью — переходы! Без конца. У всех частей

не было отрегулированного подвоза. Склады попали в руки врага. И если подходила колонна с горючим к складу, то он был либо разрушен, либо был занят врагом. И как результат, машины, особенно артиллерийские тягачи, больше не получали бензина.

И при этом войска постоянно подвергались нападению врага, имеющего все, и держались в обороне.

К 12 августа стало ясно, что второе наступление от Мортена на Авранш, запланированное ставкой, неосуществимо. Все надежды остановить 3-ю армию Паттона и отрубить ее клешнеобразные руки, которыми она уже охватила 7-ю армию, рухнули. Теперь оставалось одно: как можно быстрее вырваться из этих клешней. Отход через Див.

Пехотные дивизии отправились в поход. Моторизованные части прикрывали отход.

«Отцы семейства — на выход!»

Воскресенье, 13 августа. Остатки учебной дивизии как «боевые группы учебной дивизии» были расположены в районе Хабловиль северо-западнее Аржантана. Дороги забиты расстрелянными обозами на конной тяге. Моторизованные части с трудом продвигались вперед. Батарея шестиствольных минометов остановилась на краю деревни. В 9 часов утра туман рассеялся, появилось солнце, прилетели истребители. Пролетели над дорогой. Прочесали маленький лесок, обстреляли и зажгли небольшие крестьянские подворья, в конюшнях которых гренадеры и артиллеристы укрывались днем.

Генерал Байерляйн со своим штабом лежал в окопе на краю фруктового сада. Крестьянский дом, в котором размещался его командный пункт, горел. С ревом приближался истребитель. В десяти метрах от кроны яблонь пронеслась огромная птица, накренилась в развороте. Пилот смотрел через стекло кабины, точно в окоп. Байерляйн видел его глаза. И ему показалось, как будто тот засмеялся: подожди, я сейчас вернусь! Он развернулся и приблизился к окопу, обстрелял его всеми своими 20-мм пушками. Сбросил две бомбы. Грязь и ветки завалили Байерляйна и его штабных офицеров. Все, что еще было живо, стало откапываться и отряхиваться. Все получили ранения.

В 150 километрах от фруктового сада Хабловиля, на западе, у Атлантики, в этот же час разыгралась другая драматическая сцена: во дворе цитадели у Сен-Мало, на высоте 26, полковник Бахерер стоял перед своими солдатами. Их осталось всего 700. Не хватало воды, питания, и Бахерер сказал им об этом.

— Отцы семейства, шаг вперед, — прозвучала команда. После этого полковник отправил отцов в плен. Для оставшихся началась последняя глава.

Американцы разбомбили опорные пункты и проникли в передовые укрепления.

Рано утром 15 августа в штольне Бахерера зазвонил телефон. Удивленный полковник снял трубку.

— Говорит генерал-майор Макон. — У Бахерера отнялся язык. — Я предлагаю вам капитулировать. Мы находимся в ваших опорных пунктах.

Бахерер ответил:

— Я не вижу предлога для капитуляции, но я вас прошу принять раненых.

Макон согласился. Был объявлен час затишья. Открылись ворота оборонительных сооружений. Американские санитарные машины заехали и взяли немецких раненых. Гуманность на час победила войну.

Затем снова закрылись входы в штольни на Паулюсской высоте. Начался последний бой.

Около 14 часов дня американцы применили фосфорные снаряды. Один снаряд попал в склад с боеприпасами. Взрыв, пожар. Расплавленный фосфор воспламенил солому, на которой спали солдаты в казематах, штольни стали заполняться дымом и газом.

Бахерер приказал поднять белый флаг. 350 человек сдались в плен. Паулюсская высота пала.

На той стороне, в 150 километрах восточнее, в районе Фалеза, продолжали сражаться остатки 15 дивизий, свыше 100 000 человек, в огромном котле, котле Фалеза.

«Вперед, из мешка!» — была команда. Но хорошо говорить. Единственный мост через Орн был в распоряжении дивизий 84-го корпуса и 2-го парашютно-десантного корпуса. Машина к машине, колесо к колесу стояли нескончаемыми очередями ночами на пролет на дороге к мосту. Кто его миновал, был спасен. Тот, кто к началу дня был еще на западной стороне, должен был искать укрытия — с приходом дня истребители «Тайфуны» и бомбардировщи-

ки пытались разбомбить мост — последнюю дорогу спасения, — правда, было еще несколько запасных мостов для пехоты. И, как ни странно, мост не разбомбили.

«Где фельдмаршал фон Клюге?»

Было 17 августа. Давно уже Гитлер не доверял Клюге. У него была информация о том, что фельдмаршал симпатизировал участникам покушения 20 июля. 15 августа Клюге предпринял поездку по линии фронта, с тем чтобы встретиться с генералом Эбербахом. Но в пункт назначения в Неси он не прибыл. Шли часы. Группа войск шлет радиogramмы в штабы дивизий: «Где фельдмаршал фон Клюге?»

Вечером Эбербах получил приказ ставки: «Установить местонахождение фельдмаршала Клюге. Ежечасно докладывать!»

Этот энтузиазм продиктован не беспокойством о судьбе главнокомандующего. По Растенбургу ползли слухи: Клюге поехал на тайные переговоры о капитуляции. Для таких слухов никаких оснований не было. Это был результат нелюбви Гитлера. Машина Клюге и две радиостанции были обстреляны, а затем фельдмаршал попал в хаотичное ночное движение забитых дорог. Часами он перемещался вместе с разбитой армией. В полночь, спустя 12 часов после отъезда со своего командного штаба, он наконец появился у Эбербаха в Неси.

Ставка в эту историю не поверила. Человек, безусловно преданный Гитлеру, грандиозной силы воли, фанатичной личной смелости, был доставлен самолетом с русского фронта и назначен преемником Клюге. Он совсем неожиданно 17 августа появился в штабе группы войск с письмом Гитлера и взял на себя верховное командование на Западе. Его звали фельдмаршал Вальтер Модель.

Когда Модель выходил из оперативной комнаты после разговора с Клюге, ему повстречался генерал Байерляйн.

— Что вы здесь делаете? — спросил Модель.

— Я хочу поговорить с фельдмаршалом фон Клюге об отводе с фронта остатков моей дивизии для обновления, — ответил Байерляйн. Ответ Моделя был проникнут духом беспощадной войны с Россией:

— Мой дорогой Байерляйн, на Востоке дивизии обновляются на фронте, и здесь мы будем этого же придерживаться. Вы останетесь со своими частями там, где вы есть, — попрощался и пошел.

И фельдмаршал фон Клюге пошел. Он еще успел отправить письмо Адольфу Гитлеру. После этого он отправился в путь. Куда? В его письме читаем: «Мой Фюрер! — когда Вы будете читать эти строки, меня уже не будет. Я не могу вынести упрека, что неправильными действиями предопределил судьбу Запада, и у меня нет средств, чтобы защитить себя. Это определило мое решение, и я отправляюсь туда, куда уже ушли тысячи моих товарищей...»

Сжатый военным языком Клюге изложил причины провала мортенского наступления: слишком мало танковых сил, нет средств для подавления воздушной монополии союзников. Союзники превосходят немецкие войска на Западе по численности и по технике. В заключение Клюге заклинал Адольфа Гитлера закончить войну: «Я не знаю, сможет ли всюду оправдавший себя фельдмаршал Модель справиться с создавшимся положением. Я от всего сердца желаю ему этого. Но если этого не произойдет и Ваши новые горячо желаемые средства борьбы, особенно воздушные, не сделают прорыва, тогда, мой Фюрер, решитесь войну закончить. Немецкий народ так многое безмолвно перенес, что уже пора этому ужасу положить конец... Покажите и Вы свое величие, которое необходимо, когда наступит час закончить войну, ставшую бессмысленной».

Не доезжая до Меца, Клюге принял капсулу с ядом.

Модель не смог выправить положения, не смог изменить судьбу большого котла от Фалеза до Аржантана.

В тот же день, когда он принял командование Западным фронтом, американские дивизии перед Аржантаном пошли в наступление на север. Англичане и канадцы, стоявшие у Фалеза, ударили в южном направлении. Их цель — соединиться и закрыть котел. Капкан для 7-й армии и 5-й танковой армии должен был захлопнуться, 100 000 человек — остатки 15 дивизий — были окружены на территории в 36 километров шириной и 18 километров глубиной. Беспрепятственно была артиллерия и эскадрильи бомбардировщиков. Многие части распались: отчаявшиеся люди бродили по территории или лежали в укрытии и ждали конца. Некоторые были полны решимости совершить прорыв. Для выхода еще оставалась полуоткрытой узкая полоса между Сен-Ламбертом и Шамбуа.

Ад Фалеза

Вторая канадская пехотная дивизия должна была взять Фалез, Трен и захлопнуть капкан.

Но в Фалезе засели войска СС. 6-я канадская бригада должна была отвоевывать дом за домом у мелких групп СС.

Шестьдесят гренадеров дрались еще три дня. Только четверых из них ранеными взяли в плен. Остальные погибли. В последнюю ночь оставшиеся гренадеры — два парня 18 и 19 лет — тянули жребий, кому перебраться через канадские линии, чтобы в дивизии рассказать о гибели боевых товарищей.

А в дивизии в это время собирались взорвать радиостанции.

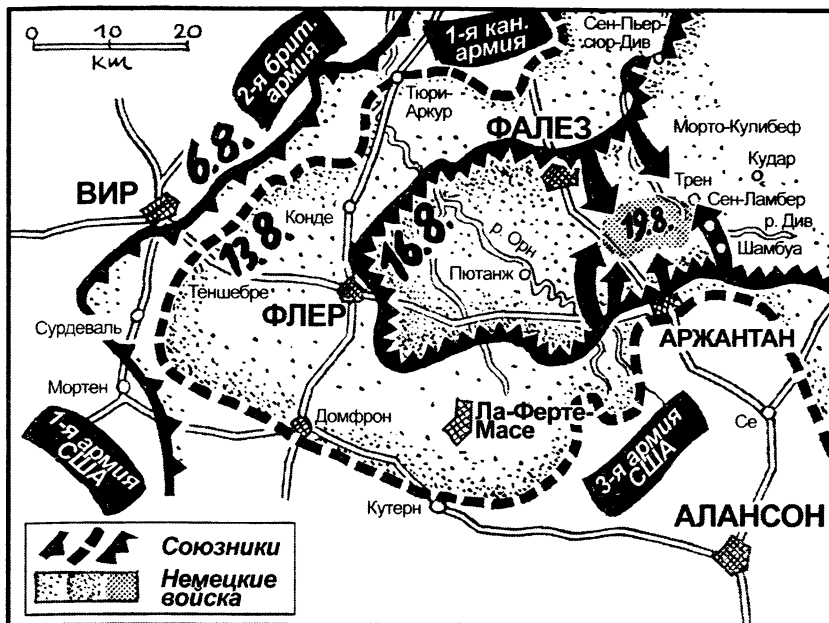
Танков не было. Два последних «Тигра» еще какое-то время сдерживали передовые отряды 53-й британской пехотной дивизии, а затем были взорваны.

Оберштурмфюрер Мейтцель со своими ранеными солдатами сдался в плен. Командир 12-го танкового полка СС, штандартенфюрер Макс Вюнше, со своими боевыми машинами попал под сильный обстрел вражеских противотанковых пушек. Танки были разбиты. Вюнше удалось бежать, но через пять дней он был взят в плен. У командира 12-й танковой дивизии СС, оберфюрера Майера, осталась лишь горстка в несколько сот человек от его некогда боеспособной и внушающей страх дивизии. Уготована ли им, как и всем остальным дивизиям, в большом мешке между Фалезом и Аржантаном судьба нормандского Сталинграда?

Генерал-майор фон Герсдорф в качестве представителя 7-й армии 18 августа договорился с генералом Эбербахом, командующим танковой группой «Запад», о том, что 2-й танковый корпус СС группенфюрера Биттриха, расположенный за котлом, из района Вимутье ударит по флангу англичан, поддержав тем самым попытку 7-й армии выбраться из окружения. 19 августа у Биттриха еще нет бензина и боеприпасов, но он надеется, что рано утром 20 августа он сможет выступить.

Командующий 7-й армией генерал-полковник войск СС Хауссер приказал выступить всем боеспособным частям в ночь с 19 на 20 августа.

Командир 84-го корпуса генерал Эльфельдт сформулировал приказ кратко: «Самостоятельный прорыв отдельных боевых групп из котла». Руководство 84-го корпуса прикрывает это предприятие



Кольцо окружения в районе Аржантан—Фалез, где была уничтожена немецкая 7-я армия

совместно с остатками групп Северного фронта и следует в качестве прикрытия за 2-м парашютно-десантным корпусом.

Штаб корпуса прикрывает прорыв своих последних боеспособных частей! Такой приказ не часто встретишь в истории генеральных штабов.

Генерал Виш выступил с двумя дивизиями рано утром 20 августа. С двумя дивизиями! Звучит! Но это всего 20 танков, на два танка меньше, чем положено роте по штатному расписанию! Пехота двух дивизий соответствовала трем батальонам. Несмотря на это, наступление вначале шло хорошо, но затем захлебнулось. Была еще взята высота севернее Кодехарда. Затем все кончилось, но битва за выход была в самом разгаре.

Остатки 353-й гренадерской дивизии пробивались под командованием своего опытного и осторожного генерала Малмана между Мосси и Шамбуа. Генерал лично разведывал дороги и вел рукопашные схватки с врагом.

Командир 2-го парашютно-десантного корпуса, генерал, отец парашютистов-десантников Мейндль вывел из западни 3-ю пара-

шютно-десантную дивизию, части 12-й танковой дивизии СС и штаб 7-й армии самым невероятным образом. Разведка донесла, что котел захлопнулся.

Мейндль приказал создать два ударных клина. Первый возглавил он сам, второй — начальник штаба корпуса, полковник Блауенштейнер.

Планы командования армии подчинить 277-ю пехотную дивизию и 12-ю танковую дивизию СС не осуществились — не было связи с этими соединениями. Но Мейндль уже к вечеру в личной беседе рассказал оберфюреру Майеру о своем плане.

Штаб Майера и группа Краузе должны были следовать за ударными клиньями: моторизованные части 12-й танковой СС вместе с 1-й танковой дивизией СС должны были у Шамбуа вырваться.

В 22 часа 30 минут как ночные тени стали выходить со своих позиций из небольшого леса дозорные парашютистов-десантников. Приказ гласил: «По возможности избегать боя». В соответствии с этим приказом Мейндль со своими людьми полз по бороздам. Прокрался возле часовых у танков и избежал пулеметного огня канадцев. В полночь добрались до реки Див. Мосты были заняты противником. Глубина реки была от полутора до двух метров. Берега крутые и поросшие ежевичными плетями. У самого берега, в кустах, были спрятаны три неприятельских танка. Метр за метром ползли парашютисты в своих насквозь мокрых одеждах по бороздам картофельного поля под непрерывным пулеметным огнем. На той стороне в Сан-Ламберте горели несколько домов и освещали территорию. Доносился шум боя. Вражеские танки мчались мимо. В упряжках лежали за изгородями и у дорог убитые лошади.

Командир 3-й парашютно-десантной дивизии генерал-лейтенант Шимпф был тяжело ранен в ногу осколками 20-мм снаряда. Генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер, под Москвой потерявший правый глаз, шел, вооруженный пулеметом, рядом с парашютистами и снова был ранен в лицо гранатным осколком, но офицер старой школы прусского кадетского учебного заведения держался. На танке 1-й танковой дивизии СС он наконец выбрался из окружения.

Во время переправы через Див ударные клинья Мейндля потеряли связь.

Полковник Блауенштейнер со своей группой стоял перед высотой Кодехард. На рассвете он предполагал штурмовать высоту Капелен. Но через 1-ю польскую танковую дивизию он пробиться не смог. Опытный командир 9-го парашютно-десантного полка май-

ор Штефан был тяжело ранен. Когда начался день, парашютисты спрятались за изгородями, в ямах, в подворьях. С наступлением темноты они пробивались на юг на Орвиль.

Сам генерал Мейндль с 20 парашютистами и несколькими офицерами прошел через все заграждения, но под утро они наткнулись на колонну вражеских танков. Три танка остановились в несколь-

ких метрах от окопа, где лежал Мейндль и его товарищи. Они слышали разговор экипажей на польском языке. Полтора часа группа лежала не шевелясь. Наконец вблизи танков начали рваться снаряды, и они поменяли позицию. Пошел легкий утренний дождь, который немного утолил жажду. Взошло солнце. Жара. В кустарнике было как в бане. Наконец Мейндль расслышал очереди немецких пулеметов: наступление Блауенштейнера на Кодехард.

Теперь он собрал всех парашютистов из 9-го и 15-го парашютно-десантных полков. При поддержке трех танков из 2-й танковой дивизии СС «Рейх» наступление на вражеские позиции восточнее Кодехарда приобрело силу.

К 16 часам была пробита брешь размером от двух до трех километров. В 17 часов первые грузовики покатали по извилистым дорогам Кодехарда на восток. Около 19 часов Мейндль приказал вывезти всех раненых, которые были в пределах досягаемости, специальной колонной Красного Креста с развевающимся белым флагом. Для всех других транспортных средств проезд был закрыт. Его корректное отношение было вознаграждено. Налетевшие истребители отвернули. Когда в 20 часов общий проезд возобновился, прилетевшие истребители начали стрелять по колоннам. Только с наступлением темноты это мучение кончилось.

До полуночи солдаты и машины шли из котла через эту брешь у Кодехарда. 3-я парашютно-десантная дивизия, включая группу корпуса, вывела из этого ада 4000 человек. Когда танковая разведгруппа доложила, что за ними уже никого нет, Мейндль приказал снять позиции по краям бреши. Дождь и ветер приглушили



Прорыв из окружения
в районе Фалеза

движение на дороге. В 5 часов брешь вновь была закрыта. Вражеские танки мчались через высоту. Тот, кто хотел выбраться из котла северо-западнее Сен-Ламберта, попадал в канадское танковое заграждение.

В предраассветной мгле 20 августа была пробита вторая дыра в кольце окружения: начальник штаба 7-й армии, генерал-майор барон фон Герсдорф, со своей группой, к которой также примкнули части 1-й танковой дивизии СС, вышел у деревни Сен-Ламберт, восточнее Дива, прямо на большую дорогу Тен-Шамбуа. Вражеские противотанковые пушки досаждали. Герсдорф двумя танками смял пушки и вышел на дорогу. Тотчас же из всевозможных закоулков-укрытий выскочили немецкие машины, орудия и грузовики и помчались через брешь на восток, но прямо на позицию 90-й американской дивизии. Американцы, уверенные в победе, были поражены. Они подняли руки вверх. Что было с ними делать? Взять с собой? Невозможно. Обезоруженных американцев оставили стоять.

Энергичные офицеры, майор Бохник из 116-й танковой и штурмбаннфюрер Бринкман из 12-й танковой СС, сформировали новую группу для предстоящего прорыва. Она еще шире приоткрыла спасительные ворота, сделав их главной дырой в восточной стороне котла.

И «танковый Майер» в нескольких подворьях собрал к полуночи штурмовую группу. Вместе с генералом Эльфельдом и его начальником штаба фон Кригерном отправилась ударная группа. У Шамбуа он встретились с танковой колонной 1-й танковой дивизии СС, которая готовилась к атаке. Группа Майера присоединилась к ним. Танковое заграждение противника оказалось сильным. Назад! Снова собрались. Атаковали, на этот раз удачно. Див форсировали. По берегам стоит противник и стреляет. Течение реки — капкан смерти для артиллерийских конных упряжек: мертвые кони, передки, пушки, человеческие тела — вот картина, достойная кисти великого баталиста.

Прошли.

Канадскую пехоту смяли.

Майер со своими 200 солдатами как на дикой охоте травит вражеские позиции. Солдаты молча, почти бесшумно выскакивают из кустов. Канадцы в страхе разбегаются. Рядом с Майером — с автоматом «казак» Михаил из Днепропетровска, он сопровождал Майера всю войну. Хуберт Майер, начальник штаба дивизии, бежит рядом с винтовкой. За ним оберштурмфюрер Кен со старой сумкой, которую он наполнил ручными гранатами.

Они перепрыгнули окоп — в нем немецкие пленные.

Выходи. Прочь из этого ада. Курт Майер сегодня говорит:

— Когда мы вышли, то крыли матом начальство, которое бездумно пожертвовало двумя немецкими армиями.

Вторая танковая дивизия под командованием своего раненого командира фон Лютвитца так же пробилась себе дорогу из котла.

С 15 последними танками и дивизионной артиллерией Лютвиц выступил утром 20 августа юго-восточнее Сен-Ламберта. 304-й мотопехотный полк и последние остатки истребителей танков прикрывали наступление. Бронированная головная группа и 2-й мотопехотный полк пробивались у Сен-Ламберта и несколько часов держали брешь между Треном и Шамбуа, пока не вышла вся дивизия.

116-я танковая дивизия отчаянно пробивалась из окружения и вывела из котла 50 танков.

Майор Хайн, начальник разведотдела 84-го корпуса, между тем застрел вместе со своим унтер-офицером Волландом в середине конной колонны у Шамбуа. В низине уже был виден мост, когда по колонне ударили танки. Возницы стали съезжать с дороги, ища укрытия в мелком лесочке.

Часть нашла укрытие в старом замке Шото-де-Обу. Хайн и капитан Пфейфер, офицер штаба 47-го корпуса, составили команды, чтобы собрать раненых, лежащих у изгородей, на полях, в ложбинах и у машин.

Вскоре замок и парк превратились в большой сборный пункт раненых. Главный врач Тильман из 988-го пехотного полка и главный врач Дитер Мюллер из дивизии «Гитлерюгенд» приняли заботу о раненых на себя. Напрасно Хайн посылал в эфир открытые призывы, в которых он объявлял замок лазаретом, напрасно на лужайках парка раскладывались белые простыни. Британская артиллерия стреляла по башням и площадкам. Рано утром 21 августа во двор замка въехали американские разведчасти. Хайн передал раненых капитану 90-й американской дивизии. Около замка лежали американские пехотинцы, солдаты из Техаса и Оклахомы. Они с любопытством смотрели на немецкого офицера. Один играл на губной гармошке. Он перестал играть и крикнул майору:

— Вам это знакомо? — И зазвучала старая мелодия «Ах, мой милый Августин, все пропало». Хайн, в 60-е гг. директор средней школы в Бордесхольме в Голштинии, почувствовал, как на глазах навернулись слезы, но он не оглянулся.

Генерал Эльфельдт и подполковник фон Кригерн во время сражения за переправу через Див потеряли связь с группой Майера. До 3 часов генерал ждал известий о положении с места прорыва котла; но единственное, что до него дошло, была радиограмма об его отстранении от командования. Текст гласил: «Отстранен. Сбор штаба корпуса севернее Мон-Ормея. Новое назначение на одном из сборных пунктов у Амьена».

После 3 часов генерал Эльфельдт выступил во главе небольшой группы уцелевших солдат по направлению Сен-Ламбера. Батальон вражеских танков перегородил им путь. Эльфельдт попытался обойти его ложиной. Но поздно. Рота 1-й польской танковой дивизии навязала им бой. Тот, кто не погиб, был взят в плен.

Таким образом, генерал Эльфельдт со своим штабом оказался в котле, в нормандском Сталинграде. С ним вместе осталось 40 000 пленных и 10 000 павших, но все же 50 000 человек нашли себе дорогу из котла.

VIII. Начало конца

Через мосты Сены

В полдень 21 августа генерал Мейндль увидел начальника штаба и начальника разведки на другой стороне Сены и радостно их окликнул:

— Блауенштейнер!

Полковник салютовал смеясь:

— Докладываю: вышел живым и здоровым из котла, господин генерал!

Солдаты и офицеры были похожи на цыган. Форма разодрана в клочья, грязные, большинство ранено, но того, кто вырвался из котла, ничто уже не могло испугать.

— Что теперь, господин генерал? — спросил Блауенштейнер своего командира корпуса.

— Я сегодня утром нашел остатки штаба Седьмой армии. Мы должны две ночи идти по направлению к Сене и там ждать перемены. Нас будет прикрывать группа Второй танковой дивизии СС «Рейх».

— Что прикрывает она еще, господин генерал? — Блауенштейнер горько усмехнулся. Мейндль посмотрел на своего начальника штаба и промолчал: незачем было отвечать.

Снова и снова с 7 июня на картах штаба корпуса появлялся призрак большого прорыва союзников. У группы армий «В» не хватало сил, чтобы помешать высадке. А потом у нее не было сил, чтобы в контрнаступлениях ликвидировать плацдармы противника, а высадившегося врага сбросить в море. Таким образом, немецких контрударов 7-й армии едва хватало на то, чтобы латать прорывы и латать распадающийся фронт. Одна за другой танковые дивизии перемалывались. Союзники выигрывали время, под защитой своей авиации высаживали на материк людей и технику. И теперь вре-

мя пришло. Два месяца удавалось оттянуть крушение. Вот оно наступило. Хотя в котле Фалеза не было массовой капитуляции, одна треть 7-й армии смогла выйти из окружения, но бронированное оружие — хребет наступательного боя — было разбито. Остатков его едва хватало на оборону. После Фалеза группа армий «В» имела в своем составе свыше 100 готовых к бою танков. 100 танков!

Мейндль думал о той информации, которая дошла до него в декабре 1943 г. из ставки. В оперативном обсуждении 20 декабря 1943 г., согласно стенограмме номер 35, страница 24, Гитлер оптимистично и уверенно пояснил: «Если на противника во время высадки посыпались бомбы, тогда нам удастся загнать его в укрытия. И если будет над ними кружить хотя бы один самолет, то врагу придется сидеть в укрытии, и он будет терять час за часом. За половину дня мы сумеем подтянуть наши резервы. Если наш противник будет пригвожден к берегу шесть или восемь часов, можно себе представить, чем это обернется для нас».

Расчеты Гитлера не оправдались! Хотя враг во многих местах был «пригвожден» к берегу на шесть и еще больше часов — даже без авиации, — но резервы не подошли.

Вначале, правда, они поступали по капле и слишком поздно, а затем их вводили не там, где нужно.

Превосходство союзников в воздухе решило исход войны на Западе. Второй раз Роммель был бит союзными летчиками. Первый раз это случилось в Африке; ибо только с воздуха была побеждена роммелевская танковая армия на севере Африки, побеждена именно в тот момент, когда его рука держала дверную ручку в Каире и нефтяной рай Востока был в его распоряжении. Полный паралич транспорта привел к тому, что Африканский корпус во время решающей битвы за Аламейн оказался без бензина и без машин. Этим самым был утрачен шанс завоевать Северную Африку, Ближний Восток и подготовить Англию к подписанию мира.

С воздуха был блокирован и немецкий подводный флот. Наступление этих серых волков было остановлено самолетами, снабженными радаром. Они нанесли подводным лодкам огромный урон, принуждая их к погружению, выводя из строя.

С воздуха помешали изготовлению и применению «Фау-1» и «Фау-2» — этого первого в истории войн ракетного оружия. Производство и исследовательские цеха в Германии и пусковые установки во фронтовой полосе были многожды разбиты бомбежками.

Во время вторжения превосходство союзников в воздухе переросло в воздушную монополию и обеспечило им победу на этом

фронте. Ковровые бомбардировки и налеты истребителей разбили береговые укрепления и французскую железнодорожную сеть, препятствовали быстрому вводу тактических и стратегических резервов, прерывали снабжение, разбивали танковые дивизии и артиллерию.

Это горькая истина Второй мировой! Мейндль знал эту истину, и Блауенштейнер тоже. Офицеры, командиры и штабы Люфтваффе не виноваты в том, что наши штурмовые и истребительные эскадры по численности так безнадежно отставали. Одеядо немецкой военной экономики было слишком коротко для ведения войны с Востоком и Западом. Экономика справилась бы, выпуская либо танки, либо самолеты; но для того и другого одновременно ее не хватало.

— Что же теперь? — спрашивал полковник Блауенштейнер своего командира корпуса.

— Наша надежда — Сена, — ответил Мейндль.

Сена! Серьезная река! Но и серьезная река не является препятствием в современной войне: смонтированные мосты, специальные понтоны, штурмовые лодки — прекрасная возможность для переправы, если этому не мешают войска быстрого реагирования, тяжелая артиллерия и танки противника. Если этого нет, то река — всего лишь ров. Немецкие армии доказали это в русском походе. Смогут ли доказать это американцы?

Смело мчатся по Северной Франции дивизии Паттона. Дороги на Париж открыты.

Всего лишь тремя дивизиями 15-й армии ставка планировала защитить Париж и прикрыть отступление немцев к Сене. И снова в воздухе повисли слова «слишком мало и поздно». Паттон мчался: с тремя танковыми дивизиями и тремя моторизованными пехотными дивизиями. К счастью для немецкого отступления, была плохая погода. Истребители оставались на аэродромах. Таким образом, остатки 2-го парашютно-десантного корпуса без потерь переправились через Сену у Лувье.

Курт Майер с остатками своей 12-й танковой дивизии СС объявился на командном пункте 1-го танкового корпуса СС и был встречен как воскресший из мертвых. Все, кто вышел из котла, переплывались у Руана на лодках и паромах через Сену. Части дивизии, которые располагались у Сены для пополнения, были брошены на долгосрочную оборону.

Вот едет грузовик с солдатами, остатками 1-го батальона 25-го мотопехотного полка СС, костяка боевой группы Вальдмюллера. Среди них дюжина солдат из 1-й роты.

Всего лишь дюжина.

На утренней заре 7 июня 1-я рота прыгнула с машин в Кане. 250 солдат! Андреас Шнель еще помнит, как унтершарфюрер Гренцов во время поездки все время говорил: «Шнель, нажимай ручной и ножной тормоз, когда я закричу «стоп». И всегда все получалось хорошо. Ни одному истребителю не удавалось подбить машину Шнеля, но Гренцова убили и других тоже, из 12 человек отделения в живых осталось пятеро.

Нашу старую 21-ю танковую дивизию мы встретили на дороге к Сене в бою с передовыми отрядами американцев. Их сюда бросили, чтобы заткнуть дыры, возникающие каждый час в слабом, подвижном прикрывающем фронте и исключить захват частей, движущихся к Сене. Дивизия сражается с 6 июня. Два маршевых батальона — вот все, что сегодня, в конце августа, дивизия может выставить. Большинство танков осталось перед Каном; с 8 танками 4-я дивизия начала свой прорыв из котла. Ни один танк не переправился через Див. Мотопехотный полк состоит всего из 40—50 человек. Артиллеристы, экипажи штурмовых орудий, расчеты противотанковых орудий, зенитные подразделения растеряли и оружие и машины. Цифры ничего не говорят об их страданиях и ранах, но они свидетельствуют о технической катастрофе, о поражении в современной битве, показывают слабости военной машины, без которой солдат становится беспомощным, каким бы храбрым он ни был.

С 6 июня до конца августа войска группы армий «В» потеряли 1300 танков, 20 000 легковых и грузовых машин, 500 штурмовых орудий, 1500 полевых пушек и гаубиц и несколько тысяч противотанковых и зенитных орудий.

Потери войск составляют 400 000 человек: раненые, пленные и погибшие. 200 000 человек маршируют в рядах пленных в Англии, Канаде и США.

Бог войны Марс убрал с поля боя технику и людей двух армий. Остатки собрались у Сены.

Третья рота саперного батальона 21-й танковой дивизии у Руана строила мост через реку. Люди яростно работали — у реки собирались прибывающие соединения, ожидавшие паромы, лодки. Воздушных налетов, к счастью, не было. Погода благоприятствовала строительству.

Офицерские команды стояли у подъезда к мосту. С пистолетами в руках они регулировали переход, наводили порядок. Здесь можно было видеть остатки всех дивизий, проливавших кровь в Нормандии: 21, 2 и 116-й танковых дивизий, 2, 9, 10 и 12-й танковых

дивизий СС, 17-й мотопехотной дивизии СС, солдат парашютно-десантных дивизий, пехотных, авиаполевых и зенитных дивизий, которые храбро сражались в садах, лесочках и ложбинах Бокажа.

Одну часть мы ищем напрасно. 6-й парашютно-десантный полк, который на участке высадки «Юта» первым успешно отражал атаки и с 6 июня постоянно принимал участие в боях, перестал существовать. Его судьба — пример борьбы и поражения целых полков.

После ухода из Карантана парашютисты-десантники Хейдта сражались вместе с другими дивизиями на Котантенском полуострове. Их название появилось в середине июля еще раз в отчете 7-й армии, когда взвод самокатчиков из 20 человек вместе с одним танком IV из 2-й танковой дивизии СС «Рейх» захватили в плен американский пехотный батальон из 13 офицеров и 600 солдат.

Затем полк был втянут в круговорот американского прорыва у Сен-Ло, вместе с группой 2-й танковой дивизии СС пробивался из котла возле города Кутанса на промежуточные позиции 353-й дивизии. Кто был там, никогда этого не забудет: шли без отдыха по обочинам и потайным дорогам ночью, в то время как с главной дороги доносился лязг американских танков. Во главе полка шел фон дер Хейдте, словно предводитель индейцев. Он обхитрил американцев, полк пробился, но что осталось от него? Несколько сот человек. Почти все больны или ранены.

Осталось 60 человек, шестьдесят! 3000 офицеров и солдат были убиты или пропали без вести, 3000 человек из одного полка.

Еще не прошло и двух часов, как колонны торопливо шли по мосту через Сену у Руана, как прояснилась погода. И с солнцем появилась авиация союзников.

Опять ни один немецкий самолет не защищает переправу. Только несколько зениток организовали заградительный огонь. Но это не спасло. На бреющем полете истребители проносятся над мостом. Расстреливают понтоны. Сбрасывают бомбы.

В это же время военное счастье вручило в руки генералу Паттону козырного туза в трех милях от Парижа. У городка Ман-Гассико, в 30 километрах северо-западнее Парижа, немецкие саперы взорвали плотину. В разгар работы они получили приказ немедленно заминировать и сделать непригодной для проезда танков дорогу из Дре, ведущую в Париж. Пехотные части, расположенные в районе Манта у Сены, получили приказ охранять дорогу на Париж. Немецкое высшее командование считало, что генерал Паттон прямоком направит свой удар на Париж.

Этому нужно воспрепятствовать.

Гитлер помешался на мысли, что Париж нужно защищать до последнего дома. Поэтому из далекого Растенбурга, находящегося в 60 километрах от русского фронта, он приказывал, предусмотрев все до мелочей, как проводить операции на французском поле боя, удаленном от него на 1500 километров. Он вел войну, не отходя от карты, не считаясь с ситуацией на местах, и хотел лично давать разрешение на отступление. Таким образом, иногда впустую проходили часы, часы, решавшие все в стремительно изменявшемся положении. Как свидетельствуют сохранившиеся военные дневники ставки, статьи опытных штабных офицеров американской военной истории, Гитлер хорошо знал об угрожающем положении на Западе. Он, как никто другой, заботился о военной технике и видел американское техническое превосходство. Но и это стало роковой ошибкой, он полагал, что высокие моральные качества немецкого солдата все сумеют компенсировать. Он предъявлял завышенные требования немецкому фронтовику.

Париж не станет Варшавой

Первоначальный американский план предусматривал не захват французской столицы, как это считалось в ставке, а всего лишь окружение. Эйзенхауэр боялся уличных боев, связанных с большими жертвами.

Получилось так, что 79-я пехотная дивизия Паттона шла не на Париж. Под покровом ночи она не дошла до Манты 5 километров, не встретив ни одного немецкого солдата. На следующее утро разведгруппы с большой осторожностью подошли к реке. Американцы не могли себе представить, что Сена не была защищена.

Царила мертвая тишина. Американцы увидели взорванную плотину, но целым оказался узкий пешеходный мост. Естественно, что им нельзя пользоваться, если на той стороне один-единственный пулемет, один-единственный пулемет и два солдата!

Сержант Вите попробовал. С тремя добровольцами он пробежал по мосту.

Они были на той стороне.

Один патруль пошел за ними и тщательно проверил мост.

— Только не будите спящих собак, — предупредил Вите. Они перенесли на тот берег два тяжелых пулемета и пару минометов.

Они создали свой плацдарм. По радио новость была передана генералу Паттону. Он тотчас же прибыл. Осмотрелся. Помчался к Брэдли, главнокомандующему. Через несколько часов позвонил в 79-ю дивизию: «Триста тринадцатый полк нужно перебросить через реку».

Солдат подняли по тревоге. Торопились, перетаскивая тяжелое оружие по мосту. Расширяли переход балками и досками. Даже грузовики переправили. На рассвете, когда там, у Руана, первые немецкие части, вышедшие из котла под Фалезом, переправились через реку, чтобы за ней построить новую оборонительную линию, генерал Паттон в 30 километрах западнее Парижа создал крепкий плацдарм у Сены, который уже нельзя было смять.

События у моста в городе Ман — один из многих эпизодов, решавших судьбу последней войны, — вновь показывают, что у немецкого руководства все вываливалось из рук. Ничего не удавалось. Совсем ничего. Счастье отвернулось от немецкого оружия.

Юго-восточнее Парижа, у Мелена, силами 7-й бронетанковой дивизии 23 августа Паттон образовал плацдарм: Сена была захвачена еще до падения Парижа!

«У танков всегда одна цель — вражеская столица», — гласит стратегическая истина Гудериана. Эйзенхауэр хотел отойти от этой истины и пощадить Париж. Он хотел окружить город и принудить немцев к сдаче. Затем политические мотивы продиктовали ему его военные решения.

Девятнадцатого августа очевидное поражение немецкой армии побудило 3000 парижских жандармов к восстанию и захвату префектур полиции. Это была искра, упавшая в пороховую бочку. Движение Сопrotивления взялось за оружие. En avant — вперед — выбьем немцев из Парижа!

Против этого ни один офицер связи союзных штабов ничего бы не сделал. Тут ни один призыв к разуму, ни одна ссылка на стратегическую необходимость не действовали. «Aux armes» — к оружию — звучало в предместьях. Была задействована политика. Ни одна из организаций Сопrotивления — от коммунистов до правых партий — не хотела остаться в стороне. Были захвачены ратуша, дворец юстиции, военное министерство. На улицах раздавались выстрелы. Из подвальных окон строчили пулеметы. С крыш домов в немецкие патрули бросали гранаты.

Генерал фон Хольтиц, комендант Парижа с 7 августа, должен был принять трудное решение. Приказ фюрера гласил: «Взрывать мосты через Сену, битва в городе за каждый дом».

Генерал отдавал себе отчет в том, что это означает для города, горожан, немецких войск и штабов, учреждений и резервных частей.

Что из этого может получиться, свидетельствует сражение варшавских повстанцев, начавшееся 1 августа на другой стороне европейского фронта. Они тоже взялись за оружие в ожидании своих освободителей, но, когда русские не пришли, Варшава оказалась в развалинах.

Хольтиц не хотел из Парижа делать Варшаву. Он вступил в переговоры с представителями Сопротивления. Переговоры были сложными. Генерал оказался между двух огней. Он должен был вести переговоры с представителями Сопротивления таким образом, чтобы в ставке Гитлера об этом не узнали; но он должен был также прийти к соглашению, которое застраховало бы его от капитуляции перед непредсказуемыми силами Сопротивления.

Наконец согласились на прекращение огня до 23 августа. Руководители же такого многослойного движения, как Сопротивление, не всегда управляли своими людьми. Многие группы сражались на свой страх и риск: нападали на немецкие патрули и опорные пункты, и как следствие, ответная реакция усиливалась.

Хольтиц не мог больше закрывать глаза на создавшееся положение. Надвигался хаос. Апокалиптический всадник вышел на сцену: грабители, мародеры, политические авантюристы. Многие немецкие военные из штабов сменили мундиры на костюмы и верили, что могут остаться у своих подружек. Некоторым это удалось, а многие поплатились жизнью, потому что Сопротивление приняло их и их подружек за шпионов.

Немецких регулярных войск было слишком мало; дежурные подразделения из писарей и канцелярского персонала, а также из подсобных служб самораспустились. Боеспособные части гестапо и полиции отступили. Несмотря на это, все время поступали новые приказы о взрывах промышленных и других важных объектов города. Хольтиц пытался в своих обращениях по радио остановить опасное развитие событий. Но твердые слова радиообращений еще больше распалили горячие головы, давали повод Сопротивлению верить, что немцы нарушили перемирие. В те дни и часы в Париже не было ответственного человека, начиная с немецкого посла Отто



После разгрома немцев во Франции четыре союзные армии двинулись к границам Рейха. Слабо укрепленный «Западный вал» был последним рубежом перед Рейном

Абеца до командира военной организации, которым не владело бы одно чувство: спасти Париж от разрушения.

В эти опасные для столицы Франции часы было протянуто много нитей между фронтами, чтобы найти приемлемое решение.

И оно было найдено: с пониманием относясь к немецкой позиции и в соответствии со своими прежними замыслами, Эйзенхауэр приказал 5-му корпусу совместно с 4-й американской пехотной дивизией и 2-й французской танковой дивизией войти в город. Хольтиц таким образом приобрел партнера, с которым он мог обсудить вопрос о капитуляции.

Последний акт

В то время как Сопротивление устраивало охоту на немецких солдат, на единичные защищающиеся опорные пункты, обходя их по крышам и водосточным каналам и уничтожая их, на восточной стороне бесконечными колоннами из города потянулись маркитанты

современной войны: гражданские и полувоенные службы, коллаборационисты, французские части милиции, дельцы, спекулянты и т.п. Между ними в колоннах двигались штабы с грузовиками, груженными шкафами и столами, штабной утварью и штабными помощниками. Печальный караван!

Немецкий гарнизон держался севернее Сены до полудня 25 августа, затем генерал Хольтиц вместе с 10 000 солдатами сдался в плен. Для некоторых солдат, в первую очередь для многих офицеров, началось страшное шествие сквозь строй. Свобода ликовала, но как всегда бурлила и ненависть. Падение Парижа было восхитительным знаком немецкого поражения в битве за Францию. Начался последний акт Второй мировой войны. Отступающие немецкие войска лишь еще ожидает западный вал, с которого давно уже демонтировали все тяжелые орудия, последняя преграда и надежда перед границей рейха.

Бедная надежда.

Но полки в муках шли ей навстречу. «Их путь еще не закончился», — пишет канадский корреспондент в новейшем официальном военно-историческом исследовании. Он рассуждает: «Операции союзников были лучше согласованы в главных штабах командования, чем у немцев; а вот об организации боев этого сказать нельзя. Здесь немецкие солдаты и их командиры были более практичны. Немецкий фронтовой солдат был смел, вынослив и ловок. Он был довольно фанатичен, иногда жесток, но он всегда и везде был необычным бойцом, даже в таких тяжелых условиях, как в Нормандии. Если брать во внимание солдата и сражающийся фронт, то нельзя сказать, что мы благодаря тактическому превосходству выиграли битву за Нормандию».

Это правда! Так оно и было. Лучшая стратегия, превосходящая авиация, превосходная техника, неиссякаемая сила производства и дивизий — вот что принесло победу. Немецкий Вермахт перегорел и превратился в шлак в изнурительных технических сражениях на Западе и в убийственных походах в России. Поражение было неизбежно.

Перечень литературы

- Cajus Bekker.* Radar-Duell im Dunkel. Gerhard Stalling Verlag, Oldenburg/Hamburg.
- Basil Collier.* The Defence of the United Kingdom, London, 1957. Her Majesty's Stationary Office.
- John Ehrman.* Grand Strategy — Volume V, London, 1956. Her Majesty's Stationary Office.
- Dwight D. Eisenhower.* Kreuzzug in Europa. Bermann-Fischer Verlag, Amsterdam.
- Walter Goerlitz.* Der zweite Weltkrieg, Band II. Steingrueben-Verlag, Stuttgart.
- Heinz Guderian.* Erinnerungen eines Soldaten. Kurt Vowinckel Verlag, Heidelberg.
- Gordon A. Harrison.* Cross-Channel Attack — The European Theater of Operations. Office of the Chief of Military History. Department of the Army, Washington, D.C. 1951.
- Friedrich Hayn.* Die Invasion — Von Cotentin bis Falaise. Kurt Vowinckel Verlag, Heidelberg.
- David Howarth.* Dawn of D-Day. Collins, London.
- Rudolf Lusar.* Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des 2. Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung. J.F. Lehmanns Verlag, München.
- Kurt Meyer (Panzer-Mayer).* Grenadiere. Schild-Verlag, München-Lochhausen.
- Marschall Montgomery.* Memoiren. Paul List Verlag, Muenchen.
- Omaha-Beachheard.* War Department-Historical Division.
- Friedrich Ruge.* Rommel und die Invasion. K.F. Koehler Verlag, Stuttgart.
- Cornelius Ryan.* The Longest Day. Simon and Schuster, New York.
- Hans Speidel.* Invasion 1944. Rainer Wunderlich Verlag. Tuebingen und Stuttgart.

Colonel C.P. Stacey. The Canadian Army 1939—1945. Edmond Cloutier. C.M.G., B.A., L.Ph.King's, Printer, Ottawa, 1948.

Bertil Stjernfelt. Alarm i Atlantvallen. Hoersta Foerlag A.B., Stockholm.

Major-General G.L.Verney. The Desert Rats. The History of the 7. Armoured Division. Hutchinson, London.

Wehr-Wissenschaftliche Rundschau. 9. Jahrgang, Heft 6, Juni 1959. E.S. Mittler & Sohn GmbH, Frankfurt, Berlin.

Chester Wilmot. Der Kampf um Europa. Alfred Metzner Verlag, Frankfurt, Berlin.

Ausserdem. Unveroeffentliche Manuskripte, Kriegstagebuecher und kriegsgeschichtliche Studien aus privater Hand und aus deutschen und auslaendischen Archiven.

Перевод первой строфы «Осенней песни» Поля Верлена свободно цитируется по Ханнелизе Хиндербергер: Поль Верлен. Стихи. Издательство Л. Шнейдер, Хейдельберг. Перевод этой строфы на русский язык сделан переводчиком.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	3
ЛИС ПУСТЫНИ	
Африка 1941–1943	7
От автора	9
Джерри идут!	10
Боевая группа Герффа штурмует перевал Хальфайа.	37
Операция «Тигр» и сражение за Соллум.	41
Британские коммандос охотятся на Роммеля.	61
Предатель выдает план наступления	74
Окинлек атакует	89
Где Гамбара?	107
«Небесный кормчий преисподней»	117
Мальта пожирает снабжение	122
Свадьба в Вади-эль-Фарег	138
Семь миллионов сигарет сгорают в пламени в Бенгази	149
Бомбы для форта Лами	166
Прелюдия к летней кампании 1942 г.	180
Зенитки спасают Африканский корпус	187
Ад Бир-Хакейма	205
Падение Тобрука	215
Длинные руки адмирала Канариса	233
Операция «Кондор»	247
Вперед, к Нилу.	259
Алам-Хайфа — Сталинград пустыни.	286

Британский рейд к Тобруку	302
«Дьявольские сады» под Эль-Аламейном	310
Марсель	316
Монтгомери атакует.	323
Приказ фюрера: «Победа или смерть»	331
Обреченная армия.	344
Прибытие Эйзенхауэра.	350
Соревнование за Тунис.	361
Совещание в ставке фюрера: рождение 5-й танковой армии	374
Бранденбуржцы в боевых действиях за линией фронта	378
Танковая атака на перевал Фаид	383
Группа армий «Африка»	391
Меденинское предательство	394
Конец Африканского корпуса	399

ОНИ ИДУТ!

Немецкий отчет о вторжении и 80-дневной битве за Францию 411

Предисловие автора	413
Предисловие переводчика	414

I. Опасением и страхом 415

Плохая погода	415
Строки Поля Верлена.	423
Приближение мощных эскадрилий бомбардировщиков	426
«Лейтенант, покажите-ка ваши руки»	436
Полк закрепляется в болоте	440
Больше здесь лягушки не квакали	443
Мервиль — дорогостоящее заблуждение	445
W 5 открывает огонь	450
Знак судьбы Сент-Мер-Эглиз	458

II. Гитлер верит в ложное нападение. 469

Минноносцы выходят в море	469
Кровавая Омаха (Bloody ОМАНА)	474
Танки из моря	481

Плотина прорвана.	484
Двадцать второй танковый полк на марше!	488
III. Упущенные шансы	495
Внимание — штурмовик!	498
Запутанные приказы	501
Монастырь Арденн	504
Дуэль с флотом.	507
Последнее сообщение из Байо	512
Оперативный план, обнаруженный в лодке.	513
Марш Омзена на высоту Гистер.	516
«Парашютистам-десантникам нужны лишь ножи»	518
«Приказано захватить Байо снова!»	521
IV. Битва за Тийи	527
В засаде	527
Танки в перестрелке.	532
«Вишня» — «Лимону»: Приходи немедленно!	534
Один «Тигр» против целой бригады	538
«Фау-1» проносится над фронтом	542
Где же наши летчики?	546
V. Битва за Шербур	549
«План Генрих»	549
Приказ фюрера: «Стоять до последнего патрона»	557
Фронт расчлениют	561
Капитан идет по позициям	564
Октевиль капитулирует.	567
Артиллеристы против танков	571
В минах нет взрывателей.	574
Джип с белым флагом.	575
Расплата за заблуждение	579
VI. Между Каном и Сен-Ло	581
Высота 112	581
Учебную танковую дивизию перебрасывают в Сен-Ло	588
Кан пал	591
Мон-Кастре и Сен-Жан-дэ-Дай	593

Если бы...	595
«Хорошие дрова»	596
Прорыв у Сен-Ло	605
Фронт разрывается	610
VII. Большой котел	614
Мост Понтобо	614
Операция «Люттих»	617
Наступление 600 танков	622
«Отцы семейства — на выход!»	628
«Где фельдмаршал фон Клюге?»	630
Ад Фалеза	632
VIII. Начало конца	639
Через мосты Сены	639
Париж не станет Варшавой	644
Последний акт	647
Перечень литературы	649

Пауль Карель

ВТОРОЙ ФРОНТ

Книга IV

Африка 1941—1943.
Нормандия 1944

Ответственный редактор *А. Ефремов*
Научный редактор *С. Липатов*
Дизайн переплета *М. Горбатов*
Подбор иллюстраций *А. Ефремов*
Художественный редактор *Б. Волков*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *С. Пяташ*
Корректор *Н. Кирилова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 21.01.2008.
Формат 60×90 $\frac{1}{4}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 41,0 + вкл.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 4802076

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.
OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

Книги знаменитого немецкого автора Пауля Кареля о Второй мировой войне, увидевшие свет в первой половине шестидесятых годов, уже несколько десятилетий пользуются огромной популярностью, переведены на многие языки и стали мировыми бестселлерами.

В наше издание включены две книги Пауля Кареля – «Лис пустыни», посвященная фельдмаршалу Эрвину Роммелю и войне в Северной Африке с начала 1941 г. до мая 1943 г., и книга под названием «Они идут!» о битве за Францию летом 1944 г.

Автор использует массу документальных материалов и свой увлекательнейший рассказ основывает на воспоминаниях участников событий с немецкой стороны, и прежде всего простых солдат и младших офицеров. Читатель сможет увидеть войну глазами очевидцев – из башни покрытого пылью африканской пустыни немецкого танка и амбразуры бетонного дота на побережье Нормандии.



ISBN 978-5-699-25471-2



9 785699 254712 >

705-00

Книги знаменитого немецкого автора Пауля Кареля о Второй мировой войне, увидевшие свет в первой половине шестидесятых годов, уже несколько десятилетий пользуются огромной популярностью, переведены на многие языки и стали мировыми бестселлерами.

В наше издание включены две книги Пауля Кареля – «Лис пустыни», посвященная фельдмаршалу Эрвину Роммелю и войне в Северной Африке с начала 1941 г. до мая 1943 г., и книга под названием «Они идут!» о битве за Францию летом 1944 г.

Автор использует массу документальных материалов и свой увлекательнейший рассказ основывает на воспоминаниях участников событий с немецкой стороны, и прежде всего простых солдат и младших офицеров. Читатель сможет увидеть войну глазами очевидцев – из башни покрытого пылью африканской пустыни немецкого танка и амбразуры бетонного дота на побережье Нормандии.



8-1
105-00

КНИГА IV

КНИГА IV

ПАУЛЬ
КАРЕЛЬ

ВТОРОЙ ФРОНТ

АФРИКА 1941-1943 · НОРМАНДИЯ 1944

ВТОРОЙ ФРОНТ

ПАУЛЬ
КАРЕЛЬ



АФРИКА
1941-1943

—
НОРМАНДИЯ
1944

